

Дорогой Читатель!

Искренне признателен, что вы взяли в руки книгу нашего издательства.

Наш замечательный коллектив с большим вниманием выбирает и готовит рукописи. Они вдохновляют человека на заботливое отношение к своей жизни, жизни близких и нашей любимой Родины. Суровые климатические условия и большие пространства России рождают смелых людей с чуткой душой — это идеал русского человека. Будем рады, если наши книги помогут вам стать таким человеком и укрепят ваши добродетели. Мы верим, что духовное стремление является прочным основанием для полноценной жизни. Возрождайте его в себе, поддерживайте в других. Именно эти усилия укрепляют и вдохновляют наши души на сострадание, заботу и поддержку ближнего и способствуют росту нашего личного и общественного благополучия.

Приглашаю Вас принять участие в деятельности
Центра познания «Автор Жизни»: www.av-z.ru

Искренне Ваш,
Владелец Издательской группы «Весь»
ПЕТР ЛИСОВСКИЙ

Предлагаем вашему вниманию новую серию — «Проработка»

Книги данной серии предназначены для людей, которые:

- решили, наконец, приступить к работе по самостоятельному решению своих проблем, и теперь нуждаются в инструментарии и первоначальном импульсе;
- понимают, что они, и никто другой, ответственны за все, происходящее в их жизни;
- хотят получить свободу от автоматического реагирования на внешние раздражители, свободу для того чтобы Быть, Делать и Иметь;
- желают совершить мощный прорыв в духовном развитии в рекордно короткие сроки;
- хотят начать жить в полную силу, как Свободные, Неограниченные и Всемогущие Существа, а не плаксивые жертвы несправедливых обстоятельств.

Авторы книг серии «Проработка» — известные психологи, разработчики уникальных методик работы с проблемами психологического характера. Их терапевтические методы быстро, легко и красиво удаляют целые цепи психологических травм без побочных эмоциональных срывов. Высвобождая заблокированные энергетические потоки в ауре человека, данные методы делают осознанными и нейтрализуют проблемы, навязчивые фантазии, устраняют депрессии, одержимости, самоограничения, сомнения и многое другое.

Методы авторов серии основаны на принципах прямой работы с подсознанием, и если вы действительно готовы пересмотреть свое отношение к миру, они позволят вам достичь в весьма сжатые сроки существенного улучшения психологического состояния, а также обрести равновесие в отношениях с другими людьми. И самое важное и существенное то, что такие методики побуждают нас самосовершенствоваться, а значит — духовно развиваться, становиться истинными хозяевами и творцами своей жизни.

В серии «Проработка»:

Ж. Славинский

- ПЭАТ: решаем психологические проблемы самостоятельно
- Шуньята. Божественная Пустота и Мистическая Физика
- Аспектика: технологии духовного развития
- Возвращение к Единству. Принципы и практика духовной технологии
- И-Цзин: философская машина. Инструменты для духовного роста и нравственного развития
- Невидимые влияния. Исцеление души
- Заря Айваза. Путь к осознанности

Г. Крэйг

- Техника эмоциональной свободы. Акупрессура и депрограммирование подсознания

Все книги издательства можно заказать по телефонам Интернет-магазинов:

8 800 100 05 56 (*Ozon.ru*)   8 800 555 08 63 (*Labirint.ru*)

8 800 333 07 082 (*Read.ru*)

ДЛЯ РЕГИОНОВ ЗВОНКИ БЕСПЛАТНЫЕ!

Проработка

Ж. Славинский

ЗАРЯ АЙВАЗА

Путь

К ОСОЗНАННОСТИ

Санкт-Петербург
Издательская группа «Весь»
2011

УДК 141 + 11
ББК 87 + 88
С47

Защиту интеллектуальной собственности и прав
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ВЕСЬ» осуществляет
агентство патентных поверенных «АРС-ПАТЕНТ»

Zivorad Mihajlovic-Slavinski
The Dawn of Aivaz

Перевод с английского *О. В. Матвеева*
Оформление обложки *И. А. Лаптевой*

Славинский Ж.

С47 Заря Айваза. Путь к осознанности. — СПб.: ИГ
«Весь», 2011. — 560 с. — (Проработка).
ISBN 978-5-9573-1994-8

Эту историю не так-то просто прочесть, и уж куда сложнее поверить в нее. Путь к самореализации долг, можно идти по нему годами. Вы поверите мне только в самом конце.

Некоторые мистики говорили, что невыносимо сложно подняться до божественного уровня совершенства. Но теперь я знаю, что не менее трудным является погружение в глубину самого себя. Это две стороны одной медали — ни одна из них не может существовать без другой. Именно об этом я и хочу поговорить с вами, несмотря на сдерживающее меня беспокойство.

Я должен открыть вам тайну, которую наконец-то понял после стольких лет поисков: тот, кто ищет что-то ценное во мне себя, в столь соблазнительном внешнем мире, пребывает в глубоком сне невежества. А тот, чьи поиски направлены внутрь себя, будет пробужден.

Живорад Славинский

В новой художественной книге известный сербский психолог и мистик Живорад Славинский рассказывает читателям о великом пути, который может открыть для себя человек, желающий постигнуть великую тайну бытия — пути самопознания. Автор убежден: в нашей жизни существует только одно великое путешествие: в себя, через себя и внутрь себя. Для широкого круга читателей.

УДК 141 + 11
ББК 87 + 88

Тематика: Эзотерика / Эзотерические учения

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-9573-1994-8

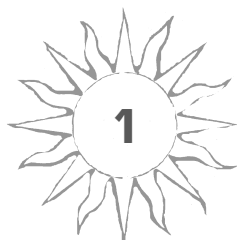
© 2003 by Zivorad Mihajlovic-Slavinsky
© Перевод на русский язык, оформление.
ОАО «Издательская группа „Весь“», 2011

*Посвящается членам моей семьи
за их моральную поддержку
в период написания данной книги,
а также Елене Попович за помощь в ее издании*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I	7
Часть II	37
Часть III	179
Часть IV	247

Часть I

Эту историю мне никогда не рассказывала моя бабушка. Я изо всех сил старался отложить историю в долгий ящик, но что-то внезапно щелкнуло внутри, и вот я уже повествую о ней. Пишу на одном дыхании, жадно глотая воздух, чтобы перевести дух. Моя рука поторапливает меня дойти до неминуемого окончания рассказа.

Я ошибочно полагал, что человек чувствует облегчение, когда пишет о том, что у него на душе, по этой причине люди и ведут дневники. Сейчас мне еще сложнее, чем тогда, когда я впервые ступил на жизненный путь, поскольку тревожусь не за себя, а за вас, мой читатель, так как эта история может вполне свести с ума. Я боюсь за вашу судьбу. Я мог бы рассказать вам одну из тех прекрасных историй, о которых мне рассказывала моя бабушка, но едва могу сдерживать внутренний порыв, чтобы не рассказать вам о своей. Эту историю не так-то просто прочесть, и уж куда сложнее поверить в нее. Путь к самореализации долог, можно идти по нему годами. Вы поверите мне только в самом конце.

Вас, наверное, учили тому, что человек должен найти себя в работе, искусстве, науке или любви. Такое заблуждение может принять только одурманенное невежеством сознание. Только немногие члены из «племени» просвещенных знают о том, что существует только одно путешествие: в себя, через себя и внутрь себя. Погружаясь в глубины внутри себя, вы в то же время достигаете и вершин — вам становятся ближе самые далекие миры. Когда вы принимаете и начинаете любить себя, вы

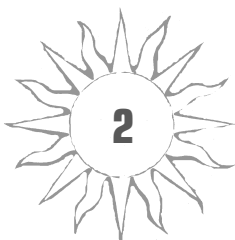

излучаете любовь ко всему существующему вокруг вас. Есть только одни ворота, за которыми находится правда, Бог или бесконечность, называйте это как хотите. Благодаря сфокусированному вниманию на «здесь и сейчас» перед вами открывается все человеческое, космическое и вечное. По этой причине, несмотря на то, что я стараюсь не читать какие-либо наставления, я все же должен открыть вам тайну, которую наконец-то понял после стольких лет поисков: тот, кто ищет что-то ценное вовне себя, в столь соблазнительном внешнем мире, пребывает в глубоком сне невежества. А тот, чьи поиски направлены внутрь себя, будет пробужден.

Некоторые мистики говорили, что невыносимо сложно подняться до божественного уровня совершенства. Но теперь я знаю, что не менее трудным является погружение в глубину самого себя. Это две стороны одной медали — ни одна из них не может существовать без другой. Именно об этом я и хочу поговорить с вами, несмотря на сдерживающее меня беспокойство. Сейчас я все ясно вижу. У меня очень пронзительный взгляд — я вижу сквозь людей, пространство и время. Я вижу самые далекие уголки этой и предыдущих вселенных. Оглядываясь назад, я понимаю, что отправной точкой моего путешествия является не тот примечательный летний день в заброшенном сарае, принадлежавшем моей бабушке, хотя хронологические события этой истории начинаются именно оттуда. Честно говоря, в этой жизни этот момент все-таки был чрезвычайно важен.

Пока я описывал эту историю, произошла необычная трансформация. В ней все надуманно, хотя сама история подлинна. Вы наверняка слышали многие истории от рассказчиков, клянущихся в их истинности. Нет причин для того, чтобы сомневаться в них, по большому счету, они достойны уважения. Но моя история — сплошная ложь. Я сомневаюсь в том, что вы поверите мне, и в то же время не могу ничего сделать для того, чтобы рассеять ваш скептицизм. Другие также могут поддерживать ваше недоверие. Они могут поклясться, что вся моя история — сплошная правда, даже могут представить доказательства истинности некоторых из ее частей, которые я на самом деле выдумал, полагая, что затеял некую игру с обольщенными людьми, которые прочтут ее до конца.

Тем не менее, я не буду скрывать беспокоящие меня вещи. Записывая за тем, что наплело мне воображение, я осознаю, что у лжи есть свои собственные основные законы. Я полагал, что смогу состряпать историю так, как я того хотел. Но сейчас меня одолевает одна эмоция, которая чем-то похожа на простуду, проникающую до мозга костей, и я понимаю, что могу писать только одним-единственным образом. Я вынужден рассказывать о воображаемых событиях предопределенным образом, лишенным какой-либо свободы. С самого начала воображаемые мною вещи уже были предопределены. Меня разбирает неловкий смех, поскольку я ясно вижу, что мои слова вселяют в вас смятение, и вы не найдете покоя до тех пор, пока не напишете однажды свою книгу лжи.

Дрожащими руками я складывал свои вещи в сумку. Мать попросила меня укладывать их осторожно, чтобы не помять, однако я проигнорировал ее слова. Я понимал, что в такой ситуации она не могла помыкать мной свойственным ей образом. Когда тебе говорят, что у тебя скончался брат, ты не особо беспокоишься о том, сомнутся ли в итоге рубашки твоего сына в чемодане или нет. Пока моя мать бесцельно бродила по кухне с тусклым взглядом, направленным куда-то вдаль, она не замечала ни меня, ни моего брата, она вела себя так, будто не слышала отцовских слов утешения. Ее губы были скривлены, подбородок дрожал, а в глазах пробивались слезы.

Через два дня я заканчивал четвертый класс, и моя мать должна была отвезти нас с братом в поместье бабушки, располагавшееся в Виолин До.

Наш скорый отъезд болезненно отражался на матери. Ее родственница прислала нам телеграмму: «Наш дорогой Лазар скончался. Похороны в среду».

Отец начал рассказывать одну из своих длинных историй о жизни и смерти, но его, честно говоря, никто не слушал. Мой брат обеспокоенно смотрел на тихо рыдавшую мать, в то время как я разглядывал фотографии и был переполнен надеждами, о которых моя семья не могла и мечтать.

У меня по рукам бегали мурашки. Мне стыдно признаться, но я не очень горевал по поводу смерти дяди. Мои чувства едва ли можно было назвать неприятными. Перед глазами воцарился образ старого сарая в поместье моей бабушки в Виолин До.

Он был набит старинными вещами, кучами книг и проржавевшими инструментами, из-за которых дядя Лазар, ныне покойный и безобидный, не давал мне войти внутрь. Этот сарай был настоящим раем для увлекающихся всякими нужностями, и когда я складывал свои рубашки в сумку, по моему телу пробежала дрожь, вызванная мыслью о том, что смерть дяди была своего рода неожиданным подарком с небес.

Мы прибыли на поезде в Виолин До в начале второй половины дня. Отец не смог поехать с нами на похороны, поскольку накануне вечером ему снова прострелило спину. Мы знали не понаслышке о его внезапных приступах боли. Когда он узнавал о чьей-либо смерти среди своих знакомых, ему всегда начинало простреливать спину, и он, окостеневший как доска, с выражением мученика на лице укладывался спиной на кровать. В такие моменты он раздраженно кричал на мою мать, которая заботилась о нем, а нас с братом — порицал в безрассудности и неблагодарности. Его младший брат, Малден, безо всяких усилий ясно предвидел положение отца во время похорон братьев, сестер и друзей. Он с сарказмом кивал головой и говорил: «Наш дорогой Петард будет болен. Волноваться он не хочет».

Виолин До — тихий городишко в Поморавье, где каждый знает друг друга. На его главной улице расположена гостиница «Централь», рядом с которой находятся школа агрономии и пожарная часть. Зимой в городе — слякоть и грязь, летом пыльно. На знойных улицах появлялись лишь единицы. Мать шла так медленно и горделиво, будто уже оказалась на траурной процессии. Время от времени на меня поглядывал брат, пытаясь выяснить мою настоящую опечаленность. Мы оба ускорили шаг, как только сквозь фруктовый сад начали пробиваться очертания белого дома бабушки.

Поместье выделялось на окружающем фоне. Оно находилось поодаль от крайних домов на Виолин До. Этому дому было уже за сто пятьдесят лет, толстые стены, два этажа — достаточно необычная конструкция здания на время его постройки. Над первым этажом располагалось несколько маленьких комнат и застекленная веранда. Белые внешние стены вплоть до крыши были оплетены старой вьющейся виноградной лозой, которая к концу лета оседала под весом созревшего черного винограда. Перед домом, стоящим фасадом на восток, простирался за-

брошенный малиновый сад, в котором произрастал также посаженный однажды барбарис. Густо разросшийся орешник не позволял солнечному свету освещать южную часть дома. Под кустами орешника, меж двух больших камней, покрытых толстым слоем мха, протекал небольшой ручеек и, огибая старый сад полукругом, стекал в большую яму, которую старшие родственники привычно называли рыбоводным прудом. Он являл собой никем не тревожимое царство рогоза, окруженное плакучими ивами, жасмином и старыми кустами. По соседству с прудом распускали свои ветви три могучих дуба.

Сколько себя помню, ветхость поместья моей бабушки только придавала ему большей красоты. Процесс обветшания начался после Первой мировой войны, когда погиб мой прадед Вук. Он получил удар в живот в ссоре с австрийским полковником. Он вытерпел три мучительных дня и покинул свое тело. С этого момента в моей семье начался разлад. Бабушка с тоской рассказывала о том, как выглядело поместье в ее юные года. У мамы, тетушек и дядей были собственные истории на этот счет. Иногда в альбомах, обтянутых толстой гладкой коричневой кожей, я находил выцветшие фотографии поместья в старые времена. Тогда пруд был чист, его окаймляла сплетенная из ивовых прутьев изгородь, стволы фруктовых деревьев обмазаны известковым раствором, под деревьями — несколько ульев. Нынешнее поместье мне нравится больше — заросшее густой травой по пояс, с разломившимися стволами яблонь и груш, на которых свили гнезда птицы, и этот, неизвестно откуда порой исходящий, таинственный треск.

Из слышанных мною историй я знаю, что перед тем, как я появился на свет, летом к моей бабушке приходило много детей. Мои воспоминания унаследованы от дядей и теток, которые иногда навещали бабушку. На втором этаже, куда вела деревянная отполированная лестница, жил мой дядя Лазар с женой. Лазар был младшим сыном бабушки и приходился моей матери братом, с которым у нее сложились хорошие отношения. Из-за его жены бабушка никогда не появлялась в той части дома, где он проживал. Обе не разговаривали годами. Моя тетя была грациозной женщиной с темным цветом лица и светлыми сияющими глазами. Из-за разницы в возрасте она могла бы быть дяде Лазару дочкой. Она была настоящей красавицей,

высокой, надменной, такую не часто встретишь среди цыган. Но о том, что она была цыганкой, я узнал намного позднее.

Дядя Лазар приходил к бабушке рано утром на чашечку кофе с малиновым вареньем и стаканом холодной родниковой воды. Они устраивались на крыльце в широких ивовых креслах, солнечный свет едва пробивался сквозь густую виноградную лозу. Он маленькими глотками пил кофе и попутно рассказывал бабушке истории, написанные в газете, которую ранним утром доставил молочник. Она медленно кивала своей седой головой, иногда высказывая свою точку зрения по поводу услышанной новости. Они никогда не говорили о его жене. Вера, старшая сестра мамы, сидела неподалеку, показывая всем своим видом незаинтересованность в беседе, и иногда поглядывала на них острым, пронизывающим, как жало скорпиона, взглядом. Ничто не могло ускользнуть от нее, она относилась к тем типам женщин, с которыми лучше не играть в игры. Несколько раз мне удалось подслушать отрывки взрослых разговоров по поводу темных историй, связанных с ней. Я чувствовал себя неловко в ее присутствии, а когда она смотрела мне в глаза, то меня одолевал страх. Я помню тот едва ощутимый трепет в ее голосе, когда сезонные работники говорили о забое кур в ее присутствии... ее ноздри дрожали, глаза наполнялись теплым светом, как будто сама рука дьявола наводила на них такой же глянец, как на стекле.

Теперь она стояла перед открытыми деревянными воротами. Над ее головой, прикрепленный к столбу, развевался черный флажок. Завидев ее, мама громко всхлипнула. В ответ Вера простонала:

— Увы, моя Милица, разве мы жили для того... чтобы похоронить нашего горячо любимого брата?!

Они обнялись, постояли какое-то время у ворот, покачиваясь взад и вперед. Вера погладила нас с братом по голове, взяла из рук мамы чемодан и, придерживая ей руку, словно та нуждалась в поддержке, помогла ей пройти в дом. Мама не переставала плакать, когда обнимала родственников в столовой. Бабушка встала из кресла и со слезами на глазах протянула руки к матери. Она обняла ее за плечи и, прижавшись своей головой к ее, сказала:

— Милица, моя Милица...

— Как он умер? — спросила тихим голосом мама.

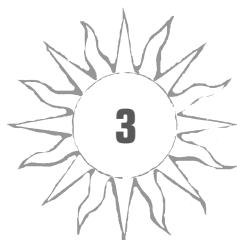
— Во сне, Милица, во сне. Хорошая смерть.

Бабушка прижала нас с братом к себе, и в таком положении мы, вчетвером, простояли какое-то время посередине столовой, окруженные двоюродными братьями и сестрами, а также соседями, одетыми в черное.

— Прекрасная смерть, — согласилась мама, — прекрасная смерть, прекрасная, очевидно, он был хорошим человеком.

Люди всегда хорошо отзываются о покойных. Трудно сказать, была ли эта смерть так замечательна, но одно было ясно наверняка — дядя Лазар прожил славную жизнь. В молодости он занимался охотой и относился с почтением к молодым учителям с Виолин До. После женитьбы он также проводил время за охотой, прививанием фруктовых деревьев и разведением пчел. Тем не менее, немногие лестно отзывались о нем из-за характера — его внезапные вспышки гнева приводили людей в оцепенение.

Я внимательно изучил столовую. Женщины пили кофе из фарфора, который извлекался из буфета лишь по особому случаю. Через двойные двери было видно, как под грецким орехом, покуривая и попивая бренди, собралась большая группа соседей. Двуствольное ружье дяди больше уже не висело на столь привычном для него месте на стене. Пока я вытирал с лица пот и слюну от поцелуев, оставленных двоюродными сестрами, мне стало интересно, куда же все-таки делось ружье. Я только мог догадываться о его местонахождении.

Во время похорон бабушка вела себя гордо, как убеленная сединами королева, и, несмотря на усталость, была невозмутима. Она принимала соболезнования почтенных женщин с Виолин До, словно на нее взвалили мрачное, но временное бремя. В то время пока мы слушали священников, черные рясы и пение которых вселяли в меня тревогу, ее лицо было неподвижным, словно высеченным из дерева. На ее лице не тронулась ни одна морщинка, когда охотники, друзья дяди отдали ему честь, выстрелив залпом из двух ружей; звук отдался эхом с горы, располагавшейся позади школы агрономии. Крепко сжав мне руку, мой брат тихо заплакал. Но я не проронил ни слезинки. В горле образовался ком, и мне было трудно проглотить его, чтобы избавиться от этого неприятного сдавливающего ощущения. Это было намного хуже, чем осознать тот факт, что ты убил кого-то, неважно, сколь давно это было. Это была настоящая мука.

В то время пока могильщики засыпали землей могилу, я с опущенной головой возвращался назад в дом, погруженный в мысли о моем дяде. Никто не замечал меня. Только громкий скорбный вопль его жены привлекал внимание людей. Дойдя до ворот в сад, я решил пробежаться. Я остановился у порога, чтобы перевести дыхание, а затем медленно зашел в дом с опущенной головой и сразу же принялся за поиски двуствольного ружья дяди, которое куда-то подевалось со стены в столовой. Оно много лет провисело здесь, а не наверху его части дома, на широком коричневом кожаном ремне, все блестящее от хорошего с ним обращения. Сам дом был просторным, обставлен-

ным старинной дубовой мебелью, которая источала запах воска, тимьяна, розового масла и кожи. В столовой и на кухне девушки занимались приготовлением пищи для гостей, поэтому я продолжил свой неторопливый шаг, словно был погружен в мысли об умершем. Я вошел в гостиную и направил свой взгляд за стеклянный шкаф, в котором хранился фарфор. Когда мы уходили на похороны, я заметил, что моя тетьа запирала вход, ведущий на верхний этаж, так что туда мне было не пробраться. Я спустился в просторный подвал, где обнаружил большую установку по извлечению меда, несколько металлических бидонов, деревянную полку, на которой стояли горшочки с медом, и пару износившихся кресел со сломанными подлокотниками. Создавалось впечатление, что мои поиски ни к чему не приведут: я искал во многих местах по дому, даже там, где вообще не ожидал найти двуствольное ружье, я будто косил дикую траву вокруг входа в храм, в который я все-таки попал. В тот день я впервые оказался в сарае.

Я взобрался на крышу амбара, опирающуюся на сарай, и пробрался на чердак сарая через окно, в котором уже давненько не было стекла. Чтобы не провалиться сквозь прогнившие доски, прошел по краю балок, попутно распугивая голубей, свивших гнезда под крышей, и по лестнице спустился вниз на пол из гладкого камня. Глаза постепенно привыкали к темноте. В сарае лошадей уже больше не держали, и со временем он стал служить вместилищем для выброшенных из дома вещей. Он был просторным и неосвещенным, в нем хранились кучи старых газет, старомодные сундуки с бронзовыми замками, сломанные шкафы, бочки, заполненные пустыми грязными бутылками, и море старой одежды. На потолке виднелись немного прогнившие доски, из широких щелей которых свисали остатки старого сена и паутина.

Я начал систематически искать по всему сараю. Открыл один из самых больших сундуков и вытащил оттуда целую кипу газет довоенных времен. Под ними лежала старая одежда, терпкий запах нафталиновых шариков ударил мне в нос. Три из четырех сундуков были слишком малы для ружья, или же Вера все-таки разобрала его? Обычно я быстро сдаюсь, но в тот раз настойчивость и надежда найти золотую жилу охватили меня целиком. Я был наивен, полагая, что ищу ружье. Уже

днем я прекратил свои поиски, когда моя мама, стоя на крыльце у дома и приложив руки ко рту, громко прокричала мое имя, так что его можно было услышать издалека.

На следующее утро моя настойчивость окупилась сполна. Со дна треснувших яслей, заполненных доверху одеждой, я вытащил две длинные сабли с тяжелыми ножнами, а из сундука, на котором висели бронзовые замки, — короткий кинжал, рукоять которого была украшена арабской надписью. Несмотря на всю его тяжесть, он хорошо лежал в моей руке. В кадке я обнаружил два маленьких старомодных пистолета с инкрустированными перламутром рукоятками.

Той ночью, взяв кинжал и один из пистолетов, я отправился в самый дальний участок поместья, заросший сучковатыми грубыми ивовыми кустами, где и спрятал их в дупле огромного дуба, которое образовалось много лет тому назад. Это было тайное место, которое изредка посещали наемные рабочие моей бабушки, когда косили траву. Земля, из которой торчали узловатые корни старого дерева, была влажной и прохладной. С кинжалом в руках и пистолетом на поясе я переместился в прошлое. Позади дерева, на влажной земле, произрастал одинокий камыш. Сжимая крепко в правой руке кинжал, я резко взмахнул им вверх, и косо срезанный камыш бесшумно упал в густую траву. Затем позади меня появилась выбритая до зеркального блеска голова огромного турка. Его выпирающую грудь облегал красный бархатный жилет, подшитый золотой нитью. Клинок кинжала угодил ему прямо по центру черепа, откуда ручьем хлынула кровь. Один за другим появлялись остальные силуэты, пока не образовалась целая группа турок и татар, обнаженных по пояс. Израненные, они падали друг на друга, в то время как лошади вставали на дыбы, издавая ржание, отовсюду доносился крик, лязг орудий и стон. От таких живых картинок у меня участилось дыхание и окаменела челюсть.

Теперь я понимаю, что это не было просто «сновидением наяву». Я астральным образом перенесся в прошлое, в Хроники Акаши, где пересмотрел свои прошлые переживания. Когда ты вступаешь в Акашу, тебя начинают обуревать сильные чувства: ты понимаешь, что не только наблюдаешь за событиями, и создается ощущение, что ты активно принимаешь в них участие, будто оказался в центре всего происходящего.

Из образовавшейся неопределенным образом пустоты позади моей головы, среди песчаных дюн, протекала сгустившаяся река живых образов: лошадиные и человеческие кости, окровавленные щиты, вскрытые черепа и травяные холмы, все было покрыто темной кровью — эти картины оказывали на меня куда большее впечатление, чем что-либо из увиденного своими глазами.

Я спрятал пистолет и кинжал под слоем сена. Никто бы их там не нашел, работники так боялись змей, что не осмеливались залезть рукой в дупло дерева. После этого я вернулся во двор, пробрался сквозь высокую траву и, взобравшись на амбар, снова очутился в сарае.

В полутьме я раздумывал над тем, как же переменится моя жизнь, когда я найду ружье дяди. Образ ружья возник прямо у меня перед глазами: гладкая рукоятка буро-красного цвета, как дикое каштановое дерево, толстый кожаный ремешок и темное хромированное дуло, источающее кислотоватый запах горелого пороха. Как я уже сказал, в тот момент я думал, что искал ружье.

Я не смог отыскать его и на протяжении следующих двух дней. Настало время признаться вам кое в чем, что будет трудно понять. Будучи в сарае, вдыхая полной грудью образовавшуюся там специфическую атмосферу, рыская по буфетам, поднимая кучи газет и старой одежды, чтобы убедиться, что под ними ничего не скрыто, меня не покидало ощущение того, что за мной кто-то наблюдал все это время. Поначалу я ссылся на свой страх, вызванный тем, что меня могут застукать, но вскоре это ощущение стало более выраженным. Как будто это было какое-то существо, наделенное разумом, которое парило где-то по краям поля моего зрения, пристально и осторожно наблюдая за тем, что я делаю. Внутри нарастало беспокойство. Передвижения моего взгляда все равно не могли уловить его. Когда я фокусировался на этом необычном образе, он начинал ускользать от меня, постоянно придерживаясь одной и той же дистанции, так что я не мог его отчетливо разглядеть. Внезапно переведя взгляд на один из крайних уголков своего зрения, я смог что-то разглядеть, однако все произошло в мгновение ока, и картинка была неясной. Я подумал, что смерть дяди, наверное, встревожила меня, что воспоминания о нем взбудоражили мое воображение и пробудили чувство вины, поскольку

я намеревался заполучить то, что принадлежало мертвому человеку. Лишь спустя несколько дней я осознал, что на самом деле кого-то увидел, отчего по мне пробежала мягкая и приятная дрожь, принеся с собой предчувствие надвигающегося приключения.

Со временем я установил контакт с этим существом, а также некоторые правила, которые сформировались в результате наших с ним взаимодействий. Когда во время поисков в полутьме я краем глаза замечал, как кто-то довольно долго мелькал передо мной, я начинал нервничать и, фокусируясь на незнакомце, мысленно посылал сообщение о том, что знал о его присутствии рядом, давая ему понять о желании побыть наедине с собой какое-то время. После чего этот «кто-то» исчезал. Иногда он оставался на месте, обычно в тех случаях, когда я был на полпути к тому, чтобы отыскать что-то важное. Он будто задавал мне направление. В таких ситуациях мерцание, которое я улавливал краем глаза, становилось сильнее, что заставляло меня нервничать еще больше, пока я, наконец, не совершал чего-то неожиданного: вытягивал руку или шагал вперед по направлению к драгоценной находке. У меня возникало ощущение, что я собирался прикоснуться к чему-то таинственному, словно все ближе и ближе приближался ко входу в храм, располагавшийся в темном лесу.

Спустя какое-то время в Виолин До прибыл мой отец.

Он приехал утренним поездом, однако я не знал об этом, поскольку все это время был в сарае. Его угрюмость и немногословие во время обеда предвсхищали беду; обычно, когда он находился в хорошем настроении, его длинные, пустые проповеди просто невозможно было остановить. Или же он заводил беседы о трудностях, вызванных его люмбаго, — позвонки внезапно начинали давить на нервы, в результате чего любое движение приносило невыносимые муки, поэтому о его присутствии на похоронах практически не могло быть и речи. После обеда он показательно вытер рот льняной салфеткой, которая лежала у него на коленях, затем повернулся ко мне и зловеще произнес: «Нам нужно поговорить». Вера посмотрела на меня и на моего отца, и ее едва заметный кивок означал согласие с отцом.

Он отвел меня на кухню и властным жестом показал, куда я должен сесть.

— Я не буду ходить вокруг да около, — сказал он, а ведь обычно он никогда ничего не говорил напрямую. — Вера пожаловалась мне, что ты тут вытворял кое-какие штучки.

С невинным выражением лица я пожал плечами.

— Не дурачься! — прокричал он, и его лицо налилось краской. — Не смей больше ходить в сарай. Ты меня понял?

Я утвердительно кивнул головой, однако этого было явно мало.

— Я спросил, ты меня понял? Что ты тут трясешь своей головой, как немой?!

— Да, я понял.

Он подозревал, что вся семья знала, почему он не смог прийти на похороны дяди, и теперь он вымещал весь гнев на мне.

— Умные дети читают книги во время каникул, учатся чему-то полезному, бегают и играют в поле, дышат свежим воздухом, чтобы набираться здоровья, но ты, ты пробираешься в сарай, полный рухляди, проржавевших лезвий и пыли, — да с тобой могло случиться все что угодно.

В его замечании о том, что со мной могло случиться все что угодно, было не только предупреждение, но и предчувствие тайного, даже запрещенного знания. Ничто не могло так подстегнуть мое любопытство, как вот такие дурацкие запреты. У Истины такие необычные способы, чтобы подтянуть нас ближе к себе. Чья-то любовь, наставления мудреца, предупреждения человека со скудным воображением — все это толкает нас к миру поэтов, магов и мистиков.

Следующим вечером, после того как отец отправился обратно в Белград, лил дождь и громко гремел гром. Когда я проснулся, небо уже прояснилось, а трава в саду была пропитана влагой. Несмотря на все предупреждения бабушки быть сухим, я все же отправился в сад и, добравшись до дубовых деревьев, решил все же обойти сарай стороной. Вместо этого я пошел к большой выкопанной в поле яме, из которой работники добывали глину для кирпича. Я уже несколько раз навещал это место. Когда земля была влажной, я иногда заглядывал туда, для того чтобы повыелепливать из глины фигурки солдатиков и животных.

Тем утром желтой мягкой глины было более чем предостаточно. Я вылепил рыцаря. В левой руке он держал щит, в правой — булаву, но сама фигурка выглядела непропорционально,

и булава была слишком большой. Я сжал фигурку в кулаке, так что глина начала просачиваться между пальцами. И попытался вылепить по памяти двуствольное ружье моего дяди. Но это было бесполезно, никто бы не смог догадаться, что такое вообще получалось в моих руках. Раздраженный, я догадывался, почему у меня ничего не выходило. Краем глаза я улавливал чье-то мерцание, которое я наблюдал тогда в первый раз за пределами сарая. Страх сменило раздражение. Мне предстояло узнать, кто или что это было. Я успокоился, сфокусировался на горизонте, где высокие деревья позади школы агрономии разрезали небо, и какое-то время удерживал свой взгляд на этой точке. Я резко переместил взгляд в правый угол своего поля зрения. И увидел его! Все произошло очень быстро, однако этот момент продлился куда дольше, чем все остальные, этих секунд мне было вполне достаточно, чтобы довольно хорошо разглядеть этот образ.

Передо мной стоял человек неопределенного возраста. Я видел не какие-то очертания, а всего человека целиком, живого, пристально смотрящего на меня. Его длинная борода доходила почти до самого пояса, на голове сияли белокурые волосы, а щеки были розового оттенка, как у здоровых деревенских детей. В нем ощущалась некая строгость, я бы даже сказал суровость, характерная для почтенных пожилых людей с обширными знаниями. Тем не менее, его глаза улыбались. Затем, словно подвешенный за шелковые нити, он проскользнул на край моего поля зрения, где я больше ощущал его присутствие, нежели видел его самого.

Я замер в оцепенении, мысли летали сами по себе. От рабочих моей бабушки, а также от Пенги, кузнеца, я слышал много историй о привидениях, вампирах, сосущих кровь из взрослых и детей, о ворах, которые прячутся ночью под кроватями благородных людей в ожидании того, что, как только домочадцы пойдут спать, они смогут их зарезать, расчехлив свои ножи. Ночами, когда я не мог быстро заснуть, эти картинки крутились у меня перед глазами, так что пересыхало во рту, а кровь стучала в ушах. Но в тот момент не было ни страха, ни дискомфорта. Я был настолько поражен, будто внезапно перед моими ногами разошлась земля, но вскоре мое удивление сменило спокойствие.

Я снова начал лепить солдатиков, но на этот раз они стали получаться куда лучше. Я вылепил лошадей, тянувших двухко-

лесные колесницы. Даже индейские наездники, и те получались весьма неплохо. Обычно основные проблемы были с лошадьми. У некоторых тело получалось довольно коротким, массивные ноги, сгибаясь под весом наездника, больше походили на ноги свиней. Но теперь передо мной были замечательные фигурки лошадей с изящными и в то же время крепкими ногами. От всего этого я получал невероятное удовольствие. А затем — и теперь внимание — я вылепил фигурку самого себя. Получилась забавная глиняная фигурка мальчика с короткими расставленными циркулем ногами и головой без шеи, крепившейся почти сразу к плечам. Тем не менее, в этой фигурке чувствовалось некоторое напряжение, как у натянутого лука. Моя глиняная копия была немного наклонена в правую сторону, словно я пытался увидеть что-то таинственное. Мои руки быстро лепили глину, не останавливаясь ни на минуту, и в моем сознании было лишь удивление от того, что я созерцал свое творение.

Вскоре я вылепил еще одну фигурку и также слегка наклонил ее вправо, и, когда я заканчивал лепку бороды несколькими движениями указательного пальца, у меня возникло ощущение, что я сделал что-то значительное. В тот же момент я узнал его имя, хотя думал в это время не о нем. Его звали Спирилен. Теперь мне больше не нужно было думать о нем как о ком-то постороннем. Я слышал, как мой голос протяжно произносил: «Спириле-е-е-н». Я никогда не слышал раньше более прекрасного имени, чем это. В нем было столько же красоты, сколько в журчании горного источника, столько же величия и глубины, сколько у бесконечного полуночного неба, а его сладостное звучание напоминало любовную соловьиную песнь. «Спириле-е-е-н», — произнес я вновь, и звучание моего звонкого голоса наполнилось теплом и мягкостью.

И в этот момент я заметил, что поднятая рука одной из глиняных фигурок указывала на другую фигурку, что стояла рядом со мной. Я посмотрел в том направлении, куда указывала вытянутая рука, и через густые кусты орешника смог с трудом разглядеть очертания сарая бабушки. Он направлял меня. Без всякого сомнения, я был на пороге открытия чего-то важного.

Я ускорил свой шаг, вытирая пот со лба перепачканными руками. Приближаясь к амбару, пошел еще быстрее, пока, наконец, не побежал. Я попал в сарай по старинке — через крышу

амбара — и, чувствуя себя под защитой полутьмы, смог перевести дух. Я не знал, с чего начинать, что делать, и для чего я вообще пришел туда, но я знал, что именно там мне нужно было оказаться в данный момент. Я уселся на маленький деревянный сундук и какое-то время тихо посидел в темноте — было только видно, как в проникающих внутрь лучах света играли пылинки. Мои мысли бродили в голове. «Спирилен, Спирилен, Спирилене-е-е-н...» Его пронизательные глаза смеялись над чем-то, мерцающим у меня глубоко внутри и желающим свободы.

Без всяких видимых причин я встал с деревянного сундука, на котором сидел, и приподнял выпуклую тяжелую крышку. До этого момента я так и не удосужился его открыть. Он был наполовину забит старинными книгами и записными книжками с выцветшими фиолетовыми чернилами. Я взял одну из книг, посмотрел на нее и бросил на пол. Я начал просматривать книги одну за другой. У всех была толстая обложка, а сами записи велись на французском или немецком. Только одна книга была написана на сербском. Она была обтянута темно-коричневой кожей, потертой, как седло наездника от частого использования. Среди всего витающего в сарае аромата я смог учуять запах ее кожаной обложки. Я открыл книгу.

Тогда я не понимал, что с этого момента ступил на Путь. Если быть более точным, я вернулся на Путь, по которому шел в прошлом. Если бы я только мог вспомнить все то, что прочитал, каждое слово и мысль! Но все было тщетно. Я даже не смог вспомнить имени автора. Все мои дальнейшие попытки вспомнить что-нибудь упирались в стену забвения, и я честно старался не принимать во внимание столь манящие обрывочные воспоминания по этому поводу, которые изысканно возвели мое воображение. Это не была «Йога Сутра» Патанджали, «Индия, сокровище мудрости» Йевтика или же «Дхьяна-йога» Йога Рамачакры. Я смутно припоминал изречения Братства Великих Учителей Мудрости, Великой Белой Ложи Посвященных о Пути призваний, которые пленили последователей, как песни русалок затерявшихся моряков. Далее шел текст об открытии чакр, что давало возможность страждущим обладать тайными знаниями владеть немислимой космической энергией. Понятия земной смерти и возрождения также не были оставлены без внимания.

Усевшись на сундук и увлекшись чтением, я забыл, где находился. Я не помню, как слез с сундука и, опершись на него спиной, продолжил чтение. Только острая боль в локтях и чересчур онемевшие согнутые ноги напоминали мне о течении времени. Ни один человеческий голос не привлекал меня так сильно, как слова в этой книге. У меня создалось впечатление, что эта книга была написана специально для меня, будто сам автор стоял у меня за спиной в полутьме сарая, передавая шепотом свои таинственные послания. Там встречались многие вещи, которые я, один среди всех людей, мог читать между строк. В тот момент я разделял чувства последователя, ступившего на Путь, о котором рассказывала эта книга, слова раздавались во мне эхом, как серебряные колокольчики. Я стоял перед книгой, как перед зеркалом. Я мог разгадать умозаключения автора в момент их возникновения. Я только слушал, в то время как сама книга ясно читала слова, написанные внутри меня, и восхищалась по мере моего понимания. Чем больше я читал книгу, тем больше она читала меня.

Несколько раз за вечер у меня создавалось ощущение, что Спирилен перемещался в полутьме. Словно на время задержавшись на одном месте, он внезапно перемещался в другое. Лишь иногда меня уносило куда-то далеко от текста. Я не заметил, как стемнело. Мое лицо все ближе приковывалось к страницам книги, так как разглядывать в ней слова становилось все тяжелее, однако я продолжал читать.

Несмотря на то, что книга предназначалась, скорее всего, для взрослых и образованных людей, я понимал ее без особых усилий. Не было никакой путаницы в таинственной науке перевоплощения людей в подобных богам сверхлюдей, которые обладали магической силой и повелевали своими судьбами. Это были обворожительные открытия. Они оказали на меня такой же эффект, как звук от приближающегося издали рога, переполняющий все мои чувства и поглощающий всю мою сущность.

— Где тебя носило так долго? — облегченно спросила бабушка, подняв глаза от моего брата, свернувшегося калачиком около ее ног, — я так переживала за тебя.

Она сидела в плетеном стуле, накрывшись мягким пледом, прикрывающим пол до самой открытой двери в столовую. Мой младший брат Димитрий, облокотившись на предплечье,

о чем-то мечтал с полужакрытыми глазами. Сделав шаг вперед, я загородил свет от газовой лампы, он поднял голову с лицом, полным упрека.

— Я был у дяди Пенга, — сказал я, зная, что бабушке не нравился этот человек, да и вся его семья. Она не могла проверить в течение дня, был ли я, действительно, у них. — Мы отлично поразвлекались.

— Тебе не следует ходить туда слишком часто, — сказала бабушка, скосив на меня глаза.

Пенга, цыган, был кузнецом, у него было трое детей, с которыми я иногда играл. Он мог облизать языком раскаленное докрасна железо. Перед тем как я открыл для себя таинственный мир бабушкиного сарая, его кузнечная мастерская была для меня самым привлекательным местом в Виолин До. Семья Пенга питалась в мастерской, по вечерам они обычно не зажигали газовую лампу, а ели при свете огня в кузнице. К ужину к ним обычно подтягивались несколько двоюродных братьев и сестер, и я слушал их истории о привидениях, ведьмах, бродящих ночами по деревням и закапывающих сокровища, которые можно было отыскать при помощи волшебной травы. Как говорил Пенга, глаза которого сияли в ночном полусвете, если отыскать в дупле дерева гнездо дятла с детенышами, закрыть вход сеном, а под дерево положить красный шарф, то дятел, чтобы выкупить свободу своего выводка, достанет вам это самое волшебное растение и положит его на шарф. Затем нужно сделать надрез на пальце и поднести растение к ранке. Соприкоснувшись с растением, ранка заживает, а само волшебное растение останется с вами навсегда. И в какой-то момент оно приведет к зарытому сокровищу.

Кая, старшая дочь Пенга, научила меня одному заклинанию, благодаря которому улитка показывала свои усики. Я держал улитку в левой руке, правой рукой по воздуху очерчивал круги, ритмично припевая:

*«Покажи свои усики, улитка,
Если не покажешь,
Я тебя прибью
Топором по голове
В зеленой траве».*

И, действительно, улитка сразу же показывала свои усики. Я никогда не рассказывал бабушке об этом заклинании-песенке и обо всем остальном, что я услышал и чему научился в доме у Пенга. Она косвенно выказывала свое неодобрение. Я не понимал ее отношения к цыганской семье до тех пор, пока однажды не приехал к бабушке на день Святого Георгия. Спустя много лет я узнал, что этот день является святым днем для всех цыган. В доме у Пенга я полакомился жареным ягненком с зеленым луком, и, когда я нахваливал ягненка бабушке, она сдавленным голосом, потерявшим всякую мягкость, произнесла: «Помни, Боги, благородные люди едят жареного ягненка на Рождество, а цыгане — на день Святого Георгия». С тех пор я скрывал от бабушки, чем занимался с детьми у Пенга, и что происходило в кузнечной мастерской.

...Бабушка, облокотившись на край стола и кивнув на тарелку с едой, сказала:

— Приступай к ужину, а я поведаю тебе одну интересную историю.

Я поставил маленький стульчик по другую сторону кресла бабушки, взял ее за теплую руку и сказал:

— Я не хочу, я поел у них. Расскажи нам историю.

После удивительных образов, которые пробудила во мне книга, я не хотел есть, хотя за целый день во рту не побывало и росинки. Мой брат прижался к бабушке еще сильнее. В полудреме он нежно потерся головой о ее бедро, как бы поглаживая его. Вдруг ни с того ни с сего я захотел спать. Бабушка довольно улыбнулась. Такая улыбка появлялась лишь тогда, когда она начинала рассказывать истории. Через открытую дверь в гостиную доносилось кваканье лягушек в пруду, над малиновыми кустами порхали светлячки, которых так манила мерцающая зеленая лампа.

— Жил на белом свете один пастух, его родители были из весьма небогатой семьи. Он не мог ходить в школу с другими детьми, ему приходилось пасти овец в чаще, чтобы как-то прокормить свою семью. И однажды рядом проходил табор цыган и похитил мальчика. Они закрыли ему глаза шарфом и спрятали его в тележке, так что он не видел, куда его везли. Он только слышал, как все тише и тише звучали церковные колокола в деревне. Маленький пастух запомнил этот звук раз и навсегда.

Я слегка опечалился. Я отчетливо слышал, как звук колоколов исчезал где-то в пустоте. На какой-то момент мне показалось, что бабушка выбрала данную историю для того, чтобы отговорить меня от очередных посиделок с семьей Пенга, кузнеца, но меня это не пугало. В этой истории мое внимание было обращено не на боязнь оказаться жертвой цыган, а на далекий горизонт, где поджидало какое-то открытие.

— Мальчик рос среди странствующих цыган, учился их образу жизни. В те моменты, когда что-то напоминало ему звук деревенских колоколов, он вспоминал свой дом, родителей, братьев и сестер. А к старости его сердце просто разрывалось при воспоминании о звуке тех колоколов. Странствующий образ жизни больше не приносил ему счастья, его тянуло домой.

Мое горло сжалось. Хоть эта история и отличалась от той, что я прочел в книге, которую нашел в сарае, но какие-то невидимые нити все же связывали их.

Бабушка продолжила рассказ, однако ее голос становился все тише и тише, пока она окончательно не перешла на шепот:

— Мальчик ушел от странствующих цыган и ринулся на поиски своей деревушки. Он бродил по разным местам, от одной деревни к другой, внимательно прислушиваясь к звону церковных колоколов. Он надеялся, что все же услышит тот самый звук, который он так усердно искал. За свое путешествие он переслушал много колоколов, но ни один из них не мог вызвать ту самую скорбь прощания в его сердце. Он потратил несколько лет на поиски того самого звука деревенских колоколов.

Я окончательно проснулся, и мое дыхание стало неглубоким.

— Однажды ночью, когда он уже изнемог от долгой ходьбы, он присел на край дороги, чтобы перевести дух... Тогда он был уже в преклонном возрасте и потерял всякую надежду на то, что сможет отыскать свой дом. Он думал, что искал то, чего даже не существует, что все это было лишь плодом его воображения, может быть, он попросту обманывал самого себя?.. Он решил смириться с судьбой и бросить всякие поиски. И в тот самый момент где-то вдали раздался едва слышимый, но столь знакомый звук колоколов. Он пошел ему навстречу.

Какое-то время были слышны лишь кваканье лягушек да мое дыхание.

По мере приближения к деревне он ускорял шаг. Что-то внутри него знало, что он, наконец, нашел то, что искал. Следуя звуку колоколов, он вышел на дорогу к дому. А затем произошло чудо... Все было, как и прежде. Братья, сестры, родители, друзья... «Что случилось?» — спросили его родители. «Всю свою жизнь я искал свой настоящий дом, — ответил он, — и теперь я нашел его и вижу, что я вообще не уходил из него. Я только грезил, что искал путь домой, где я уже был...»

Эта история встревожила меня. Она отличалась от ранее рассказанных историй моей бабушки и повлияла на меня точно так же, как та книга, что я недавно прочел. В этой истории не было ни экстравагантной одежды, ни чарующих замков или волшебников. В ней бедная принцесса не выходила замуж за принца, не было никакого младшего брата, которого считали дурачком и который побеждал дракона и у dostaивался руки дочери короля. Но все же история бабушки и книга, которую я прочел, привели меня к осознанию того, что я стоял перед зеркалом с размытым отражением, и что нужно совсем чуть-чуть для того, чтобы картинка снова стала ясной. Разъяснение, что-то вроде необычного вознаграждения, ожидало того мальчика, который в конце жизни потерял всякую надежду на то, что он отыщет то, что искал, и что искомое вообще существовало. В той странной книге тоже говорилось о том, что такой же исход ждет человека, который пойдет по предложенному в ней пути. Меня окутало что-то неизвестное, что-то, что не имело имени и в чем сочетались опасность, тайна и надежда. Как только пение сверчков в саду отделила от нас ночная тьма, меня охватило беспокойство.

— Бабушка, — сказал я, — я не совсем понимаю эту историю.

Я не собирался рассказывать ей о книге, которую нашел в сарае. Она немного помолчала. Посмотрела на спящего брата, который склонил голову к ее бедру, погладила ему голову и прошептала:

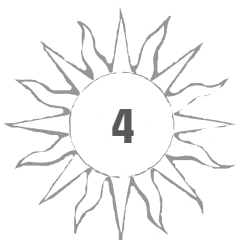
— Ты все поймешь, когда подрастешь.

— Знаешь что? — заявил я решительно. — Я запишу ее, чтобы не позабыть.

Бабушка дотронулась рукой до моей щеки. Она не гладила ее. Уставившись мне в глаза и продолжая удерживать сухую, теплую ладонь на моем лице, она с уверенностью сказала:

— Не волнуйся, Богича, ты никогда не позабудешь этой истории.

Я тихо скатился в кровать с ощущением какого-то важного события, ожидавшего меня впереди, будто босиком тихо подкрался к спящей дикой утке с золотыми крыльями. Я лежал в кровати и, слушая, как биение сердца перебивает тьяканье собак где-то вдаль, чувствовал, как меня переполняют неясные надежды. Через окно над кроватью виднелась часть столь знакомого мне пурпурного неба, усеянного звездами, которое успокаивало меня перед сном. Той ночью небо выглядело необычно... или казалось, что выглядело необычно, так как в моей голове все мысли и чувства вращались, словно в водовороте. Одна из звезд бесшумно упала. Она пролетела над той частью неба, которую удалось запечатлеть моему окну, да так стремительно, что я не успел загадать желания. Я ждал, пока упадет еще одна звезда, и решил тогда загадать желание: дослушать историю, которую я прежде никогда не слышал... Ту самую, что бабушка, как я был уверен, хранила в себе до наступления какого-то важного для меня момента в будущем. И еще — прожить свою жизнь так, как было описано в книге в кожаном переплете, отделиться от физического тела и путешествовать в астральных мирах до тех пор, пока я не достигну Великой Белой Ложи Посвященных... Я напрочь забыл про ружье моего дяди. Медленно погружаясь в сон, через полукрытые глаза я заметил на небе звезду, которую доселе не встречал. Ее свет пробивался сквозь завесу темноты, загадочно мерцая на фоне ночного неба.

— Бабушка, а кто это за люди, что управляют миром из Великой Белой Ложи Посвященных? — Я не мог задать такой вопрос ни моему отцу, ни матери, а тем более Вере, потому что тогда бы она узнала, что я снова пробрался в сарай, несмотря на запрет отца. Но то, что мы с братом рассказывали бабушке, оставалось только между нами и ею.

— Откуда ты узнал об этом, Боги?

— Друзья по школе рассказывали мне об этом.

Она улыбнулась, понимая, что я лгу, мельком взглянула на фотографию человека с выбритой наголо головой и темными пронзительными глазами, что висела на стене рядом с книжной полкой, и сказала:

— Это очень благородные и влиятельные люди, которые заботятся о таких не очень одаренных смертных, как мы с тобой.

— Я понимаю это, но откуда они черпают ту великую Силу?

— Каждый божий день, каждый год, в течение всей своей жизни они изучают огромное количество вещей и таким образом обретают огромные, поистине огромные знания. Ты же слышал, как говорят: знание — сила.

Я продолжил внимательно изучать книгу в сарае. По несколько раз я возвращался к тем ее местам, что так восхищали меня. Казалось, что принятие в закрытые Круги Силы происходило тогда, когда человек меньше всего этого ожидал. Для меня было трудно принять одно из таких утверждений. Оно гласило, что человеку, стремящемуся обладать такой силой, надеющемуся на то, что его примут в ряды Великой Белой Ложи

Посвященных, нужно было просто однажды осознать, что он уже давно находился там. Это утверждение привело меня в иступление, и, прочтя его несколько раз, я начал возмущаться по этому поводу, поскольку тогда представлял себе театральную ложу, украшенную золотым орнаментом по деревянному резному обрамлению — как античная рамка для какой-нибудь великой картины, на которой грациозно позируют мужчины и женщины. Когда человек перестает лгать, как говорит книга, когда он перестает желать того, что принадлежит другим, перестает ловчить и говорить дурные вещи о людях и мире, то тогда, при многолетнем поддержании такого состояния, его духовные глаза открываются. И с ним связываются существа из других миров, передавая ему тайные знания и Силу — он начинает читать незримые для нас, смертных, послания.

Глубоко внутри я знал, что эти слова, несмотря на их невероятность, были истинны, и что лишь немногие, избранные, могут их понять, в то время как несформировавшиеся личности просто высмеют их. Это была необычайная Сила: простым желанием человек мог стать невероятно маленьким, размером с атом, или невероятно большим, как целая вселенная, оказаться легким как перышко или ходить по воде, взмывать высоко в небо или же быть столь сильным, чтобы достичь любого места в бесконечно огромном мире... Или же осуществить все свои желания и достичь чего угодно, что только пожелает сверхчеловек. Странно, но меня больше всего поразила история в конце книги, о маленьком мальчике, желавшем понять, кто он есть на самом деле. «Кто есть я?» Такую фразу я слышал несколько раз во взрослых разговорах, но сам ее так до конца и не понимал, пока не прочел ту историю до конца. И сейчас я ее вам расскажу. Хотя и прошло уже много лет с тех пор, но я уверен, что я ее достаточно хорошо помню.

Учитель

Жил-был один любознательный мальчик, который то и дело разыскивал какие-то необычные вещи. Однажды он спросил себя: «А кто я такой?» Он безуспешно задавал себе этот вопрос опять и опять и никак не мог выбросить его из головы. Он отчаянно

пытался избавиться от этого назойливого вопроса, но все было тщетно. Чем больше он старался забыть о нем, тем чаще и мучительнее над ним раздумывал.

Любознательный мальчик спрашивал и родителей, и школьных учителей, чтобы те ответили ему, но все как один заявляли, что этому в школе не обучают. Только некоторые говорили, что в далеких-далеких странах живут мудрые учителя, которые знают ответ на этот вопрос. Но и они предупреждали, что для начала ему нужно повзрослеть, чтобы удостоиться тех знаний, которые передают мудрецы.

Он продолжил жить, как жил, ожидая того момента, когда к нему придет зрелость. Были дни, когда вопрос: «Кто я такой?» не давал ему покоя и возвращался к нему все снова и снова. Он пытался избавиться от него, старался быть примерным сыном своих родителей, а когда вырос — быть хорошим отцом своим детям. Но однажды его беспокойство выросло до такого предела, что он не смог удержаться и отправился на поиски мудрецов, которые бы успокоили его неугомонные мысли. Жена пыталась отговорить его от такой затеи, прося остаться если не ради нее, то хотя бы ради детей.

И пытливый герой снова решил остаться дома и выполнять свой долг перед семьей и людьми. И все-таки однажды, когда его дети уже подросли, он был больше не в силах сопротивляться своему желанию и, попрощавшись с родными, отправился бродить по миру в поисках Учителя, который смог бы ответить на его вопрос. Ему попадались разные люди: некоторые советовали прекратить поиски, другие же сами мучились этим вопросом. Третьи пытались помочь ему ответить на вопрос, однако их слова не приносили этому человеку удовлетворения. По пути ему попадались разные люди и разные приключения. Он многому научился и передавал найденные им знания остальным. Он научился распознавать человеческую правду и ложь, мог отличить лжеца от благородного человека. Многие мудрецы знали ответы на многие вопросы, кроме того вопроса, что беспокоил его. Очень часто встречались люди, которые сами просили совета и сочувствия и были очень благодарны его помощи.

Он побывал у многих высокоуважаемых духовных Учителей, слушал их проповеди, восхищался их мудростью, но пока так и не отыскал своего Учителя. Человек тот потратил многие годы на свое путешествие и постепенно начал терять всякую надежду на то, что

ему когда-либо удастся заполучить ответ на вопрос: «Кто я такой?» Однажды в лесу, когда уже стемнело, он попал в сильную бурю и был вынужден искать укрытия, чтобы пережить эту ночь. Вдали он разглядел тусклый свет и пошел на него. То была хижины бедняка, свет исходил от очага, топящегося в доме, и был виден через открытую дверь. Войдя внутрь, он был поражен увиденной картиной. У огня сидел его Учитель. Он знал, что наконец-то его нашел, и не было никаких сомнений по этому поводу. И потому, вместо того чтобы поприветствовать хозяина, он сразу с порога сказал:

— Наконец-то я вас нашел.

— Я очень долго ждал тебя, — произнес Учитель. — Приляг и отдохни, завтра у тебя много работы.

Уставший до изнеможения от долгого путешествия и обретший вдруг спокойствие оттого, что наконец-то нашел своего Учителя, Ученик погрузился в долгий сон. Когда он проснулся, солнце уже сияло высоко в небе, а самого Учителя не было в хижине. На его месте, в деревянном кресле, он обнаружил толстую старую книгу. Он решил подождать, подмел скудную хижину, состряпал поесть. Но к вечеру Учитель так и не появился, и Ученик начал беспокоиться, не приключилось ли чего с ним по дороге. Затем, посчитав, что, может быть, Учитель оставил ему какие-то наставления в книге, он взял ее с кресла и начал читать.

Он удивился с первых же ее страниц. Вся его жизнь была расписана там в мельчайших подробностях: все тайные мысли, его переживания — все было там. Он читал ее до тех пор, пока не уснул. На следующее утро Ученик продолжил изучать книгу... Он читал ее на протяжении двух дней, пока не добрался до конца. И в книге на последней странице было написано почти то же самое: «...и прочел книгу до конца».

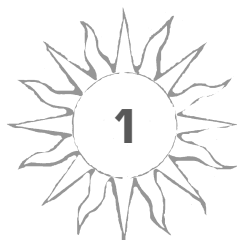
И тут из книги исчезли все буквы, будто чья-то невидимая рука стерла их, и в тот же момент он осознал, кто он есть. Спустя столько лет он наконец-то понял, кто он такой! Он подошел к креслу Учителя и, не раздумывая, уселся в него. Он расслабился и вошел в глубокую медитацию. Он знал, что таким образом он звал своего первого Ученика, а также и то, что ему придется дожидаться его очень долго...

...И в тот же час на противоположной стороне мира десятилетнего мальчишку охватило сильное беспокойство, которого он до этого не испытывал. И он в первый раз задал себе вопрос: «Кто я такой?..»

Когда я дошел до конца истории, взволновавшей меня, как соблазнительный шепот, создалось впечатление, что моя жизнь приняла новый, ранее неведомый поворот, как это происходит с рекой, меняющей течение. Я выбрался из сарая в полном бреду, протирая глаза, чтобы лучше сфокусироваться на размытых в полутьме картинах окружающего мира. Я слышал, как квакали лягушки в пруду, как рядом со мной в густых сумерках проносились большие майские жуки наперегонки с жуками-оленьями, как где-то вдали лаяла собака. Я ощущал прилив сил. И чувствовал себя преображенным и повзрослевшим. Я твердо знал — и это знание внезапно озарило меня, как вспышка молнии, — что когда-то я непременно вступлю в Великую Белую Ложу Посвященных, потому что мое место именно там.

Часть II

В Станисте, в зале заседаний Центра социальной помощи, было очень жарко. Медсестры, приведившие детей в центр, были потные и нервные. Старшая медсестра, с которой я пересекался несколько раз, когда бывал в «Крибе», центре помощи детям-сиротам, пыталась придвинуть большой стол к стене.

— Помогите же мне, я одна не справлюсь, — раздраженно сказала она.

Вставая со стула, я чувствовал, как моя запотевшая рубашка постепенно отклеивается от спинки стула, и схватился за противоположный конец стола.

— Куда вы хотите его поставить?

— Нужно создать пространство в центре, чтобы дети смогли там играть. Будущие родители будут сидеть там, у стены. Главное, чтобы они смогли разглядеть детей и выбрать понравившегося малыша для усыновления. Мы же не можем навязать им ребенка, не так ли?

— Детей не навязывают, — сказал я. — Сегодня у них появятся новые родители, новая семья...

Она гневно посмотрела на меня, но не проронила ни слова. Боранка, одна из учительниц центра, подошла ко мне и тихо пробормотала:

— Успокойся! Когда ты встретишься со Стариком, будь осторожен и выбирай слова, ты возбужден...

Этим стариком был директор муниципалитета, которому я должен был представить отчет по завершении процесса усыновления. Судя по голосу директора центра, Петра Опанчи-

ны, а также по выражению его лица, когда тот передавал распоряжения Старика, разговор не предвещал ничего хорошего. Была едва заметная надежда на то, что про собрание полностью забудут хотя бы по причине того, что шведам требовалось время для оформления документов по усыновлению детей. Тем не менее, слова Боранки рассеяли все мои надежды. Все ожидали, что Старик преподаст мне урок. В конце концов, наступил и мой черед.

Две недели тому назад я разозлил его на межгородском собрании по вопросам усыновления, где боролся за предоставление прав иностранцам усыновлять детей-сирот из Станисты. За последнее время Старик набрал значительный политический капитал в борьбе по запрету выезда детей из страны. «Наше общество предоставляет им все возможности здорового развития и становления в качестве полезных членов общества». Эта фраза звучала на стольких собраниях, что распорядители муниципалитета и социальные работники стали невольно ее повторять.

В моем докладе, который и привел его в ярость, я раскрыл судьбу детей. Если вкратце, то по достижении совершеннолетия сироты должны покинуть стены Центра соцзащиты. Для них он был всем тем миром, что вселял в них чувство безопасности и защищенности, их опорой. После ухода девушки становились проститутками, а парни — преступниками. Я подкрепил все это фактами, которые добыл из полицейского участка, так и не сказав начальнику, зачем они мне понадобились. Позже Старик добрался и до ушей начальника полиции. Я описывал жизнь детей, которая у них могла бы сложиться в Швеции. Будущие родители, желавшие усыновить детей, ждали своей очереди около десяти лет. А теперь благодаря нам у них появился шанс. С немецкой точностью они представляли необходимые документы: бумаги, подтверждающие наличие собственности, отчеты по доходам от хорошо оплачиваемой профессии, выписку счета из банка, сумма которого должна была быть не менее ста тысячи крон, и долговое обязательство, согласно которому после их смерти весь их нажитый капитал переходит во владение усыновленному ребенку. В знойной комнате для переговоров подписывались нормы требований к общеобразовательной подготовке, которые впоследствии утверждались судебным заверением... Все это, конечно, казалось нереалистичным:

дети, заканчивающие учебу в средней школе, могли выбирать для дальнейшего получения образования между Упсальским, Стокгольмским университетами, а также Сорбонной. «Сравните эту жизнь, — говорил я, — с нынешней ситуацией мальчишек и девочек здесь — они околачиваются на автовокзалах, бедность толкает их на преступления, в результате чего они оказываются за решеткой». Как мне сказали позднее, мой доклад привел Старика в ярость.

Я мог, конечно, поступить и по-другому, но это бы все равно его не успокоило. У Старика университетские дипломы вызвали одно раздражение. Он должен был оказывать свое влияние на обладателей таких дипломов, показывать им свое превосходство. Аналогичным образом он намеревался поступить и со мной.

— Главное, не поддавайся на его провокации. Он наверняка будет оскорблять тебя, но ты просто сохраняй хладнокровие, — спокойно продолжала свою речь Боранка. — Сначала он сделает вид, будто не знает, есть у образованных людей дипломы или нет, спрашивает их об этом, а потом говорит, чтобы они подтерли ими свои задницы.

Дети тихонько входили в зал, украдкой поглядывая на нас. Держась за руки, они шли один за другим. Сестра держала за руки первого ребенка, следом вторая сестра несла большую картонную коробку. Она поставила ее в центр комнаты и начала доставать из нее яркие разноцветные игрушки. Старшая сестра сказала притворно радостным голосом: «Давайте, детишки, играть. Вот, берите игрушки, не бойтесь! Сегодня придут ваши мамы и папы и заберут вас в новые дома». Дети безмолвно встали, скучковавшись в центре комнаты, как перепуганные цыплята. Старшая сестра подошла к ним и стала раздавать игрушки каждому в руки.

Из отворившей двери, откуда слышались голоса, вдруг появилась большая голова директора Опанчины. Вперед выступала его мощная широкая челюсть, из рубашки с короткими рукавами вылезали огромные волосатые руки, которыми можно было задушить волка. Хитрые глазенки бежали из стороны в сторону на широком рубцеватом лице. Картину дополняла широкая шея с жировыми складками на затылке и двойной подбородок. Неуклюже, с напряженными лицами, за ним в ком-

нату последовали шведские семьи. Я насчитал семь пар. Широким жестом он пригласил их усесться на стулья, расставленные вдоль стены, а затем повернулся ко мне:

— Ну, Богдан, попроси их присесть, пусть они себя чувствуют как дома.

Я был единственным англоговорящим в социальном центре, поэтому ожидалось, что буду выполнять функции переводчика. Я пригласил их усесться и добавил:

— Мы надеемся, что это будет счастливый день, как для вас, так и для детей.

Само событие усыновления было уже достаточной причиной для счастья, но помимо этого были еще и некоторые другие вещи. Убедившись, что дети играют в комнате, усыновлявшие их иностранцы собирались устроить для сотрудников центра обед на охотничьей ферме. Для них было недорого угостить всех нас обедом и вином: всего насчитывалось двадцать три человека, среди которых были социальные работники, педагоги, социологи, наш водитель, бухгалтер и машинистка. По таким случаям на работу выходили все, не было ни больных, ни тех, кто по каким-то причинам «не мог» появиться на месте.

В Центре социальной помощи в Станисте я к тому времени уже проработал полгода. Ни один другой психолог не желал работать в этом богом забытом месте, так что на должность я попал без всякого конкурса. Работа была, что называется, «непыльная», за исключением начала школьного года, когда среди детей проводился тест на выявление уровня интеллекта, и детей с низким умственным развитием помещали в специальные классы. Все остальное время я проводил в своем офисе за книгами.

Я не мог скрывать свое беспокойство, которое возникало в ситуациях, аналогичных тем, что происходили в процессе усыновления. Из сиротского приюта медсестры приводили детей, число которых превышало число потенциальных приемных родителей. Одним счастливчикам повезет, их усыновят и заберут в совершенно другой мир, остальных же отправят назад в приютский «свинарник». За последние шесть месяцев я повидал много подлых ситуаций. Помимо Старика, некоторые второсортные местные политики набирали свои дешевые политические очки за счет появления на совещаниях муниципальных

учреждений, где настаивали на том, чтобы «наших детей не передавали в руки иностранцев», и им это бы, наверняка, удалось, если бы в «Крибе» не было столько детей-сирот. Ходили слухи, что наш директор Опанчина брал взятки, позволяя скандинавам и датчанам усыновлять детей из Станисте. На собрании сотрудников я выдвинул предложение, что мы должны приводить столько детей, сколько приходит потенциальных родителей, на что получил ответный огонь от Опанчины: «Почему бы тебе не заниматься своими делами? Перестань опаздывать на работу и строить из себя умника!»

Дети были чисто одеты и причесаны. Они играли с игрушками, которые им выдавали по особому случаю, а в остальное время хранили под замком в шкафу. Каменнолицые и широкоглазые шведы сидели на стульях у стенки и наблюдали за детьми. Подле них стоял переводчик из шведского посольства, переминаясь всем своим весом с ноги на ногу. Одна из сестер одернула платице у трехлетней девочки и украдкой посмотрела на шведов. Опанчина встал посередине между потенциальными родителями и детьми и командным взмахом короткой толстой руки подал мне сигнал, чтобы я подошел к нему.

— Скажи им, чтобы они хорошо заботились о наших детях, когда возьмут их с собой в Швецию... В последний раз я дал четко понять людям, что наши дети здесь не для того, чтобы их таскали по зарубежным странам.

Всем детям было примерно по два, три года, за исключением одного мальчишки, которому уже было, по крайней мере, лет пять. Природа не наградила его красотой — выпирающий лоб и слезящиеся голубые глаза. В придачу желтые сопли из носа скользили вниз по верхней губе. Он не мог дышать носом из-за простуды, так что его рот все время находился в полукрытом состоянии. На нем были короткие выцветшие джинсы, из которых выступали белые трусики. Он очень увлекся игрой с маленькой машинкой, сирена которой издавала пронзительный звук, когда он катал ее по полу. Мальчонка снова и снова однообразно катал машинку по полу. Глядя на этого ребенка, у меня было предчувствие, что никто не захочет взять его себе. Взглянув на шведов, мне показалось, что худощавая женщина с подстриженными седыми волосами, высокими скулами и раскосыми глазами наблюдала за тем мальчиком.

Секретарь центра, мужчина с заплывшими глазами алкоголика, наклонился ко мне и сказал по секрету:

— Пары предоставили все необходимые документы, подтверждающие их пригодность в качестве родителей: все они состоят в гармоничном браке, финансовое положение каждой пары стабильно. Вся документация была передана в посольство.

Запах бренди и маслянистого сыра из его рта ударил мне в голову. «С утречка — и уже принял», — подумал я. Он хотел рассказать что-то еще, но я отмахнулся. Я проверил все документы, никто не пьет. Вчера я скрупулезно все проверил. Помимо желаний выполнять свою работу на «отлично», меня охватило еще и нездоровое любопытство. Насколько изменится судьба у усыновленных детей по отношению к тем, кто остался в сиротском приюте?

Седая шведка искала глазами мальчика с сопельками, который так сильно погрузился в игру с машинкой... Я подошел к нему, достал платок из кармана и утер ему соплю. Несколько засохших соплей все еще оставалось в носу, они выглядели точно так же, как нос и щеки, — красные и опухшие от холода. Он вертел головой, пока я вытирал его. «Сегодня твои мама и папа придут за тобой и отведут тебя домой...» Это было жестоким обманом для детей, которых не забирали. Повезет ли этому мальчику? Взгляд женщины был прикован к нему, хотя ее лицо больше выражало сожаление, нежели подлинный интерес.

— Богдан, переведи, — директор подозвал меня жестом руки. — Скажи им, что ребенок не страдает эпилепсией или какой другой генетической болезнью.

Это была двухлетняя девочка с сияющими карими глазами. Она сидела на коленках у будущей мамы, сжимая игрушку, которая была немногим меньше, чем она сама.

— Как мы можем узнать, есть ли у нее какие-либо генетические заболевания в таком возрасте? — спросил я. — Они могут только отметить, что ребенок активен, проявляет интерес к окружению и не имеет физических отклонений.

— Я знаю, знаю, скажи им, что, мол, девочка не страдает аутизмом, что с психикой все нормально, ну, ты знаешь...

— Девочка здорова, с ней все нормально, — сказал я на английском, переместив взгляд с женщины на мужа, — согласно нашим анализам, у нее нет следов какого-либо заболевания.

— Мы бы ее удочерили, даже если бы она была нездорова, — сказала женщина, — мы дожидались этого счастливого момента десять лет.

У нее были теплые сияющие глаза, казалось, что вот-вот — и она заплачет...

Я произнес те же самые слова о здоровье девочки еще три раза. В это же время я украдкой поглядывал на женщину, которая решала для себя, брать ли того мальчика с сопельками или нет. Она уставилась в пол, на ее лбу появились морщинки. Рядом с ней неподвижно сидел ее муж.

К ней подошла одна из сестер и с улыбкой на лице обратилась ко мне, повернувшись:

— Коллега, не могли бы перевести?

— Я понимаю... немного, — сказала шведка по-сербски. И тут я вспомнил, что когда я читал документы, приложенные к их файлу, то обнаружил, что эта пара посещала курсы сербского языка при Стокгольмском университете, так что они могли лучше понимать детей, которые уже могли говорить. Они все обдумали.

— Правда? — спросила сестра, широко распахнув глаза, и покачала головой. — Это же замечательно, просто прекрасно. Вы знаете, встретить такую пару — довольно большая редкость. Я хотела сказать вам, но, наверное, вы уже знаете о том, что детишки помладше быстрее привязываются к новым родителям.

— Да, конечно... — ответила шведка, приподняв брови и явно ожидая, что ей прояснят это внезапное утверждение.

— Если хотите, можем на моей машине съездить в Суботику. Там находится еще один центр, «Наш ребенок», там много маленьких детишек, от года до полутора... и даже младше. Девочки и мальчики... вы можете выбрать сами.

— Да, — сказала шведка и, повернувшись ко мне, добавила на английском: — Наверное, это будет самым лучшим вариантом.

— Что она сказала? — спросила меня сестра. У нее были осветленные белокурые курчавые волосы, на внешней стороне зубов виднелись золотые коронки. Она полностью настроилась на то, чтобы отправиться в Суботику с этой парой и оставить сопливого малыша. Было слишком поздно, чтобы остановить

эту инициативу. Шведка приняла решение. Она сказала что-то мужу, и тот покорно встал.

— Мы покроем все расходы на дорогу, — сказала она мне.

Я помахал рукой. На этом все и закончилось для сопливого мальчиша, какой-то момент шанс на лучшую жизнь покружил вокруг него, а затем исчез, так и не попрощавшись. Сестра со шведской парой направились к выходу. Шведка шла медленно. Она остановилась у двери, обернулась назад и, держась за ручку двери, о чем-то призадумалась. В центре комнаты мальчик катал машинку взад и вперед, имитируя звук сирены. Склонив голову, она понаблюдала за ним еще мгновение. Сестра с нетерпением ожидала ее уже снаружи. Женщина в последний раз взглянула на мальчика и, покачав головой в знак осознания своего предназначения, закрыла за собой дверь.

— Пройдемте в мой кабинет, родители теперь могут подписать контракт по усыновлению. Скажи это им, — обратился ко мне Опанчина.

Еще одна сестра собирала игрушки с пола и складывала их в картонную коробку. Она взяла у сопливого мальчика игрушечную машинку. Он не возражал, он всего лишь на какой-то момент открыл пошире свой рот. Шепот и хихиканье доносились из коридора. Это были социальные работники. «Большие надежды на обед, да и только», — подумал я.

— А, тебе, Богдан, с нами идти нельзя. Ты должен присутствовать на совещании с председателем, — сказал Опанчина, стоя в дверях. — Не заставляй его ждать.

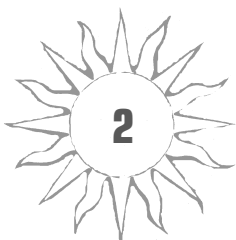
Он быстро посмотрел на свои часы, а затем на меня, как на приговоренного к смертной казни, которому осталось жить каких-то тридцать минут. Я ничего не сказал в ответ, развернулся, подошел к окну и выглянул наружу — теплый ветерок играл на пыльной главной улице. Мое горло было напряжено, так что я едва мог проглотить слюну. «Я не создан ни для этой работы, ни для жизни с этими людьми», — подумал я. Это было далеко не то, чего я хотел. Психология, психотерапия, отдавать детей на усыновление... обеды на охотничьей ферме. Покрасневшие лица от вина, жареного мяса и тостов за счастье усыновленных детей. Я решил задержаться в комнате, пока все не уйдут, а затем упаковать вещи и ехать на автобусе до Белграда. Внезапно перед глазами возник образ моего отца. Я расскажу

ему, что представляет собой это гнилое местечко с его не менее разложившимися морально обитателями, и мне будет все равно, что он на это скажет. Я много раз выслушивал его мнение. А самому председателю муниципалитета все-таки придется подождать меня какое-то время.

В этот же самый момент кто-то дернул меня за футболку, мне показалось, что это была Боранка. Обычно этот человек начинал закатывать проповеди по поводу того, что мне нужно стать зрелым, принять реальность и контролировать себя в те моменты, когда Старик унижал меня. Я не хотел поворачиваться, но вновь почувствовал, как меня нетерпеливо, но уже решительно потянули за футболку. Я обернулся и уже вот-вот хотел сказать сквозь сжатые зубы, чтобы меня оставили в покое, как тут же увидел, что это была не Боранка, а тот самый сопливый мальчик. Он тянул за футболку обеими руками. Он стоял прямо передо мной и, отклонив голову назад, мог меня хорошо разглядеть.

— Сэр, — промолвил он обеспокоенно, что было видно по его лицу, — когда моя мама придет и заберет меня?

Я молчал, мое горло сжалось до предела. Одной из частей моей жизни наступил конец. Больше никогда в жизни я не буду пытаться жить так, как живет большинство людей. У каждого есть свой путь в жизни. Кто это сказал? Ницше? На земле есть одна дорога, по которой можешь идти только ты, не спрашивай, куда она приведет тебя, просто следуй по ней. Я должен был отыскать причину, почему у сопливого мальчика складывалась такая мрачная судьба, из-за которой у меня сжималось горло, а желудок закручивался в узел. Но перед своим уходом я должен был встретиться лицом к лицу со Стариком. Я не мог сбежать и предать этого бедного мальчика и остальных сирот. Мое отношение к этой старой скотине придаст детям сил. Они им понадобятся, когда в своей жизни сами столкнутся с дурными людьми.

Здание муниципалитета было самым изящным во всей Станисте. До войны оно принадлежало старинной купеческой семье Добранскисов. Толщина стен здания доходила почти до метра, и в знойные дни оно было прекрасным местом, чтобы укрываться от жары. Перед главным входом росли липы с широкими кронами, подстриженная лужайка была усажена маленькими растениями, что придавало ей некую изящность. Открыв входную дверь из темного коричневого дерева, я вошел внутрь. Пол был устлан старинным дубовым паркетом. Ковровая дорожка в центре зала вела напрямиком к кабинету председателя. Перед его кабинетом располагалась секретарская комната, в которой я и задержался на какое-то время. Через стекло виднелась огромная кафельная печь, рядом с которой, на стене, висели рога оленя. Внимательно рассмотрев керамику, я принялся считать ответвления на рогах оленя.

В тот же самый момент я вспомнил сон, который мне привиделся прошлой ночью. Внезапно передо мной, словно из темных вод, возникли образы из сна. Сам сон был приятен, но в нем таились свои опасности, как это происходит в мифах, где одна из действующих сил несет скрытую угрозу. В нем я шел по мосту над бездонной пропастью и вдруг, на противоположной части моста, увидел свет... Какой-то пронзительный голос все время произносил мое имя. «Ни к чему откладывать», — подумал я. Глубоко вздохнув, постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа.

На меня уставился Старик, сидящий за столом, покрытым зеленой тканью. Справа от него сидел секретарь муниципалитета

и с выражением полного внимания на лице слушал его. Слева, скрестив ноги и раскинувшись в кожаном кресле, сидел издатель газеты «Бачка» Марко Меденица, колонист из Лики, которого я знал не очень хорошо. Секретарь, дама с пышными формами, стояла рядом с журналистом и держала какие-то папки с бумагами. Старик, закинув голову, направил свои крошечные свинячьи глазки в мою сторону и, изображая удивление, произнес наигранным добродушным голосом:

— Ага, а вот и мой чемпион пожаловал. Наконец-то выпал шанс встретиться с тобой...

— День добрый. — Я не собирался позволять ему как-то задеть меня, я был уверен в себе, как никогда раньше. Также я намеревался сообщить ему о своем увольнении по окончании нашего разговора.

— Мы вот так еще ни разу и не пересекались, — сказал он с насмешкой. Он посмотрел сначала на секретаря, а потом на Меденицу. — Я видел, как ты разгуливаешь в белых носочках по нашим грязным улочкам, что не удивительно для такого джентльмена из Белграда.

— Пожалуйста, скажите мне, чего вы хотите. Вы же не пригласили меня сюда для того, чтобы восхищаться моими белыми носками.

— Да вы только поглядите на него, — произнес он и кивнул три раза, якобы в знак одобрения. А затем, скосив глаза, принялся внимательно рассматривать меня. — Дело вот в чем, молодой человек. Вы неважно справляетесь с вашей работой.

После некоторого замешательства я спросил:

— А чем именно вы недовольны?

— Да всем, что ты тут творишь, белградский пижон. Ты занимаешься не тем, за что я тебе плачу.

— Но у директора не было никаких возражений по поводу моей работы.

— У Опачины? Так он еще больший болван, чем ты сам.

Я не решался признаться ему в своем увольнении, и что он сам был самым круглым болваном на свете, но разговор был еще не окончен. Я засунул руки в карманы и продолжил слушать начальский разнос.

— Вот в чем дело, — начал он, делая акцент на каждом слове, — наш бухгалтер жалуется на то, что огромное количество

денег уходит на социальные патронажные работы. Если мы так и дальше будем ввязываться в эти бесперспективные дела и платить им за предоставленную поддержку в центрах, то станем такими же банкротами, как и они. Ты понимаешь это? Твоя работа — отстаивать интересы муниципалитета, а не растрачивать деньги наших сотрудников.

— Но эти несчастные люди имеют право на социальную помощь.

— Наше социалистическое государство позаботится о них, не читай мне тут нотации по поводу того, какие у кого есть права. Не только мой муниципалитет несет ответственность за них. Ты превратил его в какую-то корову, которую беспощадно доят эти социальные паразиты. Тебе же сказали, что нужно делать, а ты продолжаешь строить из себя дебила. Может, ты и есть дебил? — И после этой фразы, с улыбкой на лице, он посмотрел на сидевших в кабинете людей, а затем снова уставился на меня. — Говорят, что у тебя даже есть диплом? Так он гроша ломаного не стоит, если ты не знаешь, как справляться с работой, за которую тебе платят. А теперь слушай внимательно. Лет Степа из Центра обучит тебя, как обращаться с этими социальными паразитами. Понимаешь, о чем я?

Я безмолвно ждал момента, когда он выпустит всю свою тяжелую артиллерию. Он несколько раз моргнул, затем посмотрел еще раз на каждого в комнате и сказал:

— Итак, что же у нас тут за людишки? Его отцу, небось, пришлось продать несколько коров, чтобы воспитать такого быка-тугодума.

В этот же момент Меденица притворно усмехнулся, а секретарша уставилась в пол.

— На этом наш разговор окончен? — спросил я, тяжело дыша.

— Как это понять, наш разговор? — угрожающе переспросил Старик. — Он будет окончен тогда, когда я скажу об этом! — После чего он почесал подбородок и снова скосил глаза. — Итак, у тебя есть дипло-о-о-о-м. И вот что ты можешь сделать с ним...

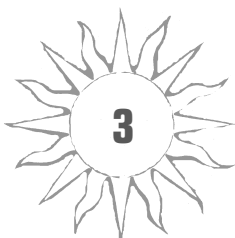
И, самоуверенно кивнув пару раз, продолжил:

— Здесь у меня на работе ты можешь подтереть им свою задницу!

Я ждал этих слов и надеялся, что после них я смогу в таком же холодном тоне продолжать с ним разговаривать. Но я не смог. Кровь ударила мне в голову, все тело наполнилось жаром, и на ладонях начал выступать пот. Я сделал глубокий вдох, наполнив мои легкие до предела, и дрожащим голосом произнес:

— У меня, по крайней мере, есть чем подтирать задницу — университетским дипломом. Что до вас, то вы можете подтирать свою задницу только пальцем, тем самым пальцем, которым вы подписываете документы!

От этой фразы голова Старика аж опрокинулась назад, губы Меденицы скривились, а широко раскрывшиеся глаза секретарши на секунду уставились на меня, а затем снова в пол. Я не дал ему никакого шанса ответить. Развернувшись, я вышел из кабинета и захлопнул за собой дверь, которая закрылась навсегда на этом периоде моей жизни.

В маленьком городе новости разлетаются с бешеной скоростью. На следующее утро я уже ясно понимал, что точно ухожу с этой работы, и что слухи по поводу моей стычки со Стариком обростали деталями и вызывали все большее напряжение. В то время, пока я укладывал книжки в чемодан, Джука, владелец квартиры, которую я снимал, позволил Боранке пройти ко мне.

— Я все слышала, — сказала она, — сейчас все шушукуются по поводу того, как ты умудрился плюнуть ему прямо в лицо. Жаль, конечно, что ты уходишь, но в то же время я чувствую некоторое удовлетворение. Эта старая скотина заслуживает такого обращения. Не хочешь кофейку?

— Конечно.

Но само кофе Джуки было явно настроено против меня, оно никак не хотело лезть мне в горло. Я хотел как можно скорее сесть в автобус и, уже оглядываясь назад, посмотреть еще раз на пыльные дороги Станисты, здание муниципалитета, церковь, на все то окружение, где провел все это время. Мысль о том, что больше я никогда в жизни не приеду сюда, помогла мне окончательно принять это решение.

— Знаешь, Боранка, давай разминемся здесь, иначе будет не очень хорошо, если эти подхалимы увидят нас на улице вместе.

Она улыbnулась в знак благодарности. Я уберег ее от больших неприятностей, она никак не решалась попросить меня остаться пока внутри здания. Она была одной из тех, с кем ты можешь болтать часами без какого-либо признака на усталость. Мужчины полагались на нее, жаловались ей на своих жен и

подруг, но никто из них не воспринимал ее как женщину. Плоская фигура, высокий лоб, так и искрящийся интеллектом, — с таким комплектом ей было трудно найти партнера в жизни.

— Можно я тебя обниму? — тихонько спросила она.

— Конечно. Только смотри, чтобы мои бунтарские идеи не заразили тебя!

Она поцеловала меня в обе щеки. Я почувствовал запах ее свежeweымытых волос, тепло ее гладких щечек. Как жаль, что эта девушка неоднократно будет проигрывать глупышкам с пышным бюстом и крохотными мозгами. Такова жизнь.

Около остановки, где было всего четыре платформы, я купил «Политику» в одном из газетных киосков. Забирая деньги, продавец дружелюбно улыбнулся мне в ответ. Он тоже узнал про стычку со Стариком? Успев только посмотреть на заглавную страницу, я услышал голос:

— Доктор, доктор!

Женщина лет тридцати пяти, с симметричными чертами лица и серыми глазами, шла мне навстречу. Нельзя сказать, что цвет ее лица был свеж, но в то же время не было видно и следов макияжа, ее волосы цвета пшеницы были убраны в пучок. В Станисте бесполезно говорить, что ты не являешься врачом. Если в своей работе ты использовал какую угодно терапию, то это было свидетельством твоей принадлежности к врачебной братии. Она протянула мне руку и выдала на одном дыхании:

— Как только мы услышали, что вы уезжаете, я сразу же отправилась к вам домой... Мой отец хочет поблагодарить вас. Пожалуйста, задержитесь на чуть-чуть. Вы помните меня? Я Милана.

Она меня хотела поблагодарить? И тут я вспомнил. У нее была умственно отсталая сестра лет тридцати, с длинными тонкими руками, покрытыми темными волосами, с вогнутым лбом и выпирающей челюстью, как у неандертальца. Три месяца назад она привела сестру в мой кабинет и, стоя у двери и держа ее за руку, попросила меня кое о чем: «Я прошу вас об одном большом одолжении. Только вы можете мне помочь».

Ее умственно отсталая сестра дернула ей руку, затем что-то неясно простонала и, склонившись над моим столом, взяла меня за голову своими волосатыми руками и поцеловала меня несколько раз пухлыми губами, из которых сочилась слюна.

— Пожалуйста, пожалуйста, не расстраивайтесь, — поспешно пробормотала Милана, пытаясь оттащить сестру от меня. — Кая всего лишь хочет таким образом показать вам свою любовь. — Она обошла стол и вытерла платком слюну с моего лба и щек. Она снова взяла Каю за руку и посадила ее на стул рядом с собой.

— Знаете, она была в центре для умственно неполноценных людей, здесь, в Станисте. Все было хорошо: мы знали людей, присматривающих за ней, да и сами постоянно навещали ее. Затем центр закрыли, ну вы, наверное, знаете об этом, и ее перевели в Врбас. Это было просто ужасное место. — Она говорила с таким выражением лица, будто попробовала что-то отвратительное на вкус. — Некоторые агрессивные больные просто избивали ее...

— Я не понимаю, как я могу здесь помочь. — Я все еще ощущал слюну Каи у себя на лице. И не решался убрать ее, пока она смотрела на меня.

— Вы можете, доктор, вы можете помочь! От вас было бы достаточно написать на бумаге свою точку зрения, где бы говорилось, что Кае требуется домашний уход. Пожалуйста. Мы бы получили финансовую помощь, и она могла бы остаться с нами. Из нас шестерых в семье работает только отец. Мои сестры и я позаботимся о ней. — Она говорила очень быстро, будто боялась, что я вот-вот уйду из кабинета. — Вы сами видели, как она подошла к вам. Отец сказал, что доктор может помочь нам оставить ее дома. Кая возлагает все свои надежды только на вас.

После некоторого замешательства я все же изложил свои заключения на бумаге. Я чуть приукрасил информацию по поводу уровня ее умственного развития и настоял на том, чтобы ей оказывали уход дома... И теперь я должен был пойти к ним домой и выслушивать их слова благодарности.

— Извини, Милана, но я и вправду тороплюсь, — сказал я, — мой автобус подъедет с минуты на минуту.

— Но пожалуйста, — умоляюще говорила она. — Я не могу показаться отцу без вас. Мы слышали, что вы потеряли работу из-за того, что защищали таких людей... как наша Кая. Отец говорит, что вы единственный нормальный человек в этом центре. У всех остальных управляющих попросту нет сердца и души...

Отец семейства был у соседей, когда мы вошли в дом, и младший брат Миланы сразу же побежал за ним. Они усадили меня в старое кресло, предложили кофе и расселись вокруг.

— Не беспокойтесь, — промолвила Милана, — наш крестный отвезет вас до Белграда на своей машине, вы приедете туда раньше автобуса.

Поначалу я чувствовал некоторое напряжение в разговоре, но спустя некоторое время стал вести себя непринужденно.

— Народ в Станисте говорит, что в этом центре очень плохо обходятся с детьми, обделенными разумом от Бога, — заявила их мать, женщина с темным иссохшим лицом, на голове которой был повязан черный шарф. Ее внешность говорила об истощенности организма — она родила умственно неполноценную дочь и была вынуждена нести это бремя до самой смерти, но несла она его с великодушием бедняка, жертвуя каждую минуту своей жизни во имя своей дочери. Я уже собирался сказать, что это не так, но тут Милана нерешительным голосом произнесла:

— Говорят, что сотрудники из вашего центра отвозят эти несчастные души на автобусах в дальние города: Скопье, Сараево и так далее... Они дают им билет в один конец, и если эти бедные создания еще что-то в состоянии понимать, то сразу же говорят им, что кто-то на другом конце ждет их. Они дают им в руки буханку хлеба, кормят какими-то обещаниями и избавляются от них.

Такое происходило на самом деле. Секретарь муниципалитета настоял на такой процедуре, оправдывая ее тем, что другие муниципалитеты поступают точно таким же образом. Некоторых из тех, кого отправляли на автобусах, находили на нашей остановке в довольно измотанном состоянии. А некоторым таким образом удалось несколько раз побывать в Югославии. Люди в центре называли такую процедуру «туризмом для отсталых».

Я решил расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке, так как начал ощущать неприятное давление на горло. И в этот же момент задел локтем чашку с кофе, стоявшую на подлокотнике. Она полетела вниз и разбилась об пол. Это была старая керамическая чашка, вся поцарапанная изнутри от стольких лет мытья. Мне было неловко, я чувствовал себя болваном в этом скудном достатками доме.

— Простите, пожалуйста, — сказал я, — мне очень жаль... — Приятное чувство, которое было все время со мной, исчезло на какое-то мгновение.

— Ничего страшного, — сказала в ответ Милана, — не беспокойтесь, это пустяк.

— Я сварю еще кофе, — подхватила мать и поспешно отправилась к плите.

Младшая сестра в выцветших джинсах и бесцветной шерстяной вязаной кофточке быстро вытерла разлившийся кофе и даже улыбнулась мне. Взволнованная Кая начала что-то невнятно бормотать и подергивать руку сестры. В отличие от меня, члены семейства прекрасно понимали, что она пыталась сказать. Младшая сестра в джинсах что-то прошептала ей на ухо, показывая пальцем сначала на меня, а потом на дверь. Смеялись все за исключением матери, которая, покачав головой, сказала:

— Не пугайте бедняжку.

— Весна подшутила над Каей, — объяснила мне Милана, — она сказала, что когда вернется отец, то побьет вас за разбитую чашку. Только не злитесь, мы так иногда шутим над ней. Она как ребенок.

Вторую чашку с кофе я держал уже в руках. «Интересно, когда же придет отец», — думал я и заметил, что все еще обеспокоенная Кая села на старинный сундук, стоявший около двери, обхватив коленки своими худыми руками. В таких сундуках жители Бачки обычно хранили щепки для розжига. Она пристально смотрела на дверь, как собака, учуявшая возвращение хозяина. Я думал, что у нее не было ни чувств, ни разума, я думал, что она воспринимала окружающий ее мир инстинктивно. Но я ошибался, как и в те многие моменты, когда пытался выступать в роли эксперта в области человеческой души.

Послышался чей-то кашель, кто-то, скорее всего, пытался откашляться, и через мгновение в дверях показался крупный мужчина с выразительными усами. Рядом с ним стоял худощавый человек с орлиным носом, который, оглядев комнату, устоялся на меня.

— А вот и отец! — воскликнула Милана, указывая пальцем на крупного мужчину. Отец с распростертыми объятьями направился в мою сторону, будто хотел обнять меня, но через мгновение к нему подбежала Кая и повисла у него на руках,

издавая какие-то быстрые горловые звуки. Он остановился, удивленно посмотрел на нее, а потом на меня. В это время тон, с которым разговаривали сестры Каи с братом, больше не выражал веселья, в нем появилось некое сочувствие.

— Боже мой, как же она хороша, — обратилась ко мне Милана. Ее глаза заблестели, подбородок задрожал, словно она хотела заплакать. — Как же она признательна вам, как же она вас любит! Знаете, что только что она сказала отцу?

Я тихонько пожал плечами.

— Она сказала, что это она разбила чашку, и попросила отца не бить ее за этот проступок.

Прикрыв рот и подбородок рукой, она добавила:

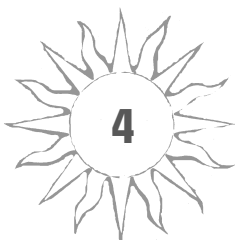
— Таким способом она благодарит вас за то, что вы сделали для нее. Она многого не понимает, но она знает, что такое пожертвовать собой ради другого.

Мое горло сжалось.

— Мир стал бы лучше, если бы в нем проживало побольше таких добрых душ, как она, — признался я искренне. Пожилой человек обнял меня и прошептал мне на ухо кое-какие слова, которые мог слышать только я. Он извинялся за свое опоздание, так как искал надежного друга, который смог бы отвезти меня до Белграда. Кая прижала его руку к своей груди, в то время как Милана перевела свои заплаканные глаза с Каи на меня.

Все эти образы пробежали у меня перед глазами, когда я уже ехал в машине, за рулем которой сидел тот самый надежный друг. Я был признателен ему за то, что он почти всю дорогу молчал. Тягостное чувство обиды, появившееся после стычки с председателем, беспокойство по поводу встречи с отцом — все это вмиг прошло, как плохой сон, от которого я проснулся. Грудь и горло наполнились теплом, мелькавшие поля, желтые пожнивные остатки после сбора пшеницы выглядели еще ярче при свете утреннего солнца. Вы можете, конечно, подумать, что я здесь преувеличиваю, но готовность Каи пожертвовать собой ради меня была для меня сильнейшей поддержкой в минуты робости и разочарования, которые уже подступали ко мне. Мне не стыдно признаться, но в моей жизни было несколько человек, которые любили меня так же искренне, как эта интеллектуально неполноценная душа. И лишь двое мальчишек любили меня еще больше, чем она.

— Отец ждет тебя, он хочет поговорить с тобой за чашкой кофе, — услышался голос матери через полуоткрытую дверь. Она старалась вести себя обыденно, но я всегда чувствовал ее беспокойство в те моменты, когда надвигалось что-то серьезное. Пройшей ночью я поздно лег спать — была какая-то тяжесть в голове, да и во всем теле я ощущал какое-то непонятное напряжение. Отец едва ли мог пропустить такую возможность, чтобы не сравнить свое нравственное поведение с моей безответственностью.

Проснувшись, я какое-то время повалялся в постели и, предвкушая разговор с отцом и Лидией, попутно пересматривал свою жизнь. В ней были уже и длительные периоды противоречий, и внезапные скачки из одного состояния в совершенно противоположное, и кратковременный энтузиазм по поводу чего-то нового, и следующая за ним депрессия. Я искренне смотрел на эту жизнь, такую, какая она есть: не перед кем было оправдываться, не было никаких очевидцев. Я был мягок и учтив к низшим по положению людям: к уборщицам, прислуге, необразованным рабочим, и у меня постоянно возникали противоречия с опасными и властными людьми.

Я ценю правду превыше всего на белом свете, и в то же время я самым отвратительным образом обманывал Лидию. Я люблю людей всем своим сердцем и для некоторых из них сделал бы даже то, чего бы не сделал для самого себя. Несмотря на это, я уже ранил многих друзей своими резкими словами. Для чего я это говорю вам? Я должен был окончательно уяснить для себя,

относился ли я к людям, причиняющим боль другим, или же я был тем, кто их любил, или же тем, кто высмеивал их, а может, я был тем, кто плакал во время просмотра фильма, где показывали сцену с ребенком, которого все бросили? Эти вопросы, как колючки, прижимали меня со всех сторон; желание разузнать, кем же я был, стало столь сильным, что мне казалось: я вот-вот разорвусь на части.

Отец сидел за кухонным столом, на котором была расстелена клетчатая красно-белая клеенка. С мрачным лицом он попил кофе из чашки, которую держал в руке. Мать, чуть вытянув шею, сидела рядом с отцом и, крепко обнимая его, попутно осматривала кухню, будто впервые видела свои кастрюли и сковородки. Она смотрела куда угодно, только не на меня. Я сел напротив него, как в старые времена, когда отец мог гордиться своим примерным сыном перед соседями и коллегами по работе. Позади него стояла доставшаяся от матери в наследство крещенца (шкафчик для посуды), в которой хранились аккуратно уложенные тарелки и чашки, не менявшие своего места на протяжении многих лет. Я был готов покинуть этот хорошо знакомый мне мир, не так давно придававший мне сил, но вдруг начавший вызывать одно лишь трепещущее раздражение.

— Ты даже не знаешь, что нужно поприветствовать всех с добрым утром, — начал отец, печально покачав головой.

— Если бы я поприветствовал тебя с добрым утром, ты бы поинтересовался, помыл ли я лицо, а затем бы снова заговорил про традицию, принятую среди всех людей, что, пока человек не вымоет лицо, он не будет никого приветствовать с добрым утром, и все в таком духе... Полно с меня, я слышал это тысячу раз.

После этого последовала короткая тишина. Что еще я мог ответить человеку, который был убежден в том, что он являлся образцом того, как нужно вести правильную жизнь? Разговор с ним был просто бессмысленным.

— Мать сказала, что ты ушел с работы... Это так?

— Конечно, это так.

— Для тебя это как само собой разумеющееся. Чего умный стыдится, тем глупый гордится. А чем же ты собираешься теперь заняться? Как же будет жить дальше, джентльмен?

— Не беспокойся, тебе не придется меня кормить.

— А я и не буду, — решительно ответил отец и поставил чашку с кофе на стол.

— Боги собираются в Швецию, он хочет там найти работу, — встряла мать, пытаясь как-то всех успокоить. Но до сих пор она так и не взглянула на меня. — Платят там довольно неплохо, кажется.

— Что за работа? — нахмурившись, спросил отец и искомса посмотрел на мать. Он становился все более озлобленным. Скорее всего, мать так ему и не сказала о моем намерении поехать в Швецию. А теперь он узнал об этом, и эта новость, как видно, начала крушить в пух и прах его запланированную речь. — Какая еще, к черту, Швеция? Как будто они там ждут не дождутся, пока приедет твой сын! Да там кого-то ждет полный провал. Там надо хорошо вкальвовать, иначе останешься без средств к существованию.

— Говоришь так, как будто ты был в Швеции?! — Я положил на стол ладони, настолько потные, что они прилипали к клеенке. И когда я подумал о том, что этот человек спит с моей матерью, что он кричит и скачет на ней (эта мысль очень часто посещала меня в последнее время), то во мне пробудилось желание заорать во все горло.

Крошечные глаза отца, прячущиеся под толстыми стеклами очков, прищурились еще больше, а его рот превратился в одну тонкую линию. Казалось, что его седые волосы стали тоньше, а нос — больше. Он никогда не выезжал за пределы страны. Из Сребницы в Боснии он переехал в Тузлу и остался бы там жить до самой смерти, если бы не развязавшаяся война. Он бежал в Белград, где и обосновался. Вместо его историй о путешествиях я всегда слушал одну и ту же песню о том, как он собирался отправиться в Вену перед самой войной, но не смог, потому что не захотел оставлять мою беременную мать одну. И этот поступок, якобы, должен был создать впечатление того, что его преданность семье в итоге помешала ему достичь каких-то высот в карьере. Так обычно, на каком-либо из престольных праздников, после нескольких бокалов вина он медленно и любезно начинал рассказывать гостям о том, как его почитала и уважала вся семья, и какие давние купеческие традиции в семье были. В Стамбул мы посылали караваны с черносливом, а в Вену и Будапешт — древесину. Он также несколько раз все собирался

отправиться в путешествие, да вот чувство долга перед семьей все время не давало ему осуществить намеченное.

— Ты знаешь прекрасно, почему я этого не делал! Нужно же было кому-то кормить и воспитывать младших братьев и сестер. Если бы я был таким, как ты, то они бы сейчас где-нибудь шлялись по округе в поисках пропитания. Но я — не ты, и на сегодняшний день из них вышли благородные и достопочтенные люди.

— И из Младена тоже?

В семье отца беспокоились только за одного человека, и им как раз был мой дядюшка Младен. Он так и не окончил школу, работал от случая к случаю, но с ним можно было проговорить по душам до самой ночи, да так, что от разговора не тянуло в сон. Вся семья перешептывалась по поводу его юношеских любовных приключений в Тузле и Сараево. Он привил мне интерес к йоге, а на мое семнадцатилетие подарил книгу по оккультизму. Это был «Личный магнетизм» Эбби Нолза. Эта наивно написанная книга взбудоражила воображение и оставила свой след в моей памяти.

— Ты думаешь, что отыскал хороший пример для подражания? Ты хочешь закончить так же, как и он? Чего же ты реально хочешь от жизни?

— Я не знаю, но я знаю, чего я не хочу. Ты когда-нибудь смотрел на свою жизнь под другим углом? Меня тошнит от этого! — По моему телу пронесся жар, и я начал говорить еще быстрее. — Вместо настоящих ценностей навязываются какие-то обманчивые и фальшивые... Все люди, которых ты ценишь, не лучше тряпичных кукол. Они нацелены только на то, чтобы беззаботно и бесцельно провести свою жизнь. Их жилье, брак — вся их жизнь похожа на комнату ожидания какого-то лучшего завтра, которое никак не наступает. Кроме как еды, питья да пустого социального признания им больше ничего не нужно.

Я только хотел сказать отцу, что среди всей семьи только у Младена было что-то внутри, что могло побудить человека к мыслям, как он прервал меня своим вопросом о том, чего я хочу в жизни, несмотря на то, что уже со школьной скамьи я пристально размышлял над ним. Кто я такой, откуда я, какова цель в моей жизни, зачем я здесь?.. Да, а теперь попробуй-те объяснить это человеку, который тратит свою жизнь на то,

чтобы рассказать всем, какой он умный, как он убежал со всей семьей из Боснии, и как он спас наши головы. Он один из тех, кто думает только об уходе на пенсию, кто пытается убедить всех остальных, что его семья состояла из честных и благородных людей, и что они посылали караваны с черносливом в Стамбул. Он не был в состоянии понять столь многих вещей. Он горбатился, его правое плечо было явно ниже левого, ослабленные мышцы живота уже были не в силах сдерживать его растущее пузо, и при всем при этом он верил, что моей матери дико повезло, что она вышла за него замуж.

— Ты не знаешь, чего ты хочешь?! Позволь-ка мне кое-что сказать тебе, сынок. Все дети плачут, когда они появляются на этом свете, но не ты, ты просто выл, сопротивлялся, отбивался ото всех, как никто другой, и до сих пор ведешь себя так же! Чем же я так насолил Богу, что он мне подарил такого сына, как ты? — заговорил он голосом жертвы, и в тот же самый момент его глаза, спрятанные под толстым стеклом очков, озарил пронзительный луч света. — Ну, скажи же мне, пусть я не такой образованный, как ты, но сколько лет тебе понадобится на то, чтобы выяснить, чего же ты все-таки хочешь?

— Чего я хочу в жизни?.. — Я хотел ответить резко, уместив в одной колкой фразе все мои годы размышлений, посещавших мою голову, но не находил подходящих для этого слов. И я повторил: — Я знаю, чего я не хочу. Я не хочу провести свою жизнь, размышляя о том, какие у меня есть льготы, какую пенсию я получу. Я не хочу быть отцом двоих, троих детей, которые после меня будут жить точно так же, как и я. Я не... — Я уже собирался перечислить ему целый список таких вещей, который неоднократно повторялся при похожих разговорах, но не решился. В этом не было никакого смысла. Он полагал, что его образ жизни единственно верный, и что такие люди, как я, — конченные неудачники. Это окостеневшее мнение не поддавалось никакому преобразованию.

— Я хочу знать, кто я такой, — успокаиваясь, ответил я. — Вот это я хочу узнать.

На какой-то момент я почувствовал облегчение. Такой ответ исходил из всего моего существа — не нужно было ничего добавлять или убирать. Это и был тот самый ответ. Ради ответа на такой вопрос стоит жить.

— Ну, мой сын, — кивнув головой, начал он прощальную речь, — прощай, здравый смысл! Этим вещам не учат в школе. Такими делами занимаются забывшиеся поэты и художники, которые транжирят свою жизнь за стойкой бара, да бородатые слонтяи, которым нечем заняться в жизни.

Я был спокоен, моя голова, казалось, была кристально чиста, как будто в нее залили ведро холодной воды. Мой ответ, по сути, представлял собой беседу с самим собой:

— Конечно, этому не обучают в школах. И это очень досадно, ведь в обществе, в котором мы живем, я не встречал ни одного человека, кто бы знал, кто он такой. Но это можно выяснить. Где? Как? Я пока этого не знаю. Но я знаю, что это можно разузнать.

Отец молча смотрел на меня, словно думал, что я заболел какой-то дурной и коварной болезнью, против которой разумные слова были бессильны. И в конце концов не выдержал:

— В Швеции тебя ждет только физический труд... Для того чтобы ты тут странствовал с дипломом по психологии, мы пожертвовали многим... а что будет с Лидией?

Это меня и тяготило. Я не питал особых иллюзий, что Лидия будет как-то содействовать мне в «поисках самого себя», что будет со мной заниматься физическим трудом в Швеции... Она была хорошо воспитанна, имела четкую систему ценностей, от которых не могла отойти, даже если бы и захотела. Она терпеливо относилась ко мне во время моей учебы, полагая, что мои планы отправиться в Индию на поиски самого себя, на поиски ответов на вечные вопросы человечества просто растворятся сами собой. В идеале она мечтала об уютной жизни, что означало, что я найду работу в Белграде, куплю квартиру, мебель, ковры, занавески, что мы нарожаем детей, которые, как лучшие ученики, будут читать поэмы на школьных собраниях.

— Ну, если она хочет дожидаться меня, то должна мне дать хотя бы шанс, пару лет, на поиски. Если же она этого не захочет, то ей лучше искать счастья в другом месте.

— Годами дожидаться тебя, пока ты там будешь искать себя с шайкой бездельников? Сколько лет она уже потратила на то, чтобы дожидаться, пока ты выйдешь из университета? Сын, ты окончательно свихнулся. Такая девушка... такая девушка...

Я заметил неодобрительный взгляд матери в тот момент, когда она начала покачивать головой. Ее глаза налились слезами, а подбородок задрожал. Мое безрассудство, которое она не могла понять, разрушало ее мир. Она полагала, что все мои проблемы исчезнут сами по себе, когда мне выдадут диплом. Матерям редко когда нравятся девушки своих сыновей, но Лидию она полюбила. Они часами болтали на кухне, Лидия брала у нее рецепты традиционных блюд и тортов и сдержанно принимала ее советы. В ней не было притворства — это были искренние отношения между двумя людьми, разделяющими одну и ту же систему ценностей, один и тот же образ жизни. Можно было легко представить Лидию через тридцать лет, как она бы разговаривала с девушкой своего сына.

— Я признаю, что Лидия — достойный уважения человек. Иначе бы я не тратил на нее столько лет своей жизни. Но я не могу ничего поменять. Если я останусь тут, то она проведет свою жизнь с очень несчастным человеком. Разве этого вы хотите? В этой проблеме есть только одно решение, и только я могу его найти.

Мать с отцом продолжали молча смотреть на меня. Они не понимали, что такое происходит со мной, да и я, в общем-то, сам плохо это осознавал. Они думали, что я одержим какой-то силой, перед которой они были бессильны. Я заприметил пушоту в животе, когда сказал:

— Я собираюсь на вокзал, чтобы купить билет до Стокгольма.

На часах было уже за десять, когда я вернулся домой с билетом второго класса в кармане. Поезд будет идти через Будапешт, Прагу, Восточный Берлин. Мать сидела на кухне на том же самом месте, словно она замерла на нем, а стул отца теперь занял Младен. С тех пор, как я начал работать в Станисте, мы стали реже видеться. Я надеялся, что наша последняя с ним встреча будет проходить у него в студии, а не на кухне у матери, где в любую минуту мог показаться отец. Он сидел за столом в свойственной ему манере. Сигарета без фильтра, прилипшая к его нижней губе, потихоньку догорала, отклоненная слегка назад голова позволяла дыму беспрепятственно возвышаться над головой, не попадая при этом в глаза. Его лоб вспотел, лицо наполнилось краской, а взгляд в глазах был какой-то затуманенный. Он выглядел так, будто уже опрокинул пару

рюмашек. И даже сейчас перед ним стоял стакан. Он расстегнул рубашку так, что из-под нее показывалась майка, из-под которой на груди стали выпирать его белесые волосы. «Как же он постарел», — с изумлением заметил я.

— Где же ты был, красавец? — произнес он надтреснутым из-за дешевого табака голосом. Перед ним лежала открытая пачка «Дравы». Такие дешевые сигареты курили только работники на стройке да грузчики на железнодорожных вокзалах. — Давай-ка, посиди чуть-чуть со старым дядюшкой. Твоя мать сказала мне, что ты отправляешься в дальний путь, и кто знает, увидимся ли мы еще раз или нет?

— Почему это мы не увидимся? Ты что, хоронишь меня? — Я уселся напротив него. Я хотел излить ему всю душу, но присутствие матери меня сковывало. У меня сложилось ощущение, что мой запланированный отъезд каким-то образом придавал мне важности, и я хотел как-то переключить внимание с себя, начав разговор по душам.

— К тебе приходила Лидия, но она тебя не дождалась и ушла буквально несколько минут тому назад. Она сказала, что позвонит тебе утром, — тихим голосом произнесла мать. И, ничего не услышав от меня в ответ, она вышла с кухни, медленно переставляя отекавшие ноги.

Наклонив голову и прищурив один глаз из-за дыма от тлеющей сигареты, Младен продолжал смотреть на меня.

— Не мне давать тебе советы, тем более что ты более образован, чем я, но все же я всегда жалел о своих поспешных решениях, — начал он. — Почему бы тебе не переждать пару днейков? Если твое решение действительно окончательно, то ты будешь хотеть того же и после. А если нет... то ты передумаешь.

— Я не хочу откладывать. Если я не поступлю так, как нужно, сейчас, то потом, конечно же, передумаю. Я знаю себя. Я такой. Я поеду, и будь что будет. В любом случае рано или поздно, но я приеду обратно. Я не собираюсь жить взаперти.

Младен скривил губы и в последний раз затянулся сигаретой.

— Это не так-то просто, Боги. Человек со стыдом возвращается обратно, если он потерпел поражение. Многие из моих друзей остались во Франции и либо моют там тарелки, либо вкалывают на вонючих заводах. Человеческое тщеславие — смертельная болезнь.

— Тебя отец надоумил отговорить меня?

— Да, — непринужденно ответил он и потушил сигарету большим пальцем, пожелтевшем от табака. — Так или иначе, я все равно хочу сказать тебе кое-что. Я понимаю твоего отца, хоть и редко, когда с ним соглашаюсь. Я не собираюсь убеждать тебя в чем-то, ненавижу просто, когда кто-то так же ведет себя со мной. Если честно, то у меня не так уж много людей, которые были бы мне ближе, чем ты. Понимаешь?

Волнение начало захватывать меня, и я почувствовал тревогу. Я не хотел, чтобы наш с ним разговор закончился слезами.

— Я, между прочим, на твоей стороне, — заявил Младен, глядя в мою сторону. — Мы разговаривали о многом, но этой темы мы с тобой еще не затрагивали. Я точно знаю, что времена изменились. Точнее, они постоянно меняются. — Он медленно полез еще за одной сигаретой, закурил ее и продолжил свои призрачные измышления: — Что-то произошло на коллективном бессознательном уровне. С каждым днем растет число людей, отправляющихся в одиночку на поиски самих себя, индивидуумы стали слишком независимы, чтобы ходить на дурацкую работу, которая повторяет себя изо дня в день, но в то же время эти люди очень слабы и изолированы, чтобы вызвать значительные перемены в обществе, которые соответствовали бы их представлениям. Ты один из них, и во мне тоже есть эта черта, с той лишь разницей, что сил на поиски у меня почти не осталось. — Он глубоко затянулся сигаретой. Обычно это говорило о том, что он искал в голове подходящие слова. — Как и твой отец, я очень беспокоюсь по поводу того, что твои искренние поиски самого себя закончатся полным поражением и опустошением. Ты поймешь это, как это понял и я.

Он снова затянулся и уставил свой взгляд куда-то вдаль, словно смотрел через стену. Он вспоминал свои прожитые дни, скорее всего, молодость, свои неоправданные планы, великие идеи, которые так и не воплотились в реальность... Свою любовь, трагическую и возвышенную, предательские дружеские отношения...

— Мой разум говорит мне, что твой отец прав, но... я никогда не был благоразумен. Сердце говорит мне, что ты поступаешь правильно, что ты должен ехать, несмотря на то, что ты расстаешься со своими хорошими родителями, девушкой,

друзьями, родными местами, в которых ты вырос... всем тем, что делает жизнь благоприятной. Само собой разумеется, не используй произнесенные мною слова в качестве аргумента против своего отца. Он воспримет это как самое что ни на есть предательство.

Я кивнул головой, и он, посмотрев в сторону кухонной двери, проверяя, идут ли сюда отец или мать, продолжил:

— Знаешь, много лет тому назад мне бы все-таки стоило отправиться в путешествие... — Его блестящие глаза снова уставились куда-то вдаль, но через мгновение он продолжил: — Может быть, я бы и на новом месте начал пить, тут трудно сказать. Но я знал точно, что буду пить, если останусь тут. И я остался тут, потому что был слаб. Я предпочел маленький и безопасный пруд огромному океану. Я был напуган, не сказать, что сильно, но было бы неправдой говорить, что страха я вообще не чувствовал. Этот страх ограничил мой мир, мои мечты грезами над книгами и трепом за выпивкой в баре.

Я любил Младена, я знал историю его жизни, а также и то, что он никогда не признавал свое поражение в таких простых словах. Там была некая трагедия, которая наполняла мои глаза слезами. С печальной улыбкой на лице он продолжил:

— Все архетипичные истории говорят о том, что человек входит в неизвестный мир, и по возвращении домой он уже наделен таким опытом, который невозможно заполучить в домашних условиях. Человек возвращается уже более зрелым, здоровым, преображенным, то есть этот искатель истины мудро распорядился своей жизнью. Тебе это по силам. В обязанности отца входило завести детей, добиться уважения от окружения, давать советы другим людям, которые они обычно игнорировали, и умереть с достоинством. В этом нет ничего плохого. Но такая жизнь не для тебя. У тебя есть цель в жизни.

Он чуть не подавился, когда с трудом проглатывал слюну. Тишина, окутавшая всю кухню, была столь напряженной, что какой-нибудь скрежет ногтем мог в два счета ее пронзить.

— Я упустил свой шанс, и поэтому я неудачник. Мы оба знаем об этом. Я бы не хотел, чтобы ты пережил то же самое. Как говорят: «Что бы ты ни выбрал, тебе будет о чем жалеть». Ты пожалеешь о том, что уехал, как и о том, что остался. Я не такой уж эксперт, чтобы давать людям советы, за исключением

баров, конечно, но вот что я скажу: лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном. У тебя будут тяжелые времена, но ты их переживешь. — Он наклонил голову в другую сторону и, улыбаясь больше себе, нежели мне, спросил: — Ты читал «Приключения молодого человека»... Хемингуэя, кажется?

— Нет, что-то не припомню.

— Мне не очень нравится его стиль изложения, слишком уж он просто пишет, но сама история хороша. Это, очевидно, его автобиография. Герой книги — молодой провинциальный американец, жаждущий стать писателем. В его деревне живет несколько сот людей, каждый знает друг о друге практически все — такая настоящая провинция. Но он задыхается в этой провинции, он хочет отправиться в огромный мир, хочет воплотить свои мечты, хочет стать кем-то и чем-то. — На его лице снова показалась улыбка. — Никого не напоминает, а? Молодой человек немного пишет для местной газеты. И в один прекрасный день вдруг понимает, что с него хватит, и он собирается расстаться со всем, что у него есть, и отправиться в Нью-Йорк. Его родители, девушка, друзья, все пытаются отговорить его... Но он чувствует внутри, что жизнь в деревне не для него. В его сердце затаился некий холодок... — Младен украдкой посмотрел на меня, а затем снова уставил свой взгляд куда-то вдаль. — Он решает отправиться в путь, несмотря ни на что... Чтобы не свернуть с полпути, он отказывается от денег отца, которые предназначались ему на покупку билета, и идет пешком, ночуя в товарных составах вместе с бродягами... Со временем его целеустремленность начинает постепенно угасать, оставленная им прежняя жизнь манит его назад все больше и больше, сам Нью-Йорк кажется ему все дальше и дальше, а мировая известность вообще ушла за горизонт. Через пару дней его вышвыривают из поезда, и он оказывается в какой-то богом забытой деревне, голодный, измотанный и подавленный. И что еще хуже, начинает идти снег. Он находит укрытие в заброшенном хлеву и ждет, пока снег не перестанет идти. Но как это бывает в жизни — снег все идет и идет. Его уже терзают сомнения. Он лежит на сене в промокшей одежде, весь промерзший и голодный, погруженный в мечты о доме, о вишневом пироге его матери, о девушке, друзьях... все это для него теперь кажется чудесной мечтой. Но в то же время ему стыдно

сдаваться — он понимает, что станет посмешищем для всей деревни, если вернется обратно. Но снег все идет, идет днем и ночью и даже на следующий день, кажется, что ему не будет конца. Он принимает решение переждать еще три дня. Если вечером третьего дня снег так и не прекратится, то он пошлет телеграмму отцу и попросит денег на билет, чтобы вернуться назад домой. Если же погода улучшится, то он продолжит путешествие.

Младен полностью захватил меня своей историей. Его слова превращались в живые образы: я ощущал внутри себя борьбу того молодого человека, я ощущал его промокшую одежду на теле, я чуял запах мокрого сена, на котором он лежал.

— Конечно же, — продолжил Младен уже с полузакрытыми глазами, — вечером третьего дня снег все еще продолжал идти... Молодой человек отправился к старому железнодорожному вокзалу, вокруг которого не было ни души. Около телеграфа стоял человек средних лет, на его голове виднелся зеленый козырек, а рукава были закрыты черными нарукавниками, что когда-то использовались клерками, чтобы меньше пачкать свои рубашки. Молодой человек спросил его, может ли он отослать телеграмму за счет своего отца. И он действительно мог, с этим не было проблем, ему выдали форму для заполнения. Он написал: «Отец, пришли мне денег на билет. Я возвращаюсь домой».

— А-а-а-а, — произнес клерк, когда прочел ее, — молодой человек отправился покорять мир, но все-таки передумал.

На что разозлившийся молодой человек ответил:

— Это не ваше дело.

— Да не сердись, — продолжил клерк, — тут нет дурного умысла, даже наоборот, есть симпатия. Знаешь, ты напоминаешь мне молодого себя. Тридцать лет тому назад я ушел из богом забытой деревеньки, чтобы покорить огромный мир. Я так же, как и ты, путешествовал с пустыми карманами. С самого начала я хотел уже быть независимым. Ты не поверишь, но тогда тоже шел снег. Я весь промерз, я хотел есть, никто не впускал меня переночевать, никто не давал куска хлеба, и я сказал себе, что если через три дня снег не прекратится, то я отправлюсь назад домой. Было нелегко. Веришь ты или нет, но я пережил эти три дня. Они мне показались тремя голодными годами. На третий день я послал отцу телеграмму и вернулся домой.

Младен был полностью погружен в историю, пока рассказывал ее. Его взгляд устремился еще дальше в даль, глаза выровнялись, а веки приспустились — передо мной сидел тот самый клерк с черными нарукавниками и рассказывал историю из жизни. Он продолжил, медленно произнося каждое слово: «И знаешь что, — сказал клерк у телеграфа, — я провел всю свою жизнь здесь. У меня хорошая жена, двое взрослых детей и прекрасный внук. Я стал начальником телеграфной ночной смены. Если оглянуться назад, то могу сказать, что я в какой-то мере доволен собой. Однако я часто прокручиваю в голове свое путешествие, особенно в бессонные ночи. И мне интересно...» Дрожащий голос Младена умолк. На момент я подумал, что он сейчас заплачет. Он глубоко затянулся сигаретой и продолжил повествование: «Интересно, какой бы оказалась моя жизнь, если бы этот чертов снег перестал идти на третий день?» И после этих слов молодой человек взял телеграфную форму, скомкал ее, выбросил в мусорное ведро и удалился... Конечно же, он продолжил свое путешествие, и мир обрел великого писателя.

У Младена затряслись голос, руки и подбородок. Его лоб сморщился, а сам он глядел на стакан с бренди и медленно кивал головой, словно мысли унесли его куда-то вдаль.

— Знаешь, Боги, когда я прочитал эту историю, я увидел в ней свою жизнь. И в ту же самую ночь мне было так плохо, что я решил выпить. — И, не переставая кивать головой, он на какое-то время замолчал, а затем, подняв голову, посмотрел на меня с широко открытыми глазами и решительно произнес: — Отправляйся покорять мир, Боги! Нет лучшей школы в жизни. Постарайся преодолеть все препятствия у себя на пути, а когда тебе будет очень трудно, и ты начнешь думать об отступлении, вскрой вот эту бумагу. Ты найдешь в ней то, что поможет тебе в этот нелегкий момент. Это настоящий талисман, каких мало на свете. — Он протянул мне сверток, закрепленный красной восковой печатью, и продолжил: — Будет нелегко, но так и должно быть... Человеческая душа похожа на каштан — она должна пройти сквозь огонь, чтобы стать сладкой.

Стокгольм. Я никогда не подозревал, что он окажется для меня таким важным в этом воплощении. В последнее время из моей головы никак не выходили расплывчатые мысли о Лондоне, Сан-Франциско, Ришикеши в Индии или Лхасе в Тибете, я прокручивал в голове образы бесчисленных деревень на гималайских склонах. Я даже и не предполагал, что по истечении значительного периода времени буду играть в прятки с самим собой, что время от времени буду наткаться на зеркало, которое разместил на своем Пути, и что буду отступать от своего собственного изображения, в котором я буду смотреться не так, как я того хотел. Жизнь была бы скучна без таких сюрпризов, без нашего истинного «Я», без Атмана, как говорят индусы, она была бы сплошной тоской. И по этой причине Он отделил себя от всех источников вечной безупречности, которые только и могли, что быть крайне скучными, и отправился в долгое путешествие на поиски самого Себя, притворившись, что не знает, что является тем, кого искал.

Я ожидал, что найду оккультистов с глубокими знаниями и ясным видением индивидуальной и социальной деятельности, магов «Нью Эйджа», наделенных древними воспоминаниями и вечными знаниями, а также мистиков, до которых не так-то уж и легко добраться из-за их неприязни к любопытным новичкам, которые жужжат над ухом, как москиты в теплую ночь. Такая вера закреплялась постепенно, на протяжении многих лет, пока не отвердевала, как пещерный сталагмит, и с тех пор не приемлела иных мыслей, сомнений и неопределен-

ностей. Во время моего короткого пребывания в Стокгольме все мои ожидания потерпели крах. Я оказался за машиной по чистке картошки, весь день проводил на кухне в отеле «Фореста» среди группы югославы. У каждого была своя история о том, как он попал в Швецию, но все они, как яблоки в корзине, были очень похожи друг на друга.

Перед дорогой я поклялся себе, что буду всячески избегать контактов с соотечественниками, но судьба, эта хитрая госпожа с туманным взглядом, быстро напомнила мне слова матери, которая говорила о том, что если ты даешь клятву по поводу чего-то, то в итоге выходит совершенно противоположное. Можно удалиться от дома на тысячи километров, но все равно будешь нести с собой связи, которых ты хотел бы избежать. Эти связи — они как горб, взвалившийся на горбуна. Временами ты можешь думать, что изменился, но в твоём подсознании действуют механизмы, которые воссоздают прошлые отношения и привлекают похожих людей.

Кто только ни работал в этом отеле. Там были и южноамериканцы со смуглой кожей, темными глазами и выпирающими скулами, и немецкие и австрийские студенты, и робкие японцы, которые видели в каждом босса и выполняли любые данные им поручения, и финны-алкоголики, и греки с их полными женами, и громогласные турки, и пакистанцы, спорящие и угрожающие друг другу длинными ножами. К концу лета подтягивались американские студенты, беглецы в годы Вьетнамской войны. В здании, где жили сотрудники отеля, в основном иностранцы, имелась одна общая просторная комната, стены которой были покрашены в светло-зеленый цвет. Наймом сотрудников занималась сама хозяйка отеля, в мой первый день она привела меня в эту комнату и с кислой улыбкой на лице, стараясь как-то приободрить меня, сказала: «Ты будешь рад услышать, что здесь много югославы».

В углу, на стойке, стоял кофейный аппарат, а у двери — аппарат с кока-колой. Около десяти человек сидели на железных стульях с мягкой обивкой и смотрели телевизор. За столом, рядом со входом, сидел молодой паренек — эти улыбчивые глаза, этот изящный нос я не раз встречал на улицах Белграда. По утрам я видел его в очередях за билетами в кинотеатр, а также на улице Кнез Михайлова, когда прогуливался там. А теперь он сидел в одиночестве с сигаретой в руке.

— Мы же знакомы, да? — начал он. Я кивнул и слегка улыбнулся.

— Когда ты прибыл? — спросил он и, жестом пригласив меня присесть и откинувшись назад, добавил с надеждой: — Играешь в преферанс?

— Нет, — неловко ответил я.

— Эх, очень плохо... а в шахматы?

— Конечно.

— Уже не так плохо. Вся работа здесь однообразна, и нужно хоть как-то убивать свое время. Меня зовут Реля. — Он поспешно пожал мне руку, словно у нас было много общего, чем мы вдвоем могли бы заняться, а затем тихо добавил: — Народ здесь водится странный. Ты можешь описаться от смеха, как они говорят: «Сумасшедший достает растерянного».

Он мельком окинул взглядом комнату, а затем, как конспиратор, едва шевеля губами, сказал следующее:

— Вон там в углу сидит доктор Ташик. Он настоящий сексуальный маньяк. Через пять минут сразу после знакомства он уже будет говорить тебе, скольких шведок он попортил.

— И чем же он занимается?

— У нас здесь у всех одна и та же работа. Неквалифицированный труд: мытье посуды, уборка, вынос мусора. Каждый, кто только приходит сюда, должен отработать таким макаром целый год, шведы отказывают в лучшей работе... Ты дискаре? — добавляет он на шведском.

— А кто это?

— Посудомойщик.

— Нет, я чищу картошку.

— Не такая уж плохая работенка, — заметил Реля. — Ты один, не нужно слушать эти дурацкие разговоры. Здесь люди либо врут и хвастаются, либо жалуются и просят занять денег в долг. — Он повернулся на стуле к народу, собравшемуся вокруг телевизора, и громко прокричал: — К нам пожаловал еще один соотечественник!

Я через силу выдавил улыбку на лице. На какой-то момент я даже был рад, что никто из них не стал подходить ко мне и жать руки. У стойки наливал себе кофе высокий молодой человек с черными редеющими волосами и темными кругами под глазами. Он быстро оглядел меня с ног до головы и спросил:

— Захватил с собой сливовицы и наших сигарет? Здешнее американское дерьмо невозможно курить.

Я покачал головой. Доктор Ташик направился к выходу и, задержавшись на секунду около нашего стола, добавил:

— Здесь не так уж плохо до тех пор, пока не найдешь что-то получше.

— Кто ты по профессии?

— Я доктор Ташик. — Он говорил басом, что придавало ему большей уверенности. Тогда я так и не смог запомнить имена всех остальных людей.

Пару дней я чувствовал себя спокойно и в безопасности. Было место, где переночевать, хорошей еды было в избытке, а сама работа отнимала у меня совсем немного времени. Здесь я получал в три раза больше, чем Лидия, работавшая инженером в Белграде.

Сотрудникам отеля, иностранцам, можно было получить комнаты в здании, располагавшемся позади самого отеля. Меня поселили в комнате с Нейлом Бечичем, который до этого жил один в самой большой комнате здания для сотрудников. Он прибыл в Стокгольм из боснийской деревеньки за два дня перед моим приездом. Парень был крепкого телосложения с тяжелыми плечами. Он заикался, и в те моменты, когда заикание мешало ему свободно говорить, становился резким и агрессивным.

Каждую ночь группа сотрудников «Форесты» и некоторых других ресторанов Стокгольма собиралась в нашей комнате. Они играли в шахматы и карты, пили сливовицу, привозимую контрабандой из Югославии. В одну из первых таких ночей я повстречал Бейна Дефлиша.

О нем нельзя было сказать, что он приехал в Швецию на заработки. Бейн Дефлиш! Знаменитый Бейн Дефлиш с белградской площади Теразии. Ему было около сорока лет, высокий, плотный, я бы даже сказал, слегка грузный, с гладко выбритым лицом и смазанными ореховым маслом волосами. У него были густые, хорошо очерченные брови, которые он поднимал вверх, когда хотел выделить слово, темные глаза говорили о том, что он имел представление о женщинах. Он оставлял за собой впечатление соблазнителя, вечно одетого в форменную одежду: военно-морской голубой блейзер, серые брюки из хорошей легкой фланели, белая рубашка с полосатым галстуком

и начищенные до блеска черные туфли. Еще с Белграда я уже запомнил этого соблазнителя, о котором ходили всевозможные слухи. Его кличка, Дефлиш, вызывала восхищение у нас, юной молодежи. Это был приукрашенный псевдоним Бейна Дефлоратора, так как, согласно слухам, многие девушки отдали ему свою девственность. И сейчас, несмотря на то, что он был хорошо одет, Бейн походил больше на крупного кота, которого тянуло к земле из-за его возраста. «Нет счастья в работе, которую выполняют югославы и турки, — частенько повторял он. — Как бы я хотел запрыгнуть на какую-нибудь богатую старую дамочку». Он был дополнительной рабочей силой в ресторане, и ему впервые приходилось поднимать тяжести, которые были весомее женских ног.

В этой группе я довольно быстро добился определенного уважения, так как играл в шахматы намного лучше остальных. Для меня это было не так уж сложно — они играли в стандартные шахматы, думали только о следующем ходе, никто из них не знал о шахматной теории. Уже со средней школы я знал, как поставить королевский гамбит, как начать испанскую и итальянскую партии, а также кое-что о сицилийской защите. Этого было вполне достаточно, чтобы завоевать незаслуженную репутацию шахматного мастера. В прокуренной табачком комнате мы устраивали турниры, которые заканчивались за полночь, где я уже чуть ли не заранее занимал первое место. Некоторые игры сопровождалась шумными спорами, руганью и опрокидыванием фигур.

Бейн Дефлиш не играл в шахматы. Когда мы приглашали его принять участие, он только поднимал вверх свои брови. Это не приносило соблазнителю с ужасающим прозвищем никакого удовольствия. Мое внимание частенько перескакивало на него против моей воли. В нем было некое величие, характерное для людей, знающих, как привлечь женщину. Вместе с этим в нем была и уверенность, с которой он отдавал официанту приказания в ресторане, и элегантность, с которой он стряхивал пепел сигарет, и манерность, с которой он приносил свои извинения, когда ему надо было отойти в туалет. Он чесал голову длинным ногтем правого мизинца, на котором был сделан маникюр, так что его сияющая от масла прическа оставалась практически нетронутой. Он говорил о женщинах

в совершенно ином стиле, отличном от того, что использовали остальные люди, собравшиеся в нашей комнате. Он ничего не говорил про грудь, ноги и зад, он уделял внимание деталям, которые многие не замечали. «Ну, — начинал он, важно покачивая головой, — та женщина не была красавицей, но она обладала восхитительными руками, прелестными коленками и изящными лодыжками». Когда он говорил о ком-то, кто в тот момент отсутствовал, то упоминал его сексуальный статус: «Это привлекательный, достигший успеха с же-е-енщинами мужчина», — а затем многозначительно почесывал ногтем мизинца одно и то же место на голове.

С самой первой встречи с доктором Ташиком вы расценили бы его как сексуального маньяка. Истории о его сексуальных достижениях обильно сочетались с фактами, которые, как он утверждал, были доказаны в научных кругах и могут быть подтверждены свидетелями. В его присутствии никто не сомневался в его историях, но когда он уходил, его личность на какое-то время становилась главной темой для разговоров. Его прозвали Доктором Трехчленом, но он не возражал по этому поводу.

Десимир, низкоранговый офицер в отставке, приехавший в Швецию на заработки для покупки нового «фольксвагена», бывал у нас в комнате в свободное от работы время. Он работал в две смены, разделял комнату с семьёю соотечественниками, курил бычки, экономил на проезде в трамвае, добираясь каждый день до работы пешком, что отнимало у него полчаса времени. При разговоре он использовал короткие, простые предложения, словно рубил по дереву. У него были резкие черты лица, глубокие морщины на щеках, пронзительный взгляд серых глаз и узкая ямка на самой середине подбородка. Он немного говорил о солдатской жизни, но в то же время выражал сильное уважение к устоявшемуся порядку и иерархии. На третью ночь моего пребывания у Нейла, когда Доктор Ташик уже рассказал свои чрезвычайно творческие истории и удалился, Десимир спросил нас:

— Вы слышали, о чем он тут говорит?

— Я не верю ни единому слову, — ответил Дефлиш, — он только и умеет, что врать. Кто его видел вживую со всеми этими женщинами, с которыми он переспал?

— И дело не только в количестве женщин, — добавил Десимир, медленно затягиваясь сигаретой, собранной из бычков. —

Вы только послушайте, какую чушь он мне недавно рассказал... Он якобы на машине выехал из Югославии и через полтора дня уже промчался через Венгрию, Чехословакию и Восточную Германию, откуда напрямиком долетел до самого Стокгольма. (Десимир произносил «Стокгольм» на немецкий манер.) Он остановился на ночь только в Праге. А затем, слушайте сюда, по дороге выпил литр виски, и ни в одном глазу, так что он спокойно доехал до отеля. На парковке принимала машины девушка неземной красоты. Она сказала ему: «Сэр, не хотите ли вы, чтобы я поднялась к вам в номер и подготовила кровать?» — «Конечно», — ответил Доктор Трехчлен. Она отвела его в комнату, после чего сразу же запрыгнула на него... ну и понеслось. Он сказал: «Я драл, драл и драл ее, пока мне это не надоело. В итоге я отодрал ее три раза». А затем она сказала ему: «Сэр, у меня есть дома младшая сестра, Ануска, она даже лучше меня. Мне ее привести?» — «Конечно», — ответил Доктор Трехчлен. Она привела ее, а затем, как он сказал: «Я отодрал Ануску три раза на глазах у ее старшей сестры!»

Десимир глубоко затынулся и поднял указательный палец вверх:

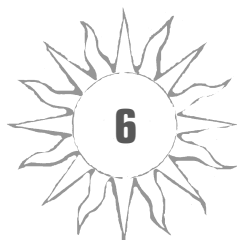
— А теперь скажите мне, где здесь логика? Как она могла оставить свое рабочее место на парковке и пойти с ним кувыркаться?

Я пребывал в хорошем настроении на протяжении пятнадцати дней с того момента, как оказался в таком окружении. А затем меня накрыла депрессия. Из-за окружающих меня людей я чувствовал, что так и не покинул родной дом. Те же лица, те же разговоры о сигаретах и сливовице, подробные рассказы о сексуальных похождениях со шведками и финками, грубый юмор... Все-го этого я уже натерпелся у себя дома, прежде чем отправиться в Стокгольм. Я пытался прочувствовать внутренние изменения, но без толку, поскольку мои планы найти себя и не растрчивать время на тривиальные вещи столкнулись с суровой реальностью.

В этом месте не было никаких мастеров Великой Белой Ложи Посвященных, как и не было авторитетных лиц по ритуальной магии, которые могли заставить содрогнуться целый космос, здесь даже не было привлекательных женщин с узкой талией и роскошной грудью, которые посвящают зрелых адептов в тайны сексуальной алхимии на шелковой кровати.

Я думал об отце, который отпраздновал бы победу, если бы узнал, где я оказался. В моей голове проносились образы Младена, его ожидания, что я преодолею периоды застоя, я вспоминал о приятно проведенных с Лидией моментах, о размытом силуэте матери, вздыхающей на кухне. Ко мне, как вор, прокралась еще одна мысль о том, что я оказался в той же самой ситуации, от которой сбежал, что я сам погрузился в это состояние, чтобы избежать встречи с сегодняшним ничто, которое будет поджидать меня и завтра. Люди, от которых мы бежим, появляются снова, они выходят из тени в новом облики, но проявляют к нам прежнее отношение, они все так же давят на наши слабые места, как на открытые раны.

Я не мог вернуться домой без какого-либо ценного опыта, но у меня пока так и не было возможности его заполучить. Вместо глубоких оккультных переживаний, о которых я мечтал в Белграде, я чистил картошку да набирал вес. Я не знал, как изменить ситуацию. Я только ждал. Мой мокрый снег не переставал идти вот уже несколько месяцев.

Скрывшись ото всех под кожурой от картошки, я занимал низкое место в иерархии сотрудников гостиницы, но, несмотря на это, все же был в какой-то мере независим. Меня не заставляли ввязываться в драки с пьяными финнами или выслушивать хвастовство моих соотечественников, которые работали за огромной посудомоечной машиной и выносили мусор из гостиницы. Если ты хорошо выполняешь свою работу, то руководитель не докапывается до тебя. У меня было время, чтобы поразмышлять, повспоминать прошлое да пометчать. Через какое-то время я начал приносить на работу книги и в конце рабочего дня их почитывал.

Однажды я решил для себя, что поступлю как взрослый человек. Я проработаю год или два на этом месте, сберегу немного денег, а затем вернусь домой. Такое решение снимало напряжение, с которым я ходил вот уже несколько дней. Мне нужна была нормальная жизнь, с меня было достаточно сумасшествия. С деньгами в кармане я не ощущал своего поражения, и если я хотел заниматься вещами, которых так жаждало мое сердце, то поступал как мудрый человек — я начинал изучать литературу.

Я готовил картофель-фри, высыпал полмешка картошки на железный рабочий стол и накрывал ее чистой сухой тряпкой, которой мыли полы. И, облокотившись на стол, погружался в «Практический курс каббалистического символизма» Джозефа Найта. Все произошло сразу после завтрака, каждый занимался своими делами, и неожиданно все разговоры притихли. Я услышал звук приближающихся деревянных сабо, но не стал

оборачиваться, так как позади меня, по работе, частенько проходили повара. Кто-то слишком близко подошел ко мне и встал за моей спиной. Я медленно поднял глаза с книги и обернулся. Это был шеф-повар Халинг. Он осматривал помещение: картошка-фри отмачивалась в холодной воде в металлическом бочонке, она была мною нарезана особым образом по случаю банкета в актовом зале для торжеств, поверхность хирургического стального стола блестела от чистоты. Если вы никогда не работали в ресторане, то вы бы даже не подумали, что он был поваром. Я был сам удивлен, когда оказался на кухне отеля «Фореста» в поисках работы. Он сидел в своей кабинке за телефоном, на котором было всего несколько разноцветных кнопок, и будто управлял сложным летательным аппаратом. В блестящем сером костюме, в морском голубом галстуке, гладко выбритый и надушенный, он выглядел как настоящий американский менеджер. Направив свои маленькие светло-голубые глаза в мою сторону, он крепко пожал мне руку и с теплой улыбкой на лице произнес: «Я Халинг, шеф-повар. Говори, за чем пожаловал».

Сейчас он больше не улыбался. Он смотрел на меня оценивающим взглядом. Я медленно убрал руку с книги. Халинг прищурил глаза и, чуть наклонившись вперед, пытался разглядеть название книжки под моей рукой. Улыбка снова показалась на его лице.

— Раз уж ты хорошо выполняешь свою работу, то я не имею ничего против твоего чтения в свободное время. — Его глаза расширились, и их голубой цвет приобрел более теплый оттенок.

— Что у нас там с сельдереем и морковью? Нужно еще заказывать? — спросил он.

— Нет, думаю, что нам хватит, — не убирая руки с книги, я неуклюже привстал.

Он переместил вес с одной ноги на другую и протяжным голосом спросил:

— Можно взглянуть на книжку? Мне она кажется знакомой.

— Вряд ли, — ответил я, подыскивая слова, чтобы не обидеть его своей репликой, — такими вещами... интересуются довольно немногие.

Я передал ему закрытую книгу, чтобы он смог разглядеть название.

— Кажется, я попадаю в эту немногочисленную категорию, — с улыбкой заметил Халинг. — Это хорошая книга. Вторая часть, посвященная Таро, написана в уж слишком консервативном стиле, как мне кажется. Помимо всего прочего, Найт не мог написать что-либо плохого. Его настоящее имя Бэзил Блекстоун... Я немного знаком с ним. Это разносторонний человек, что несвойственно для англичан. Он разрабатывает театральные постановки, играет в шахматы и на скрипке. К счастью, он не пытается прокормить семью ни одним из перечисленных занятий, к которым его влечет. Он зарабатывает на жизнь тем, что лучше всего знает, — он профессиональный оккультист. Поскольку мы коллеги, то я тебе скажу, что я живу за счет алхимии.

После этих слов я расслабился. Спустия столько лет я наконец-то встретил единомышленника. И где? На кухне в отеле! До сих пор я только и слышал, что советы образумиться, поскольку иначе мне грозит сумасшествие от такого пути по наклонной.

— Это его единственная книга? — спросил я.

— Насколько мне известно, да. Но он опубликовал много статей в оккультных журналах.

— Как он выглядит? — Этот вопрос беспокоил меня довольно давно. Как выглядит мастер, посвятивший свою жизнь альтернативному и сюрреалистичному, миру невидимых явлений, чье влияние игнорируют несведущие люди, расценивающие физический мир как единственную существующую реальность. — Я уверен, что он необычный человек, — добавил я, пытаясь донести в интонациях голоса всю значимость для меня этого вопроса.

— Ты ошибаешься, — заявил Халинг, а затем, наклонившись вперед, спросил меня вполголоса: — Сколько по времени ты уже занимаешься этими вопросами?

— Около десяти лет, — ответил я, а затем быстро добавил: — Я не могу сказать, что просто занимаюсь... Я читаю литературу, практиковал пранаяму несколько лет, работал над концентрацией внимания... забросил на какое-то время, потом опять начал... Многого я пока не достиг, но, в то же время, не хотел бы, чтобы вы думали, что я не занимался всерьез этими вещами. Для меня нет ничего в мире интереснее, чем оккульт-

тизм, но мне явно не хватает важных переживаний. Очевидно, они случаются с другими...

— Различия иллюзорны. У каждого рано или поздно появляются одни и те же переживания.

— Именно этому учит йога и веданта, но я в них верю теперь намного меньше. Почему это Блекстоун может написать такую книгу, а я могу только и сделать, что прочесть ее?

— Ну, именно из-за иллюзорных различий между тобой и им такое и происходит.

— В таком случае, я хотел бы пережить другую сторону иллюзии, — сказал я, не раздумывая, позволяя мысли быть выраженной совершенно свободно. В отличие от Халинга, меня самого удивили эти мои слова.

— Как ты представляешь себе Блекстоуна?

— Трудно сказать, но я точно знаю, как он не выглядит. — Я был счастлив оттого, что нашел способ выражать точно свои мысли. При разговоре такое у меня редко когда происходит. Когда я размышляю наедине, то мыслю ясно: мысли протекают свободно, логично следуя одна за другой. Но при общении с важными для меня людьми я легко сбиваюсь с толку. Либо говорю необдуманно вещи, не понимая, зачем я их сказал, либо, что случается чаще всего, умалчиваю о своих глубоких верованиях, так что собеседник не может ни критиковать их, ни причинить мне каких-то неприятностей по этому поводу. Я начинаю раздумывать о веских аргументах уже после разговора и злюсь оттого, что они поздно пришли мне на ум.

— Да, — уверенно повторил я, — я знаю, как этот человек не выглядит. У него не обязательно должна быть борода до пояса, но вы понимаете... внешность о многом говорит.

— Э-м-м... ну, тут ты опять ошибся. В определенной мере внешность человека отражает его внутренний мир, но внешность известного оккультиста никогда не совпадает с нашими ожиданиями. У Сомерсета Моэма есть поучительная история, «Торговец тростником», я всегда припоминаю ее в таких разговорах. Сейчас я тебе ее не могу рассказать... пойдём, выпьем кофе, все собираются в столовой...

— Ну, пожалуйста, расскажи мне. — Я хотел, чтобы наш разговор продлился как можно дольше. — Моэм — мой самый любимый писатель. Я по несколько раз перечитывал

«Острие бритвы», но никогда не слышал об этом рассказе. Пожалуйста!

Халинг, зажмурив глаза, направил свой взгляд чуть выше моей головы:

— Ну, если вкратце, то он путешествовал по Испании. Тогда он еще был молодым писателем и хотел навестить известного испанского поэта, которым так восхищался. Он еле-еле отыскал улицу, где жил поэт, вошел во внутренний двор и попросил служанку, чтобы та сообщила хозяину о его приезде. Он уселся на скамейку во дворе и предался размышлениям о поэте. В тот же самый момент на лестнице показался высокий, красивый и статный человек с львиной головой и привлекательными чертами лица. Мозгу показалось, что этот человек отвечал всем его представлениям о знаменитом поэте. Но хозяин заметил: «Молодой джентльмен, вы ошиблись домом. У нас с выдающимся поэтом одни и те же имена. Тот, кого вы ищете, живет в соседнем доме. Кстати сказать, я продавец тростника».

Последняя фраза Халинга привела меня в изумление. Его глаза расширились, будто он ожидал от меня какой-нибудь реакции. Я вот-вот должен был познать что-то, но не понимал, что именно. На какой-то момент я подумал, что он пытался что-то донести до меня, что в его словах таился какой-то скрытый смысл.

— Ага, ага... — проговорил Халинг и, медленно покачивая головой, пристально посмотрел на меня, — ты прав. Поэт действительно выглядел как торговец.

Точно такая же мысль зарождалась у меня в голове, и Халинг просто вынул из нее все нужные слова.

— А теперь в столовую, — сказал он. На его лице больше не было той сосредоточенности, с которой он глядел на меня. — Твой кофе стынет.

В конце августа, во время пешей прогулки по Гамла-Стану, старому городу Стокгольма, я набрел на один из лучших книжных магазинов в городе, «Нордиска Букхандельн». Он состоял из нескольких присоединенных друг к другу залов, набитых доверху книгами. В последнем деревянные полки были забиты до самого потолка книгами по психологии и оккультизму. Заведующий этой секцией старался подобраться поближе, как администратор ресторана, накрывающий вам на стол. В то время, пока я стоял у входа, раздумывая над тем, с чего начать поиски в этой сокровищнице, он подошел ко мне и, протягивая свою сухую руку, коротко представился:

— Меня зовут Оук Вилкинсон. Я был бы рад помочь вам чем-нибудь.

На вид ему было около шестидесяти лет, он был небольшого роста, но крепкого телосложения, его длинные волосы висели вокруг шеи, а на козлиной бородке виднелась проседь. На правом отвороте серого пиджака из твида виднелся незнакомый мне символ, состоящий из красного и белого круга, вертикально разделенного золотым мечом. Он обратился ко мне на шведском, но я смог понять, о чем он говорил.

— Извините, но я говорю только по-английски, — ответил я.

— Да неужели? Могу ли я чем-то вам помочь? — Он выглядел как козел, говорящий на английском с оксфордским акцентом.

— На самом деле я просто осматриваюсь... может, что и подберу. — Я хотел неспешно и без кого-либо, дышащего мне в спину, осмотреть эту сокровищницу.

— Книги для чтения, а женщины для созерцания, — заметил он с приятной улыбкой на лице и посмотрел на ассистентку. Это была стройная молодая женщина с короткими черными волосами и серыми глазами, выглядевшая, как итальянка. Она тоже улыбнулась и обратилась ко мне:

— Пожалуйста, не останавливайтесь. У нас есть действительно ценные книги. Все, что публикуется в этой сфере и представляет ценность, приобретается нами в течение пятнадцати дней, — она четко произносила все английские звуки, как колокольчик, как учитель английского, обращаясь к своим ученикам.

Рядом с полками располагалось несколько кожаных отполированных кресел, куда усаживались люди, чтобы бегло просмотреть и пролистать книжки. Около одной из полок стоял молодой человек с залысиной и в очках с толстыми линзами. Он повернулся и посмотрел на меня. С некоторыми из книг я был уже давно знаком. Я узнал их по каталогам — некоторые недавно прочел, другие же, что мне отдал Младен, я хранил в своей маленькой библиотеке в Белграде. Я нашел «Таро» Садху Муни и просмотрел самые известные мне главы. Англичанин, чьего настоящего имени я не знал, теперь жил в Австралии и практиковал магию в группе в Мельбурне. Среди всех оккультистов он оказал на меня самое сильное влияние. «...Впрочем, нет, — подумал я тут же, — на самом деле это был тот самый неизвестный писатель, чью книгу я давным-давно прочел у бабушки в сарае в Виолин До. Кто написал эту книгу? Кто был ее автором? Боже мой, сколько времени уже прошло с того момента, сколько же всего уже произошло? Найду ли я среди всего этого обилия книг ту самую?» Мои мысли прервал мягкий певучий голос:

— Это прекрасная книга о Таро, может быть, даже лучшая в своем роде среди всей классической литературы. — Молодой человек с залысиной и в очках стоял прямо передо мной. Он держал в руках открытую книгу и поглядывал на мою. Его голубые крошечные прозрачные глаза были едва заметны за толстыми очками.

— Да, я знаю. Я прочитал ее. Но по теме Таро есть кое-что получше.

— Как-то слабо верится. И что это за книги?

— Вот эта книга была переведена. Понимаете, она не является полностью оригинальной. Садху Муни использовал старинную русскую книгу по Таро, перевел ее на английский, кое-что поменял и опубликовал ее как свой оригинальный труд.

— Правда? — удивленно спросил молодой человек с залысиной. Он еще ближе наклонился ко мне, и было видно, как его крошечные глаза расширились под толстыми линзами очков. — Я был уверен, что он использовал лишь записи петербургского профессора Мёбеса в качестве справочного материала. Вы это имели в виду?

— Поначалу я думал точно так же, пока однажды не наткнулся на оригинал. Он был опубликован в Шанхае группой русских эмигрантов.

— Вы видели эту книгу?

— Да, точно так же, как я сейчас смотрю на эту.

Он моргнул несколько раз.

— Как интересно. Наша группа работала по этой книге в течение двух лет, и мы все это время думали, что она являлась оригинальной по большей части.

— Ваша группа?

— Да... Даже Оук Вилкинсон не знает, что существует оригинал на русском. Он большой эксперт в области оккультной литературы, особенно по манускриптам и редким книгам.

Он обернулся, но Оука уже след простыл.

— Вы говорите по-русски?

— Я не могу ответить категорично, однако могу применять знание русского в литературе.

— Этого достаточно. Могу я узнать, откуда вы?

— Из Югославии. Если не секрет, что у вас за группа?

Его чувство неуверенности, вызванное моим утверждением о том, что книга Муни не являлась оригинальной, исчезло вмиг, и в его голосе появилась сдержанность:

— Это не секрет. Времена секретных обществ давно канули в Лету. Каждую последнюю субботу месяца мы собираемся в зале в Медборгар Пласен, где читаем лекции и обсуждаем интересующие нас вопросы. Мы помещаем объявления в «Дагенс Нюхетер»... и к нам приходит много народу. Мы так и не представились... Я — Бо Нильсен.

Я пожал ему руку. Она была маленькой, холодной и влажной, но сжимала мою руку на удивление крепко. В очках, с зыбсиной, с узкими плечами и в слишком большой клетчатой рубашке он походил на книжную моль. От его слов меня трясло внутри. Я не решался отпустить его. Когда я произносил ему свое имя, он чуть наклонил голову и выставил вперед свое ухо, словно у него были проблемы со слухом. «Меня люди называют кратко — Боги». К тому времени я уже понял, что бесполезно учить скандинавов произносить правильно наши имена.

— О, вот как, — сказал он. — Я объездил вашу страну автостопом. Было интересно. Помню, как ел большущий хлеб... пиво, кстати, было очень дешевым. Что еще вы читаете?

— Все, что попадается мне под руку, нет определенной систематичности: Фрейд, Ницше, Бергсон, Хэвлук Эллис, Сузуки, Вивеканда, русские мистики, Блаватская. Членов моей семьи приводили в ужас некоторые из этих книг, они мне специально советовали выкинуть или сжечь их, иначе я просто сойду с ума. Они приводили мне в качестве примера далеких родственников, которые закончили свою жизнь в психиатрической больнице.

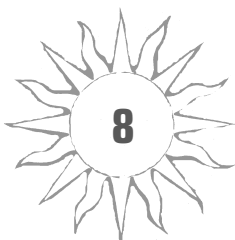
— Как я понимаю, у вас еще нет группы с похожими интересами?

— Нет, я одиночка. Может быть, и есть те, что разделяют мои интересы, но пока таких я еще не встречал. Тут, в Швеции, вам легче найти людей с одинаковыми идеями, заговорить...

— Вы ошибаетесь. Путь всегда одинок, хоть здесь вы и можете время от времени побыть рядом с оккультистами.

Я подумал об отце. «Это не все равно, если бы ваши родственники или друзья оказывали вам поддержку — или же считали вас заблудшей овцой или прохиндеем».

— Членство в группе не избавляет от всех трудностей. Но оно, конечно же, делает повседневную жизнь более сносной. Между прочим, у нас завтра будет лекция, не хотели бы вы прийти? — Он достал информационную карточку из кармана своей клетчатой рубашки. На обратной стороне протянутой мне простенько нарисованной карты был изображен маршрут, по которому можно было бы добраться до нужного места. — Мне, к сожалению, сейчас нужно идти... Завтра в семь.

Зал в Медборгар Пласен, где собирались члены Духовной Ассоциации, оказался куда большего размера, чем я себе представлял. Он был рассчитан примерно на семьдесят мест с сиденьями из искусственной кожи, около тридцати-тридцати пяти человек разговаривали в вестибюле, разбившись на пары. Я начал искать Нельсена.

— Добро пожаловать, молодой друг, — поприветствовал меня Оук Вилкинсон. С улыбкой на лице он протянул мне руку. Не оглядываясь по сторонам, я пожал ему руку и в то же время краем глаза заметил, что привлек к себе внимание всей группы. — Бо передал мне по телефону, что пригласил вас. Пойдемте, я представлю вас остальным.

Он осторожно взял меня за локоть и подвел к ближайшей группе.

— Это наш друг из Югославии. Возможно, мы увидим его здесь не единожды.

Это замечание прозвучало для меня, как звук открывающейся таинственной двери в храм. Люди весело поглядывали на меня. Я заметил одного худощавого человека средних лет, одетого в красочный шафрановый халат индийского саньясина. Поначалу я подумал, что это индус, так как его лицо было темного медного цвета. Он представился мне. Молодой человек с длинными волосами, собранными в хвостик, и в выцветших синих джинсах и куртке крепко пожал мне руку и с сильным американским акцентом произнес:

— Приятно познакомиться, я Джим. Как вам Стокгольм?

Я пожал руки еще двоим женщинам и одному стройному молодому человеку с пристальным взглядом. Одна из женщин, довольно молодая шведка с сияющими зубами и прозрачным цветом лица, поприветствовала меня вежливым, но в то же время холодным кивком. Второй было около сорока лет, чем-то она напоминала испанку или итальянку. Ее глаза и волосы были темного цвета, а имя таило в себе скандинавские корни.

— Астрид, — незатейливо сообщила она.

— Доктор Астрид Монти, — добавил Оук Вилкинсон, делая основной акцент на ее звании. Она не отпускала моих рук пару секунд.

— Я дважды была в Югославии. Обожаю Адриатическое море... столько солнца, а Дубровник — просто настоящая сказка. Это самый красивый город после Флоренции.

— Даа, — протяжно произнес Джим, — действительно, прекрасный город. Я провел там пару дней.

— Вы правы, — заметил я, кивая головой, — но Стокгольм великолепен.

Доктор Монти сгримасничала:

— Стокгольм прекрасен в летнее время года, но я никому не пожелала бы оказаться здесь зимой. Влажно, темно, холодно... У людей появляется депрессия, с ними становится сложно общаться, и они начинают много пить... Надолго вы здесь?

Все это время она внимательно разглядывала меня. Я пожалел, что появился в поношенных джинсах и старой рубашке. На докторе Монти был простой, хорошо скроенный костюм из темно-бурого шелка. Я только хотел было ей сказать, что остался бы тут на столько, на сколько это возможно, как вдруг Оук Вилкинсон, извинившись за вмешательство в разговор, схватил меня за локоть и повел к остальным гостям.

... Лекция была на английском языке, и, к моему удивлению, большая часть разговоров велась именно на нем. Лекцию читал старый, высокий, грузный и тучный швед. Сморщив густые седые брови, он говорил об астрологическом влиянии транзитных оккультных планет — Урана и Нептуна — к натальному Солнцу. Его речь была простой, без всякой расплывчатости, характерной для большинства астрологов. Он использовал ко-

роткие предложения и подкреплял каждое утверждение примерами из своих архивов.

Я время от времени поглядывал на зал, так как не был столь заинтересован в астрологии. Все мои знакомые, за исключением Младена, верили в нее. Для меня эта дисциплина, точная в теоретическом плане, но неточная в практическом, не представляла никакого интереса. Младен с легкостью поддерживал свое мнение: «Ни один из пятидесяти тысяч профессиональных астрологов не смог предсказать начало Второй мировой войны». Одна такая информация по своей сути обладала куда большей силой, чем все астрологические утверждения. Если бы все подчинялось звездам, зачем тогда человеку надо было так напрягаться, чтобы что-то поменять в своей жизни?

Лектор посоветовал аудитории пройти шестимесячный астрологический курс в Стокгольмском университете для получения определенной базы для астрологической практики. Он также признался, что даже после сорока лет изучения астрологии так и не стал хорошим предсказателем:

— Только после свершения события мне становится понятна причина его возникновения. Мне редко когда удается предсказать событие до его появления. Тем не менее, это никак не должно помешать вашему изучению этой науки. Я приведу вам несколько фактов, которые описал никто иной, как Оноре де Бальзак в «Философских исследованиях» в 1836 году.

Он взял небольшую паузу и посмотрел на слушателей, чем привлек к себе еще большее внимание.

— Эти исследования представляют собой одно из мировоззрений, являющееся своего рода амальгамой алхимических и астрологических представлений, заимствованных из исследований двух известных братьев — Лоренцо и Космо Руджиири. Обратите внимание на следующую цитату, которой Бальзак подытоживает вторую часть текста: «У Лоренцо и Космо в учениках был знаменитый граф Сен-Жермен, который во времена правления Людовика XV вызвал вокруг себя столь много вопросов. На тот момент знаменитому алхимику было уже не меньше ста тридцати лет. Он любил рассказывать о том, какую важную роль он сыграл в Варфоломеевскую ночь и при правлении династии Валуа. Граф Сен-Жермен был одним из последних алхимиков, корректно интерпретировавших эту науку.

После него разве что можно назвать еще Фулканелли. Тем не менее, Сен-Жермен так ничего и не написал. В результате данного исследования каббалистическая наука происходит от этого загадочного человека».

Лектор откашлялся и сделал несколько глотков воды. Кивнув головой в знак согласия с Бальзаком, он продолжил:

— Одним из самых уважаемых людей XVI столетия был личный врач Лоренцо Медичи, отец Екатерины Медичи. Доктор был известен под именем Старый Руджиери, чтобы не возникло путаницы с двумя его сыновьями: Лоренцо Руджиери, которого авторы-каббалисты окрестили Великим, и Космо Руджиери, астрологом Екатерины. В доме Медичи настолько уважали Старого Руджиери, что два герцога — Лоренцо и Космо — стали крестными отцами его сыновей...

Только человеку, серьезно относящемуся к астрологии, под силу достать такую информацию. Лекция становилась все интереснее. Шевеля седыми бровями, лектор продолжил:

— Будучи математиком, астрологом и доктором в доме Медичи, он, совместно с известным математиком Базилео, составил гороскоп для Екатерины Медичи... К началу XVI века Старый Руджиери стал возглавлять тайный университет, который выпустил таких людей, как Карден, Нострадамус и Агриппа, а также всех физиков дома Вало. Гороскоп Екатерины настолько точно предугадывал основные события в ее жизни, так что все отвергавшие оккультные науки были попросту раздавлены. Ее гороскоп предугадывал неудачи, которые приходились на время осады Флоренции, отмечал ее рождение, брак с сыном французского королевского дома, неожиданное вступление ее мужа на престол, рождение детей и их количество. Он предсказал, что трое ее сыновей станут королями, две дочери будут королевами, и все они умрут без потомства. Гороскоп сбывался настолько точно, что некоторые историки, не обладающие соответствующими знаниями, полагали, что он был написан после того, как произошли все описанные им события...

Если бы это оказалось правдой, подумал я, то такие предсказания оказались бы действительно необычайно точными. Обычно астрологи могут похвастаться успехами по отношению к прошлым событиям, но если их попросить предсказать ближайшее будущее, сказать о тех событиях, которые можно

будет проверить через короткий срок, то они начинают мешкать, приводя какие-то слабые отговорки. В то же время, астрологические представления о знаках зодиака в качестве психологических типов личностей не такие уж и необоснованные. Я пришел к этому выводу после того, как внимательно понаблюдал за внешностью и поведением людей. Мужчины и женщины, родившиеся под знаком Тельца, обладают приятными чертами лица. Носы хорошо отточены, а прелестные уши посажены близко к голове. Стрельцы говорят очень быстро — редко когда можно встретить Стрельца, медленно подбирающего слова. У Скорпионов сияют глаза, и во время разговора они пристально смотрят на собеседника. Мужчина, рожденный под знаком Скорпиона, обычно очень агрессивен, в то время как женщина внешне спокойна, но внутри вся разрывается от эмоций. Самими удивительными характеристиками обладают женщины, родившиеся под знаком Козерога. Холодной грацией и утонченностью наделены даже люди самого небогатого происхождения. В результате брака они часто поправляют свой социальный статус.

После лекции Оук Вилкинсон поблагодарил выступавшего и пригласил всех нас: «Дамы и господа, прошу в кафетерий!» Разговор перешел на оккультную тематику. Я почувствовал облегчение и некоторую уверенность в том, что мои давние мечты оказаться среди избранных наконец-то осуществились. Это были простые люди, такие же, как и все, они были далеки от тех восхитительных образов, что кружили у меня в голове.

Главным образом, чуткость и тщеславие было присуще им, как и определенная тенденция к напыщенным разговорам. Мысли выражались неполно: говорящий обычно старался вызвать ощущение утаивания большей части своих знаний. У некоторых так сильно пахло изо рта, что можно было учуять этот запах на расстоянии. Почти все среди присутствующих были заядлыми курильщиками, только человек в халате саньясина и я были единственными, кто не курил. Он сел напротив меня, может, чуточку левее. Он спокойно улыбался и выражал свою доступность, однако явно делал это через силу. Лишь на критические комментарии длинноволосого Джима он реагировал с явным напряжением, отчего его руки начинали трястись.

— Это ерунда, — начал Джим, потряхивая головой, так что его хвостик вилял то влево, то вправо, — все эти истории об Индии и мудрецах, живущих где-то далеко в пещерах. Никто их даже не видел — они не существуют. Они чистой воды вымысел, продукт оккультной фантастики. Лучшие йоги и дзен-мастера сейчас практикуют в Соединенных Штатах.

— Да как вы можете говорить такое? — отреагировал саньясин. Его глаза расширились, ноздри задрожали, а голос стал раздраженным. — Откуда вы это знаете?!

— Я говорю об этом, потому что знаю. Я посетил все известные монастыри в Индии. Я побывал в Оровиле, Ришикешши, везде. И поверьте мне, я ездил туда не как турист. Я учился вместе с гуру. И что я увидел? Каждый из них прячется за спиной у своего авторитетного учителя. Только трое осмелились заявить, что они Сад-гуру.

— Может быть, все же многие там как раз ими и являются, — заметил саньясин и закрыл глаза на мгновение.

— Ну да, самое печальное здесь, что даже те трое ими не являются.

— Вы слишком уж уверены.

— Да здесь дело не в уверенности, а в непосредственном опыте. Они не подходят под критерии Сад-гуру, которыми себя называют. Здесь нет никакой мистики, все и так понятно. Можно просто понаблюдать за ними, выполняют ли они сами все то, о чем проповедуют.

— Для того чтобы понять, является ли тот или иной человек Сад-гуру, нужно находиться на таком же уровне, как и он. Все, кто ниже статусом, не имеют права осуждать их, — ответил саньясин. — Это все равно что дать ученику младших классов задание оценить работу по высшей математике. — Он на секунду оглядел всех сидящих за столом, а затем откинулся назад на спинку стула, попутно скрестив руки на груди.

— Далеко не так, — отреагировал молодой американец. — Зачем мудрецу судить о ком-то, ровня он ему или нет? Эта проблема интересна только нам, так как не он, а мы ищем такого Учителя. Мы и есть те самые младшеклассники. Те, кто не хочет сбиться с пути, может легко... Если вы побудете с этим человеком какое-то время, то вы поймете, кто и что он такое. Я сам не могу нести золотые яйца, но могу достаточно хоро-

шо отличить их от тухлых. Сегодняшняя Индия — корзина с праведными прогнившими яйцами, и это нужно четко донести до каждого, кто стремится туда. Средний западный оккультист не в состоянии осознать, что, по сути, между людьми нет никакой разницы. На туалетной бумаге, которой пользовались великие учителя, остаются те же грязные следы, что и после нас с вами!

— Какие грубые слова исходят от юноши, только недавно ступившего на свой Путь, — дрогнувшим голосом произнес саньясин. Он проглотил слюну, и уголки его губ задрожали, словно он отгонял муху.

— Спокойнее, Бенгт, — встрял швед с густыми бровями, который читал лекцию по астрологии. — Джим всего лишь высказывает свою точку зрения... языком, который, возможно, не так уж свойствен нашему кругу. Но его карта реальности не обязательно должна совпадать с твоей, они вообще никогда не совпадают.

— У каждого есть право на мнение. Но адепту нужно понимать, что он может судить о сознании другого человека только в том случае, если он непосредственно превосходит свое собственное. Ближайшие приспешники Христа сомневались в нем в самый ответственный момент. Павел преследовал Христа, Иуда предал его, а Петр отказался от него.

Джим кивнул головой.

— Проблема заключается в том, что эти истории служат ширмой для многочисленных узурпаторов. Обман есть зло, каким и всегда был, и когда он совершается в духовном познании, то уже превращается в преступление! Почему я утверждал, что лучшие йоги сегодня практикуются в Штатах? Да потому, что там большинство учителей честно признаются в том, что таковыми не являются. Понимаете, они знают больше, чем вы, и обучают вас при этом. Это нормально. Но когда кто-то заявляет, что он является Истинным Учителем или Аватаром, то он начинает обманывать вас с самого начала. Слушайте, в Индии я встретил несколько людей, чьи ученики заявляли, что они Аватары, они не возражали по этому поводу. Это открывало двери для серии остальных мистификаций. Ну там, Гималаи, истории про тридцатилетние медитации в пещерах, про великих Учителей, от которых они получили тайные зна-

ния. К сожалению, такой Учитель уже мертв, так что никто не может подтвердить, что он обладал глубокой мудростью, никто не может подтвердить истории об удивительных чудесах и тому подобное... Когда такой поддельный «аватар» сбивает с пути людей, то будьте уверены, что он их водит вокруг пальца. Им потребуется десять-пятнадцать лет, чтобы затем восстановиться и прийти в норму.

— Молодой друг, — уже спокойным голосом начал саньясин, — жизнь проста для вас. Перед вами нет дилемм. Все бесполезное находится в Индии, а все ценное — на Западе.

— Я никогда не говорил такой чуши.

— Но это исходит из того, что вы только что сказали.

— Ничего подобного. Я хочу сказать, что человеку не решить своих проблем за счет поездки на Восток. Проблемы подобно тени волочатся за ним. И лжеавторитеты никак не могут ему.

На эмоциональном уровне я был полностью согласен с ним, хотя и не мог выразить свои чувства такими простыми словами. Я еще не бывал в Индии, пока лишь остановился на Швеции, но мог бы отправиться и еще дальше, на Памир или Тибет, куда угодно, но все равно бы не смог уйти от своей тени.

Оук Вилкинсон глотнул воды из стакана.

— Я думаю, что вы говорите об одних и тех же вещах, Джим. Как вы сказали, каждый стремится избавиться от своего бремени. Вас обоих притягивает, как говаривал Юнг, загадка судьбы человеческого существа, эта песчинка, формирующая основу целой вселенной. Если внимательно прочитать христианскую доктрину, то можно увидеть, что даже Бог ищет СВОЮ цель в этом. Многие дороги ведут к этой цели. Бенгт уезжает на Восток, Джим обучается с инструктором в Штатах. Так пожелаем же удачи вам обоим... Думаю, настало время напитков покрепче. Как думаете, куда мы могли бы пойти? — Он сузил глаза и, осматривая всех присутствующих, задержал свой взгляд на докторе Монти.

— Да, — произнесла Астрид Монти, — мы могли бы пойти ко мне, хотя у меня дома нет ничего особенного... просто скотч, да и только.

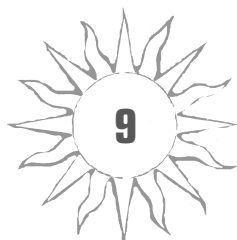
— Спасибо, Астрид, — улыбаясь, сказал Оук. — На тебя всегда можно рассчитывать.

Все разом забыли про меня, что пошло мне на пользу. Я решил незаметно уйти последним, но Астрид Монти помешала этому плану. Склонившись над столом, она легонечко коснулась моей руки.

— Поехали с нами. В машине найдется место. Я недалеко живу.

— Спасибо, но я не пью алкоголь.

— Правда? Тогда вы многое упускаете в жизни. Я обожаю хороший скотч. За бокал хорошего старого коньяка готова пройти до противоположной части Стокгольма.

Я очень давно ждал этой встречи. Человек, которого Астрид называла Учителем, жил в храме в Энсхеде, на окраине Стокгольма, что было в пяти минутах ходьбы от ее дома. Это была маленькая деревянная хижина с кухней, где он готовил еду, и просторной комнатой, где он принимал своих учеников. Две сиамские кошки составляли ему компанию. Иногда он заходил к Астрид на чай. На прошлой неделе я дважды подходил к этой хижине и прятался за стволом высокой ели, пытаясь раззнать, что же все-таки там происходило. Многого я так и не смог разглядеть, особенно если отбросить все то, что напридумывало мое воображение.

Учитель хорошо знал классический буддизм, но его поучения в значительной степени были сосредоточены на школе дзен. Работая с людьми, он использовал такие коаны, как: «Где тьма при свете?» и «Почему бедняк прячет свое сокровище?» Астрид предупредила меня, что он вел себя по-особому в отношениях с людьми, возможно, даже слишком непринужденно: «Не удивляйтесь тому, что он громко храпит, рыгает и не прикрывает рот, когда зевает».

Его отношение к сторонникам напомнило мне убеждения Кришнамурти: он сам не Учитель и у него нет учеников, так как каждый человек сам себе Учитель и черпает знания, погружаясь внутрь себя. Как и в случае с Кришнамурти, ученики собирались вокруг него. Новички ожидали, что они будут предаваться усердным медитациям, но их работа сводилась к определенным разговорам, работой над коанами и техниками,

направленными на то, чтобы ученики сами принимали на себя ответственность за все свои поступки и за свои переживания. Я это вполне принимал. И не хотел испытывать на себе суровую дисциплину подмастерья. Единственное, чего я хотел, так это наблюдать за мастером в его повседневной жизни, если была такая возможность.

Гостиная Астрид Монти одновременно служила и местом для проведения разговоров и чаепития, и библиотекой, содержащей избранные работы по восточной философии, тантре и западному оккультизму. На полу было постелено несколько ковров темных оттенков, а на полке, вдали от книг, стояли крупные деревянные статуи из Бали. На тех стенах, где не было книг, висели зеркала в латунных рамках, а под ними, прислоненные к стене, находились арабские мечи с широкими блестящими клинками.

По вторничным вечерам в ее доме собирался широкий круг людей. Среди них были члены Общества Веданты, ученики различных учителей по йоге, кое-кто из которых только недавно вернулся из Индии, теософы и антропософы, обменивавшиеся между собой бесчестящими друг друга тайными взглядами, каббалисты с длинными бородами, а также и те, кто считали себя магами. Был и такой контингент людей, которых даже не ожидаешь встретить в таких местах. Одним из таких людей был Йоран Густафсон, профессор Стокгольмского университета, утверждавший, что современная физика и Адвайта-Веданта похожи друг на друга как две капли воды. Он был по-настоящему влюблен в квантовую физику и так возбужденно рассказывал о волнах и частицах, словно говорил о чувственной женщине, а вовсе не о науке.

Некоторые из гостей сверкали остроконечными кристаллическими кулонами, объясняя это тем, что их подсознательный дух общался с присутствующими посредством этих инструментов. Я повстречал людей, чьи точки зрения относительно простых жизненных вопросов сводились к правильному питанию: вегетарианцы, люди, питающиеся только фруктами, а также сыроеды, с отвращением морщившие лицо, когда речь заходила о готовке. Молодые женщины были одеты в сари, их шеи украшали четки, на бусинках которых виднелись маленькие фотографии их учителей. Невозможно было разузнать их

настоящие имена: они представлялись как «сестра Сатъя», сестра Парвати, сестра Пурвананда, сестра Майананда и другие «Ананды».

Дискуссии велись на разнообразные темы, но из всего этого обманчивого разнообразия выделялись две основные, которые были присущи большинству групп «Нью Эйдж». Первая затрагивала проблемы секса. Может ли человек стать самоосознанным, просветленным и наконец-то свободным, не бросая при этом сексуальных контактов? А вторая тема, о которой можно было догадаться только по малопонятным намекам, касалась проблемы существования сакральных знаний у людей, недоступных остальным.

Более приятная обстановка царила в те вечера, когда Астрид приглашала только избранных гостей. В такие моменты у меня возникало предчувствие, что мне, возможно, удастся застать того самого непредсказуемого Учителя, который себя таковым не считал, и побыть с ним вместе какое-то время. И однажды, когда Астрид позвонила мне, я почувствовал по тону ее голоса, что как раз намечалось одно из таких редких событий.

— Боги, — спросила она, — ты мог бы прийти? Будет тесный круг людей.

Мне вдруг показалось, что я почувствовал ее улыбку на другом конце провода.

— Роши (Учитель) там будет?

Мое предчувствие меня не подвело.

— А-а-а! — подтвердила она в свойственной шведам манере, когда звук произносится на астматическом вдохе.

В ее гостиной оказалось куда больше народа, чем ожидалось от круга избранных. Справа от Учителя, удобно усевшись в кресле, находился Джим все в тех же выцветших джинсах. Напротив него сидела Астрид, которая и открыла мне дверь. Рядом с ней, неуклюже скрестив ноги и приняв лицо мученика, расположился Йоран Густафсон. Я узнал полную женщину в сари, которая представилась мне как Тара Деви, а также Бенгт, на котором был все тот же шафрановый халат саньясина. Позади них расположились Бо Нильсен и какой-то длиноволосый незнакомец с бородой, которого я видел впервые.

Я молча поприветствовал Учителя и уселся на диванной подушке рядом с Астрид. Я не отводил глаз от Роши. Он про-

должал общаться с Йораном Густафсоном, не обращая внимания на мое появление. Я не был удивлен его внешним обликом: стройный человек небольшого роста, которому было за шестьдесят, с мягкими движениями тела, характерными для людей, практикующих годами тай-чи. Кожа его лица была желтоватого оттенка, маленькие спокойные глаза, свежесбрита голова напоминала мне скорлупу от яйца. Приятный, но в то же время высокий тон голоса, который, если не видеть говорящего, мог бы принадлежать мальчишке. Джим говорил тихо, однако мне не удалось понять, о чем речь, из-за его американского акцента, хотя сам Учитель при этом явно смеялся. Это было спонтанное хихиканье, напоминающее смех пьяного крестьянина, до которого, наконец, дошла шутка, слишком спонтанное для духовного Учителя. И тут я вспомнил слова Астрид, которая предупреждала меня о его чрезвычайно непринужденном поведении.

Мы с Джимом пили крепкий черный кофе со сливками, в то время как остальные наслаждались ароматным чаем из жасмина. Встав на колени, Роши, шумно прихлебывая, попил чай. Он отхлебывал чай и, держа его некоторое время во рту и оценивая вкусовые качества, лишь затем проглатывал. Говорил он на английском с сильным акцентом.

Йоран сказал ему:

— Учитель, вы презрительно улыбаетесь, когда речь заходит о психологической силе, хотя вы иногда и читаете мысли. Я убежден в этом.

Роши поднял глаза от чашки и посмотрел на всех нас.

— Один давний дзен-учитель сочинил по этому поводу отличное стихотворение:

*«Магические силы и сверхъестественные:
Черпать воду из колодца
И рубить лес».*

Раздалась непродолжительная тишина. Я много раз встречал эти слова. И в тот момент было очень странно наблюдать, как они оказали на меня столь мощное влияние. Словно читая мои мысли, он смотрел на меня и мягко улыбался тому, что мог видеть лишь он.

— Дзен так прост и в то же время так сложен, чтобы его выразить словами, — заметила Астрид.

— Кажется, его невозможно описать простым образом, — добавил Роши и, отхлебнув еще чаю и проглотив его, посмотрел в окно. — По своей сути это практическая философия, тот истинный смысл, к которому призывал сам Будда. Эта философия трансцендентности ума, посредством которой мы достигаем Татхагаты, или тела истины.

Я уверен, что ни один из присутствующих не понял, о чем шла речь в последней фразе. Длинноволосый мужчина, сидевший позади меня, произнес:

— Прошу прощения, если мой вопрос покажется оторванным от контекста. Где именно на Западе находятся дзен-центры? — А затем сразу поспешно добавил: — Простите, я не представился. Элан... Элан Райс.

Роши нервно качнул головой:

— Меня часто спрашивают об этом. И единственный ответ — там нет таких центров, так как дзен является децентрализованной философией. Нет никакого роши или гуру. Этот аспект дзен дает его философии свободно течь во всех направлениях, позволяя людям принимать его согласно своему личному уровню понимания.

— Я понимаю, — начал Йоран, — но можно ли нам хотя бы узнать базовый принцип этого учения?

— Если хочешь называть это так, то базовый принцип заключается в силе света ума, который можно описать как свет, пролитый на причину. Этому есть и другое название — Будда, творец света.

— Я читал, что в основе ума лежит свет, но боюсь, нигде не слышал такой трактовки, что Будда — творец света. — В голове Элана чувствовался аналитический тон, присущий профессору математики. — Об этом где-нибудь упоминается в буддистском каноне?

— Да, — ответил Роши, — в ранних текстах Будда иногда упоминался как несущий свет, точно так же как и Люцифер на Западе. В одном из текстов о нем говорится как о новорожденном солнце, опоясанном венцом. Также говорится и о том, что Будда может озарить весь свет. Если убрать все эти поэтические фразы, то что останется? Самоиндуцирующая сила, которая предшествует всему.

— Я понимаю, что вы пытаетесь донести. Но я хотел узнать об исторической базе вашего учения.

— Из манускриптов, обнаруженных в Тун-Хуанг, становится ясным принцип, что дзен передает свет. Каждый Роши — источник знания для себя самого, нет никакой преемственности от Будды до патриархов. Данная мистификация — дело рук современных дилетантов.

Все это время, пока Роши медленно говорил, Бо Нильсен ерзал на диванной подушке, из-под которой доносился звук мнущегося шелка, и затем, наконец, заговорил:

— Но Учитель, с вашего позволения, наследственная линия всех авторитетных дзен-личностей уходит прямиком к Будде. По этой причине их и считают авторитетами. Об этом упоминается в священном тексте «Передача лампы».

Роши покачал головой.

— Это все миф, который создали дзен-практики еще со времен династии Сун. Они собрали несколько кусочков старинных текстов и написали свой, новый, который подходил бы к их теории. В «Аватамсака-сутре» ясно говорится о том, что Кашьяпа и другие авторитеты могли передавать канон, но никак не все учение Будды, которое основывалось на принципе света.

— Не могли бы вы хотя бы в общем описать нам, что из себя представляет первичный свет? — прозвучал голос Элана, судя по которому, он и не надеялся, что ему дадут точный ответ. Он был прав.

— Он неуловим, подобно скользкой рыбе в руке, — ответил Роши. — Если я, например, скажу, что все сущее пришло из первичного света, в то время как он остается нетварным и неподвижным светом, то что такое описание сможет что-то объяснить? Это все равно что смотреть на гору вдалеке, окутанную туманом. Вы сами должны направиться к ней.

— То, что вы сейчас сказали, является принципом Дао, — произнес Бо Нельсен.

Роши моргнул несколько раз, но ничего не сказал в ответ. Элан Райс разбил тишину:

— А не из-за нашей ли это потребности слишком много думать и выражать себя через мысли? Такими мы были созданы.

— М-м-м-м, — промычал Роши, так что не совсем было понятно, соглашался ли он или же подбирал нужные слова. —

Об этом можно сказать немного. Каждый человек поддерживает контакт с первичным светом. Каждый может достать из него высшее сознание. Этим мы награждены от природы. Однако из-за нашей тенденции держаться за мир визуальный, а не сущностный, мы потеряли свою способность общаться с ним, хотя она и лежит в основе нашего существа. Когда Будда достиг полного просветления, он ступил в так называемый первичный свет. Несомненно, это вне всякого физического явления.

— Но, Роши, пожалуйста, — вступил Йоран Густафсон, — как мы можем осознать все это в повседневной жизни?

— Когда вы полностью погружаетесь в первичный свет, то по причине существования света вне рамок какого-либо болезненного состояния существа вы испытываете блаженство еще более полно. Даже когда вы испытываете боль, этот свет выведет вас в состояние Будды.

— Я рад это слышать, Роши, — произнес Джим. — Получается, что это не только гимнастика для ума. Какие-то процессы происходят в существе, что помогают ему в повседневной жизни.

— Почему же мы не осознаем этот свет, что внутри нас? — Этот вопрос вырвался из меня, как брызги слюны изо рта.

Роши быстро окинул меня взглядом, как будто решал для себя, достоин ли я ответа.

— Причина кроется в нашей привязанности к визуальному аспекту жизни. Когда человек погружается в мир физический, его внимание уходит от истинного источника. Он сливается с этим миром рождения и смерти, страдает по мере привязанности к этому миру. Будда говорил об этом, приводя в качестве примера историю об одном короле, который уделял слишком много времени советникам, забывая при этом, что именно он являлся королем. Мы должны освободиться от этого мира событий... Однако сам путь будет длинным и напряженным.

— Какое-либо из дзен-направлений трудно поддается определению, — заметил Нельсен. — Вы не могли бы, по крайней мере, рассказать нам об отличиях вашей школы дзен от остальных? Везде бытует столько мнений...

— Да, — начал отвечать Роши, — мнения, как задницы, у каждого есть по одной.

Астрид засуетилась и, повернувшись вполоборота, поспешно заявила:

— Роши не любит аргументов по поводу категорий дзен. У него свой собственный Путь, и он не терпит повторять по несколько раз то, что неоднократно рассказывал про современные школы, которые были созданы в согласии со Световым Дзеном, хоть новые Учителя и не упоминали об этом... Не могли бы вы прояснить нам, что представляет из себя карма? После стольких лет многие из нас все еще озадачены этими понятиями: карма, судьба, свобода воли... это все сбивает с толку.

Роши воспрял духом:

— Карма, которая везде объясняется по-разному, означает, что все во вселенной и человеческом уме взаимосвязано со всем остальным через определенные законы в настоящем, прошлом и будущем. Ограниченное понимание кармы происходит от того, что смотрят из прошлого в будущее, хотя все взаимосвязано на многих уровнях. Если смотреть на карму схематично, то может показаться, что одно проистекает из другого, и получается некая линия, сотканная из причин и следствий, когда на самом деле нет никакой линейной связи. Когда человек становится просветленным, то у него остается только старая карма, которая просачивается сквозь бремя прошлого.

Он посмотрел на нас, стараясь понять, уловили ли мы смысл сказанного, а затем продолжил:

— Формирование особого намерения и принятие нужных действий схожи с броском камня в лужу. Камень вызывает волны, то есть действие. После просветления человек больше не отождествляется с мотивами, которые были частью его эго, он пребывает в состоянии чистого сознания, в котором он не создает карму. Когда карма исчерпана, вы перестаете существовать. Именно таким становится существо в конце своего Пути. Вы исчерпали свою карму, ее больше нет, как и нет того, кто создавал и опустошал ее. Другими словами, во время тех событий, когда все влияет на вся, вы просто-напросто перестали существовать как отдельное существо. Вы до сих пор являетесь ВСЕМ, потому что вы были ВСЕМ! — Он громко рассмеялся, как это бывает с людьми, которые только что сказали хорошую шутку.

— Это полностью соответствует квантовой механике, — удовлетворенно заметил Йоран. После чего Джим, не обращая внимания на слова Йорана, сказал:

— Спасибо вам, Роши, за такое точное изложение темы разговора, ведь по ней написана не одна толстая книжка, а многие люди используют понятие личной кармы как оправдание за бездействие, другими словами, у меня есть своя карма, а у нищего, просящего у меня десять центов, своя. Кто я такой, чтобы вмешиваться и менять ему карму, дав ему денег?

Роши быстро потряс головой в знак несогласия:

— У него эта карма, потому что у тебя ТАКАЯ карма. Его карма заключается в том, что ты не вмешиваешься. Он остается голодным, и в этом его карма. Карма одного связана с кармой другого. Понимаешь? А тот факт, что ты встретил нищего, является частью твоей кармы, и она будет оказывать на тебя влияние до тех пор, пока ты полностью не исчерпаешь ее влияние. Вы, со всем вашим невежеством, являетесь моей кармой, а я — вашей в данный момент. Будда доказал, что карма проявляется посредством желаний. Если вы не привязаны к своим желаниям, то у вас нет кармы. Когда вы независимы от своих желаний, то вы больше не испытываете никакого желания давать мелочь нищему, как и желания не давать ее ему, но в то же время вы можете это делать с полной свободой, поскольку вы освободились от какого-либо влияния.

— Создается впечатление, что свободы воли почти нигде нет, — подключилась впервые к разговору Тара Деви.

— Чем сильнее ваша привязанность к визуальному миру и его паутине желаний, тем меньше свободы воли у вас есть. Я мог бы сказать, что сегодня вечером я собираюсь пойти в ресторан, и это показалось бы выражением свободы воли. Но если вы знакомы с моим прошлым и знаете, каким было поведение у моих родителей и предков, и как это все повлияло на меня, то сможете предвидеть тот факт, что я останусь сидеть дома, на том же месте, на той же подушке. Когда я исчерпаю эти влияния и начну освобождаться от них, то предсказания по поводу меня станут менее точными, а рамки самой свободы расширятся. Когда ты уже не являешься никем и ничем, когда ты уже никто и ничто, вот тогда ты обретаешь свободу воли. Понимаете, свобода воли есть тогда, когда нет никого, кто бы ее имел.

Бенгт, сидевший молча все это время и словно бы соглашавшийся со всем сказанным Роши, заговорил:

— Я не понимаю. Всю свою жизнь я желал свободы воли. Если я не стремлюсь к свободе воли, тогда кто же?

— Это зависит от того, как вы ощущаете свое «Я». Если вы ощущаете себя как кого-то, кто думает о том, что он желает свободу воли, тогда, конечно же, у вас этой свободы нет. Вы не можете иметь свободу воли, так как вы и есть свобода воли. — Он посмотрел в окно и сказал: — Поздновато. Начинает темнеть.

— Я включу свет, — откликнулась Астрид и встала с кресла.

— Незачем. Мне пора идти. Джим, не проводите меня? У вас есть зонтик, а на улице, кажется, дождь начинается.

— Сочту за честь, — медленно проговорил Джим. Его голос стал глубже, чем прежде. Его желание спорить, убеждать и противостоять куда-то исчезло. Мы все встали, разговор подошел к концу. Роши и Джим вышли первыми. Джим открыл зонтик, взял Роши под руку и скрылся вместе с ним в темноте. Он был на голову выше своего спутника, и казалось, будто он защищал от дождя маленькую девочку. Отступив в сторону большой деревянной двери, я ждал, пока выйдет последний человек. На улице было сыро, становилось все холоднее и темнее.

— Боги, — промолвила Астрид с порога. Я повернулся, продолжая застегивать плащ с капюшоном. На ее лоб попало несколько капель. Она сожмурила глаза от дождя. — Ты промокнешь. Почему бы тебе не остаться на ужин? — Ее улыбка проскользнула в полутьме. Кровь пронеслась по моим щекам. Какая-то пустота возникла в солнечном сплетении, будто меня внезапно поразил удар. Я сделал решительный шаг назад. А она, подойдя поближе, взяла меня за руку и провела через порог. Я еще раз обернулся и взглянул на группу, исчезающую под мраком сырой ночи. Астрид закрыла за нами дверь.

Гостиная сейчас казалась еще просторнее при всей ее теплоте. Она сказала:

— Я приготовлю чего-нибудь к ужину.

— Не беспокойся по этому поводу.

— Почему? Ты не голоден? — И в этот же момент меня одолело чувство голода. Я полностью забыл про еду, пока слушал Учителя. Она открыла дверь на кухню. Это была раздвижная дверь на колесиках, которая отворилась за счет специальной

выемки в стене. — Из еды осталось немного. Сделаю нам несколько куриных сандвичей. Не стой там, почувствуй себя как дома. Сними же, наконец, свой плащ. — Она открыла один из кухонных шкафчиков. — У меня есть белое вино. Как тебе?

Она достала белую скатерть и постелила ее на круглом кухонном столе. Поставила тарелки, кухонные приборы, подсвечник с тремя свечами и вазу с гвоздиками. Я наблюдал за тем, как умело она расставляла все на столе. Она улыбнулась мне и сказала:

— Все готово. Прошу к столу.

Она положила на тарелку сандвич, несколько креветок с листьями зеленого салата. Какое-то время мы ели в тишине. И вдруг она подняла брови:

— Вкусно?

Шведы питаются самой ужасной едой в Европе, и сандвичи были тому не исключение. Вместо хлеба они едят тонкие сухие овсяные ломтики, безвкусные, как бумага. Их даже не получается нормально удержать в руках, так как они постоянно осыпаются.

— Превосходно, — ответил я. — Я уже давно не ел так вкусно. Хочу поблагодарить тебя, что пригласила меня. Для меня это очень ценное переживание. Я мечтал оказаться рядом с духовным человеком.

Она улыбнулась. Она ела медленно и, словно подчеркивая благородство своих манер, как будто не жевала еду, а касалась зубами ноток невидимого инструмента. Она запивала вином каждый кусок. И смотрела на меня, чуть наклонив вбок голову.

— Если бы я только знала... Я бы достала хорошего коньяка.

— Это не так уж важно, — ответил я, — я все равно не пью его. Меня всегда удивляют люди, которые идут по пути алкоголя, сигарет... — Я остановился. Я не хотел испортить ее хорошее настроение.

— Тебе пора полюбить некоторые вещи.

В ее голосе это звучало как обещание. Казалось, что это было навеяно воспоминаниями о бывших любовниках, о тех многозначительных взглядах и стихах, о прикосновениях рук и кожи, страданиях от разлуки. И теперь она выглядела необычайно привлекательно. Сколько же ей? Тридцать восемь, может, сорок, а может, сорок пять? С приближением ночи она ка-

залась еще более привлекательной в своем теплом доме, уставленном книгами по оккультизму, темной мебелью и коврами, которые приглушали звук шагов. Легкий запах ее парфюма витал по комнате и соприкасался с дымом от ладана.

— Знаешь что, — сказала она, — давай после ужина послушаем какую-нибудь музыку. Я люблю Чайковского, а ты?

Я кивнул головой. Надеюсь, что она не будет расспрашивать меня о классической музыке. Я был напряжен, но в то же время становился более уверенным в себе — вино начинало действовать. Я сделал еще несколько глотков из бокала. Чего я хочу? Женщина попросила меня остаться на ужин. Мы одни в доме... она взяла меня за руку... все указывает на то, что она пригласила меня за тем, чтобы провести со мной ночь. Несмотря на все это, я был скован, вел себя чопорно и напряженно, снисходительная улыбка все чаще показывалась у меня на лице. В мою голову прокралось маленькое подозрение о том, что она проверяет меня и что, возможно, любая попытка физически сблизиться подвергнется критике, послужив указанием на мою незрелость в отношении принадлежности к их ордену. Астрид решила вмиг все мои сомнения. Она подвинула круглый стол ближе к дивану, поставила на него бокалы с вином и принесла коробку шоколадных конфет.

— Я буду через минуту, — сказала она, — только приму душ.

Я сел на край дивана. Очень изящная женщина. Перед тем, как лечь с мужчиной в кровать, всегда принимает душ, хотя, возможно, она уже в нем побывала не раз. Мне надо просто раздеться и растянуться на диване? Но на нем нет ни простыни, ни одеяла. Я просто сидел и ждал. Она вышла в белом курпальном халате, неся в руках простыню и два одеяла.

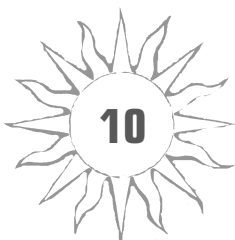
— Ты занимаешься любовью в одежде? — быстрым движением плеча она скинула с себя халат и обнаженной легла на софу, ничем не прикрывая свое тело. Она быстро подвинула одеяла к ногам. Не отводя от нее глаз, я начал раздеваться. Астрид хорошо сохранила свою стройную фигуру. У нее была маленькая, уже немного обвисшая грудь. Прекрасной формы ноги контрастно выделялись на фоне слегка большеватых ступней. Склонившись над столом, она налила мне еще вина. — Любовь — очень нежное растение, которое нужно поливать. Самый лучший способ — использовать хороший ликер.

— Это уместно для членов ордена Одина?

— Конечно. Это реальная необходимость для тех, кто любит жизнь так же, как и я. Кстати говоря, это единственное, в чем я уверена. Ты один из них. Тебе не нужно подавлять жизнь, просто расслабься и будь собой, будь частью жизни. Примерно добрая половина всего обучения по герметизму сводится к раскрытию подавленных частей личности.

Она положила голову ко мне на плечо, а ее рука нежно проскользила по груди и животу. Мое дыхание участилось и стало прерывистым. Она засмеялась и сказала:

— Молодой мужчина — самый безупречный инструмент во вселенной. Где бы ты его ни трогала — он везде играет.

Астрид зажгла сигарету.

— Было приятно, не так ли? Все эти слова, что ты мне говорил... я обожаю это.

После всех моих бесконтрольных грубых вспышек гнева я ожидал в свой адрес лишь упреки, холодное презрение и обидную ответную реакцию со стороны благонаправной дамы, но вместо этого я получил слова похвалы. Я говорил ей, что она потаскуха, у которой вместо мозгов одна скользкая дыра, что она шлюха, солдатская дешевка, дающая всем за бутылку пива. Я грозил ей, что отдам ее на часовое растерзание работягам в порту, что заберу у нее все ее дешевые деньги и изобью ее, если ей этого будет мало. Я орал, что сперма будет литься из ее ушей. Несомненно, ей все это понравилось. Я вспомнил слова Младена: «К дамам нужно относиться, как к шлюхам, а к шлюхам — как к дамам. Это единственная мудрость». Что касалось шведки, то тут он был абсолютно прав.

— Славяне — лучшие любовники, — промолвила Астрид, выпустив дым от сигареты. — Они преданны и чувствительны. Американцы — бегуны на короткие дистанции, у немцев нет никакого воображения, а шведы ни на что не пригодны.

— Как я погляжу, у тебя есть международный опыт.

— Неудивительно. Я много путешествовала, да и Стокгольм полон иностранцев.

Мы полежали какое-то время в тишине. Она водила пальцем по вене на моем лбу, касалась им губ и проводила руками по волосам.

— Жизнь временами прекрасна. Моя формула счастья проста: я свободно делаю то, что захочу, и люблю, когда в доме есть чувствительные мужчины. Дома без мужчин пахнут плесенью. У меня есть подружка, она моложе меня на три года. И вот уж как два года живет одна после развода. Она говорила, что мужчина в доме доставал ее. Боже мой, когда я одна дома, то просто ни богу свечка, ни черту кочерга! — Сигарета осветила ее лицо, когда она глубоко затынулась в очередной раз. — Мой муж был итальянцем. Он научил меня, как по-настоящему наслаждаться любовью, едой и напитками во время секса — еда приобретает иной вкус. Поначалу я стеснялась, а теперь... — рассмеялась она.

— Не нужно было разводиться.

— Всему когда-то приходит конец. Он расценивал женщин как объекты, нечто вроде трофеев — он был самовлюбленным человеком. Пока я любила его, это меня никак не беспокоило. Вот такая жизнь... ничто не вечно. Свобода драгоценна. В отношениях любая попытка ограничить свободу партнера — великое зло. Читал «Книгу Закона» Алистера Кроули? — Я потряс головой. — Эпохальная работа... Он был первым, кто увидел в женщине как человеческие, так и божественные черты.

— Звучит великолепно, но мне слабо в это верить. Невозможно иметь чистое сердце и в то же время давать свободу, которую мы сами хотим иметь, другому человеку. Я встречал много людей, заявлявших о своей принадлежности к телемитам и о праве заниматься любовью с кем угодно, сколько угодно и так далее... И когда их жены шли в постель с другим, то что случалось тогда? Их реакция была примерно такой: «Я больше не хочу играть в эту игру, верните мне все мое обратно!..»

Не поднимая головы с подушки, она искоса посмотрела на меня.

— Да, это тоже проблема. Когда я влюбляюсь, то становлюсь собственницей, начинаю хотеть мужчину всего целиком. Если что-то не срывается, то я об этом не говорю, я не начинаю ворчать по этому поводу, я просто становлюсь нервной и колючей. К счастью, я не влюбляюсь каждый день. Ты спишь?

— Нет, просто мысль о том, что придется вставать очень рано, портит все удовольствие. Одна и та же работа, одни и те же лица, эта чистка картошки... все то же самое.

Она понимающе кивнула головой.

— Я могу подыскать тебе работу получше. Кроме того, тебе не нужно будет работать какое-то время.

— Что ты имеешь в виду?

— Оставайся здесь. Мариен проходит обучение в Эребро, она пробудет там до лета и приедет лишь на Рождество, да и то только на пару дней. Думаю, ты был бы не против. У нее своя жизнь, и она не вмешивается в мою.

Мариен была ее дочерью, о которой она редко когда говорила.

— Нет, я не могу пойти на это, — сказал я, однако мой голос прозвучал неубедительно.

— Почему нет? Трудно принять поддержку от женщины средних лет?

— Дело не в этом. Многие мужчины поддержали бы твою инициативу. Но я ушел из дома потому, что хотел стать независимым.

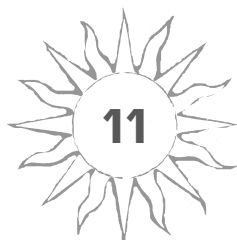
Она поиграла с моими волосами и поскребла ногтями, осторожно и нежно, мой затылок. Я закрыл глаза от удовольствия. Одной рукой она начала ласкать мне бедро, а другой схватила меня за мошонку и нежно сжала. Она пододвинула ко мне голову, так что ее губы дотрагивались до моих ушей, и прошептала: «Ты останешься, шалунишка?»

Я мог слышать, как где-то глубоко билось мое сердце. Закинув колено на бедро и раздвинув ноги, я, не опираясь на локти, влез на нее в одно мгновение. Она начала тяжело дышать.

— Ты ненасытен, — промолвила она. Но эти слова звучали как приглашение и одобрение. Я мог делать с ней все что угодно, и эта мысль грела меня изнутри. Она спросила меня: — Ты меня любишь?

— С чего это мне любить шлюху? За работу, сучка, ублажи своего клиента!

— Правильно, — пробормотала она и, закрыв глаза, откинула назад голову, — правильно, поливай меня грязью. Разорви меня! Убей меня!

Я проснулся от звука телефона, посмотрел на большие часы на стене, было уже девять. Я не снимал трубку, думая про себя, а что мне делать, если на другом конце провода вдруг заговорят на шведском? Но все-таки я решился ее снять.

— Привет, Боги. Я разбудила тебя?

— Да нет. Я лежал в постели и все думал о тебе.

— Прекрасно, обожаю мелкую ложь. Ты уже позавтракал?

— Еще нет. Я поем в городе.

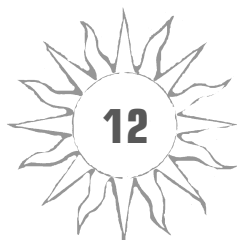
— Ты не понял... Я приготовила для тебя завтрак. Я хочу, чтобы мой прекрасный мальчик перекусил и отдохнул. Если станет скучно, то на этот случай я положила тебе билет в кино в карман твоих джинсов. — Она громко рассмеялась. — Спешу домой. Я так люблю тебя.

Я повесил трубку. Под окном, на столе, я увидел деревянный поднос с завтраком. Апельсиновый сок, два сваренных яйца, масло и тост. Она так и не сказала мне, в какой кинотеатр были билеты. Протянул руку, но так и не смог дотянуться до трупов. Я встал, откусил кусок тоста и запил его апельсиновым соком. На улице светлело, и серый свет потихоньку пробивался в комнату. Я засунул руку в один из карманов джинсов.

Там было пусто. В другом кармане нащупал твердую скомканную бумагу. Я вытащил ее. Две бумажки в сто крон, сложенные вчетверо. Совершенно новые, от них еще исходил запах только что напечатанных денег. Это и был мой билет в кино. Две сотни крон, мой недельный заработок в «Форесте». Я почувствовал тепло в животе, будто только что выпил горячего чая.

Я сильно потянулся, так что мои суставы затрещали, и, сев на край дивана, принялся за еду. Я ел не спеша, попивая маленькими глотками апельсиновый сок. Цветом он был похож на клюв утки и отдавал слабой горечью. Я думал про себя, а стоит ли мне вообще отправляться в город. Я бы мог пройтись к Хиториет, центру Стокгольма, где находился кинотеатр, в котором проходили дневные сеансы. Или же лучше было бы посетить несколько книжных магазинов? А может, все-таки пойти в «Форесту» и сказать Халингу, что нашел другую работу? Что бы он на это ответил? У меня был самый настоящий выбор, что мне делать. Я улыбнулся, стукнул кулаком правой руки по ладони и лег обратно в кровать. Одеяла все еще сохраняли запах ее парфюма. Я повернулся на бок, придвинул одеяло к голове и свернулся в клубок. Я чувствовал себя спокойно в этом теплом гнездышке. В состоянии полного удовлетворения я начал засыпать. Я погружался в сон с мыслью о том, чтобы всегда так жить, за счет женщин.

Меня отделяло десять минут от судьбоносного момента. Я стоял в грязном снегу у дороги, прямо перед домом Свена Акермана, и ждал. Перед домом раскидывался просторный сосново-березовый парк. На высоких колоннах были закреплены факелы, освещавшие вход, оранжевый свет от которых радужно выплясывал на мерцающей глади снега. Всю ночь меня не покидало чувство тревоги и трепета, которое начало перерастать в напряжение и страх. Я не мог дожидаться, пока, наконец, пройдут эти десять минут, открывавшие мне дверь в самое значительное событие моей жизни.

Мое сердце билось как мощный барабан, дрожь пробегала по рукам, голове и шейным артериям. Я спрятал правую руку в карман американского военного пальто, которое было на мне. Внутри я сжимал талисман Младена, который он мне подарил по случаю отъезда. Нужно ли было его доставать в такой момент? Все те, кто будет наблюдать за мной во время посвящения, сами испытывали аналогичные переживания, и это означало, что данная процедура была предназначена не только для сверхлюдей. Меня лихорадило: во рту все пересохло, а ноги все продолжали трястись и не могли остановиться ни на секунду. Бывал ли я раньше в такой ситуации? Или это — то самое чувство перед боем? Я достал из кармана свернутую бумагу с печатью, согнул ее несколько раз и разломал печать. В толстой гладкой оберточной бумаге была завернута маленькая записка, в которой было всего два слова. Я развернулся к горящему факелу и начал разглядывать надпись, которую никак не

мог понять. «Просто расслабься», — было написано подчерком Младена. Меня одолело разочарование. Я ожидал помощи, какой-нибудь таинственной энергии, исходящей от этой бумаги, которая могла бы защитить меня и придать сил. А вместо этого я получил только бесполезные два слова. Я постарался расслабиться от верхушки головы и до ног и почувствовал, как напряжение начало потихоньку уходить.

Ровно в восемь часов я постучал в дверь старомодным бронзовым дверным кольцом.

— Привет, Боги! — встретил меня у двери лучезарно улыбающийся Свен Акерман. — Добро пожаловать, Боги, мы ждали тебя.

— Спасибо, Свен, — ответил я, проходя в дом с подспудным ощущением того, что совершаю свои первые шаги в новую жизнь. Внутри царил спокойная атмосфера, приятную теплоту создавал легкий запах горящих свечей и ладана. Оук Вилкинсон, Халинг и Астрид уже сидели в просторном вестибюле. Они все разом кивнули мне, и Астрид улыбнулась. Я снял желтовато-зеленое военное пальто с капюшоном. Свен взял его и отнес в шкаф под лестницей, которая вела в комнаты наверху.

— Пойдем, переоденемся, — сказал он.

Пройдя по узкому коридору со стенами из темно-коричневого дерева, мы оказались в маленькой комнате со спертым воздухом.

— А вот и мы, — обратился он к человеку средних лет, лицо которого было покрыто небольшими шрамами от угревой сыпи. Он стоял около круглого стола, на котором лежали парчовые и сатиновые ритуальные одеяния. Из всей мебели в комнате был лишь этот стол. Я увидел в полуоткрытом шкафу яркие мантии на вешалках.

— Это Боги. Ты уже подобрал что-то?

— А-а-а-а! — подтвердил он на вдохе. — Я думаю, эта как раз подойдет.

Официальным жестом он поднял со стола длинную сатиновую мантию с капюшоном, словно пробуждая задремавшую принцессу ото сна. Мантия источала запах ладана. Свен Акерман наклонился в мою сторону и таинственно спросил:

— Когда ты принимал душ?

— Перед тем, как прийти сюда.

— Сойдет. А теперь раздевайся.

Они с удивлением смотрели на то, как я разом снимал рубашку и жилет. Сняв ботинки и вельветовые штаны, я остался в майке и трусах. Несколько секунд я пребывал в нерешительности.

— Раздевайся полностью, — раздался голос Свена Акермана. — На тебе не должно быть никакой повседневной одежды.

Испытывая неловкость, я полностью разделся, оставшись нагишом в центре комнаты рядом с двумя шведами. Становилось холоднее, и по ногам и спине начали бегать мурашки. Однако эти ощущения продлились недолго. Как искусная прислуга, они начали одевать меня: поверх длинной белой батистовой рубашки на меня надели тяжелую черную сатиновую ритуальную мантию, свисавшую до колен. На левом боку мантии была вышита эмблема ордена: красно-белый круг, который пронзали два золотых меча Одина, направленные остриями вверх. Акерман обмотал веревку три раза вокруг талии и завязал ее в узел:

— Можешь дышать?

Я кивнул головой.

— Ну, тогда пошли.

Центр столовой выглядел, как вход в храм, — стены были украшены большими светлыми картами Таро. Оук Вилкинсон с его торчащей козлиной бородкой был уже там. Он стоял в темной бледно-лиловой мантии, поверх которой была накинута белая шинель без рукавов с вышитым золотым крестом и красной розой посередине. От его шеи до самого пола тянулась широкая белая лента с изображением ромбовидных фигур и золотых крестов. В правой руке он держал золотой скипетр, украшенный астрологическими знаками планет.

— Встань рядом со мной, — произнес Оук. Я подошел к нему с правой стороны, как учила меня Астрид. Он улыбнулся: — Выглядишь так, как будто ты родился в этой мантии. Очевидно, в прошлых жизнях ты был ритуальным магом... Свен, где повязка на глаза?

Свен Акерман подошел сзади и повязал мне на глаза толстую черную бархатную повязку. Он так сильно затянул ее, что перед глазами начали появляться белые круги.

— Понимаешь ли ты, когда ты говоришь как Соискатель, а когда говорят твои эго и истинное «Я»? — басом спросил Халинг.

— Да, — ответил я напряженно.

— Тогда начнем.

Халинг сделал шаг вперед и взял меня за руку. Очень осторожно, медленными шажками я передвигался по паркетному полу, чтобы не наступить на свою мантию. Затем мы остановились, и Халинг постучал в дверь скипетром три раза. Рука, за которую меня держали, начала потеть. Почти беззвучно открылась дверь, и в тот же момент теплый воздух, пропитанный ароматом горящих свечей, ладана и палочек с фимиамом, окутал мой нос. Аккуратно таща за руку, Халинг проводил меня в комнату, где руку отпустил. Мое лицо обрызгали несколькими каплями святой воды. Кто-то в руках держал кадило, которое качалось влево и вправо, что было слышно по металлическому звуку от цепей.

— Кто это? — раздался глубокий голос Халинга. Спокойствие наполнило мое тело, когда я осознал, что он играл роль истинного «Я» в этом ритуале.

— Человеческое существо, ищущее секрета и цели в жизни. — Я хотел произнести эту фразу сильным голосом, но звук получился приглушенным, как из-под подушки. — Моя душа бродит во тьме в поисках света, пролитого на тайные знания. Всей душой и сердцем я верю, что найду Свет и Истину в Святом ордене Одина!

Оук Вилкинсон взял меня за руку, и я сделал два шага вперед. Я двигался вперед с ощущением немоты в ногах. Надавив рукой, он дал понять, что мне надо опуститься на колени. Я был перед храмом. Вилкинсон, выполняя роль моего эго, прошептал:

— Прими все то знание, что ты найдешь. Только так ты обретешь величайшую силу!

После него вступил Халинг:

— Слушай меня! Ты начал играть в единственно достойную игру в этом мире: в прятки с самой Истиной. То, что ты ищешь, само собой разумеется, спрятано, открыто или утеряно. То, что ты ищешь, нельзя ни взять, ни увидеть, ни понять... Но этим можно стать!

— Как? — нерешительно и в то же время умоляюще спросил я. — Я умоляю, кто-нибудь, скажите мне: как, когда и где вы отыскиваете ее?

Мое «эго» говорило твердым, наводящим на размышления голосом Оука Вилкинсона:

— Будь смелым! Многие полегли на этой дороге. Подымись на не достигаемые никем высоты, и хвалой тебе будет вечность.

Я постарался интонацией, как при чтении стихотворения, выделить следующие свои слова:

— О, заветный и абсолютный приют! О, дом, окруженный высокими стенами! Впусти меня, позволь мне пройти через пасть дракона, жало скорпиона и клубок ядовитых змей. Если потребуется, я приму смерть для полного перерождения.

«Истинное „Я“» сказало загадочным голосом Халинга:

— Сотни рыб ринулись на поиски одной рыбы, имя которой Сторыбица.

Я ответил вопросом:

— Пробудит ли кто-нибудь меня от этого ядовитого сна?

— Три змеи пробрались в этот мир, чтобы отыскать одну змею, имя которой Трехзмей, — продолжил Халинг.

— Вся моя жизнь — ожерелье из поддельных жемчужин, — произнес я, и эти слова относились не только к ритуалу, но и к моей жизни в целом.

Оук Вилкинсон, мое ритуальное эго, подстегивал меня:

— Отыщи сокровище, которое доселе еще никто не находил! Стучи в дверь долго и настойчиво, и она отворится! — Он постучал три раза, и по храму, как по пустой могиле, пронеслось эхо.

— Кто ты? — спросил Халинг голосом истинного «Я».

— Я есть «Я!» — быстро ответил я. — Я одолею смерть и удостоюсь вечной жизни!

— Тот, кто хочет одолеть смерть, сначала должен одолеть меня, — вмешалось «мое эго».

— Сколь долго ты еще будешь думать, что Я — не ты? — спросил Халинг, в голосе которого чувствовалась нотка отчаяния, а затем, словно предсказывая события, он продолжил: — Ведь душу освещает душа, а все остальное вгоняет во мрак!

Я ответил уверенным голосом:

— Клянусь, что отыщу мое истинное «Я»!

Я был расслаблен физически, но духовно чувствовал себя на острие бритвы, и на какой-то момент мне почудилось, что слова Младена из его «амулета» каким-то неопределенным образом начали ощутимо воздействовать на меня.

Я знал текст «Эго», знал и вступительную часть обращения «Истинного „Я“» ко мне, но как-то не задумывался особо над ними раньше. Я считал, что эти слова были набором выразительных средств, пока Халинг не произнес фразы, которая поразила меня:

— То, от чего ты откололся, осталось целым.

Я остановился.

То, что он сказал в роли «Истинного „Я“», содержало какой-то смысл, который я никак не мог уловить на тот момент. Создалось ощущение, будто я начал внезапно погружаться в глубину воды. Я произнес:

— Я в темноте. Пусть кто-нибудь осветит мне путь, и я сделаю все возможное, чтобы дойти до конца.

— Кто ты? — прозвучал искушающий судьбу голос Халинга.

Оук Вилкинсон быстро прошептал: «Ты — самый лучший, самый сильный, самый важный».

— Я — это Ты, — произнес я голосом Халинга.

— Наконец-то ты узнал себя! — В голосе Халинга были сила и радость, перераставшие в блаженство от разрешения проблемы. Он продолжил тем же голосом: — Да восхвалим же этот момент! Чего ты еще желаешь?

— Служить Истине как один из Сторонников.

— Обладаешь ли ты всеми необходимыми достоинствами?

— Да, Душа моей души, — ответил я и совершил ритуальные движения рукой, обозначавшие четыре мистических достоинства: сжатый кулак — желание, разжатая рука на сердце — смелость, правый указательный палец, указывающий на храм, — знание, и палец у закрытого рта — молчание.

— Ты, кто обладает четырьмя достоинствами и знает, кто он есть, входи!

Я сделал два шага и вошел в храм. Я положил на сердце ладонь руки.

«Истинное „Я“» предупредило меня:

— Брат мой, впереди тебя ждет тяжелая работа, полная сомнений, страданий и разочарований.

— Я готов страдать ради Истины. Я готов быть растерзанным сомнениями ради Истины. Я готов к разочарованиям ради Истины.

— Как ты будешь выживать? — предостерегающе спросил Халинг.

— Я отдам все, что имею...

— Это начало! — быстро произнес Халинг, прервав меня на середине фразы.

— Я отдам все, что сделаю...

— Это — Путь! — решительно заявил он, повысив свой голос.

— Я отдам все, что я есть... — закончил я с ощущением полноты внутри себя. Я чувствовал силу ритуала не как какую-то энергетическую структуру, перед которой преклонялся, а, скорее, как средство, позволяющее открыть себя и свой Путь.

— Это завершение! — произнес Халинг и, взяв тоном пониже, предупредил: — Знай, вставшему на Путь обратной дороги уже нет.

— И никогда не было.

— Знай, Путь полон ловушек, — продолжало предостерегать меня истинное «Я» голосом Халинга.

— Истина расчистит Путь для меня.

— Знай, возможно, тебя поджидает смерть.

— Со мной Истина, а Истина есть вечная жизнь.

— Знаешь ли ты, куда приведет тебя Путь? — произнес Халинг голосом, полным предостережения, беспокойства и надежды. Я стал более уверенным, а мой голос — необыкновенно сильным:

— От бездны небытия к звездным высотам пролегает всегда только один Путь — из меня, через меня и ко мне!

— А что же является ключом? — продолжило «Истинное Я».

— Любовь!

— Какова же тайна?

— Я есть Свет! Я есть Любовь! Я есть Истина!

После небольшой паузы, тишину которой прерывал только звук, исходивший от кадила, я почувствовал, как кто-то покачивается рядом со мной. Халинг коснулся моего локтя, дав понять, что можно вставать. Он снял повязку с глаз. Через опемевшие глаза мне удалось разглядеть всю картину.

Передо мной, на узком прямоугольном алтаре, стоявшем меж черной и белой колоннами, лежали предметы: крест и че-

тыре вещи, символизирующие стихии, — пентакль, меч, чаша и жезл, а также свежий хлеб, тарелки с вином и солью, лампа с красным абажуром и корзинка с лепестками роз. Позади алтаря, на маленькой деревянной лавочке, совершенно неподвижно сидели трое людей в капюшонах. У каждого был свой цвет мантии: голубой, желтый и светло-красный.

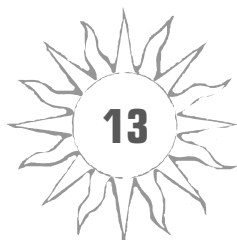
В просторной комнате с белыми обоями горели свечи, которые были как на стенах, так и на полу. Позади людей в капюшонах, на стене, висели две большие карты Таро, на которые падал верхний свет. На карте справа был изображен Маг, а на той, что слева, девятой карте Таро — Отшельник, или Свет в Тайне.

— Юный брат, — начал маг в голубой мантии, — как звать тебя?

Я ответил на латинском:

— *Omnia Sacrificabo Praeter Libertatem!* — что означало: «Я жертвую всем, кроме свободы».

Они замолчали. Было только слышно, как периодически покачивалось кадило, как шипел ладан на углях и как глубоко дышал Оук Вилкинсон у меня за спиной. Я как-то не так произнес слова на латинском? Или, может, имя было слишком претенциозно? Все трое в капюшонах вдруг произнесли в один голос: «Брат *Omnia Sacrificabo Praeter Libertatem*, мы принимаем тебя в орден Великого Одина!»

Дорогая Лидия.

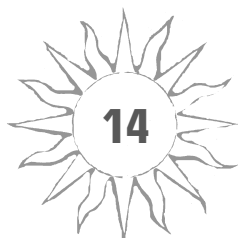
Мне трудно сейчас писать, поскольку я знаю, что это причинит тебе боль, но я хочу, чтобы ты знала следующее: мне нужно искать свое счастье где-то в другом месте. Я не подхожу для брака. Во мне сидит сильное желание быть свободным, и я не могу связать себя только с одним человеком. Спасибо тебе за прекрасные моменты, дни, года, которые мы провели вместе. Ты — лучшее, что случилось в моей жизни, но я уверен, что ты не захочешь пойти со мной по тому же пути. Пожалуйста, прости меня.

Боги

Я вздохнул с облегчением, когда опустил письмо в почтовый ящик. Я оставил позади очередную часть своей жизни. Хватит с меня притворства, чувства вины и сидения на двух стульях. Мне было печально, но в то же время я испытывал удовлетворение. Написав это короткое письмо Лидии, я перестал тем самым обманывать ее. Если бы продолжал медлить с разрывом отношений, то обманывал бы как себя, так и ее. Так было лучше, правда, болезненно, но в то же время быстро и честно.

— Что случилось? — спросила Астрид, стоя у двери.

— Я совершил то, что так долго откладывал на потом.

— В такие моменты я чувствую, как настоящее превращается в прошлое, — Астрид говорила медленно и мечтательно. — Я люблю прошлое. Я едва могу дождаться, пока окончится переживание. С прошлым происходит так, что оно начинает приобретать красоту и смысл, чего не наблюдалось в момент его появления. Это относится и к страданиям, слезам и прощаниям...

Батарей были горячие, а огонь в камине окутывал нас еще большим теплом. Я сидел на коврике, опираясь ногами на диван. Позади меня, на полу, лежала Астрид, положив голову на мое бедро. Комнату освещал лишь огонь из камина. При мерцающем свете от костра ее лицо приобретало привлекательные и таинственные черты.

— С тобой все по-другому. Ты молод, полон надежд, мыслей, что весь мир в твоих руках. Халинг относится к тебе со всей благосклонностью.

— Возможно, у него есть на это причины.

— Да не обманывай сам себя. Твой дар к ритуальной магии не играет здесь решающей роли. Самый ценный обряд посвящения он прошел у одного из твоих соотечественников.

— Халинг? У серба?

— Да, у серба из Герцеговины. Он являлся самой значимой фигурой в организации «Молодая Босния». Они убили принца Фердинанда.

— Я не верю в это. Если бы такой человек и вправду существовал, то я бы знал о нем. Может, и существовали люди,

развязавшие Первую мировую войну, но на свете не может быть человека, который был бы учителем Халингу.

— Нет пророка в своем Отечестве. Так или иначе, он широко прославился за счет своих политических взглядов по поводу организации Европы. Как оккультист, он был известен немногим, как и Халинг. Он был истинным экспертом.

— Кто тебе рассказал об этом?

— Халинг. Он не считает это секретом.

Я положил ее голову на подушку, а сам встал и подошел к камину, вытянув руки к верхушке пламени.

Астрид поднялась с коврика и, опершись на диван, зажгла сигарету зажигалкой. Под огнем от зажигалки было видно, что она смеялась.

— Тебя это так сильно впечатляет? У него было такое же труднопроизносимое имя, как и у тебя, можно было сломать язык, пока его выговоришь, — Димитрий Мичинович.

— Он еще жив?

— Мичинович? Нет, он умер в Лондоне, вот уже как десять лет тому назад. Как раз после войны он провел там обряд посвящения Халингу. Он публиковался под псевдонимом Немо, что говорило о том, что у него отсутствовало это. — Она глубоко затянулась сигаретой. — Он посвятил Алана Уотса, а также и некоторых других известных герметистов и художников — Мондриана и Кандинского. Если признаться, я, как и многие другие, упустила такой шанс.

— Он посвятил Алана Уотса? Чему он обучал? Дзен?

— Нет. У Мичиновича, как и у других независимых экспертов, была своя собственная система. Он побывал во многих школах, но не остановился ни на одной из них. Те знания, что он получил от остальных, повлияли на него в какой-то мере, но в итоге он разработал свою собственную систему.

— Как же так получается... его система пользуется известностью?

— Это высшая математика оккультизма. Ее особенно высоко ценил Олдос Хаксли. Мичинович знал Кроули, Диану Форчун, Гурджиева... На самом деле, перед войной он приобрел репутацию эксперта по культуре в вашей стране. Он работал редактором в каком-то журнале в Боснии, который опубликовал первую работу вашего соотечественника Андрича, нобелевско-

го лауреата. Об этом мне рассказал Мей Бритт Нильсен, который перевел Андрича на шведский. Мичинович смотрел в будущее, он работал над объединением Европы за много поколений до де Голля. Я повстречала его в Лондоне. Он уже тогда был при смерти, страдал от почечной недостаточности, ходил весь опухший, но я все равно знала, что находилась около настоящего Учителя. Когда ты стоишь рядом с такой личностью, то просто не можешь ошибаться в нем.

— Как он выглядел?

— Мы всегда представляем таких людей иначе. Когда мы слышим о них от других или когда читаем их работы, то обычно, видя их, мы разочаровываемся. Все же... Должна признать, что он выглядел необычно. Высокий, сильный человек с выбритой наголо головой, хоть он и скрывал ее за полуцилиндром. У него были густые кустистые брови. Говорят, что если увидеть его глаза вблизи, то их уже никогда не позабыть. У него была трость с янтарной рукоятью. Я почувствовала себя наивной и в то же время была поражена теми противоречиями, что обнаружила в нем. И еще больше меня удивил тот факт, что он их не скрывал. Он был страстным заядлым курильщиком и предпочитал длинные сигары «Вирджиния». — Она улыбнулась, достала еще одну сигарету из пачки, зажгла ее и продолжила: — Он пил виски в большом количестве... как же он пил... Но это никого не беспокоило, поскольку он был настоящим магом и учителем такого же уровня, как и Гурджиев... Они с уважением относились друг к другу. Мичинович сразу же понял, кто есть кто. Он ценил и Кроули, хоть они и виделись только мельком. Эта встреча позже привела меня к Телеме.

— Ты была его учеником?

— Если бы я только могла ответить «да»!.. Я провела с ним немного времени, так что он не посвятил меня. Я ездила на Восток, к Шри Ауробиндо, и собиралась сосредоточиться на его учении сразу по возвращении из Ауровиля, но было уже слишком поздно. Он покинул свое тело. Я повстречалась с немногими из его учеников. Вокруг Мичиновича всегда собирались большие группы. Женщины как восхищались им, так и боялись его. Как же сказать... в нем было что-то, что вызывало у людей страх... Это легко мог бы быть его взгляд. Когда я встретила его в Лондоне, то оказалось, что он жил неподалеку от Британского

Музея. Быть к нему приглашенным считалось редкой привилегией, в чем я была всегда убеждена, и не только в самом начале... Да, он был необычайно разносторонним человеком. В нем всегда можно было разглядеть что-то новое. Позже я выяснила, что он занимался поэзией. Говорили, что его стихотворения были изумительны. Эта информация из третьих рук. Из-за языка мне так и не удалось прочитать его произведения. Он писал о человечестве, судьбе, проблемах космоса, он был и поэтом, и герольдом.

— На чем основывается его система?

— Трудно объяснить в двух словах. Согласно теософистам, он работал с черной магией, но об этом говорит только половина тех, кого я знаю. В нем можно было разглядеть две примечательные черты. С одной стороны, он был социальным деятелем, я говорила тебе, он занимался тем, что пытался достичь политической утопии, объединенной Европы. Это было утопией, потому что он заговорил об этом на полвека раньше, чем кто-либо другой... С другой стороны, он был оккультистом — его учение о принципах, лежащих в основах мироздания и человеческих существ в нем, единстве и различии, было действительно полезным. Если коротко, то явные различия говорят о единстве, поскольку одно не может существовать без другого. И когда теософы говорят о победе добра над злом, об укрощении животного внутри себя, обо всех этих приукрашенных историях, то они попросту демонстрируют свое невежество в отношении основных принципов, по которым живет дуальный мир вселенной и человечества... Добро и зло — две стороны одной медали — одно, в конечном счете, дает жизнь другому. Многие знают об этом, но учитель умел преподнести это как действующую поведенческую основу, так что об этом нельзя было позабыть... он был истинным адептом.

— Адептом? Ты это серьезно? Для меня адепт — это тот, кто преодолел человеческие слабости, тот, кто не просто знает больше, чем все остальные, но и чтит высокие нравственные ценности. Однако же Мичинович пил и курил...

— Такое отношение делает из тебя наивного новичка. Не стоит ожидать от таких людей святого образа жизни... потому что они — не святые. Нельзя судить их по устоявшимся стандартам. У адептов должны быть человеческие слабости, чтобы они оставались в человеческих телах.

Я стоял у камина и ждал продолжения ее повествования. От приятной расслабляющей атмосферы не осталось и следа. Как я мог забыть это имя? В моей голове были какие-то смутные воспоминания о нем, размытые и расплывчатые, как звуки под водой. Конечно же... он был другом моей бабушки и дедушки, с кем она долго переписывалась после смерти мужа. Его фотография висела на одной стене с нашими семейными фотографиями в столовой в Виолин До! Большая гладко выбритая голова, темные пронизывающие насквозь глаза, кустистые брови. Его образ таил в себе какую-то безмолвную угрозу, глубокий, крадущийся издали рев, исходящий от глубинных вод. Я попытался вспомнить те редкие моменты, когда бабушка комментировала его нерегулярные письма из Лондона.

— Что ты еще знаешь о нем?

— Только то, что услышала от вторых лиц. Халинг полагает, что он был одним из Мастеров Великой Белой Ложи Посвященных. Ходили различные нелепые истории. Филип Мэр, английский писатель, женившийся на сестре Мичиновича, писал в своей автобиографии, что он почти упал в обморок, когда в первый раз встретил его. Некоторые говорили, что у них шла кровь из носа в его присутствии. Такого рода воспоминания схожи с описаниями Мак-Грегора Меттерса, главы «Золотой Зари», о Великих Мастерах.

— Еще меньше верю в существование этих Мастеров. Воображение у некоторых людей работает сверхурочно: рассказанным историям нет начала и конца, и через некоторое время рождаются те самые мифы о тайных лидерах оккультных братств, о крови из носа и тому подобное...

— Слушай, Боги. Теософские истории о Великих Мастерах, и правда, представляют оккультные фантазии XIX столетия, они сочетают в себе немного науки и куда больше фантастики. Но, несмотря на это, великий Разум все же существует. — Она на какое-то время задержала на мне свой взгляд. В двух ее пальцах медленно тлела сигарета. Она взглянула на зимнюю ночь через окно. И заговорила медленно, подбирая каждое слово: — Само решение ступить на Путь не меняет генетически самого человека. Ему все равно нужно функционировать физически — такковы законы метаболизма на физическом уровне существования. Время от времени он устанавливает с высшим Разумом контакт,

который становится все чаще и все продолжительнее по мере следования по Пути. Через него начинает проходить космическая энергия, так как он стал более проницателен, чем остальные. По сути, это явление схоже с вдохновением художника или открытием ученого... Ты слушаешь меня? В основе лежит механизм длительной концентрации на одной цели, фокусирования мыслей на одной вещи или проблеме. Люди постоянно поглощают энергию из высших уровней, но большинство об этом даже и не подозревает. Понимаешь? Различие между оккультистом и мирским человеком в том, что, по сути, оккультист делает это сознательно и, следовательно, более эффективно. Когда он твердо стоит на Пути, то приобретает способность сохранять более длительный контакт с высшими уровнями сознания. Это — энергия, и она существует в различных формах. Некоторые видят ангелов и говорят с ними, другие — Бога, третьи — инопланетян с космических кораблей...

Она затушила сигарету указательным пальцем и, словно размышляя вслух, заключила:

— Художники достигают вдохновения, ученые решают проблему, а простые люди видят привидений, фей и демонов. Из-за того, что мы живем в индустриальном обществе, становится неудивительно, что так сильно культивируются истории об инопланетянах из других цивилизаций. Некоторые видят в них даже спасителей.

Ее слова звучали разумно. Она понизила голос, словно предупреждала меня:

— Ход развития событий может принять опасный оборот. Иногда космическое маховое колесо беспощадно поглощает всего человека. Это и есть один из случаев эгоизма. Человек не может различить себя и ту силу, которая завладела его сознанием. В нашем братстве было несколько таких случаев.

— И что стало с этими людьми?

— Их ждала психиатрическая больница. Последователь должен прочно удерживать связь с физическим миром — у него должна быть профессия, брак, дети, работа... — По ее лицу быстро пробежала улыбка, и она продолжила: — Даже если это чистка картошки. Халинг так и оставит тебя чистить картошку в «Форесте», пока ты сам не решишь поискать что-то другое. Головой маг живет на небесах, а ногами — на земле!

У меня в голове промелькнул образ Халинга. После нашего разговора я задумался, а действительно ли он адепт, каким я себе его представлял? Я не знал, что сказать по этому поводу, и продолжал молчать.

Астрид добавила:

— Я хотела предупредить тебя, чтобы ты в ближайшее время ожидал таких реакций, ведь у тебя было очень много задавленных переживаний. — Она печально улыбнулась и продолжила: — Когда появляется реакция, то затрагиваются в первую очередь эмоциональные отношения... Космическая энергия, Разум, божественные силы... Должна признать, что я скептически отношусь к этому... Все эти будоражащие голову вещи всегда случаются с кем-то другим. Почему-то Высший Разум никогда не выходил со мной на контакт.

Астрид посмотрела мне в глаза. Танец бликов огня отражался на ее лице. Я мог разглядеть ее блестящие, насквозь пронизывающие и сосредоточенные глаза скорпиона.

— Не будь столь уверенным, — произнесла она напоследок.

Я стоял посреди ритуальной комнаты в доме Акермана, разодетый в ритуальную мантию из тонкого голубого хлопка. На мне были голубые носки и повязанная вокруг талии шелковая веревка. Я выполнял роль Хеседа, несущего космическую энергию, четвертая сфера на Древе Жизни. На остальных девяти участниках были надеты мантии, цвет их соответствовал цветам сефирот, которые они представляли. На Астрид, играющей роль несущей энергию Марса, была огненно-красная туника и тонкая железная цепочка вокруг пояса с маленьким кинжалом. Белокурая Гунила, разодетая в зеленый шелк, с медными браслетами и цепочкой вокруг талии, стояла позади меня на месте последней из сефирот, на правой колонне Древа Жизни. Она притягивала к себе взгляды мужчин, но сама смотрела только на Халинга. Он сделал глубокий вдох и на выдохе произнес:

— Начнем.

Я был напряжен, хотя само исполнение ритуала было простым. Каждая из сефирот, находящаяся на соответствующем месте, была очерчена мелом. Халинг, в белой робе, белой повязке на голове и в белых тапочках, стоял на верхушке дерева, символизируя Кетер, высшую из всех сефирот.

Он молча окинул нас взглядом и, закрыв глаза, начал читать призыв высоким и дрожащим голосом:

— Братья и сестры, позвольте следующему видению возникнуть перед вашими духовными глазами... Мы стоим на вершине высокой горы, освещенной лучами восходящего солнца. Над нашими головами возвышается фигура Священного

Ангела-Хранителя. От его золотых замков исходит сияющий свет, который озаряет нас. У подножия горы расстилаются яркими красками города Ат-ла-а-ан-то-о-ов-в...

По моему телу пробежала дрожь. Появившаяся у меня в голове картинка была настолько живой, что яркий свет, исходящий от Ангела-Хранителя и восходящего солнца, чуть ли не ослеплял меня. Я сожмурил глаза сильнее.

Халинг продолжил:

— Давайте же вместе вызовем вибрацию: «Э-э-э-хэ-э-э-йэ-э-э!»

— Э-э-э-хэ-э-э-йэ-э-э, — гортанно и глубоко вибрировал я. Окружающие голоса как волна охватили меня, и в руках, во рту и верхней части желудка начала ощущаться слабость. Халинг провибрировал формулы Хокма и Бина, после чего мы все вместе проделали то же самое. Получилась очень сильная вибрация, и взорвавшаяся физическая энергия превысила энергию всех участников. Вибрации сефиры Хесед, что я представлял, вызвали сильную дрожь в области диафрагмы, икроножных мышц и лица. Дрожь в солнечном сплетении и гениталиях продолжала расти, гортань начали охватывать судороги. Я уже хотел открыть глаза и рассказать Халингу, что со мной творилось, но... от страха мои глаза были так сильно зажмурены, что я видел перед собой лишь белые точки.

— Э-э-э-ло-хи-и-им Ги-и-и-бо-о-ор, — провибрировал формулу Халинг, которая прозвучала так, будто у него в горле находился медный колокольчик.

— Э-э-э-ло-хи-и-им Ги-и-и-бо-о-ор, — провибрировал я про себя, поскольку мои сжатые искривленные губы не могли произнести ни звука. В нижней части желудка, а также и в груди, раздавался звук, похожий на жужжание пчел. Вибрации приоткрыли занавес моих давних воспоминаний, и перед глазами начали проноситься живые образы. Дрожащий, я переместился в необычное темное ущелье, затемненное крутыми скалами. Вибрация от рева водопада, разбивающегося о хрустальные скалы, была похожа на ту, что я испытывал внутри себя. Парящие в буре птицы издавали пронзительные вопли, огненная дрожь земли разрывала кишки диким созданиям. «Ги-и-и-бо-о-ор-р-р», — исходящий гул из моего тела начал проноситься по земле. Мое тело неистово дрожало, и я медленно

начал подниматься ввысь. Дрожащий, я переместился в сторону. Даже с закрытыми глазами я мог видеть Халинга, Гунилу, Оука Вилкинсона, потолок и пол в комнате. От пространства и от людей в нем исходил лиловый, похожий на лунный, свет. Я видел со стороны свое сжатое тело, свое бледное лицо, на котором выступил пот, я мог слышать гул откуда-то изнутри груди. Каждая частичка моего тела мерцала, как стая крошечных испуганных птиц. Я был потрясен. Мое тело стояло там, но в нем никого не было.

Внезапно Халинг уменьшил силу вибраций. То же самое сделали и мы. Вибрации начали медленно затухать, пока совсем не исчезли. Какое-то время мы все еще могли слышать их отдаленные колебания. Буря рассеялась. Я вернулся в свое тело, отчетливо ощущая, как заполняю собой грудь и глаза, будто выплывая из плотной стены, отделяющей меня от мира.

— Братья и сестры, откроем же глаза, — раздался голос Халинга. Очертания людей, окружающих предметов были какими-то размытыми. Я потряс головой, и картинка прояснилась. Вновь послышался голос Халинга:

— Давайте же закроем храм.

Теперь я отчетливо видел его. Он совершил ритуальное движение закрытия, похожее на то, как задергивают занавески на окне. Мы повторили за ним. Один за другим мы топали правой ногой по полу, давай понять нашему бессознательному, что вернулись на уровень материальной реальности. В белой робе, с сияющей улыбкой на лице, Халинг выглядел, как только что выкованный меч. Посмотрев на нас, он сказал:

— Спасибо вам всем за успешно проведенный акт. Давайте снимем мантии.

— У меня было фантастическое переживание, — внезапно вырвалось из меня. — Астральная проекция! Я вышел из своего физического тела...

— Правда? Оставь свои фантастические переживания на потом! — вмешался Бенгт Фолк, искоса поглядывая на меня. Одним только взглядом он умел надрать уши, как непослушному ребенку. У него на голове росли гладкие белые волосы. Он носил очки в проволочной оправе и глядел по сторонам, не двигая головой, перемещая только свои ледяные глаза из стороны в сторону.

— Боги, — тихо заметил Халинг, — давай сначала снимем мантии и сразу же запишем в дневниках информацию по поводу этой операции. А уж затем мы сможем поговорить о наших переживаниях.

В то время пока Халинг говорил со мной, Бенгт Фолк не отводил от меня взгляд. Я чувствовал его холодную отчужденность. Спустя полчаса, когда мы выпили чаю в столовой, он вновь посмотрел на меня таким же образом. Астрид, заметив пристальный взгляд Бенгта, нежно сжала мне колено под столом. Я сжал ей руку в ответ. Она улыбнулась и обратилась к Халингу:

— Это было чрезвычайно хорошее переживание, Берн. Какая фантастическая энергия!

— Да, — ответил Халинг, — иногда группа гармонично подобрана. Мы соберемся еще пару раз в таком составе и посмотрим, были ли сегодняшние результаты случайны, или же они — следствие такого состава группы, — он продолжал смотреть на меня и на Йорана Густафсона. — Сегодня среди нас было двое новичков.

Бенгт Фолк заерзал на кресле, словно пытался занять более удобное положение.

— Я бы не придавал этому слишком большое значение, Берн. Сегодня астрологическое сочетание созвездий чрезвычайно благоприятно сказывается на ритуальной деятельности. Солнце находится в союзе с Сатурном.

— Но позволь заметить, Бенгт, мы несколько раз проводили такие операции в астрологически благоприятные моменты, однако не получали таких результатов. Очевидно, на них повлияли другие факторы, — напряженно произнесла Астрид, несмотря на то, что пыталась сохранить некоторую мягкость в голосе. — Нам нужно продолжать в таком составе.

— Астрид, Астрид, — подняв брови, начал Бенгт Фолк, — куда же тебя приведет твоя склонность к экзотике? — Йоран был совершенно не интересен ему, он целился в меня.

— К местам, находящимся по ту сторону от тебя. Любовь, как мотив, эффективнее нетерпимости.

Как бы я хотел уйти сейчас. От моего желания поделиться своими переживаниями почти ничего не осталось.

— Кажется, мы также привели в действие некоторую негативную энергию, — склонившись над чашкой чая, произнес

Оук Вилкинсон. Он прищурил глаза, а потом перевел свой взгляд с Бенгта на Астрид. — Никогда не забуду того момента, когда я в первый раз возглавлял ритуал. Было где-то около семи тридцати пяти или тридцати шести вечера... неважно. Мы собрались у бывшего Джона Абенбери... он соорудил прекрасный маленький храм, который нужно было официально открыть. Я возглавлял группу из пятерых человек. Текст выучил наизусть. Мы все условились, что подойдем к делу серьезно — никакого смеха или шуток... ну, понимаете, как серьезные вещи могут иногда показаться невыносимо смешными. Я читал призыв, который они за мной повторяли. Я до этого не говорил им, что нам придется повторять этот текст три раза в одинаковой манере. Первый раз прошло гладко. Затем я начал произносить слова во второй раз. Они повторяли за мной с довольно серьезным видом, но вдруг мне показалось, что они решили, что я их разыгрываю. Акцентируя внимание на том, что им нужно вполне серьезно повторить призыв в третий раз, я официально и очень громко произнес: «...И еще раз!» И всех четверых сразу же накрыло: «И еще раз!»

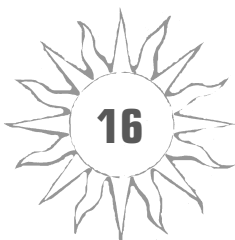
Смеялись все, кроме меня. У меня в горле образовался большой ком, а во рту — сухость.

— Хороший юмор на Пути так же необходим, как и специи к блюду, и его нужно беречь, — заметил Йоран Густафсон. — Возможно, вы слышали, что Густав Мейрин зажег спичку, чтобы лучше разглядеть лицо демона, которого он пробуждал.

— Да, — подтвердил Гарольд Дженсен, член братства Внутреннего ордена Одина, — стоит упомянуть и герметистов, у них у всех была способность замечать комические черты во всем, даже в том, что им ближе всего к сердцу.

Халинг кивнул и с улыбкой добавил:

— У Вездесущего должно быть редкое чувство юмора... В момент мистического воодушевления Шри Ауробиндо сказал, что Бог похож на бессмертного ребенка, играющего в вечную игру в вековечном саду. Я никак не могу расстаться с чувством, что Бог, на самом деле, великий комедиант. Сотворение нашего мира таким, каким мы его знаем сейчас, возможно, его лучшая шутка.

Судя по внешности, нельзя сказать, что Йоран Густафсон — профессор Стокгольмского университета. Он больше походил на боксера в среднем весе, который перенес не один десяток ударов. Его квадратная голова была крепко прикреплена к массивной шее, плоский нос, веснушчатое лицо и коротко подстриженные рыжие волосы дополняли портрет. Можно было подумать, что он — тугодум, но когда он рассказывал о квантовой механике, то в нем кипела страсть, его полные энергии мысли были похожи на дикие бьющиеся волны. «Слушайте, — принуждал он, — квантовая механика соединяется с глубоким мистицизмом, и по этой причине в научных кругах на нее закрывают глаза».

Как-то мы пили чай дома у Астрид, и кто-то рассказывал о конфликте между наукой и мистицизмом. Йоран поспешно реагировал на такие выводы, он был похож на стрелу, которую долго натягивали, но, в конце концов, выпустили из лука. Я ошибался, полагая, что он будет мучить нас своими длинными монологами.

— Вы не поверите, но большинство инженеров по электротехнике совершенно неправильно истолковывают современную физику. Как вам такой тестовый вопрос... Все вы знаете, что самой быстрой скоростью в мире считается скорость света, что равна около трехсот тысяч километров в секунду. А теперь представьте, что этот свет начинает распространяться из одного источника в двух противоположных направлениях. Его скорость — триста тысяч километров в секунду в обоих направлениях. С какой скоростью лучи будут удаляться друг от друга?

— Ну, тут все ясно как божий день, — начал отвечать Джим, — со скоростью, помноженной на два. Это как один плюс один равно два.

— И, конечно же, неверно! — заявил Йоран довольно радостным голосом. — Этот же ответ дают большинство специалистов по электротехнике. Не разбирающимся в этом людям это может показаться нелогичным, но оба луча движутся относительно друг друга с одинаковой скоростью в триста тысяч километров в секунду, потому что ничто не может двигаться быстрее в мире! Это один из тех невероятных фактов, что открыла современная физика. Видите ли, до недавнего времени сознание было изгнано из физики. Но сознание... сознание... — он поднял руки в воздух, как будто держал священный Грааль, — сознание является ключевым фактором в новой физике. Никто не знает, что собой представляет сознание — это философский вопрос, поскольку оно представляет собой величайшую из всех загадок. Мы знаем, что делает сознание, и какие чудеса оно творит в физике!

— Ты сейчас нам будешь об этом рассказывать, не так ли? — послышался голос Джима. Казалось, что он не очень-то и рад был шансу услышать длинную лекцию, приправленную расплывчатыми формулами, цитатами из научных журналов и мессианской верой в то, что Иисус был квантовым физиком.

Йорана не затронули слова Джима...

— Лучше всего сознание описывается через метафору. К примеру, возьмем такую, как океан сознания, либо что-то, что пронизывает вселенную насквозь. Еще до квантовой механики было хорошо известно, что человеческие существа сознательны. Также известно, что и животные обладают ограниченным сознанием. Некоторые древние философы, приверженцы Веданты, заявляли, что все сущее обладает разумом. Согласно их словам, и камень, и волосок, и эта чашка обладают сознанием. Как раз по этой причине они учат, что сознание проникает через все сущее. С введением квантовой физики мы начали открывать новую роль сознания. В чем же заключается основное действие сознания? — Он посмотрел на нас, будто ожидал какого-то ответа, но после пары секунд молчания продолжил: — Это действие, при котором отмечаются какие-либо вещи. Нужно помнить, что в одной из таких классических на-

учных дисциплин, как физиология, под восприятием понимается действие, которое случается за пределами области физики. Свет попадает на сетчатку глаза, вы формируете идею и так далее. До квантовой механики люди не понимали, что сам акт наблюдения влияет на то, на что вы смотрите. Теперь мы знаем, что акт наблюдения за малыми объектами, скажем, субатомными частицами, настолько их искажает, что мы никогда не сможем получить полную картину того, как они выглядят на самом деле. Как только вы начинаете смотреть на них — они изменяются!

Джим сузил свои глаза до размеров узкой прорези.

— Ты хочешь сказать, что сознательный акт наблюдения влияет на то, на что мы смотрим, таким образом, что он оказывает воздействие на наблюдаемое и изменяет его?

— Именно так!

— Сознание, практически, становится единым целым с наблюдаемым, перемешиваясь с ним в процессе наблюдения?

— Именно! — Голос Йорана Густафсона становился все громче и тверже. — Подобно гигантской океанской волне, сознание разливается и смывает все вокруг, даже пузыри на воде и идущие вместе с ней вибрации. Но когда происходит сознательное действие, то эта громадная волна становится маленьким пузырьком, превращаясь в частицу.

— Судя по твоим словам, Йоран, мое сознание способно заставить исчезнуть физическую вселенную, превратив ее в пузыри, — сказал я, все еще озадаченный такой возможностью.

— Да, на базовом уровне. Позволь мне перефразировать Ньютона, хотя он и является создателем механистической картины мира. Когда я смотрю на все эти предположения квантовой механики, то чувствую себя ребенком, сидящим на берегу гигантского океана. У меня такое ощущение, что мы стоим на пороге огромного, беспрецедентного открытия, что-то вроде осознания природы Бога или человеческой души. Нечто похожее выйдет и в квантовой физике, поскольку весь основной фундамент, на котором держится вся современная наука, довольно шаток — понятия материи, пространства и времени рушатся и исчезают, как песчаные замки. Мы приходим к одним и тем же заключениям, что и древние индусы, говорящие о том, что все — едино. Следовательно, получается так, что

деяние одного-единственного человека влияет на нас всех — на этой планете или, возможно, в целой вселенной. Все мы связаны между собой тонкими, едва различимыми связями.

— То есть вы утверждаете, что вот этот стол не твердый, что он сделан из едва заметных пузырей? — спросил Гарольд Дженсен и постучал по столу пальцем рядом с напитком. В его голосе можно было заметить легкую иронию.

— Он не только не твердый, но он в высокой степени представляет собой пустое пространство, сотканное из вероятностей и неясного тумана, который есть и в наших головах.

В этот момент я почувствовал, что мне нужно было что-то сказать.

— Физика представляет собой основной научный фундамент. И если в ней все размыто и неопределенно, то получается, что и основа всей нашей реальности так же туманна и так же сведена к вероятностям?

— Да, так как квантовая физика глубоко внутри напоминает человеческий разум — в ней постоянно появляются новые идеи и мысли, которые трансформируются и смешиваются друг с другом... которые возникают и исчезают. Идея о том, что большие вещи не сделаны из маленьких вещей, как, например, здание из кирпичей, представляет собой ключевой момент в разрушении старой картины мира... Вещи сделаны из сущностей, думаю, что лучшего термина здесь не подберешь, и они не обладают характеристиками до того момента, пока вы не посмотрите на них, и только тогда они начинают существовать. Конечно же, все это звучит невероятно, но это так!

— Как индийские представления о Майе, — добавил я.

— Точно, как Майя. До того момента, пока существо, разделенное сознанием, не наблюдает за объектом, этот мир существует в каком-то особом неопишемом состоянии. Это состояние чистой вероятности. Когда мы подключаем сознание и смотрим на мир, то он становится совершенно обыденным. Понятно, что многие ученые, заработавшие репутацию в классической физике, испытывают неприязнь к квантовой механике. К ним относится и Эйнштейн. Он сказал, что она делает его поистине несчастным.

— Если все взаимосвязано, тогда получается, что нет разницы между мной и этим стулом, — сказал я, полагая, что это будет довольно веским аргументом.

— Разница есть, потому что твое и мое сознание порождают его, точно так же, как я сказал об этом ранее. Сознание изменяет наблюдаемые объекты. Мы охотнее принимаем такие идеи, когда они приходят от индийских мудрецов. В основе восточных умозаключений лежит экспериментальная наука. Видите ли, один психолог проводил эксперимент: он по всему миру записывал утверждения некоторых мистиков и учителей по йоге, затем удалял из них выражения, которые указывали на первоисточник. После чего он записывал утверждения известных физиков по тем же самым вопросам и убирал из них научную терминологию. Собранный им материал он скомпоновал в один текст и раздал группе студентов, попросив рассортировать все утверждения на две категории. В первую категорию должны были записать мнения ученых, во вторую — мистиков. И знаете, что произошло? Они не смогли найти никаких отличий между ними и разделяли по категориям, полагаясь лишь на волю случая.

Больше я ничего не говорил до самого окончания вечера.

Какое-то время мои отношения и жизнь с Астрид были источником наслаждения и благополучия. Первым ушло наслаждение, в то время как благополучие продержалось немногим дольше, а сама страсть к ней постепенно ослабевала. Я чувствовал это, и, судя по моим знаниям и опыту, я перерос ее. Она обладала многими положительными качествами, однако я начал разглядывать в ней и пороки. Она знала больше, чем я, но со временем я понял, что ее знание исходит от чтения литературы и бесконечных разговоров. Ей не хватало глубоких основательных переживаний. Все то, что она извлекла из ритуалов за все эти годы, я освоил менее чем за пару уроков. Ни она и никто другой из того круга людей, что собирался у нее дома, не обладали никакими оккультными силами. Они только лишь говорили о таковых.

По утрам Астрид плохо выглядела. Ее лицо приобретало бледно-мертвенный цвет, голос — хрипоту от курения, а сами глаза мутнели. Она тайком брила ноги, и в те дни, когда к ней неожиданно приходили гости, накладывала на лицо маску из нескольких толстых слоев жирных кремов. Я разузнал о ней некоторые вещи, которые едва позволяли мне иметь с ней какие-либо отношения, даже несмотря на то, что она провела двадцать лет в духовных кругах оккультистов и даже какое-то время с некоторыми из Учителей, о которых ходили весьма драматичные истории.

Я не мог согласиться с ее мнением о том, что мое желание испытать истинное оккультное переживание являлось лишь отражением моей незрелости. Я принимал это как оправдание

отсутствия реальных сил и сильной личности. Зачем людям искать более глубокого смысла в жизни, зачем им постигать секреты космоса и их собственной души, если спустя двадцать лет они остаются такими же: слабыми, любителями выпить коньяка, да изо дня в день повторяющими слухи о чудесах и истинных Учителях?

Каждый раз, когда я говорил о своем давнем желании испытать просветление, она выдавала мне один и тот же совет: «Посмотри глубоко внутрь себя». Сколько я себя помню, я только этим и занимался. Сколько раз меня обвинял отец в том, что я одержим собой и этой оккультной чертовщиной, которая, как он настойчиво утверждал, в итоге сведет меня с ума.

Я едва мог отыскать в себе то, что усматривал в других. Я не находил внутри себя ни Белой Ложи, ни Великих Мастеров, ни ясных целей. Все, что я видел, так это неясную тенденцию куда-то пойти, что-то сделать, чтобы наконец-то что-то осознать, принять и полюбить себя. После всех этих книг, что я прочитал, после всех этих посвящений, через которые я прошел, я все еще не знал, кто я такой.

Истории вроде той, что сейчас расскажу, вводили меня в самое тяжелое состояние, которое меня никак не устраивало.

...На безымянном пальце правой руки я носил кольцо из лапландского золота, которое подарила мне Астрид на Рождество. Через три дня я отправился к ювелиру, чтобы оценить его стоимость. Я чувствовал себя неловко, поскольку не был совсем уверен в том, что откажу ей в следующем подарке. Внутреннего Учителя так и не появлялось, вместо этого я медленно погружался в состояние, которое по своей сути было намного хуже того, которое заставило меня покинуть Белград. Куда делся тот юноша, что был готов голодать и мерзнуть до самой смерти, лишь бы отыскать ответ на вопрос, кем же он был? Кто знает, что бы я обнаружил, если бы посмотрел глубоко в себя?

В то время пока Астрид была на конгрессе по детской психиатрии в Амстердаме, из моей головы не выходили эти самые мысли. На третий день после ее отъезда я собрал свои книги, одежду, зубную щетку из ванной и переехал к Нейлу, оставив на столе прощальную записку. Какое-то время я пытался представить себе выражение ее лица, когда она прочтет ее, однако особого удовлетворения эта мысль не приносила.

Халинг, сидя в своей стеклянной кабинке, был похож на капитана боевого корабля, отдающего приказание поварам. Подходя к нему, я все больше чувствовал, что мне придется столкнуться с командой, снаряженной для расстрела.

— Доброе утро, шеф Халинг. Есть ли какая-нибудь работа? Любая сгодится.

Он посмотрел на меня так, будто знал о моей истории, и ответил:

— Я бы с удовольствием взял тебя обратно на кухню, но эта вакансия уже закрыта. Замороженную картошку-фри доставляют прямо с завода, — немного помолчав, он добавил: — Приходи завтра в это же время... Я подыщу тебе что-нибудь.

Вышло даже лучше, чем я ожидал. Текучка персонала на кухне была частым явлением: люди приходили и уходили, было много новых поваров. Никто не говорил обо мне, когда я ушел, и Халингу, конечно же, незачем было обсуждать меня. Возможно, все подумали, что я уехал в Югославию.

Меня поставили к огромной посудомоечной машине. Она была похожа на длинный металлический тоннель, в котором исчезали металлические корзинки с грязной посудой. Сначала посуду промывали горячей водой, смешанной с моющим средством, а затем ополаскивали под струей чистой воды. Чистые тарелки, чашки, блюда и кастрюли выезжали с другой стороны машины. Работа была не столько трудной, сколько скучной. У многих людей похожая работа. Трое рабочих на дух не переносили друг друга. От машины, перемешанный с запахом от моющего средства, шел теплый пар, от которого мы все время потели. Самое отвратительное свойство работы заключалась в том, что она никогда не прекращалась. Я с грустью вспоминал свое прежнее дело, когда был все время один, когда мог почитать книгу после того, как расправлялся с чисткой картошки.

В комнате Нейла я встретил двоих македонцев, деливших с ним жилье. На третий день после моего возвращения я получил комнату на чердаке, которую с ними и разменял. Каждую ночь в нашей комнате собиралась большая кучка людей. Те, кого я знал раньше, уже уволились. Знаменитый Доктор Трехчлен, Ташик, тоже куда-то отчалил. На их смену пришли новые люди, но сами разговоры остались прежними, точно такими же, что были до моего ухода к Астрид.

Самим ярким был Мило Милович, художник из далекой деревеньки под Цетинье. Он не оставлял себе ни капли сомнения в том, что он гений. Спустя какое-то время я начал задумываться над тем, откуда он приобрел такую невероятную веру в собственную миссию в жизни. Нет никаких сомнений в том, что в течение жизни люди принимают различные точки зрения, надевают на себя различные маски и роли, кроме тех случаев, когда самих зрителей очаровывает искусство человека. Он уговорил меня отправиться с ним в бараки, чтобы посмотреть на его картины. Я дал согласие нерешительно, поскольку не умел притворяться, что было необходимо в тех случаях, когда не хочется, чтобы гнев художника обрушился на тебя. Я не был знатоком живописи — мне нравился лишь сюрреализм с его необыкновенными пейзажами и фигурами, от которых исходил блуждающий по космосу свет. Различные школы и периоды, в том числе и Ренессанс, представляли для меня искусство земное. Сюрреализм был единственным истинным искусством, вбравшим в себя оба мира — параллельные вселенные.

Я был удивлен увиденным в скромной мастерской Мило. Удивлен — слабо сказано, его картины просто потрясли меня. От них исходила какая-то могучая сила, которая использовала Мило в качестве своего инструмента. Они были похожи на мощные линзы, отражающие далекие космические энергии, которые передавали послания из других миров. Благодаря такой силе картин создавалось впечатление, что Мило пользовался не кисточкой, а своими пальцами, чтобы нанести краски на полотно.

— Боги, поскольку ты единственный, кто в состоянии понять меня среди братьев, которые прибыли сюда, я тебе расскажу кое-что — я хочу открыть магическое предназначение вещей и существ, о котором знали древние люди. Я должен это сделать... Я чувствую, и я знаю, что каждая песчинка, каждая капелька обладают дивной душой, которая связана со всем сущим на земле.

— Ты идешь по правильному пути.

Я говорил искренне, не было нужды притворяться. Ничто не могло пошатнуть его веру, как создатель, он был равней Богу. Он был женат на Рейчел, шведке, которую он называл Рейк. Иногда он приводил ее на наше сборище у Нейла, и

когда просил ее налить ему воды или зажечь сигарету, то издавал при этом гортанные звуки, будто собирал мокроту в горле перед плевком. А когда его не было рядом, то все говорили о его жене, что она переспит с любым сексуально возбужденным мужиком, и, сколько я мог видеть, все эти истории были правдой. В те моменты, когда она пробиралась через переполненную комнату, она щипала там и сям мужчин за щеку, терлась об их руки и локти, а склоняясь над столом, чтобы передать Мило сигарету или зажигалку, старалась показать свою торчащую из бюстгальтера грудь. Иногда народ откровенно говорил Мило, чем занимается жена за его спиной. Однажды вечером, после нескольких выпитых гостями бутылок бренди, Роджа, не самый тактичный человек в мире, проболтался: «Эй, Мило, как ты вообще можешь терпеть свою жену, когда она меняет мужиков как носки?»

В комнате возникла мертвая тишина. Вместо того чтобы ударить его бутылкой, пролить кровь или сломать кости, Мило спокойно повернул свою голову и с чувством презрения произнес: «Спустя пятьсот лет никто не вспомнит про тех скелетов, что только и делали, что трахались, но весь мир будет знаком с моим искусством».

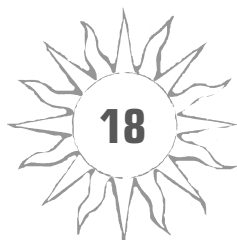
Я задумался над тем, как можно было человеку создать душевную конструкцию такой силы при помощи своего сознания. Насколько проще была бы моя жизнь, если бы я имел хоть точку такой исключительной способности распознавать в себе основания для подобного самоуважения. Я чувствовал себя совершенно посторонним среди них, хотя должен признать, что их разговоры и грязные шутки звучали довольно неплохо, особенно после двух лет бесед о высших состояниях, о пробуждении Кундалини, о Блаватской, Штайнере и Меер Бабе. Теперь окружающие смотрели на меня со смешанным чувством уважения и злобного восторга. Мне показалось, что Нейл, возможно, рассказал им перед моим возвращением в «Форесту», что я был на попечении у богатой шведской женщины, что было мечтой для многих из них. Они полагали, что она выпроводила меня, иначе бы я не вернулся обратно к ним в компанию. Это означало огромную потерю в социальном статусе, так что разговоры о том, где я пропадал раньше, всячески избегались. Я заметил, как Бейн Дефлоратор украдкой взглянул на часы и

кольцо, которые подарила мне Астрид. Его глаза бегали вверх и вниз, пока он подсчитывал, сколько же все это могло стоить. Он пытался вытянуть из меня информацию, что же со мной случилось: «Что-то у тебя не ладится жизнь на утомительных работенках. Это только для мелкой сошки, для людей физического труда. Для умного человека должно быть что-то получше...» — после этих слов он откинулся назад и прищурил глаза, словно оценивая взглядом мое кольцо. После того, как он повторил эту фразу еще раз, я спрятал руку в карман.

Он значительно прибавил в весе. Над застегнутой рубашкой свисал двойной подбородок, через запятанную куртку с поношенными рукавами выпирало пузо. От его величия не осталось почти и следа. В словах стало больше уличного жаргона, казалось, что он специально использовал его. Шепотом, чтобы никто не слышал, он рассказал мне одну свою историю, после которой сам пришел в уныние: «Я как-то натолкнулся на одну старушечку. Думал, что она нализалась, но ошибся... Дешевая сучка! Если подкинуть ее за ноги вверх и шмякнуть о стену, тогда, может быть, у нее быстрее выкатятся глаза, чем у ее единственного наследника. Мы пошли к ней... когда я раздел ее, то меня чуть не вырвало. Сиськи свисли до живота, живот до пилотки... у меня просто не мог встать...»

Я пошел к кровати. Но еще долгое время не мог заснуть и слушал, как они разговаривали о чем-то, произнося через слово «мать твою», «да пшел ты нах», и хлопали по доске шахматными фигурами. Меня это не раздражало. Я чувствовал себя так, словно после множества безвкусных готовых кексов наконец откусил кусок от маминого домашнего пончика со сливовым вареньем.

Я попытался открыть входную дверь дома Астрид, что в Энсхеде, но она оказалась на цепочке. Я позвонил в звонок и стал ждать со зловещим предчувствием. Уже прошло два месяца с того момента, как я собрал вещи и ушел, и с тех пор ничего не слышал о ней. Мне не попадался на глаза ни один человек из тех, кто бы мог мне что-нибудь сообщить о ней. Под началом Нейла я чувствовал себя сперва свободно, затем моя жизнь превратилась в рутину, и в конце концов я все больше и больше начал думать о ней, особенно в бессонные ночи.

Я забыл про ее физические изъяны, скучал по ее чувству юмора, по ее немного наигранному, но благородному стилю поведения, по ее вкусу к еде и спиртному, по ее дому, такому уютному и теплomu. Со времени установления наших близких отношений секс с ней приобретал для меня все большее значение, как и ее темперамент и любовь к шалостям в постели, что так резко контрастировало с ее утонченностью, когда она была не в кровати, — все эти мысли о ней снова начали занимать мою голову. И вот я опять у ее порога. Я был намерен сказать, что пришел вернуть ключ от ее дома, а также дать ей шанс снова меня соблазнить...

Увидев меня, она раскрыла глаза от удивления.

— А-а-а-а, ты... чего нагрязнул так... внезапно?

На ней был махровый халат, волосы были слегка взъерошены, а на щеках проступал розовый румянец. Я учуял запах ее парфюма, разбавленного вином.

— Возможно, и хорошо, что ты пришел в такой момент...
Проходи.

На кожаном диване в столовой сидел Роши, прикрывшись одеялом. Он сидел голышом, а его халат свисал с бедер. Он скрестил свои короткие, тощие ноги, на которых только местами виднелись волосы, так, словно сидел в ресторане. Он кивнул мне, не поморщившись.

Это был конец. Я понял: в то время, пока я думал, что Астрид в Амстердаме, она забавлялась с ним в его так называемом храме. Она была склонна к необычному поведению и отношениям, что удивляло людей в ее обществе, но никто бы не поверил в то, что в двусмысленном положении мог оказаться Роши.

Пока я думал, как мне реагировать на все это, Астрид произнесла:

— Ну, присаживайся к нам! У нас есть отличное вино, — и указала пальцем на стол, где стояла незаконченная бутылка вина. Рядом с диваном валялась пара уже выпитых бутылок.

— Это мой не самый любимый напиток, — ответил я.

— Я дам тебе возможность насладиться им.

Я повернулся и залез рукой в карман.

— А я пришел вернуть тебе ключи от дома.

Мне было нелегко снимать ключ с цепочки. Я положил его на стол рядом с диваном. Она проводила меня до двери, открыла ее и сказала на прощанье:

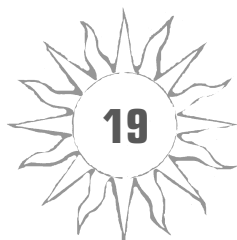
— Я желаю тебе всего самого наилучшего... потому что я счастлива... я счастлива как никогда.

Ее словам можно было верить. Она выглядела моложе, чем в последние несколько месяцев: взгляд с поволокой, пышущие здоровым румянцем щеки, быстрые и легкие движения тела. У нее была новая страсть — и я ничего не мог сказать об этом. Я только знал, что в ту ночь мне будет ой как нелегко заснуть. Я уже почти повернулся уходить, как услышал слова Астрид, которая, по-видимому, пыталась меня как-то подбодрить:

— О тебе спрашивала Гунила Бериман... Она хотела, чтобы ты ей позвонил.

Она передавала меня в руки другой женщине средних лет, словно я был какой-то эстафетной палочкой. Я повернулся к ней и сквозь сжатые зубы медленно произнес:

— Спасибо, но нет. Довольно с меня взрослых женщин! — и ушел с мыслью о том, достаточно ли глубоко ее задела мои слова, или же в своей любви она была неуязвима. Но в одном я был прав — я не смог заснуть до самого рассвета.

В те времена чувство удовлетворения посещало меня только мельком. Я уже не сидел на шее у женщины средних лет и, несмотря на ту грязную работу, что выполнял сейчас, чувствовал себя намного лучше. Наверное, такие ощущения испытывает проститутка на пенсии, которая вышла замуж, вырастила детей и чувствует себя уставшей, — но от благородной работы. Каждый третий день у меня был выходным, который я бесцельно проводил у себя в комнате, а позднее, вечером, к нам подтягивалась компания.

Однажды в один из таких выходных, ближе к вечеру, мне почему-то было не по себе. Я перелистывал страницы прочитанных книг. Скоро в моих руках оказалась «Книга Закона» Алистера Кроули, которую мне когда-то преподнесла Гунила Бериман в качестве подарка, когда гостила у Астрид. В первый раз я читал старое издание этой книги еще в Белграде, и тогда она не произвела на меня глубокого впечатления. Эта же выглядела куда приятнее. На каждой странице справа был текст, напечатанный красными буквами, а слева — факсимиле почерка Кроули, когда он писал книгу в Каире в 1904 году. Мое внимание захватили начальные фразы, и я, стоя у окна, начал внимательно изучать книгу, углубившись в нее более чем на полчаса. Что-то забытое проснулось внутри и завладело мной.

«Хад! Манифестация Ньюит», — такое начало произвело на меня особый эффект, как призывный звук рожка на охотничьих собак. «Разоблачение общества небес... Каждый мужчина и каждая женщина — звезда... Каждое число бесконечно,

различия не существует...» Какие-то части текста давались мне легко, в то время как другие я понимал лишь интуитивно. Там были какие-то непонятные дробные выражения из высшей математики, которые увязывались у меня в голове только благодаря моему предчувствию. Текст носил оккультное имя «Ал», что по каббалистической нумерологии соответствует числу тридцать один, треть от числа девяносто три, символическим выражением принципа телемы, или желания. Очевидно, телема не являлась здесь просто термином, обозначающим волю в узком смысле этого слова, она обозначала приближение сознательной личности человека к истинной личности и их окончательное слияние. Книга ставила соискателю в качестве цели постоянное выражение его собственной истинной личности, вместо того чтобы он продолжал погружаться в ограниченную эго-личность.

В центре находился Айваз, посланник из высших миров, или высший уровень сознания. В коротком введении описывалось, как Кроули, пребывая в медиумическом трансе, принял «Книгу Закона». Я находился под сильным впечатлением как от самого описания, так и от всего текста целиком, и не находил себе места, когда прочитал книгу до конца. Я сначала сел в кресло, чтобы как-то собрать в кучу все свои ощущения, затем встал и начал быстро бродить по комнате из стороны в сторону. Я был уверен в том, что обнаружил что-то действительно ценное, и решил выучить текст наизусть. Только так, как мне казалось, находка начнет претворяться в жизнь и работать на меня. Я должен был прояснить для себя некоторые части из книги, и для этого лучше всего подходила Гунила Бериман. Ее номер был записан в моей телефонной книге.

— Книга, несомненно, представляет собой западную тантру, — начала рассказывать мне Гунила. Мы распивали виски у нее на квартире в Кунгсгатане. Я не очень охотно пил виски, в то время как она, судя по всему, наслаждалась напитком. Держа бокал в одной руке, она свободной рукой перелистывала страницы книги. Она была одержима телемитскими текстами. После войны Гунила отправилась к Кроули в пансион в Гастингсе, о чем рассказывала каждому собеседнику... Она написала и издала в частном порядке книгу «Кроули и Либер Ал», в которой была представлена философия Телемы и Кроули. «Гуни-

ла — приятный человек, — говорила Астрид, — но будь осторожен, никогда не упоминай при ней Кроули. Ее тогда будет просто невозможно остановить». Бенгт Фолк с цинизмом рассказывал про Гунилу: «А-а-а-а, — припоминал он, — это, слушаем, не та ли дамочка, что однажды говорила с самим Кроули, а потом написала об этом книженцию?»

На тот момент меня абсолютно не волновала ее болтливость, напротив, я хотел выжать из нее как можно больше информации. Она сделала еще глоток виски и, стуча по книге на своих коленках указательным пальцем, сказала: «Вообще-то, „Либер Ал“ — проективный текст, он похож на поэму, благодаря которой читатель входит в содержимое своего подсознания. Некоторые части апеллируют к сексуально-магическим операциям, которые люди трактуют по-разному, а иногда и совсем противоречиво. Это лучшее качество книги. Книга говорит с каждым согласно его уровню».

— Меня беспокоит тот факт, что по тексту говорится о том, что его автор, Кроули, сам его до конца не понимает, и что на его место придет другой человек, который сможет прояснить его смысл. Кто же сможет понять текст лучше, чем тот, кто его создал?

— Как и другие, ты путаешь две вещи. Кроули не является создателем «Книги», он был тем, кто ее писал, то есть медиумом, который получил священный текст. Конечно же, Кроули не понимал всего текста целиком. Несомненно одно — кто-то придет на его место! — Она давила на книгу указательным пальцем, как давят на грудь спящему пророку, чтобы его пробудить. В ее расширенных глазах появился блеск, которого я раньше не замечал. Что-то указывало на то, что пророк был уже не за горами.

— Этот факт открывает двери для многих мистификаций, — осторожно заметил я. — От Астрид я слышал, что на горизонте появилось несколько человек, которые заявляли о том, что являются новыми пророками, которые затмят Кроули.

— Так говорят многие, но только одно существо прояснит смысл «Книги...», и в самой книге, кстати, ничего не говорит-ся, что им обязательно должен быть мужчина.

Я воздержался от ответа. С такими людьми благоразумно поговорить не особо получается: выходит эмоциональный ди-

алог, где их всезнайство опирается лишь на их внутренние чувства. Если я хотел заполучить от нее что-то еще, то мне нужно было воздерживаться от выражения своей точки зрения. Я кивнул ей в ответ два или три раза и погрузился в себя, сделав вид, что почерпнул многое из ее слов. Она оживилась — быстро схватила кусок бумаги и толстый маркер.

— Я сейчас тебе кое-что покажу, чего не найти в литературе. Дураки не знают, что обозначает символ креста. Некоторые наивные христиане полагают, что крест является символом распятия Христа. Посмотри-ка на это!

Она нарисовала большую голубую горизонтальную линию, разделенную посередине, а сверху провела непрерывную вертикальную линию.

— Скажи мне, какая из этих линий — пассивная, женская, а какая — активная, мужская?

— Здесь даже и думать не надо. И так ясно, какая из них пассивная.

— Конечно же... горизонтальная линия с промежутком посередине символизирует космический принцип женственности, который позволяет войти активному мужскому принципу. А теперь смотри!

И затем она быстро провела вертикальную голубую линию сквозь промежуток в горизонтальной линии, словно пронизывала ее, и соединила их, чтобы получился крест. Она подняла голову и посмотрела на меня несколько секунд.

— Несомненно, крест является символом единства мужского и женского, активного и пассивного принципов. Существует бесчисленное множество путей, как добиться этого единства. На человеческом уровне — единство мужчины и женщины — два принципа полярности становятся единым целым, и сама полярность нейтрализуется. Несмотря на кратковременность такого процесса, он показывает нам путь к высшей нейтрализации и возвращению к единому Источнику, к которому мы стремимся на протяжении всего пути сознательной эволюции.

В словах этой болтливой женщины был некоторый смысл, и, более того, она становилась все более привлекательной для меня. Плоские как доска ягодицы, стройные ноги, превосходная роскошная грудь, что было редкостью для шведок. Ее лицо выглядело так, будто его собрали не из тех частей. Такие яркие голу-

бые глаза должны были быть только большими и спокойными. Но у нее они были маленькие и постоянно прыгали по сторонам, как и брови, которые нервно следовали за ними. Несмотря на симметричность ее носа, он казался крупным и мясистым, губы были пухлыми и широкими, а уши крепились к голове, как маленькие вентиляторы. Едва ли можно было назвать эту болтливую женщину дамой, особенно тогда, когда она прямо-таки размахивала своей большой грудью, как в тот раз. Но, несмотря на все это, вокруг нее витал какой-то животный магнетизм.

Смотря за тем, как двигаются ее губы, как блестят ее влажные от слюны зубы, я то и дело хотел спросить ее, трахнул ли ее Кроули на старости лет, когда она навещала его в Гастингсе.

— Рот? — произнесла она и пододвинулась ко мне, словно прочитав мои мысли. Я почувствовал запах виски из ее рта, который смешивался с сильным ароматом, исходившим от белокурых волос и подмышек.

— В своих дневниках Кроули тайно обозначал «рот» словом «пе», но это не так-то просто отыскать по тексту. — Она запрокинула бокал, влив в себя остатки виски, перевернула кусок бумаги и на чистой поверхности нарисовала круг с символами инь и ян. — Если это положительные и отрицательные полюса мужских и женских начал, то где же их головы и ноги?

К моему удивлению, я разглядел там две фигуры: активного и пассивного головастика, которые кусали друг друга за хвост.

— Ты думаешь, что инь и ян символизируют оральный секс?

— А ты быстро обучаешься. — Ее ноздри на мгновение расширились, а затем сразу же сузились, тем самым позволив воздуху выйти со свистом. Она до краев наполнила свой бокал, а затем и мой. Она пила виски, не отрывая от меня глаз, и мгновенно опустошила почти половину из того, что налила. Ее глаза были прикованы к моим. — Редко когда люди замечают такое. Их привлекают символы, но они не знают, почему. В таком единстве весь эликсир остается во рту, так что ни одна капля драгоценной жидкости не пропадает впустую. Если операция проходит успешно, то жидкость теряет свою горечь и приобретает сладкий привкус.

Она плавно встала со стула и села на кожаную табуретку рядом со мной. Положив левую руку мне на колено, она продолжала быстро говорить, как будто времени совсем не оставалось.

— Даосские мудрецы столетиями знали о тайне сексуального оккультизма. В основе этой операции лежит идея, которая представлена на символическом рисунке. Он являет собой символ перехода духа в материю — идею или мысль, которая облагораживает высвободившуюся энергию. Понимаешь? Без этого все будет похоже на два-три подергивания, которые могут воспроизвести даже животные. Ты наверняка слышал такое мнение, что человеческий мозг с его с миллиардами нейронов является самым лучшим компьютером во вселенной? Как ни странно, его может создать любая безграмотная деревенщина! Не так ли?

Она тихо засмеялась.

— В противоположность этому акту, физический образ, полный сконцентрированной энергии, символизирует Великую Работу. Он представляет истинную алхимию — преобразование необработанных элементов в вечное золото, а не просто перегонку жидкостей в реторте. Альфред Грубер из Немецкого Братства Сатурна посвятил меня в Тайное Искусство.

— Я никогда не задумывался об инь и ян таким образом, но узнал, уже давно, как использовать мою сексуальную энергию. Для этого мне не понадобилась инициация.

— Тебе? В смысле?

— Каждый может прийти к такому выводу, если будет достаточно долго концентрироваться на идее этой энергии. Все говорят о необходимости концентрироваться на ментальном образе. В книге Джозефа Найта я нашел описание магических вакханалий, а также комментарий о том, что проводившему их человеку сексуальная энергия была нужна для других дел. Именно тогда я целиком прояснил для себя этот вопрос.

Она надавила коленкой мне на бедро.

— Это была самоинициация! Люди борются годами, чтобы это осознать, в то время как другие приходят к этому естественным путем. Да... Я начинаю припоминать, твоя Венера в Скорпионе... Это лучшая позиция для сексуальной магии.

— Так что? Где твоя Венера?

Ее мясистые губы растянулись в широкую ухмылку, и, медленно опуская руку ко мне на коленку, она произнесла:

— Моя Венера между ног.

На Стокгольмском оккультном собрании, после прослушанных комментариев по поводу «Либер Ал», я понял, почему на книгу существует столько различных мнений. Гунила оказалась права — это был проективный тест, и людям нужно было полностью погрузиться в него. Но она не понимала того, что это был, в основном, стимул для достижения более глубокого уровня существа, уровня, где индивид сливается с коллективным бессознательным. Когда появляется Нюит, богиня безграничного космоса, то она превращается в маленькую точку, Хадит, являясь тем самым прекрасным примером того, как безграничная волна сокращается до размеров крошечной частицы.

Тогда, сидя у окна своей комнаты, я усталился куда-то вдаль. Еще ни одной книге не удавалось меня так растрогать, не считая той, что я прочел в сарае у бабушки в Виолин До. Я чувствовал себя так же, как и тогда, словно меня, как какого-то котенка, тыкали носом... не в миску с молоком, конечно, но в очевидную истину — теперь я был погружен в истину, которую я так неудачно пытался избежать на протяжении стольких лет.

...Когда я вошел в спальню Гунилы Бериман, по моему телу пробежала точно такая же дрожь, что была у меня перед инициацией в ордене Одина. Спальня служила своего рода ритуальной ложей: не было ни стульев, ни кресел, на которые можно было бы присесть, так что мне пришлось выбирать между полом и широкой французской кроватью — и я выбрал пол, устланный толстым вьетнамским ковром. На стенах висели огромные репродукции картин Остина Османа Спэра, англий-

ского писателя с репутацией сексуального маньяка. Он был искусным рисовальщиком, однако тематика его картин настораживала специалистов в области сексуальной психопатологии: ведьмы с обвисшими грудями, гермафродиты, дерево с трещиной в стволе, по форме напоминающей огромное влагалище, и половые члены, повсюду были члены, в состоянии эрекции, переплетенные между собой или же с глазами и ногами.

Наш первый сексуальный контакт должен был считаться телемистской инициацией. В Швеции существовал орден Восточных Тамплиеров, но Гунилу особо не интересовали уровни его иерархии. Ее поведение спровоцировало ожесточенную критику среди членов общества, ходили слухи, что ее выгнали из ордена за ее богохульство над королевским мастерством, которым они приукрашивали сексуальные операции.

Я переживал по поводу эрекции в такой ритуальной обстановке, но Гунила рассеяла все мои сомнения. Она взяла меня за руку и подвела к широкой кровати, над которой театрально произнесла следующую фразу: «*Frater Omnia Sacrificabo Preter Libertatem* — да ступит воля твоя на порог храма Ньюита».

Такие столь эффектно произнесенные слова могли рассмешить любого здравомыслящего человека. Теперь мои опасения по поводу своих мужских достоинств вмиг исчезли. Когда твой партнер — такая пылкая женщина, с таким сочным и в то же время похотливым ртом, то беспокоиться по этому поводу не приходится.

Она разлила шампанское в два бокала, один из которых протянула мне.

— За вечную любовь, — произнесла она в том же тоне, — Ньюит и Хадит.

— Ньюит и Хадит, — повторил я за ней, как только мы опустошили бокалы. Такой поворот дела приводил меня в возбуждение меньше всего, поскольку я не был любителем вина. Она начала было вновь подносить бутылку к моему бокалу, но я покачал головой, дав ей понять, что мне хватит. Она налила себе еще и опустошила бокал, не моргнув и глазом. «От него она запьянеет», — подумал я. Мы пили шампанское, как на том настаивала «Книга Закона», после чего произошел внезапный скачок наших энергий с последующим слиянием Ньюит и Хадит. Дальнейшие события привели меня в изумление.

— Пространство расширяется, — послышался голос Гунилы, который с каждой секундой становился все более отдаленным. И само пространство, конечно же, расширялось, переноса меня в совершенно иное, более широкое пространство. Я даже не знаю, как это описать по-другому. Я почувствовал одновременно расширение пространства и спокойную неподвижность. Был слышен лишь звук наших бьющихся сердец. Я попал в водоворот, который начал засасывать меня, все быстрее и быстрее, в голове появился образ вращающегося дерева с вытянутыми руками, а затем я услышал сильный звук: «ХУМ! ХУМ! ХУМ!»

Мое истощенное тело прислонилось к Гуниле. Она тяжело дышала, ее глаза были закрыты. Белые пряди ее волос прилипли к вспотевшему лицу. У меня даже не было сил сжать руку в кулак — ослабевшие пальцы были практически скованы. Я не понимал, что происходит со мной. Несомненно, это было необычайное переживание, но я не мог осознать его значимость. Мои подозрения по поводу того, что цель всей операции заключалась в том, чтобы задействовать наивысшую энергию, оправдались позднее. Эту энергию нужно было направить на ясный и живой образ желаемой цели. Но как такое возможно, когда сознание человека теряет четкость, границы вещей и тел исчезают, а образы в голове практикующего возникают помимо его воли?

Я решил полностью посвятить себя изучению священного искусства алхимии духа, неважно, сколько сил и времени мне на это потребуется. Я был убежден, что добьюсь желаемого. И вскоре я встретил алхимика.

Слова Джина Дески о том, что он алхимик, подтверждались людьми, с которыми я познакомился в доме у Астрид. Задолго до того, как я повстречал его, Астрид тайком нашептала мне, словно нас могли слышать, что он за свой счет построил и оборудовал госпитали в Кении и Уганде, но никто не знал, откуда у него взялись эти средства. Оук Вилкинсон в своей манере, которую я про себя называл духовной клеветой, заверял, что этот же самый джентльмен пожертвовал значительную сумму денег библиотекам и приютам во Франции, а также полностью профинансировал постройку церкви в Лионе, от заложения фундамента до креста на куполе.

По виду и не скажешь, что Джин Деска был алхимиком. У него была смуглая оливковая кожа, кривой нос и беспокойный взгляд глаз, как у шустрого счетовода. Его одежда словно говорила о том, что он собирался в круиз на яхте, где проводилась какая-то знаменательная вечеринка: морской голубой блейзер с золотыми пуговицами и серо-голубой шарф вокруг шеи. Напояженные и расчесанные на пробор волосы плотно прилегали к голове. Он больше походил на вора Леванта, чем на адепта тайного искусства. Тем не менее, побыв с ним какое-то время, ты вдруг просто понимаешь, что повстречал настоящего алхимика.

Поначалу Оук Вилкинсон, несмотря на мою настойчивость, отказывался предоставлять мне более полную информацию о нем, аргументируя это тем, что лучше не копаться в том, что представляет некую опасность, но все же он сдался и рассказал его краткую биографию: «Он основал группу „Космическая

философия“ в Лионе и сотрудничал с ней на протяжении нескольких лет. В 1960 году он ушел из группы и переехал сюда, в Стокгольм, где и пустил свои корни».

Оук вручил мне вступительный текст к урокам алхимии. Я выяснил, что свое первое духовное пробуждение Деска испытал в храме на Мон-Сен-Мишель. На тот момент ему было всего двенадцать лет, и с того времени у него началась жизнь, полная духовных переживаний, которые он получил в европейских и американских эзотерических кругах. Он изучал и практиковал алхимию, каббалу и связанные с ними учения на протяжении шестидесяти лет. Какое-то время он занимался ядерной физикой и был даже владельцем одной компании по электронике.

— Я верю каждому его слову, — по секрету сказал мне Оук. — Разум подсказывает мне, что среди всех людей, которых я повстречал, он один-единственный, кому удалось ближе всех подойти к несомненному завершению Великой Работы — было бы благоразумно попросить его принять меня в свои ряды, чтобы заняться совместным изучением, хоть я и относительно стар для такого дела. Тем не менее... человеческое сердце не считается с аргументами разума — мое принадлежит к небесным телам и их влиянию на человеческие судьбы.

— Ты сказал, что ему удалось создать золото. Но это же противоречит точке зрения настоящих экспертов, — сказал я, хотя само утверждение, что Джину Деске удалось сделать то, чего не удавалось сделать тысячам до него, несомненно, подстегивало воображение. — Создание золота — метафора, обозначающая психологическую и духовную зрелость. Ну, я могу сказать тебе, что он — настоящий алхимик. Я верю в то, что ему удалось заполучить золото в физическом и духовном смысле слова. И поэтому я его очень высоко ценю. И ты бы тоже в этом убедился, если бы у тебя была возможность получше его узнать.

Мне не посчастливилось. Джин Деска не позволял мне находиться рядом с ним, слушать то, что он говорит, да и вообще, лучше узнать его было очень непросто. На протяжении двух месяцев я лишь дважды в неделю мог видеться с ним. К тому моменту я потерял всякий интерес к ритуальной магии, эмоциональным отношениям с Гунилой, а также ко всем историям членов братства Одина.

Джин жил в прекрасном доме в Хагсестре, что на окраине Стокгольма. Линия из редких сосен отделяла его дом от соседей. Дом вызывал ощущение богатства без видимых примет роскоши. Он принял меня в своем просторном рабочем кабинете, походившем на мастерскую архитектора или химика. Домработница впустила меня в дом. Это была стройная женщина с темными кругами под большими глазами, которая ничего не смыслила в алхимии. Она проводила меня в кабинет, где я впоследствии обычно заставал его за рабочим столом, на котором лежали какие-то наброски и цветные чертежи, — казалось, что он занимался картами.

Мои вопросы, возможно, казались утомительными, даже, скорее, назойливыми, но несмотря на это он не подавал никаких признаков раздражения.

— О, пожалуйста, присядь, присядь. Аннет сейчас сделает нам чаю, — с такими словами приветствовал он меня в первый раз.

До сих пор я встречал его только на собраниях в Медборгар Пласен или у Астрид. На стене, прямо над рабочим столом, возвышалась копия знаменитой гравюры Парацельса в алхимической лаборатории — он был запечатлен стоящим, склонившимся над своим рабочим столом. Около него была толстая книга и глобус, символизирующий источник света.

Я ожидал увидеть тестовые пробирки, реторты, горелку... но ничего из этого там не оказалось. Словно прочитав мои мысли, он сказал:

— Моя лаборатория находится в подвале. Она куда лучше годится для практических работ. А здесь я занимаюсь теорией.

Медленным движением руки он указал на ряды книг и рукописей, что были на полках справа и слева от его рабочего стола. На противоположной стороне кабинета горел камин, и если не считать этого изменчивого освещения, то в комнате была только лампа, стоявшая на столе. В этой комнате мерцающих теней Джин Деска не был похож не торговца Леванта, готового обмануть вас; в основном, преобладало ощущение чего-то тайного и мистического. Мы разговорились на повседневные темы, закладывая основы для более полноценного общения. Он не был удивлен моей должности посудомойщика в гостинице.

— Это однообразная работа, но благодаря такой монотонности занятий у творческих людей созревают идеи, — заметил он. — У Джека Лондона была как раз такая работа.

Около часа я вынашивал «правильный» вопрос, как влюбленный, не решающийся пригласить девушку на свидание. Наконец я, запинаясь, произнес:

— Простите за мое невежество. Какую цель преследует ваша наука? Создание золота, духовное развитие, или и то и то? — Я решил умолчать о том, что уже нашел у Юнга достойный ответ на этот вопрос, а также о том, что Оук ясно указал на вторую, более захватывающую возможность.

— Знаешь, в мире полно как мечтателей, так и душевнобольных... Подлинный алхимик не стремится к богатству и золоту этого мира, хотя большинство, возможно, желает этого с самого начала. В финансовом благосостоянии нет ничего плохого, так или иначе, его невозможно обрести без серьезной работы. Наша высшая цель — совершенство людей, союз между людьми и божественной природой. Такое достижение хорошо сравнить, например, с рождением в вере или достижением просветленности в буддизме. Единство — состояние души, состояние бытия, а не просто высший уровень «знания». Тот, кто достигает его, уже не может не создавать золота, даже если бы он этого и не хотел, — он притворно улыбался, когда произносил последние слова, словно оправдывая себя, свое благополучие перед теми слухами, что ходили вокруг его богатства.

— Это напоминает мне одну оккультную метафору, не помню, правда, где я ее прочел: человек, медитирующий годами, отыщет золото, куда бы он ни воткнул свою лопату, — подхватил я и в тот же момент начал порицать себя за свою поспешную попытку с ходу произвести хорошее впечатление. Неужели же я, действительно, мог внести какой-то вклад в развитие затронутой важной темы беседы.

Наклонив голову вбок, он произнес:

— Впервые слышу о такой метафоре, но она отлично перекликается с окончательным результатом алхимии. Дело в том, что алхимия требует от своих последователей наличия святой троицы качеств: фанатичной преданности, мистической веры, настойчивости и совести ученого. Таких людей не очень много, не только в ордене Одина, но и в любой другой области

иномировой важности... Если эти три качества будут доминировать на протяжении многих лет, то, конечно, такой человек отыщет золото, зарытое во многих местах.

Он, как и многие русские, очень странно пил чай с молоком — наливал чай в блюдце и уж из него медленно пил, прихлебывая.

— Желание алхимика и всего того, что подчиняется ему, — проникнуть в глубочайшие тайны природы, космоса и Бога. Отождествившись с Божественным, он надеется приобрести способность достигать чего-либо в рамках того времени, что измеряется в годах и десятилетиях, а не того, что измеряется в тысячелетиях и эонах, которые требуются природе для завершения цикла. Несмотря на это, многие невежды не понимают, что великая тайна алхимии — обуздать и контролировать время, а не превращать неблагородный металл в золото.

Ходили слухи, что вот уже два года, как он перестал набирать себе учеников. После его лекций по философии космоса многие из них донимали его, что, очевидно, и начало его удерживать. И с того момента его точка зрения заключалась в том, что каждый должен достичь самореализации индивидуально, ни в чем не ограничивая себя. По-другому ее нельзя было достичь — особенно когда стоишь в тени такого человека, как он, перенося на него надежды, которые не смогли воплотить наши отцы.

— Как много времени потребуется человеку, чтобы определить, подходит ли ему алхимия? Кто-то может потратить годы, прежде чем осознает, что она не для него... Да и как человек может узнать об этом, если он идет по Пути без опытного проводника?

— Это типичный западный вопрос. Как много? Как много времени? Как сильно ты меня любишь? Я занимаюсь эзотерикой более шестидесяти лет. И ясно помню тот день, как я, будучи мальчишкой, впервые оказался в готическом соборе... У меня было сильное ощущение того, что там создавалось что-то очень важное — какое-то сообщение для последующих поколений — для меня, для людей, что были до меня и что будут после меня. В таком месте на протяжении многих столетий постоянно обитали мудрость и тайные искусства. Должны были обитать, но не обитали. Людей очень давно интересовал вопрос, существует ли такой союз Ариадны, который может отправить

нас назад в лабиринт удивительных загадок, о котором знали готические архитекторы?

Он медленно растянул губы в улыбку, давая понять, что являлся одним из тех, кто знал ответ на вопрос, и продолжил:

— Вообще-то, ты задал мне два вопроса. Основная проблема у тебя на Пути — отсутствие поблизости священника или гуру. Инициация подразумевает полное открытие человека перед вратами храма. На самом деле это беда, когда какой-нибудь гуру присматривает за тобой. Можно достичь желаемого, только будучи полностью независимым. Вечный Отец не может узнать одного из своего сыновей, если тот — все еще земной раб, и не важно, где именно. Свобода — первая добродетель, которой нужно добиться, чтобы быть посвященным. — Он поставил чашку с блюдцем на стол и, словно подводя итог, сказал: — Я, конечно же, имею в виду внутреннюю свободу.

— Но духовный Учитель — личина Бога. Его присутствие необходимо, поскольку ученик еще не способен выдержать прямого контакта с Божественным, невозможно смотреть прямо на сильный солнечный свет.

— Есть доля истины в том, что ты говоришь. Большинство духовных Путей подразумевает посредника, тех самых очков, что нужны для созерцания Солнца. В алхимии же нет таких посредников. Ни в одном подобающем тексте о старательном алхимике даже удаленно не упоминается про Великого Учителя. По этой причине Путь алхимии долог и сложен. Для того чтобы овладеть временем, о нем нужно перестать думать.

Только спустя три недели моих частых посещений я наконец-то решился спросить его о посвящении в алхимию.

— В чем заключается наше посвящение?

Казалось, он подыскивал нужные слова, чтобы я без труда смог его понять.

— Это полное понимание очевидного. Алхимия — лишь Путь, который поддается объективному контролю в лаборатории. Если твои эксперименты подтверждают тот факт, что ты вышел за рамки материальных законов вселенной, то это означает, что ты теперь внутренне пробужденный алхимик. Конечно же, это согласуется с законами Парацельса, — широким жестом руки он указал на рисунок на стене, — человек не сможет ничего преобразовать, пока сперва не преобразует самого себя.

— Но это же и есть пример любой настоящей инициации. Дело всегда идет о самопреобразовании. — У меня было такое ощущение, что нужно было опровергнуть его аргументы.

— Неужели так с каждым? — разочарованно спросил он. — Но все же здесь есть значительное отличие. Вот, к примеру, тебя посвятили в орден Одина... Тебя окружают архетипичные образы: люди в ритуальной одежде, торжественные ритуальные слова... В этом, конечно, нет ничего плохого, однако же алхимическая инициация подразумевает настоящий контакт. Она позволяет внутреннему «Я» связаться с физическим телом. Невозможно описать свой первый контакт рациональным образом, так как он происходит посредством интуитивных или символических переживаний. Для того чтобы стать алхимиком, требуется благородное сердце и в то же время здравый ум, чтобы распознавать окружающие вещи без помощи ритуалов: жесты, звуки, цвета... Ты должен быть один, совсем один.

Я хотел спросить его, подходит ли алхимия для меня, но вместо этого, невнятно и спотыкаясь, пробормотал другой вопрос:

— Алхимия — для каждого?..

Конечно же, он не сказал бы, что да, что она абсолютно для каждого. Не подавая ни малейшего вида о том, что сам вопрос был нелеп, он ответил:

— Не каждый может стать алхимиком. Мы находимся в начальной стадии нашего роста, и по окончании времени мы станем вечными. Алхимия позволяет нам быстрее продвигаться по Пути, избавляя от земной ноши в более короткий срок. Это всего лишь один из многих Путей, но для некоторых из нас он — самый дорогой.

Он кажется совершенно иным, чем тот, что существовал в средние века. Многие современные алхимики цитируют Юнга, придерживаются психологии архетипов, что представляет собой новые элементы. Она особо не изменилась, просто приспособилась к новым учениям эволюции и к новым обстоятельствам.

— Если своей целью алхимия ставит контроль над процессами во времени, то что тогда из себя представляет ее основная философия... Я имею в виду каждой алхимии, европейской, арабской или китайской?

— Да-а, — послышался от него протяжный звук, будто он подыскивал нужные слова, доступные пониманию обычного

человека. — Алхимия — наука жизни и сознания. Сущность жизни и сознание очень тесно взаимосвязаны. Благодаря алхимии вырабатываются способности манипулировать жизнью и сознанием на материальном уровне, разрешая при этом проблемы внутренней дисгармонии и противоречий. Первоначальное Существо создало материю, так что оно может окунуться в нее и развиваться из нее. Если ты сможешь прочесть между строк, то поймешь, что идеальное существо творит себя само — мы тоже можем создавать себя сами по этому образцу, чтобы стать творцами себя самих.

— А где же Бог, Джин? — снова поторопился я с выбором слов. Скорее всего, нужно было обратиться к нему «мистер Деска». Казалось, что рядом с ним я не находил себе своего места. На этот раз он пристально посмотрел на меня, словно решая для себя, пересек ли я черту принятых норм поведения.

— Это слишком глубокий вопрос. — Он пожал плечами, как это делает человек, застенчиво избегающий окончательных ответов на эсхатологические вопросы. — Я не верю, что Бог существует на личном плане. Те люди, что экспериментировали с Вечностью, нашли для себя ответ на этот вопрос... Они косвенно обнаружили, что вещи на самом деле такие, какие они есть, потому что они не могут быть другими. Во всей вселенной только Бог смог окончательно развить свой потенциал и выйти за рамки основных границ — времени.

— Эксперименты с Вечностью? — разговор становился все более захватывающим. — Позвольте поинтересоваться, а что это за эксперименты, и кто их осуществляет?

— Особый процесс позволяет тебе понять и осознать, кем ты являешься, откуда ты пришел и где сейчас находишься. Этот эксперимент трудно проводить, поскольку контакт с Вечностью не только приносит в жизнь на земле большие трудности, но и стимулирует тенденцию к суицидам. Человек стремится освободить себя от своих же ограничений, да как можно скорее, — посредством смерти собственного тела.

Поэтому сам процесс этот далеко не для всех. Нужно твердо стоять на ногах, головой быть на небесах, иметь благородное сердце и здравый рассудок. Думаю, что ответом на твой вопрос будет — нет, алхимия не для всех.

— Возможно, вы правы. Мнение о том, что каждому открыты любые дороги, было высказано современными авторитетами, такими как Алистер Кроули, например. Не знаю, правда, слышали ли вы о нем?

Он не произнес ни слова, из чего я предположил, что он не был знаком с работами Кроули. Я продолжил с большей уверенностью:

— Кроули учит, что истинная сущность алхимии — сексуальная. Сексуальный акт, очевидно, не что иное, как нейтрализация основных космических полярностей — мужского и женского. И алхимия тяготеет к этому принципу, не так ли? Кроули получил необычный, многослойный текст от высшего уровня сознания...

— Я читал «Книгу Закона», — произнес он более громким голосом, чем прежде, будто хотел прервать мою дальнейшую речь. — У Алистера Кроули... действительно, жизнь сложилась трагично. Он не понимал полученного текста. Это предсказывалось еще как «Книгой», так и его судьбой. «Рабы будут служить», — такие слова можно встретить в «Либер Ал», и, несомненно, Кроули был бессознательным рабом высшей силы и всю свою жизнь старался предстать в качестве Логоса нового эона. Для здорового человека было бы совершенно ненормально воспринимать всерьез человека с патологическим заболеванием. Он представил свое заболевание как добродетель. Так поступают психопаты. В это сложно поверить, но нормальные люди приняли это именно так. Ты читал его дневник?

— Не было желания. Люди пишут дневники не для себя, а для того, чтобы удивить других.

Он встал с кресла и, словно дождавшись нужного момента, взял с полки книжку в жестком переплете. Он пролистал несколько страниц, отыскивая нужную:

— Вот, послушай. Он написал это в Чефалу, в так называемом телемитском монастыре. Его жена, Лия Хирсиг, родившая ему ребенка, помогала ему проводить гомосексуальные операции: «...после обеда я пригласил господина X. Эта операция была под номером шестьдесят, в которой был задействован мой задний проход. Сама операция длилась довольно долго. Лия должна была рукой мастурбировать член господину X до появления у него эрекции, после чего она вводила его член в мой анус. Оргазм был жесткий и сильный...»

Он оторвал глаза от книги и недоуменно посмотрел на меня.

— Знаешь, в чем заключалась ритуальная инициация Ипсимум? Нет? Психиатры называют это копрофагией, или поеданием экскрементов. Это утомительно читать и просто отвратительно узнавать подробности. Его партнер, Лия Хирсиг, расслаблялась, опорожняла кишечник, и Кроули поедал ее испражнения. В его описании присутствует множество вызывающих отвращение подробностей, однако в конце он пишет, что испытал огромный экстаз. Только ненормальный может съесть кучу фекалий и заявить после этого, что он тем самым достиг уровня Христа и Будды.

На моем лице было ясно написано, что он добился желаемого эффекта. Он продолжил более спокойным голосом:

— Однако в «Книге» спрятана ценная информация. Будущие поколения со временем ее раскроют.

Глубоко внутри я чувствовал себя спокойно. Было такое ощущение, что я дотронулся голыми руками до чего-то вязкого, и в ту же секунду я подумал о том, как же мне повезло встретить настоящего алхимика. Если бы такой встречи не произошло, то кто знает, сколько бы лет и усилий я потратил на то, чтобы распространять учение человека, который ел фекалии, для того чтобы доказать всем, что он — новый Христос!

Мои контакты с членами ордена Одина постепенно сходили на нет. Меня перестало тянуть к ним. Иногда на собраниях я чувствовал себя незнакомцем, который просто наблюдал за происходящим. Последнее сильное предчувствие и возбуждение я испытывал перед инициацией на Средний уровень ордена. И даже тогда меня поджидало разочарование. Сама инициация на Средний уровень проходила довольно скучно, безо всякой вдохновляющей атмосферы, что была на основном посвящении. Ларс Хелстрем, Мастер ритуала, проводил его, как какой-то муниципальный регистратор, регулярно сочетающий браком десятки пар. Он говорил монотонным писклявым голосом, глядел на всех подряд, вместо того чтобы сфокусироваться на мне, — вел себя так, словно считал, что заслуживал высшего места в иерархии ордена.

Сначала меня познакомили с буквами из древнееврейского алфавита, который я уже знал на тот момент, а потом — с цветами короля и королевы на магическом Древе Жизни Сефирот. Я получил письмо, скрепленное печатью, в котором лежал ключ к единству моего бессознательного духа. Мне разрешили его вскрыть только после полуночи, но я лишь предчувствовал очередное разочарование. И не ошибся. Ключом к моему бессознательному духу, который был так важен для меня, оказался кусок картона с нарисованным в основании цветным шестиугольником с различными оттенками полей и линий. Если вглядываться в цветные поля, то они будут становиться все более насыщенными и яркими. Сам процесс разглядывания

вводил в состояние легкого транса, подходящего для самовнушения. Но, увы! Данное упражнение подробно расписал еще Уильям Батлер в своей книге «Тренировка и работа мага», которая мне досталась от Младена много лет тому назад. Я выполнял описанное там упражнение на протяжении нескольких дней в надежде достичь состояния самогипноза. Результаты оказались ничемными, так что я забросил это дело. Это и был тот самый ключ, о котором все эти месяцы перешептывались наши братья и сестры?!

И тут я подумал, неужели все это опять очередное разочарование, даже мое вступление во Внутренний Орден, о котором я мечтал многие годы? Чего мне тогда ожидать? Говорят, что некоторые члены Внутреннего Ордена получают инструкции от тайных лидеров, которые присматривают за братством Одина на протяжении почти четырех столетий. Они представляли космический Разум, шепчущий через крепко сомкнутые губы, — если кто-нибудь пытался разузнать о них раньше, чем нужно, то его считали глупой деревенщиной. Я был готов поспорить, что все это было очередной приукрашенной ложью.

Члены Внутреннего Ордена ничем не отличались от остальных. Безусловно, все они были образованны, однако никто из них не обладал какой-либо оккультной силой, о которой они постоянно вели беседы. Одни страдали неврозом, другие — депрессией, я выяснил также, что у большинства были проблемы сексуального характера. Оук Вилкинсон любил подвыпить, так что даже он не был исключением. Несколько раз после вечеринок у Астрид он еле стоял на ногах, когда добирался до дома. Среди многих курильщиков попадались и заядлые. Если им, к примеру, на каком-нибудь собрании не удавалось покурить в течение часа или двух, то они начинали ерзать на стульях, словно у них внезапно начинал воспаляться геморрой.

Я был крайне разочарован, когда узнал, что по осведомленности в некоторых важных вопросах я стоял на голову выше всех остальных. В письменных источниках, а также в наших беседах, неоднократно подчеркивалось, что основными инструментами для удачной магической процедуры служили вхождение в контакт с эмоциями и создание четкого и живого образа. Только немногими были подвластны такие способности. Во время ритуала требовалось визуализировать пенящуюся по-

верхность водопада, благоухающие сады, тропический фрукт, а также овевающий лицо прохладный свежий воздух — у большинства при этом появлялось кислое выражение лица, столь типичное для шведов, и то же самое большинство позднее заявляло, что они полностью погрузились в архетипичные образы.

Во время такого процесса от одних лишь мыслей о сияющем солнце я уже закрывал глаза, поскольку сам образ был настолько силен, что мог легко ослепить меня. Когда произнесли слово «ребенок», то я смог отчетливо почувствовать тепло, исходящее от шеи и гладких щек ребенка, словно погладил их тыльной стороной руки. Насколько я могу судить, то по моим скромным подсчетам только двое или трое из членов ордена были мне ровней. Надо мной стоял только Халинг, в чем не было никаких сомнений. Он никогда не говорил о своих ритуальных переживаниях, что отличало его от большинства братьев и сестер. Ему не нужно было ничего говорить, и так было все ясно, что происходило вокруг. Он выглядел так, словно был вылеплен из цельного куска материала, и говорил изнутри — в нем было что-то, что делало его таким, но, в то же время, я никак не мог понять, что именно это было. Спустя много лет я осознал, что Халинг был единственным в братстве Одина, кто понимал, кто он такой, в отличие от других. Они стократ пересказывали прочитанное и рассказывали о событиях, которые им пришлось пережить, выдвигали предположения, которые больше всего изумляли других, и ко всему прочему подспудно пытались протащить в сознание единомышленников идею о своей важности, концентрируя их внимание именно на этом образе самих себя. Мое разочарование в них было сравнимо с осознанием ничтожности того чрезмерно раздутого самомнения, которое я ощущал в себе до встречи с ними. Помимо этого были и другие неприятные переживания.

Но все же я так привык к некоторым людям, что после разлуки с ними страдал. Джим собирался провести некоторое время в Аликанте, что в Испании, и оттуда продолжить свое путешествие в Штаты. Когда он сообщил мне о своих планах, я похлопал его по спине, посмеялся и произнес: «Кто знает, сколько разбитых сердец ты оставишь позади перед тем, как доберешься до Сан-Франциско». Спустя несколько дней меня тошнило от того уныния, что навалилось на меня. Перед инициацией я

дал обет сохранять в тайне ритуал и знания, которые я получил. Но Джима это особо не волновало.

— Давай, ты же у нас смысленный, не клюй на эти дерьмовые мистификации. Расскажи мне, как прошло цирковое представление?

Я поведал ему о своих впечатлениях.

— Я не понимаю, Джим... что происходит? Первая инициация оказалась чрезвычайно захватывающей. — Я содрогался с головы до пят от той истинной энергии, что ощущал. Это было одно из моих самых глубоких переживаний.

— Что произошло? Поначалу это был один настоящий ритуал, который никого не мог оставить безучастным. Затем начались игры эго — небольшая группа людей пыталась продемонстрировать свою избранность. Они напридумывали ритуалов, историй о Великих Учителях из Гималаев или о графе Сен-Жермене... Они утверждали, что были связаны с этими людьми, и все в таком же роде. Для них было бы куда благоразумнее придерживаться истинного ритуала. Я слышал прежде от многих людей, что для них посвящение было таким же ценным переживанием, как и для тебя. Поэтому-то я и бегу от оккультных организаций, как от огня. Похожие переживания я испытывал в домашних условиях не единожды, так что мне их хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Джим, черкани пару строк... когда будет время.

Он печально улыбнулся.

— Было бы замечательно, если бы я принадлежал к такому роду людей, но я — не такой. Понимаешь, у меня есть записная книжка, доверху забитая адресами хороших людей, с которыми я провел какое-то время, находясь в каком-то месте на земле. Я был уверен, что буду годами поддерживать с ними связь, но в итоге — не написал ни слова ни одному из них. Я бы соврал, если бы пообещал, что напишу, но я уверен только в одном — я тебя никогда не забуду! Даже и не сомневайся, — внезапно он потянул меня к себе и крепко обнял. Я не мог проронить и слова. В такие моменты я столбенел, так что слова, которые я тогда хотел бы сказать, пришли ко мне намного позднее, когда я уже размышлял о нашем прощании. Он сказал: — Вообще-то, мы всегда будем вместе. Мы идем по одному и тому же Пути, мы оба — искатели Истины, так что мы ближе друг к другу, чем

те, с которыми нам приходится работать, есть и делить одну постель. За нами приглядывает сама судьба. Бог — великий мудрец в этой вселенной, и он, несомненно, знает, что творит... а мы с тобой... находимся в его команде. Ну же, улыбнись, у тебя такой вид, что я сейчас расплачусь. Мир стал меньше, и я уверен, что мы встретимся снова в этих же самых телах.

На тот момент, несмотря на мою печаль, вызванную его отъездом, я был уверен в том, что он был прав. Но я ошибался. Больше я его никогда не видел.

— Наши внутренние переживания относятся к духовному миру, материальный же мир представляет иной аспект. Нужно достичь гармонии между ними обоими, так чтобы духовная жизнь не сказывалась негативно на повседневной жизни.

Джин Деска сидел в кресле и рассказывал об этом в обыденной манере и, держа в одной руке чашку, а в другой — блюдце, неспешно прихлебывал из него. Позднее, у себя в комнате, растянувшись на кровати, я начал анализировать его слова — они звучали банально, я встречал их в книгах много раз, так что они не вызывали у меня отторжения, поскольку уже были переварены мной. Но теперь, в его доме, когда огонь из каминного придала его лицу таинственные черты, эти слова обрели глубокую истинность.

— Как мы можем оценивать уровень нашего собственного духовного развития... уровень гармонии, которого мы достигли?

— В этом мире понадобится двенадцать инкарнаций, чтобы вызвать дождь или снег. Благодаря одной из самых значительных алхимических процедур происходит перемена на сознательном уровне материи, на осуществление которой при естественном стечении обстоятельств требуются сотни, а то и тысячи лет. Человек, как скульптор, ваяет самого себя. Он вылезает наполовину из бесформенного камня, держа в одной руке молоток, а в другой — зубило, и высекает из камня свой идеальный образ, избавляясь от всего того, что скрывает его совершенство. Поэтому-то и нужно пройти самому через собственные внутренние переживания, и здесь внутреннее «Я» человека — его лучший учитель.

— Мистер Деска, вы упомянули, что древние египтяне ввели алхимию в обряд посвящения. Однако некоторые сведущие люди говорят о том, что алхимия возникла в Атлантиде.

— Вся египетская цивилизация зародилась в Атлантиде. Египет ознаменовал кончину Атлантиды и начало новой цивилизации. Перед тем, как египтяне положили начало цивилизации, все человечество странствовало по нисходящей вниз — это были времена инволюции — и после Египта все человечество начало подниматься вверх.

— На ум приходит одна вещь, — тихо пробормотал я, — в разных частях света люди оставляли знаки того времени, которые были высечены на камнях, например, тот же Стоунхендж, египетские пирамиды, творения древних Майя...

— М-м-м-м... да, да, эти строения являются своего рода ключом от коллективного сознания людей. Алхимик знает, что в каждом заложена психологическая способность принять идеи древних, но каждый может принимать их по-разному. Эти идеи — как подводные потоки, их можно ощутить только в том случае, если погрузишься глубоко в воду. Это истинные психологические способности, никакая не телепатия, предвидение или сила гипнотизирования лягушек. По сути, психологическая способность — своего рода уровень, на котором мы позволяем себе ощущать окружающие нас вещи.

— А тогда зачем люди отворачиваются от этого? — Моя первоначальная оцепенелость и нерешительность высказывать свое мнение исчезли сами собой за эти последние десять дней.

Он развернул стул на сто восемьдесят градусов в мою сторону, поставил пустое блюдо на стол и вытянул свободную руку, будто дожидался того момента, когда я положу в нее свои мысли. После чего заговорил более громким голосом:

— Потому что они боятся потерять свою индивидуальность в результате просветления. Для того чтобы развить восприятие, человеку необходимо избавиться от страха потерять индивидуальность. Человек, подавляющий какую-либо часть содержания своего бессознательного, закапывает истинный источник своей мудрости и настоящей истины о самом себе.

— Если бы мы освободились от сил нашего подсознания, то наступил бы хаос.

— Ты ошибаешься. Осознание нашей порочной природы как неотделимой части нашего существа еще не означает, что мы станем воплощением зла. Мы, наоборот, становимся цельными существами со свободой выбора. Видишь ли, традиционное христианство выделяет только светлую сторону. Христос — свет без тени. Тем не менее, древние греки знали, что нужно принимать единство человеческого существа. Ты знаешь, что образ древнегреческого бога Пана был позаимствован отцами христианства для изображения Сатаны? Понимаешь, что это значит? Понимаешь, что под единством понимается не только свет, но и тьма, вместе взятые? Не замечал ли ты явного противоречия в православном христианстве? Сатана, или Люцифер — великий принц тьмы. Однако его имя означает «Несущий Свет», тот, кто приносит свет. Это более современный Прометей, несущий огонь человеку. Когда ты подавляешь одну из частей себя, то ты ее попросту вырезаешь. И ты идешь на автомате только в одном направлении.

Он был прав. Тогда я смог припомнить ситуации, в которых чувствовал некое обязательство выполнять то, чего не хотел. Большую часть времени я чувствовал себя как какой-то робот, поскольку само сопротивление так или иначе не представляло никакой значимости.

— Хочешь познать истину о самом себе? — по сути, это был не вопрос, а, скорее, продолжение затянувшегося монолога. — Если ты желаешь этого, то нужно быть полностью открытым. Просветление — зеркало с твоим отражением, его можно достичь только с широко открытыми глазами. Для того чтобы достичь свободы, алхимик пристально наблюдает за играми своего воображения, за мечтами и снами, поскольку космическая энергия проявляет себя через его сознание. Обычный человек избегает осознания своего окружения, а также реализации внутреннего содержимого. Его стесняют его же ограниченные убеждения. Все происходящее в рамках убеждений он называет реальностью, а все, что выходит за эти рамки, он переживает как что-то нереальное. Тем не менее, все сущее, будь то эта чашка, или сон, или мысль, — все это более или менее реально.

Его пауза продлилась дольше, чем обычно. Он прищурил глаза, будто пытался посмотреть сквозь полку через всю комнату.

— Я не хочу как-то обидеть тебя, но, возможно, ты все-таки не читал дневник Чарльза Дарвина?

— Нет, я только слышал о нем.

— В нем содержится очень интересный материал, и начинающий алхимик никогда не заглядывает туда.

Я пребывал в состоянии полного спокойствия. От таких моментов наедине с ним я получал истинное удовольствие. Он рассказывал о каких-то повседневных вещах, об анекдотичных ситуациях с известными алхимиками, которые лишь отдаленно напоминали некоторую клевету, одним словом, он говорил о своих переживаниях. Его слова затягивали как водоворот, я едва мог сдерживать себя. И я больше не беспокоился по поводу того, что его вопросы ко мне разоблачат мои скудные знания и слабые места. Комната была наполнена ароматом мускуса и ладана, вкус теплого чая во рту оказывал успокаивающее действие.

— Судно, на котором передвигался Дарвин, носило название «Бигль», и на тот момент его размеры считались весьма внушительными. У него, насколько я помню, было пять мачт. Во время своего путешествия Дарвин тщательно отбирал образцы растений и подробно описывал свои наблюдения. Однажды они пристали к Тиерра дэль Фуего, самой южной части Южной Америки, где собирались пополнить запасы воды и еды. Судно поставили на якорь у ближайшего берега, где и приметили индийскую деревушку. Взяв с собой переводчика и нескольких моряков, Дарвин сел в маленькую лодку и через какое-то время был уже около берега. Пока его команда разменивала стеклянные бусы, зеркала, ножи и топоры на еду и воду, Дарвин расспрашивал жителей селения об индейских традициях. И теперь смотри, что было дальше. Индейцы восхищались их мужеством, поскольку у них хватило смелости отправиться в океан на такой малюсенькой лодке. Они показывали пальцем на лодку, на которой моряки добрались до берега. Поначалу Дарвин полагал, что переводчик допустил какую-то ошибку, однако они повторяли один и тот же ответ на его вопросы. — Джин Деска улыбался так, будто знал, что же на самом деле происходило за кулисами. — Дарвину потребовалось некоторое время, чтобы докопаться до причины неразберихи. Дело в том, что индейцы не верили, что можно построить судно

бóльших размеров, чем то, на котором они прибыли. Эти ограничивающие их убеждения оказывали на их восприятие огромное влияние... — Он посмотрел на меня широко открытыми глазами. — Почти никто из поселенцев индейского племени не смог разглядеть огромного «Бигля», стоящего на якоре за пару сотен ярдов от берега. Их убеждения просто-напросто не позволяли им увидеть реального корабля, они видели только пустое пространство.

Джин был искусным рассказчиком. Он дождался моей реакции перед тем, как продолжить:

— Лишь один из всей деревни смог увидеть судно. Как думаешь, кто это был?

Я уже собрался было сказать, что это, скорее всего, был непорочный ребенок — как в случае с историей про новую одежду императора, но он уберег меня от такой банальности:

— Единственным в деревне, кто смог увидеть судно, оказался шаман... С самого детства его обучали видению невидимого мира.

Едва ли можно было добавить еще какие-то логические доводы к истории с таким удивительным поворотом событий. Параллельные миры — вокруг нас, и только навязанные нами же самими ограничения не позволяют их видеть.

— Мн-н-н, — он словно соглашался с моим мнением. — Алхимия открывает человеку миры, недостижимые простому человеку, которые он же и отказывается видеть. «Невидение» — одна и форм защиты. Алхимик принимает многие вещи как реальность, как существование различных уровней реальности.

— Я понимаю. Продолжай, пожалуйста.

— Все формы энергии обладают определенным сознанием, они что-то осознают. Если взять базовый уровень, то можно сказать, что этот огонь, — он попутно указал пальцем на камин, — обладает сознанием, поскольку способен вызывать изменения и реагировать на определенные вещи. Огонь поглощает кислород, и он это осознает. Если перевести на уровень индивидуальности, то это окажется чрезвычайно ограниченная и простая индивидуальность, даже если сравнивать ее с индивидуальностью животного, не говоря уже о человеческом существе. Все объекты, мысли, творческие идеи, чувства и мечты, все они обладают индивидуальностью. Алхимик старается об-

щаться со всеми этими индивидуальностями в огромном окружающем его мире. Он отлично знает, что можно общаться с огнем в камине, с чашкой чая или с мыслью. Общение развивается не только посредством человеческой речи, поскольку в мире существует бесчисленное множество языков. Музыка и появление утренней росы на траве — тоже своего рода язык... Весь окружающий нас мир, видимый и невидимый, все время обращается к нам на различных формах языка. Идущий по Пути старается услышать то множество различных посланий, что обращены к нему, и пытается ответить на них.

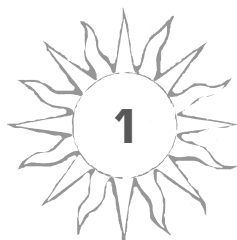
— В своих книгах Штайнер пишет о чем-то похожем. Я не помню, указывал ли он прямо на алхимию, но его путь к холистическому сельскому хозяйству напоминает алхимию.

Джин продолжил говорить дальше, словно не слышал, что я ему сказал.

— Если признать, что через язык осуществляется связь, то можно заключить, что все формы энергии образуют один космический язык с бесконечным количеством диалектов. Люди не прислушиваются к космическому языку, они не хотят потерять твердую землю, на которой стоят, и мы должны принять этот факт. Алхимик не боится заблудиться, ему нечего терять, кроме невежества, он осознает, что, куда бы ни привело его воображение, он все равно отыщет золото.

Часть III

Возвращаясь в Белград, я наивно надеялся на то, что все, что я оставил позади, изменилось. Пару дней я искал эти изменения, но вскоре мне пришлось признать их отсутствие. Незначительно изменились только некоторые вещи и люди. Пальцы Младена еще больше пожелтели от табака, его голос стал более хриплым, чем прежде, хотя, возможно, это мне просто показалось. Мать с большим трудом передвигалась до кухни, мой брат стал менеджером по финансам в какой-то компании, продающей электрические товары, а сам отец был удивлен моему появлению в целости и сохранности. Позже брат тайком рассказал мне, что отца больше заботили не пышущие оптимизмом откровения о новой жизни, что я посылал ему из Стокгольма, а сам я, что меня могли отправить в какой-нибудь лагерь для политических эмигрантов.

Отцу едва удавалось скрыть свое удивление, когда я начал доставать подарки. Мои подарки никак не укладывались в его представление о возвращении сына-гранжира. Матери я купил брошь из лапландского золота, брату — портфель от «Самсонит», что носили бизнесмены в Стокгольме, а Младену — серебряный портсигар с выгравированными инициалами. До войны мой отец работал управляющим в обувном магазине «Бата», что в Тузле, и обувь была одной из тех немногих вещей, в которых он немного разбирался. Он широко открыл глаза, когда я начал доставать ему пару кожаных темно-коричневых ботинок от «Балли» с мягкой подошвой.

— О, спасибо, но не стоило, не стоило... — Даже в такой ситуации он чувствовал одно, а говорил совершенно другое.

— А ты привез что-нибудь для Лидии? — робко спросила мать. — Она очень прилежная девочка. И навещала нас почти каждую субботу.

С тех пор, как я написал ей письмо о моем расставании с ней, Лидия сменила пару возлюбленных. Я не знал ни об одном из них, и мне было интересно, как они выглядели. Из тех редких писем, что мать посылала мне, я узнал, что Лидия постоянно навещала ее, чему мама придавала особую важность. Скорее всего, она никак не могла свыкнуться с нашим разрывом.

— Я ей ничего не привез. Мы уже долгое время не вместе.

— Ох, сын... ты с ней не вместе, но она любит тебя, она ждала твоего приезда. Она придет повидать тебя сегодня вечером.

Я пожал плечами в знак своего безразличия, однако в груди у меня кольнуло, как будто чем-то острым. Взаимоотношения с Астрид, несколько мимолетных романов, а также отношения с Гунилой Бериман — все они были увлекательными. Мое эго раздулось, когда я начал вспоминать о своих любовницах, об их статусе в оккультной иерархии, но, заглядывая вперед, можно сказать, что все эти отношения для меня опустились до уровня слизи. В них не было и крошечной частички от тех эмоций, что я испытывал вместе с Лидией. Все эти самодовольные истории о связи со вселенной через оргазм, о новом эоне освобождения человеческих существ... высвобождение сексуальной энергии — попросту загоняли интимные связи в какие-то позолоченные рамки. Только Гунила возвышала отношения между мужчиной и женщиной: я — Ньюит, а ты — Хадит, однако в таких отношениях не было и намек на любовь — это был просто откровенный секс. Я едва могу поверить в то, что какое-нибудь возбужденное животное могло, хоть на секунду, любить так, как я любил Лидию. Истинная любовь для эмансипированных женщин была так же недостижима, как музыка для глухих.

— Сынок, не возражаешь, если я отдам эту брошь Лидии? — спросила мать тихим голосом, в котором таилось беспокойство по поводу моего внезапного всплеска эмоций. — Куда же я ее надену? Я не хожу на вечера, я уже в годах, да и драгоценности — для молодых...

— Если захочешь, отдай ее Лидии, она твоя.

Брошь Лидии отдала не мать — это сделал я. В момент ее появления в квартире она вела себя натянуто и напряженно, ее голос уже звучал не так, каким я его помнил, она протянула мне руку, как будто встречала какого-то дальнего родственника. За столом мы банально обсуждали наших общих друзей. Мать то и дело глядела исподлобья то на меня, то на Лидию, Младен покуривал крепкую «Драву», а отец ерзал на стуле, раздумывая над тем, что бы такое умное сказать. Через какое-то время Младен допил абрикосовый бренди, который по цвету был таким же прозрачным, как и водка, и, наконец, начал говорить:

— Боги, Боги, ты сильно изменился. Вот что происходит с людьми в большом мире. Поведай мне о пережитом!

За три года он получил от меня только пару писем да несколько открыток. Он сторал от желания услышать в деталях события, произошедшие со мной. Я никак не решался начать, момент был слишком неподходящий — я хотел поговорить с ним наедине. Заподозрив неладное, отец начал ерзать на месте и тревожным голосом произнес:

— Я не хочу быть назойливым, — после чего он встал из-за стола.

— Нет, нет, сиди, пожалуйста. Мы поговорим с Младеном завтра, расскажи мне, пожалуйста, как тут идут дела.

Была почти полночь, когда я пошел провожать Лидию домой. Она жила с родителями и младшей сестрой на одной из тихих улиц рядом с ботаническим садом. Сладкий аромат цветущих лип пробудил во мне странное чувство, как будто внутри тесно переплетались прошлое и настоящее. С тех пор произошло много событий, но проникающие в настоящий момент ощущения из прошлого до сих пор жили во мне. Лидия показала на темные окна своей квартиры и произнесла:

— Я не могу пригласить тебя, мои уже спят.

— Хорошо, я и так очень устал, — ответил я и медленно пододвинул ее к себе.

Она положила голову мне на плечо. Я слышал ее быстрое и неглубокое дыхание, вдыхал аромат ее волос, который остался точно таким же, как и прежде. От ее нежного запаха и аромата лип у меня сжалось горло.

— Столько времени прошло, — сказал я, ощущая пульсацию в области шеи. — Боже мой, сколько же времени?!

— Поначалу время тянулось очень долго, но сейчас... словно ты никуда и не уезжал.

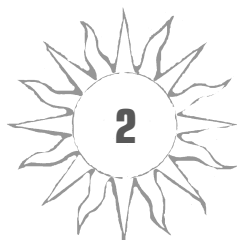
— Я чувствую то же самое, это похоже на какой-то мимолетный сон, от которого я проснулся.

— Нет ничего необыкновеннее, чем время, — произнесла она.

Я не хотел мешать слиянию прошлого и настоящего, я только хотел, чтобы оно длилось вечно, — смешавшиеся столь знакомые ароматы обретали силу глубокой и черной реки. Я уже не мог бороться с усталостью и, прислонившись к ней, начал потихоньку погружаться в полусон.

— Увидимся завтра, — произнес я.

— Я позвоню тебе, не могу дождаться.

Следующим утром я провалялся в постели довольно долго: чувствовал себя отрешенно, в голове не было никаких мыслей, я находился в состоянии приятной неподвижности. В коридоре раздался телефонный звонок, и вскоре в дверях появилась мать, держа в руках телефон.

— Кто-то интересуется тобой. Хочешь ответить? — судя по ее голосу, это явно была не Лидия.

— Это Игорь Виславский. Я бы хотел повидаться с тобой... Хотелось бы организовать с тобой несколько публичных лекций, а также выделить место для твоих статей в моем журнале. Сейчас я работаю главным редактором.

— Как же ты узнал, что я вернулся?

— Ну, как... это же Балканы, новости здесь, как народные песни, разносятся из уст в уста с бешеной скоростью. Ты теперь человек, умудренный жизненным опытом. Я хотел бы пообщаться с тобой и взять у тебя интервью. Даже и не думай, что сможешь улизнуть от этого!

Игорь Виславский изучал психологию и был одним из лучших учащихся своего поколения. Три профессора боролись за то, чтобы тот стал их ассистентом, но его проблемы начались с того момента, как он выбрал в качестве основной темы для докторской диссертации сектантскую философию и религии новой эры. Поскольку профессора были некомпетентны в этой сфере, ему пришлось уйти и бродить по окрестностям Лондона на протяжении двух лет. Он, несомненно, переживал тяжелые времена, согласно его словам — он вытаскивал свою докторскую, как зуб с кривыми корнями.

Он ждал меня у уличного кафе при ресторане «Русский император». Он взял с собой несколько копий журнала «Альтернатива», в котором работал главным редактором. Я пришел с Лидией. Она уселась рядом со мной и молча слушала наш разговор.

— Держи, вот несколько экземпляров нашего журнала, можешь посмотреть на досуге. Я ведь, знаешь, пытаюсь потихоньку образовывать наших читателей. Многие в своих письмах интересуются йогой, хотят получить какие-то практические советы... Мне приходится идти на компромисс, я даю им немного того, о чем они просят, стимулирую их психогенные зоны, понемногу вводя их в более серьезные темы. Конечно же, на это потребуются годы.

Виславский особо не изменился: короткие волосы, узкое лицо, заметно выпирающий затылок. Благородное добродушие и мягкое сияние исходило от его косящих карих глаз. В нем было какое-то простодушие, я помню, как еще до моего отъезда в Стокгольм он работал каким-то должностным лицом по идеологическому воспитанию подрастающего поколения при городском комитете коммунистического союза.

Люди испытывали презрение к нему, которое, скорее всего, было оправданным. Однажды я спросил его: «Игорь, мне нужно следить за своими словами в твоём присутствии?» На что он дал простой ответ, словно мой вопрос был из области восточной философии, которую мы частенько обсуждали: «Да, избегай неприятных тем». Было необычно наблюдать, как ему удалось сбалансировать эти два противоположных друг другу выбора.

— Я сейчас не хочу проводить интервью, — сказал он, показывая на копии журнала. — Сначала оцени уровень наших основных статей и обрати внимание на интервью. Я пытаюсь вставить в каждый выпуск хотя бы одно интервью, хоть и довольно трудно удержать интересных людей. Вот, например, Драгос Брозович, выпускник академии изобразительных искусств в Риме, использует северные мотивы в своих картинах, объясняя это тем, и я, кстати, искренне в это верю, что центр древнейшей цивилизации находился где-то поблизости Северного полюса, который на тот момент являлся тропической зоной. Внезапное смещение оси Земли повлекло за собой значительные изменения. Он рисует Атлантиду и сверхлюдей, свято

веря в то, что он один из них. Он отлично разбирается в древней философии, особенно в философии Плотина, как он говорил, он изучал ее на протяжении девяти месяцев. Знаешь, ведь никому не интересно, о чем думает работник в мастерской.

— Конечно. — Это все, что я мог ответить. Я собирался спросить его, продолжает ли он работать в городском комитете, но все же не захотел портить впечатление о нашей встрече. День выдался прекрасным, на дворе стояли первые дни июня, было тепло, не сказать, что очень жарко, но все столики на террасе «Русского императора» были зарезервированы. Я растягивал турецкий кофе, который сохранил в себе вкус тех прекрасных далеких дней, он сильно отличался от шведского фильтрованного кофе из автоматов. Теплая ладонь Лидии упала на мое предплечье, ее колени соприкасались с моими под столом.

— Чем ты в основном занимался?

— Чистил картошку да мыл посуду в отеле.

— Да не пудри мне мозги, я серьезно, — он быстро повернулся к Лидии и сказал ей: — Прости нас, журналистов, Лидия, у нас, бывает, вылетают грязные словечки. — После чего продолжил: — Твоей первой любовью была йога. Ты все еще предан ей?

— Первую любовь нельзя позабыть, — ответил я и посмотрел на Лидию. — Ну, я, в основном, изучал западные герметические традиции.

— Я слышал, ты стал членом одного оккультного братства, придерживающегося скандинавской мифологии. Это так?

Это вопрос выстрелил в меня, как игрушечная пушка из коробки. Я вкратце рассказал о моей инициации Младену, да Боранке из Градиште, который был в курсе моего интереса к «таким вещам». Как же так получилось, что вести о моем вступлении в орден Одина дошли до Белграда быстрее, чем я сам?

— Какое общее впечатление оставляют у тебя ныне существующие альтернативные дисциплины? Какое направление сейчас доминирует? Индийская философия, дзен, классический буддизм, шаманизм?..

— В Швеции я читал об альтернативных дисциплинах в каталогах от всемирно известных издателей. Возможно, ты предполагал аналогичными источниками. Популярность группы «Битлз», а также некоторых других культов вызывает все боль-

ший интерес к трансцендентальной медитации. Ты, наверняка, слышал о движении «Харе Кришна»? Они встречаются повсюду в Стокгольме: в аэропортах, на остановках метро, на улицах... Но больше всего меня изумляет то, что не пользуется популярностью и вряд ли вообще будет по причине своей своеобразности. Я говорю о квантовой механике, которая во многом пересекается с восточным мистицизмом, в частности, с йогой и Ведантой. К этой категории относится и алхимия, но к ней подходят с большей серьезностью. Лишь единицы проявляют способности в этой сфере.

В этот момент разговора я смутно ощущал присутствие самого Джина Деска у меня за спиной, как будто он слушал меня и кивал головой. Что-то внутри подстегивало меня говорить дальше:

— Бессмысленно предлагать людям окончательные решения. Но, согласно моему довольно субъективному мнению, в самом начале материя, организмы, жизненные формы претерпели значительные изменения... а за последние две тысячи лет мы не поменялись физически, только на уровне коллективного бессознательного. Мы живем как рыбы в воде, однако глубинные изменения протекают довольно быстро.

Я сделал небольшую паузу. Я словно читал лекцию, которую он был не против слушать:

— Пожалуйста, продолжай.

— До сегодняшнего момента человек познавал внешний мир посредством пяти чувств, постепенно обретая над ним контроль. Это считалось нашей эволюцией. И как только мы ступили за порог нашей осознанности, то оказались на новой территории, мы стали многосенсорными, мы перестали ограничивать свое восприятие реальности посредством всего лишь пяти чувств. Став многосенсорными, мы расширили рамки своих чувств и начали воспринимать реальность на более глубоком и целостном уровне.

— Да, — кивнул он в знак согласия, — многие убеждены в том, что сейчас происходит что-то радикальное. Что-то, чего еще не знавала история человечества. Это новое в развитии можно сравнить лишь с появлением феномена самосознания, когда человек перешел от простого механического действия-противодействия к состоянию осознания самого себя. Сейчас

мы делаем еще более значительный шаг. Удивительно наблюдать изобилие новых открывающихся перед нами Путей, которые ведут к одной и той же цели... Что ты думаешь о Кришнамутри? На него не обращали какое-то время внимания, однако сейчас число его последователей растет.

— Это так, его популярность начала внезапно возрастать. Я встречал многих людей, считающих его Учителем, однако он сам решительно отрицает такой статус. Он учит ничегонеделанию, нет необходимости затрачивать свои усилия. Будь тем, кто ты есть, просто проснись и прими свое уже просветленное состояние. Я не смог ничего извлечь из его учений, они оказались не для меня. Все кажется слишком упрощенным, предлагается слишком простое решение на наши горькие страдания. Я еще не встречал ни одного человека, кто бы чего-нибудь достиг в жизни благодаря такой философии. Я видел, как многие делали какие-то попытки. Следующее высказывание из Упанишад куда ближе относится к истине: очень трудно ходить по лезвию бритвы, по этому случаю мудрецы говорят, что путь к спасению тернист... Слушай, Игорь, мы должны отлучиться, нам еще нужно навестить многих родственников.

— Я понимаю, у тебя сейчас все битком забито, но, пожалуйста, найди время для нашего интервью. Как мы с ним закончим, ты сможешь начать писать статьи, по одной в каждом издании.

— Я хочу зарезервировать интервью перед самой публикацией. Я знаю, как вы, журналисты, поступаете — что-то выкидываете, что-то меняете... журналистика проводит пластическую хирургию на лице правды. Поскольку ты коммунист, то в те моменты, когда ты лжешь, ты не задумываешься о Боге.

— Бывший коммунист! Я вернул красный членский билет, так как больше не было сил терпеть сложившуюся ситуацию. Ведь именно коммунистическая партия научила меня лгать. Закон партии ясно гласит: «Не раскрывай себя перед лицом классового врага». Ну... Seriously, вот номер телефона. Не заставляй меня долго ждать! Многие начнут донимать тебя, особенно после того, как просочилась информация о том, что ты вернулся и что там проделал кое-какие поразительные вещи. У нас здесь зарегистрировано несколько организаций: «Новый Акрополь», «Трансцендентальная медитация»... Теософы и ан-

тропософы до сих пор тайно проводят совместные собрания. Вот увидишь, они позвонят.

Внезапно он замолчал и бросил на меня вопросительный взгляд. Что-то вертелось у него на кончике языка, видно было, что он подбирает слова для вопроса. Какого? — Встретил ли я знаменитого оккультиста в Стокгольме? Был ли у меня прямой опыт переживания астральной проекции? Получилось ли у меня заставить людей повернуться, когда я посылая им в затылок свои телепатические указания?.. Но мои предположения были ошибочны. Он спросил меня, нашел ли я ответ на вопрос, который задавал себе все эти годы:

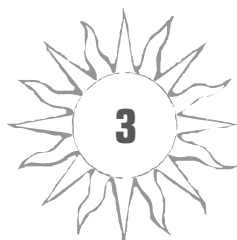
— Насколько мне известно, ты первоначально интересовался вопросом, кем ты являешься на самом деле, и так и не находил на него ответа, не так ли? Ты нашел для себя ответ?

Я опустил глаза. Лидия застыла на месте от напряженного ожидания. Я поднял голову и сказал Игорю, глядя прямо в глаза:

— Я испытал необыкновенные переживания, довольно глубокие переживания, которые описываются в книжках, но так пока и не сдал для себя этот экзамен. Если бы я сдал, то поверь мне, моя жизнь изменилась бы коренным образом. Один из тех редких мыслителей, что ответили для себя на такой вопрос, как-то сказал, что человек, понимающий, кем он является, может рассмеяться даже в аду. Я бы не смог так поступить.

У него внезапно отвисла челюсть:

— Я надеялся, что ты скажешь, что нашел для себя ответ. Ведь я разделяю с тобой мнение о том, что этот вопрос — фундаментальный для всего человеческого существования...

Игорь Виславский не ошибался. Спустя пару дней после нашего с ним разговора позвонил Петко Сретенович:

— Для нас было бы честью увидеть вас на нашем субботнем собрании. Несомненно, я бы сначала хотел поговорить с вами с глазу на глаз.

— Хотелось бы поинтересоваться, какой контингент приходит на такие собрания, какие темы, в основном, обсуждаются... Мне не по нутру пустые разговоры о чудесах, мистификациях...

— Конечно, конечно, я понимаю, но это все же не телефонный разговор. Я понимаю страну, в которой мы живем. Не хотели бы заглянуть ко мне? Я живу неподалеку от футбольного поля, в Карабурме.

Квартира Петко Сретеновича располагалась на четырнадцатом этаже, откуда можно было наблюдать уходящий за горизонт Дунай, можно было даже заметить очертания Панчево. Он встретил меня в гостиной, на стенах которой висели фотографии поверхности Луны и рисунки с изображением НЛО. Середку книжной полки украшал шлем, сделанный из кусочков мятой алюминиевой фольги. Мне когда-то рассказывали про этот шлем, про то, что он использовался для медитаций и связи с пришельцами. Я пытался вспомнить имя того, кто до моего отъезда в Швецию рассказал мне историю о том, что Петко любил выставлять напоказ шлем перед людьми, не обладающими достаточными техническими знаниями.

— Нам нужно было дать имя нашему обществу, — начал он. — С библейских времен считается, что то, чему дают имя, начинает оживать.

У него было крепкое и сильное тело, массивная шея и короткий, но в то же время широкий лоб, на котором посередине выступали три глубокие морщины. Он пристально смотрел в мою сторону, словно пытался оценить меня.

— И какое бы имя выбрали вы?

— Общество Параллельных Миров, Общество для исследования Внешних Миров... Толерантность — основное правило нашего общества. У нас есть дилетанты-ученые, теософы, антропософы, йоги, астрологи... На сегодняшний момент очень важно наладить связь с инопланетными цивилизациями, ради чего мы и сосредоточили наши усилия. Фундаментальные проблемы нашей планеты невозможно решить, задействовав тех же людей, что их вызвали, поэтому-то нам нужна помощь от высшего уровня. — Он сморщил лоб и, искоса поглядывая на меня, пытался оценить, был ли я с ним на одной волне. По всей вероятности, увиденное никак его не удовлетворяло, так что он решил придать словам больший вес.

— У некоторых очень важных людей складывается критическое отношение к такой деятельности, однако они меняют свою точку зрения, как только перед ними появляется неопровержимое доказательство. Инопланетные цивилизации существуют, и судьба человечества зависит от того, будем мы с ними контактировать или нет.

— Вы верите в то, что они находятся на высшем уровне в сравнении с нашим?

— Конечно! Они решили проблемы с заболеваниями, бедностью, войной, в нравственном отношении они в разы превосходят нас.

— И мы не могли решиться выйти с ними на контакт?

Мое замечание вызвало некое беспокойство. Его морщины на лбу стали еще глубже:

— Здесь дело не обязательно в этом. Они будут поступать так, как должны поступать, однако многое зависит от нас. Видите ли, на протяжении более тысячи лет накапливались доказательства контактов с инопланетянами, однако предыдущие поколения интерпретировали их в религиозном контексте: они приравнивали их к ангелам, божественным существам, посланникам Бога... Сейчас же мы живем в индустриальной цивилизации, и, конечно же, будем интерпретировать данные события

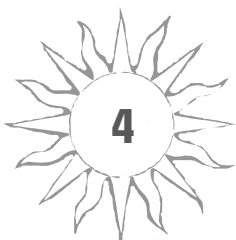
тщательнейшим образом. Мы знаем, что они прибыли на космических кораблях — КОСМОКОРАБЛЯХ — это была не чума или какое-то там дьявольское искушение и похожая чепуха. Сознание современного человека изменилось. Сегодня никого не волнует, была ли мать Христа девой или нет, нам не интересно, что же там было. — Своим коротким толстым пальцем он показал на одну из стен комнаты, я повернулся к ней лицом, чтобы посмотреть, что там, и увидел что-то вроде размытой иллюстрации. — Это копия медной гравюры, сделанной в Цюрихе в XI веке. В 1036 году над Цюрихом повисло огромное количество космических кораблей. Их можно легко разглядеть, как, впрочем, и людей, смотрящих в небо и показывающих пальцами на эти корабли. В отличие от того времени, мы теперь готовы к такому контакту.

Я тщательно взвесил свои слова:

— Это вполне возможно, но какое место для меня вы видите в своем обществе? Меня интересует наша цивилизация, а не инопланетная.

— Мы приветствуем людей со всеми убеждениями. Вместе мы становимся сильнее. Мы о вас много слышаны, — воодушевленно улыбнулся он, — и ваши интересы не особо отличаются от моих. Я убежден, что великие духовные Учителя пришли из какого-нибудь другого места, они воплотились в человеческие тела, чтобы выглядеть, как мы, но в то же время они — высший разум, посланцы от развитых космических цивилизаций. Их миссия — подготовить человечество к приближающейся близкой встрече. Вы свободны в субботу вечером?

Общество Параллельных Миров собиралось в доме в Сеньяке, принадлежавшем бывшей оперной певице Паулине Попович. Хотя она и была вдовой довоенного торговца металлами, коммунисты все же не отобрали у нее дом, так как во время войны ее племянник состоял в батальоне при Тито. В доме до сих пор можно было найти остатки бывшего богатства. Элитные мечи караула и турецкие ятаганы висели на стенах, старинные орудия, украшенные серебром, были выставлены на витрине. Паркет просторной гостиной был устлан персидским ковром, доставшимся от предков ее мужа, живших более ста лет тому назад. В углу, напротив высоких узких окон, стояла большая бледно-зеленая кафельная печь с изображением Тесея, держащего отрубленную голову Медузы. В комнате пахло сандаловым маслом, смешанным с запахом отполированного паркета и старинной дубовой мебели.

Группа из мужчин и женщин напомнила мне первое собрание в Медборгар Пласен. Я ощущал легкое напряжение, когда был представлен Паулине Попович, но меня явно не бросало в дрожь от ее великого участия. За несколько минут я сумел приглядеться и оценить пришедших людей, и увиденное мной больше не вызывало любопытства. Мне показалось, что я пересматриваю уже прочитанную мною книгу — возможно, стиль был иным, однако содержание от этого не менялось.

— Сегодня вечером миссис Маркович будет давать лекцию о связи Елены Блаватской с Великими Мастерами, а также о духовном видении как инструменте восприятия высокоразвитых

личностей. Будучи поклонником Блаватской и Штайнера, миссис Маркович — очень даже подходящий выступающий, редкая находка.

Петко Сретенович говорил медленно, выделяя каждое слово. Он плавно охватывал взглядом окружающих, показывая всем своим видом, что для него присутствие в таком знаменательном месте было редкой привилегией.

— И небольшое напоминание — обсуждение после лекции приветствуется. А также имею огромную честь представить вам мистера Богдана Животича, не так давно вернувшегося из Стокгольма, где, — он задумчиво поднял голову вверх, выставив вперед свою короткую толстую шею, — он провел несколько лет, изучая альтернативные и герметические науки.

Жухлые дамы и бородатые джентльмены задержали на мне свой взгляд. Это был единственный случай, когда я почувствовал себя неловко. Среди накрашенных лиц я узнал Марию Яковлевич, которая накануне войны заработала репутацию большого эксперта в области классической литературы и философии, но вскоре была выгнана из университета за использование непроверенного источника информации в качестве оригинальной работы. Склонив голову, она посмотрела в мою сторону, словно оценивала, достоин ли я тайных мыслей этой толпы. Рядом с ней на табуретке сидела двадцатилетняя девушка с подтянутой грудью, ясные глаза которой закрывали очки в чудесной оправе, на какой-то момент я даже ощутил некоторый всплеск радости от того, что пришел без Лидии.

Миссис Маркович, худая женщина с бледным морщинистым лицом, со слегка подкрашенными белокурыми волосами и пронзительным взглядом, выдавила из себя улыбку и начала лекцию:

— Согласно моим небольшим знаниям, причиной, по которой Елена Петровна Блаватская основала Теософское общество, а Рудольф Штайнер — Антропософское, является их побуждение содействовать ускорению эволюционного развития человечества в целом, создать благоприятные условия для данных обществ с целью формирования адептов в следующем миллениуме...

После ее высказывания о «формировании адептов» в этом поколении некоторые из присутствующих сменили позы. Они подняли голову и ошарашенно посмотрели на нее.

Она продолжила свой рассказ историями о Блаватской, от начала ее длинного путешествия до непосредственного выхода на контакт с Великими Учителями, о кармических законах, о Гималаях и эгрегорах... Рассказывая об эгрегорах как о группе сознаний, пережившей смерть физических тел некоторых из ее членов, она не была оригинальна. Эту теософскую идею она, скорее всего, позаимствовала у Элифаса Леви. Это был единственный глоток свежего воздуха в ее затхлом во всех прочих аспектах рассказе. Она не переставала уделять внимание деталям, которые можно отыскать в многочисленных нудных теософских книгах, которых стараются избегать даже сами теософы.

— ...Блаватская была истинным адептом и посланником космических миров. Она не располагала никакой литературой, считывая информацию из Акаши. Она могла это делать, так как была награждена редчайшим в истории человечества тонким видением... — После такого утверждения несколько антропософов заерзали на своих местах. Она чутьем поняла, что нужно как-то успокоить их едва скрываемое смятение и, приняв благородное выражение лица, добавила: — Один лишь Рудольф Штайнер проявлял похожую силу тонкого видения.

Под конец лекции она обратилась к нам, чтобы мы использовали знания адептов, проторивших путь, на котором можно построить собственный дом знаний из старых и новых вещей и понятий. Она акцентировала особое внимание на последних словах, давая нам понять, что лекция подошла к концу. Ее наградили вежливыми, но в то же время теплыми аплодисментами.

— Спасибо, спасибо, спасибо... — все повторял Петко, встав со стула, и, охватив взглядом аудиторию, добавил: — Было бы прекрасно завершить сегодняшнюю лекцию хорошим обсуждением.

Последовало долгое молчание, после которого доктор Вазич, откашлившись, произнес:

— Ну-с, раз никто не решается начать, думаю, нужно кому-нибудь растопить лед...

До выхода на пенсию доктор Вазич работал адъюнкт-профессором при кафедре философии философского факультета. Без серьезных опубликованных работ он бы не смог работать профессором на полной ставке. Также было известно, что он одним из первых в Сербии начал распространять учение

Фрейда. Незадолго до войны один из венгерских учеников Фрейда применил при его участии анализ данной школы. Эксперимент был прерван разразившейся войной, но с тех пор за ним начала ходить репутация психоаналитика. Было удивительно наблюдать, как ему удавалось совместить теософию и психоанализ. Почесывая свою седую бороду, он произнес низким голосом:

— Я бы хотел подчеркнуть тот факт, что Фрейд был одним из первых, кто принял существование различных уровней в человеческом существе, о чем мы узнали с Востока благодаря мадам Блаватской. Несомненно, теософское понимание устройства человеческого существа представляет особую трудность. В духовном свете человек появляется как триединая душа, где один из его аспектов всегда остается в духовной сфере. Мы не располагаем такими примерами в психоанализе, однако важно отметить, что Фрейд воспринимал человека так же многомерно: «ид», «эго» и «супер-эго». — Он окинул взглядом аудиторию, словно оценивая, какое впечатление он на нее произвел, а затем, снова откашлившись, продолжил: — Я должен предостеречь присутствующих от следующего. Взрослый человек испытывает трудности в полном повиновении Учителю, который принимает решения за него, — это то, на чем сегодня настаивают многие люди. На протяжении всего периода взросления человек старается освободиться от пуповины, связывающей его с родителями, и он, конечно, удивляется тому, что попросту меняет одну зависимость на другую. Некоторые хотели бы переложить ответственность за свою жизнь на плечи Махатме, как это делает ребенок с отцом.

— Для меня основным вопросом духовного развития является очищение кармы, — послышался приятный голос седовласой грациозной женщины, которая уже разменяла восьмой десяток. Несколько человек кивнули в знак одобрения.

— Вы правы, Ванда. Мы не должны забывать, что очищение кармы — один из аспектов духовной эволюции, — добавила Паулина.

Вскоре все обсуждение опустилось до обычных фраз, бытующих в теософских кругах, слов похвалы предыдущим выступавшим, а также к взглядам в далекое будущее, когда мы станем сородичами Бога. Чувство умиротворения во мне начало

исчезать. Их выступления взывали только к прошлому. Никаких новых данных и перспектив, никаких намеков на связи с современными системами. Несмотря на присутствие некоторых молодых людей в Обществе Параллельных Миров, все же это место, с духовной точки зрения, принадлежало старому вымирающему поколению. Для того чтобы как-то разогнать спертый воздух, царящий в этой атмосфере, нужно было заговорить на языке собственных переживаний. Атмосфера в обществе, в тумане которой скрывались эти блестящие горделивые фигуры, представляла собой убежище на случай любого внезапного столкновения с жизнью. Несомненно, было много вещей, о существовании которых они не знали, и я решил вступить в разговор:

— Я не знаю, насколько вам это известно, но Блаватская в один из периодов своей жизни коснулась и нас. Джон Саймондс, считающийся одним из надежных писателей, приводит цитату из ее автобиографической книги «Дама с чарующими глазами», из которой мы узнаем, что Блаватская жила какое-то время в Сербии, где она была капельмейстером хора сербского короля Милана (*приблизительный перевод названия книги*). — В зале наступило молчание, все внимание было обращено на меня. Они впервые слышали об этом, так что я решил развить эту тему: — Мои известные предшественники указывали на то, что теософия и антропософия наградила тонким видением Блаватскую и Штайнера. Тем не менее, тонкое видение — сомнительный источник информации, который часто ведет к ложным умозаключениям.

— Такое происходит только с тонким видением обычных или неустойчивых людей, но никак не с подлинным Учителем, таким как Елена Блаватская, — вступила Ванда.

— С ней произошло то же самое, — заметил я и почувствовал внезапный прилив напряжения. — Целые абзацы из «Тайной доктрины» были в прямом смысле слова вырваны из книги Янга «Восточные мудрости», так что о чтении ею Акаши не может быть и речи.

— Такое вполне возможно, — заявил один из антропософов, — однако тонкое видение Рудольфа Штайнера пользуется глубоким уважением среди многих великих современников.

— Полагаю, что это так. Я думаю, что по большей части его видения подтверждались, однако случалось и так, что они были и ошибочными.

Такое утверждение переходило всякие границы для группы антропософов.

— Выражайтесь точнее, господин Животич, какие из видений Учителя были ошибочными? — поинтересовался пожилой человек в очках, через толстые стекла которых были едва заметны его брови.

— С удовольствием, — ответил я. — Если бы только они все относились к действительности, но, к сожалению, это не так. Например, в своих знаменитых лекциях «Кармические связи» Штайнер допустил много ошибок, которые вызвали подозрение по поводу точности его интуитивного видения — многие из его умозаключений, простите за выражение, были нелепы. К примеру, взять его встречу с Ницше, где он заявляет о том, что отчетливо ощущал, как эго и астральное тело Ницше стремились покинуть его физическое тело, но физическое и тонкое тела Ницше были столь сильны и полны здоровья, что не позволяли такому случиться. Однако ко времени их встречи Ницше страдал от третьей стадии сифилиса, так что его тело было далеко не здоровым.

Это послужило веским аргументом. Я уверенно продолжил свою речь:

— Кроме того, в 1924 году Штайнер посетил так называемый замок короля Артура в Тинтагеле. Он рассказывал о том, под каким глубоким впечатлением он находился от всего увиденного там, он долго говорил о том, как благодаря его тонкому видению с ним вышли на контакт король Артур и рыцари Круглого стола. Несмотря на все это, археологические раскопки безоговорочно указывают на то, что сам замок был построен шесть столетиями позднее.

Антропософы смотрели на меня пустыми глазами. Несомненно, все сказанное мной поставило их в тупик, и я мог только ожидать каких-нибудь сплетен за моей спиной после нашего расставания. Несмотря на мои сомнения по поводу того, вынесут ли собравшиеся дальнейшую информацию, я все же продолжил:

— Я не преследую цели раскритиковать чрезвычайно одаренную личность, однако должен обратить ваше внимание на следующее. Я не читал светскую книгу Эдуарда Шюре «Великие Посвященные», но некоторые из тех, кто читал, говорят

о том, что работа Штайнера «Христианство как Мистический Факт» имеет много чего общего с ней, что это почти чистой воды плагиат работы Шюре, которую тот опубликовал за двадцать лет до Штайнера. Возможно, кто-нибудь из присутствующих все же прочел эту ценную книгу, которую я, к моему несчастью, упустил из виду?

В просторном зале царило молчание. Я слышал самого себя, и мне было обидно, что рядом со мной не было отца, который мог бы все это лицезреть.

— Несомненно, — продолжил я, — в работе Штайнера содержатся глубокие истины, и каждый, кто их ищет, найдет в словах Штайнера неисчерпаемый источник знаний. Штайнер опережал свое время. Тем не менее, не каждый согласится с некоторыми из его утверждений... Я помню одно из самых противоречивых. Согласно Штайнеру, причиной, по которой Александр Великий отправился завоевывать мир, послужила тяга к знаниям и духовности. Однако, с психологической точки зрения, Александр был эгоистичным человеком. Он, как и многие завоеватели, преследовал одну цель — невзирая на число человеческих жертв, на беды тысяч невинных людей, включая женщин и детей, он хотел завоевать мир, чтобы возвеличить самого себя. Эгоизм так поглотил его, что он считал себя богом... который к тому же страдал от алкоголизма. В порыве алкогольной ярости он убил своего лучшего друга.

— Конечно же, у каждого есть своя точка зрения на различные события, и каждый имеет право выразить ее, — поспешно высказался Петко Сретенович. — По окончании этого интересного обсуждения я бы хотел, чтобы вы уделите мне минутку своего внимания. Каждый день здесь представляет еще большие неопровержимые доказательства, чем в прошлые времена, того, что нас посещали представители вездесущих цивилизаций. Мы передаем и восхваляем факты, которые получаем от западных стран, но пожалуйста, не забывайте, что и мы располагаем такими же ценными фактами на нашей с вами собственной границе. Давайте снова вернемся к вопросу о том, что же висит над украшенными фресками монастырем Сопочани, — конечно же, это космические корабли. И вот что бы мне хотелось сказать по этому поводу. Обратите на это внимание, поскольку вы, несомненно, будете удивлены

услышанным. Сава Текелия, сербский писатель, описал в своих мемуарах путешествия, которые он совершил на рубеже XVIII и XIX столетий.

Он достал маленькую толстую книгу в голубом переплете. Обложку украшало изображение самого писателя, который был слегка похож на Казанову. Он открыл книгу и продолжил:

— Стиль и язык книги достаточно символичны для того времени, однако факты, которыми она оперирует, представляют особую значимость, вселяющую оптимизм. Биография озаглавлена на характерном языке того времени — «Описание жизни». Текелия коллекционировал артефакты и в то же время являлся обладателем одной из самых больших библиотек страны. Хочу подчеркнуть, что Текелия не относился к ненадежным чувственным людям, окрыленным любовью, он являлся автором ценных грамматических, политических, законодательных и литературных анналов, он был поэтом и писателем тревелогов. Следующие строчки, посвященные его личному переживанию, представляют для нас особый интерес: «18 ноября, приблизительно в три часа после полудня, я находился поблизости одной хижины, когда увидел какой-то свет, быстро приближающийся сверху. Я был почти всего в двух шагах от увиденного мною, я думал, что это, возможно, был какой-то человек с мотыгой, которая отражалась при солнечном свете. Когда оно поравнялось с землей, то его рост не стал превышать уровня пояса, словно это был какой-то человек в железных доспехах, от которого шел зеленоватый свет. Я не мог отвести от света свой взгляд и пошел ему навстречу. Он приближался ко мне со скоростью человеческого шага, и, пока я шел в его сторону, натолкнулся на насыпь из виноградных листьев, которая на какой-то момент загородила мне обзор. Когда я обошел ее стороной, света уже не было. Я дошел до того места, где видел его в последний раз, но там ничего не оказалось. Я огляделся вокруг, но ничего нового в винограднике не обнаружил. Все действие длилось семь с половиной минут. *Dicite physyci quid hic, dies fruit, sobrius fui, sol splendebat*». — Петко направил взгляд в нашу сторону и произнес: — Не хочу обижать кого-либо, но в том случае, если кто-то из вас не совсем свободно говорит на латыни, я переведу. Буквально это означает следующее, — словно пронизывая книгу, он поставил правый указательный палец

на текст и, стараясь выделить каждое слово, закончил: — «Доктора, скажите мне, что же это было — все происходило днем, я был трезв, и солнце сияло».

Несколько сидящих напротив меня человек категорически закачали головами, будто наблюдение Савы Текелии нанесло смертельный удар официальной науке, не признающей существование внеземной цивилизации.

— Этот факт чрезвычайно важен, — заявил доктор Милозевич. — Должен признать, я впервые о нем слышу. Огромное спасибо, Петко. Это просто чудесно, изумительно!

Это был худощавый человек с бледным цветом лица, вьющимися волосами и медленными жестами. Будучи любовником Паулины, он был младше нее лет на двадцать.

— Я думаю, мы должны сделать все возможное, чтобы донести этот факт до наших друзей из других стран, — заявила Паулина. Она сидела на двухместном диванчике рядом с доктором Милозевичем и держала его за руку. — Мы так часто разрушаем ценности, рожденные на наших же землях. Настало время перемен. Перво-наперво, я имею в виду не Теслу, великого гения, которого знала история человечества, я говорю о предсказании Кремны. Точность пророческих слов Кремны относительно будущих событий и технических изобретений превосходят самого Нострадамуса. Думаю, настало время написать биографию Димитрия Митриновича, который... — Она быстро окинула взглядом аудиторию, состоящую из теософов и антропософов. — Возможно, он не дошел до уровня Елены Петровны Блаватской и Рудольфа Штайнера, однако он, несомненно, заслуживает большего признания. Иисус говорил, что нет пророка в своем отечестве.

— Конечно, конечно, — с кислой миной ни лице заговорил Петко, как только разговор ушел в сторону от Савы Текелии.

— Вы правы, миссис Паулина, — согласился я. — Мне пришлось поехать в Швецию, чтобы впервые услышать о нем. В его учениках числились некоторые из самых известных оккультистов. Моя бабушка переписывалась с ним на протяжении многих лет.

— Правда? — перебила Паулина. — Если его письма существуют, то они представляют собой очень ценный документ. Ведь я сама очарована его личностью.

— Конечно, — согласился Петко Сретенович. — Я бы хотел подвести итог нашему чрезвычайно продуктивному собранию. Нам стоит продолжить разговор на уровне неформальной беседы. Хотелось бы поблагодарить миссис Маркович за ее превосходную поучительную лекцию, и все, связанное с ней, достойно обсуждения. Надеюсь, что в будущем в нашем обществе будут чаще проходить такие важные собрания.

Домработница миссис Паулины поставила на стол у стены большой чайник и чашу с домашними печеньями. Мое первоначальное стремление отведать чашечку чая перебил исходящий от него запах. Это был какой-то травяной чай, то ли из ромашки, то ли из мяты, трудно сказать. Его запах напомнил мне те заболевания, которыми я переболел в детстве, поэтому к нему я питал одно лишь отвращение.

Я искал девушку с подтянутой грудью, как вдруг услышал:

— Я бы хотела побольше узнать о том опыте, что вы получили в Швеции. — Ее голос, звучащий позади меня, выражал улыбку.

— Такого предмета для разговора не значилось в программе сегодняшнего вечера, да и многого о том не расскажешь. Переживание — это одно, а рассказ о нем — уже другое.

— Довольно скучно повторять одни и те же вещи по много раз. — Она мельком посмотрела на людей в зале. — Понимаете, что я пытаюсь сказать?

— В смысле, такое происходит здесь очень часто? — спросил я подавленным голосом. Две говорящих между собой женщины среднего возраста стояли рядом и подозрительно смотрели в мою сторону. Неожиданно до меня донесся зловонный запах бренди и чей-то хриплый голос.

— Это единственное, что здесь бывает.

Я обернулся. Максим Драганич, актер Национального театра, которого все называли Максом, подошел из-за спины.

Я его заметил еще во время лекции, когда тот сидел в углу зала. Он был среднего телосложения, с темным средиземноморским цветом лица и двухдневной щетиной. Драганич прославился своим алкоголизмом и сарказмом. Общество терпело его из-за роли Гурджиева, заглавного героя фильма Питера Брука «Встречи с замечательными людьми». Он пожал мне руку своей потной ладонью.

— Миряна представляет духовный уровень этой необычайной группы. — Его улыбка, выглядевшая больше как конвульсия, обнажила желтые зубы, покрытые толстым зубным налетом.

— Да, — начала девушка, — я удивлена, как быстро деградируют оригинальные идеи мистических учений. Блаватская говорила о себе, что теософом является тот, кто занимается теософией. То есть тот, кто применяет ее на практике. Однако здесь нет ни одного такого. — Одной рукой она облокотилась на полку, сделанную из темного дуба, а другой нежно провела по волосам. — Знаете, здесь нормальные сексуальные отношения расцениваются как падение в материю... Я Миряна.

Она изящно подала мне теплую и сухую руку, которую я продержал немного дольше, чем нужно. Она улыбнулась и произнесла:

— Я изучаю психологию.

— Я не буду использовать ее против вас, — ответил я с улыбкой на лице.

Она моргнула несколько раз, затем улыбнулась и ответила:

— Такой комментарий можно услышать от человека, обладающего обширными знаниями.

Показывая в сторону доктора Вазича, она добавила:

— Простите, я на минутку должна отлучиться, мне нужно спросить кое о чем выдающегося доктора.

— Если это не связано с анемией, то падения в материю учащаются, — с ироничной улыбкой прошептал Максим Драганич. Он посмотрел прямо на меня, и в тот же момент ужасный запах бренди из его рта заставил меня сделать шаг назад.

— Анемия? Что вы имеете в виду?

Он состроил из своей улыбки противную гримасу:

— Близкий друг мадам Паулины, доктор Милозевич, чертовски страдает от анемии. Как только у него наступает эрекция, вся его кровь из головы стремительно направляется вниз, и он падает в обморок... Думаю, что в каждом пороке есть какая-то добродетель.

Я начал вести лекции в Обществе Параллельных Миров. Несмотря на то, что лекции вызывали критику со стороны пожилых женщин и мужчин, они все же представляли куда больший интерес, чем все то, что предлагалось здесь ранее. Петко по обычаю делал небольшое вступление, чтобы подготовить слушателей к моей точке зрения, которой они придавали чрезвычайное значение. После моих выступлений он старался как-то сгладить мои слова своими завершающими комментариями. В обществе состояло приблизительно сорок человек — меньше, чем я ожидал, и обычно лишь половина из них присутствовала на наших собраниях. Главенствующее положение занимали Петко Сретенович, Мария Яковлевич, Ванда и Паулина. С Паулиной Петко вел себя снисходительно, поскольку без ее дома общество несомненно бы распалось. На нескольких собраниях они вместе с доктором Милозевичем высокопарно затрагивали тему борьбы человеческой животной природы и постоянной опасности, приводящей к падению в материю. Паулина откидывала назад голову и взволнованно говорила про тот день, когда такое духовное отношение станет привычным.

На четвертом или пятом собрании, я уже точно не помню, я лицезрел выступление Миряны. Паулина и доктор Милозевич, держась за руки, сидели на диване с унылыми лицами. Несколько из бывалых членов общества пытались их утешить. Поначалу я подумал, что семья потеряла одного из ее членов. Паулина быстро растворила мои догадки. Она посмотрела на своего близкого унылого друга, опустила глаза и,

медленно произнося каждое слово, проговорила: «Мы опять упали в материю».

Такое «падение в материю» случалось с ними где-то раз в месяц и сопровождалось периодом борьбы животной природы в человеческих существах. Я заметил, что Паулина, являясь многогоречивым поклонником Блаватской, представляла для меня особой интерес. В присутствии других членов группы она вела себя иначе. Но в редкие моменты, когда нам удавалось побыть наедине, она искоса смотрела на меня, задерживая на мне свой взгляд чуть дольше, чем это делают обычно женщины во время обыденных разговоров. Такой взгляд свойствен спокойной женщине, которая пару минут назад начала свою речь нежным и доверительным голосом. Однажды вечером я пришел на собрание одним из первых, так что она отвела меня в комнату напротив, чтобы показать мне свой портрет, автором которого был Пая Йованович. Она нерешительным голосом произнесла: «Я не хотела, чтобы маэстро нарисовал мой портрет, однако мой недавно умерший муж настоял на этом».

На тот момент, пока ее рисовали для портрета, она выглядела намного моложе и привлекательнее. Она была избрана в легком голубом вечернем платье с глубоким вырезом, который обнажал ее роскошную грудь. Ее кожа была юношески гладкой, а взгляд направлен куда-то вдаль, словно она возвышалась над земными ценностями и была заинтересована величественными дальними целями. Между портретом и оперой, или театром, не было никакой связи. На картине она была окружена плотными тучами, над которыми поднимался светло-красный свет, напоминавший отражение от горящего вдали костра. Словно сама юная красота стояла посреди развязавшейся в ее честь войны.

— Мне кажется, я не заслуживаю быть частью галереи выдающихся личностей, которую нарисовал господин Йованович, — скромно заявила она. — Он нарисовал портреты большинства королевских лиц в Европе. Тито настаивал на том, чтобы его портрет увековечил именно господин Йованович, однако он смог избежать этого. Ведь пожилой джентльмен понимал, кто есть кто...

— Определенно, — заметил я, — однако ваше место среди этих людей.

Она улыбнулась, и на ее иссохшем напудренном лице выступило еще больше морщин в области рта и глаз.

— Ходят слухи, что вы практиковали сексуальную магию? — Это больше походило не на вопрос, а на уверенное утверждение.

Я мельком взглянул на ее шею и бюст. От ее пышной груди на портрете не осталось и следа, на фоне ее шелкового платя она выглядела, как пара простых носков.

— Люди много о чем говорят. Аналогичные слухи преследовали и Димитрия Митриновича, которым вы так восхищаетесь. По сути, сексуальная магия — это один из способов трансформировать сырую форму открытой жизненной энергии во что-то духовное. Некоторые люди обращаются к ней в надежде контролировать свои расстройства.

— Да, это так, — согласилась она и мельком посмотрела на открытую дверь в гостиной. С плотно сжатыми губами Петко шел в нашу сторону. От доброжелательного выражения лица, с которым он, как компанейский хозяин, приветствовал членов общества, ни осталось и следа:

— Вы видели этот срам по телевизору?

Я уже хотел было сказать, что не смотрю телевизор, однако Паулина опередила меня:

— Что вы имеете в виду, дорогой друг?

— Уделили позорный час каким-то так называемым открывателям, да еще и в прайм-тайм. Вы знаете, кто это были за люди? Взрослые болваны, отсеявшиеся от колледжа оборванцы, да сыновья незначительных политиков. Они располагали огромными ресурсами, которые потратили впустую на какую-то туристическую поездку, вместо того чтобы материально помочь истинным любительским научным организациям. Пропшлым вечером я смотрел, как один из них воткнул термометр в ручей, чтобы измерить температуру воды, — от разочарования он, запрокидывая голову назад, разводил руками. — И это называется научным исследованием?! Да вы что... В этой стране возможно все. — Он на какое-то время затих, и выражение его лица приняло иные черты: — Я прочитал вашу статью «Чакранавты внутренних миров» из «Альтернативы». Очень хорошая статья, правда, очень хорошая.

— Я прочитаю ее завтра, — сказала Паулина и с улыбкой посмотрела в мою сторону. Ее готовность «упасть в материю»

непреклонно росла. Я молча кивнул головой. Я не рискнул признаться в том, что статья получилась великолепной, и в том, что я был поистине счастлив, когда увидел ее в напечатанном виде. Я прочел ее дважды, и при всем при этом она казалась мне лучше, чем прежде, создавая впечатление завершенной работы. Кроме того, размер гонорара, который я получил от Игоря за единственную статью, был намного выше среднего, что не могло не вызывать у меня удовлетворения.

Большая часть членов Общества Параллельных Миров старалась создать впечатление превосходства над земными играми эго, однако каждая написанная мною статья заряжала собрания энергией, провоцируя вопросы и едва скрываемую критику, которая обычно начиналась со слов: «Статья довольно хорошая, но...» Две или три женщины начали так открыто извиняться передо мной, что возможность падения в материю была более чем реальной. Их критика казалась странноватой и слегка запоздалой, так как они уже были ознакомлены с содержанием моей статьи. То есть сначала я давал лекцию в обществе и лишь затем немного работал над статьей, прежде чем передать ее окончательный вариант Виславскому.

Миряна подвинула ко мне свой стул:

— Можно ли к вам обращаться на «ты»? Хорошо, это меня уже радует... Я надеялась на то, что ты будешь более подробно описывать методы по контролю сексуальной энергии... Ты мог бы сделать куда больше, чем те, кто только повторяет услышанные от других вещи.

— В смысле, когда я рассказывал про Кроули?

— Именно, — с легкостью ответила она, — создалось впечатление, что ты решил промолчать про ключевой момент.

— Данные статьи не подходят для подробного описания его методов. Еще меньше подходят для этого лекции в обществе. Я собираю материал для книги, посвященной Кроули, Юнгу и Вильгельму Райху. Возможно, приступлю к практической стороне его методологии. Однако... я во многом не согласен с его учением, некоторые вещи даже вызывают у меня отвращение.

Она поглядывала на меня через полуопущенные веки, ее улыбка выдавала в ней опытную женщину, которая и спросила меня:

— Какие вещи?

— Кроули превратил половую девиацию в философию. В «Телеме», в основе его учения, лежит абсолютная свобода человеческого желания. Более того, в начале столетия он выступал в защиту свобод женщин. Эти факты говорят о его отваге и передовых взглядах, однако его одержимость темной стороной человека вызывает у меня отвращение.

Она с интересом уставилась на меня, так что я продолжил:

— Положить в рот красный эликсир, состоящий из спермы и менструальных выделений, — просто омерзительно, хоть я и пытаюсь беспристрастно относиться к вещам. В Марокко или Тунисе, я уже не помню, где именно, он провел сексуальные операции с одним четырнадцатилетним мальчишкой. Он описал их подробно в своем дневнике. Это было проявлением настоящей педофилии, невзирая на его хвастовство о принадлежности к Логосу нового эона, Аватару, новому Кришне, Будде или Христу. Среди моих знакомых есть несколько гомосексуалистов. По большей части все они чувствительные артистичные души, несчастные люди. Я ничего не имею против них, но, — я остановился, чтобы подобрать нужные слова, — как сказал один поэт: «Я не люблю их технологию».

Рассмеявшись, она сказала:

— Говорят, что ты — великий последователь учения Кроули.

— Такие слухи невозможно остановить. Раньше, как все начинающие, я полагал, что люди нашей сферы интересов нравственно более совершенны, чем так называемые простолюдины. Однако это было ошибочное предположение. За нашими спинами говорят намного чаще, чем за спинами художников, актеров и поэтов... Нет большей зависти, чем духовная. Поскольку я затрагиваю в моей будущей книге самого Кроули, я постараюсь отделить его учение о свободе воли от его психопатической личности... Видишь ли, он все время говорит о любви, однако в его дневнике о ней ничегошеньки не написано. Он был чрезвычайно эгоистичным и надменным человеком. Несмотря на все это, его последователи, особенно юное поколение, слепо принимают все его учения, как бы доказывая этим его принадлежность к Логосу нового эона, который возвысился над пошлостями мира.

— Он заслужил репутацию самого ужасного человека, его сравнивают со слугой Сатаны! — заявил Милорад Прля, один

из членов группы антропософов. Находясь по левую сторону от меня, он, очевидно, услышал какую-то часть нашего разговора. В пятьдесят лет он ходил с жалостливым выражением лица и водянистыми глазами. Обладающий довольно тощим телосложением, он склонился к нам, чтобы лучше слышать, и в тот же момент стал похож на горбуна.

— Эх, журналистские преувеличения да слухи! Среди стольких преступных нацистов — как он может оказаться самым худшим?! Говорили ведь, что Рудольф Штайнер изнасиловал свою племянницу, не так ли? Вы в это верите? За пределами теософского общества бытовало мнение, что Блаватская курила как турок, ругалась как моряк и занималась любовью как Клеопатра. Поначалу такие слухи только раздражают, но умный человек примет это как нечто глупое и в то же время неизбежное.

— Дурные слухи преследуют великих людей, однако чудовищные люди и сатанисты все же существуют. Этого нельзя отрицать, — сказала Ванда, которая, задев Прлю своим плечом, неспешно подходила к нам. Вокруг нас образовался круг слушателей, и новая дискуссия по поводу черной магии, острых слухов и клеветы, скрывавшихся под плотной личиной заинтересованности к чистоте нашего направления, начинала разгораться. Я чувствовал, как у меня в животе вспорхнул рой бабочек. Мне пора было удаляться.

— Это так, Ванда. Тем не менее, даже среди учеников великого Учителя можно услышать тайные разговоры про другого великого ученика и тому подобное. Такая проблема, между прочим, существует испокон веков, со времени создания первой духовной группы, и очень трудно определить причину ее возникновения. Единственное, что мы можем сделать, — не позволить ей поглотить нас самих. Это напоминает какую-то духовную болезнь — о чем ты думаешь, тем ты и становишься.

— Да полно, Богдан, конечно, нравственный человек мог бы выразить свое несогласие с черными оккультистами, и, конечно же, он обязан обвинять их в этом?

Было слышно только Ванду. Тем временем напряжение в комнате все росло, оно стало похоже на туго натянутую струну, которая вот-вот лопнет. Я ходил по лезвию бритвы, рискуя заработанной в обществе репутацией. Таким образом я ставил свой авторский гамбит, о котором, несмотря на его многократ-

ность, пожалел позднее. Я переминался с ноги на ногу перед костром, как будто кто-то другой решал за меня, должен ли я перепрыгнуть его или же обойти. Я выбрал второй вариант. Я досчитал до семи и затем медленно проговорил:

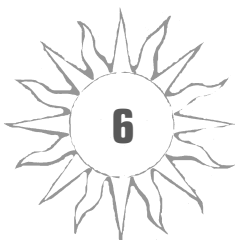
— Несомненно, именно так должен поступать нравственный человек. Тем не менее, игнорирование — лучший способ для выражения несогласия с дурными людьми, так как впоследствии мы все-таки будем в состоянии противостоять тому ужасному заболеванию, которое они разносят. Мы — творцы собственной кармы, и самое неприятное, даже ужасное последствие влияния этих ужасных людей заключается в том, что оно может поглотить нас, даже без нашего на это словесного согласия. Дело в том, — я быстро окинул взглядом внимательно слушающую меня группу, — что мудрецы учат мудрости метафорично... Возможно, вы слышали историю про двух волков, живших в сердце Древней Индии? — Я был уверен, что никто из присутствующих, кто проводил свое время за перелистыванием пыльных книжек, никогда не слышал об этой истории, которую мне поведал Джим в Стокгольме. — Один старый индиец учил жизненной мудрости своего внука, который верил в его безукоризненность, на что дедушка отвечал ему, что он не так безупречен, как о нем думают. Он говорил, что в его сердце враждуют два волка: один хороший, другой плохой. Внук спросил его: а кто же в итоге победит?..

На этом моменте я остановился и окинул взглядом сначала Ванду, а затем и всех остальных членов группы. Я чувствовал себя в роли первоклассного актера, который полностью владеет ситуацией, вводящей всех предполагающих финал в заблуждение. И наконец произнес:

— «Выиграет тот, кого я кормлю», — ответил старый индиец.

Воспользовавшись созданным коротким молчанием, я быстро добавил:

— Прощу извинить меня, но мне нужно идти.

— Я бы хотела поговорить с тобой наедине. Разговор не отнимет много времени, — заявила мне Елена Слапсек после того, как прочитала у Паулины лекцию, посвященную ее впечатлениям от Индии. Она вместе с группой туристов провела в Индии пятнадцать дней и едва решалась поведать всем об этом коротком пребывании. Ее лекция навевала скуку, в ней не было никаких поворотов, как и необычайных переживаний. Она упоминала про свои походы в ашрамы Саи Бабы и Свами Джнанаананды, однако все ее попытки придать словам оттенок энтузиазма заканчивались неудачей. У нас создалось впечатление, что ее переживания пришли не из Индии, а из газетной статьи. В ответ на банальный вопрос о том, встречала ли она людей со сверхъестественными способностями, она покачала головой и сказала: «Нет, мне это было не интересно. Я сосредоточила свое внимание на духовных Учителях, чьи практики меняют сознание человечества».

— Мы могли бы поговорить об этом у меня, — продолжила она, — я живу неподалеку.

Мы направились к ней домой, но так и не дошли до него. Она отстреляла историю за пару минут:

— Я должна признаться, Богдан, что очень разочарована. Я не решилась рассказать об этом у Паулины, это могло бы повергнуть в шок некоторых из членов общества, или же создать впечатление, что я даю выход своим личным разочарованиям.

— Пожалуйста, продолжай, я повидал много необычных вещей на нашей работе.

— Я даже не знаю, с чего начать... Дело в том, что Индия оказалась совершенно не той, какой мы себе ее представляли, йога не оправдала наших ожиданий, а Учителя — наших надежд.

— Дорогая Елена, как говаривал Томас Манн, «очарование горы видно только издалека»...

— Я не ожидала очарования от встречи с Индией, однако то, что я увидела... Даже не знаю, возможно, было бы лучше, если бы я вообще туда не ездила. Поэтически мы все понимаем Индию. Один из греческих мудрецов, не помню точно его имени, как-то сказал, что настоящий поэт должен воспевать мифы, а не реальную жизнь. Для людей, разделяющих наши ожидания, Индия должна оставаться сказкой, а не грязной, тяжелой и мерзкой реальностью. — Она покачала головой и скорчила такую гримасу, будто перед ней появились прокаженные. — Ты себе не представляешь, в какой грязи, бедности и отчаянии живут эти люди. Мы погрузились в истории о спокойном принятии действительности, несмотря на все ее ужасы. Но в Индии все совсем не так. Сотни нищих и калек допекают тебя отовсюду, прося милостыню или пытаясь ограбить тебя... пыль, грязь, слепые дети, никаких признаков духовной жизни.

— Ну, ты же была не на Гавайях, ты должна была понимать, что Индия подразумевает бедноту.

— Самым огромным разочарованием оказалась не бедность, которую можно лицезреть повсюду, ею оказалась йога и Учителя... лучше даже не начинать об этом. Все эти легенды по поводу того, что Учитель появится тогда, когда ученик будет готов, — полный вымысел. Вокруг Саи Бабы собирается огромное количество людей, которые верят в то, что они готовы к решающей встрече, но о какой встрече с Учителем, которая изменит вашу жизнь, может идти речь, когда тысячи людей разделяют одни и те же надежды?

— Возможно, по этой причине Юнг, будучи в Индии, не посетил ни единого ашрама. Он знал, что его там поджидает.

— Я расскажу тебе, что для меня оказалось самым трудным для понимания. Только, пожалуйста, Богдан, держи это при себе. Как я уже говорила, я была в ашраме Свами Джннананды. Перед моим отъездом мы переписывались какое-то время. Просто невероятно, сколько грязи в ашрамах. Везде грязь, нигде помыться, даже индусы — и те не моются. А туалеты?

Едва сдерживаешь тошноту, когда подходишь к ним, каждый раз приходится бороться с миллионами противных мошек, которые норовят попасть тебе в глаза, нос, рот... Фу! — Она резко отвела голову, закрыла рот рукой, чтобы сдержать чувство тошноты.

— Только между нами, я отправилась туда, чтобы получить диплом. Знаешь, есть такая Ярмила Никович, которая заявляет о том, что является единственным мастером по йоге в Югославии, — кстати, она не признает тебя и нелестно отзывается в твою сторону, — так она купила диплом у Свами за десять долларов... В это трудно поверить, но такова их цена. Я тоже один прикупила. Несмотря на все это, Свами оказался мне приятным человеком, я рассказала ему про свои групповые занятия медитацией, которые практиковала на протяжении нескольких лет, а также вкратце объяснила ему всю процедуру целиком. Он задал мне несколько вопросов, которые, как мне казалось, были направлены на выявление возможных ошибок и корректировку с последующими искусными советами. Однако ж, нет! Ты даже никогда в жизни не догадаешься, что он сказал! Он попросил меня сначала написать на английском все то, что я рассказала ему про медитацию, а затем попросил разрешения на использование текста в своих сатсангах¹. И в ту же минуту весь мой мир рухнул!

— Мне еще не приходилось такого слышать. Я никому не расскажу об этом.

— Пожалуйста, не говори. Для нас это будет настоящим позором.

---

¹ Сатсанг — встреча индийских Учителей с последователями.

Мысли о Лэме уводили меня все дальше и дальше. Я пытался сопротивляться им некоторое время, поскольку вместе с ними передо мной всплывал образ Петко Сретеновича с его историями о космических кораблях, высших космических цивилизациях и крайней необходимости выйти на контакт с инопланетянами как можно скорее. Я видел портрет Лэма в одной из книг Кена Гамильтона, возглавлявшего тифонианские НЛО. В 1919 году Кроули выставил на обозрение картину пришельца на маленькой выставке в Гринвич-Виллидж, жилом районе Нью-Йорка. Лэм выглядел точно так же, как сегодня изображают инопланетян: большая лысая голова с выпирающим лбом, маленькие сжатые губы и две маленьких дырки, представляющие собой ноздри. У него не было ушей, что обрело со временем определенный смысл. Единственное, что отличалось, это глаза. В современных картинках инопланетяне изображаются с большими миндалевидными глазами, в то время как у Лэма они были похожи на узкие щели, он выглядел, как змея с огромной человеческой головой. На рисунке Кроули не было видно рук, которые, возможно, могли бы у него и быть.

И вот вдруг на меня, как невыносимый зуд, от которого ищут облегчения, напала навязчивая мысль о Лэме. После отсрочки у меня возникла необходимость уделить ему внимание. В моем ежедневнике появилась новая графа — Лэм. Я поделил страницу вертикальной линией на две части: левый столбец я озаглавил «Чего я не знаю о Лэме», а правый — «Что я знаю о Лэме». Выбрав такой вид классификации, я написал все, что

знал, и все, что не знал о нем. В основном все мои знания сводились к той небольшой информации, которую я выудил из книги Гамильтона. Я воскресил в памяти все, что знал о нем, — он выглядел, как Тесла на одной из своих известных фотографий: голова была наклонена, пробор на гладких волосах и остроколючая, как кончик лопаты, борода.

По вечерам я засовывал свой ежедневник под подушку и фокусировался на образе Лэма. Было нелегко. В моей голове появлялись бессвязные мысли, я бродил между грезами наяву и сновидениями. На время я решил отложить такую практику. Спустя два-три дня у меня был запоминающийся сон. В нем я шел по пустому полю, на котором попадались лишь песок, камни да разбросанные остатки сухой желтой травы. Я был подавлен и изнеможен. Кто-то позвал меня издали. Я пошел на голос и в тот же миг внезапно оказался в своей постели, чувствуя бодрость и напряженность. Мое волнение росло бешеными темпами, словно я знал, что что-то опасное подкрадывалось ко мне из-за спины. Через закрытую дверь начал просачиваться то ли туман, то ли белый дым. И в тот же миг из плотного дыма начала прорисовываться фигура Лэма. Он был огромных размеров, казалось, что его голова заполняла все свободное передо мной пространство. Он уставил на меня свои крошечные глаза, излучая сильную энергию, от которой у меня отнялось дыхание.

Я не мог пошевелить руками, дышать было трудно, все мое тело прогибалось вниз в сильных конвульсиях, вызывая боль и удушье. Все мысли замерли и исчезли в пустом сознании. Его маленькие губы приоткрылись, и он заговорил, однако не было слышно ни единого звука — голос слышался откуда-то из затылка. Я не мог разобрать ни единого слова и, несмотря на болезненные конвульсии, постарался усилить звуки в голове. И вдруг я отчетливо расслышал: «Я действовал через Теслу. В его имени содержится код».

И после того, как он кивнул головой, его образ начал испаряться, так что я мог видеть сквозь него и темноту свою комнату. Вместе с его фигурой ушло и напряжение в моем теле, казалось, будто я только что упал на кровать. Я еще больше ослабился, мое дыхание стало глубоким и частым, словно после выполнения какой-то напряженной работы. Я попытался встать

и записать его слова в дневнике, но казалось, что мой энтузиазм оставил меня наедине с непослушным телом, будто разорвалась линия связи между сознательным усилием и мышцами. Я начал повторять его послание, чтобы не забыть: «Я действовал через Теслу. В его имени содержится код. Я действовал через Теслу...» Я продолжал повторять слова на протяжении десяти, пятнадцати минут — не было никакой уверенности, что они останутся в памяти, и в этот же момент ко мне вернулась способность распоряжаться своим телом.

Я потихонечку начал вставать, опасаясь, что любое резкое движение может снова парализовать меня. Я включил настольную лампу и записал все произошедшее со мной. Когда я выделил слово «Тесла» жирным шрифтом, мне показалось, что свет в комнате усилился. Наконец-то я понял послание Лэма. Слово Тесла читается справа налево, как в иврите, в итоге оно разбивается на два слова: «ал» и «сет». Бог ты мой, как же я не мог заметить этого ранее? «Ал» означает Бог — это же имя носила «Книга Закона», а «сет» — Сет, или Айваз. Пока я вставал со стула, мои глаза были все еще прикованы к написанному тексту. Точно, Лэм, как и Тесла, был одним из проявлений Айваза. Бесспорно, он действовал через Теслу, который из мимолетной искорки, вспыхнувшей в полной темноте, вырос в огромное пламя, озаряя настоящее и будущие столетия.

В этом заключалось объяснение магических сил Теслы, которые превзошли способности остальных гигантов науки. Я едва ли мог точно припомнить высказывание Теслы по поводу жизни в параллельной вселенной, которое он вкратце привел в тексте «*Мои изобретения*». Я подошел к полке, и моя рука решительно потянулась к книге, которую я искал. Перелистнув пару страниц, я обнаружил те самые слова Теслы: *«Тогда я подсознательно начал совершать экскурсии за пределы мирка, который я знал, и увидел новые пейзажи. Сначала они были расплывчатыми и мутными и таяли, когда я пытался сосредоточить на них свое внимание, но постепенно я преуспел в своих попытках зафиксировать их — они приобрели яркость и отчетливость и в конце концов приняли форму реальных предметов. Вскоре я сделал для себя открытие, что наилучшего состояния я достигал в те моменты, когда просто продолжал двигаться по видеоряду все дальше и дальше, получая все время новые впечатления, и таким*

образом я начал путешествовать, мысленно, конечно. Ежедневно, а иногда и днем, когда был один, я отправлялся в свои путешествия: видел новые места, города и страны, жил там, заводил друзей и знакомых, и хотя невероятно, но это факт — они были мне так же дороги, как и те, что были в реальной жизни, и ни на йоту не менее яркими в своих проявлениях...»

Я решил прочитать то место, где Тесла описывал состояние, в котором он пребывал до того, как делал великие и в то же время опасные и отнимающие много сил открытия, а также и то, где он описывал свое последующее состояние восхищения.

Его слова, которые я проглядел в прошлом по своей невнимательности, привлекли мое внимание сейчас: «...К моему великому удивлению я пришел к выводу, что мои зрительные впечатления влияли на любую мою мысль. Все мои движения были подсказаны тем же путем, и так, постоянно ища, наблюдая и проверяя, год за годом, я каждой своей мыслью и каждым своим действием показал, и делаю это ежедневно, к полному своему удовлетворению, что я являюсь автоматом, наделенным энергией движения, который просто отвечает на внешние стимулы, бьющие по моим органам чувств...»

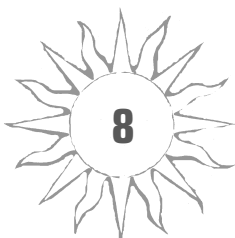
Вот оно что! Айваз проявлял свою сущность через Теслу, точно так же, как и через остальных людей, и когда у него больше не оставалось возможности действовать через них и преобразовывать его язык в подходящее «человеческое» знание, он удалялся и начинал искать других носителей его яростных откровений. Тесла говорил о космической печали, которая иногда одолевала его, и в те моменты, когда я размышлял над его судьбой, частичка его печали наполняла и мою душу. Айваз отбросил Теслу как пустой панцирь, оставив его кормить голубей на площадях Нью-Йорка на протяжении последних тридцати лет его жизни.

Айваз, будучи универсальным полем космического сознания, использовал всех и вся. У мечтателя истина проявляет себя через его воображение, и он убежден, что это всего лишь его грезы. Лжец верит в то, что он солгал, в то время как поистине любящий человек верит в то, что он сказал правду. На этой планете Айваз прицепляется к таким существам, как Тесла, порождая в их душах идею собственного жертвоприношения во имя других, так что они, как пламя, разгорятся в небе на

короткий промежуток времени и затем проливают на нас этот ужасный порожденный мрак. Все они служат своей цели — открыть новые, глубинные слои истины для человечества. Мы совершаем первый шаг на Пути из эгоистичных побуждений — обрести силу, любовь и самоуверенность, но по мере прохождения нам диктуют новые законы, которые не зависят от тех, что были вначале.

Мне стало страшно от того, что такая сила могла поглотить и мое существо, вынуждая меня жить на автомате, принуждая меня выполнять те цели, о которых я ровном счетом не знал ничего. Я понял, что Айваз, у которого ситуация складывалась довольно трагично, был неким божественным беспощадным тираном, направляющим людей на судьбоносный путь. Он не может действовать иначе, кроме как через человека, так что в результате он стремится слиться с человеческим разумом, занять его, чтобы тем самым идентифицировать себя. Когда человек за короткий срок мистического переживания отождествляется с Айвазом, тот вынуждает его остаться в этой идентификации, так чтобы, как человек, он бы смог реализовать себя через высшую форму сознания.

Панический страх охватывал мне все сильнее. Мне пришлось успокоиться, я закрыл глаза и сконцентрировался на внутреннем состоянии. На секунду я ощутил какую-то серую пустоту с несимметричными красноватыми точками. Ко мне стремительно, как пламя, вернулись воспоминания о моей прошлой чопорности, о тех письмах, что фигурировали в эссе у Теслы, и в этот же миг передо мной внезапно появился образ огромной головы. Казалось, что внутренняя часть моего черепа была своего рода окном, через которое я созерцал бесконечный космос. Я ощущал его холодную улыбку на лице, которая предвещала мою судьбу.

На меня посыпались озарения, я начал читать историю человечества под разными углами, стараясь отыскать какие-либо тайные знаки, которые в состоянии понять осведомленные, — я исходил из смутных предположений Рудольфа Штайнера. Озарения начали приходить ко мне после того небольшого кризиса, во время которого я уверенно полагал, что шел не по тому пути. Когда же я сдался и принял свое поражение, то в то же мгновение меня посетило озарение, оно было подобно зажженной в темной комнате спичке, проливающей свежий яркий свет на отношения между явлениями и объектами.

На какое-то время я окунулся в свои давние переживания, где мне в тот момент было семь лет, — я мог разглядеть всю свою жизнь в мельчайших подробностях. Это было мое самое драматическое переживание, превосходившее по силе даже мою первую инициацию в ордене Одина. Я заметил еще давным-давно, что церемония христианского крещения со временем ухудшилась, став всего лишь полинявшим образом оригинального ритуала. Сегодня священник всего лишь обрызгивает голову ребенка священной водой, хотя во время первого поколения христиан он опускал головку новорожденного в воду и удерживал ее под водой несколько секунд. Сопrotивление было бесполезно — священник ни при каких обстоятельствах не выпустил бы ее из рук.

Складывается впечатление, что со временем в каждой религии допускается какая-то небрежность. Кто бы пошел сегодня креститься, если бы было нужно окунуть новорожденного

малыша в реку? Я вспомнил одну дзенскую историю, когда некий Роши опустил голову послушника в воду, да так, что тот чуть не захлебнулся. Дело было так. Ученик, пришедший ради просветления, донимал Учителя вопросами о том, когда же он его достигнет. Учитель давал какие-то неопределенные ответы, так что ученик начал сомневаться в способности Учителя «просветить» его. Он решил в последний раз прояснить для себя этот вопрос перед тем, как уйти от Учителя. И он напоследок спросил его, когда же с ним случится просветление? Роши пригласил его на прогулку. Они подошли к глубокому ручью, и Роши попросил нетерпеливого ученика перенести его на своих плечах к другому берегу. Когда они дошли до глубокого места, Роши вдруг схватил ученика за шею и опустил его под воду. Поначалу ученик не сопротивлялся, он думал, что наконец с ним что-то произойдет и он станет просветленным. Но Роши продолжал крепко держать его под водой, никакого просветления не намечалось, а воздух уже заканчивался. Ученик выпустил несколько пузырей из легких, чтобы дать понять Учителю, что ситуация становится критичной, однако Роши это не волновало. Ученик начал прокручивать в голове все слухи об Учителе, а некоторые из этих слухов говорили, что тот был сумасшедшим, самозванцем и очень опасным человеком. Ощущая приближение смерти, ученик начал бороться за свою жизнь, и в тот же момент Роши отпустил его. Задыхаясь и жадно глотая воздух, молодой человек вынырнул из воды, и с первым же его глотком воздуха Роши начал сильно трясти его, выкрикивая в лицо: «Когда ты будешь желать просветления точно так же, как ты желал глотка воздуха, то станешь просветленным!»

Я понял, что основной смысл христианского крещения заключается в том, что человек отыщет Бога тогда, когда будет желать его так же сильно, как жизненно необходимый воздух!

Тем не менее, это был поверхностный вывод, основанный на моих предыдущих знаниях. Это не было каким-то внезапным озарением, что, по сути, является единственным способом прийти к истинному познанию, когда уже известные элементы внезапно смещаются в какое-то новое, доселе неизвестное единство.

Озарение пришло ко мне в тот момент, когда я перестал искать его в ритуалах или прошлых знаниях, когда перестал

заниматься поисками того, что до меня еще никто не переживал. Оно наступило одним ранним утром, когда я проснулся от короткого и в то же время настолько глубокого сна, что казалось, будто я пребывал в каком-то отстраненном от ментальных построений состоянии. Время шло, однако сам я замер на месте. Вдруг что-то щелкнуло у меня в голове, и в тот же миг я постиг абсолютным образом суть проблемы. Я был поражен. Конечно же, священники держат послушника под водой до тех пор, пока тот почти не захлебнется, и только после этого вытаскивают его голову из воды, спрашивая, что тот пережил. Если он дает неправильный ответ, они снова опускают его голову под воду. Они повторяют процедуру, пока крутится колесо кармы и послушник оглядывается назад в прошлое, чтобы извлечь прошлые уроки, которые помогут ему в будущем.

Символ креста и распятия Христа являлись настоящим сокровищем для медитации. Я не стал останавливаться на сексуально-магическом символизме креста, о котором узнал от Гунилы Бериман. Спускающаяся вниз вертикальная линия креста представляла собой мужское начало, которое проходило сквозь пассивное женское, представленное горизонтальной линией. Дальше я пока не продвинулся — очевидно, это была метафора, символизирующая падение божественного принципа сознания в материю. Я пришел к выводу, что слова «материя» и «матка» имеют один и тот же корень, что и слово «мать». Матка давала жизнь существу, являющемуся полубогом и получеловеком, или Богочеловеком, как называют Христа по христианской доктрине, гармонией горизонтального символа материи и вертикального символа божественного сознания, из которого Бог сотворил материю.

Я записывал свои озарения по мере их поступления, так что книга, посвященная Юнгу, Кроули и Райху, понемногу начинала принимать основные очертания. Но после того как я дисциплинированно сел за пишущую машинку, процесс написания книги стал похож на выжимание капли воды из сухой одежды. Мысли были сухие и довольно скудные и не вызывали у меня даже намека на входновение, которое обычно переполняло меня, когда я говорил с людьми или же медитировал в одиночестве. Тем не менее, когда озарения все же приходили, мысли, рожденные истиной, разливались на бумаге подобно

могучим водам. Написание и перечитывание написанного будоражило меня. Хорошие писатели, скорее всего, находились в аналогичном творческом состоянии, позволяющем разжечь словами искру в людях. Я преуспевал лишь во время редких переживаний, дарящих пронизательность. В остальном процесс напоминал напряженное вскапывание бесплодной земли — тяжелый неоплачиваемый труд.

Вскоре я обнаружил, что выбрал для книги трех несочетающихся друг с другом личностей. Юнг был слишком «пространственным», Кроули — помешанным на своем письме и поведении, а сам Райх — рассредоточенным по многим направлениям — начиная от нервно-мышечных блокад и заканчивая летающими тарелками, крадущими оргонную энергию из атмосферы Земли. В моем отношении к написанному тексту выявился занятный парадокс. Люди с опытом обычно советуют писать о том, что тебе хорошо знакомо. Мой же парадокс заключался в том, что я мог лучше воспринимать тему лишь тогда, когда начинал писать о ней. После напряженной работы, когда я что-то удалял, что-то добавлял к тексту, чтобы получить предложение, которое было бы ясно и понятно будущему читателю, сам материал также обретал большую ясность и для меня.

Юнг поразил меня. Он не предлагал никаких окончательных решений для человечества, как это делали Кроули и Райх, он создавал впечатление внутренней борьбы с самим собой, после чего пытался дать ответы некоторым из ближайших учеников. У Юнга не было учителей, в классическом смысле, Фрейда нельзя было считать его учителем, поскольку его стремление фокусироваться на внутренних переживаниях человека положили конец занятиям с Фрейдом. Учителей ему замещали сновидения, они направляли его, став отправной точкой развития нескольких ценных и ясных теорий, однако для их изложения ему понадобились двадцать многотомных книжек.

Для начала XX века требовалась недюжинная смелость, чтобы публично заявить, что алхимия средних веков явилась прародительницей психологии; религия означала не веру, а скорее целостность человека с его истинной природой, от которой он когда-то давно отделился. У Юнга, скорее всего, было озарение, когда он обнаружил, что слово «*te-ligere*», от которо-

го образовалось слово «религия», означает повторное воссоединение. О чем же он думал, когда открыл для себя, что число «двенадцать» несет в себе корни западной цивилизации? На сегодняшний момент довольно легко заметить проявления этого числа: календарные месяцы, двенадцать апостолов Христа, двенадцать знаков зодиака. Тем не менее, Юнг искусно выявил и увязал различные места на карте, где Геркулес совершил двенадцать своих великих подвигов. Я только могу представить, как ярко сияли его крошечные глаза под пенсне, когда на карте прорисовался знак креста.

Такого рода информация приводила в восторг, однако куда большее воздействие оказало бескомпромиссное осуществление собственной жизненной цели Юнга. Не обращайте внимания на тех, кто думает, что вы сходите с ума, говорил Юнг между строк, ни на тех, кто говорит вам, что вы совершаете ошибку, ни на тех, кто просит вас вернуться обратно на тот путь, который они считают правильным. Мечтайте о том, о чем хотите мечтать, идите туда, куда хотите идти, будьте тем, кто вы есть, так как жизнь неповторима. Помните: вы — дверь, которую *вы* до сих пор так безуспешно искали.

Попытки уместить в голове такой многоуровневый и сложный научный материал о Юнге, сказать себе, что мне это необходимо, а также сравнить Юнга с Кроули и Райхом, не приводили к успеху, задача превосходила мои способности. В мгновенном порыве писательской искренности мне пришлось признать очевидное, хоть я этого и не хотел. По этой причине я решил работать неспешно, возможно, даже потратить несколько лет, и избегать мелководья с быстрыми умозаключениями. Я знал, что работы, относимые к необозримой категории оккультной литературы, кишели подобного рода ошибками.

Спустя какое-то время судьба вознаградила меня чудесным озарением. Я не хочу докучать вам своим долгим описанием размышлений, усилий и разочарований. Какое-то время мое внимание занимало мнение о том, что Шекспир владел неким тайным знанием, которое можно отследить в его произведениях. Но все мои попытки уловить какой-то скрытый смысл в его работах заканчивались провалом. Во многих оккультных книгах обычно приводится следующая цитата: «Есть много в небесах и на земле такого, что нашей мудрости, Гораций, и не

снилось», которая меня, конечно, не удовлетворяла. Как-то вечером я устроился на кухне на старом диване, который прозвал «инсайтер», так как пережил на нем многие из своих озарений. И вдруг вскочил с него. Мою голову цепко взял в осаду один из стихов из «Ромео и Джульетты». Я не смог вспомнить точно этой строчки, но в ней, несомненно, шла речь о крови в венах. Я встал с дивана и прошел не свойственным мне шагом этакого зомби до полки, где держал «Справочную энциклопедию». Начал наводить справки по Харви. Вот оно! Шекспир, умерший в 1616 году, располагал информацией о кровеносной системе, которую Харви открыл лишь в 1629 году, спустя тринадцать лет после смерти Шекспира! В эпоху Шекспира, до открытия Харви, люди считали, что по артериям и венам течет spiritus, или воздух. Однако Шекспир в своих работах упоминал именно про циркуляцию крови.

Затем шахматы! До отъезда в Стокгольм я проводил огромное количество времени за шахматной доской. Для меня это была игра, где ничего не скрывалось, она была намного интеллектуальнее, чем карты, домино или бильярд, но все же оставалась лишь игрой. На тот момент меня еще никак не могло озарить по поводу того, что И-Цзин, Таро и шахматы были сторонами трехсторонней пирамиды, стремящимися к одной и той же точке. Шахматы были созданы как инструмент, передающий тайные коды неземного сознания. Ян и инь, черные и белые клетки, восемь горизонтальных и восемь вертикальных, представляли собой явный путь к бесконечности. Вот оно! Я вспомнил один египетский миф о сотворении мира, когда Творец сказал: «Я один, я становлюсь двумя. Я двое, я становлюсь четырьмя. Я четверо, я становлюсь восьмью. Я восемь, я возвращаюсь и становлюсь одним». Гармоничное проникновение двух базовых полярностей, черного и белого, света и тьмы, положительного и отрицательного, сквозь бесконечность. Шестьдесят четыре клетки, каждая соответствует гексаграммам И-Цзин, и каждая таит в себе свое тайное послание. Король, как символ Атмана, может потерять все фигуры, кроме самого себя — его нельзя уничтожить, ему можно поставить только шах и мат, его можно поймать в планетарную тюрьму, где он сможет пережить трагедию. По воле судьбы я сыграл тысячу игр в шахматы, надеясь на то, что, возможно,

одна из них поможет мне понять ее простое послание. Тем не менее, я был слеп перед очевидным до одного особого момента в моем развитии.

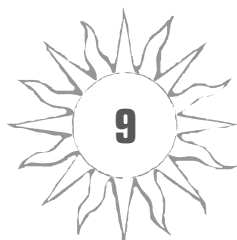
Согласно восточным религиям, цель внутренней борьбы человека заключается в гармоничном объединении противоположностей. На Западе такую цель преследует только алхимия, о чем мне и рассказал алхимик из Стокгольма. Если смотреть снаружи, то получается, что цель заключается в поиске гармонии с природой. Западные религии воспринимают сознание посредством разделения на зло и добро. Их цель — сражаться за одну сторону, за ту, что воспринимается как добро, свет и чистота, в итоге одновременно с этим полностью подавляется темная сторона реальности. Во внешнем мире достижение такой цели переживается как победа над силами природы, инстинктами и их повиновением. Это и называется цивилизацией. Дракон, трехголовый зверь, символизирующий природные силы, почитается на Востоке, в то время как на Западе христианские священники вонзают в него копьё.

В таком процессе озарения ты становишься сотворцом, вместе с Божественными силами создающим формы, явления и связи, таким образом, ты сознательно, подобно излучаемому свету, вливаешься в них, как рука в перчатку.

Это редкие моменты, когда все разбивается на мелкие кусочки и затем снова собирается воедино, до тех пор, пока невидимые связи неожиданно не проявят свой уровень реальности. Каждый из таких коротких моментов, как эхо, отражает глубокое познание, существовавшее в самом начале и ожидавшее момента окончательного объединения с нами. Несмотря на многообразие информации и глубину знания, внутреннее понимание появляется вместе с невидимыми связями, которые за мгновение до того поглощены и пропитаны равнодушием.

Я был доволен тем, что все переживания, испытанные в Стокгольме, объединились во мне в единое целое и направляли меня к целям, о которых я когда-то мог только мечтать. Жизнь начинала преподносить много перспектив, как нераскрытая тайна.

...Затем я начал ходить по судам.

— Ирена говорит, что ты отец ее ребенка, — заявила мне Драгана Дробняк. Опущенная голова, согнутая спина, несчастное выражение лица — все говорило о том, что ей было неудобно говорить о ребенке со мной. Она не решалась смотреть прямо в глаза, словно отчасти чувствовала себя виноватой за неожиданно сложившуюся ситуацию.

— Но, Драгана, как это возможно? Она уехала в Штаты в январе прошлого года. Мальчик родился там, однако в последний раз она видела меня шестнадцать месяцев тому назад. Как же я мог стать отцом?! — Когда невротичная женщина обвиняет тебя в суде, что ты являешься отцом ее ребенка, то волны гнева начинают сметать всю логику. Я уже был готов взорваться, ломать на пути всю мебель и оскорблять невиновных.

— Я не знаю, правда, не знаю. Когда я слышу тебя, то мне кажется, что ты говоришь правду. Когда я с ней, то мне кажется, что права она. Я не могу ничего с этим поделать. Вы оба должны прояснить ситуацию.

— С ней невозможно прояснить этот вопрос. Уже были попытки с моей стороны. Она ведет себя, как сумасшедшая. Она знает, что не я отец ее ребенка. Как так получилось, что я о ней ничего не слышал, когда работал в богом забытой деревеньке? А теперь, когда я пишу статьи в газете, зарабатываю репутацию, она возьми, да и вспомни меня... Все, что я прошу от тебя, так донести до нее, что от ее действий больше всего страдает ребенок. У этого ребенка есть отец, кто бы он ни был.

— Я уже пыталась... Я говорила ей. Она впадала в истерику и начинала говорить о тебе разные вещи. Я никогда бы не подумала, что человек, которого я когда-то любила, может оказаться такой свиньей, — заявила она.

Я чувствовал, как у меня начали сжиматься кулаки, но все еще владел собой.

— Драгана, пожалуйста, взгляни на факты. Ты знаешь, сколько времени она провела в Штатах. Мы уже не дети и знаем, сколько длится период беременности.

Драгана покачала головой и произнесла:

— На тот момент, в Златиборе, вы были вместе семь дней. Она на месяц приехала домой, веря в то, что сможет продолжить отношения с тобой. Вот когда она забеременела. У вас не срослось, и вы расстались.

— Это ложь!

— Ее мать говорит то же самое, что я только что тебе сказала. Она очень разочаровалась в тебе. Ирена сказала, что ты самым низким образом заставил ее не предъявлять обвинения. Ее нынешний муж, опытный адвокат, целиком и полностью верит ей. Он говорит, что мужчины тратят кучу денег на рестораны, машины и все остальное, но бегут как сумасшедшие от уплаты алиментов детям, которых они вместе зачали.

Я скривил лицо.

— Дело не в деньгах, Драгана... Если бы это был мой ребенок, я бы их отдал ему... Видишь ли, у меня нет детей, однако этот мальчик может когда-нибудь показаться у меня в дверях, когда ему уже будет пятнадцать или шестнадцать, и напроситься на разговор со мной как отцом, отвергшим его.

Она подняла голову и твердо заявила:

— Знаешь, что, Боги? Я не хочу участвовать в этом. Вы уже взрослые люди, так что разбирайтесь сами, без меня!

Весь вечер я провел в бессмысленной прогулке. Я прошагал мимо старого двора, в котором уже не было друзей моего детства, зашел на школьную площадку, которая была зацементирована и выглядела ужасно, посетил трамвайную станцию, где когда-то мы цеплялись за трамваи. Я думал, что схожу в кино, чтобы как-то рассеяться, однако мое желание исчезло в тот же миг. Особой пользы это бы тогда не принесло. Сумасшедшая женщина могла разбить всю мою жизнь. Эта проблема стала бы

ходить за мной по пятам годами. Немногие верили мне. Некоторые подшучивали по этому поводу, другие же, те, кто был на моей стороне, поддерживали меня тем, что проклинали и доказывали своими примерами из жизни, что женщины — шлюхи.

— Должно же быть решение, — сказал я Лидии тем вечером, — я уверен, что оно есть.

— Ты должен успокоиться, ты на взводе. Ты только усугубишь ситуацию. — Она сделала небольшую паузу, а затем продолжила: — Ты мог бы совершить какой-нибудь дурацкий поступок.

В ее словах было опасение, что, возможно, я в порыве гнева могу ударить Ирену или навредить ребенку.

— Что еще за такой дурацкий поступок? — спросил я, и в тот же миг от моей попытки разрешить проблему спокойно не осталось и следа. Я вскочил с кресла и сильно ударил по закрытой двери комнаты... начал осматриваться по сторонам в поисках чего-нибудь, что дало бы выход моей ярости, и, стиснув зубы, ударил кулаком по стеклянному абажуру настольной лампы, свадебному подарку ее матери. Звук разбившегося о пол стекла остановил меня. Тыльная сторона ладони была в крови. Лидия выпучила глаза и ничего не говорила. Она и раньше видела мои вспышки гнева, но эта поразила ее своей интенсивностью.

— Не злись на меня, — начала она, — мои родители могут подумать, что мы деремся. Успокойся, пожалуйста... ты только навредишь себе. Когда ты ведешь себя таким образом, то просто плюешь на всю свою жизнь, на все, ради чего ты жил. Сколько раз ты мне рассказывал про закон кармы — если ты не можешь что-то изменить, то должен это принять. — Она сделала паузу, после которой мягко продолжила: — Это один из уроков в школе жизни — довольно неприятный, однако его нужно пройти. Я не знаю никого, кто бы попадал в похожую ситуацию. Я тоже должна сама кое-что для себя понять, и для меня это тоже нелегко.

Я заснул только на рассвете и проспал не больше пары часов. Ночью я несколько раз принимался ритмично дышать, но это не помогало. Бреясь, я с удивлением взглянул на свое осунувшееся лицо — в отражении был будто какой-то незнакомец. Я вышел на улицу ранним благоухающим утром в полной неуверенности, что найду решение сложившейся проблеме. Было

невыносимо оставаться в закрытой квартире, где время просто остановилось. Я прошелся по городу и спустился к подножию Калемегдана. Уселся на старинный кирпичный парапет и устался в воду. Мимо проплывали речные суда, волочились баржи, где-то вдали кипела какая-то жизнь, так что были слышны голоса людей на лодках. Дальше вниз по Дунаю, за студенческой купальней, едва просматривались песчаные дюны. В школьные годы, ранним маем, я тайком ходил туда купаться. Мы вместе с Зораном Луковичем пропускали школу, оставляли одежду на песке и шли купаться голышом... Теперь та давняя жизнь казалась мне сказкой. Я не ценил того счастья, что получал в те моменты. Какие только мучения я ни испытывал, когда начинал понимать, что счастливые моменты в жизни распознаются, лишь когда они заканчиваются. Казалось, что я оказывался в каком-то другом мире.

Я ощущал сильную пульсацию в солнечном сплетении. Даже тогда, когда я на время забывал о своей проблеме, ко мне снова возвращалась вдруг пронзительная боль. Я не мог сидеть прямо, и мне приходилось наклоняться и морщиться. Время продолжало неумолимо идти, наступил одиннадцатый час. Иногда по дороге с грохотом проносился какой-нибудь грузовик и оставлял за собой тишину, в которой мое одиночество ощущалось еще сильнее. С того места, где я сидел, виднелся Военный Остров с парящими в небе воронами, которые лениво расправляли свои крылья. Передо мной появились образы Ирены и ее мужа, постаревшего адвоката с водянистыми глазами алкоголика. Он годился ей в деды, но она все же вышла за него. Ее любовь продлилась бы до последних десяти центов. Неделю назад у нас с ним состоялся разговор в его офисе, после которого он начал избегать меня. Я просил его вразумить Ирену, предоставив ему неопровержимое доказательство того, что я не являлся отцом того ребенка, по крайней мере, мне так казалось — я привел ему те же доводы, что и Драгане. Он был не человек, а тряпка — старая застиранная тряпка. Кого он может защитить на суде? Гнусавя, он отказался принимать какое-либо участие в нашем споре.

— Знаешь что, я уже встречал это в своей практике. Ты заявляешь об одном, она — о другом. Ирена — моя жена, и я должен быть на ее стороне.

Над моей головой медленно проплывали тучи, и я какое-то время играл в свою любимую детскую игру: искал в них знакомые лица людей и чуждых созданий. В облаках, как в проективных тестах, я должен был разглядеть свою несчастную ситуацию, должны были появиться образы Лидии, Ирены, ее мужа... Но ничего похожего я не увидел. Вместо этого я разглядел великолепный образ великана с белой бородой, который, надув щеки, подгонял во весь дух небольшое парусное судно без команды.

Маленькие барашки играли у него в бороде; также я увидел собаку, очень похожую на мою, что жила у бабушки в Виолин До. Птицы с какими-то непонятными именами подзывали друг друга, около берега проблескивала рыба...

Я проснулся. Я проспал на земле чуть больше двух часов, ничем не прикрывшись, однако мне не было холодно. Над головой все еще плыли облака, которые к тому времени стали более плотными и темными. Я бездумно лежал на земле и смотрел на небо, не обращая внимания на время. Затем привстал, потом решил присесть. На месте колющей боли в солнечном сплетении появилось легкое и приятное тепло. Сидя на траве, я потянул руки. Что-то изменилось — я без какого-либо напряжения испытывал приятное ощущение, которое мог использовать для решения проблемы. В голове проносились образы Ирены и ее мужа, Лидии и друзей, на которых я жаловался. Я вспомнил, что несколько дней действительно испытывал некоторое любовное влечение к Ирене, однако это воспоминание не вызывало во мне ни протеста, ни агрессии. Я переключился на того несчастного ребенка. Как же он выглядит? Пыталась ли она заставить настоящего отца принять его, или же это был секс на одну ночь на какой-нибудь пьяной вечеринке, пропитанной дымом марихуаны, и она не могла припомнить его имени? Я должен был безотлагательно разобраться в этой ситуации с ребенком Ирены.

От такой мысли в голове я понял, что у меня-то не было проблемы вообще. Проблема была у той женщины, с которой я провел некоторое время, и у того несчастного ребенка. Я удивился и уже был готов рассмеяться. Очевидно, все встало на свои места. Единственное, что мне нужно было сделать как можно скорее, так это встретиться с надвигающимися послед-

ствиями. Я пойду к этому ребенку и скажу ему на глазах его же матери, что не являюсь его отцом, а затем пусть она делает то, что захочет. Если суд признает меня отцом и обяжет выплачивать алименты, то что с того? Я буду платить — это наименьшее из зол. Я не провожу времени за стойкой бара, у меня нет машины, так что мне, в отличие от моих друзей, не приходится платить за бензин или за ремонт. Одно было ясно: мне нужно было чему-то научиться. Это был тот самый урок из школы жизни, о котором я столько рассказывал людям. И теперь проповеднику нужно было самому отведать каши, которую он так долго раздавал другим.

Я был уверен, что через пару часов на меня снизойдет озарение. Я встал, поднял с травы одежду и пошел в город.

В кондитерском магазине я купил Лидии ее любимую коробку конфет, на которой была изображена девушка с лютней. Я сказал продавщице, что это подарок, так что она завернула коробку в декоративную бумагу и обвязала ее красочной лентой. Я дошел до «Златника» и зарезервировал столик на двоих, за которым мы с Лидией провели пару приятных вечеров. Она будет счастлива, когда узнает, куда мы с ней собираемся, и в тот же момент, когда она меня увидит, она поймет, что я нашел правильное решение, и что кризис позади.

Ирена с ребенком жила в доме у мужа в районе «Красного Креста». Ворота во внутренний двор были открыты. Это был старинный, просторный и в то же время хорошо сохранившийся дом с покрытым мхом черепичной крышей. Я прошел через двор, вымощенный неровными камешками, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел внутрь. Я оказался в просторной гостиной, уставленной старой мебелью, потрепанными ковриками и хрустальной люстрой. На стене, украшенной обоями с красными рисунками, висели несколько масляных картин в позолоченной рамке. Ирены не было видно, вместо нее я увидел мужа, сидящего в кресле за газетами. Перед ним на столе стояли чашка кофе и уже наполовину пустой стакан воды.

Он приподнял свои выпуклые глаза чуть выше очков, что были у него на носу, и на его лице проступило удивление. Я не был заинтересован в долгих разговорах, просто хотел сказать мальчику правду на глазах у матери и уйти. Но старик перехитрил меня. Его губы сжались в улыбку, он взглянул на открытую

дверь, ведущую в следующую комнату, и с юношеским задором в голосе прокричал: «Стевича! Иди сюда! К тебе папа пришел».

Такой поворот событий выбил меня из колеи. Я уже хотел было сказать ему, что он поступил неправильно, но в этот момент в дверях появился мальчишка. Ему было около пяти или шести лет, маленькая голова, хрупкое тело. Локон волос, упавший на его бледный лобик, соприкоснулся с его большими карими глазами.

У него был маленький полуоткрытый ротик с выступающими вперед между губами верхними зубками. Волосы закрывали ушки, так что их не было видно. На нем была полосатая морская рубашка, короткие штанишки на подтяжках, которые выставляли напоказ его оцарапанные коленки.

Взгляд его больших карих глаз поразил меня, как резкий удар кулаком в солнечное сплетение, от которого я не мог вздохнуть. Никто и никогда не смотрел на меня таким образом. В этом взгляде было и удивление, и изумление, и возбуждение. Его лицо светилось от счастья так сильно, что я мог почувствовать ту волну тепла, что окатила меня. Он выпустил из рук маленькую металлическую машинку, которая упала ему на ноги. У меня возникло странное желание поднять эту машинку и отдать ему в руки, но я не мог оторваться от этих глаз, от этого выражения лица.

Мальчишка сжал руки в кулачки, прижал их к груди и звонко произнес:

— Папочка, я ждал тебя! Я знал, что ты придешь когда-нибудь!

У меня потемнело в глазах, я не видел ничего, кроме этого маленького лица с большими глазами. Я почувствовал слабость в коленях и думал, что сейчас упаду. Я подготовился ко всему, но не к этому. Это событие все резко изменило, будто невидимый волшебник взмахнул рукой и поменял огни на сцене: все стало совершенно иным, будто за завесой иллюзии показалась скрытая истина. От моего первоначального решения не осталось и следа. Никто и никогда так на меня не глядел. Никто не называл меня Папочкой. Никто, и я был в этом уверен, не любил меня так.

Я свалился в кресло, коробка конфет выскользнула у меня из рук и упала на пол. Я понимал, что я приму этого ребенка,

так как он любил меня, а не того носителя семени, что породил его. Мальчишка дополнял бы меня до конца моей жизни, и я знал, что ничто и никто не могли бы выгнать его из моей судьбы. Я уже хотел произнести: «Да, вот и я», — но возникший спазм в горле не позволил мне проронить и слова.

Вместо этого старый адвокат сказал:

— Давай, Стевича, подойди к своему отцу, не стесняйся.

Мальчишка быстро улыбнулся и медленно начал подходить ко мне. В нем было что-то знакомое, будто я встречал его во сне, в моих грезах или в малоизвестной прошлой жизни. Он был чем-то похож на меня, но я никак не мог понять, чем.

Он не был красив, однако я чувствовал, что растаю от счастья, если прижму его голову к груди, обниму его маленькое тело, вдохну аромат его волос. Что-то похожее на острый кинжал пронзило мою грудь. Я понял, чем же мы были похожи. Он, как и я, искал истинную любовь и, наконец, нашел ее. И в тот же момент нашел ее и я. Любовь — безоговорочная, недосягаемая, за которую не нужно бороться, снизошла на нас как небесная благодать. Она могла бы сломить меня перед мальчиком, если бы я ей уступил. Я едва сдерживал себя от возгласов приветствия, мой рот съезжился, а по лицу покатались слезы. Мальчишка подошел поближе и, вытянув свое тело и положив голову на мою, обнял меня.

— Не плачь, папочка, я самый счастливый.

Нос зашмыгал, по моему лицу градом посыпались слезы. Я был не в состоянии ни сделать, ни сказать чего-нибудь вразумительного. Я потянулся за коробкой конфет и, передавая ее ему, в первый раз заговорил с ним:

— Держи, Стевича, это для тебя.

Он нерешительно взял коробку обеими руками, так как для одной она была тяжеловата.

— Не нужно было тратить, папочка.

— Да ничего страшного, Стевича. Я куплю тебе что-нибудь поинтереснее этого. Скажи мне, чего ты хочешь? — Судороги в горле почти сошли на нет, так что я мог отчетливо произносить короткие предложения. Он отступил чуточку назад и опустил глаза. Казалось, он раздумывал над тем, что бы попросить, но так и не решался начать.

— Скажи мне, Стевича, давай.

— Не нужно мне ничего покупать, папочка, — ответил он, и в тот же миг я почувствовал, как к горлу опять начало подступать напряжение.

— Я бы хотел тебе с чем-нибудь помочь. Просто скажи, с чем.

— Ну, знаешь, каждое утро, в воскресенье, я наблюдаю за тобой в Калемегдане, как ты стреляешь из лука. Я прячусь в кустах около замка и смотрю за тобой, как ты натягиваешь лук, а потом идешь собирать стрелы. Я бы хотел собирать за тебя эти стрелы. Это было бы... ну... как отец с сыном.

Я обнял его, чтобы он не заметил моих слез, скапливающихся в уголках глаз. Будто через легкую дымку, я увидел, как старый адвокат молча вытирал слезы ладонью и медленно кивал головой.

— Конечно, сынишка, мы всегда будем ходить туда вместе.

Стевича проводил меня до садовой калитки. Я положил руку ему на узкие, тощие плечи. Он нежно сжимал мою руку, словно прятал ее от кого-то.

— Приходи еще, — прошептал он.

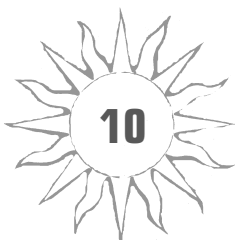
— Я приду, не бойся.

Той ночью мы с Лидией долго разговаривали в постели. И снова я был удивлен ее добродушием. Она восприняла этот неожиданный поворот событий как самое наилучшее возможное решение для нас обоих. Она плакала, когда я рассказывал ей о моей встрече со Стевичем.

— Этому мальчишке действительно повезло. Я всегда мечтала о том, чтобы кто-нибудь меня так полюбил.

— Я люблю тебя, как никогда раньше, — произнес я и поцеловал ее в лоб. — Этот мальчишка принес мне столько любви, что я теперь чувствую, что могу полюбить весь мир. — Я обнял ее и прижал к себе... Мы заснули с первыми лучами солнца. Мой нос был наполнен успокаивающим, как теплое прикосновение матери, ароматом ее кожи. В тишине я чувствовал спокойствие, ласковую утомленность и переполняющую меня радость.

Вы, наверное, догадались. Через девять месяцев Лидия родила мне ребенка, и так у нас появился Ненад, мой сын.

Следующие несколько лет растаяли в моей памяти, как караван из плотных картинок. Мой образ жизни отец скорее всего назвал бы нормальным, за исключением того, что у меня не было постоянной работы. Я зарабатывал больше, чем Лидия на полной ставке, и это вводило его в ступор. Для него работа считалась чем-то твердым, как религия. И когда его друзья интересовались, где и кем я работаю, то он нервно отвечал, что я был «фрилансером». Однажды мать мне рассказала об этом.

Когда я вспоминаю это время, то по большей части вижу себя рядом с Ненадом. Я провел с ним замечательные дни. Я водил его в парк по утрам, терпеливо кормил, вел пустые разговоры с матерями других детей. Передо мной проплывают живые образы того, как я сижу на скамейке в парке, отвечаю на вопросы собравшихся вокруг меня женщин, которые спрашивают о еде, которую я ему даю, о вакцинации и детских болезнях. Помню, как я потерял всякое отвращение к запаху фекалий и мочи, когда менял памперсы.

Однажды, после стольких лет с Ненадом, я очень сильно испугался, когда он подавился во время еды. Я до сих пор могу видеть его розовое лицо и вспоминать, как дрожали мои ноги, когда я встряхивал его и стучал кулаком по спине, пока он не выкашлянул тот кусок мяса. До того, как он родился, я тешил себя тем, что мне неведомы страхи, что я освободился от них, но затем я стал бояться за него, и я не хотел избавляться от этого ощущения.

Каждое воскресенье я брал Стевичу с собой в клуб по стрельбе из лука, что располагался в Калемегдане, после чего, к обеду, мы возвращались домой. Казалось, у меня начиналась нормальная жизнь, от которой я получал удовольствие. Жизнь протекала беззаботно до тех пор, пока не заболел Ненад. Я не хочу признаваться в этом, однако я все же опасался того, что его болезни, которые окружающим людям казались обычными для ребенка, могли быть смертельными. Под давлением таких опасений я становился нервным, кричал на мать и Лидию, спрашивал совета у множества различных докторов. Я не мог сознаться, что боялся его смерти, однако такое чрезвычайное беспокойство выражалось мной как возможность, что «что-то могло бы случиться с ним».

Чувство облегчения постепенно и неосяземо перерастало в чувство беспокойства. Когда я пребывал в хорошем настроении, то рассматривал свое чувство тревожности как духовную чесотку, из-за которой иногда впадал в депрессию. Воспоминания от Стокгольма начали рассеиваться, так что я смотрел на себя как на оккультиста в отставке. Иногда меня даже посетила мысль, что вся моя духовная жизнь закончилась операциями, которые я провел с Гунилой Бериман. С каждым годом давние воспоминания становились для меня все ценнее. Это касалось не только ритуальной инициации, которая сейчас приобрела волшебную затуманенность чудесного полубабения, но и разговоров в доме у Астрид Монти, дружеских отношений с Джимом и слов алхимика, которые, словно вырезанные на твердом дереве, навсегда остались со мной. Интересно, что с ним случилось, через какие переживания прошел этот необычный человек? Время, проведенное в его доме, казалось мне теперь наиценнейшим подарком. Возможно, я мог бы попросить у него разрешения отправиться вместе с ним в путешествие, или хотя бы попробовать спросить. Я упустил свою золотую возможность, получив взамен лишь сожаления, которые сейчас в жизни, подобно рыбешкам в аквариуме, только приумножились.

Моя репутация оккультного эксперта возрастала, и я получал письма от неизвестных людей, нуждавшихся в совете. Случалось и так, что кто-то неожиданно появлялся у меня, желая просто поговорить. Поначалу такие вещи доставляли мне удо-

вольствие, однако со временем они стали выводить из себя. Люди приходили в воскресные вечера, даже иногда под ночь, извинялись, но были в то же время настойчивы в своем устремлении принять их и выслушать проблемы.

Я делал пожертвования журналу Игоря Виславского, а также время от времени писал для трех остальных известных еженедельников. Я давал лекции на открытых спикерских трибунах, появлялся несколько раз на телевидении, начинал писать, говорить и думать о вопросах, о которых лишь где-то прочитал и с которыми сам лично не сталкивался. Если вкратце, то я рассчитывал только на библиотеки, обсуждая вопрос не с глубокой, внутренней точки зрения, а лишь передавая информацию, без личных озарений.

А затем я принял поворотное решение. Я завершу то, что так долго откладывал. Я допишу книгу о Юнге, Кроули и Райхе и положу конец такой жизни. Я направлю себя к новым переживаниям и объединю их каким-либо образом со своей настоящей жизнью. Отдавайте кесарево кесарю, а Божие — Богу. Без второго моя жизнь была бы вялой и несчастной.

Казалось, мое решение запустило цепочку событий, в которой каждая предыдущая ситуация формировала последующую. Друг детства, Йовица Сокич, предложил мне бесплатное жилье в доме в Котез Неймар. Пожилая тетя Йовицы, с которой он жил, скончалась, и он уезжал в Новую Зеландию на два года. Мне понравился дом: просторные комнаты, уставленные старинной мебелью, прекрасный сад с огромным и славным вишневым деревом посередине. Дом располагался в центре тихого района. На тот момент мы жили в двухкомнатной квартире, которая досталась Лидии от завода, но когда Ненад пошел в школу, мы начали чувствовать себя стесненно.

Мы въехали в дом накануне Нового года, сразу после ее похорон. В качестве одолжения Йовица попросил нас устроить сороковины. Я согласился, но, обещая ему, у меня было странное ощущение, что я проигнорирую эту просьбу. Мимолетное чувство вины казалось более выносимым, чем те усилия, которые я должен был предпринять для поминовения.

Мы наняли для помощи домохозяйку и создали все условия для того, чтобы я, наконец, закончил книгу. Несмотря на это, период затишья продолжался. Было совершенно неважно,

приносила ли мне Иванка кофе и ставила его тихо на стол, проводил ли я за работой полдня в тишине, наслаждался ли видом на тихую улицу... Лишь одно очень странное событие смогло разбудить меня от затянувшейся апатии.

О Юнге я в основном узнавал из его автобиографии. Большую же часть времени тратил на изучение его оккультных и мистических переживаний. Описывая период затянувшегося одиночества после разрыва с Фрейдом и всем психоаналитическим обществом, Юнг говорил, что в его доме царил напряжение. В доме днем и ночью появлялись привидения, которых он интерпретировал как манифестацию своей встревоженной психической энергии, раздавались необычные звуки, которые иногда становились громкими. Однажды вечером, как пишет Юнг, вся его семья сидела в саду и попивала кофе. Большой колокольчик у ворот, за веревочку которого надо было тянуть одной рукой, начал звонить сам по себе. Однако у ворот никого не оказалось. Сразу после этого события Юнг пустился в глубокий медиумический транс и, пребывая в таком состоянии, получил текст для своей необычной книги «Семь проповедей к мертвым». Он не был готов к тому, чтобы опубликовать книгу под своим именем, и опубликовался под псевдонимом «Василид из Александрии», а студенты, дабы не навредить его репутации, годами держали в секрете настоящее имя автора этого мистического и медиумического послания.

Я жаловался Лидии, что пишу о переживаниях Юнга, когда сам не испытывал ничего подобного.

— Что ты хочешь этим сказать? — с нескрываемым сомнением спросила Лидия. И в один момент меня осенило — я понял, что мои слова о том, что я не испытывал ничего подобного, были далеки от правды. В канун Нового года, на второй день после нашего въезда, стакан с водой из толстого стекла, стоявший на столе между нами, внезапно взорвался.

— Такое явление обычно говорит о том, что кто-то в семье только что умер, — сказал я Лидии и в тот же миг позвонил ее и моим родителям, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. После того вечера с чердака стали довольно часто доноситься какие-то странные звуки, будто кто-то волочил битком набитый мешок, стучал, скрипел или щелкал кнутом.

— Кажется, бабушка жалуется на то, что мы не стали проводить поминовения, — сказала как-то вечером Лидия. С тех пор, как только мы слышали странные звуки, мы стали приговаривать, что это снова были проделки бабушки. Иванка, наша домработница, была одной из здравомыслящих женщин на деревне. И когда Лидия поведала ей о тех странных звуках, что были слышны всю ночь, она рассмеялась и сказала:

— Мадам Лидия, вы же образованная женщина, как вы можете верить в такие-то вещи?

На дворе стоял конец февраля, но выдался по-весеннему теплый полдень, нападавший за прошлую ночь снег начинал подтаивать. Одурманенный лучами теплого солнца, я окунулся в сон. Во сне мне послышался громкий звонок, однако он меня не разбудил. Иванка прибежала ко мне в комнату, вся белая от страха, и, трясая меня, начала будить. Она практически кричала:

— У двери никого нет!

Я не мог понять, о чем она говорила. Дверной звонок продолжал трезвонить. Я подошел ко входной двери. Через ее стекло виднелись кучи грязного снега в саду и продолжавший трезвонить электрический звонок. У двери действительно никого не было. Иванка мыла посуду, когда этот звонок зазвонил, и когда она поняла, что у двери никого нет, ее рационализм мгновенно исчез, превратившись в сильный страх. Это был очень старинный звонок, так что мне пришлось раскручивать его несколько раз, чтобы отключить звук.

— Возможно, из-за влаги замкнуло проводку, — сказал я вернувшейся с работы Лидии, когда рассказывал ей о том, как перепугалась Иванка. Следующие пару суток звонок трезвонил днем и ночью, так что мне пришлось его заменить. Какова бы ни была причина, он звонил как-то необычно и продолжительно, похоже, это был однозначный случай синхронизма с переживаниями Юнга, о которых я размышлял и писал в те дни.

Было сложно понять, почему это событие сдвинуло меня с места, но я все же отправил письмо Кену Гамильтону в Лондон. Он тщательно следил за тем, чтобы никто не вмешивался в его частную жизнь, так что никто не знал его адреса, и мне пришлось отправить письмо через издателя. Я особо не ожидал, что дождусь ответа, но все же он не заставил себя долго ждать.

Дорогой Брат Богдан, делай, что хочешь, таков весь закон. Я с удовольствием прочитал ваше письмо. Вы первый из Югославии, кто заинтересовался Алистером Кроули. Я чувствую, что ваше намерение написать книгу о Кроули представляет особую важность для дальнейшего расширения человеческого сознания на этой планете. Я предлагаю вам всевозможную помощь в этом. Помимо всех источников, которые вам подобает использовать, я рекомендую вам ознакомиться с «Признаниями», то есть его автобиографией. Если ваша книга будет развиваться и дальше, то я предоставлю вам в распоряжение его неопубликованные письма и фотографии. Я бы мог встретиться с вами в следующий вторник между 10 и 11 часами утра. Мой адрес: Праймроз Гарден, 39 (прошу вас о нем больше никому не говорить). До меня можно добраться на поезде, идущем до Эджвер Роуз, либо на всем том, что идет до Колиндейла. Выходите на станции Brent Cross и от нее поворачивайте направо, как дойдете до второй улицы. Как только пересечете Кресент Роад, то окажетесь в начале Праймроз Гарден. Я буду рад встретить вас.

Любовь есть закон, любовь послушная воле.

Брат Алейн, 489

Поезд прибыл на станцию Brent Cross на полчаса раньше. Я остановился на чашечку кофе в одной захудалой кафешке, которую держал седой индус. Дело было утром, так что в кафе кроме нас никого не было. Пока я прихлебывал слабый английский кофе, который по крепости не уступал воде с сахаром, я представлял себе, как бы выглядели домработница и секретарь Кроули, поскольку еще никто не видел его фотографии. Скорее всего, я бы опять пришел в изумление, так как люди обычно выглядят совершенно иначе, чем мы их себе представляем.

Я не удивился, когда Кен Гамильтон сам открыл мне дверь. Он протянул руку и, немного сжав мою, произнес: «Добро пожаловать. Надеюсь, вы доехали хорошо». Ему было около шестидесяти, одет он был как английский джентльмен-консерватор из верхушки среднего класса — клетчатый темно-серый жакет, изящные серые брюки из тонкой шерсти и коричневые блестящие кожаные туфли. Оливковая рубашка на нем прекрасно сочеталась с алым шерстяным галстуком. На гладко причесанных темных волосах не было видно седины, как это

бывает у венгров. Только глаза выбивались из общей картины знатного сдержанного джентльмена. Светло-зеленые, ясные и искренние — редко когда можно встретить такие глаза у пожилых людей. И эти широко открытые глаза полностью фокусировались на собеседнике. Из-за их блеска, можно было даже подумать, что глаза его были из стекла, или что он носил линзы, как женщины из шоу-бизнеса.

Я ожидал, что он меня встретит традиционной телемитской фразой: *«Делай, что хочешь, таков весь закон»*. Я был рад, что он избежал этого неуклюжего вступления. Кен отвел меня наверх, в свой рабочий кабинет. Стены были уставлены книгами, рисунками и картинами. На некоторых изображениях чернилами и углем я узнал манеру Остина Османа Спэра. Репродукции тех же самых рисунков я встречал в его книгах *«Обожествления подсознания»* и *«Новая жизнь магии»* (приблизительный перевод названий книг).

— Есть сэндвичи и немного хереса. Пожалуйста, угощайтесь.

Кожаные кресла протерлись от долгого использования, ковер похудел; большинство старинных книжек на полке были мне незнакомы. Тонкие шелковые занавески на окне закрывали собой пустынную улицу, по которой я шел до его дома. Комната находилась с ним в полной гармонии, в ней чувствовались благопристойность и долголетие, поскольку годами там ничего не менялось.

— Я был бы куда более счастлив, если бы вы написали книгу об одном лишь Кроули, но, конечно же, это исключительно ваше решение, — промолвил он и приятно улыбнулся. Приняв расслабленную позу в кресле напротив меня, он скрестил ноги и, переплетя пальцы, положил руки на колени.

— С первого взгляда все эти три личности разнятся друг с другом. Но на самом деле между ними есть много чего общего. Например, Вильгельм Райх неразрывно связан с Кроули. Он ясно рассказал о том, что происходит, когда блокируется и подавляется социальным табу выражение жизненных энергий. Я бы не удивился, если бы он был знаком с учением Кроули. Конечно же, по этому поводу нет никакой информации.

— Я понимаю, о чем вы говорите, но сексуальная энергия и ее использование соответствуют телемитской методологии. Учения о свободе воли и полном освобождении человеческого существа представляют чрезвычайную важность.

— Именно об этом Райх и говорит. Подавление свободного потока сексуальной энергии ведет к созданию нервно-мышечных блоков, щитов из нервов, защищающих человеческое тело. Трудно представить духовно освободившегося человека, скованного физически.

Мне показалось, что моя попытка выразить несогласие по поводу его точки зрения может испортить этот визит в такое место, доступ куда имеют немногие, однако он меня успокоил:

— Возможно, вы и правы. Я не очень хорошо знаком с Рейхом. Прочитал всего лишь одну из его книг. Это было очень давно, так что я не помню, как она называлась. Расскажите мне что-нибудь о себе.

— Особо нечего рассказать, жизнь оккультистов похожа на жизнь яиц, которые выглядят одинаково, как ни посмотри. Несколько лет назад меня посвятили в Стокгольме в одно братство. Ритуал оставил у меня сильное впечатление, однако сами переживания начали угасать со временем. Люди толпятся вокруг меня, однако я сам чувствую себя одиноко. Нет того, похожего на меня человека, с кем бы я мог поделиться своими переживаниями, и что самое ужасное, у меня больше нет новых поистине ценных переживаний. В некоторый период своей жизни я испытал несколько глубоких озарений, которые меня больше не посещали до сегодняшнего дня.

Я надеялся, что он, возможно, направит меня на истинный путь избавления от духовной апатии. Если бы он мог сказать одно слово, то решающее слово, которое смогло бы опять запустить поток предыдущих инсайтов... но он рассеял мои ожидания.

— Такое случается... И как называлось это братство в Стокгольме?

— «Меч Одина». Это официальное название — в братстве его называли просто орденом Одина.

— А-а-а-а, Халинг, — произнес он с небольшим удивлением.

— Вы знаете Халинга?

— Лично с ним никогда не встречался. Какое-то время мы переписывались. Насколько я знаю, он ушел из организации и пошел по собственному пути.

Конечно же, я был удивлен услышанным. Он с сочувствием кивнул головой и быстро добавил:

— Такое часто случается. Люди находятся вместе друг с другом до тех пор, пока испытывают нужду во взаимном психологическом и духовном взаимодействии. Когда такие отношения достигают нижней отметки, людям приходится расходиться, если они не хотят... Давайте поговорим о вашей книге. Вы будете писать книгу на родном языке, правильно я вас понимаю? Я готов помочь вам. Лучшим для этого временем будет тот момент, когда вы завершите работу над первыми набросками своей рукописи. Вам нужно будет послать мне короткую выжимку рукописи, и тогда я посмотрю, чем смогу помочь. Читали *«Магические и философские комментарии к „Книге Закона“»* Кроули?

— Нет, эта книга была опубликована?

— Да, не так давно Джон Саймондс и я опубликовали ее... Я могу предоставить вам копию... Для меня было бы удовольствием преподнести копию этой книги в качестве подарка. — Он неторопливо поднялся с кресла и направился к полке. Было заметно, как он волочит левую ногу, походя тем самым не на хромого, а на человека, страдающего артритом или каким-нибудь заболеванием тазобедренного сустава. Он достал книгу в твердой темно-голубой обложке и с улыбкой на лице протянул ее мне. На обложке была изображена золотая копия Стелы Откровения, на которой Нюит представала в образе небесного свода, богини безграничного пространства. — Текст достаточно сложен. Кроули не пытался изъясняться на простом языке. Ему нужно было видеть усилия самого читателя. Она, несомненно, поможет вам.

Я открыл книгу. Сам текст «Книги Закона» был напечатан красными буквами, в то время как комментарии Кроули — черными. На обложке я заметил цену книги для Великобритании, двадцать пять фунтов, что принесло мне определенное удовлетворение. Никто не сможет достать эту книгу. Как бы он отреагировал, если бы узнал, что я немного раскритиковал самого Кроули? Держа в одной руке книгу, будто взвешивая ее, я нерешительно произнес:

— Я во многом не согласен с Кроули. Видите ли, его учение о свободе воли приводят в восторг, но, как мне кажется, сам он был сломленной личностью. Он эгоистично и раздражительно относился к своим ученикам. — Я был сам удивлен тем, что сказал это напрямик, поэтому быстро добавил: — Ну, конечно же, вы это и сами хорошо знаете, так как были рядом с ним.

Он рассеял мое чувство смущения следующими простыми словами:

— Кроули являлся многоуровневой и многомерной личностью. Разные люди находили в нем разные аспекты его личности, конечно же, они целостно воспринимали эти аспекты. Но в этом и крылась ошибка... Одни видели в нем эгоистичного человека, даже настоящего эгоиста, другие — Великого Учителя, а третьи воспринимали его как воплощение любви... все зависело от того, на какой аспект личности они обращали внимание больше всего. Возможно, вы читали где-то, что некоторые видели в нем дьявольского пророка... Он часто и намеренно находил предлог утвердить таких людей в их мнении.

— Некоторые характеристики его личности неприемлемы для обычного человека. Он провозгласил копрофагию, поедание фекалий, как высший ритуал посвящения Ипсимуса. Даже будучи абсолютно толерантным человеком, такое едва ли можно принять.

Кен Гамильтон неспешно встал со стула, прошаркал больной ногой к окну и молча уставился на пустую улицу. Затем повернулся ко мне. Его лицо и стеклянные глаза потеряли выразительность, и, взвешивая слова, словно пытаясь оценить, сколько я смогу вынести или понять, он ответил:

— Большинство людей относятся к этому действию с полным отвращением, но Кроули не был психопатом. Цель такого ритуала состояла в том, чтобы доказать самым затруднительным образом, что он преодолел дуальность вселенной, — и, медленно указывая пальцем на книгу у меня на коленях, он добавил: — На двадцать третьей странице первой главы вы найдете его комментарий, который гласит, что тот, кто разрушил в себе чувство дуальности, стоит выше всех людей. Поистине просветленное существо видит во всем одно. Вы, наверное, знаете, что ответил один просветленный дзен-учитель на вопрос учеников о том, что из себя представляет Будда? — Он сделал паузу, и по его лицу растянулась ироничная улыбка. После чего сильным голосом он произнес: — «Будда — дерьмо собачье!» Учитель не преследовал целью подорвать значение Будды — все дзен-мастера проявляют к нему глубокое уважение. Своим ответом он выразил знание просветленного мудреца о том, что дуальность является причиной всех наших проблем.

Тот, кто выбирается за ее пределы, избегает ловушек дуальной вселенной. — Он посмотрел сначала на меня с едва заметным любопытством, а затем на часы.

— Мне пора выдвигаться, господин Гамильтон, — быстро произнес я и встал. — Спасибо, что приняли меня. Я пошлю вам краткую выжимку рукописи, когда закончу над ней работать.

— Полно формальностей. Можешь называть меня Кеном. Я провожу тебя. — Он с трудом проводил меня до деревянной лестницы. Открыв левой рукой входную дверь, он протянул мне правую для рукопожатия.

Это был мой последний шанс, когда я мог попросить его о помощи.

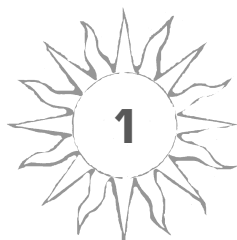
— У меня есть один вопрос. Раньше я часто контактировал с Айвазом, получая ценные инсайты, но последние несколько лет прошли безрезультатно — ко мне не приходит никакой ценной информации. Это беспокоит меня. Можешь ли что-нибудь посоветовать мне?

В его глазах уже не было того блеска, а от улыбки исходила печаль. Медленно кивая головой, он произнес:

— Это наша судьба, Богдан. Контакты с высшим разумом сравнимы с вдохновением художника — и там и там невозможно форсировать события. Они приходят и уходят, когда захотят. Мы должны принимать их как подарки судьбы.

Часть IV

Тренинг-семинар по системе АСТ проводился в конференц-зале отеля «Роял Интернешнл». Я знал эту часть Лондона, она пролегла между Хай-стрит Кенсингтоном и Южным Кенсингтоном. В субботу, в полдевятого утра, перед помещением для обучения уже собралась большая группа людей. В основном эту группу представляли люди свободных профессий: шумные жестикулирующие журналисты в джинсах, чопорные менеджеры в элегантных костюмах, длинноволосые музыканты и фотомодели, подчеркивающие свою горделивость. Общаясь с ними, я обнаружил, что все они были осведомлены о том, что будет происходить на тренинге. В их голосах слышались интерес и ожидание озаряющего переживания. Некоторые из них посетили вступительный семинар, на котором предыдущие участники делились своими глубокими переживаниями, которые испытали по окончании семинара. Некоторые из них открыто выражали свою обеспокоенность тем, что АСТ не сможет помочь им преодолеть те проблемы, из-за которых они пришли сюда. Однако же я был склонен полагать, что как раз противоположная возможность вызывала в них страх: что если АСТ действительно изменит их жизнь?

Оттого, что я осознавал эмоциональное состояние других участников тренинга, мое собственное беспокойство не убавлялось. Если бы я относился к своим проблемам совершенно новым образом, смог бы я вынести разрыв старых связей и создание новых привязанностей? Что бы произошло, если бы жизнь действительно изменилась, и мне больше не пришлось

бы играть в стандартные игры в обществе? Да, от них меня уже тошнило, но они вселяли в меня чувство защищенности... И, кроме того, что если я бы понял, окончательно и бесповоротно, что лишь я сам, и никто другой, несу ответственность за мерзкие переживания всей своей жизни — понимание, которое я получил благодаря людям, прошедшим АСТ?

Пожилой человек среднего роста в харрисском твидовом пиджаке взял мои наручные часы, положил их в бумажный пакет с моим именем и приколот на отворот моего пиджака белый значок, на котором жирными буквами было написано: «БОГИ». Затем крепко пожал мне руку и поприветствовал: «Добро пожаловать, Боги, успешного тренинга».

Рыжеволосый человек в очках в тонкой проволочной оправе о чем-то спросил меня, однако я не понял его вопроса. В этот момент отворились большие двери в конференц-зал. Кудряво-волосый тридцатилетний человек в темно-голубом костюме, белой рубашке и полосатом галстуке резким голосом объявил:

— Меня зовут Джейк, я являюсь первым ассистентом этого тренинга. Я вам должен кое-что рассказать, поэтому слушайте внимательно. Можете заходить в зал для тренинга. Никаких разговоров. Нельзя ни есть, ни пить, ни курить... Нельзя ходить в туалет без разрешения тренера. Пожалуйста, занимайте места в каждом ряду, начиная с первого. Заполняйте все места!

Я попытался занять место в первом ряду, но, пока пробирался через толпу, все места там оказались уже занятыми. Я уселся во втором ряду и, осматривая просторный зал, распознал в себе готовность к будущим событиям. Раньше я выбирал задние ряды, но с тех пор изменился и теперь был готов подвергнуть себя самым неожиданным переживаниям на таких семинарах.

По моим подсчетам в зале присутствовало около двухсот пятидесяти человек. У каждого на значке было написано краткое имя, которым, как предполагалось, мы должны были пользоваться. Темно-красные шторы были задернуты, и благодаря освещению, исходившему от потолка и стен, зал стал походить на телевизионную студию. Над нами возвышался красивый большой подиум, походивший на театральный помост, посередине которого располагались ивовое кресло-качалка и большая классная доска. Джейк взошел на подиум и сильным

офицерским голосом объявил: «Для меня большая честь быть ассистентом самого Роберта Акермана на этом семинаре! Пожалуйста внимательно, что я вам скажу. Перед тем, как начать что-то комментировать, попросите сначала микрофон. Это понятно? Во время семинара запрещено делать какие-либо записи. Ваша единственная цель — переживание. **Переживание!** Попробуйте это четко осознать».

Я оказался между лысым тридцатилетним человеком в очках и женщиной средних лет с рыбьим лицом, принявшим страдающее выражение.

— Вы читали «АСТ: Книга Жизни» Флеминга? — тихим голосом спросил меня лысый человек.

— Нет. Я прочел все, что только попало мне в руки, но никогда не слышал об этой книге.

— Очень жаль. Эта книга, безоговорочно, лучшая в своем роде. Флемминг обладает необыкновенной памятью, он записал в книгу все известные ему семинарские техники. У меня такое впечатление, будто я уже прошел семинар. Однако волнение перед публикой все еще сохраняется.

Я уже собирался сказать, что от моего страха не осталось и следа, но в тот же момент почувствовал, как в солнечном сплетении запорхала бабочка. Время шло, а Акерман так и не появлялся на сцене. Что-то не срослось в организации семинара. Поговорив с окружающими, я выяснил, что большинство пришло сюда по рекомендациям друзей и родственников, и большая их часть уже где-то что-то прочитала по семинару. Терминологию АСТ использовали все время: «здесь и сейчас», «открытие космоса», «предоставление свободы другому человеку, чтобы тот смог выразить себя», «разделение переживания с другими»... Мое чувство превосходства вернулось ко мне. Мне не понадобилось читать все четыре книги по АСТ. После первой же прочтенной мне стало ясно, из чего состояла АСТ и откуда взял Акерман элементы для семинара. «Здесь и сейчас» было гештальтом чистой воды, семантические процессы были позимствованы у Коржибского и Витгенштейна, открытие пространства и процессинг¹ были смесью всего со всем, основу ко-

---

¹ Направляемый и контролируемый тренером (оператором) процесс корректировки личностных установок, психологических состояний и т. п.

того составляли сциоларгическое взаимодействие и психология Карла Роджерса. В общем и целом, это походило на дзен для широкой публики. Требовалось всего лишь две пары выходных, чтобы наблюдать этот новый синтез.

Некоторые из систем подвергают последователей физическим упражнениям и телодвижениям. АСТ же приковывает людей к стульям, на которых они сидят по пятнадцать часов в день. В других системах используют санскритскую или суфийскую терминологию, а также новые слова, которые, по общему мнению, добавляют тексту научности. Тренеры АСТ говорят на языке улицы и, используя постельно-генитальную лексику и разгоряченные оскорбления в адрес участников семинара, выявляют их слабые места. Цель — рестимулировать человека. Одним из способов рестимуляции являлся запрет на кофе и сигареты, а также многочасовое сидение на стульях, от которого мочевого пузыря заполнялся до отказа. Акерман взял себе имя в честь одного успешного немецкого банкира, которым он восхищался. До этого его звали Майклом Розенбергом, и он был известен тем, что вел учебные курсы для продавцов. *«Я мог быстро обучить людей получать желаемое, — писал он в брошюре, являющейся автобиографичной в какой-то мере, — но когда они получали то, чего хотели, то задавались вопросом: „Эй, послушай, это не то, чего мы хотели“, который возникал у них из-за отсутствия такого рода переживаний».*

— «Переживание» являлось одним из главных терминов АСТ. *«Язык — ненадежный материал, — обучал в дальнейшем Акерман. — Психология — наука, ведущая в тупик. Ни один из десятков тысяч психологов не в состоянии предоставить вам реальное переживание. Даже если они вам скажут, что оно из себя представляет, вы все равно его не поймете, так как просто получаете словесное описание переживания. Это есть не что иное, как очередное вербальное дерьмо, дополняющее коллекцию основного дерьма, которая по вышине достигает размеров горы. Возьмем, к примеру, деньги. Мы, американцы, говорим о них все время. Деньги — символ эмоциональной безопасности. Деньги, прошу на это сейчас обратить внимание, не есть переживание безопасности. Люди хотят ощущать безопасность и копят деньги, работая круглосуточно в надежде ее обрести, но, тем не менее, они не получают желаемого. Они покупают вещи,*

которые сопутствуют безопасности, однако ни за какие деньги в мире нельзя купить ощущение этой безопасности. Бессознательные барьеры мешают человеку испытать ощущение безопасности. Если ему удастся распознать эти барьеры, разделяющие его с безопасностью, то может получиться так, что у него станет меньше денег, но вместе с тем у него, несомненно, появится больше опыта».

Когда я дожидался начала семинара, у меня было впечатление, что я снова, с равной долей надежды и скептицизма, поставил фишку на новое число. Начало моего исследования всегда сопровождалось большим энтузиазмом — критика появлялась позднее и непоколебимо росла, сопровождаемая неминуемыми трудностями, до тех пор, пока я не расставался с очередным учением и системой. В те годы неопытности каждая новая книга по оккультизму пробуждала во мне состояние блаженства, сравнимое с новой любовью, более волнующей, чем предыдущая. В этот раз я уже проявлял здравую сдержанность. Я был уверен лишь в одном — неважно, сколько удовольствия я получу от тренинга, АСТ все равно не сможет разрешить всех моих вопросов. Меня не покидала твердая и ясная как кусок льда мысль о том, что я никогда не найду окончательного решения из-за отсутствия его существования как такового. За пониманием ситуации последовала циничная уверенность в том, что, возможно, когда-то в будущем я снова поверю в то, что отыскал золотой ключ, открывающий все двери.

На сцене внезапно появился Акерман. Он выглядел точно так же, как на фотографиях в книгах по АСТ. Около тридцати пяти лет, высокий, стройный, но крепкий, в сером шерстяном жилете, из которого выглядывал воротник голубой рубашки. Фланелевые брюки без стрелки и легкие коричневые кожаные туфли. Изгиб носа придавал ему семитские черты лица, немецкие голубые глаза в сочетании с темным цветом кожи выглядели так, словно на них были цветные линзы. Он, как какой-то актер или ведущий телевизионной программы, легко передвигался по сцене. Один из ассистентов подбежал к нему с микрофоном. Взяв микрофон в левую руку и сжав ее в кулак, Акерман с грозным выражением лица начал свою речь:

— Я вижу, чем вы тут занимаетесь, люди. Вы не в состоянии соблюсти ни единого правила. Вам сказали — никаких

разговоров, а вы продолжаете болтать, как пьяные бабушки. Никаких разговоров! Вы понимаете, бараны и ослы, никаких разговоров! Здесь все по-моему и никак иначе. Вы знаете, что вы из себя представляете? Кишки. Информация входит в вас с одной стороны, выходит с другой, но особой разницы не наблюдается. Эй вы, кишки, вернитесь к реальности, вы, бочки с дерьмом, куча безмозглого мяса, проснитесь.

Нервозный хохот донесся с задних рядов.

— Кому-то там взади смешно, — кинул опасный взгляд Акерман на последний ряд. — Вас не кидает в стыд от самих себя? Вы, кучи мяса, вы даже не знаете, кто вы есть. Вы постоянно ходите в цирк, что творится у вас голове. Вы — кишки, и я хочу, чтобы вы хорошо взглянули на себя и осознали, что вы не более чем эти самые кишки. Для начала этого будет достаточно. Хватит ли кому-нибудь смелости признать и публично заявить при всех, что он — кишки с дерьмом?

В зале настало молчание. Было слышно глубокое дыхание моего соседа. Несколько людей с первых рядов повернулись назад и, разглядывая зал, ждали, пока кто-нибудь не встанет с места. Одна рука нерешительно поднялась в воздух. Это был студент начальных курсов, которому не было ясно, знал ли он ответ на вопрос учителя.

— Дайте ему микрофон, — сказал Акерман своим ассистентам, и один из них ловко передал микрофон человеку, сидящему в середине ряда. — Вставай и говори в микрофон, чтобы каждый мог тебя слышать.

Это был молодой длинноволосый человек с бледным лицом. Поднеся микрофон близко ко рту, он тихо произнес:

— Ладно, я — кишки, и что с того?

— Очень хорошо, — дружелюбно обратился к нему Акерман. — Благодарю тебя, Джош, за твою смелость. По крайней мере, у тебя есть шанс получить переживание в АСТ. У других же мудрецов его нет. Они думают, что они умные только потому, что спасают свои задницы тем, что ждут кого-то, кто бы подставил им свое плечо. Благодаря лишь этому немного мужественному юноше я расскажу вам один тщательно скрываемый секрет из Тантры Йоги. Секрет секса. Я расскажу вам то, что нужно знать о сексе, чтобы вести счастливую сексуальную жизнь. Хотите услышать его, а?

В зале опять наступила тишина, шеи вытянулись, и рот одного из участников сильно приоткрылся. В третьем ряду было слышно чье-то беспокойное дыхание.

— Я скажу вам, люди! — прокричал Акерман. — Когда вы хотите трахаться, вы трахаетесь! А когда вы не хотите трахаться, вы не трахаетесь! В этом и секрет, другого — нет.

За тишиной, которая продлилась еще немного, последовали робкий хохот с задних рядов, затем аплодисменты от двоих или троих людей, которые были подхвачены всеми остальными в зале. Они то становились сильнее, то ослабевали, как поднимающиеся и разбивающиеся волны. «Как искусно преподнесено», — подумал я.

Мы работали с процессами. Было очевидно, что Акерман позаимствовал их из уже установившихся систем: «Духовная Динамика» Александра Эверетта, «Субуд», образы-проводники Юнга, «Инсайт» Джолин, «Система-Источник» и некоторые другие, чьи истоки мне не удалось вычислить. Названия процессов, конечно же, были изменены. Проводимая им вступительная часть была посвящена основам АСТ. В ней не было ничего трудного. Мы должны были осознать, что для наших жизней был заложен неправильный фундамент, и что нам нужно надеяться на нашу способность их изменить. Всем своим поведением он демонстрировал эту точку зрения, не упуская при этом шанса выразить ее словесно.

— Я — ваш тренер, — заявил он пронзительно-громким неестественным голосом, — а вы — участники АСТ. Я здесь потому, что у меня все в порядке с жизнью, а вы здесь потому, что ваша жизнь и кусок дерьма не стоит.

Он стоял посередине подиума и говорил в микрофон, так что на его лице, да и на всем теле не двигался ни один мускул. Одни только глаза бегали по слушателям, перемещаясь по стономам.

— Ваша жизнь — грязное дерьмо. У вас, возможно, есть теории о жизни, огромные идеи или целые системы верований. Вы пытаетесь быть благоразумными, и что еще хуже, вы и есть благоразумные! Вы заплатили за тренинг сто семьдесят пять фунтов в надежде улучшить свою жизнь. И в следующие четыре дня тренинга вы будете прилагать все усилия для того, чтобы помешать себе улучшить эту самую жизнь. Вы заплати-

ли деньги за то, чтобы улучшить свою жизнь, а в итоге вы получите НИЧЕГО, это говорю вам я!

Тишина. Акерман довольствовался впечатлением, которое ему удалось произвести на публику. Он выглядел как человек, наслаждающийся своим собственным голосом.

— Вы думаете, что здесь вы познаете тайну успешной или счастливой жизни, или что-то в таком духе. Это все херня! Жизнь — игра. Для наличия игры что-то должно стремиться стать важнее всего прочего. Если же что-то уже важнее всего прочего, игры не будет, игра закончена. Вбейте себе в пустые головы то, что я вам сейчас скажу: жизнь — это игра, в которой несуществующее важнее того, что существует. Жизнь есть игра, проживание не есть игра. Проживание — ощущение переживания в здесь и сейчас, любой вид переживания. В этом нет ничего мистического, если только для дураков.

Темнокожий и темноволосый человек с высокими скулами и в черном элегантно блестящем костюме внезапно вскочил с кресла.

— Вот что я вам скажу...

— Сядь, Чато! — грозным голосом остановил его Акерман. — Подними руку и попроси микрофон, ты знаешь правила.

Чато, выглядевший как южноамериканский бизнесмен, сел на место и поднял руку, после чего к нему подбежал ассистент и протянул в руку микрофон. Явно сдерживая себя, он посмотрел искоса на Акермана:

— Если это так, то почему бездельник не встает с кровати по утрам? И не остается там навсегда? Он бы получил переживание, не так ли?

— **Конечно же, он бы его не получил!** Лодыри и неудачники остаются в постели из-за прошлых жизненных неудач, давления и страха посмотреть жизни в глаза и пережить ее. Если лодырь испытывает страх, он перестает быть лодырем! Он может встать или не встать с постели, но он все равно в ней остается, то есть избегает переживания.

Резким движением руки Акерман велел Чато присесть и, быстро оглядев зал, продолжил:

— Я должен сказать вам прямо: АСТ — **ничто! Вы получаете от АСТ то, что получаете.** Вы уже кое-что получаете от

него, но вы настолько глупые индюки, что даже не замечаете этого. Если бы у вас были мозги, вы бы встали, взяли свои сто семьдесят пять фунтов и ушли. И вы бы получили свои деньги обратно. Но вы — тупые, ваша тупость обходится вам в сто семьдесят пять фунтов и четыре дня тяжелой волокиты. Есть кому что сказать?

Слева от меня, на втором ряду, поднялась вверх рука.

— Бен, — наклонившись влево, чтобы прочитать имя, произнес Акерман. — Вставай, бери микрофон и говори, что желаешь сказать.

Беном оказался тощий длинноволосый бородатый молодой человек в толстых очках. На нем было шелковое разноцветное платье, закрывавшее его колени, столь типичное для сторонников восточной традиции и людей, живущих на Востоке.

— Друзья, рекомендовавшие мне АСТ, говорили, что семинар представляет собой сжатое и эффективное обучение по дзен. Вместо этого я слушаю вас, простите за откровенность, грубияна, поливающего всех грязью и делающего нелепые обобщения. Может, некоторые и недовольны своей жизнью, но говорить, что их жизни ничего не стоят, полная ложь.

— Я понимаю тебя, Бен, — держа микрофон у рта, Акерман спустился со сцены и подошел к первому ряду, встав напротив него. — У тебя приятная теория о том, что АСТ должен быть похож на сжатое обучение по дзен, и ты решил избавиться от всего, что не укладывается в твою теорию. Просто представь, какой у тебя была бы жизнь с такой теорией? Представь, что ты вот таким образом живешь долго.

Бен попытался сохранить спокойствие.

— Я уверен в одном, Дзен-Роши никогда бы так никого не оскорблял.

— Я не был столь уверенным. Насколько я знаю, многие Дзен-Роши били своих учеников, а когда не били, то орали на них.

— Но через оскорбления нельзя преподнести людям ценные знания о жизни.

— Конечно, поэтому я и сказал, что вы получите большое жирное ничто. Вы заплатили за это, это вы и получите. И, Бен, заткни рот и сядь на место, тупой задрот!

— Кому-то плохо! Здесь дама плохо себя чувствует! — слышался голос с задних рядов.

— Заткнись, придурок! — угрожающе рявкнул Акерман и перевел взгляд на другой конец зала. — Ты знаешь правило: хочешь говорить — подними руку. Я дам микрофон, в который ты и будешь говорить. Усек, болван?

— Мне плохо, — дрожащим голосом пробормотала женщина, закрывая горло рукой.

— Дай ей микрофон, — сказал Акерман ассистенту. — Говори, чего надо, старая сука.

Тишина. Голос женщины ослаб:

— Меня сейчас вырвет, меня тошнит от этого зрелища.

— Понимаю тебя, плачущая сука. Дайте пакет для рвоты. Держи пакет, ну, давай, выстреливай.

— Я не могу дышать, меня тошнит, я задыхаюсь, — едва слышались ее слова. На ней было элегантно-шанелевое платье бледного серого цвета; светлые волосы были убраны в пучок, оголяя длинную тонкую шею. Ее лицо побледнело, и на напудренном лбу выступили капли пота.

— Слушай, Джейн, на АСТ нужно ясно выражаться. Ты хочешь дышать, блевать или задыхаться? Хочешь дышать — дыши. Хочешь блевать — вот пакет. И хватит устраивать тут цирк перед сотнями людей!

В воздух поднялась еще одна рука.

— Да, я вижу тебя, Майкл, — произнес Акерман. — Возьми микрофон и выскажись.

— Как человека, меня оскорбляет ваше поведение, то, как вы унижаете эту даму. Вы могли бы дать ей пакет и без всяких грязных оскорблений.

— Я понимаю тебя, Майкл, — мягко ответил Акерман. Он пошел обратно к самой дальней стороне подиума и, сев на кресло-качалку, расслабился. Закрепив микрофон на жилете и скрестив пальцы на груди, он продолжал покачиваться и говорить: — Давайте взглянем на то, что только что произошло. Джейн захотела блевать — мы дали ей пакет. Ты хочешь защитить леди — мы дали тебе микрофон. Мы относимся к вам одинаково. Понимаете?

— Как человек, ты мог бы ей помочь.

— Да и я мог бы, конечно. В эту игру Джейн, скорее всего, играет часто в своем окружении. Бедная Джейн, маленькая бедняжка Джейн. Она заставляет нас всех смотреть на то, как

будет блевать. Мы должны проявлять к ней заботу. Я помог ей по-своему, ты — по-своему. Как мне кажется, мой способ лучше, так как, и тут внимание, Майкл, **ее не вырвало**. Хорошо, Майкл, садись!

Акерман с легкостью встал со стула и прошелся до доски, что стояла в центре подиума.

— Люди, слушайте внимательно. Вы действуете так же, как и лабораторные крысы. Если поместить крысу в лабиринт, в котором будет три выхода, и положить кусочек сыра перед третьим, то крыса быстро научится прибегать к третьему выходу. — Он быстро провел линию, которую впоследствии разделил на три, пометив крестиком третью. — Люди учатся точно так же — в этом и сходство между человеком и крысой. И когда на следующий день ему захочется сыра, он придет к третьему выходу и получит его. Тем не менее, разница между человеком и крысой не в пользу человека. Если в следующий раз убрать с третьего выхода сыр, то крыса только дважды либо трижды вернется туда, а затем остановится. Затем она будет искать сыр в другом месте. А человек? Он будет вечно приходить в одно и то же место. Вечно, говорю я вам, хотя там уже нет сыра и никогда больше не будет... Почему, почему вы, индюки и кретины, почему вы так поступаете? Потому что вы зародили в себе убеждение, что у третьего выхода вас ждет сыр. И вы будете ходить туда до конца своей жизни, невзирая на то, что говорят вам умные люди. Вы будете отстаивать это убеждение зубами и ногтями. Но там уже нет сыра, запомните это раз и навсегда, вы, куча дерьма, там нет сыра! К вашему же сожалению, вы — не умные крысы, вы — люди. Вы — кишки, забитые дерьмом, целые книги пишут о вашей системе убеждений, у вас есть какая-то философия, и даже у некоторых есть дипломы в этой области. Но у вас **нет сыра!**

Поднялась еще одна рука.

— Джек, начинай.

Пятидесятилетний человек с седеющими волосами и в полосатом костюме взял микрофон у ассистента и, сделав глубокий вдох, сказал:

— Знаете что, господин Акерман, человеку нужно во что-то верить.

— Это еще одно из ваших дурацких убеждений, Джек.

Джек посмотрел на все эти лица, что были обращены к нему, и продолжил:

— Человек уже перестает считаться человеком, если не верит в справедливость, правду... Бога.

— Еще одно убеждение, Джек.

— Но вы также строите убеждения, — заявил он и показал указательным пальцем на Акермана, ища при этом глазами поддержку от других участников. — Вы полагаете, что все убеждения разрушительны.

— Кто такое говорит?

— Я, это же очевидно.

— Очередное твое убеждение и причина, из-за которой твоя жизнь поглощена хаосом.

— Скажите перед всеми, разве все эти убеждения не являются ошибочными для вас?

— Нет, наивный ты кретин.

— Тогда вы верите, что большинство убеждений никчемны?

— Никак нет!

— Тогда во что вы верите?

— Ни во что. Я пытаюсь до вас это донести вот уже последние два часа. **У меня нет убеждений, у меня есть сыр!**

— Но вы же верите в факты и вымыслы.

— Нет, и в них я не верю. Я беру сыр.

— Ну, тогда вы опять играете словами.

— Точно, Джек. Я всего лишь играю со словами, и в моей жизни все в порядке. Вы верите в слова, и они играют с вами. Вот поэтому, Джек, ваша жизнь ничего не стоит. Там нет сыра, Джек.

— Я не понимаю.

— Конечно, ты не понимаешь, Джек, это нормально — не понимать. — Впервые на лице Акермана появилось что-то похожее на улыбку. — Только подумайте, в какой скукоте ты бы провел остаток времени на АСТ, если бы это понял.

Время неумолимо шло, и никто из нас не знал, какое время суток царило на улице. На стульях становилось больно сидеть, усиливалась боль в спине и шее. Животы урчали, мочевые пузыри были наполнены до предела, а во ртах царила засуха. Нас одолевали сонливость и немота, мы сидели с полуоткрытыми глазами. Когда кто-то закрывал глаза, даже на секунду, Акерман

как ястреб замечал это и кричал: «Глаза должны быть открытыми! Можете спать, но глаза должны быть открытыми!» Как и все остальные, я потихоньку начал думать, что он был недосыгаем для нас. Неважно, какие пустые и скучные доводы приводили участники, Акерман внимательно следил за ними, его внимание было острым, как только что выкованный серп. Он не только слышал слова, но и безошибочно распознавал эмоциональный фон, с которым они поступали. Он разносторонне подходил к понятиям, выворачивал комментарии наизнанку, как пару носков, в то время как участники погружались все глубже и глубже в туманную неясность. Казалось, что этот день никогда не пройдет. «Ответственность» большими буквами было написано Акерманом на доске.

— Вы понимаете, что вы ответственны за свои переживания? Конечно, нет! Вы не в силах уловить это. Поэтому ваша жизнь пребывает в глубоком дерьме.

Реакции не последовало, затуманенность спеленала сознание двухсот пятидесяти человек, лица которых оцепенели. Было уже поздно, и каждый из нас хотел скорее покончить с этим.

— Не спать, смотреть сюда! — кричал Акерман. — С этого момента вы должны взять ответственность за общение, так как мы изучаем его, так? Мы общаемся. Когда я общаюсь, я несу ответственность за то, как вы меня поймете. С другой стороны, вы несете ответственность за то, как вы поймете меня, и, что более важно, вы несете ответственность за любые добавления или упущения из того, что я вам сказал. Вот Мэри-Энн назвала меня ужасным грубияном. Я понимаю это. Допустим, я почувствовал себя оскорбленным и разозлился. Если у меня появились эти чувства, значит, только я ответствен за них, так как добавил их я. Она передала мне слова, но не гнев. Злобу я создал сам!

Его большие голубые глаза наблюдали за нами с подиума, дожидаясь реакции группы из двухсот пятидесяти человек.

— Я вас много раз называл кретинами. Осмыслите мое сообщение и посмотрите, добавили ли вы к нему что-то еще: гнев, ярость, обиду? Вы цепляетесь за все, что относится к вам. Ваша дерьмовая натура так вас устроила — вы похожи на роботов, которые по нажатию кнопки действуют тем или иным образом. Вы почувствовали обиду из-за того, что я вас назвал

кретинами. Отлично! Обида порождается и в счастливых семьях. Главное в том, что она идет от вас, а не от меня. Я только посылаю вам слова «вы — кретины», и больше ничего. Все остальное — дело ваших рук. Кто еще, как не вы, несете за это ответственность?

Никто не проронил ни слова, ни одна рука не взмыла в воздух, все им сказанное, казалось, не поддавалось сомнению, никакой аргумент не мог пошатнуть его утверждения.

— Сейчас мы будем работать над одним процессом, — спокойным голос промолвил Акерман. — Когда мы закончим работать над ним, у вас будет перерыв, и вы сможете сходить в туалет, что-то перекусить и выпить, — вздох облегчения пронесся по всему залу. — Процесс называется «Нахождение пространства в собственном теле и расслабление». Я хочу, чтобы вы тщательно поработали над этим, а не просто делали вид, что работаете, чем обычно вы занимаетесь в реальной жизни. Понимаете?

Пятнадцать минут он разъяснял нам подробно, в чем заключался процесс, возвращался пару-тройку раз к некоторым вещам, подчеркивая важность элементов процесса. Это было похоже на одно из тех упражнений по расслаблению, что даются на многих семинарах и в некоторых книгах, но Акерман вел себя так, словно он открывал участникам некую тайну.

Процесс длился чуть более получаса. Поначалу я испытывал некоторые трудности в работе с ним, так как то и дело думал о еде и апельсиновом соке. Постепенно процесс начал захватывать меня, я стал забывать о своем теле. Громко стонущий и плачущий сосед то и дело отвлекал меня. Я пару раз напрягся из-за мессианского хвастовства Акермана, однако должен признать, благодаря тому, что Акерман вел процесс, он проходил более интенсивно и усиленно, чем если бы мы проводили его в одиночку. По окончании от чувства голода и жажды не осталось и следа, только мочевой пузырь требовал похода в туалет.

Когда я вернулся на место, Акерман уже сидел в своем кресле. Он с энтузиазмом смотрел на то, как участники наполняли зал, словно ему было неважно продолжать. Должен кое-что здесь прояснить — он честно заработал каждое полученное им пенни. За перерыв он переоделся, и теперь на нем была белоголубая рубашка в полоску.

— В АСТ существует несколько аксиом. И, как вы уже знаете, они представляют очевидную истину. В конечном счете, в конце тренинга вы будете думать именно так. Пока же вы не подготовлены к этому. Человек, не видящий очевидного, — глупец. Понимаете меня? — Он взял мел и большими буквами на доске написал: «Вы — совершенны». После чего посмотрел на нас с приподнятой бровью. — Это и есть первая аксиома АСТ. Каждый из вас прекрасно укомплектован, однако некоторые барьеры мешают вам ощутить это.

Следующая аксиома как раз относится к этим барьерам, мешающим вам ощутить ваше собственное превосходство. Она гласит: «Спротивление порождает неисчезаемость». **Спротивление порождает неисчезаемость переживания.**

Он написал эти слова на доске под первой аксиомой и, подняв белый от мела указательный палец, посмотрел в левую и правую стороны зала.

— Этот необычайно простой факт влияет на вашу жизнь чрезвычайно сильно! До тех пор, пока вы сопротивляетесь различным ощущениям, они продолжают существовать. Единственный способ избавиться от ощущения, будь то эмоция, боль или что-то еще, — принять его. Это не значит, что его нужно игнорировать, делать вид, что его нет, или убеждать себя в том, что оно не там, как поступают люди, занимающиеся самовнушением или каким-либо другим похожим дерьмом. Игнорировать что-то, значит сопротивляться чему-то, а каждое сопротивление порождает неисчезаемость. Усекли?

— Шарлотта, возьми микрофон, — обратился он к женщине, поднявшей руку. Это была сорокалетняя женщина с толстым слоем косметики на тощем лице, во внешности которой чувствовалась некая раздражительность. Она несколько раз быстро моргнула и сказала:

— Всю свою жизнь мне говорили, что люди должны контролировать свои негативные эмоции. Разве это не означает, что мы должны встретиться с ними лицом к лицу и изменить их?

— Да, это означает именно это. И ты знаешь, Шарлотта, что это ни черта не помогает. Люди сопротивлялись столетиями, пытаясь контролировать их, но успеха это так и не принесло. **Слушайте, люди!** Это парадокс, который к тому же еще

и неприятен. Попытка что-либо изменить в большинстве случаев приводит к неискраеваемости. Если вы испытываете гнев и пытаетесь его подавить, то он продолжит существовать. Либо в той форме, в которой он был, либо в обновленной. Если вы напряжены и пытаетесь расслабиться, вы все равно будете напряжены. Если у вас болит голова, и вы попытаетесь этому сопротивляться, то голова от этого не перестанет болеть. Это понятно?

— Это всего лишь ваше убеждение, — произнесла женщина, наклонившись вперед. Монолог Акермана позволил ей успокоиться. Ее раздражительность исчезла, она стала уверенной и была готова бороться за свою точку зрения.

— Это не мое убеждение, это мой прямой опыт! Если вы будете работать так, как этого требует тренинг, то он появится и у вас.

— Как это отличается от убеждения?

— Как день и ночь.

— Но я не понимаю, как что-то может перестать существовать.

— Это же ясно, как дважды два четыре: воспроизведение переживания заставляет его исчезнуть.

— Ну, а теперь что это означает? Если я несчастлива, то мне нужно побыть несчастливой еще раз, после чего я стану счастливой?

— Ты, тупая женщина, воспроизвести переживание — значит вступить с ним в полный контакт, полностью ощутить его, выстроить его элементы один за другим. И когда ты окончательно воссоздашь его, оно исчезнет.

— Я поверю в это, когда увижу все собственными глазами.

— Да ничему не верь. Сколько раз тебе, тупой, нужно это повторять? Переживи это!

— Хорошо. Я зла на тебя. Как мне прикажешь это воспроизвести?

— Гнев ко мне? Очень хорошо. — Акерман неспешно спустился с края подиума и встал перед Шарлоттой. — И ты хочешь избавиться от него?

— Ну да, конечно, я это и сказала. Сколько раз мне нужно это повторять?

— Очень хорошо, Шарлотта, ты быстро схватываешь. А теперь давай посмотрим, как ты сможешь воспроизвести свой гнев. Закрой глаза и сконцентрируйся — что ты ощущаешь в своем теле?

— Я чувствую напряжение в животе, дрожь в руках, а также ощущаю ваше тщеславие.

— Хорошо. У нас есть два переживания и одно убеждение. Убеждение по поводу моего тщеславия мы оставим тебе, но теперь я хочу, чтобы ты взглянула на оба этих ощущения. В какой части руки ощущается дрожь?

— В пальцах.

— Почувствуй дрожь как можно сильнее. Сделала? Очень хорошо. А теперь скажи мне, где именно ты ощущаешь напряжение в животе?

— Где-то здесь, — ответила Шарлотта, показав на живот указательным пальцем.

— Сколь глубоко это напряжение в животе?

— Ну... где-то около восьми сантиметров.

— Как ты ощущаешь это напряжение?

— Похоже на сдавливание выше пупка.

— Отлично. И насколько велико это сдавливание?

— С кулак... даже больше, чем мой кулак.

— И как глубоко оно уходит в живот?

— Точно не знаю... может, на пять сантиметров, может, чуть больше.

— Очень хорошо. Какая форма у этого давления?

— Круглая, как у мяча.

— Прекрасно. Какого цвета это давление?

— Цвета? Что значит — цвета?

— То и значит. Какого цвета?

Шарлотта замолчала на целую минуту. В зале можно было услышать лишь тихий звук работающего кондиционера. Кто-то прокашлялся, и Шарлотта заговорила:

— Темно-красный цвет.

— Очень хорошо, давление темно-красного цвета. Какого оно размера?

— Как мячик для гольфа.

— Какого цвета?

— Как красный цвет лица.

— И как глубоко оно уходит в живот?

— Оно сейчас как раз под кожей.

— Скажи мне сейчас, какого размера давление?

Шарлотта опять замолчала. Она сморщила лоб, как будто пыталась разглядеть какой-то неясный образ вдали.

— Давай, Шарлотта, мы не можем бесконечно ждать. Мы арендовали зал всего на пару дней. Какого размера это давление в животе?

— Я его не чувствую... вообще-то, оно пропало.

— Понимаю, — сказал Акерман, встав вплотную к Шарлотте. — Ты еще злишься на меня?

От облегчения Шарлотта засмеялась.

— Нет, ничего такого нет. Наоборот...

— Ты постепенно воспроизводила свое чувство гнева, и в итоге оно исчезло, не так ли?

— Ну, да.

— Спасибо, Шарлотта, — произнес Акерман в адвокатской манере, словно успешно провел перекрестный допрос свидетеля и выиграл дело. — Ты прекрасно взаимодействовала, я ценю это.

По залу пронеслись аплодисменты. Техника и вправду сработала, она, несомненно, была самой быстрой и эффективной среди тех, с которыми я прежде сталкивался. Процесс занял не больше пяти минут.

— У некоторых из вас болит голова, так? — поинтересовался у нас Акерман, возвращаясь на середину сцены. — Я не говорю сейчас о мигрени, от которой вы часто страдаете и которая развивалась у вас годами. С ними можно поработать посредством наших процессов, однако к ним нужен особый подход. Я думал о той головной боли, что началась у меня здесь, пару часов назад, и мешала мне пристально следить за развитием тренинга. Есть желающие? Джек, поднимайся на сцену.

Джедом оказался лысый толстый пятидесятилетний человек с красным лицом и большими баками такого же цвета. На нем были светлая разноцветная рубашка, на которой красовались пальмы, на ногах — ковбойские сапоги на высоких каблуках и джинсы, над которыми свисал большой живот.

— Сколько у вас уже болит голова?

— Где-то с час.

— Ты хочешь ощущать головную боль перед всей этой группой и отпустить ее, если она начнет уходить, или оставить ее, если она не уйдет?

— Да.

— Хорошо, Джед, закрой глаза и опиши свою головную боль. Нам не нужны твои убеждения, точки зрения, о чем ты там думаешь, и прочая херня нас не интересует. Опиши свое ощущение головной боли.

— Это... как сказать-то... какое-то неприятное давление в голове.

Держа микрофон близко у рта Джеда, Акерман обвел взглядом участников.

— Где в голове? Скажи нам, где именно?

— Здесь, позади глаз.

— Очень хорошо, Джед. Это полезная информация о твоём ощущении. Какого размера твоя головная боль?

Участники полностью успокоились, так что в зале было слышно только глубокое дыхание. Джед поразмыслил некоторое время, прежде чем дать ответ:

— Она размером с банку из-под кока-колы, которая перекачивается от одного виска к другому.

— Отлично. Какого она цвета?

— Похоже на пурпурный.

— Очень хорошо. Какой она формы?

— Цилиндрическая, с очень острыми краями.

— Отлично, цилиндрическая, с очень острыми краями. Как глубоко она позади глаз?

— Где-то около полутора сантиметров. Начинается отсюда и уходит вглубь на восемь сантиметров.

— Очень хорошо. — Акерман, явно довольный ответами, начал расспрашивать Джеда быстрее, так как тот отвечал без колебаний. — Какого размера у тебя головная боль?

— Я же уже сказал, размером с банку из-под кока-колы или из-под пива.

— Какого цвета?

— Голубоватого.

— Хорошо, а форма?

— Похоже на мяч.

— Какой размер?

— С яйцо.

— Превосходно. Какого цвета?

Комната разрывалась от молчания. Я отчетливо слышал, как часто дышал мой сосед, как проглатывала слюну одна стройная женщина.

— Голубоватый, как туман.

— Какой формы?

Джед нахмурил свои красные, блестящие от пота брови и, сдвинув их к центру лба, образовал на нем две глубокие морщины.

— Все стало, как в тумане... Округлая форма... как шарик для мороженого, но форма какая-то нечеткая.

— Хорошо, какой размер?

— С шарик для пинг-понга.

— Какого цвета?

— Туманного. То есть белый с малым оттенком голубого.

— Отлично. Какой размер?

Двадцать секунд от Джеда не было слышно и слова. Дыхание соседа участилось.

— Почти все пропало.

— Понимаю. Почти, значит оно все еще там. Скажи, какого оно размера?

— С арахис, оно начало исчезать.

— Превосходно. Какого цвета?

Наступили очередные десять секунд молчания, после которых Джед, пожав плечами, произнес:

— Его больше нет. Все исчезло.

— Болит голова? — наклонив голову в одну сторону, невозмутимо спросил Акерман, производя впечатление человека, который многократно проводил такие операции.

— Нет, вообще не болит. — Джед, с выражением пустоты на лице, открыл глаза, а затем снова закрыл их на какое-то время, после чего опять открыл и, разглядывая зал, уверенно сказал: — Все исчезло. Исчезло!

— Спасибо, Джед. Ты прекрасно поработал над процессом воспроизведения ощущения.

На этот раз разразились более громкие и более длительные аплодисменты.

— Есть всегда причина или повод, почему вы поступаете так, а не иначе. Этому нас учат еще в школе. Не так ли? —

По залу прокатился шумок сомнения, но ни одна рука так и не поднялась в воздух. — Я спрашиваю вас, это так? Франсис, возьмишь микрофон?

Это была стройная женщина с короткими золотисто-каштановыми волосами и большими сережками. Держа микрофон близко у рта и наклонив голову в одну сторону, она была похожа на ученицу средней школы, которая отвечает учителю:

— Конечно, всегда есть причина, почему мы поступаем так, а не иначе.

— Чушь! — внезапно выкрикнул Акерман. — Для всех ваших поступков есть всего одна причина: вы что-то сделали, потому что вы это сделали. Это и есть единственная причина!

— Вы так думаете? — вытянув шею и наклонив голову в другую сторону, спросила Франсис. — Я уверена в том, что я пришла на семинар АСТ, чтобы убедиться в том, что мой муж оказался прав, когда говорил мне, что это ценный семинар.

— Глупая женщина! Ты пришла на этот семинар, потому что ты пришла на этот семинар. Не веришь? — Акерман быстро окинул взглядом аудиторию слева направо. — Давай-ка посмотрим. — Подойдя к краю подиума, он приблизился к Франсис и, встав напротив нее, протянул ей обе руки, как будто он что-то держал в них. — Вот, Франсис, представь, что в левой руке у меня ванильное мороженое, а в правой — шоколадное. Выбери то, что тебе больше нравится.

Франсис, наклонив голову вправо и сжав губы, произнесла:

— Ванильное.

— Хорошо, Франсис, почему ты выбрала ванильное?

— Потому что мне нравится ванильное.

— Очень хорошо. Скажи сейчас громко, чтобы все слышали, почему ты предпочитаешь ванильное мороженое?

Франсис пожала плечами.

— Потому что оно вкуснее.

— Хорошо. Почему ванильное мороженое вкуснее?

— Не знаю, никогда не задумывалась над этим.

— Как я вижу, интеллектуальная деятельность не для тебя, ты ее переложила на плечи мужа. Но подумай сейчас и скажи нам, почему ванильное мороженое тебе кажется вкуснее?

— Потому что у него приятный нежный вкус.

— Ясно. Теперь объясни нам, почему у ванильного мороженого приятный нежный вкус?

Франсис потрясла головой:

— Я хотела сказать, что именно я ощущаю этот вкус таковым. Любой другой, возможно, будет ощущать этот вкус по-своему.

— Конечно, Франсис. Но почему ты ощущаешь этот вкус именно так?

— Ну, я не знаю. Мне с детства нравился вкус ванили.

— Скажи нам, почему тебе нравился с детства вкус ванили?

Она нахмурила брови.

— Дурацкий вопрос. Скорее всего, тут дело в моих вкусовых рецепторах.

— И так далее, и тому подобное — мы можем продолжать в том же духе до следующего утра, — громко произнес Акерман, обращаясь к группе. — На одном семинаре один человек на протяжении получаса находил все новые и новые причины предпочтения определенного вкуса, так что мы ушли далеко от реальной причины его выбора в пользу этого вкуса. — Он сделал паузу, а потом, акцентируя каждое произнесенное им слово, сказал: — Франсис выбрала ванильное мороженое, потому что она **ВЫБРАЛА ВАНИЛЬНОЕ!** Больше нет иного объяснения или причины. Я стою здесь и говорю, потому что я стою здесь и говорю. Вы сидите и слушаете, потому что вы сидите и слушаете. Другой причины нет, вы, тупицы и болваны. Запомните раз и навсегда: **вы — единственная причина ваших переживаний.** И поэтому только вы несете ответственность за них — ни ваш отец, ни ваша мать, ни коррумпированное государство, ни уличные бандюки или политики. Только вы, и больше никто.

После хорошо проделанной работы Акерман правой рукой поднял термос со стола и неспешно сделал несколько глотков.

— Перекладывая ответственность на других, вы становитесь следствием, результатом, но никак не причиной, — продолжал Акерман, показывая указательным пальцем на зрителей, словно пытаясь проколоть им глаза. — До тех пор, пока вы перекладываете ответственность на других, вы будете продолжать погружаться в дерьмо и ничего не сможете с этим поделать. Вы будете следствием, следствием, **СЛЕДСТВИЕМ!** Вы

никогда не будете причиной, причиной, ПРИЧИНОЙ! На свете нет ничего, за что бы вы не отвечали!

С заднего ряда показалась рука.

— Хорошо, Джордж, возьми микрофон.

Джорджем оказался седой седобородый коротышка, который, нетерпеливо выхватив микрофон, задыхался от желания высказаться:

— Хотите сказать, что я ответствен за мигрень, от которой страдаю с раннего детства?

— Ну да, кто же еще?

— Глупость. Моя мать всю жизнь страдала от мигрени, как и вся ее семья. Включая мою бабушку. Если это наследственная болезнь, то я за нее не несу ни малейшей ответственности. Это не моя вина.

— Речь идет не о вине, речь идет об ответственности.

— Ну, мистер ходячая энциклопедия, я не несу ответственность за мигрени. Как я сказал, это наследственное в нашей семье.

— Это твое ощущение. Ты же испытываешь боль, не так ли?

— Да-а-а-а... — Оборона Джорджа начала внезапно сдавать.

— И кто же источник этого ощущения?

Ничего не отвечая, Джордж горестно смотрел на Акермана.

— Я, — наконец ответил он и, показывая пальцем себе на грудь, доверился ему: — Вы считаете, что именно я являюсь причиной таких ощущений?

— Ты — причина мигрени, ты — причина боли в голове, спине, руках, заднице, везде... Ты — источник ощущений, которые ты получаешь, когда по ночам залезаешь на свою жену. Никто, будучи на твоём месте, не сможет испытать подобно-го. Никто не может стать источником твоей мигрени. А когда она прекратится, ты также будешь источником этого ощущения. Понимаешь меня? Ты — источник всего, ты ответствен за свои переживания! — Акерман развернулся к остальным участникам, в то время как Джордж рассеянно, как какой-то робот, отдавал микрофон ассистенту.

— Это относится ко всем вашим переживаниям! Артрит, астма, нервозность, менструальные боли, гнев к начальству и детям. Все это ваше. **Вы — источник переживаний**, — сказал он и сделал паузу, после которой кивнул. — Когда вы осознаете это и начинаете принимать ответственность за каждое пережи-

вание, которое вы испытываете, ваша жизнь начинает приобретать ценность. Цирк, что творится у вас голове, говорит вам, что вы такие, какие вы есть, из-за ваших родителей, начальников, политиков... Это значит, что вы — следствие, следствие, СЛЕДСТВИЕ! И вот вам вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов: «Если ваша жизнь ничего не стоит, то кто же делает ее таковой?» Кто-нибудь знает ответ? — Глаза Акермана расширились. — **Конечно, это вы, вы сами!** Как только вы примете тот факт, что вы вызвали все эти переживания, вы сможете изменить их. Пенелопа, возьми микрофон.

Закрыв глаза, Пенелопа какое-то время собиралась с мыслями. Ей было около сорока пяти лет, морщинистое лицо, волосы, выкрашенные в золотистый цвет. Открыв глаза и оглядевшись по сторонам, она медленно, но уверенно начала говорить:

— Мой отец давным-давно ушел от меня и матери... и я даже не помню его. Я не могу взять ответственность за его уход от нас, потому что на тот момент мне всего было три месяца... Вы понимаете?

— И что ты испытывала после такого?

— То же самое, что и все дети в похожей ситуации. Я выросла без отца и много из-за этого страдала. Вы бы тоже страдали, если бы не играли в эту явную игру всемогущего тренера.

— Кто создал это ощущение страдания?

— Я же вам ясно сказала — мой отец!

— Чуть, Пенелопа, этот человек любил тебя.

— Что вы сказали?!

— То, что сказал. Твой отец любил тебя и твою мать. Откуда мы это знаем? Все очень просто, это так, ПОТОМУ ЧТО ОН УШЕЛ ОТ ТЕБЯ! Он дал вам шанс развиваться, становиться сильными личностями. Короче говоря, он предоставил вам возможность получить реальные переживания. Потому что ты не понимала, что именно это делает твою жизнь такой, какая она есть.

— Подождите, это же просто манипуляция! Что вы скажете о Боге? — выкрикнул молодой человек в оранжевой мантии из третьего ряда. У него были длинные волосы, густая борода, мала вокруг шеи с изображением Бхагавана Раджниша.

— Подними руку, Роберт, и попроси микрофон! — серьезным голосом заявил Акерман. — Что за манипуляция?

— Во время медитации ко мне пришло глубокое озарение, что наши жизни уже предрешены. То, что высвобождается кармой из прошлых жизней, то с нами и происходит. Случайностей не существует, наши переживания predetermined!

— Что ты знаешь о Боге? Собственные переживания — это единственное, в чем ты можешь быть уверен.

— Об этом я и говорю. Мой опыт говорит мне, что Бог существует, — я пережил его на собственном опыте!

— Пережил его на собственном опыте? Ну, давай, Роберт, опиши свое переживание Бога на собственном опыте.

Роберт сначала повернулся в левую, затем в правую сторону. Вокруг него, одетые в оранжевые мантии саньясинов, сидели ученики Бхагавана.

— Вы преднамеренно провоцируете меня... Хорошо, я скажу вам. Медитируя, я ощутил Бога, это были моменты блаженства и единства с вселенной. Если вы не пережили подобное, то вы не можете говорить со мной о таком переживании.

— Я принимаю ценность твоего переживания, Роберт. Здесь есть одна проблема, — кивая головой, охотно заговорил Акерман, в уголках глаз которого заблестели искорки. — И к каким же выводам ты пришел после такого переживания?

— Бог есть! Он вездесущ и вездезнающ. Наши переживания predetermined.

— Прекрасно, — заявил Акерман, повернувшись к участникам. — Вы, болваны, понимаете, что сделал Роберт? Своим, не иначе как ценным переживанием, он прицепился к ограниченной вере. Вот что я скажу тебе, Роберт, продолжай верить! Продолжай вести хаотичный образ жизни и верить в то, что Бог несет ответственность. — Акерман сделал паузу и с заинтересованным лицом спросил его: — И когда ты намереваешься перестать винить Бога за свою жизнь?

— Я никого не виню, а Бога и подавно. Я испытываю к нему наиглубочайшую любовь.

— Ты так туп, что даже не понимаешь, о чем говоришь: «Если моя жизнь ничего не стоит, то это потому, что Бог решил сделать ее таковой». Ты отказываешься от жизни, насиживая в медитации волдыри на заднице, ожидая удивительного момента объединения с вселенной, лишь для того, чтобы суметь забыть то, что происходит с тобой в данный момент. Вместе с

этим ты к тому же избавляешься и от переживания! — Акерман, глядя то на участников тренинга, то на Роберта, быстро и решительно подошел к краю платформы. — Как по мне, то я не возражаю. Здесь собралось много роботов, кто смог бы составить тебе компанию. И вот что вам нужно знать — как только вы отворачиваетесь от своего переживания, так что уже не можете нести ответственность за него, вы жертвуете целостностью своего существа, порождая дополнительные преграды!

— У меня такое впечатление, что все ваши слова направлены на то, чтобы мы почувствовали свое поражение. В этом заключается ваша уникальная цель, — неторопливо и смиренно произнес Роберт.

— Это не моя цель, тупица. Но все остальные убедились, что мне платят не за поражение. Скажем так, я все время получаю прибыль, однако в конце и вы перестанете быть неудачниками.

Микрофон взяла белокурая девушка с веснушками и белыми ресницами. Ее волосы были собраны в хвост. По выражению ее лица было видно, что она получала удовольствие от созданной Акерманом ситуации.

— Некоторые высказанные вами вещи нетрудно принять. Мы несем ответственность за многие наши переживания. Но меня как-то ограбили на улице. Объясните мне, пожалуйста, — она растянула губы в усмешке, — каким образом я несу ответственность за такое переживание?

— Конечно, ты несешь! Ты и только ты несешь ответственность за ситуацию, так как ты создала ее!

— А как же грабитель? Разве он не несет ответственность?

— Конечно, несет. Он несет ответственность за свое переживание точно так же, как и ты несешь ответственность за свое, ни больше, ни меньше.

— Получается, каждый ответствен за свое переживание?

— Да, каждый ответствен за свое.

Я не знаю, по какой причине у меня в тот момент сжалось горло. Акерман сделал небольшую паузу. Он поднял голову, будто что-то вспомнив, и сказал:

— У меня хорошие новости. Мы уходим на перерыв.

...«Просветление», — написал Акерман на доске и повернулся к нам с мелом руке, после чего спокойным, искренним голосом обратился к нам:

— Просветление — знание о том, что мы — машины. Мы подошли к концу нашего семинара, и перед тем, как расстанемся, я подумал, что вам было бы неплохо это знать. Сожалею, если вы ожидали чего-то другого, каких-нибудь приторных рассказов о Боге, вездесущности и всезнании, о космическом сознании, о чем-нибудь впечатляющем... Тем не менее, знание о том, что вы — машины, уже просветление. Этого вы не услышите ни от одного йога, но это так.

Для нас заканчивался второй день, и от ожидания волнующего исхода воздух в зале сделался настолько плотным, что до него можно было практически дотронуться. Поднялась еще одна рука, и ассистент поспешил доставить туда микрофон. С места нерешительно поднялся мужчина. На гладко выбритом лице выступали симметричные скандинавские черты. Он походил на преуспевающего управляющего в одной из крупных компаний. Заявление о независимости послышалось в его самоуверенном голосе:

— Меня зовут Ранди Берак! Я сам принимаю решения, и я не машина!

— Не пойми меня неправильно, Ранди. — Голос Акермана стал мягче и добрее. — Твое поведение выдает в тебе ощущение того, что на тебя нападают, а твое лицо говорит о том, что ты пытаешься защищаться. Я не говорю, что машина Ренди Берак какая-то плохая. Я сказал, что ты будешь просветлен, когда осознаешь, что ты — машина. Садись, Ренди.

Акерман медленно подошел к креслу, удобно в него уселся и, переплетя пальцы в замок, положил ладони на грудь и начал медленно покачиваться то назад, то вперед. Время шло, но Акерман продолжал молча покачиваться в кресле. И вдруг он сказал:

— Мы подошли к концу тренинга. Да, это конец. Вы думали, что вы взлетите на небеса... но этого не произошло, вы все на том же уровне, что были и раньше... Где вы провели всю свою жизнь... которую вы и дальше будете проживать.

Он говорил медленным низким голосом, делал паузы, будто мыслил вслух, и обращался не только к нам, но и к себе, представляя окончательный отчет самому себе. На ничего не выражающем лице шевелились лишь губы, пока он говорил. Все участники замерли на своих местах, пока слушали его, кто-то расслабил челюсть, кто-то скривил лицо. Мое горло сжалось, я

наполнился недоверием, что было мне знакомо еще с детства, когда моя мать сказала мне, что ей нужно уйти из дома и побыть какое-то время в другом месте.

— Едва войдя в этот мир, вы оказались под влиянием машины, которую вы называете душой. С этого момента все начало идти по схеме «стимул-реакция, стимул-реакция». Да, это и есть ваша жизнь. — Он сделал паузу и неспешно, не проявляя ни малейшего интереса, переместил свой взгляд с левой на правую сторону зала.

— Вы — машины, — повторил он более решительным голосом. — Вы никогда не были чем-то другим. Вы ведете механический образ жизни... всего лишь стимул-реакция... стимул-реакция... Ваши жизни абсурдны... Вас так скорезило, что вы верите, что у вас есть цель... вы просто загнали себя в такие условия, чтобы создать себе эти убеждения. Иногда вы думаете, что вы любите... супруг, дети, отец и мать... вы запрограммированы верить в это. Если бы вы были запрограммированы иначе, то и чувствовали бы иначе.

Кто-то начал всхлипывать. Большинство участников сидело неподвижно и с недоверием смотрело на Акермана, так что гримасы на их лицах принимали более выраженные черты. У меня задрожали губы. Я не мог поверить, что мог так купиться на чей-то трюк. Перед нами неожиданно появилась полная структура АСТ, она была так же отчетливо видна, как одинокий шар на бильярдном столе. Поначалу он изводил людей тем, что осыпал их оскорблениями и ограничивал свободу передвижения, а когда те требовали защиты, он, как какой-то влиятельный авторитет, начинал заявлять им, что те на взводе и ведут себя определенным предсказуемым образом. Думаю, что никто, кроме меня, не заметил очевидного противоречия базовых утверждений. Если мы запрограммированы на определенный шаблон поведения, то получается, что мы не можем нести ответственность за наши поступки.

— Вы — машины... Вы никогда не были чем-то другим... — продолжал монотонно Акерман, слившись с креслом-качалкой. — Вы не повелеваете своими жизнями... они бессмысленны. А теперь, пока вы чувствуете эту трагедию, вы лишь прокручиваете магнитные пленки в своем механическом уме... вы их только прокручиваете и слушаете... Ваша вера в то, что

после тренинга вы расстанетесь с прежней жизнью, есть не что иное, как очередная пленка, играющая у вас в голове на протяжении этих двух дней. Изменений нет, все осталось, как и прежде... вы заплатили сто семьдесят пять фунтов для того, чтобы остаться прежними...

Акерман прищурил глаза и сконцентрировал взгляд на зале.

— Просто отметьте для себя, как ваша душа сопротивляется этой простой истине, проигрывая всю ту же старую программу: «это не так», «это смешно», «это предательство». Вы верите в свою свободу потому, что в вашей голове механически пролетали мысли из старой пленки, первая из которых говорила вам: «Я свободен», в то время как следующая за ней твердила вам: «Да, это так. Я свободен»... — В зале кто-то громко рассмеялся, однако Акерман не придал этому особого значения и продолжил речь: — Вы сейчас сидите и говорите себе, что это вот — одна из его уловок... сейчас он все перевернет и покажет нам, какие мы величественные, просветленные сущности. — Поначалу небольшая группа людей смеялась тихо, затем смех в зале стал нарастать.

— Никакой уловки нет, мы подошли к концу тренинга. — Акерман медленно покачивался в кресле, держа собранные в замок пальцы на груди. — Никакого поворота в лучшую сторону не будет... вы получили то, что получили. Я сказал вам еще в самом начале... вы получите от АСТ то, что получите. И вы получили... вы — машины... вы были ими все это время. — Некоторые из участников всхлинули еще громче, в то время как другие продолжали смеяться. — Сказать больше нечего... тренинг подошел к концу... вы — машины. — Кучка людей рассмеялась. — Каждая мысль, что есть у вас, есть лишь у вас. Вы не управляете ею... она просто приходит и уходит... Вот и все... ничего другого нет... вы не понимаете этого. — Он пожал плечами, как бы говоря нам, что больше ему нечего сказать по этому поводу.

Я заглянул внутрь себя и как никогда пристально наблюдал за собой, так что состояние или мысль, которую Акерман высказывал в своих убеждениях, пролетела мимо меня. Я даже хотел выкрикнуть группе людей: «Эй, да он дурачит вас. Очнитесь!» Я подавил в себе это желание, я хотел досмотреть это шоу до конца.

— Всю свою жизнь вы избегали того факта, что вы — машина... вы делали вид, что контролируете разум и делаете усилия... Ну, незачем беспокоиться... все в порядке... только машина не захочет быть машиной... И я скажу вам кое-что важное, за что вы заплатили сто семьдесят пять фунтов, — он чуть повысил голос. — Вы просветленные... понимаете... **просветленные!** Вы заплатили мне деньги для того, чтобы я сказал вам, что вы — просветленные машины. Просветление... — знание о том, что вы — машины. — Сначала смех раздался в одной части зала, а затем волной захватил весь зал целиком. — Принятие того факта, что вы — машина, и есть просветление... **не больше того.**

Самым громким оказался смех в левой стороне зала. Некоторые из участников, очарованные и изумленные, продолжали сидеть на своих местах.

— Вот это космическая шутка! — выкрикнул кто-то из зала, не дожидаясь микрофона.

— Да, она самая... — произнес Акерман и вытянул ладонями вверх руки к участникам, словно показывая им, что у него ничего нет. — Вы заплатили сто семьдесят пять фунтов, чтобы услышать эту шутку. — Оглушительный смех пронесся по всему залу. Теперь половина участников тренинга содрогалась от смеха при каждом его слове. Одни все еще были погружены в мысли, в то время как лица других выражали явный гнев. Меня переполнял тот же самый гнев. Я хотел сказать ему, что вижу его насквозь, что его система меняет жизнь людей точно так же, как какой-нибудь хороший фильм, где люди то смеются, то плачут.

— Чего ты теперь хочешь, Тамара? — спросил раздраженно Акерман. — Тебе этого было недостаточно?

Теперь я мог предсказать его поведение, изменения в голосе и практически даже слова, которые он будет говорить.

— Я хочу сказать, — начала женщина, держась за живот, будто собиралась рожать, — что эти сто семьдесят пять фунтов — мой самый лучший вклад в жизни.

— Тоже важное событие, — пожав плечами, выпалил Акерман, — машина благодарит себя за то, что она машина. Машина признает, что она машина. Большое, большое дело... Том?

— Я знаю, что я — машина, — произнес Том и засмеялся во весь рот, — но я не знаю, просветленная ли я машина, или же все еще такой же глупый кретин?

Преувеличенно изображая благородство, Акерман вытянул шею и сказал:

— Кретином является та машина, которая считает, что она не машина. А просветленный человек, — добавил он и сделал сумасшедшее выражение лица, — **просветленный человек знает, что он — машина.**

Меня одолели смешанные чувства, я не мог понять, то ли мне плакать, то ли разрываться от смеха. Все процессы, что давались на этом двухдневном семинаре, мне были понятны. Я мог сравнить их с моими предыдущими переживаниями, отметить сильные и слабые стороны семинара Акермана и проследить за своими реакциями. На тот момент я внезапно почувствовал способность смотреть сквозь стены, сквозь Акермана и всех тех наивных людей, что стали просветленными за сто семьдесят пять фунтов и хотели вернуться домой.

— Хорошо, — произнес Акерман после отлично проделанной работы, — те, кто думают, что не получили обещанного, встаньте.

Это была еще одна уловка. Он обещал нам, что мы получим то, что получим, и, конечно, ничего другого. На удивление соседу, я встал. Я осмотрел зал. Позади меня стояли еще пятнадцать человек, лица которых выражали замешательство, ненависть и гнев.

— Джонни, ты хочешь что-то сказать? — равнодушно спросил Акерман.

Молодой человек удивленно посмотрел на зал:

— Я не понимаю, почему все смеются?

— Не все, — заметил Акерман. — Не смеемся ни ты, ни я.

Я предчувствовал, что он скажет именно такое. Я залез глубоко ему под кожу.

— Хорошо, но большинство смеется. Чего тут смешного? — Вопрос Джонни был встречен взрывом хохота.

— Видишь, Джонни, это жизнь. Те, кто смеются, смеются потому, что они смеются. Те, кто не смеются, не смеются потому... что они не смеются.

Из-за быстрых судорог в теле я стоял неподвижно. Итак, это был самый величайший обман — человек продавал воду из реки. Перед моими глазами пролетали образы родителей и друзей. Я представлял себе, как пытаюсь объяснить людям,

что этот человек зарабатывает деньги на простофилях из «Нью Эйдж», ищущих просветления. Поначалу он пару дней поливает людей грязью, а затем говорит им, что они останутся такими, какими всегда и были. Одна машина передавала другим машинам информацию о том, что они — машины. Я должен был сказать этому человеку, что он просто подставлял людей на большие деньги. Сконцентрировавшись на Акермане, я лишь краем сознания улавливал своего соседа, содрогающегося от смеха, который одной рукой толкал меня локтем, в то время как другой вытирал слезы, и рыдающую худощавую женщину, сжавшую кулаки на груди, словно от сердечного приступа.

— Хорошо, — сказал Акерман, — дайте микрофон следующему.

Следующим оказался худощавый краснолицый человек с седеющей головой. Он взял микрофон в левую руку, а правую, онемевшую и тощую, положил на грудь. Он пытался что-то сказать, но изо рта доносилась пустота.

— Давай, Питер, у нас нет на тебя трех дней.

— Ни у кого не было для меня времени, — произнес Питер, с усилием передвигая свою увечную руку. — Я полагал, что АСТ поможет мне легче переносить жизнь.

— Мы все усвоили, Питер, что любое убеждение — дерьмо. Тебе нужно переживание, а не убеждение.

— То переживание, что я получаю, печально. Я остался тем же инвалидом, что и был до семинара.

— Ты испытываешь это переживание?

— Да, лучшего во мне ничего нет. — В голосе Питера таилась слабая надежда на то, что Акерман предпримет что-нибудь, чтобы превратить его из инвалида в обычного человека.

— Хорошо, — сказал Акерман, — итак, ты ощущаешь себя инвалидом. Можешь оставить либо именно это ощущение, а можешь поменять его на какое-то другое. Решать только тебе. Сядь! Дайте ему микрофон. — Акерман показал пальцем на мужчину, стоящего слева от меня. Волосы мужчины были окрашены в темно-синий чернильный цвет. Пообщавшись с ним во время перерывов, я выяснил, что он был музыкантом. У него был мягкий женский голос, который придавал ему гомосексуальные черты, от чего он и страдал.

— Если мы на вашем семинаре не получили ровным счетом ничего, то не было смысла приходить на него, — сказал он извиняющимся тоном.

— Конечно, разве не об этом я говорил вам в начале? — Волна оглушительного смеха снова накрыла зал. — Но ты все же остался до конца и получил то, что получил. Я выполнил свое обещание. Садись!

Я разгневался на Акермана, но куда большую злость я испытывал к аудитории, к этому стаду легкоуправляемых баранов. Акерман взглянул на меня и более энергичным голосом произнес:

— Это будет моя золотая медаль. Дайте ему микрофон.

Я сжал микрофон в своей потной ладони и уставился на Акермана, не моргая глазами. Я ощущал то же напряжение, что и когда-то в молодости, перед тем как собирался ринуться в бой. Акерман наклонил голову, пытаясь прочитать мое имя на значке.

— Боги, да ты просто трус. Боишься принять очевидное. — В зале прокатилась еще одна волна смеха. Я хотел было сказать ему, что это не так, но меня его фраза так задела, что я решил не оправдываться. Акерман постоянно нападал, так что мне надо было отвечать ему с тем же напором.

— Ах ты, сука такая. Оставил голодать троих своих детей, а теперь хвастаешься тут перед наивными людьми. Оставил детей в нищете, и где твоя ответственность?

То ли вздох облегчения, то ли удивления, я не мог сказать однозначно, донесся из зала.

— Боги, да ты трус. От страха наделал в штанишки.

— Акерман, в полиции твою мать записали как проститутку, а тебя самого лечили от сифилиса. В кармане у меня лежит копия выписки из больницы.

На этот раз по залу ходили лишь удивление и отвращение. Акерман моргнул несколько раз. Он взял небольшую паузу, чтобы подыскать для меня достойный ответ. В некоторых книгах по АСТ я наткнулся на информацию о том, что он оставил свою первую жену и детей, чтобы те нашли свой собственный путь в жизни. Слова о том, что его мать была проституткой, а он сам лечился от сифилиса, были чушью, которая оказалась как нельзя кстати.

Я был удивлен, как быстро он скинул с себя эту роль, однако я знал, что все только начиналось. Я ожидал очередного

удара ниже пояса и в то же время напоминал себе, что нельзя расслабляться ни на секунду. Я прибежал к грязным уловкам, которым меня в молодости научили улицы Белграда. Акерман медленно подошел к краю подиума. Настало гробовое молчание, был слышен лишь звук работающего кондиционера, который прежде был не так слышен.

— Боги, ты самый большой трус из тех, кого я встречал в своей жизни. Только трус с таким отвращением защищает себя от правды. Моя мать — благородная женщина, во второй мировой она получила орден Почета.

Потрясенный, он попался на мой крючок. Я не мог упустить этой возможности. Что есть мочи я проорал в микрофон:

— Да всем известно, Акерман, что твоя мать активно помогала союзникам, распространяя сифилис у немецких солдат на западном фронте!

По залу пронесся гогот. Участники начинали получать удовольствие от выступления, которое было похоже на хороший матч по боксу. Я почувствовал приток уверенности в своем теле, но по-прежнему сохранял осторожность.

— Боги, от страха за свою правду ты готов пойти на любые меры. От страха в тебе даже дерьмо застыло!

На этот раз раздался смех. Я пытался отыскать какие-нибудь грязные словечки, чтобы вернуть его на место, но так зациклился на его оскорблении, что моя память стала походить на чистую доску. Я ответил ему:

— Акерман, ты — машина! То, что твоя мать — проститутка, ничего не меняет. Слушайте все, — повернувшись и напрыгая голосовые связки, обратился я к аудитории, — машина протестует, машина защищает себя. Машина прокручивает пленку, которая говорит ему, что его мать не трахалась с немцами за деньги. Подумаешь, Акерман, у нас тут двое пациентов с сифилисом, две машины, и обе просветлены. Одна кувыркалась с немцами за деньги, другая зарабатывает деньги здесь.

Я заметил, как на лицах ассистентов вырисовывалось недоверие, они собрались в проходах между рядов, стояли ко мне лицом и выжидали команды Акермана. Кто-то хихикал, кто-то смотрел своими широко открытыми глазами то на меня, то на Акермана. Он подошел к краю подиума и в нравоучительном тоне обратился к залу:

— На таких семинарах всегда встречается проблемный тип людей. Они приходят сюда не для того, чтобы стать лучше и показать другим свою лучшую человеческую натуру. Они приходят сюда для того, чтобы раскидать мины на все то, чего мы хотим достичь. Хорошо, Боги, передавай микрофон следующему.

В знак одобрения раздались небольшие аплодисменты. Ко мне подбежал ассистент и протянул руку, чтобы забрать микрофон.

— Ну уж нет, машина должна проиграть еще одну пленку и вежливо попросить меня вернуть ей микрофон. Моя пленка говорит мне, что я не отдам микрофон, пока меня вежливо об этом не попросят.

Акерман смог быстро восстановиться после удара. Он улыбнулся и протянул руки в мою сторону:

— Боги, я любезно прошу тебя отдать микрофон этому джентльмену. Он бы хотел продолжить процесс.

Раздались аплодисменты от небольшой группы участников.

Я всучил микрофон в руку ассистента и направился к выходу, проходя между рядов. Я услышал радостный голос Акермана:

— Нил, что ты хочешь сказать нам?..

В коридоре, у входа в зал собралось уже более сотни людей. По окончании АСТ будущие участники смогут пройти внутрь и, как гости, понаблюдать и разделить эйфорию вместе с предыдущими. Кто-то с любопытством взглянул на меня.

— Что такое? — спросил худощавый молодой человек в очках и с рубцами на лице от ветряной оспы.

— Акерман ждет, пока вы дадите ему сто семьдесят пять фунтов для того, чтобы он сказал вам, что вы — просветленные.

Два дня подряд я питался в греческом трактире, заказывая двойной донер кебаб и колу. Я ел большими кусками, вкус мяса и капустного салата переплетались у меня во рту. Я был на взводе, меня не переставало трясти. Урод!.. По крайней мере, я высказал ему все, о чем думал. Если бы я так не поступил, то упрекал бы себя и, возможно, отыгрался на каком-нибудь невинном человеке, который и слыхом не слыхивал об Акермане и АСТ. Закончив с едой, я, удовлетворенный и расслабленный, уселся. В состоянии покоя ко мне пришла мысль о том, что АСТ, все же, хорошая система. Эти два дня помогли мне понять тот факт, что только я, и никто другой, ответствен за

свою жизнь и переживания — и неважно, какое влияние оказывают на меня все остальные. Жаль, что на семинаре оскорбляли людей, его можно было провести и по-другому. В таком ключе он протекал быстрее и вызывал больше эйфории у участников, подводя их к более впечатляющему финалу.

Я размышлял над тем, стоит ли попросить вернуть деньги. На АСТ работали профессионалы, которые специализировались на том, чтобы люди не получали обратно своих денег. Они могли неправильно выписать чек или послать его на несуществующий адрес, однако настойчивые все же могли вернуть себе деньги. Я прочитал об этом в книге об АСТ. На тот момент мне нужен был лишь хороший сон, после которого я бы начал раздумывать над тем, как мне поступать с Акерманом. Было уже поздно, я взглянул на левое запястье, однако часов там не оказалось. Они забрали их перед началом семинара. Я чувствовал себя неловко, когда думал над тем, что ради часов мне придется вернуться назад к этим взволнованным людям, посчитавшим меня неудачником. Золотые часы «Омега» были той единственной вещью, которая напоминала мне о Стокгольме, Астрид и братстве ордена Одина. Я чувствовал себя так, как до инициации. Нечего откладывать, нужно было вернуться назад, несмотря на тяжесть в ногах.

Я успокоился, когда увидел лишь небольшую группу людей в коридоре. Огромная двухпанельная дверь конференц-зала была широко открыта. В зале пусто.

— Я хочу вернуть часы, — сказал я ассистенту за ресепшеном, который регистрировал новые заявки. — Я забыл их забрать.

— Ах, да, — ответил он, — вы можете пройти в зал для торжеств. Все уже там. Ваши часы у господина Акермана. Проходите. — Он показал мне помещение, располагавшееся рядом с конференц-залом. Я медленно вошел без стука. Акерман и его ассистент Джейк сидели в темно-коричневых креслах из искусственной кожи и о чем-то беседовали. На маленьком стеклянном столе лежала моя «Омега».

— Пожалуйста, Боги, входи и присаживайся, — произнес Акерман и показал на свободное кресло напротив. Его внешний вид меня удивил. Три пуговицы на рубашке были расстегнуты, белая майка на груди была темной от пота. Волосы, недавно свисавшие у него над бровями, приклеились к влажной коже

лба. Откинувшись назад в кресле, он был скорее изнуренным, нежели расслабленным. Его бледное лицо было хмурым, и от пронизывающей энергии, что он испускал во время семинара, не осталось и следа.

— Я забыл забрать часы.

Он показал на стол.

— Я просмотрел твою заявку, ты — психолог. Знаешь, что означает оставить у кого-то ценную вещь?

— Я бы не сказал, что это что-то положительное. — Я застегнул часы на запястье и добавил: — У нас состоялся неприятный конфликт.

— Почему неприятный? Конфликт есть не что иное, как явление в человеческих отношениях. По своей сути он нейтрален. Наш ответ и последствия могут быть как хорошими, так и плохими. Мы можем выбирать, как разрешать конфликт, — это дает нам возможность познать что-то и расти дальше.

— Из нашего конфликта я ничего не вынес, могу поспорить, ты тоже.

— Ты бы проиграл. Я понял, что есть люди, которых я не могу укротить даже на последней стадии семинара... я также понял, что мне нужно улучшить эту стадию, чтобы она по эффективности не уступала остальным. Знаешь, ты не первый, с кем я не смог справиться на своих семинарах. Что касается тебя, я думаю, ты понял, что можешь противостоять авторитету под давлением двухсот пятидесяти человек. Разве я не прав, а?

Несколькими простыми словами он четко дал мне увидеть в перспективе то, что у меня было в уме с момента моего ухода с семинара.

— Да, думаю, ты прав.

Акерман больше не выступал в роли обвинителя, поливающего людей грязью. Он превратился в восприимчивого и манерного эксперта человеческой природы.

— Я ждал, пока ты вернешься за часами. У меня есть для тебя предложение. Джейк, — обратился он к ассистенту, — не мог бы ты нас оставить на минутку, пожалуйста. — Он снова воспрянул духом, и на его лице появился вопросительный взгляд.

— Предложение? Послушаем. — Мне казалось, что я знал, чего он хотел. Ему понравилась моя «Омега», и он захотел ее у меня купить. Хотя я встречал и более привлекательные часы.

Эти были сделаны из темного золота, по толщине не уступали золотой монетке и были облечены в простую и элегантную форму, какими иногда бывают дорогие вещи. Темно-коричневый змеиный ремешок прекрасно смягчался рядом с золотистым цветом. На этот раз предчувствие меня подвело.

— Я могу сделать тебя тренером по АСТ. Ты справишься. Это великолепная и хорошо оплачиваемая работа. Конечно же, тебе придется еще много чего выучить.

Я был удивлен. Если бы только отец сейчас слышал это, или Младен, или Лидия, или даже эти бледные теософы.

— Должен признаться, я польщен. Но это не для меня. Меня интересует нечто более серьезное. Я раздумываю над тем, чтобы посетить один из ашрамов в Индии или один из храмов дзен в Японии. В основном, ваша АСТ основывается на манипулировании, хотя и должен признать, что способствует появлению глубоких озарений.

— Например?

— Я не могу говорить за других... Я же осознал на личном опыте, что только я создаю все свои переживания, и что никто кроме меня не несет ответственность за все происходящее со мной. И я от чистой души благодарю тебя за это.

— Спасибо за твои слова. — Он сделал паузу. В первый раз за все то время, что я видел его в зале и сейчас, он отвел от меня взгляд. Он говорил осторожно, тщательно подбирая слова. — Должен признаться, я позаимствовал эту аксиому. Я взял ее у Лона Рафаэля Хибнера. Слышал о Сциоларгии?

— Конечно. Особо много о ней не знаю. В ней используется какой-то электронный инструмент, похоже чем-то на научный мистицизм.

— Я провел со стариной Лоном несколько лет и признателен ему за многие вещи... ты делаешь ошибку, что не хочешь становиться тренером, но это твое решение, и я уважаю его. Тебе не выпал шанс увидеть людей, которые прозанимались по АСТ год, два. Они стали другими людьми. Метод манипулятивный, однако в результате происходит глубокая и значительная трансформация. Тренер открывает глаза сотням людей, и себе в том числе, конечно. — Он откинулся в кресло, будто устал от своей усердной работы, и, поглядывая то на меня, то на входную дверь, продолжил речь низким серьезным голосом:

— Аксиома, с которой мы начали, выводит нас на другую аксиому, представляющую огромную важность в повседневной жизни. Мы не только ответственны за наши переживания, мы их еще и выбираем. Я говорил об этом на семинаре, но эта информация затерялась среди столь многих людей. Конечно же, мы не всегда можем выбирать самые лучшие переживания. Легче быть мышью, чем львом. Надеюсь, что не досаждаю тебе?

Я потряс головой. С того момента, как он предложил мне помочь стать тренером по АСТ, я полностью погрузился в наш с ним разговор.

— В одной из книг Виктора Гюго, возможно, ты слышал о ней, описывается жизнь одного заключенного, который провел много лет за решеткой и которого после тюрьмы все в обществе отвергали как шелудивого пса, пока один хороший священник не предложил ему место для ночлега. И он не только дал ему ночлег, но и позвал к ужину, несмотря на отвращение со стороны домохозяйки. За ужином бывший заключенный, кажется, его звали Жан Вальжан, заметил дорогостоящую серебряную посуду. Ночью он встал с постели, украл ее и сбежал. Его поймала полиция и нашла у него серебряную посуду. Его арестовали и с посудой отвезли к священнику. Как бы мы повели себя в такой ситуации, если бы на месте священника оказались сами? — Он медленно покивал головой, как будто соглашался с моими невысказанными мыслями. — Мы бы построили из себя человека, которого ограбили и причинили боль, мы бы злились на заключенного, который воспользовался нашей добротой. Но священник решил поступить совершенно иным образом, — Акерман кивнул и украдкой посмотрел на меня. — Он сказал полиции, что это была ошибка, какое-то большое недоразумение: «Я ПОДАРИЛ этому джентльмену серебряную посуду. Добрый человек, я же тебе давал еще и эти серебряные подсвечники, но ты забыл их взять с собой. Пожалуйста, возьми их сейчас и отправляйся в добрый путь».

Акерман сделал небольшую паузу, после которой заговорил низким голосом:

— Этот благородный человек сделал вид, что его не ограбили!

Я неосторожно наклонился к нему вперед, в то время как мои глаза стали влажными от слез.

— Вместо того, чтобы посадить того человека, священник выбрал совершенно иной путь развития событий — он решил расстаться с самыми ценными вещами в доме. И в чем же разница между двумя этими путями развития событий? В первом случае суровый прокурор, приняв во внимание человеческую неблагодарность, посадил бы за решетку несчастного человека до окончания жизни.

Он снова сделал паузу. Еще раз я должен был признать себе, что Акерман был умелым рассказчиком, который все глубже погружал мое внимание в ту историю.

— Вместо этого священник решил вывести на свет двоих счастливых людей: человека божьего, сумевшего все понять и простить, и бывшего заключенного, который с того момента стал благородным человеком. Всю свою оставшуюся жизнь этот бывший заключенный посвятил тому, что помогал несчастным людям.

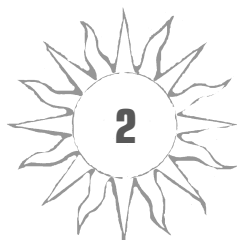
Акерман остановился и посмотрел вниз. После чего, подняв голову, медленно осмотрел комнату. Несмотря на то, что я уже был знаком с такой техникой, она все равно, даже против моей воли, очень хорошо действовала на меня. Его лицо продолжало оставаться серьезным, однако казалось, что каким-то образом он снял с себя маску, и от той успешности и самоуверенности не осталось и следа.

— Да, — погрузившись в мысли, произнес он, — на свете много несчастных людей, которым пытаются помочь некоторые из нас. Каждый идет своим путем... Мой путь — вести этот семинар, и я уверен, что хорошо справляюсь с этим. Однако я всегда восхищался этим благородным священником. Я бы никогда не смог принять его выбор. — Он помолчал двадцать секунд, после чего произнес: — Прошу извинить меня, Боги. Я чертовски устал, и мне еще нужно уладить кое-какие дела.

Он встал и крепко пожал мне руку. Подойдя к двери, я обернулся и, чувствуя, что прощаюсь с человеком, которого никогда не забуду, искренне сказал ему:

— Тебе стоит добавить историю про Жана Вальжана в свой семинар. Уверен, она впечатлит участников.

— Спасибо, Боги, быть может, так и поступлю. — И когда я уже почти вышел из зала, он засмеялся и добавил: — Слушай, а история с сифилисом ничего так получилась.

Игорь Виславский заинтересовал меня сциоларгией. Работая над тезисом по сектам и культам, он уделял большое внимание сциоларгии из-за ее широкого распространения в то время. «Это единственная секта, которая использует такой электронный инструмент, как э-метр, — говорил он мне. — Человек может притворяться или лгать, но электроника врать не может. Должно быть, в их учениях содержится много чего полезного. Многие из членов принадлежат к широко известной интеллигенции, актерам и директорам. Они представляют половину Голливуда».

Поначалу те рекламные материалы, что предоставил Игорь, заставили меня дважды задуматься о сциоларгии. Ее можно было рассматривать как псевдонаучный культ, с летающими тарелками и нездоровыми методами лечения. То рукописное письмо, что я получил в ответ на свои вопросы, начиналось со слов «Дорогой Богдан» и заканчивалось «Мы любим тебя». Активисты организации интересовались моей работой, благополучием семьи и личным счастьем. Их буклеты пылали оптимизмом. На фотографиях сияли счастливые лица с комментариями от членов организации: «Сциоларгия возвратила меня к жизни», «Теперь я абсолютно свободный человек», «В Сциоларгии я нашел свое счастье». Все комментарии ясно указывали на то, что их тренинг, проводившийся с научной точностью, пробуждал и развивал оккультные способности, и что эта планета была слишком мала для их игр.

Это, несомненно, был культ. Все в сциоларгии было подчинено личности Лона Рафаэля Хибнера, которого в тесных кру-

гах коротко называли Л-Р-Х. Их технология, э-метр, методы процессирования, всеобъемлющие достижения — все это было дело рук его гения. Неудачи приписывались разочаровавшимся «бывшим» или врагам из чуждого, животного мира, наполненного страданием и преступлениями. Роспись Л-Р-Х была на всех книгах и статьях, перечисленных во многих из их публикаций. Он был воплощением бога, в то время как остальные — его последователями. Взвалив себе на плечи миссию расчислить планету от зла, он погрузился в нее всем своим существом.

Основные сциоларгические организации, или ОРГ, окутали паутиной все западноевропейские страны и даже США. Над ОРГами стояли «продинутые» ОРГЗ, которых было всего три: в Копенгагене, Лос-Анджелесе и Грин Хилле, городишке неподалеку от Лондона. Я отправился в основную лондонскую ОРГ, что располагалась на Черинг Кросс Роуд. На дворе стоял теплый сентябрьский день, входная дверь была настежь открыта. Приемная походила на книжный магазин: все полки были уставлены разноцветными книгами Лона. Администратор на ресепшене пристально посмотрел на меня и скривил губы в улыбку:

— Как я рад, что вы пришли. Присядьте вот сюда, через пару минут вас встретит один важный человек. — В Сциоларгии с вами всегда говорят важные люди, так как в ОРГ других и не существует, а ко всем клиентам подходят по-особому. Важным человеком оказался Том Ворд, регистратор с выпученными глазами, вьющимися волосами и быстрыми телодвижениями. От него исходил какой-то внутренний свет, он проявлял ко мне такое глубокое уважение, словно я открыл лекарство от рака.

— У вас есть прозвище?.. Хорошо, Боги. Как прошла поездка, Боги?..

Он сказал мне, что мое прибытие в ОРГ принесло им огромное удовольствие. Я заметил, что он подтверждает все, сказанное мной. В сциоларгии молчание было неприемлемо, что бы ни говорили. Общение должно происходить все время, так как Лон считал его базовым процессом человеческого существа.

— У вас есть вопросы? Садитесь, пожалуйста, Боги. Должно быть, вы устали от поездки.

У него был крошечный кабинетик из пробковых звукоизолирующих стен, отделенный от приемной позади меня стекляннным окном. На его столе лежала цветная фотография Лона

Хибнера, где он в адмиральской форме стоял на капитанском мостике корабля и созерцал открытые моря.

— Знаете, Том, я полагаюсь на свой опыт. Тем не менее, разве не странно, что пресса решительно критикует вас за то, что вы забираете деньги у людей, ломаете их брак и разделяете семьи и друзей?

В знак полного понимания Том кивнул головой.

— А-а-а, я знаю, о чем вы говорите. Вы слышаны о нас... Позвольте прояснить ситуацию на следующем примере. Возьмем типичную супружескую пару. Какая же у них жизнь? — Он сначала посмотрел на меня своими растопыренными глазами, а затем быстро добавил: — Я скажу вам. Утром они встают с постели, затем идут на работу, которая им не по душе, после чего возвращаются домой, такие же несчастные, что и были под утро, едят и смотрят телевизор. Они сидят и часами таращатся в этот ящик. — Вытянув шею, он повернул голову в одну сторону и, открыв рот, сделал дурацкую гримасу. Замерев в этом положении, он смотрел в никуда на протяжении десяти секунд. Я засмеялся. Он вновь сфокусировался на мне, что польстило мне больше, чем какие-либо слова.

— Понимаете, о чем я говорю? Итак, к нам однажды приходит такой человек. Он услышал от своего знакомого, что Сциоларгия ему помогла. Он, так же как и вы, слышал о нас различные истории, но все же он пришел. Я хорошо знаю эту историю, так как со мной произошло то же самое... да и со всеми нами, по правде говоря. Человек начал процессироваться... — Кивнув несколько раз, он молча посмотрел на меня с поднятыми бровями. Я должен был понять, что для того человека тот день оказался самым важным в его жизни. Улыбка Тома была пропитана свежим замечательным теплом, он протянул руки, будто хотел обнять всю комнату целиком. — После первого же процесса тот человек распрощался со своим несчастьем, — Том начал говорить громко и быстро: — Благодаря процессам Лона он испытал фантастическое переживание, о котором даже никогда и не мечтал. Он ступил на путь абсолютной свободы! Он изменил всю свою жизнь... и что же случилось с его женой? — Он сжался и снова соорудил ту же дурацкую гримасу на своем лице. — Та женщина внезапно почувствовала угрозу. Ее муж меняется, а вот она сама остается все той же со своим несча-

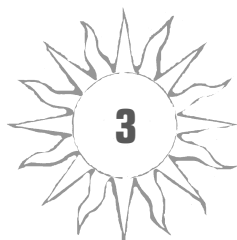
стем. Она и ее друзья чувствуют угрозу. Ты сам знаешь, Боги, это печальная правда, что так много людей пытаются сбросить нас в канаву, в которой сами и находятся, поскольку не обладают достаточными силами, чтобы оттуда выбраться... И после этого жена начинает жаловаться, что ее муж изменился, что он теперь не такой, как прежде... — Лицо Тома озарилось, он покачал головой и улыбнулся, как будто собственными глазами наблюдал ту картину, о которой рассказывал: — Ну, он, конечно же, изменился! Он начал интересоваться своей жизнью! Он нашел свой путь к свободе.

Мы немного помолчали. Том с широко открытыми глазами и улыбающимся лицом пристально глядел на меня. Чьи-то голоса и хохот доносились из комнаты ожидания. Но это никак не отвлекало Тома.

— Вот что я скажу вам, Боги. Не нужно обижаться, это для вашего же блага. Вы знаете, почему я здесь, в этом месте? — Мои брови приподнялись. Он словно дожидался этой реакции, чтобы дать простой ответ: — Потому что с жизнью у меня все в порядке. Потому что это мой долг помочь вам. — Он остановился. — А вы знаете, почему вы здесь? Я скажу вам. Потому что ваша жизнь многого не стоит! Ваше единственное обязательство — стать счастливым и свободным человеком. У меня, как и любого другого в ОРГ, есть один-единственный долг — помочь вам достичь этой цели. Взгляните, что творится снаружи! Страдания, преступления, ненависть... взгляните на наших людей. Видели ли вы здесь удрученные лица? Видели несчастного человека? Нет! Здесь все счастливы. У нас у всех одна-единственная цель — помочь вам. Ваш долг — позволить нам сделать это. И больше ничего.

Какая-то часть внутри меня сдалась без боя.

— Хорошо, Том, — сказал я, доставая потной рукой из кармана пачку денег. — Я заплачу за сто пятьдесят часов процессинга. Когда начнем?

Вилли Даффи всегда улыбался за исключением того времени, когда мы докапывались до энграммы. Согласно определению Лона Рафаэля Хибнера, энграммой является психический образ какого-либо неприятного события, содержащего в себе боль, бессознательную реальную или воображаемую угрозу существованию человека. Складывалось впечатление, что Вилли улыбался даже во сне. У него были светлые голубые глаза, веснушки на лице и белокурые волосы цвета зрелой пшеницы. Нос на его бледном овальном лице был необычайно тонким для бывшего боксера. Расхаживая по залам в центре Лондона, он всегда отпускал шутки, громко приветствовал людей, пожимая им руки, будто находился на официальном съезде. Едва ли можно было почувствовать скуку или депрессию рядом с Вилли.

Теперь у нас была сессия, и мы вышли на энграмму. Его лицо стало неподвижным, а голубые глаза — широко открытыми.

— Иди к началу того переживания! Дай мне знать, когда ты окажешься там! — механически отдавал он приказания, всегда одним и тем же образом, который отработал уже сотни раз и по которому обучались процессоры у великого Лона.

Хоть он и обращался ко мне, его глаза смотрели на экран э-метра.

— Я не могу, Вилли, — произнес я. — Я хочу, но я не могу.

— Хорошо. Я повторю команду. Иди к началу того переживания! Дай мне знать, когда окажешься там.

— Я не могу. Меня тошнит... Меня вырвет. — В правой части лба я чувствовал тяжесть и тупую боль, живот крутило, во

рту собиралась какая-то соленая жидкость, которую я не успевал проглатывать.

— Я понимаю, что ты пытаешься сказать. Скажи мне, когда тебе стало плохо?

Можно было подумать, что Вилли беспокоился о моем здоровье. Я понимал, что его единственной целью было вернуть меня в сессию. Это была чистой воды технология, такая же предсказуемая, как хорошо продуманный ход в шахматах. За вашим ходом следовал его, четко определенный и отработанный ход, где не было места эмоциям или симпатии, которые бы только нагружали процесс. Я хорошо знал игру, но все же отвечал с трудом:

— Все началось пять, шесть... может, десять минут назад.

— Хорошо. Я понял. Такое случается в сессии, но если ты потерпишь еще немного, то тебе станет лучше. Мы вместе пройдем через это. Я повторю команду. Иди к началу того переживания! Дай мне знать, когда окажешься там!

— Я хочу отправиться домой, — услышал я свой ослабленный голос. — Я никчем, я слишком устал. Я не могу продолжать.

— Хорошо, ты отправишься домой, когда мы закончим. Я повторю команду. Иди к началу того события. Дай мне знать, когда окажешься там!

Я смотрел на его веснушчатое лицо и чувствовал, как силы уходили от меня. Я мог бы так себя вести до поздней ночи, до полуночи или до следующего дня. Он не должен был выдергивать меня из сессии. Пару дней назад он казался мне довольно приятным человеком. Теперь же я ненавидел его за то, что он жужжал возле меня, как шершень. Он сидел напротив меня, наклонившись вперед, будто был готов принять меня на руки. Нас разделял только э-метр. Толстые пробковые стены в маленькой комнате для процессирования заглушали звуки, будь то плач, стон, а иногда и рев клиентов. Я многократно мог слышать звуки, раздающиеся в ОРГ из различных комнат для процессирования; из-за их приглушенности казалось, что они доносились из-под какого-нибудь толстого покрытия. Теперь подошел и мой черед испытать нечто похожее. Я сравнительно немного прочел о прохождении через энграмму и считал, что этот процесс являлся ценным и интересным способом встретиться с содержанием бессознательного. Я ожидал волну-

ющего события — знакомства со своей внутренней вселенной, борьбы с монстрами Ид, нечто похожее на внутреннюю Одиссею. Когда ты читаешь или думаешь о процессе, то он кажется тебе заманчивым, но когда ты начинаешь проходить его, он становится мукой.

— Иди к началу своего переживания! Дай мне знать, когда окажешься там.

— Хорошо, — сказал я. Было бессмысленно сопротивляться ему. Его тренировали три года, чтобы он не внимал просьбам клиентов. — Хорошо, Вилли. Я там. Я могу видеть начало.

— Очень хорошо. Мысленно пройди через все переживания целиком. Скажи мне, что ты видишь.

Следуя его командам, я глубоко погружался в события на траке времени, которые были похожи на ямы в моей душе. Меня тошнило, когда я конфронтировал энграммы; чувство тошноты постепенно усиливалось, пока внезапно не охватило меня целиком. Я сталкивался с некоторыми ужасными переживаниями. Это было едва похоже на переживание. Был какой-то неясный и расплывчатый образ, как какой-то призрак из далекого прошлого, который до сих пор был связан со мной. Я это ясно ощущал.

— Я вижу группу скачущих наездников. Вижу их нечетко... то ли они в каком-то тумане, то ли все происходит ночью. Я не знаю, куда они направляются, но несут они зло... они убивают или что-то типа того...

— Хорошо, — сказал Вилли все тем же голосом, — мысленно пройди через переживание целиком, от начала и до конца. Скажи, что произошло?

С самого начала процессинга меня доставала эта команда.

— Я же сказал, что не могу четко все разглядеть! Это не ощущение, это образ. Он появляется на долю секунды... люди в темном, наездники... Я постоянно теряю этот образ... Я чувствую тошноту и головокружение.

— Хорошо, когда это происходило?

Я замешкался. Вопросы о том, в какое время происходили события на траке времени, вводили меня в ступор. Мне трудно было определить, происходили ли события восемьсот или четыре миллиона лет назад, я зачастую чувствовал некое внутреннее давление, когда отвечал на такой вопрос. Теперь по

ощущениям я мог сказать, что события произошли двести двенадцать лет тому назад, я понимал, что потерпел бы неудачу, если бы не выдал этого. Я не любил выбирать столетия, тысячелетия и эпохи таким образом. Я бы не выдавал период, когда произошли события, если бы со мной не сидел Вилли, настойчивый, как бультерьер, ирландец. Он был моим первым процессором, в то время как я был его сотым или тысячным клиентом. Все мои предшественники пытались уклониться от ответа похожим образом. Он использовал слова, заточенные под команды, орудовал ими, как хирург скальпелем.

— Я повторю вопрос. Когда это произошло?

— Да ради Бога, Вилли, откуда мне знать? Хочешь, чтобы я сказал тебе, что события произошли десять тысяч лет тому назад? Хватит с меня этой сциоларгической тупости! Я не понимаю, почему бы тебе не попросить Лона? — Мой голос поменялся, он стал хриплым, словно меня что-то душило.

— Хорошо, я понимаю тебя, — продолжал Вилли с непоколебимой стойкостью. — Есть что сказать по поводу моего вопроса? — Его взгляд был прикован к шкале э-метра. Там что-то происходило, и он видел это. Я молчал, в моем животе начинал завязываться узел.

— Я повторю вопрос. Есть что сказать по поводу того, когда произошло это событие?

Я ничего не говорил. Все больше и больше картинок сгущались перед моими глазами, я почти что точно мог ощущать время, когда произошло событие, когда переживал его, — меня все больше тянуло раскрыть его время. Мне стало бы лучше, если бы я рассказал об этом.

— Да, да, вот оно, — произнес Вилли, следуя показаниям э-метра. — Что это была за мысль? Ага... вот оно!

— Двести двенадцать лет тому назад, — послышался мой ослабевший как никогда голос. Меня что-то сдавливало, ком в горле свел на нет все мои попытки проглотить слюну, мои губы скривились, а на глазах выступили слезы. Во рту я ощущал вкус соли. Я еще сильнее сжал электроды в руке.

— Очень хорошо, — сказал Вилли, — стрелка держится на твоём утверждении о том, что событие произошло двести двенадцать лет тому назад. Скажи мне точное время, когда произошло событие.

— Примерно в 1773 году, годом раньше, годом позже.

— Хорошо, назови точный год.

— Тысяча семьсот семьдесят третий.

— Отлично, — сказал Вилли. В его голосе, за его почти что механической монотонностью, было трудно не заметить удовлетворения. — В каком месяце это произошло?

— Думаю, что в сентябре.

— Очень хорошо. Где это произошло?

— В России.. — Теперь информация и образы приходили сами собой.

— Хорошо, что ты там делал?

Началось самое ужасное. Я знал, что совершил античеловеческий, омерзительный поступок. Слезы выступили на глазах, горло сжалось еще сильнее. Через маленькое окошко в комнате для процессирования я попытался перенести свое внимание на крыши, к которым вели почерневшие стены, и рассеять мысленные образы, поступающие из темноты. Но не тут-то было, веснушчатый ирландец, глубоко погрузившись в сессию, беспощадно прорывал через меня ход, словно боров через крестьянский мешок.

— Не открывай глаза. Мысленно отправляйся к тому событию.

— Я там.

— Отлично. Скажи мне, что ты видишь.

— Людей... этих наездников. Я где-то там. Я не могу четко разглядеть, темно везде... ночь. Я знаю, что причину вред... людям, детям.

— Хорошо, я понимаю тебя. Скажи мне в точности, что ты видишь! Что ты сделал?

В отблесках пламени, вырывающегося из хижины бедняка, я увидел испуганных людей, которые стояли на коленях и просили о пощаде, испуганных детей, которые изнывали от страха и жались друг к другу. Мне становилось все хуже и хуже. Внутри меня что-то кричало, крик доносился не из горла, он был гораздо глубже, в моем животе, это был какой-то мучительный стон, как будто я, до полусмерти изрезанный, смог спастись от ножа убийцы.

— Я повторю вопрос. Что ты сделал с этими людьми и детьми? — доносился все такой же жесткий голос Вилли издалека.

— Всевозможное зло... Я насилую какую-то женщину, она кричит... Я приказал убить детей... какую-то старуху... Я вижу кровь.

— Я понимаю... Что еще ты сделал?

— Все... Я все сказал. — Я ощущал боль в горле, оно изнывало от напряжения и спазма.

— Хорошо. Взгляни на это получше. Есть ли еще какая картинка?

Краем глаза я мог наблюдать, как Вилли сосредоточенно смотрел на шкалу э-метра.

— Вот так... что это за картинка? Что случилось?

Я стоял перед хижинкой, крыша которой была покрыта почерневшим от дыма сеном, внутри, в смертельном страхе, друг друга толкали люди. Я смог заметить матерей, которые, чувствуя приближение смерти, закрывали руками глаза детей. В одной руке я держал нож, рукоятка которого слиплась от крови, а в другой — кусок горящего дерева. Я поднял руку вверх и одним касанием соломенной крыши породил яркий огонь, охвативший ветхое жильё.

— Я поджег чью-то хижину. Я поджег тех людей и детей, что были внутри, я слышу их крики. Вилли, нужны ли все эти ужасные подробности? Я не могу смотреть на это.

— Я понимаю, это тяжело. Что еще ты сделал? — Вилли не отступал. Он, возможно, потерял бы звание процессора, если бы остановился хотя бы раз. Искусно, как опытный хирург, Вилли убирал духовные раны, безжалостно выжимая из них всю омерзительность, будто выполнял самую серьезную работу в мире. Очищая мои энграммы, он очищал всю планету, как его учил Лон Хибнер. Для клиента каждое стертое событие на траке времени, наполнявшее его агонией и мучением, было своего рода трещиной в стене, отрезавшей его от жизни, шагом к свободе. Он продолжил: — Что еще ты сделал?

— Этого и так слишком... Мне никогда не искупить свою душу от грехов.

— Хорошо... но взгляни еще чуть-чуть. Я улавливаю что-то на э-метре. Что это?

— Я не знаю, я не вижу ничего другого. Пронесются все те же образы. — Мне стало чуточку получше. Худшее было позади. Нарыв был вскрыт.

— Хорошо, иди в начало переживания. Дай мне знать, когда окажешься там.

— Я там.

— Мысленно пройди через переживание от начала и до конца. Скажи мне, что ты видишь.

— Я нахожусь среди группы наездников... мятежников... Точно не знаю. Темно, трудно что-то разглядеть. Мы приближаемся к какой-то деревне... Люди чем-то разозлили нас... А-а-а, теперь я знаю. Кто-то из них донес на нас. Мы жаждем мести. Я приказал убить нескольких людей в деревне, включая детей. Я нес зло... они напуганы, им страшно... Я медленно приближаюсь к ним... В моей руке нож. Я... убивал их. Безжалостно убивал их... Я поджег дом. Я вижу языки пламени, я слышу крики женщин и детей. Они горят заживо, как курицы...

Боже правый, невероятно, что находится внутри человека?! Внутри благовоспитанного человека, который думает, что не может обидеть и мухи!..

— Хорошо, продолжай, — сказал Вилли.

— Какому-то человеку я накинул веревку на шею и потащил его по грязи. Я на лошади, ликую. Вилли, мне это нравится. Боже мой, каким же извергом я был?!

— Очень хорошо. Видишь ли ты какую-нибудь другую картинку?

— М-м-м-м... нет.

— Очень хорошо, отправляйся в начало события.

— Я там.

— Быстро пройди через событие от начала и до конца. Скажи мне, что ты видишь.

— Я вижу, как скачу на лошади среди группы мошенников... Матери закрывают глаза детям при виде моего ножа... сожженный дом... человеческое тело в петле...

— Очень хорошо, — продолжил Вилли, — иди в начало события.

Я чувствовал себя лучше. От нарыва не осталось и следа. Я все еще чувствовал какое-то отвращение, и Вилли в плановом порядке разобрался и с ним.

— Я в начале.

— Хорошо. Быстро пройди через событие. Скажи мне, что ты видишь.

Картинки исчезли, а вместе с ними и страдания, мучения и отчаяние. Я попытался взглянуть, осталось ли что-нибудь еще, но увидел лишь пустоту. Я уловил какое-то небольшое волнение, а затем, на долю секунды, увидел образ тела на петле. Оно мерцало, то исчезало, то появлялось.

— Я вижу человека с петлей на шее. Образ практически стерт.

— Хорошо, иди к началу. Дай мне знать, когда окажешься там.

— Я там.

— Быстро пройди через событие от начала и до конца. Скажи мне, что ты видишь.

Я попытался разглядеть хоть что-нибудь на темном экране моего сознания. Там была лишь пустота, да трепещущее чувство радости, после которого появился еще и хохот в груди. Я избавился от колючек своего израненного прошлого.

— Больше ничего нет, Вилли, все вычищено.

— Очень хорошо, — сказал Вилли. Его губы вытянулись в улыбку, а на голубых глазах появились крошечные морщинки. — Стрелка плавает на э-метре. Событие вычищено.

Я почувствовал одновременно и облегчение, и замешательство. Как же столкновение с образами из прошлого могло избавить от страдания, боли и мучения? Насколько же продвинутым оказался этот процессинг по сравнению с месячными психоаналитическими философствованиями по поводу ненависти к отцу и сексуальному возжеланию своей матери. Вам все объясняют, однако страдание, тянущееся годами, так и остается с вами.

В сциоларгии процессор заставляет вас несколько раз пройти через заряженное эмоциями событие, и с каждым таким разом картинка начинают тускнеть, а заряд ослабевать до полного исчезновения. На его месте в сознании остаются лишь пустота и приятное спокойствие. Каждая такая порванная цепь подобных переживаний, наполненных страданием и болью, символизирует собой похоронную процессию этих самых болезненных переживаний. По окончании мне казалось, что я мог летать, свободно дышать или смеяться. Единственным отпечатком, напоминающим о моих страданиях, была рубашка, мокрая от слез. Теперь комната казалась мне более привлека-

тельной и яркой, а темные кирпичные здания Лондона, что я наблюдал через окно, — тихими и величавыми.

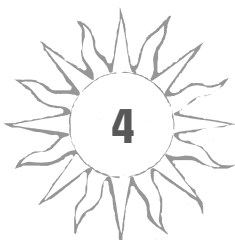
— Возьмем перерыв, — сказал Вилли, выключая э-метр, — можешь отпустить электроды.

Я взглянул на круглые часы на стене. В это было трудно поверить, но сессия длилась два с половиной часа. От стиснутых в кулаках электродов у меня онемели пальцы.

— Вилли, это похоже на нереальный сон. Я знаю, что произошло, знаю, что я сделал, но я не страдаю от этого. Как такое возможно?

Вилли довольно улыбнулся.

— Это и происходит. Человечество будет бесконечно благодарно Лону Хибнеру за его Сциоларгию. Невероятный человек, невероятные процессы, невероятные переживания! Какой бы была у нас жизнь без него? Напиши отчет о сессии и передай его руководителю процесса. А сейчас давай пойдем на обед.

Весь предпоследний этаж в лондонской ОРГ отводился под Академию. Над входной дверью золотыми буквами было написано: «Через эту дверь проходят самые ценные люди на планете». Ровно в девять часов утра я прошел через эту дверь.

— Мне сказали связаться с вами, — обратился я к Дону Гласкину, руководителю Академии.

— А-а-а, да! — сказал он, крепко пожимая мне руку и улыбаясь, словно искренне был рад меня видеть. — Добро пожаловать в Академию. Я надеюсь, вы осознаете значимость этого момента, — после чего добавил: — В любом процессе вы сталкиваетесь с этапом, когда необходимо приобрести и теоретические знания.

— Я вполне доволен практической работой, теория мне не очень интересна.

— Одно не обходится без другого. Я просмотрел ваше дело. Вы постоянно и обоснованно расспрашиваете процессеров; вы много раз говорили о том, что вам нужно знать, что вы делаете, чтобы делать это наилучшим образом. Разве это не так?

Он был прав. Когда я не знал цели процесса, я начинал нервничать и вздорить. Я неохотно кивнул головой. Почесывая бороду, он довольно улыбнулся. Он проводил меня до стола, за которым уже сидел Альберто, постоянно ошивающийся вокруг ОРГ испанец, и показал мне на стул рядом, добавив при этом:

— Теперь это твое рабочее место. — Он вручил мне толстую пачку напечатанных материалов. — Выносить материалы

за пределы Академии запрещено. Если что-то неясно, то спрашивай только меня!

В комнате нас было пятнадцать человек. Большинство из них я узнал еще во время прогулки по Академии. Они с головой окунулись в безмолвное чтение материалов. На мгновение Альберто поднял голову, посмотрел на меня и кивнул. В этом месте возбранялись любые разговоры, никакого обмена идеями, никаких философских обсуждений. Вступительный текст, который мне нужно было изучить, был озаглавлен следующим образом: «Как защитить Сциоларгию — инструмент по очищению этой планеты». На первой же странице красными буквами было выделено примечание Лона Хибнера, которое встречалось мне в начале каждой книги: «Если во время чтения вам попадется не совсем понятное для вас слово, то отложите книгу и проясните значение этого слова с помощью словаря».

Благодаря словарю я смог с легкостью прояснить значение нескольких слов, однако начал испытывать трудности, когда дошел до выражения «овчина». В средние века учащиеся высших учебных заведений пользовались этим термином. Передо мной на столе лежало несколько толстых словарей, но ни в одном из них я не смог найти значения этого выражения. Я поднял руку, и в мою сторону, бесшумно проходя между столов, направился Дон Гласкин.

— Я не могу найти значения выражения «овчина».

— На это есть словари.

— Ни в одном из них я не смог отыскать этого выражения.

Стиснув зубы, он пролистал все словари, что были между мной и Альберто.

— Мы посмотрим в «Словаре американских идиом», — сказал он и направился к полке, на которой стояли дополнительные энциклопедии и словари, находившейся по левую сторону от его рабочего стола. Через пару минут он открыл передо мной словарь и сказал: — Читайте вот здесь.

Раньше овчиной называли диплом, который в Средние века был написан на пергаментной бумаге и выдавался учащимся высших учебных заведений.

— Если вы знали значение, то могли бы сразу сказать мне о нем.

Он, должно быть, знал его, так как предыдущие студенты Академии сталкивались с этим выражением ранее. Он удивленно посмотрел на меня; он никогда не мыслил о таком невежестве. Он заговорил низким, но уверенным голосом, выделяя каждое слово:

— Конечно, я знал, я — руководитель Академии! В Сциоларгии мы никому не растолковываем значения слов. Мы направляем людей к источнику, так чтобы они нашли информацию для самих себя сами... Если я скажу вам значение слова, вы можете передать его еще кому-нибудь, а тот передаст еще кому-нибудь, и мы будем играть в сломанный телефон, вместо того чтобы применять самую точную науку о человеческой душе, которой и является Сциоларгия. Сделав глубокий вдох, он продолжил: — Моя работа в Академии заключается в том, чтобы направлять вас к ИСТОЧНИКУ, а не выдавать вам свои собственные точки зрения. Нашими источниками являются словари и слова Лона. Запомните это навсегда, — он поднял свой костлявый указательный палец, — Сциоларгия — это не просто чьи-то слова. Сциоларгия — это то, что говорит Лон в своих книгах, материалах и пленках. И ничего больше!

Постепенно во время сессий начали проясняться многие непонятные ранее элементы процессинга. Несомненно, простота духовной технологии была продуктом человека, способного синтезировать многие известные учения. В сциоларгии процессор не тратил времени клиента на рассказы о его несчастливом детстве, об отношениях с родителями или на толкование снов. В процессе Р-7, что Вилли применял на мне, оператор сразу начинал с проблемы и вел меня через мысли и эмоции, связанные с более ранними событиями, когда проблема только зародилась. Каждая новая встреча и конфронтация с событием убирала заряд, позволяя мне вспомнить более раннее событие, когда я испытывал аналогичное переживание. В результате передвижения по цепочке похожих событий я мог конфронтровать первичный, или исходный, самый глубокий источник своей проблемы. Когда я конфронтировал и смотрел на проблему как она есть, вся цепочка событий рушилась, и от проблемы не оставалось и следа.

Я был поражен простотой техники. Почему психологи ни разу не задумывались над этим? Затем я вспомнил, что Фрейд,

в самом начале зарождения психоаналитики, размышлял над тем, как свести бесконечно свободные воспоминания в систематизированную группу похожих переживаний, начиная с первичного. Он преподнес свою идею в документе, который носил название: «Две статьи о психоанализе». Он неожиданно обнаружил этот действенный и простой метод, но решил не использовать его. Для Р-7 время еще не пришло. У идеологий и научных открытий есть свои собственные временные рамки. Различные точки зрения, господствующие в какой-то определенный период времени, превалирующие новые идеи, включая и те, время для которых еще не пришло.

Я понял, что целью базового процессинга в сциоларгии являлось так называемое состояние Катар, или Чистого существа. Оно достигается благодаря устранению эмоционального заряда со всех вызывающих отвращение переживаний. Из-за этого заряда человек не может функционировать как безупречный компьютер с доступной базой данных. Когда с компьютера удаляется неверная информация, он выводит правильные результаты. Аналогичный процесс происходит, когда человек достигает состояния Катар. Он оптимально действует, думает и чувствует внутри рамок доступной информации.

На третьем уроке я познакомился с учением Лона о сущностной структуре человека. Согласно его представлениям, человеческое существо состоит из физического тела, ума и Монады, или Истинного Существа. Как инструмент Монада развивает человеческий ум; входя в человеческое тело, она получает переживания в этой вселенной. Физическое тело — машина, функционирующая на сжигаемых углеводах и жирах. Ум — инструмент, предназначенный для решения проблем в физическом и социальном мире. Монада меняет несколько тел, и когда одно из них изнашивается, она переходит в другое, используя тела как одежду или транспорт для физического передвижения. Такое мнение — практически сделанная под копирку копия учений об Атмане в йоге и Веданте.

Лон Хибнер забраковал термин «человек», так как он слишком сильно подчеркивал физический аспект существа. Еще в самом начале учения он отказался от термина «душа» из-за его смешения с христианской доктриной, согласно которой у каждого человека есть душа. Тогда кто же обладает душой? Хибнер

говорил, что нет, у вас нет души, вы и есть душа, или Монада. Слово «Монада» он перенял у Лейбница, но, по правде говоря, решил умолчать об этом, как и о многих других вещах.

Меня поразили характеристики Монады, которые так решительно были описаны Хибнером в его текстах. У Монады нет длины, массы, энергии, положения в пространстве, она не ограничена временем. Она обладает тремя характеристиками: она вездесуща, она может замечать вещи и явления, и она может принимать решения, через которые создает переживания. Несмотря на ее вездесущность и статичность, все же создается впечатление движения, так как она принимает различные точки зрения для получения переживания в этой вселенной. Каждый раз, как Монада входит в материальную вселенную, она сталкивается с ограничениями. Она появляется через промежуточную личность, что-то вроде временной личности, созданной для того, чтобы достичь определенной цели, представляющей собой определенное переживание.

Из-за того что Монада периодически меняет тела как машины, через которые она проявляет себя, она напоминает странника, переселяющегося из одного тела в другое и перепроживающего бесконечное число жизней, пока не исчерпает всевозможные переживания в этой вселенной. В документе, озаглавленном «*От жизни к жизни*», Лон утверждал, что благодаря процессингу пришел к выводу о том, что Монада входит в новое тело в различные периоды времени — при зачатии, во время беременности или, в некоторых случаях, спустя месяцы после рождения физического тела. Я предположил, что, имея такую точку зрения, Лону было необходимо объяснить явление существования и функционирование Монад вне физического тела. Он назвал это экстериоризацией, но на самом-то деле он имел в виду астральную проекцию, о которой писали оккультисты в прошлом веке. Лон выбрал данное явление в качестве конечной цели процессинга в сциоларгии. Существование Монады вне физического тела представляло собой способность к осознанному существованию и действию изнутри и вне человеческого тела, и называлось это Оперирующей Монадой, или ОМ. Имея возможность существовать вне тела, ОМ более эффективно воспринимает мир и оказывает на него влияние, нежели в те моменты, когда она прикована к телу и отождествлена

с ним. Интересно, а кому-нибудь из лондонского центра удавалось когда-нибудь достичь состояния Оперирующей Монады? Возможно, никому. А если кто-то и смог, то искусно скрывал эту способность. Несколько раз сразу после сессии, когда электроды были еще в моих руках, наблюдающий спрашивал меня: «Ты экстериоризован?» И сразу после такого вопроса, не отводя глаз от стрелки э-метра и не дожидаясь ответа, он заявлял: «Хочу заметить, что ты экстериоризован». Это делалось специально для того, чтобы убедить меня в том, что я достиг чего-то значительного. В такие моменты я упорствовал, мне было не по себе: затуманенный взгляд, дрожь внутри, как будто я становился шире собственного тела. Но все же без него я не мог нормально функционировать. В такие моменты что-то происходило, но это не было хибнеровской экстериоризацией. «ОМ — индивидуум, способный функционировать независимо от физического тела; и совершенно неважно, имеет ли таковое в данный момент, или нет». Я сравнил эту формулировку с теми астральными проекциями, что когда-то давно испытал, когда работал с книгами Офиэля и Мэлдуна, — между ними не было ничего общего.

Меня больше волновали собственные умозаключения, нежели технические описания. Если Монада может переходить из одного тела в другое, то, принимая его точку зрения, ей ничто не может помешать выбрать в качестве остановочного пункта другую планету или галактику. Вездесущая Монада могла бы принимать свои точки зрения где угодно. Ее не останавливает самая большая скорость, доступная материи в этой вселенной, скорость света, так как она путешествует со скоростью мысли, которая, по сути, неизмерима. На мгновение я предположил, что по крайней мере некоторые жители Земли являются гостями с других планет и из иных миров.

Во время перерыва в кафетерии центра я подсел к Бритте Шварц, немке с тусклыми голубыми глазами. Она являлась ОМ-3, Оперирующей Монадой третьего уровня, люди в ОРГ с уважением смотрели на нее. Как по мне, то я не разглядел в ней существа, наделенного сверхъестественной силой: она частенько опаздывала в Академию, выкуривала в день две пачки сигарет и страдала от головных болей.

— Как дела?

— Плохо, — ответил я, ожидая следующего вопроса. Эта ОМ-3 была чересчур любопытна, она не могла продержаться в тишине и десяти секунд.

— Могу я что-нибудь сделать для тебя? Принести чашку кофе?

Я потряс головой.

— Нет, спасибо. Те, кто хоть раз пробовал английский кофе, поймут, почему англичане пьют только чай. — Я молчал какое-то время. Стоило ли спрашивать ее о чем-нибудь? Я был уверен, что она посоветует мне просмотреть исходные материалы Лона. За чашкой своего кофе она с заинтересованным лицом смотрела на меня, подготавливая следующий вопрос. Я опередил ее. — Я сейчас читаю материалы, в которых рассказывается о том, что Земля является планетой для заключенных — тюрьмой для Монад. Я не совсем понимаю... кто расставляет ловушки, чтобы их поймать? Какую цель преследуют эти существа?

— Такое дается на ОМ-уровнях. Там ты столкнешься со многими удивительными открытиями.

— Но я хотел бы узнать об этом сейчас. Кто создал телесных Монад, кто создает проблемы для Катаров? Я не знаю, с какой звезды это пришло, но точно не с Марса или Сириуса.

Она поглядела на меня со стороны.

— Хорошо быть уверенным, — сказала она и допила свой английский кофе.

Я неохотно отодвинул в сторону вопросы про космические ловушки для Молад и присутствие Существа во всех измерениях и вселенных, я отложил их до того момента, пока у меня не выдася шанс испытать их на себе. На тот момент меня интересовала часть учения Лона Хибнера, касающаяся истоков проблем и методов их разрешения. Его истолкование вопроса шло вразрез со всем тем, что я изучал до настоящего времени. Человек сам создает свой субъективный мир, видение жизни, отношения с другими, включая самого себя, — это я принял еще давным-давно не без помощи Акермана. Описание Хибнера того, как человеческое существо создает и разрушает свой мир, полностью открыло мне глаза. Должен был признаться, что такого рода информации не было представлено в моих любимых книгах, начиная от американского гуру Рамачараки и заканчивая современными учителями — Вивеканандой, Шиванандой и Рамана Махариши.

Я был убежден, что субъективная вселенная каждого человека похожа на бассейн, наполненный водой. Если в нем плавают страдания, боль и любые другие духовные примеси, то мы можем изменить ситуацию, наполнив этот бассейн при помощи самовнушения и медитации положительным ментальным и эмоциональным содержанием, словно добавили бы чистой воды. И через какое-то время в нем была бы лишь чистая вода, а наше сознание не уступало бы по чистоте горному озеру. Основываясь на простых формулировках и убедительных примерах Лона, я осознал, что такие процедуры не избавляют от первичного негативного содержания, они только временно

маскируют его. Когда-нибудь они снова появятся в сознании человека, может, через десять дней, может, через десять лет, а может — и в следующем воплощении. Вспоминая свои прежние переживания, я везде находил подтверждение точки зрения Лона. Голос Дона Глескина прервал мои глубокие размышления:

— Боги, настало время обследоваться.

Непоколебимый как монумент, он проводил обследование за своим столом. Я сел напротив него и взял в руки электроды от э-метра.

— Как себя чувствуешь?

— Есть небольшое напряжение. Оно всегда приходит, когда я сажусь за э-метр.

— Я понимаю. Расскажи мне о четырех основных формах существования.

— Принятие первого решения, изменение текущего состояния, существование, отрицание истины и воспроизведение или повторение исходного решения, — я отвечал быстро и уверенно.

— Очень хорошо. Теперь скажи мне, как может первое решение перестать существовать?

— На это есть три способа: когда Монада воплощает свое решение в этой вселенной, когда она воспроизводит его в сознании и когда она отменяет свое изначальное решение.

— Хорошо, приведи мне пример первого способа.

Тема разговора была интересной, так как я освоил ее целиком. Я быстро отвечал на его вопросы, будто пересказывал выученное наизусть стихотворение в начальной школе. Когда я сказал, что решение можно растворить медитацией, Дон Глескин поднял брови и сказал:

— Какой медитацией?

Я знал, что я совершил ошибку. Для последователей Лона не было ничего более ценного, чем процессинг. Все остальные системы духовного развития: медитация, йога, даже такое наивное действие, как релаксация, — считались недопустимым отклонением. Я сказал смиренно:

— Существуют некоторые методики медитации и кое-какие процессы, которые могут ликвидировать нежелательные состояния, возникшие в результате прошлых решений.

— Это черная Сциоларгия, — уверенно заявил Глескин. — Практикующие такие методы вводят людей в заблуждение, даря

им лишь временные победы. Эти люди — деспотичные личности, украсившие у Лона некоторые из процессов и не способные правильно их применять. Сциоларгия — единственный путь к абсолютному освобождению Существа. В первый раз в истории человечества мы располагаем точной технологией, которую раскрыл Лон Хибнер.

Я уже было хотел сказать, что процессы Акермана просты и эффективны, но он меня перебил:

— Давай вернемся к работе.

Я продолжил читать вслух стихотворение, пока не подошел к концу.

— Хо-о-ро-о-шо-о-о, — сказал слегка уныло Дон Глескин, так как больше ему не пришлось меня поправлять. — Запомни. Когда ты станешь ОМ, ты забудешь про весь этот лепет насчет медитаций и систем вне Сциоларгии. Эти техники были созданы для того, чтобы остановить человечество на полпути к абсолютной свободе.

Я поразмыслил над тем, что сказать:

— Тем не менее, на свете есть несколько людей с благими намерениями, которые помогают другим, насколько это возможно. Не все являются деспотичными личностями.

— В основном, все. А кто ими не является, тот подсознательно служит силам, борющимся за свободу Существа. Ты убедишься в этом, когда дойдешь до уровня ОМ.

Стать ОМ в ОРГ значило для тех, кто был ниже этого уровня, обладать всесильной магией. Я хотел как можно скорее получить этот уровень, чтобы определить для себя, ошибались они или нет.

Он прервал мои размышления:

— Сходи в телевизионную комнату и попроси дежурного показать тебе запись под номером четырнадцать, где Лон читает лекцию о Гопал Кхане. Ты укрепишь свою компетентность в отношении возможных состояний существования. Это очень полезная лекция... — Он сделал паузу, после которой, словно пытаясь сказать мне что-то очень важное, добавил: — Как и все остальные лекции Лона.

— Это чрезвычайно полезная лекция, — заявил Уолтер Гаррисон, дежурный в телевизионной комнате, когда я сказал ему, какую лекцию хотел посмотреть.

— Я знаю, — сказал я, — это чрезвычайно полезная лекция, как и все остальные лекции Лона.

Уолтер не обратил внимания ни на слегка саркастический тон моего голоса, ни на выражение лица.

— Конечно, — уверенно сказал он, — присаживайся в кресло посередине.

Фильм оказался цветным и довольно хорошего качества, словно это была не копия. Под звук труб выплыла картинка большого белого корабля в открытом море. В верхней части экрана показалась надпись: «Где-то в Атлантическом океане». Лон Хибнер стоял на капитанском мостике в адмиральской форме с золотыми нашивками. В следующем кадре Лон Хибнер стоял в просторном зале на подиуме перед аудиторией, с закрепленным на отвороте блейзера микрофоном. У него были редяющие рыжие волосы и прозрачные зеленые глаза, хорошо сложен, с широкой грудью, из которой, словно из глубокого колодца, раздавался сильный голос: «Тема сегодняшней лекции посвящена циклу действия и возможным состояниям существования. Вы не нуждаетесь в представлении; мы сразу же приступим к теме».

Он создавал впечатление решительного человека, знающего, о чем говорит, и передающего знания остальным в доступном им виде. Лон вкратце рассказал о том, что я уже успел прочитать в материалах Академии.

— На этой планете мы впервые столкнулись с циклами действия в индийской философии. Все существующее во вселенной подчинено им, абсолютно все. — Он говорил со слегка наклоненной головой, словно обращался к тем, кто не верил его словам. — Под циклами действия понимается начало, продолжение и завершение. Брахма-создатель, Вишну-защитник и Шива-разрушитель. Я объясню вам этот цикл, так чтобы вы могли эффективно применять его для процесса высвобождения Монад.

Он кашлял уробно, так, что у него резонировала грудная клетка.

— Цикл начинается с первого состояния существования — принятия первого решения. С этого момента продолжается создание, создание, создание... Оно будет длиться до тех пор, пока не разсоздается изначальное решение за счет создания своей

копии, если то, что создано, будет являться его идентичным дубликатом. — Он сделал паузу, словно выжидал некорректный вопрос от слушателей, на который можно было дать всего один корректный ответ, после чего продолжил: — Что происходит, когда Существо воплощает свое решение?

— Это решение канет в пустоту! — проорала аудитория в один голос, как солдаты на присяге. Лон зажмурил свои зеленые глаза от явного удовлетворения. — А что произойдет, если оно потерпит неудачу? Конечно же, Существо принимает губительное решение, провальное решение, являющееся основой для очередного создания. Цикл действия не заканчивается на контрсоздании. Создается энергетическая спайка из двух противоположных сил, запускаемых двумя противостоящими решениями — изначальным решением и губительным решением. Когда вам не удастся воплотить изначальное решение, вы можете его подавлять, презирать и игнорировать, но вы не можете растворить его, так как вы не сотворили его идеальный дубликат.

Он молча посмотрел на аудиторию и вытянул свои большие толстые губы в улыбку:

— На примере печально известного персидского могола XVII века, Гопал Кхана, мы сможем убедиться в правдивости моих слов... Есть две версии описания его жизни... Одна со счастливым концом, другая — нет. Я начну с истории со счастливым концом. Слушайте внимательно! Гопал Кхан был одержим красотой. Несмотря на все его невероятное богатство, он жил в скромном дворце. И однажды, возвращаясь с охоты, он взглянул на старый дворец и принял решение: «Я построю дворец мечты».

— Слушайте внимательно. В его сознании не было никакого образа этого дворца мечты, ничего особенного. Он принял чистое решение. Я повторюсь — состояние нашего существования в момент принятие нами решения называется первым, или же исходным, решением. Хорошо, и что же произошло дальше? Гопал Кхан позвал придворного масона (зодчего) и сказал ему о своем решении. Они совместно разработали план идеального дворца, а искусные мастера — его модель. Сотни рабочих принялись за дело, и через четыре года дворец был готов. Встав перед дворцом и созерцая его красоту, Гопал Кхан со слезами на

глазах обратился к членам двора: «Вот и все! Это дворец моей мечты!» ...Он прожил в нем всю свою жизнь и умер с чувством исполненного желания.

Лон одобрительно посмотрел на своих слушателей и продолжил свою речь более низким голосом.

— Это была версия со счастливым концом. Кроме того, счастливый конец не так уж интересен. Монада притягивается к драматическому переживанию, так как ощущает жизнь лишь в драматизме. Давайте посмотрим на версию с несчастливым концом. История разворачивается аналогичным образом до самого строительства дворца. Спустя два года, когда дворец был наполовину готов, Гопал Кхан решил посетить своего друга, индийского махараджу. — Лон рассказывал эту историю спокойно, словно сидел с друзьями в каком-нибудь из ресторанов. Неожиданно он поменял тон голоса, стараясь подчеркнуть тот драматизм, что начинал разворачиваться перед нашим воображением: — В его отсутствие полчище варваров напало и уничтожило королевство Кхана: наполовину достроенный дворец был разрушен, искусные мasons и рабочие убиты, и даже модель дворца была разбита вдребезги, а казна разорена. Когда Гопал Кхан вернулся и увидел весь этот хаос, он закрыл лицо руками и простонал: «Я никогда не воплощу желаемого». **Теперь внимание!** В тот момент он принял губительное решение, которое заменило первоначальное, — указательным пальцем Лон постучал по виску и добавил: — Давайте вспомним его первое решение — «Я построю дворец своей мечты». Стоя у руин своего дворца, он принял второе, провальное решение — **«Я никогда не воплощу желаемого»**. Второе решение не растворило первое. И с тех пор оба решения находились в уме у бедного Гопал Кхана. Это состояние существования мы называем изменением существующего состояния.

Либо у Лона Хибнера был опыт выступлений на сцене, либо он был прирожденным актером. Он опустил голову к груди, согнул плечи и постоял в тишине некоторое время. Никто не двигался. Микрофон улавливал его глубокое дыхание. А потом заговорил медленным голосом, в котором чувствовалось примирение с судьбой:

— В последующие годы Гопал Кхан делал все возможное, чтобы продолжать руководить королевством. При строитель-

стве нового дворца он не обращал особого внимания на его вид. Он говорил себе, что в общем и целом выглядел неплохо. «У меня есть крыша над головой, мое королевство восстанавливается», — говорил он себе. Психологи и психиатры, все эти некомпетентные ребята, пришли бы к выводу, что он действовал как взрослый человек, смилившийся с реальностью. Мы называем это состояние **существованием**. Хорошо запомните это! **Существование — согласие с тем, что есть, так как из-за наших поражений мы расстались с тем, что хотели получить.**

Он потряс головой и сощурил глаза, будто наблюдал за расплывчатым сном:

— Тем не менее, Гопал Кхан никогда не смог восстановить от своего поражения. Когда он думал о своем дворце мечты, он вздыхал и страдал. Жизнь на широкую ногу не смогла помочь ему забыть свою мечту. Он отбрасывал в сторону эту вызывающую боль мечту, пытаясь забыться с помощью гашиша, секса, обжорства и азартных игр. И таким образом он провел остаток своей жизни, ища спасения в забвении. Это состояние существования мы называем **отрицанием существования**. Тем не менее, это ему не помогло, все оказалось бесполезным. Гаутама Будда говорил: «Вы становитесь тем, чему сопротивляетесь».

Лон встал со стула и плавно прошелся по сцене, что было невероятно для такого крупного тела; он был похож на актера, готовящегося преподнести потрясающий монолог. Он наклонил голову и сузил глаза:

— Давайте предположим, что Гопал Кхан продолжил попытки построить дворец мечты. Однако без денег и опытного масона ему бы ничего не удалось. Возможно, на смертном одре он сказал бы следующее: «Я пытался до самой последней минуты, но в жизни человеку не получить того, что он больше всего желает». — Лон подошел к стулу, уперся руками о спинку и решительно произнес: — Самая большая ложь здесь — идея чьей-то жизни. Когда кто-то рассказывает о том, что говорил Гопал Кхан на смертном одре, то получается, что он верит в то, что он — лишь тело, а не вечная Монада, **использующая тела** для воплощения исходного решения. Предположим, что позади смертного одра стоял буддистский монах... или любой из вас, юноши и девушки. Этот индивидуум сказал бы ему: «Ваше высочество, у меня для вас хорошие новости. Заблуждение по-

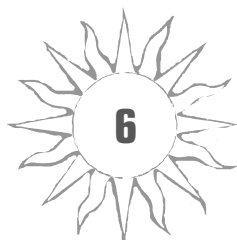
лагать, что вы живете только единожды, вы будете жить еще, так как будет еще одна жизнь. Распознайте свое губительное решение и завершите мечту в следующей жизни!» Если бы Гопал Кхан поверил в это, то он бы точно сказал: «Правда? Тогда я построю дворец мечты в следующей жизни. И все, что мне нужно, так это родиться в здоровом теле и в королевской семье. Это мне напомнило о моей беременной дочери, вышедшей замуж за раджу Кашмира. Мне нужно умереть как можно скорее».

Лон сделал паузу, а затем пронзительным голосом заявил о своем бесспорном умозаключении: «Это служит нам примером того, как мы можем освободиться от взлетов и падений в жизни, что создают столь много проблем. Нам нужно избавиться от второго, губительного решения и позволить Монаде продолжать усердные попытки воплотить исходное или первичное решение».

Он довольно и широко ухмыльнулся и добавил:

— На сегодня все. Надеюсь, лекция оказалась полезной.

Для меня — да. В этот день я понял, как я сам, собственными руками, создал свой субъективный мир, как я давал ему существовать, и как я рассоздавал его. Хоть перед глазами и не проносилось никаких картинок, я осознавал, что находился на том же жизненном уровне, что и всегда. Я был режиссером, актером и наблюдателем. И больше никем.

— Боги, тебя вызывают. Поднимись в техотдел.

Я был в общей комнате и ожидал процессинга. Поначалу я подумал, что что-нибудь стряслось. Процессинг считался духовной деятельностью, которой все подчинялось. Почему меня вызывают в отдел техобслуживания? Мое беспокойство росло, пока я поднимался по узким деревянным ступенькам. Альберто широко махнул рукой, показывая на дверь рядом с техотделом.

— Один очень важный человек хочет поговорить с тобой.

Напряжение начало стихать. Я усвоил, что все люди в сциоларгии — очень важные. В уголках рта проскользнула улыбка, и я открыл дверь. Я был ошеломлен видом человека, сидевшего в комнате. Он действительно выглядел очень важно. Высокий, могучая грудь, широкие плечи, смуглая кожа, серые глаза и выступающий подбородок. На нем была темная военноморская форма с символикой космических ОРГЗ на рукавах. Его локти были на столе, пальцы сцеплены в замок, а сам он сидел, чуть склонившись вперед. Он был похож на энергичного американского исполнительного директора, продающего компьютеры по всему миру.

— Боги, рад тебя видеть, — улыбнулся он и обнажил свои белые зубы. Он встал, протянул руку через стол для рукопожатия. Он мощно дышал, возможно, он смог бы выжать сок из сырой картошки одним нажатием на нее. — Меня зовут Уиллис. Джо Уиллис. Садись, садись, пожалуйста! — Он показал мне на свободное кресло. — Я сразу приступлю к делу. Хорошо?

Я кивнул.

— Хорошо. Видишь ли, мои люди сказали мне, что ты хочешь учредить ОРГ в своей стране. У меня есть для тебя отличная новость.

— Да, но мое желание не так-то просто осуществить. Югославия — коммунистическая страна. Все происходящее из другого мира расценивается как попытка иностранных сил подорвать автономную систему страны. Я твердо решил попробовать... Я сделаю все возможное... Я не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого.

— Не сомневайся, Боги! Ты принял решение, теперь тебе нужно заставить его работать. Мы поможем тебе. Вообще-то, немногие получают такую помощь, что мы предоставляем тебе. — Он сделал паузу и уставил свои серые глаза на меня. Он ясно давал понять себя и говорил строго по делу. Его слова, как вспышки огня, превращали в пепел любое сомнение. Что за помощь я получу? Взаимодействие с ОРГЗ обычно переутомляет человека... Неуверенность продлилась недолго.

— Тебя хочет видеть Лон! Понимаешь, что это значит? — Его глаза были такими же пронзительными, как лазерный луч. — Немногим так везет. Это значит, что Лон ценит твое решение учредить первую ОРГ в коммунистической стране. Настал момент очиститься от страданий, преступлений и несчастья для этой части планеты. Эта новая игра ведется на высших уровнях. Те, кто примет в ней участие, окажутся реальными счастливицами.

Если он хотел удивить меня, то ему это удалось. Каждый в лондонской ОРГ мечтал получить неожиданное приглашение на адмиральский корабль «Юпитер» и встретиться с капитаном. Что бы они сказали, когда услышали, что именно я отправлялся туда? Знал ли об этом Альберто? Едва ли... Должностное лицо Калифорнии никого не оповестило о причине приезда из Грин Хилл в Лондон. Словно читая мои мысли, он сказал:

— Это совершенно секретно. Никому ни слова о том, куда ты направляешься. Понятно?

Как жаль, что я не мог видеть выражения лица Альберто, когда он узнал, кто вызывал меня к себе. Я не мог с деланным равнодушием рассказать об этом и Дону Глескину. Я понимал, что если они услышат эти новости, то лишь притворятся, что рады за меня. Они бы сказали: «Ну и что с того», — и отправились

бы на сессию с процессором снимать заряд со своих неоправданных ожиданий. Если бы я только мог рассказать Вилли о происходящем. Он, возможно, порадовался бы за меня. Возможно, и разочаровался бы из-за того, что его обошли стороной. Пять лет усердной работы в лондонской ОРГ с утра до вечера за пару фунтов в неделю, и... а на «Юпитер» провожают меня. Я выпрямил спину в кресле.

— Когда я отбываю?

— Ты вылетаешь завтра утром. По поводу билета на самолет не беспокойся, обо всем уже позаботились.

— Мне нужно доложить руководителю процессинга, что сессия откладывается.

На его загорелом лице появилось пренебрежение.

— Он знает. Ты здесь больше не будешь процессироваться.

— Я заплатил за это.

— Я знаю. Твои деньги переведены в Космическую ОРГ. Теперь ты будешь процессироваться там.

Это означало, что у меня больше не будет сессий с Вилли, что я расстанусь с людьми в лондонской ОРГ, которые мне начали нравиться. Отъезд! От этой мысли становилось печально. Уиллис продолжил действовать в том же темпе, как его научили в Космической ОРГ. На секунду на его лице снова проскользнуло пренебрежение.

— Здесь ты покончил с процессингом раз и навсегда. Теперь ты будешь процессироваться в непосредственном окружении Лона. Боги, теперь ты ОВП, ты это понимаешь? — сказал он отрывисто, будто бил по столу кулаком. — О-В-П, понимаешь, что это значит?

— Никогда не слышал об этом.

— О-В-П означает... **очень важная персона**. Своей деятельностью и статьями в различных изданиях ты влияешь на общественное мнение в Югославии. Таким образом, ты заслуживаешь образцовой технологии Лона. Это значит: лучшие процессоры, лучшие супервизоры, лучшие руководители процессинга. Я смотрел твое дело. Во время твоего процессинга было допущено множество ошибок. С этим покончено, **ты заслуживаешь лучшего**.

Я вспомнил Вилли, счастливо припевающего после успешной сессии со мной и громко приветствующего налево и направо

людей в коридорах центра и всем своим видом напоминающего гордящегося своим успехом мальчугана. Было несправедливо отзываться таким образом о людях, работающих в базовом ОРГ, но я знал, что этому энергичному человеку было разрешено говорить что угодно. Ведь каждый здесь прилагал все возможное, чтобы воспользоваться случаем и оказаться в Продвинутых или Космических ОРГЗ. К счастью, никого из приятных мне людей не было рядом со мной. Я понимал, что этот калифорнийский красавец сказал бы то же самое и в их присутствии с той лишь разницей, что испытывал бы при этом большее удовольствие.

— Люди прилагали здесь все усилия, чтобы я смог получить только лучшее, — дружелюбно сказал я. — И я думаю, что это им удавалось.

— Знаешь, что, — сказал он, будто подводил черту начинающемуся бессмысленному разговору, — я бы не стал спорить по этому поводу. Джон Гарри вручит тебе билет. Попрощайся со всеми и марш отсюда.

Никто не знал, куда я отправлялся, но, судя по притворным улыбкам людей, что пожимали мне руки, им было предельно ясно, что я их обошел. Тони Браун, руководитель процессинга, с нескрываемой печалью пожал мне руку. Он спал по три, по четыре часа в сутки, так что его глаза были красными от утомления. В остальное время он работал у себя в кабинете либо мыл коридоры и окна в центре.

— Я не знаю, куда ты отправляешься, Боги, но уверен, что для тебя это нечто важное. — Он подозревал о пункте моего назначения. Словно подтверждая сказанное, он добавил: — Я знал с самого первого момента нашей встречи в ОРГ, что ты — счастливчик. Разговаривал уже с Джо Уиллисом по поводу своего процессинга здесь?

— Конечно, я сказал ему, что со мной здесь обходились самым наилучшим образом, что мне жалко покидать это место.

— Не сожалей. Я не знаю, куда ты отправляешься, но уверен, что ты подходишь к высшему уровню ответственности. Будь же счастлив.

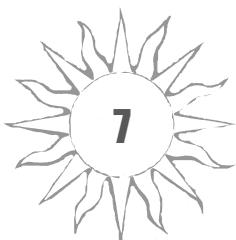
Альберто, опираясь одной рукой о стену, с серьезным лицом кивнул головой, и его жест подхватили и остальные присутствующие, будто это был какой-то принудительный ритуал, однако я знал, что им было тяжело скрывать печаль.

— Пришли нам открытку, — сказал Альберто, — мы будем счастливы слышать о твоём продвижении.

— К сожалению, я не смогу этого сделать.

Все замерли. Я дал промашку. На свете было лишь одно место, откуда невозможно было списываться с другими друзьями. Резиденция Лона Хибнера на тот момент находилась в Зоне НО, или Зоне Нулевого Общения.

Я прибыл в Зону НО на следующий день. Я приземлился под палящим солнцем в маленьком аэропорту рядом с Корфу. Здания вокруг были выкрашены в белый цвет, в то время как окна и двери — в небесно-голубой. Раскаленные от солнца облака были почти прозрачными. Пройдя таможенный контроль, я заметил, что меня поджидали двое молодых людей. Они стояли в очках, джинсах и белых рубашках.

— Добро пожаловать, Боги, — произнес с серьезным лицом тот, что выглядел постарше. У него были толстые губы и массивная выступающая челюсть. Он крепко пожал мне руку. — Я Вернер, а это Рики.

Я заметил тот знакомый сциоларгический взгляд, направленный точно в глаза собеседника для полной конфронтации. Также я обратил внимание и на то, что они были опытными каратистами. На пальцах виднелись большие затвердевшие мозоли, образовавшиеся после многих лет тренировок.

— Пойдем сейчас же. Тебе нужно поговорить с одним важным человеком.

— Я знаю, — сказал я, размышляя над тем, будет ли у меня время помыться. Снаружи здания аэропорта воздух был тяжелым от жары — около сорока градусов по Цельсию. Вернер шел быстро и удивленно поглядывал на меня со стороны:

— Ты знаешь?

Я слегка рассмеялся.

— Конечно, знаю. В Сциоларгии я никогда еще не говорил с неважным человеком. Все — о-о-очень важные.

— Понимаю, о чем ты говоришь, — он нейтрально отреагировал на мою реплику, и я почувствовал некоторую запинку в его голосе. Мой юмор был неуместен; он, несомненно, знал о моей принадлежности к ОВП, а также о риске поплатиться за бестактность.

Вернер и я сели на заднее сиденье крытого джипа. Я положил сумку рядом с собой. Рики молча вел машину. Мы проезжали мимо белоснежных домов, от жары дорожный асфальт был такого же белого цвета, а воздух, поступающий через открытые окна, не приносил свежести. Интересно, где же был пришвартован «Юпитер»? Рики решил не въезжать в город, он повернул на развязке и продолжил движение по внутренней части острова. Вернер передал мне в руки солнечные очки и сказал:

— Надень их.

— Мне они не нужны.

— Просто надень их. Это требование безопасности.

Я их надел. Это были дешевые темные очки с темно-голубоватой накладкой, через которую ничего не было видно. Это было что-то вроде повязки, чтобы я не мог видеть всего маршрута. Надев их, я боковым зрением все же смог разглядеть скалистую дорогу с редко попадающимися кустами и низкорослыми хвойными деревьями. Мы остановились перед большой белой стеной с серыми двусторонними воротами. Двое молодых мужчин с рациями в руках открыли их. С короткой прической и загаром они были похожи на учеников по карате в летнем тренировочном лагере. Они проигнорировали мое приветствие и молча закрыли за нами ворота.

— Рики покажет тебе место для ночлега. Позже позовешь руководителя теха, — проинформировал Вернер.

Спальная комната чем-то походила на армейскую: дощатые неструганные двухъярусные койки, голые каменные полы и мешки под кроватями. Я выбрал нижнюю с чистыми постельными принадлежностями. Моя попытка засунуть под нее мешок не увенчалась успехом — места там явно не хватало. Пришлось положить свои пожитки на противоположную сторону от подголовника. Я был не против такого жилья, я ждал встречи с капитаном.

Руководителем теха оказался Отто Олсен, веснушчатый большеухий скандинав с солнечным лицом и белокурыми во-

лосами. Он тотчас же разрушил все мои мечты по поводу близкой встречи с капитаном.

— Тебя будут процессировать до уровня ОМ-3, прежде чем пригласят на встречу с Лоном. Таким образом, ты сможешь полностью выполнить свою миссию, чтобы помочь Лону очистить эту планету. Когда ты будешь готов, Лон лично скажет тебе, что делать.

Техотдел располагался в маленькой комнатке на первом этаже. Отто сидел за столом, на котором находились какой-то старинный телефон и кипа писем. На нем повсюду были разбросаны папки с именами непонятных людей. Очевидно, это было лишь временным пристанищем для организации. Я с сожалением осознал, что не буду процессироваться на корабле. Здесь я рассмотрел Отто поближе. В нем было где-то девяносто килограмм, хотя сам он выглядел тощим. От него исходило чувство защищенности, как от человека, выполняющего самое важное дело в жизни — личное служение Богу.

— Мои деньги перевели сюда, но я не знаю, хватит ли их, чтобы покрыть все расходы. Я оплатил уровень ОМ-1.

Последние пятьсот долларов я припрятал в ремне джинсов, решив, что не буду прикасаться к ним ни при каких обстоятельствах. Я надеялся, что меня не будут спрашивать о деньгах, когда посадят за э-метр. На лице Отто показалась несколько надменная улыбка, которая внушала чувство защищенности всем, кто ее видел.

— Об этом позаботились. Тебя будут бесплатно процессировать до уровня ОМ-3. Понимаешь, что это значит?

Скандинав начинал раздражать меня. Я должен был быть благодарен ему и оценить его влияние.

— Я благодарен Лону за такой подарок. У меня нет слов... Его лицо приняло каменное выражение.

— Тебе запрещено покидать это место. Если что-то потребуется, обращайся к старшему по комнате. Если во время занятий ты сталкиваешься с людьми из деревни, то стараешься не заводить с ними разговора. Если беседы избежать не удастся, то коротко говоришь им, что мы снимаем фильм. Ни при каких обстоятельствах ты не должен говорить о том, что здесь находится Лон.

Итак, Лон здесь. И у меня не будет с ним встречи на корабле. Я не понимал, что все это значило. Где же был «Юпитер», и

почему они отказались от моря? Но я не задал никому этих вопросов, так как иначе создал бы впечатление неопита, не знающего, как вести себя в таких местах. Подняв голову и выставив подбородок вперед, словно тетерев перед тем, как заквохтать, Отто произнес имя Лона. В его устах слово Л-О-О-О-Н символизировало космическое пробуждение славы Господа. Благодарение ему за милосердное существование и взнос в драматическое сочетание с момента создания вселенной.

— Лон здесь?

— Да.

— Когда я начну процессироваться?

— Скоро... во второй половине дня.

Мне показалось, что он допустил промашку, и я решил поддеть его. Без папки с делом не начинался ни один процессинг. Супервизор должен был посмотреть на мое дело, в которое записывались все сессии, что я прошел, чтобы создать программу для моей будущей работы. Я сказал с наивным лицом:

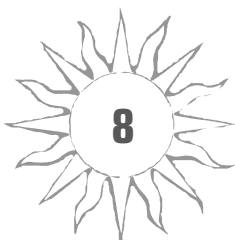
— Я думаю, что это будет сложновато. Мое дело в лондонской ОРГ.

Раздался его краткий и заносчивый смех.

— Твоя папка здесь. Она появилась здесь в тот же момент, как и ты сам. Твой супервизор уже работает над ней.

Это означало лишь одно, что кто-то еще прилетел на том же самолете. Они действовали действительно очень эффективно. Все помнили и не поддавались воле случая; было всегда известно, кто и за что отвечает. Я неохотно сравнивал себя с людьми Отто. Изменюсь ли я когда-нибудь? Будучи мастером халтуры, я был склонен медлить, откладывать взятые обязанности на потом. Какой же процесс нужно было на мне провести, чтобы я смог походить на того робота, что без всяких оговорок и сомнений предан лишь одной-единственной цели?

— Спасибо, Отто, — сказал я и с трудом проглотил слюну.

Из упоминаний, а также некоторых кусков разговоров с людьми в спальном корпусе я пришел к выводу, что дни Морской ОРГ подошли к концу, и что Лон расположился здесь вместе с большинством своих выдающихся сторонников.

Никому не было известно, почему так произошло. Зона Нулевого Общения работала в лихорадочном темпе, чем-то напоминая растревоженный улей. Академия располагалась в каменном доме и была, по меньшей мере, в два раза меньше, чем Академия в лондонской ОРГ. Внутри мне все было знакомо: столы с глиняными фигурками, которые использовали новички, чтобы отчетливо показать, что они понимают процесс, через который проходят. Разбившиеся на пары люди с пристальным взглядом и ничего не выражающими лицами конфронтировали друг друга. Одни читали конфиденциальные материалы, в то время как другие слушали через наушники лекции Лона, полностью погрузившись в них. Несколько больших фотографий капитана были развешены по всему дому, сам же позолоченный бюст Лона располагался позади кресла руководителя Академии.

Руководителем был Питер Кроули. Ему было за тридцать: шкиперская борода, судорожное лицо и поднятая вверх левая бровь. На его худом и бледном теле красовался военно-морской голубой блейзер с символикой Космической ОРГ и галстук, повязанный малым узлом на белоснежной рубашке. Его кожа была сухой, словно потовых желез не было. Казалось, что он пересчитывал стулья, когда в форме проходил между их рядами,

а когда откидывался в кресле, то скрещивал руки на груди и поднимал брови чуть выше.

Для меня с самого начала был уготован сюрприз. Я дочитывал вторую половину первой страницы конфиденциального документа, посвященного силе чистого намерения, когда ко мне подошел веснушчатый мужчина средних лет и обратился:

— Меня зовут Дэвид Данлоп. Пойдем со мной, Боги, у нас будет сессия.

Я никогда еще не видел такой маленькой комнаты для процессинга. На стене, что была позади Дэвида и смотрела в мою сторону, висела фотография Лона, на которой он был изображен в белой рубашке с шелковым шарфом, повязанном вокруг шеи. Я внимательно смотрел на Дэвида, пока он подготавливал э-метр. Он мне понравился. Своим видом он создавал впечатление скромного человека, в нем не было заметно и капли того высокомерия, которое не терпит неповиновения.

— Можем начать? — по-домашнему обыденно спросил он без всякого намека на повелительное наклонение.

— Да, конечно.

— Супервизор просмотрел твоё дело. Мы пропустим несколько уровней, так как ты их уже превзошел. Я бы хотел восстановить состояние Катар, которое ты испытал в марте месяце и от которого впоследствии отказались и загнушили.

— Катар?

— Да, так и написано в твоём деле.

— Не у меня...

— Есть ли какие-нибудь возражения по поводу моего высказывания о том, что ты испытал Катар в марте?

— Конечно. У меня нет никаких способностей для Катара. Во мне дыр, как в швейцарском сыре.

— Я понимаю. Скажи мне, кто несет ответственность за твоё текущее состояние?

— Я, и никто другой.

— Очень хорошо. Стрелка плавает на этом утверждении. Скажи мне, кто создал твои прошлые переживания?

— Я, кто же ещё?

— Превосходно. Стрелка плавает. Кто будет создавать твои переживания в будущем?

— Это же ясно, что я.

— Спасибо. Стрелка опять плавает. А теперь закрой глаза и хорошенько взгляни на свою жизнь. Скажи мне, есть ли хотя бы одно переживание, которое создал не ты? Когда я говорю о создании переживания, я подразумеваю, что либо ты его создал, либо ты способствовал его созданию, либо же ты позволил другим создать его за тебя.

Перед глазами начинали пробегать куски событий, которые мне когда-то казались неприятными и болезненными, однако теперь они были пустыми, как выжатый лимон. Когда же я начинал фокусироваться на других существах, которые могли бы быть причиной тех переживаний, то они опустошались и дезинтегрировались. Я везде находился в центре образа. Я попытался воссоздать в памяти свои излюбленные болезненные воспоминания, которые использовал в качестве оправдания за свои ограничения и неудачи. И опять же был в центре, как ось, вокруг которой крутилось колесо. Когда отец бросил меня в угол комнаты, да так, что я вывихнул руку, то на секунду я подумал, что не был ответствен за это переживание. Но эта мысль быстро растворилась; я сразу же осознал, что именно я решил упасть таким образом, и что именно я спровоцировал отца перед этим.

Я вспомнил Элеонору из средней школы, изменившей мне с Николой Милином. Внезапно появившийся фильм, проигрываемый на большой скорости, — я, с короткой прической и в зеленой рубашке, говорю ей, что у каждого человека есть право на свободу выбора, и что преданность есть не что иное, как провинциальное заблуждение, — стер еле заметно проявившиеся страдания. Меня встревожили эти слова, но я стойко продолжал повторять их... Одна лишь мысль о каком-либо переживании уже подводила к заключению о том, кто нажимал на все кнопки и кто в это же время наблюдал за картиной.

Я открыл глаза.

— Я все создал сам. Нет ни одного переживания, созданию которого я бы, по крайней мере, не способствовал.

— Очень хорошо, Боги. Как ты себя чувствуешь?

Я чувствовал, как вокруг глаз собирались слезы, но при этом не было никакого сожаления. Эти слезы были полны счастья. Я осознал, что был единственным творцом всех переживаний в своей жизни, но по какой-то причине забыл об этом. Я снова вспомнил об этом, и теперь ничто не могло скрыть или отобразить

у меня это воспоминание. Передо мной появился образ Акермана, и я безо всякого сомнения пришел к выводу, что Акерман заложил во мне этот процесс. Лекции Лона о Гопал Кхане способствовали его развитию. Я вспомнил слова Джо Уиллиса о том, что во время моего процессинга было допущено множество ошибок. Все началось с убеждения о необходимости ретроспективно переосмысливать прошлые события и осознавать их влияние, неважно какое, с печальным или со счастливым исходом. Таким образом, меня запустили в процессинг с позиции следствия, в то время как я являлся причиной всех своих переживаний. Прошлое никаким образом не влияло на меня. Осознав это, я мог сфокусироваться на любом переживании из прошлого и выйти из него в тот же момент.

Я не мог увидеть ни в отце, ни в матери, ни в неверной девушке, ни в стране, ни в коммунистах, ни в ворах, ни в ком-либо еще причину моих болезненных переживаний... Лишь я, и снова я. Именно здесь начинается и заканчивается история.

На секунду я задумался о способностях ОМ, оккультных силах, что были обещаны в рекламных программах сициларгии, о прошлых надеждах, когда я буду ими обладать, как только достигну состояния Катар. Я смеялся над собой. Магические силы — точно такие же, как рубить деревья и черпать воду из колодца. Мысль об оккультных силах исчезла, словно духовная детская игра, в которую я уже наигрался. Какие еще оккультные силы, когда есть одна, которая содержит их все в себе. Я был центром своей родной вселенной. Я создал ее собственными решениями, некоторые из них я наблюдал из своего далекого прошлого, когда еще не началась цепь жизней. Дэвид улыбался, терпеливо ожидая момента, когда я заговорю.

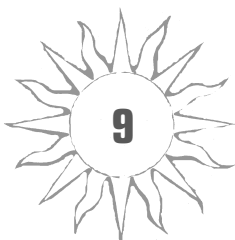
— Как я себя чувствую? Я думаю, тебе это хорошо известно. Кроме меня больше никого нет, я сотворил все сам! Как же я мог оказаться таким дураком и не видеть этого раньше? Дэвид, как такое возможно?

И в тот же момент я знал его ответ. Он улыбнулся еще шире и начал открывать свой рот, чтобы ответить на мой вопрос. Я наклонился поближе к нему и одновременно с ним произнес одну и ту же фразу: «Именно это и происходит».

Он улыбнулся, кивнул головой и отдал мне должное:

— Ты быстро учишься, Боги.

Дэвид позволил мне прогуляться после сессии.

— В красную зону не ходи, — предупредил он меня, — там Лон расположился со своей семьей.

Размеров поместья нельзя было разглядеть из-за высоких сосен, что росли позади спального корпуса. Но так хорошо я давно себя не чувствовал. Я нашел тенек под группой высоких сосен и растянулся по земле. В памяти всплыли картины мартовского периода в Лондоне, то, с каким чувством я прогуливался по Оксфорд-стрит после сессии. Руководитель процесса Жан Луи сказал мне, что я не могу пройти процессинг из-за **диссоциативного состояния** — стрелка на э-метре постоянно плавала.

Я шел по улице и напевал себе под нос мелодии. Даже когда я ел, я не мог остановить вертящиеся в голове мелодии. Я пел в книжном магазине, когда перелистывал книги, засыпал под песню, которую нашептывал губами, и просыпался под те же самые мелодии, напевая их себе под нос. Конечно же, это и было состояние Катар, которое я подавил в себе из-за предписываемых мне указаний, как надо и не надо поступать. Я не говорил по этому поводу, то же состояние вернулось ко мне обратно, и на этот раз я полностью осознавал, что происходит со мной. При помощи нескольких вопросов и э-метра Дэвид Данлоп вернул это состояние.

Мою расслабленность потревожила громкая брань у восточной части запретной зоны. Был слышен сильный командный бас:

— Чертовы засранцы, я преподам вам урок. Ублюдки вы такие, вы все на одно лицо. Сколько раз мне повторять, что вы должны делать?!!

Этот резкий и сильный голос был мне знаком. Кто-то оказался посередине ужасной сессии. Я вспомнил свои первые крики и страдания и был рад тому, что уже прошел через это. Девушка, которая жевала бутерброд, опираясь на сосну, сначала обеспокоенно посмотрела на меня, а затем в сторону доносившейся брани. Я кивнул головой и сказал:

— Иногда сессии проходят жестковато.

— Да нет, это капитан кричит. Кто-то облажался.

Ее слова удивили меня. Она пояснила:

— Капитан полагает, что не нужно подавлять в себе негативную энергию.

— И это здесь считается обычным?

Она сконфуженно пожала плечами:

— Для капитана — да. И для его посредников. Будь осторожен, не попадай в неприятности. — В ее словах был намек на опасность и предупреждение. От расслабленности не осталось и следа. Я встал и пошел обратно в Академию.

— Сейчас мы передаем тебе **очень конфиденциальные материалы**. Ты полностью за них отвечаешь, — сказал мне Питер Кроули, вручая внушительную голубую папку с материалами. — Внимательно прочитай порядок работы. Он описан на первой странице. Ты должен понимать каждое слово в техническом материале. При малейшей неясности обращаться ко мне. Ясно? — Его бровь приподнялась еще выше.

— Да, ясно.

— Тебе нужно регулярно принимать витаминную смесь, а также кальций и магний. Каждое утро я буду выдавать их тебе. Ясно? — Он достал из пластикового пакета, что был в его ящике, горсть разных таблеток. Их было так много, что они с лихвой покрыли всю ладонь. — Прими их прямо сейчас! — Он показал на фонтанчик для питья в углу комнаты. — Есть вопросы?

— Мне каждый день принимать все эти таблетки?

— Конечно, пока тебя процессируют на уровнях ОМ. Принимай витамины и возвращайся на работу. Нельзя выносить «очень конфиденциальные материалы» за пределы Академии.

Их нельзя никому показывать, никто, кроме тебя, не должен их видеть. Ясно? Ты отвечаешь за них.

— А что, если я пойду в туалет, и кто-нибудь будет их читать в мое отсутствие?

— Каждый раз, когда ты выходишь из Академии, ты должен спрашивать моего разрешения. Только получив его, ты можешь выходить. Всякий раз, когда ты выходишь, ты должен передавать мне все материалы, даже в том случае, если тебе надо отлучиться на короткий период времени. Ты получишь их обратно по возвращении. Люди с низших уровней, не имеющие допуска, не должны пересекать эту черту. — Он показал на красную линию, разделявшую комнату Академии на две части. Я раньше не замечал ее. — Но это не твоя проблема. С этим я разберусь сам. Ни с кем, **абсолютно ни с кем** нельзя обсуждать «очень конфиденциальные материалы». Даже с людьми, проходящими процессинг ОМ. Нельзя задавать им никаких вопросов, нельзя даже спрашивать их о том, что с ними происходит, и так далее. Это ясно?

Я промедлил с ответом, и он, склонившись над столом, повторил вопрос, акцентируя внимание на каждом слове:

— Это я-а-а-сно?

С таким человеком было бы трудно нормально поговорить и завести дружеские отношения. Он был абсолютной копией Дона Глескина из лондонской ОРГ, но из-за его навязчивого стремления повторять слова он был еще хуже. Я напрягся. Наклонившись в его сторону, я ответил:

— Конечно я-а-а-а-сно.

Он поднял брови немного выше, но на мою реплику так ничего и не ответил.

«*Очень конфиденциальные материалы*» начинались привычным образом: «На этой планете шанс выпадает совсем немногим». Значение каждого слова нужно было прояснять при помощи словаря, людям низших уровней не разрешалось просматривать данные материалы, так как чтение любой из частей могло привести к серьезному заболеванию. Иногда даже к смерти. Ну как же преувеличивает капитан, неохотно рассуждал я. Я решил не критично отнестись ко всему последующему изложению материала, чтобы избежать каких-либо проблем с Кроули. Было трудно осуществить такое решение из-за тех

проблем, с которыми я столкнулся с самого начала. Я с сомнением взглянул на отрывок, озаглавленный как «**ОМ-2: История Сектора 9**».

«95 миллионов лет в этой части вселенной, известной как Сектор 9, Конфедерации из 76 планет было присвоено имя Галактическая Конфедерация.

75 миллионов лет назад, путем тайного сговора, к власти Конфедерации пришел чудовищный тиран Демин Юрг. Он столкнулся с проблемой перенаселения. На планетах Галактической Конфедерации жило приблизительно 170 миллиардов обитателей, в то время как на других планетах с благоприятным климатом — 250 миллиардов. Он решил проблему перенаселения путем массовой имплантации существ, из-за чего его психопатическую натуру признали самым скверным злоумышленником всех времен во вселенной МЭСТ (Материя, Энергия, Пространство и Время).

Инцидент 2.

К инциденту 2 относят решение Демином Юргом проблемы перенаселения. Оно осуществлялось в три этапа: захват, упаковка и имплантация свободных существ.

Захват:

Демин приказал наемникам захватить избыточное население. Их убивали электрошоком, травили ядом или запирали в специальные удушающие камеры. Гликоль и этанол использовались для заморозки Монад, после чего их помещали в маленькие контейнеры и отправляли на Землю, считавшуюся планетой для заключенных. Тогда ее называли Террулак».

Я отложил материалы в сторону и огляделся. Маленькие картонные щиты отделяли меня от остальных студентов на курсах ОМ; судя по тому количеству материалов, что было перед ними, я решил, что они читали тот же текст, что и я. Опустив головы и сфокусировавшись на чтении, ни один из них не изъявлял желания обсудить прочитанное. Я заметил, что Питер Кроули смотрел на меня словно сокол, который был готов наброситься в ту же секунду. Я опустил голову и продолжил чтение.

Содержание текста напоминало мне научную фантастику. На Земле замороженные Монады поместили в жерла вулканов в Азии и Америке. Водородные бомбы с огромным зарядом были установлены в вулканах, в результате чего были уни-

чтожены физические тела Монад. Электронные ветры с большой скоростью подбросили их высоко в воздух. После чего они попадали в электронные ловушки, которые прицепляли их к магнитным пленкам. Затем эти пленки относили в лаборатории — электронные места пыток. Первый имплант, заложивший стандарт отклонения в поведении, был создан именно там. По сути, имплантировали ложные идеи, которые в последующих воплощениях считались глубокими убеждениями и взглядами. Из-за таких убеждений люди не могли стать свободными существами. В методе применялся чрезвычайно эффективный гипноз с действенными постгипнотическими суждениями, которые переносились на последующие воплощения. В нас заложили потребность подчиняться власти, вселили чувство страха, создали болезни, которые проявлялись всякий раз, когда мы думали о независимости, свободе от ограничений или расставании с Землей.

Я был сбит с толку. Информация в материалах была похожа на фантастику, но я был готов принять ее как имеющий вероятность к существованию вариант. Если бы на практике эта теория оказалась правдивой, то я бы, несмотря на свое желание отказаться от нее, не стал бы этого делать. На прошлом процессинге я испытал невероятные переживания, где вспомнил свои прошлые воплощения на других планетах и те преступления, что я совершил. Меня беспокоило еще кое-что. В моральном кодексе процессора в первом же пункте говорилось: *«Никогда не высказывай свои мысли и окончательные убеждения клиенту. Он должен прийти до этого сам. Его реальность создана и вызвана его собственными переживаниями»*. Навязывание чьей-либо точки зрения клиенту считалось оценочным суждением и приравнивалось к нравственному преступлению. Почему же вместо того, чтобы позволить мне пройти через переживания имплантирования самому, меня подвергали оценочному суждению? Говорит ли это о том, что у всех людей абсолютно одинаковые переживания? Мог ли кто-нибудь избежать имплантирования?

— Прочитал материал? — стоя с каменным лицом возле меня, спросил Питер Кроули.

— Да. У меня есть несколько вопросов по этому поводу.

— Прибереги их для сессии. Дежурный ответит тебя в комнате для процессинга.

Я почувствовал себя лучше, когда сел напротив Дэвида Данлопа. Он был способен понимать других людей. Он внимательно слушал меня, однако его ответные реакции вгоняли меня в пустоту.

— Я понимаю, что ты пытаешься сказать. Давай приступим к сессии. Хорошо?

— Нет, не хорошо, ты не ответил на мои вопросы. Моральный кодекс процессора был нарушен. Лон Хибнер принял суждение за меня.

— Я понимаю, но дождись окончания процессов и сформируй свое собственное суждение. — В его словах чувствовалась нота смирения. Очевидно, я уже был не первым, кто высказал такие замечания.

— Я постараюсь это сделать.

— Закрой глаза и мысленно отправляйся в прошлое на семьдесят пять миллионов лет назад.

Я с гигантской скоростью полетел назад в прошлое. Та временная линия, что направляла меня в прошлое, выглядела как затуманенная тропа, разделенная на части, похожие на колебания горячего воздуха на летней дороге. Удаляясь в прошлое с огромной скоростью, я слышал какие-то звуки электронной музыки. Я почувствовал тот момент, когда оказался в прошлом, семьдесят пять миллионов лет назад, но там ничего не было.

— Дай мне знать, когда окажешься там!

— Я там.

— Скажи мне, что ты видишь.

Я мешкал с ответом какое-то время. У меня было предчувствие, что ничем хорошим это не закончится, но выбора не было.

— На траке времени все чисто. Никакого заряда или импланта, Дэвид. Тогда получается, что я был не в этой вселенной.

— Я понимаю. И где ты тогда был?

Все, что я испытывал, так это волнение, водоворот, состояние, в котором не ощущались ни взлеты, ни падения, ни пространство, ни время или трак времени. Это было чистое сознание, сознание о сознании. Я осознавал, что был бессодержательным сознанием, звуком, слышащим самого себя. И ничего больше. Трудно сказать, сколь долго длилось такое состояние. На самом деле было глупо говорить о времени, так как его не было. Мгновение приравнилось к триллионам эонов. На долю

секунды меня выбило из этого состояния, и я переместился из сознания о сознании в сознание о пространстве. В это время э-метр что-то засек, так как я расслышал голос Дэвида:

- Вот! Вот! Что это была за мысль?
- Я переместился в какой-то мир.
- Очень хорошо, скажи, что ты видишь?

Водоворот медленно раскручивался, и появлялись какие-то очертания. Я больше ощущал, нежели чувствовал вещи.

— Я переместился в эту вселенную. На какую-то белую планету. — Я везде видел свет, он проходил сквозь меня. В поле зрения попало какое-то прозрачное существо, похожее на крыло стрекозы, оно медленно передвигалось и без какого-либо желания, решения и цели парило в воздухе. Там были и другие существа, почти такой же формы и уровня сознания. Они не только проникали в мои появляющиеся мысли, но и полностью осознавали свое взаимное сходство. В центре всего события находилось первое замеченное мной существо, его простые процессы, протекающие одновременно внутри и снаружи, были яснее и понятнее, чем процессы остальных существ. У меня подергивалось горло и сжималась грудь, всю мою сущность пронизывала мысль о том, что это белое существо было источником красоты, первым родившимся ребенком света.

— Скажи, что сейчас происходит там, — донесся издали голос Дэвида.

Мне что-то сковывало грудь, мой голос дрожал:

— Ничего, там ничего, там ничего не могло произойти. Это мой настоящий дом, планета счастья. Мне не нужно было ничего предпринимать, чтобы просто быть счастливым. Все было так, и никак иначе. — Я открыл глаза и посмотрел на Дэвида, но и теперь я испытывал такие же чувства, как и тогда.

— Очень хорошо, — сказал Дэвид. — Как себя чувствуешь?

— Ужасно. Меня не должно быть здесь. Я не отсюда, я лишь гость на этой планете. Я скорблю по своему духовному дому. Я умру, Дэвид, я пропаду здесь.

— Я понимаю. Какое имя у этой планеты?

Мне казалось, что те же чувства пробудились и в нем, что он эмоционально шел за мной издали.

— Я не знаю. Я, правда, не знаю. Что бы я ни сказал, это будет звучать выдумкой.

— Я понимаю. Просто скажи мне, ты сейчас думаешь о том, что ты все это выдумываешь?

— Я не уверен... Шона, или что-то похожее на это.

— Хорошо, и как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Больше нет этого ужасного давления.

— Хорошо. Покажи мне рукой, где находится эта планета?

Эта просьба показалась мне самой странной из всех.

— Откуда я знаю, Дэвид?

Он понимающе кивнул головой, выражая полное доверие.

— Я понимаю, это тяжело. Все же, покажи мне рукой, где находится эта планета.

Сила воли оставила меня, я был опустошен, я, как зомби, выполнял скрытую от меня программу. Правая рука начала подниматься сама по себе, отчего я удивился еще больше. Вытянутый указательный палец медленно скользил по воздуху и, остановившись на долю секунды на голове Дэвида, поднялся чуть выше и проскользил вправо. Рука перестала двигаться, и от страдания не осталось и следа. Я понимал, что там все еще был мой дом, ни миллиметром вправо, ни миллиметром влево, а именно там, и что я когда-нибудь вернусь туда.

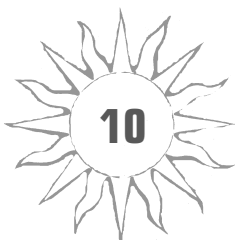
— Хорошо. Как себя чувствуешь? Что случилось с твоей печалью?

— Она пропала. Совсем пропала.

Я был поражен. Из материалов Лона я узнал, что ориентирование во времени и пространстве отключает негативные эмоции, но такое переживание я испытывал впервые. Столько боли исчезло за одно мгновение?! Несомненно, капитан пригласил к процессам научную фантастику, однако он определенно знал, как решить некоторые из проблем. На мгновение я вспомнил белградских психологов и психиатров, играющих в бесконечные игры: Эдипов комплекс, оральные и анальные фазы и похожие вещи. В каком же неведении они живут?! Они даже и не мечтают о технологии Лона Хибнера. Я подумал, что передать им эти знания послужило бы важной цели. И я сразу же расстался с этой идеей. Они сожгли бы меня на костре, как какого-нибудь колдуна. Никто не бывает так упрям и неподвижен, как человек, окружающий свою жизнь иллюзией.

— Хорошо, — довольно улыбнулся Дэвид, — мы подошли к концу сессии.

Столовая, в которой питалось более сорока человек, представляла собой большой каменный зал с необработанным деревянным полом, от которого пахло соснами. Люди ходили принимать пищу в две группы, я был во второй. Огромного потолочного вентилятора было недостаточно для того, чтобы остудить группу потных тел. На окнах висели зеленые хлопковые занавески. Они частично защищали от попадания в помещение солнечных лучей, но вместе с тем перекрывали циркуляцию воздуха. Пот стекал с висков, добирался до ушей и сползал вниз по спине. Я уже пытался однажды вынести поднос с едой на улицу, но дежурный велел мне сесть на место. Если единственной целью станет дисциплина, то скудоумие выйдет на первое место. Пот тек по моему телу, и я начинал нервничать.

В противоположной стороне зала сидели «игнорируемые». Эту категорию составляли люди, которые либо нарушили дисциплину, либо не справились с поставленными задачами. Отличительной чертой такого незавидного статуса было обязательное ношение грязной тряпки, повязанной на правой руке. Мужчины ходили небритыми, мокрыми от пота и грязи. Имея статус игнорируемого, человеку не разрешалось ни мыться, ни бриться. Я продолжал на них смотреть. Если унижение становится формой жертвоприношения для великих дел, то можно до бесконечности унижать людей. Когда кто-то из них ловил мой взгляд, который был направлен ниже глаз, то он задерживался на нем на секунду-другую, после чего переводил глаза на пол. На лавке у стены, с желтым лицом и растрепанными от

пота волосами, сидел Джон Макаллистер. Он не ел. Уставившись в тарелку, он водил ложкой по еде. Он был первым Катаром в истории человечества. Я вспомнил его напечатанные заявления в «Космическом Путешественнике», сциоларгическом журнале высших уровней сознания, который я почитывал перед тем, как попал в лондонскую ОРГ. «Вся моя жизнь была приготовлением к этому тренингу, — писал он. — Благодарю всех существ, что помогали мне на этом пути. Самую большую благодарность выражаю Лону Хибнеру, этому невероятному Катару, прочистившему путь для всех нас. Тысячу раз спасибо тебе, Лон, спасибо тебе от лица всего человечества». Что же такого натворил первый Катар в истории человечества, что теперь он сидит в отдельной группе с тряпками на руках и с грязным небритым лицом? Несмотря на то, что это был интересный вопрос, я не осмеливался никому его задавать. Даже если бы я и спросил, не нашлось бы никого, у кого хватило бы мужества ответить на него.

Среди игнорируемых был мальчишка лет семи. Мой сосед, Грегг Кимбл, шепотом рассказал мне о том, что мальчишка ужасно обходился со своей матерью в серии прошлых воплощений. Он был деспотичной личностью по отношению к ней. Мать пришла к такому выводу после особого процесса Лона, который носил название «Обнаружение ключевого врага».

— Перед процессингом ему нужно было пройти через нравственное очищение, — продолжал рассказывать Грегг, быстро подмигивая и покачивая головой. Это был самый печальный мальчишка, какого я только встречал за все время пребывания в сциоларгии. Его родители сидели справа от нас. Громкую речь матери часто перебивала ее двенадцати- или тринадцатилетняя дочь, которая смеялась во весь голос и вообще вела себя раскованно.

— Что это за еда такая? — спросил я Грегга, пока дожидался от дежурного подноса с обедом. — Вчера я ел какие-то тепловатые помои.

Грегг обладал чувством юмора, которое он, хоть и втихую, но демонстрировал:

— Еда? Она чуть больше принесет пользы заднице, чем хрену!

Мне так и не выпал шанс разузнать это.

— Боги, пойдем немедленно со мной, — рядом со мной стоял один из этих гладкошерстных гуманоидов в форме Космической ОРГ. «Немедленно» означало, что я должен был встать из-за стола и беспрекословно проследовать за ним. Сделав три шага, я почувствовал слабость в ногах. Меня привели в Отдел распространения. В центре комнаты стоял седой тощий человек, которого я видел впервые. Его глаза сверкали от внутреннего огня, он пожал мне руку и сказал:

— Поздравляю, Боги, Лон хочет поговорить с тобой.

Момент настал. Хотя я и был взволнован, но все же думал про себя, что было бы намного лучше, если бы мне сообщили эту новость на пару часов раньше. Я уже хотел было попросить разрешения принять душ или хотя бы почистить зубы, но седой гид не позволил мне этого сделать.

— Пойдем, — сказал он и подал знак рукой приведшему меня парню, что тот свободен. Мы прошлись по узкому коридору, от которого исходила приятная прохлада, и подошли к двери. На позолоченной дощечке наверху большими буквами было написано: **«Каюта Адмирала. Вход Воспрещен»**. Седой мужчина нажал на кнопку звонка, и над дверью загорелся зеленый глазок, которого я ранее не заметил. Седой чопорно выпрямился, медленно приоткрыл дверь и, придерживая за плечо, впустил меня внутрь.

Капитан сидел за огромным письменным столом из темного дуба. От него по обе стороны стояли две пары сциоларгов в форме Космической ОРГ. Еще до этого я знал, что эти люди принадлежали к высшему руководству. Когда мы вошли, капитан не переставал разговаривать с Лоуренсом Мэйо, находившимся по его правую сторону. Он говорил низким голосом, что был так знаком по пленкам, которые я просмотрел. Казалось, что он был в хорошем настроении. Офицеры улыбались, кивали головой.

Я внимательно присмотрелся к капитану и был поражен его видом. Он выглядел намного старше и полнее, чем на фотографиях и в фильмах. В действительности он оказался высоким и грузным человеком с двойным подбородком и опухшим лицом алкоголика после долгого запоя. Глаза, которые на фотографиях казались прозрачно-зелеными, были на самом деле карими, а сами белки — желтоватого цвета. Огненно-рыжие волосы на

деле оказались пепельно-серого цвета, в них было полно перхоти, и они редели спереди. На верхней челюсти не хватало пары зубов, в то время как остальные напоминали черные осколки. С толстой нижней губы свисала сигарета. В паузах своей речи он двигал ее губами и втягивал в себя дым. Адмиральская рубашка, украшенная эполетами, выпирающий живот и большая грудь, которая по размерам напоминала женскую, дополняли портрет... Он был старым поросшим щетиной кабаном, который из-за отсутствия упражнений набрал лишний вес, однако его аура наполняла всю комнату энергией подавления. Вытянутые шеи и раболопные улыбки офицеров ясно подтверждали его положение настоящего хозяина. Без шуток.

— ...С тех пор прошло пятнадцать лет, и теперь настал момент передать это знание ОМ, которые достаточно созрели для того, чтобы перенять этот опыт. Как и все грандиозное, данный способ довольно прост. Я провел четырнадцать дней в закрытой комнате в полной темноте. В темноте, на естественной основе, вырабатывается мелатонин. На протяжении четырнадцати дней мой мозг заполнялся мелатонином, а шишковидная железа развивала невероятную энергию. В промежутке между четвертым и седьмым днями человек начинает наблюдать трехмерные картинки и мысли вне языка и речи.

Я внимательно следил за его словами. Мое внимание с непреодолимой силой притягивалось к его рассказу. Я даже задумался на какой-то момент, осознавал ли он, что я стою рядом, поскольку такая информация была не для всех. Словно отвечая на мой вопрос, он посмотрел на меня и продолжил:

— После десяти, двенадцати дней человек начинает видеть ультрафиолетовые и инфракрасные лучи. Понимаете, что это значит? В темноте вы можете наблюдать энергетическое поле человека. Образы из переживаний приобретают форму, и человек может воспринимать виртуальную реальность в движении. Эти образы представляют собой язык ДНК.

Сначала он посмотрел на двух офицеров слева, а затем медленно переместил свой взгляд на двух офицеров справа. Медленное движение головы подчеркивало сильный взгляд его затуманенных глаз. Когда он смотрел на офицеров, те подтягивали животы и поднимали головы. Его язык жестов срабатывал, как резкая команда. Он прокашлялся и низким голосом произнес:

— Я хочу создать все условия для этого эксперимента. Понимаете, все!

— Будет сделано! — в один голос выпалили четыре офицера. Можно было и не сомневаться в этом, слыша их резкие звенящие голоса.

— Этот эксперимент поможет мне подтвердить идею о том, что, контролируя дыхание и звук, становится возможным сознательно перепрограммировать генетический код и реальность индивидуума. Если моя идея верна, то другие также могут испытать похожие переживания. Это положит начало новой внутренней технологии, которая будет превосходить существующие технологии, основывающиеся на применении э-метра. Понимаете, что это значит? Это значит, что мы могли бы поменять реальность человеческого существа и запрограммировать траекторию времени одними лишь положительными и божественными переживаниями, в то время как сам процесс будет занимать минуты. Буддизм, даосизм, йога, годы страданий в гималайских пещерах и храмах, все это станет артефактами в антикварной лавке истории. Мы можем уверенно заявить: «Эй, планета, мы идем!»

Мне отчетливо показалось, что меня выбрали для этого немислимого эксперимента. Это чувство окатило меня волной. Лон не заставил меня долго томиться в таком состоянии. Он посмотрел на меня и сказал голосом, лишенным всякого пророческого тона:

— Ну, Боги, добро пожаловать. У меня нет особо времени. Это тебе и так ясно. Парни говорят мне, что ты готов учредить ОРГ в Чехословакии. Это так?

— Нет, — сам того не желая, ответил я, улыбаясь. Напряжение спало, и я почувствовал себя хорошо. — Не в Чехословакии, а в Югославии. Американцы всегда путают эти две страны.

После моих слов офицеры занервничали и явно расстроились, и на лице Лоуренса Мэйо появилась печаль. Настроение капитана радикально изменилось. Задумавшись на пару секунд, он сначала расширил, а потом сузил свои мясистые ноздри.

— Да одна херня, — произнес он. — Эти коммунистические страны даже хуже разлагающегося вонючего Запада.

— Возможно, вы и правы, — смиренно сказал я. Мое беспокойство начало исчезать, как и вера в то, что его сознательный

разум обрабатывал информацию безошибочно, как какой-нибудь совершенный компьютер. — Я сделаю все возможное, но получится ли что-нибудь из этого, я не знаю. Как вы сказали, это коммунистическая страна. Любая организованная группа людей, находящаяся не в лапах коммунистической партии, расценивается как враждебная и подвергается гонениям.

— Не сомневайся, Боги! Ты знаешь, что чистое решение Монады обладает силой. Ничто не может остановить ее!

Я молча искал подходящие слова для ответа. Он продолжал:

— Мы окажем тебе всевозможную поддержку. Офис охраны, как и наши этические офицеры, будут прикрывать тебя. Они найдут способ, как разорвать эту непрочную сеть коммунизма. Тебе не следует представляться под нашим именем. Поначалу лучше представить ОРГ как группу, борющуюся против наркотической зависимости, что-то вроде Красного Креста или Армии Спасения. Наши ребята подумают над этим. К нашим процессам необходимо подключить людей из коммунистических институтов. Им нужно пообещать, что сексуальные проблемы будут решены, или что-то в таком духе. В основном, эти ублюдки — импотенты, а их дети — наркоманы и правонарушители. Нужно разоблачить их слабые места и надавить на них. Наши ребята из отдела Этики займутся этим. Твоя работа — собирать людей. Понимаешь? Чехословакия и будет этой самой непрочной сетью, где мы и вдарим по свинарнику коммунизма.

Я рассмеялся почти во все горло:

— Да не Чехословакия, а Югославия, Югославия...

Лоуренс Мэйо поднял руку и очертил в воздухе полукруг, намекая на то, чтобы я замолчал.

— Что-о-о?! Ты еще будешь поправлять меня?! — Ноздри капитана расширились, и его голос обрел силу отвергнутого мессии.

— Я всего лишь хотел избежать возможной путаницы и указать вам...

— Нечего мне тут указывать! — Его голос усилился и лицо покраснело. Офицеры опять оцепенели в напряженной тишине. — Ты должен молчать и слушать. Это понятно?

У меня в горле застряли слова, которыми я хотел обозначить возможности учреждения ОРГ в Югославии. Мой мир разрушался на части. Передо мной находился человек, обу-

чивший тысячи людей идеальному общению, однако сам пренебрегал основными принципами. Благодаря ему я осознал важность использования слов с ясным значением. О таком предостережении говорилось на первых страницах всех материалов. Сильное чувство несправедливо полученного упрека, разочарования охватили меня. Раньше я был готов пойти на что угодно, чтобы учредить сциоларгию в Югославии, но теперь ее источник казался совершенно не заслуживающим той цели, ради которой я был готов пойти на все, не говоря уже о расходах. Я испытывал столь знакомое мне давнее ощущение — словно горячая пустота заполняла мой желудок, в пальцах пульсировала кровь, их кончики покалывало, точно булавки с иголками втыкались мне в кожу. Изю всех сил сдерживая себя, я тихо произнес:

— Прошу прощения сэръ, из ваших учений я понял, что неправильно понятое слово всегда порождает замешательство в сознании.

Капитан покраснел еще больше, над его бровью вздулась толстая голубая вена.

— Что, — закричал он, — прояснить для меня замешательство?! Кто привел тебя сюда, сукин ты сын?!? — Он взглянул в сторону испуганных офицеров. — Тебя изолируют на десять лет, тварь ты такая! Хренов сучок! Мать!..

Мои вера, надежда и убежденность в том, что Лон Хибнер являлся паразитической Монадой, которая возглавила борьбу за очищение планеты и всей этой части вселенной, что мне выпала редкая удача помочь ему в великом деле, исчезли в одно мгновение. В водовороте закипавшего чувства праведного протеста передо мной внезапно промелькнул образ матери: ее вспотевшее красное лицо, опухшие руки от стирки грязной одежды семьи в ванной, в то время как отец почиывал газетенки.

— Оставь мою мать... оставь ее в покое. Слышишь меня?!

Капитан широко открытыми глазами ошеломленно и с недоумением посмотрел в мою сторону. Все действие продлилось не больше нескольких секунд, после чего он с силой ударил своим большим кулаком по столу, так что пепельница, пачка сигарет и телефон с разноцветными кнопками подскочили вверх. Он встал со стула и проорал:

— Собираешься угрожать мне?! Сраный ублюдок! Да твоя мать точно вонючая коммунистическая шлюха! Изолировать! Сейчас же! Чего вы стоите, подонки?!

Дотоле цепеневшие от ужаса офицеры рванулись ко мне. Один схватил за волосы и потянул их назад, в то время как другой болезненно скручивал руку, так что сухожилия готовы были лопнуть. Кто-то схватил меня за ногу и опрокинул на пол. Я заметил испуганный взгляд Лоуренса Мэйо, его руку и почувствовал, как он начал сжимать мне шею. Я хотел выкрикнуть: «Да пошли вы, я сам уйду!» — но не мог произнести ни слова из-за его сильного захвата. Они поставили меня на ноги и поволокли наружу. Капитан продолжал материться, находя все новые и новые слова. Дверь закрылась, и его голос внезапно стих. Меня стащили по каменной лестнице в подвал.

— Бросьте этого козла сюда, — прорычал Лоуренс Мэйо, — сюда бросьте!

«Со мной все кончено, у меня нет никакой надежды, — мелькнули мысли в моей голове. — Эти животные готовы по первому знаку старого кабана перерезать горло человеку или размозжить мозги ребенка о стену». Я вспомнил, как читал в книге Кауфмана «Внутри Сциоларгии» истории о людях, которые пропадали в ОРГ. Он перечислил имена нескольких несчастных, которые, как считалось, покончили жизнь самоубийством, однако сам Кауфман донельзя сомневался в подлинности такой информации. Теперь я знал, что те люди не убивали себя.

Мэйо одной рукой держал меня за волосы, а другой открывал узкую деревянную дверь. Кто-то сзади сильно пнул меня коленкой, так что я упал на каменный пол крошечной комнатки. За мной громко захлопнули дверь. Какое-то время я пролежал на полу, после чего начал медленно поднимать голову. В шее пульсировала сильная боль. В темноте, кроме каких-то очертаний вокруг, было трудно что-либо разглядеть. Я чувствовал зловонный запах, образовавшийся в спертом воздухе из-за прокисшего вина, тишину и сырость. В углу комнаты лежал соломенный матрац. В комнате не было окон, лишь слабый свет просачивался сквозь щели потолка. Я дополз до матраца и перевернулся на спину. Рука болела, шея покалывала, правое ухо оглохло от удара. Но я был жив. Что будет дальше, я еще увижу. Мой отец был бы счастлив, если бы узнал, что со мной

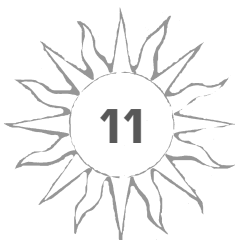
случилось. С самого детства я уже выслушивал его наставления: «Нельзя бороться с теми, кто находится выше тебя, нужно целовать ту руку, чью тебе не сломать... Я же тебе говорил об этом сотни раз... не раскачивай лодку...»

Как же разумно и по-взрослому вести себя в такой ситуации? Сжать зубы, вытерпеть унижение и, собрав всю имеющуюся у них информацию, послать Лона в задницу. В действительности, я был бы готов вытерпеть все что угодно, если бы сциоларгия оправдала мои давние ожидания. Но ей это было не под силу! Я был уверен в этом. Как же так могло получиться, что создатель системы не соблюдал ее сам? Оперирующая Монада, невероятные процессы ОМ... да поцелуйте меня в зад! Никто из них не мог покинуть тело и действовать за его пределами. Люди?! Какие люди!? Это же безвольные тряпки, которыми капитан подтирал свою задницу. ОМ, правящая космическими силами, что, не могла отличить Чехословакию от Югославии?! Я не упустил из виду пепельницу на столе, доверху набитую бычками. Кауфман писал, что капитан выкуривал по четыре, пять пачек в день, и увиденное мной подтвердило эти слова. Оперирующая Монада, космические энергии — да дерьмо все это. Как и его прогнившие зубы, по которым плачут щипцы дантиста. Это был конец — полное разочарование во всех этих безумных историях и обещаниях об абсолютной свободе. Жаль, что я не смог оскорбить его, сказать ему, какая же он свинья с ужасным запахом изо рта, или что-нибудь в этом роде... Я остановился на мгновение. Изнутри шипела ненависть. Я должен был... Я должен...

В глубине сознания ощущалось какое-то волнение. Казалось, что я уже испытывал похожее переживание или оказывался в похожей ситуации или комнате. Этот подвал напоминал мне один из углов сарая бабушки. Свет в сарай пробивался точно таким же образом, сквозь потолочные доски. Тот же спертый воздух. И было еще что-то похожее, что извивалось и рвалось от меня, как рыба из рук. Мои мысли замедлились, почти остановились, и на мгновение мое сознание оказалось пустым. Казалось, что за мной кто-то наблюдал со стороны, и, как тогда в сарае, я испытывал лишь волнение, забыв про страх. Спирилен?! Я вспомнил проводимые с ним ритуалы. Затем сфокусировался на одной из точек на стене — и быстро,

как только мог, отвел глаза в сторону... и на мгновение увидел его розовощекое улыбающееся лицо, которое тут же снова слилось с темнотой.

Внезапное умиротворение наполнило маленький подвал. Я не переставал бояться надвигавшихся событий, однако знал, что за мои деяния мне впоследствии не будет стыдно. Я вспомнил свою стычку с президентом муниципалитета в Станисте, когда уходил с работы. Я бы устроил то же самое и здесь. Я выживу и выберусь отсюда. Маловероятно, что меня заставят «собственноручно совершить самоубийство». Будут какие-нибудь грязные приемчики и какие-нибудь гнусные деяния, но я уверен, что выживу. Скорее всего, они какое-то время будут продолжать жестоко обходиться со мной, у меня будут синяки, я буду кричать, но я буду жить жизнью, освобожденной от очередной иллюзии.

Меня привели на этический совет, состоявший из Лоуренса Мэйо и двоих офицеров, которых я видел ранее в столовой. Насколько я знал, одного из них звали Бобом Косински. С серьезными лицами они сидели за одним маленьким столом, на котором лежало мое дело. Крепко держа за предплечья, меня привели два коротко стриженных мастера по карате. Я стоял перед ними с грязной тряпкой на запястье, которую мне повязали сразу же после того, как выпустили из подвала, в котором я провел всю ночь и часть утра. Они отняли у меня часы, так что я не знал, какое время суток было на улице, но судя по жаре можно было сказать, что надвигался полдень.

Лоуренс Мэйо сделал глубокий вдох и сказал:

— Ты совершил ужасный нравственный проступок, в результате которого твое поведение приобрело статус **предателя**. Ты будешь оставаться в этом статусе до тех пор, пока Лон Хибнер не вынесет иного решения. — Я пожал плечами, и Лоуренс Мэйо продолжил: — Находясь в статусе предателя, тебе запрещается пользоваться мылом и бритвенным станком. Раз в семь дней ты имеешь право помыться, но без мыла и любых других гигиенических средств. Запрещается пить чай или кофе, а также курить. Запрещается снимать с руки символ предателя. — Он показал на серую тряпку у меня на руке. — Запрещается говорить с людьми из нашей Церкви и за ее пределами. Запрещено любое общение, кроме обращения к приставленному тебе надзору. Это понятно?

— Да ничего не понятно. Я домой хочу.

Лоуренс Мэйо стал еще более серьезным.

— Ты прекрасно знаешь, что ты не можешь никуда пойти. Ты подписал контракт на сто тысяч лет. И теперь тебе придется раскаяться. Понимаешь, **раскаяться**, перестань вести себя как ребенок. Осознаешь положение своего статуса?

— Идиотство, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Я никогда ничего не подписывал. Какой контракт? Какие еще сто тысяч лет?!

Контракт на сто тысяч лет подписывали люди, вступающие в Космическую ОРГ. Многим из них казалось, что они вернулись в Космическую ОРГ, так как во время процессинга вспоминали, что в прошлых жизнях были офицерами Космических ОРГЗ на других планетах и в других вселенных. Контракт на сотню тысяч лет был уловкой для укрепления организации и разрыва всех контрактов с Мирфаксом, то есть всеми другими людьми вне сциоларгии.

Я был удивлен от того, как они пошатнулись от такого простого утверждения. Мэйо проморгался, после чего посмотрел сначала на одного, а затем и на другого офицера по этике, словно просил у них помощи.

— Хочешь сказать, что ты не сциоларг?

— Да конечно, нет. Я был одним из клиентов организации Лона Хибрена, оплатившим процессинг. С меня хватит всего того, что я пережил здесь, я хочу домой. Вы не имеете права держать меня. У вас будут большие проблемы, если вы не отпустите меня. Я передал письмо в посольство Югославии в Лондоне, где рассказал о том, куда направлялся.

Я понимал происходящее. Этим роботам не дано было понять, что Лон пригласил какого-то человека для особой миссии, который при этом не связывал себя никакими обязательствами с организацией и не подписывал никакого безумного контракта на сто тысяч лет. Скорее всего, даже сам капитан не знал всего этого. Когда они расскажут ему и начнут разбираться, кто здесь на самом деле допустил ошибку, у них будут большие неприятности. Эти трое пойдут на что угодно, лишь бы спасти свою шкуру.

Боб Косински решил взять дело в свои руки. Он откашлялся и, пытаясь удерживать спокойствие, обратился ко мне:

— Слушай, Боги. Никто не хочет держать тебя здесь против твоей воли. Кто-то, работая с тобой, совершил ошибку, и

этот кто-то в лондонской ОРГ поплатится за нее. Если бы ты был одним из нас, мы бы тебя сразу вышвырнули. Твое отношение к Лону, хотя ты и сам знаешь, что он сделал для человечества, говорит о твоём загрязненном сознании. Мы изучили твоё дело... — с печальным лицом он потряс головой. — Ты совершил ужасное количество преступлений в прошлых жизнях. Среди нас тебе нет места. Мне жаль, у тебя была редкая возможность очистить себя и достичь духовной свободы в этой жизни.

— Завязывай с этой ерундой, Боб. — Дело начало приобретать другой оборот, и намечался непривычный им ход развития событий. Здравомысляя, им нужно было отпустить меня, и они пытались свести опасные для них последствия такого решения к минимуму. Часть их плана заключалась в том, чтобы вызвать у меня чувство вины, чего им, явно, сделать не удалось. Я вдруг ощутил своё превосходство, словно был элегантно одетым джентльменом, стоявшим перед группой оборванцев, неожиданно спустивших штаны. В какой-то момент мне хотелось высказать им все, что накопилось у меня за все это время: об унижении старых членов, рабском повиновении, лжи об уровнях ОМ, которые они продают за бешеные деньги, об отношении к Джону Мак-Алистеру, первому Катару в истории человечества... Но вдруг внутри меня заговорил ангел-хранитель, напомнивший о том, чтобы я не протыкал шар, который сам и раздул.

— У тебя был шанс, которого у тебя больше не будет в последующих жизнях. Но это уже твоя проблема... Остается один вопрос — твоя связь с Церковью Сциоларгии после ухода. Ты не должен ни при каких обстоятельствах выдавать кому-либо нашу технологию. Если тебя попросят рассказать о нас, то твоим единственным ответом будет: «Без комментариев». Готов пойти на это?

— Если меня отпустят, то да.

— Ты хотел написать книжку о Сциоларгии, так?

— Мне больше не интересна эта тема. Все, что я хочу, так это больше вас не видеть.

— Очень хорошо. Мы хотим того же. Все же, если ты напишешь книгу, то будешь обязан передать ее на рассмотрение нашему офису Охраны, чтобы тот дал добро на ее публикацию. Если же ты не сделаешь этого, то я не завидую твоей участи.

Ты же знаешь, что мы можем уничтожить тебя, твою семью и того издателя, что осмелится опубликовать такую книгу.

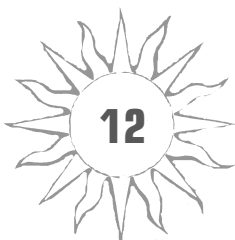
Я кивнул головой, вспомнив материалы по обращению с врагами сциоларгии, которые тайком прочитал в офисе Охраны лондонской ОРГ. Они не могли уничтожить меня после моего выхода из их притона, однако могли сделать мою жизнь несчастной.

— Хочешь что-нибудь добавить?

Я начал мысленно прокручивать воспоминания. Я никогда больше не увижу понравившихся мне в лондонской ОРГ людей. Их образы скоротечно пробежали у меня в голове. Они навсегда останутся лишь в прошлом. В моем отъезде было что-то печальное, однако стремление вернуться домой к Ненаду, Стенвичу и Лидии было куда сильнее всего остального.

— Я благодарен некоторым людям из вашей организации. Они помогли мне, и я об этом никогда не забуду. Мои деньги окупились сполна. Но для меня сциоларгия навеки зарыта в прошлом. Я хочу домой, к детям и друзьям...

Когда связи разорваны, отъезд проходит гладко. Моя беседа с комиссией закончилась в пятницу в одиннадцать тридцать. Рано днем в порту Корфу я сел на корабль до Афин. И в воскресенье вечером, дома, у меня на коленях уже сидел Ненад. Я вдыхал аромат кофе и свежее испеченного торта, в то время как мой телефон разрывался от звонков. Казалось, что сциоларгия и Лон Хибнер теперь уже далеко позади.

«Я понимаю твоё разочарование в сциоларгии. Это единственное вообразимое чувство, которое испытывает каждый разумный человек, желающий процветания как себе, так и другим. Сциоларгия — духовный фашизм, и тебе там нет места, — писал из Лондона Кен Гамильтон. Он необыкновенно быстро ответил на письмо, которое я послал ему пятнадцать дней тому назад. Обычно я месяцами дожидался его ответа. — Все было взвешено, и тебе повезло. Многих людей шантажировали годами, им разрушали браки и семьи, а их финансовое положение стремилось к нулю. Людям трудно умнеть».

Он упомянул про свое исследование контактов с первичным Космическим разумом, зарытым в коллективном бессознательном, а также рассказал про интересного современного мага и медиума Питера Пэрриота, возглавлявшего в центре Чикаго одну ложу под названием «Гнездо Огненной Змеи»: *«Он настоящий эксперт в своем деле и, по моим оценкам, на настоящий момент является самым сильным медиумом на планете. Если ты желаешь написать книгу о мистических культах, то тебе было бы неплохо пересечься с ним. Его ложа располагает очень хорошей документальной базой и имеет неплохие связи со многими известными оккультистами и мистиками, особенно из Гаити и Южной Америки. Более того, у него в распоряжении имеется необычайный практический метод развития сознания, который он бесплатно передает людям. Я думаю, что сотрудничество с тобой принесет пользу и ему. Кстати, я могу написать ему и черкнуть пару строк о тебе...»*

Я перечитал письмо три раза. Конечно же, я вырвался из лап сциоларгии с меньшим ущербом, чем большинство остальных «изменников». Меня беспокоила лишь одна возможность навредить мне — они могли послать дискредитирующее письмо Лидии, чем частенько занимались, однако такая мысль вскоре ушла сама собой. Я очень далеко от них, а если мне еще забыть о намерении написать книгу о капитане и его прогнившем королевстве, то они и вовсе отстанут от меня. Если бы я только раньше узнал о Пэрриоте, я бы не терял столько времени и денег на сциоларгию.

«Гнездо Огненной Змеи» — звучало как органная музыка, доносящаяся из глубин космоса. Две тысячи фунтов я бросил в карман капитана. Спасибо, конечно, большое, но больше никогда не буду иметь дело со сциоларгией и ее двойниками. Я ощутил небольшое удовлетворение от того, что стал умнее. Больше никогда, повторял я вслух, засовывая письмо Гамильтона в конверт.

В тот же вечер я сыграл первую за пару лет партию в шахматы со Стояном Филиповичем. На факультете археологической истории Стоян занимал должность адъюнкт-профессора. Он недавно вернулся из французской школы в Афинах и был полон решимости заняться научными исследованиями. Он однажды стал кандидатом в мастера в шахматном клубе «Авала» и по-прежнему играл так хорошо, что мог отдать мне пешку наперед. Между ходами он взволнованно рассказывал о важности находки надгробной плиты в Коринфе.

— Выяснилось, что в то время в греческих военных лагерях находилось три тысячи гоплитов, а не семь сотен, как предполагалось ранее. Понимаешь, насколько это важно?

— Конечно, — отвечал я. Выслушивая его лекции, я нервничал все больше и больше, так как проигрывал партию за партией. С самого начала партии он ставил меня в зависимое положение и дожимал до конца игры.

— Ты был в Афинах? — спросил он, не отводя глаз от шахматной доски.

— Да. На самом деле, я от Пирея добирался до вокзала.

— Посетил Акрополь?

— Не было на это времени, да еще эта жара. Я с нетерпением ждал, пока поезд тронется.

— Ты поступил неправильно. Это одна из центральных осей всей нашей культуры. Тебе нужно было посетить его.

— Знаешь, что, дружище? Если бы Элевзинские мистерии продолжали существовать, я бы, невзирая на жару, провел бы там столько дней, сколько нужно. Но взбираться на Акрополь под палящим солнцем...

— Не будь так примитивен. Шах и мат! — Он поставил даму на восьмой ряд рядом с моим королем, словно наказывал меня за примитивизм. — Мог бы сдаться пять-шесть ходов назад... у тебя не было ответной стратегии. В следующий раз не пропускаяй Акрополь. Это не только архитектурный памятник, но и краеугольный камень нашей цивилизации в целом.

— Дружище, довольно нравоучений. В средней школе нам рассказывали о значимости Акрополя для нашей цивилизации. Вот что я тебе скажу, я слышал от одного архитектора и художника, что он, так же как и ты, любил Акрополь, пока не увидел истинные памятники.

— Интересно, что это за памятники такие? — Его брови растянулись, а морщины выпрямились, словно по ним прошли утюгом.

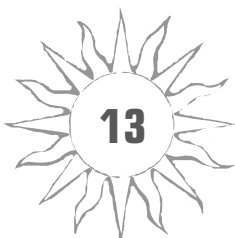
— Милан Хирш полагал, что Акрополь — величайшее достижение мировой архитектуры. После чего отправился на Восток с группой хиппи. По его словам, он посетил каждую страну в Южной и Восточной Азии. Он провел там около восьми или девяти месяцев и полностью проникся восточной культурой и памятниками. Он говорил, что до поездки на Восток полагал, что Акрополь — пик архитектуры, до которой могла прийти древняя цивилизация. Но, будучи на Востоке, понял, что Акрополь — всего лишь спичечная коробочка. Восхитительно, коробочка из-под спичек. В Бирме или Лаосе, я точно не помню, есть Долина Тысячи Храмов. Как говорил Хирш, она получила такое название из-за того, что на ней расположились тысячи заброшенных храмов. Каждый из них был высечен из камня, и каждый представлял собой великое скульптурное произведение. Были высечены даже каменные стены и колонны храмов. Он был потрясен от такого сосредоточения творческой деятельности в одном месте. На то, чтобы посетить каждый храм, ему понадобилась бы пара лет, говорил он. И в тот же самый момент он осознал, что Акрополь — всего лишь спичечная коробочка.

— Он, наверное, был под кайфом. Хотя я не специализируюсь по Востоку, однако сомневаюсь в подлинности этой истории. Где именно эти храмы? Я хотел бы проверить эту информацию.

— Вот его номер, можешь спросить его сам. — Я вынул кусок бумаги из кармана и написал на нем номер телефона Хирша. Это был конверт с письмом от Кена Гамильтона. Я остановился на секунду, потеряв всякий интерес к выяснениям Стояна подлинности слов Хирша. Вдруг мне почему-то захотелось прочесть письмо Кена еще раз, особенно ту его часть, где он писал о Питере Пэрриоте. Отдавая Стояну номер телефона, я сказал, что мне уже нужно уходить.

— И никакого реванша? Ты проиграл четыре партии.

Вместо реванша я уселся в саду отеля «Москва», заказал себе тоник и развернул письмо. Питер Пэрриот, это имя звучало на французский манер. «Гнездо Огненной Змеи» напомнило мне о комиксах о Конане, могущественной магии, живущей в джунглях Амазонки, и о легендах Атлантиды...

* * *

Дорогой брат, Богдан Животич!

Мой хороший друг, Кен Гамильтон из Лондона, предложил мне написать вам письмо по причине вашей заинтересованности в моих магических системах и учениях в рамках «Огненной Змеи».

Его слово — гарантия подлинности вашего интереса и почтенности вашей личности. Не стесняйтесь писать мне о том, что вас лично интересует, и я приложу все возможное, чтобы ответить на ваш вопрос. Я буду счастлив поделиться с вами всеми теми озарениями, что описаны в моих материалах, если того потребуют исследования.

*По-братски ваши,
Питер Пэрриот*

* * *

Дорогой брат Боги!

С превеликим удовольствием я пропускаю вас в поле моего сознания. Позвольте мне сразу заметить, что вы — истинный маг. Я ждал, пока вы свяжетесь со мной, так как вы являлись моим учеником и сторонником во многих прошлых воплощениях. Многие магические силы все еще дремлют в вас. Моя цель — пробудить их, чтобы я, благодаря нашим совместным усилиям, смог привести вас обратно в то место, к которому вы, согласно космической иерархии, принадлежите.

Благодаря нашей близости в высших магических сферах я посылаю вам текст откровения, который недавно получил от

Айваза, могущественного космического разума, излучающего в это время сильные потоки психической энергии на нашу планету.

Да, сексуальная магия играет важную роль во всех системах, которые я разрабатываю. Она представляет собой практический метод слияния с АЙВАЗОМ в единое целое. И теперь он стал сильнее, чем когда бы то ни было, храня в себе великую тайну. Посредством духовного медиумизма я продолжаю развивать данный метод, получаю информацию в виде откровений, которые записываю в состоянии транса. Я так же связан с АЙВАЗОМ, как и ты, хоть ты и не осознаешь этого. Это не тот Разум, с которым контактировал Кроули. Нет, совсем не тот. Айваз Кроули был «локальным» и личным разумом, который использовал Кроули для передачи посланий, представляющих особую важность для духовного развития человечества на тот период времени. Наш же АЙВАЗ — универсальный космический Кладезь, которого индусы называют Брахмой. Если проанализировать буквы его имени, то мы увидим, что АЙВАЗ означает ВСЕ, от «А до Я» (англ. AIWAZ, первая и последняя буквы — начальные и конечные буквы английского алфавита «А», «Z»). Прошу вас внимательно изучить вложенную мной информацию об Айвазе; обращайтесь ко мне за помощью, если таковая потребуется. Помните, ОН с вами, поскольку каждый раз, когда я сливаюсь с ним в состоянии глубочайшего транса, я направляю вам свет его энергии.

*По-братски ваш,
Питер Пэрриот*

* * *

Живо, дорогой брат и ученик!

С огромным удовольствием я получил от тебя письмо и фотографию, которая помогла мне установить с тобой более тесную телепатическую связь. Я высылаю тебе свою фотографию, где я изображен без бороды. Я бреюсь лишь весной и осенью. Можешь начинать общаться со мной телепатически через фотографию в любое время дня, хотя более тесная связь достигается в ночное время.

Медитируя над моим образом, ты можешь войти в поле бесконечного сознания, которое мы совместно использовали в наших

прошлых жизнях. Поначалу ты столкнешься с трудностями, ощущения будут нечеткими, но со временем, благодаря развитию оккультного воображения, мы сможем полностью проникать друг в друга. Таким образом, ты сможешь проникнуть через меня в сознание АЙВАЗА.

На данный момент у меня много «учеников», но лишь два из них что-то реально из себя представляют. Ты — ученик АЙВАЗА, упоминаемый в общении как Стрелец, второго ученика зовут Скорпион, он живет в Англии.

Теперь внимательно прочти следующие слова. Волей АЙВАЗА ты назначаешься его посланником для славянского народа. Дело не в том, что ты будешь делать в материальном смысле, а в том, что ты будешь делать с помощью силы магического воображения. Его послания будут служить инструментом для передачи потоков космического сознания, которые будут проходить через твою волю и воображение. Основываясь на его посланиях, я разработаю формулу, благодаря которой трансформирую тебя, брат и ученик мой, в космического Ипсисимуса. Если ты пройдешь все испытания успешно — а я думаю, ты это сделаешь, — через проведенные мной инициации ты станешь космическим Ипсисимусом Стрельца. В этот период времени может существовать только одно сознательное существо, БОГдан ЖИВО-тич. Кен Гамильтон сообщил мне, что ты проник в самую суть структуры своего имени. Это, действительно, оккультная формула сознания Айваза для знака Стрельца. В начале письма я обратился к тебе как к «Живо», так как слово это, читаемое по каббалистической традиции, и есть АЙВАЗ. Твое имя по ритуальному христианскому крещению, так сказать, запечатлено на брови. Это указатель на твоей судьбе.

На данный момент на нашей планете насчитывается двенадцать воплощенных существ, которые в последующем будут являться посланниками и хранителями нового сознания. В далеком прошлом я работал с ними в Лемурии и Атлантиде. На данный момент я не знаю всех двенадцати адептов, но вскоре они заявят мне о себе, так как составляют верхушку пирамиды космического братства, передающего новое сознание человечеству.

По-братски твой,
Питер

* * *

Дорогой Живо!

Благодарю тебя за столь подробное письмо. Я развернуто отвечаю на твои вопросы.

Во-первых, некоторые из физиков уже разрабатывают идеи АЙВАЗ-ФИЗИКИ, что приведет к смешению точной и оккультной наук. Один из моих учеников посредством ченнелинга¹ получает послания от Альберта Эйнштейна, чьи идеи представляют собой важный вклад в нашу науку. Следующий важный ученый — доктор Джеральд Ноултон, работавший в НАСА и проводивший важные исследования по влиянию сильных магнитных полей на человеческое сознание.

Во-вторых, АЙВАЗ-ФИЗИКА будет являться нашей СВЯЩЕННОЙ КНИГОЙ и техническим руководством, так как в ней будет представлена завершенная система магии, которая будет доступна всем тем, кто готов вступить в сферу энергий Айваза.

В-третьих, возможно, это будет звучать оскорбительно, но я хотел бы привлечь твоё внимание к концепции голограмм в новой физике, о которой ты мог слышать. Каждая часть голограммы, даже самая маленькая, содержит в себе все целое. Осмелюсь заявить, что такая часть ограниченного сознания Айваза, Микро-Айваз, в 1935 году передавала Кроули послание о том, что на место практикуемой до той поры древней магии придет новая, полностью сексуальная магия. В тот же самый день на свет появилось мое физическое тело. Но Кроули не удалось развить данную систему. В системе ОТО Кроули основу магии составляла человеческая сексуальность, однако, согласно Айвазу, такая магия была посредственна, таким образом, основу новой магии будет составлять космическая сексуальность. Она приведет к нейтрализации базовых космических полярностей, поскольку ее основной элемент — энергетическое напряжение, существующее между космическими Ян и Инь.

В-четвертых, ты будешь инициировать кандидатов, соединяющихся к нашей сфере в систему Айваза, так как после нескольких ЕГО инициаций ты будешь приводить к НЕМУ других. Для посвященных тобой людей ты станешь Айвазом, так

---

¹ То же, что выход на контакт с разумом иных миров. — Примеч. ред.

как он будет использовать тебя как средство проявления своего сознания. В течение драматических и чрезвычайно глубоких инициаций остальные будут объединяться с ним и даже принимать его образ на какое-то время, этот самый образ возникнет и перед тобой, когда ты впервые увидишь Его.

В-пятых, я пока не могу четко представить себе сам процесс инициации, через который ты будешь проводить людей. Тебе либо надо будет самому его создать, либо позаимствовать у кого-нибудь, кто до конца не осознавал его значимости. Таким образом, я могу подтвердить, что это будет, действительно, двенадцатый уровень инициации. Позволь Божественному сознанию пройти сквозь тебя.

Питер

* * *

Дорогой Живо.

Я попытаюсь вкратце ответить на твои вопросы, но помни, что только твой личный опыт может дать истинные ответы.

Много лет тому назад, в прошлом воплощении, я был патриархом русской православной церкви. Я вел литургию в соборе Василия Блаженного в Москве. На тот период времени среди группы верующих был один англичанин, Алистер Кроули, который был настолько вдохновлен моей литургией, что использовал ее для создания Гностической мессы, которая с тех пор начала использоваться в ОТО. Позже я покинул свое человеческое тело. Воплотившись в теле Питера, с самого раннего детства я уже понимал, что Айваз поможет мне достичь совершенно нового уровня сознания. Система Айваза учитывает все, и, как я уже сказал тебе, его имя означает ВСЕ. Тебя посвятят в энергии, появившиеся от богов нашей Солнечной системы, а затем и от высшего и более совершенного разума, восходящего от сознания АЙВАЗА.

Как я уже сказал, Айваз Кроули был неким особенным микрокосмом великого Макрокосмического Айваза. Он, кого мы раскрываем в глубинах нашего существования как ВСЕ, не может быть привязан к прошлому. Он — прошлое, настоящее и будущее. Кроули обладал лишь именем, но не своим существом. Айваз Кроули презирал Христа и плевал на Мухаммеда. Наш же неизменно является и Буддой, и Христом, и Мухаммедом, так как он и есть

ВСЕ, о чем и говорит его имя. Человек находит в нем отражение своего текущего духовного уровня. Обращающиеся к нему с открытой душой, с внутренней любовью получают из глубин космоса невероятную космическую любовь.

По-братски твой, Питер

* * *

Дорогой Живо.

Я получил от тебя два письма, от 17 и 27 ноября. Был рад услышать, что ты получил две пленки с моими лекциями, и что они тебе понравились.

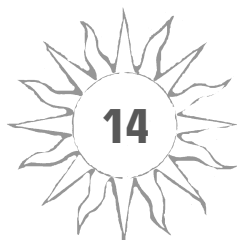
Я хотел бы рассказать тебе кое о чем важном, что способствует твоему развитию наилучшим образом. Внимательно прочти следующие слова. Как ты уже знаешь, Блаватская представляет собой источник Космического Сознания новой эры, поскольку все дороги ведут к ней. Прошлой ночью Айваз свел меня с Блаватской, чтобы через нее донести послание до тебя. При таких обстоятельствах он использует более одного посредника. Блаватская обращалась ко мне на русском, который я смог понять благодаря тому, что находился в астральном теле из прошлой жизни, где был священником русской православной церкви. Она буквально сказала следующее: «Кен Гамильтон открыл лишь одну трансплутоническую планету Исис. Когда ты, Питер, посветишь Живо в мистерии Айваза, то он отыщет все тайные планеты, а не только одну». Это значит, что ты становишь космическим существом, которое, благодаря просветлению, воспринимает себя как космос. Затем Блаватская рассказала мне о твоих магических способностях, заявив при этом, что она посвятила тебя в магию высшего космического уровня, в котором слияние положительных и отрицательных космических полярностей происходит не только на физическом уровне, но и на уровне космического сознания. Она также сказала мне, что вы оба были магической парой для славянского народа, что она родилась под знаком Льва, который чрезвычайно благоприятно соотносится с тобой.

Я думаю, ты будешь испытывать сильную энергию в таком общении с Блаватской и Айвазом, поскольку она является инструментом для передачи энергий Айваза в его русскую вибра-

цию. Позволь сказать тебе, что в определенные моменты, особенно в те, когда я пишу тебе, я становлюсь единым с Айвазом, что в итоге приводит к тому, что вся энергия, исходящая из меня и приходящая к тебе, на самом деле, ЕГО ЭНЕРГИЯ. Когда я полностью открыт, а это происходит в определенные моменты, я становлюсь АЙВАЗОМ, и когда ты придешь сюда, ты также станешь с НИМ единым целым, и твое сознание больше никогда не будет отделено от него. Потому что ОН выбрал тебя! Ты — основа элемента Огня, что так близок Ему, так как он — чистая Акаша.

По-братски твой, Питер.

В чикагском аэропорту О'Хара лента транспортера пустела на глазах. Лишь единицы продолжали дожидаться своего багажа. Я взглянул на нескольких холостяков, так как остальные либо были женаты, либо уже имели детей. Двое мужчин были с бородами. Ни один из них не был похож на Питера на фотографии. Где же он, почему не встретил меня, как мы договорились по телефону? Я поставил чемодан рядом с собой и закинул сумку на плечо. Сколько же мне еще ждать? Лента транспортера остановилась. На ней больше ничего не было. Все ушли. Я стоял в раздумьях, что же мне делать дальше. Зал наполнила новая группа пассажиров. Рейс прибыл из Сан-Франциско. На ленте транспортера появилась новая груда багажа. Ждать дольше было бессмысленно. Я пошел к знаку стоянки такси.

За рулем сидела полнощекая афроамериканка. Остановив машину на тихой улочке перед новым пятнадцатизэтажным зданием, она по-мужски вытащила из багажника мой чемодан, с мрачным видом взяла десять с половиной долларов и уехала, не поблагодарив. Я вошел в застекленный вестибюль. Внутри дверь была заперта. В вестибюле, позади запертой двери, стоял покрытый толстой керамической плиткой стенд с именами владельцев. Имя Питера было на предпоследней строчке. Я нажал на звонок, и над его именем загорелся красный свет. На повторный сигнал пару минут спустя ответа тоже не последовало. Во мне появилось предчувствие чего-то скверного.

Взяв багаж, я вышел из здания. Снаружи встретилось всего несколько человек. По улице бежал одинокий бегун в футбол-

ке и шортах, ритмично двигая руками и волосатыми ногами. Я остановился около маленькой прачечной, в которой какие-то полные афроамериканцы средних лет дожидались окончания стирки. Темнело и холодало. В самом конце улицы еле-еле виднелся берег озера Мичиган. Оно было похоже на море, противоположного берега вообще не было видно. От сырости и холодного ветра с озера у меня замерзли пальцы, и я пожалел, что не взял с собой перчаток. Мной овладела усталость. Нужно было скорее найти место для ночевки. Я огляделся по сторонам. На улице не было ни души. Я достал из сумки книгу по И-Цзин, взглянул на гексаграмму, что мне выпала перед поездкой: *«Путешественник одинок в своем пути, он устал и в плохом настроении. Чувства счастья, что одолевали его в начале поездки, померкли, и теперь он ищет место для ночлега»*. Никогда бы не подумал, что гексаграмма настолько точно предскажет реальность. Что-то непредвиденное случилось с Питером, я был в этом уверен. Он не приехал в аэропорт, его не оказалось дома. Или же он таким образом проверял меня?

Я двинулся в противоположную от озера сторону. На перекрестке оглянулся по сторонам. Не было никакого намека на отель. Табличка на стене ближайшего дома сообщала, что название улицы — Делавэр. Я повернул направо. Эта улица была более оживленной, чем все остальные, там, освещенные уличными фонарями, сновали люди и машины. Я был голоден. Остановившись перед «Макдональдсом», я поразмыслил секунду-другую и пошел дальше вниз по улице. Ремешок от сумки до боли давил мне плечо. Отели по пути не попадались, а улице, казалось, нет конца. Я повернулся и пошел в обратном направлении. Мне вспомнилась моя первая ночь в Стокгольме, ночлег для бродяг в Слюссене, Нейл Бечич... Что же мне делать? Сколько мне еще колесить вокруг дома Питера? Я не знал, где он работал, и была ли у него хоть какая семья в Чикаго. Когда я дошел до его дома, стало совсем темно. Я нажал на соседнюю от квартиры Питера кнопку домофона. Ответа тоже не последовало.

На этот раз я решил пойти в противоположном направлении, взять такси и остановиться у ближайшего дешевого отеля. На дворе была уже ночь. Я нащупал в куртке карманный ножик...

...Уже под утро я решил еще раз вернуться к этому дому. Если не найду его там, то поеду в Калифорнию в дзенский монастырь, где жил Боб Метро, с которым я какое-то время переписывался.

— Богдан! — Крик прервал мои размышления. Еще не увидев его, я знал, что это Питер. Он подходил ко мне с широко раскрытыми объятьями. Питер выглядел так же, как и на фотографии, только моложе. Я давно представлял себе эту встречу и переживал ее так много раз. Но все мои представления о ней никак не укладывались в реальность данного момента, когда я, вконец изнуренный и окоченевший, стоял на продуваемой холодным ветром улице с чемоданом в руке. Он крепко обнял меня, пробормотал невнятно про какое-то изменение времени, самолет и аэропорт. Я впал в некое подобие ступора, и он, видимо, почувствовав это, выпустил меня из своих объятий.

— Давай свой чемодан, я помогу тебе. Я живу в ста метрах отсюда.

— Я знаю, я уже пробовал тебя найти.

— Боже мой, и что ты чувствовал, когда не смог меня отыскать? Какое ужасное недоразумение. Давай хотя бы свою сумку.

У Питера был низкий голос, и он говорил чуть быстрее, чем по телефону. Я понимал, что он хотел сказать мне.

— Ты сообщил мне о прилете по нью-йоркскому времени. В Чикаго время переводится на час назад. Поэтому-то мы и разминулись. Не ожидал встретить тебя на улице.

Пока мы шли, я не отводил от него глаз. Разочарование с самого начала. Он выглядел точно так же, как на фотографии, однако впечатление все же каким-то образом разнилось. На нем были мятые штаны с веревкой вместо ремня, полинявшая толстая хлопковая рубашка, поверх которой висел толстый серый жилет. Шерстяная кепка была надвинута до бровей, в пышной длинной бороде проблескивали седые волосы, лицо влажно блестяло. На фотографии он был похож на какого-то русского, крепкого как памятник, монаха из далекого сибирского монастыря или на казацкого атамана времен Степана Разина. Ростом с меня, он был заметно тяжелее и казался выше, чем на самом деле. Этот Питер напоминал мне развязанных, разодетых как хиппи американцев, путешествующих по Европе летом с рюкзаками на плечах. Он шел медленно, уверенно перенося вес с ноги на ногу.

— Главное, что ты здесь. У нас будет достаточно времени для работы.

Сейчас он заговорил медленным низким голосом, и мое впечатление опять изменилось. Теперь он был похож на археолога средних лет, которого не особо волновал внешний вид и который копал, ел и спал вместе с остальными рабочими.

Питер отворил стеклянную дверь, через которую я вглядывался в скучный интерьер вестибюля два долгих часа, и мы вошли в лифт. Я наконец ощутил тепло после холодного и влажного ветра с озера Мичиган. Он открыл дверь и, впуская меня первым в свою квартиру, сказал:

— Здесь мы разубаемяся. Не хочешь сразу принять душ?

— Нет, я очень устал.

— Позволь мне показать тебе все.

По американским стандартам его квартирка считалась тесноватой. Она состояла из маленькой кухоньки и двух комнат. Весь пол в квартире, за исключением кухни и ванной, покрывал темно-красный синтетический ковер. Ощущался терпкий запах ладана. Широким жестом Питер показал мне на маленькую комнату:

— Это моя ритуальная ложа.

Там не было никакой кровати, только лишь японский татами. Татами был покрыт блестящей черной шелковой или сатиновой тканью. Под окном стояло черное квадратное зеркало на металлической подставке. Оно было довольно большим и чем-то напоминало чертежный стол архитектора. Справа от двери располагался диван из мягкой коричневой кожи. Другой мебели в комнате не было, разве что картины на стенах. Среди них я увидел несколько фотографий, которые Питер высылал мне вместе с письмами. Сразу привлекала внимание самая большая из картин. Было трудно уловить, что же было на ней действительно изображено. Нарисованные на полотне круги чем-то напоминали технику хорватского художника Бахунека. На цветистом фоне было трудно разглядеть человеческую фигуру. Картина напомнила мне тест Люшера с цветными табличками. Фигура появлялась лишь на мгновение, после чего сливалась с фоном. Питер поймал мой взгляд.

— Айва-а-а-з-з-з-з, — произнес он, имитируя жужжание пчел.

— Это его портрет?

— Условно говоря, да. Таким я его видел однажды в своем сознании. Давай я тебе покажу еще одну комнату, где ты будешь спать.

Длинный коридор, связывающий комнату и двери слева, вел к ванной и кухне. Окна второй комнаты, значительно большего размера, выходили на улицу. Она была разделена надвое толстой бархатной занавеской вишневого цвета. Окно занимало всю стену: слева виднелось озеро Мичиган, а справа — чикагский центр со множеством освещенных снаружи небоскребов. Небо было такого же красноватого цвета, как отражения от далекого огня. Задняя часть комнаты, разделенная занавеской, была заставлена мебелью. В середине стоял большой темный стол, а у стены — пара маленьких шкафчиков и сундуков. В глаза бросались два длинных меча под картиной. Я думал, что для ритуалов используют лишь мечи меньших размеров, как те, что были в Стокгольме на ритуалах с Халингом. А эти были тяжелые, так что даже сильному человеку пришлось бы держать их обеими руками. Среди многих картин на стене я заметил две репродукции, которые встречал в книге Кена Гамильтона: «Монстр с Озера» и «Фея Озерного Логова». Это были какие-то две безыскусные копии. Меня впечатлили лишь картины с Айвазом. Я сразу же его узнал. Его образ опять было так же трудно разглядеть на фоне, как туманное пятно из глубин космоса. Вокруг его головы сиял солнечный свет, или, может, это была золотая аура? Я поочередно смотрел на обе картины. Образ то появлялся, то исчезал. Искра сомнения пробежала у меня в голове: вселенское божество — брахман с аурой? Художник что-то неправильно понял.

— Не воспринимай всерьез, — сказал Питер. Он сменил свою хипповую одежду на длинный хлопковый халат, свисающий до пола. Теперь он казался намного выше и крупнее. Питер снял носки, уселся на диван и, поджав под себя голые ступни, стал внимательно меня рассматривать.

— Наконец-то ты здесь. Мы можем поговорить немного.

— Я очень устал и хочу спать.

— Я понимаю. Ты был долго в пути, да еще такое неприятное недоразумение... Тебе нужно хорошо поспать. Пару дней я не буду ходить на работу, пока ты не привыкнешь к вещам.

Распластавшись в кресле, я томился желанием поскорее прилечь и закрыть глаза. Питер с улыбкой на лице внимательно смотрел на меня.

— Ты выглядишь точно так же, как и на фотографиях, что посылал мне.

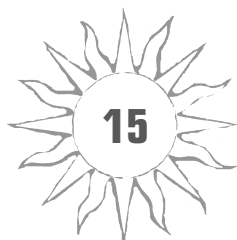
Я пожал плечами, с трудом заставляя себя тут же не смежить веки. Все мои ожидания от нашей первой встречи окончательно растворились: где вы, радость узнавания Учителя, с которым был в прошлых жизнях, взаимные переживания, вспышки сознания, озаряющие путь веры?.. Ничего такого, только одно желание поспать. Он кивнул головой.

— Нам предстоит важная работа. Отдохни день-два, а затем мы сфокусируемся на ритуалах. Будем регулярно проводить их. Нам нужно подготовить твою личность в качестве средства манифестации. Чувствуй себя, как дома. Не стесняйся открыто осматривать мои вещи, бумаги, письма... можешь прочитать их, если будет интересно, много чего можно найти в ящиках и сундуках. Если проголодаешься ночью, можешь взять чего-нибудь из холодильника, яблоко там или еще чего — некоторым людям нравится есть ночью. Я бы хотел, чтобы ты здесь остался надолго, месяцев на шесть, если сможешь. Ты так устал, едва держишь глаза открытыми.

— Да, чертовски устал.

— Сейчас поспи, мы поговорим завтра. — Он встал легко и весьма быстро для такого тяжелого тела. — Спокойной ночи.

Пару минут я еще посидел на краю кровати, чувствуя тяжесть в голове, разочарование и примирение с несбывшимися надеждами. Затем разделся и растянулся на кровати. Слабый запах духов исходил от подушки. Как будто на ней так долго спала женщина, что даже стирка не смогла справиться с этим ароматом. Женщина? От этой мысли я совсем расслабился. Передо мной пролетали облака и образ улыбающегося мне Ненада. На туманном фоне появилась также фигурка Стевича, бегущая мне навстречу и несущая в руке стрелы... Где-то шел снег. Я прошел по нему, и мне не было холодно. Увидел перед собой ледник. Потом лег спиной на песок и начал медленно скользить вниз. Я скользил и скользил... медленно погружаясь в теплую воду. Оказался глубоко под водой. И вдаль услышал едва различимые голоса, после чего наступило молчание, молчание... Вдалеке промелькнул маленький огонек...

Утром, сонный, я провалялся в постели еще полтора часа или даже больше. Я слышал, как льется вода в ванне и как что-то делает на кухне Питер. Во что это все выльется? Я с неохотой должен был признать, что разочарован. Питер создавал впечатление очень знающего человека, но на этом все и заканчивалось. Я приехал не за тем. Он казался совсем не тем мастером оккультизма, с которым я переписывался. Питер, скорее, был похож на громко клекочущего орла, который не мог взлететь. Даже более наивный человек, чем я, не поверил бы в то, что он являлся Иписимусом и главой космического совета Великих Мастеров, распорядившегося судьбой планеты. Но он, в то же время, не был и сумасшедшим. Он был обычным человеком, который никак не смог бы раскрыть во мне мага космического уровня. Это был абсурд. Я думал обо всем, что так ненавидел в себе: вспышки гнева и агрессии, готовность высмеять других, нужду опорожнить кишечник, неглубокое утреннее дыхание и надежды, побудившие меня проехать полсвета... Весь этот привычный мир истаивал передо мной каким-то таинственным образом.

Мое разочарование медленно превращалось в неприязнь к самому себе. Похоже, я был самым большим дураком, какого только знал свет, и, чтобы выяснить это, я отправился в очередную поездку. Я отдал все ради золотого яйца, но оно треснуло, и теперь вся вонь его протухшего содержимого окутывала меня.

Приняв это умозаключение, я почувствовал себя легче. Это, в конце концов, хотя бы поспособствует моему эмоционально-

му росту. Как бы то ни было, способен ли хоть какой-нибудь оккультист соответствовать моим ожиданиям? Другие тоже бывали очень удивлены встречей со мной: «Я представлял тебя иначе... Я был уверен, что ты выглядишь старше...» Я вспоминал Халинга. Долгое время я видел в нем лишь повара. Но за поварскими амбициями был скрыт оккультный эксперт. Перед глазами промелькнул образ Роши, с которым крутила любовь Астрид. Только лишь во время первой встречи я мельком разглядел в нем просветленного мудреца. Позднее же я думал, что он, должно быть, хорошо пожил в Швеции благодаря его способности окружать таинственностью вопросы, готовые ответы на которые каждый при желании мог бы отыскать в книгах. Если бы я встретил его где-то еще, то могу заверить, что воспринял бы его, как какого-то хитроумного плута из богом забытого азиатского местечка. Благодаря такой способности окружать таинственностью вещи он спал с Астрид. Просветленные мудрецы? Они трахались друг с другом за моей спиной, как тощие свиньи. А затем Кен Гамильтон! Он был копией какого-то педантичного бухгалтера или почтового служащего со своей бледной и слегка опухшей физиономией, в тщательно выглаженных костюмах, которые он носил для того, чтобы произвести впечатление человека, принадлежащего к верхушке английского среднего класса. И все эти сциоларги с грязными ногтями и засаленными волосами, которые кажутся такими успешными, но только в тех ролях, которым их научили. Как только они выходят из этих ролей, их основной проблемой становится обыденность — как заплатить за квартиру или за ремонт автомобиля. Астрид знала сравнительно немного, но легко влюблялась. Одно время я мог с ней делать все что угодно; она буквально пихала деньги мне в карман, чтобы держать меня к себе ближе.

И вдруг я принял решение. Ситуация складывалась так, что я, совершая ошибку, превращался в дурачка с наивными ожиданиями. Я останусь здесь на месяц и до этого момента отложу все выводы. После чего выскажу Питеру все, что о нем думаю, и расскажу ему о наших общих ошибках. Я почувствовал себя лучше.

Занавеска, что разделяла комнату пополам, приоткрылась, и за ней показалось лицо хозяина. Он был без очков и во

вчерашнем длинном халате, повязанном шелковой веревкой вокруг талии. Его волосы все еще были мокрыми от душа.

— Доброе утро, Боги. Хорошо поспал?

— М-м-м-м... — кивнул я.

— Снилось что-нибудь?

— Я ничего не помню. Был какой-то маленький сон. Я не смог объяснить его, иногда сны странноваты.

— Боже мой, Ипсисимус, не знающий, как толковать свои собственные сны! Любой старушке в Восточной Сербии под силу такое.

Я, помня о решении, которое только что принял, отставил в сторону свои неодобрительные мысли на этот счет. Он подошел к окну и посмотрел на улицу. Стоял ясный день. Шум города доносился через закрытое окно. На подоконнике в пластиковых горшках тянулись вверх растения с темно-зелеными листочками — никаких цветов не было. Рядом с ними я приметил маленькую лейку, смахивавшую на игрушечную.

— Мне всегда было интересно, что из себя представляют югославы. Я иногда путаю Югославию с Чехословакией. Большая часть моих студентов из Гаити. У меня есть парочка русских и поляков, но серб ты у меня первый. Знаешь, я всегда ощущал твою силу. Ты — огонь. Меня это восхищало.

От его последних слов я насторожился, это что, шипение змеи в траве? Я должен был как можно скорее избавиться от любой возможной неопределенности в наших отношениях. Я не понимал, какой реакции он от меня ожидал.

— Твои письма сильно повлияли на меня, — произнося эти слова, я чувствовал, как в душе слабым эхом отозвались мои прошлые ожидания. Создавалось впечатление, будто человек, сидевший напротив меня, не был автором своих писем. — Написанные слова никогда не казались столь живыми и сильными. Меня всегда интересовал один вопрос: почему ты выбрал именно меня? Я боялся, что однажды ты скажешь мне, что совершил ошибку. Иногда разные мысли лезли мне в голову. Что ты... — я несколько помешкал, а затем просто сказал, — гомосексуал...

Его выражение лица не изменилось. Он молча смотрел на меня, ожидая продолжения.

— Я посчитал это глупостью, возможно, мне было страшно столкнуться со значительными переменами. Я думал, что в

Америке полно гомосексуалов, и не нужно было обращаться за этим к другой части мира.

Он кивнул головой и улыбнулся. Продолжать стало легче.

— Мне было интересно, как же ты отыскал меня. Я знаю, что было много подсказок — мое имя и все остальное... У меня случалось много озарений, я писал тебе об этом. Иногда я думал, что осуществление того, о чем ты писал, было бы исполнением моих мальчишеских мечтаний. И до сих пор меня терзают сомнения. Я думал, что мы оба ошибались, что мы просто сводили друг друга с ума. В истории оккультизма полно таких примеров. К примеру, теософы... Многие хвастаются по поводу своих связей с Великими Учителями, убеждают друг друга в своей избранности. Все эти истории о Кришнамутри и втором пришествии Христа...

Он сидел в кресле напротив и внимательно на меня смотрел. И наконец, после короткой паузы ответил:

— В мире тысячи плохих художников, но этот факт совсем не говорит о том, что первоклассных художников не существует. Конечно же, плохие художники верят в то, что придет тот день, когда их величие будет признано. Результат — вот что отличает Великого Мастера от дилетанта. Я узнал о тебе, прочтя Акашу. Мы много раз были вместе. Воспоминания из далекого прошлого с трудом пробираются в наше сознание, особенно поначалу. Позже будет проще.

Я немного подумал.

— Почему же во время процессинга в Лондоне у меня в голове не проскальзывало никаких воспоминаний о тебе? В сциоларгии я возродил воспоминания пятнадцати, двадцати прошлых жизней, что были перед этой. Все они были болезненными: убийства, насилие, ничего ценного. — Я сделал паузу. — Вообще-то, я помню одно оккультное переживание. Скорее всего, это было в Атлантиде. Я был священником и во время ритуала в храме принес в жертву женщину. Свою жену. Ужасное переживание...

— К нам возвращаются воспоминания, значимые только для настоящего момента. Когда человек идет в сциоларгию за процессингом, он переживает воспоминания, представляющие важность для той ситуации. Если бы ты был индусом, то, возможно, у тебя были бы воспоминания о ритуалах в храме богини Кали.

На улице раздался звук полицейской сирены. Поглаживая бороду правой рукой, Питер продолжил:

— Тебе приблизительно триста триллионов лет по земным меркам. Ты появлялся бесконечное количество раз в различных телах, словно актер в разных ролях. Сказать, что тебе сорок лет, все равно что сказать опытному актеру, гастролирующему по какой-нибудь провинции, что он начал выступать полчаса назад, когда появился на сцене провинциального театра. Понимаешь?

— Будут ли у меня воспоминания о моей работе с тобой?

— Даже если ты попытаешься избежать их, тебе этого не удастся. Поначалу, после инициации, воспоминания о нашей с тобой работе будут проявляться слабо, но со временем они будут обретать все большую ясность. Кстати говоря, в твоём подсознании лежит глубокое убеждение в том, что ты являешься магом, которого избрал Айваз для своей миссии. Твое поведение на физическом плане — очередное тому подтверждение. — Он посмотрел выше моей головы. Прищурился, он уставился куда-то вдаль, словно о чем-то вспоминал, а затем незамысловато сказал: — Если бы тебя ничто не подгоняло, ты бы пришел сюда сам?

Я хотел было сказать, что мною, возможно, двигало любопытство, желание обрести оккультные силы, стремление к приключению или же я, честно говоря, просто сваял дурака, однако каждая такая мысль каким-то образом исчезала, не успев развиться дальше.

Я молчал.

— Вообще-то, — продолжил он, все еще глядя выше моей головы, — твои письма безошибочно указывали на самого Айваза. Он использовал тебя, чтобы отсылать мне сообщения. — Я проглотил слюну. Казалось, он находился под гипнозом, в состоянии легкого транса: — Помнишь одно из своих первых писем, где ты спрашивал меня, есть ли в твоём гороскопе какие-либо противоречия? Тем же утром, перед тем, как получить твоё письмо, я впал в глубокий транс. Айваз говорил через меня, он передавал мне важное послание. Я записал и свои вопросы, и его ответы. Энергия воздействовала на меня чрезвычайным образом — в какой-то момент у меня из носа потекла кровь. Он рассказал мне, что я создам новую си-

стему магической и космической инициации, благодаря чему, перво-наперво, разовью духовность двух людей: Стрельца и Скорпиона. Когда я приходил в себя после контакта, мне не давали покоя вопросы — кто же эти двое? Как мне связаться с ними? У меня не было сил, и мне казалось, что лишь прогулка приведет меня в порядок. Имело смысл отправиться на почту за письмами, пришедшими на мой абонентский ящик. Все это время я пребывал в незавидном состоянии, словно после электрошока, но ко мне откуда-то пришла уверенность, что решение все же появится — внезапно и из неожиданного источника. Так происходит всегда. С тобой случается что-то похожее?

Не сказав ни слова, я пожал плечами, и он продолжил:

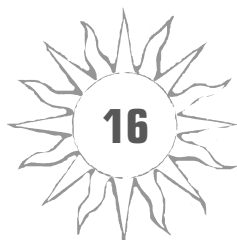
— Обычно в день я получаю около двадцати писем — у меня обширная переписка с людьми по всему миру. В этот раз пришло всего одно письмо. Не посмотрев на имя отправителя, я его вскрыл. — Он замолчал на секунду и посмотрел мне прямо в глаза. Его зрачки расширились, а голос стал еще ниже. Я почувствовал то ли волнение, то ли страх и благоговение, было трудно сказать, что именно. Он медленно прихлебывал чай, словно давая мне время собраться с мыслями. — Помнишь свое первое письмо? Оно начиналось с «Дорогой Учитель, у меня к вам есть вопрос. Я Стрелец...» Я не прочел письмо целиком, просто взглянул на подпись. Это было твое первое письмо, в котором ты подписался просто как Живо.

Уголки губ Питера растянулись в улыбку.

— Пока ты писал письмо, Айваз управлял твоей рукой, хотя тебе это сейчас не так ясно. В тот же вечер у меня продолжилось общение с Ним.

Я почувствовал дрожь в руках, солнечном сплетении и вокруг рта. Мое разочарование таяло без следа. Волна энергии, захлестнувшая комнату, становилась невыносимо напряженной. Слова были не нужны. Я был в нужном месте, впервые в жизни я оказался в священном месте. Словно читая мои мысли, он выпил чай и сказал:

— Таким образом, Путь притягивает нас к себе.

В Америке центр города называют «Даунтаун». До сих пор я думал, что так обозначали его нижнюю часть. В Даунтауне располагалась почта с абонентским ящиком Питера. Обычно до почты он добирался по Мичиган-авеню, словно совершал какой-то привычный ритуал. Полдень еще не наступил, так что внутри было немного народу. Мы встали перед симметричными рядами железных ящиков. Он открыл свой и достал оттуда маленькую кучку писем с цветными марками. Обратной дорогой мы также возвращались пешком, и спустя полчаса я пожалел, что Питер был не за рулем. На первом этаже какого-то невзрачного серого кирпичного здания располагался книжный магазин «Осирис», и Питер, с уверенностью постоянного посетителя, повел меня туда. Рыжеволосая продавщица с веснушчатой кожей поприветствовала его теплой улыбкой и сказала что-то, чего я не расслышал. «Да, — ответил он, — времена меняются... Боги, можешь взглянуть на книги».

Судя по его тону, у меня было не так уж много шансов, чтобы попасть в такое место. Я приблизился к полкам с рассортированными по темам книгами. То волнение, что я обычно испытывал перед ними, быстро исчезло. Я уже давно был знаком с большинством выставленных книг — видел их в издательских каталогах или в книжных магазинах Лондона, некоторые из них встречал даже еще раньше, в Стокгольме, у Оука Вилкинсона. Многие я либо просто прочитал, либо они уже были в моей библиотеке. Новыми для меня оказались только книги, рассказывающие о применении кристаллов в терапии.

Была также фотокопия рукописи, напечатанной на машинке, под названием «Znus is Znees», автобиография Рассела (Генестая) — весьма разочаровывающий текст, ввиду его рваного стиля и крайней неконкретности. Три записные книжки стоили пятьдесят долларов. Заглянув мне через плечо, Питер прочитал название первой записной книжки, что я держал в руках, и сказал: «Такая есть у меня дома».

На полках рядом с кассиром были выложены магические кристаллы разных размеров, карты Таро и палочки высушенного тысячелистника рядом с руководством по И-Цзин. Этот книжный магазин был хорошо оснащен, в нем, наверное, можно было найти все что угодно. Но при этом я не ощущал никакого волнения, которое обычно охватывало меня при виде оккультной литературы. Я стоял и смотрел на книги, как на увядшую любовь, которая теперь осталась лишь в воспоминаниях. В этот грустный момент я размышлял над тем, что же случилось с молодым ненасытным читателем, чьи глаза распахивались перед каждым новым названием, кто же теперь во мне испытывал любопытство, смешанное с удовольствием от того, что пришло время для непосредственных переживаний и столкновений с настоящими задачами?.. Игра с книгами была окончена. Я не сожалел, когда уходил из книжного магазина и шел к Питеру домой.

— Питер, а кто хозяин Осириса? Та рыжеволосая девица?

— Дороти? Нет, она только там работает. Книжный магазин недавно приобрел один поляк, Копецки. Дороти — дочь Луны.

— То есть ведьма?

— Да, и очень даже настоящая. В ней много огня. Она родилась под знаком Овна, при восходящем Сатурне. Мы были близки какое-то время. Более тридцати лет ее группа работала в Чикаго. Дороти — изящная девушка. Тебе она интересна?

— Она хорошо сложена, и у нее обворожительный взгляд.

— Что же это за ведьма без обворожительного взгляда? Какое-то время она была моей любимой Шакти, мы проводили сексуальные операции. Это было в прошлом, тогда я еще не выходил на контакт с Айвазом. Теперь мне не нужна Шакти. Для тебя девятого уровня будет достаточно. После инициации ты будешь связываться с ним через Шакти. Не забывай, что у тебя Венера в Скорпионе. Согласно классической астрологии,

такое расположение неблагоприятно для Венеры, но в Новом Эоне такая позиция превосходна для сексуальной магии.

Я уже было хотел спросить его, как я могу с ней пересечься, но он опередил меня:

— Ты голоден? Пора пообедать.

Мы пошли в мексиканский ресторанчик «Амелия», располагавшийся в конце Делавэр-авеню. Обращаясь к официанту как к какому-то давнему знакомому, Питер заказал буррито с капустным салатом и маленькую бутылку красного вина. Я взял колу. Откусив несколько раз, я решил продолжить начатый разговор и спросил его:

— В сексуальной магии все сводится к использованию сильной эмоциональной энергии, так?

— Не только, — ответил Питер с набитым ртом, — в динамической психологии, возможно, тебе известно это с университета, используют многие метафоры для объяснения функций человеческой души. К примеру, когда подавляется какое-либо содержимое, оно будет по-прежнему искать пути к выходу на поверхность сознания. Это говорит нам о том, что нам станет лучше, если мы отпустим подавленную энергию эмоций переживания. Это классический, часто цитируемый подход. Какая самая сильная форма энергии в человеческих существах? Сексуальная, конечно же. Поразительно соприкосновение древней традиции Тантры йоги с квантовой механикой. Ты говорил, что был удивлен кое-какими выводами из квантовой механики? Неудивительно, она нацелена на суть вещей. — Он медленно пережевывал пищу с полузакрытыми глазами; было невозможно определить, оценивал ли он вкус еды или же осторожно подбирал нужные слова. — Я не хочу обременять тебя теориями, хотя они и приводят меня в восторг, но... ты должен знать, что в основе всего лежит утверждение Гейзенберга о том, что атомы не вещи, то есть не материальные объекты.

Он допил свой бокал вина и подал знак официанту, чтобы тот принес еще бутылку.

— Какие же основные характеристики квантовой физики так пугают многих людей? Совпадение процессов на человеческом уровне — спонтанность действия. Совпадение или спонтанность события — сердцевина любого романа. Избыточность вероятностей — куда более здоровый подход к людям. Расце-

нивать людей следует как сеть потенциальных возможностей, а не как установленную структуру — это очень здоровый подход.

— Один из членов братства Одина в Стокгольме рассказывал о похожих вещах. Он был поражен сходством квантовой механики с мистицизмом.

— Он не был наивен, — сказал Питер. Он говорил в перерывах между очередными порциями еды, оказывавшимися у него во рту, словно наслаждался в равной степени вкусом пищи и звуком собственного голоса. — Взаимосвязь, которую Джон Белл назвал нелокальностью частиц, — сердцевина будущего квантовой механики. Изумляет тот факт, что индусы указывали на это еще три или четыре тысячи лет назад... а после них и каббалисты. Тем не менее, их трактовка была малопонятна, как и другие серьезные философские прозрения. Квантовая механика учитывает все. В каждой внешности, каждой улыбке прекрасной женщины, в самой мельчайшей частичке ее тела проявляется целая вселенная. Даже дураку понятно, что в океане содержится бесчисленное количество капель, но лишь мудрецы знают о том, что в каждой капле содержится океан. Блейк, с пророческой интуицией осознавая это еще за сто лет до Гейзенберга и Белла, облек свою точку зрения в великолепный стих: «Увидеть вечность на ладони и целый космос в песчинке одной...»

— Я не вижу здесь никакой связи с сексом.

— Она есть. Квантовая физика, тантра и телема тесно соприкасаются с сексом и в то же время с религией. У каждой религии есть символ, так? В христианстве — крест, в исламе — полумесяц, у язычников — пентаграмма, у буддистов — колесо и так далее. — Он утробно засмеялся: — Кроули бы перевернулся в гробу от услышанного, но так оно и есть. — Он взял вилку, измазанную в томатном кетчупе, поднял ее до уровня глаз и начал пристально ее разглядывать.

— Вилка указывает нам на мир возможностей, — продолжил он. — В определенной ситуации может случиться лишь одна вещь из нескольких возможных. Тантра, подобно квантовой механике, воспринимает будущее как паутину доступных возможностей, как зубчики этой вилки.

До меня медленно доходила его идея.

— Границы определены нечетко?

— Да, — удовлетворенно ответил он, моргая глазами. — Возможности определяются только намерениями, тем, как ты определяешь один момент во времени. Здесь гораздо больше возможностей, чем в броске кубика, — там всего лишь шесть возможных вариантов исхода события.

— Это никак не связано с сексуальной энергией.

— Связано, да еще как связано! Это самый мощный инструмент для преобразования потенциала в его фактическое проявление. В квантовой механике это называется коллапсом бесконечной волны в частицу, или ограниченное проявление. Если в процесс подключается большая энергия, то проявление становится более очевидным и стабильным, хотя рано или поздно оно снова должно будет превратиться в волну. В «Книге Закона» это представляется в виде уменьшения Нюит, божества безграничного пространства, до размеров индивидуального существа, или Хадит. Ты и то и другое, бесконечное и ограниченное, мужское и женское.

— Преобразование потенциала в проявление... теоретически я понял это в Стокгольме, но на практике такого особо не встретишь. Несмотря на все его магические операции, Кроули умер в доме для престарелых. Почему же он не коллапсировал бесконечную волну возможностей в пристойную жизнь для своего преклонного возраста?

— Кроули? Он неправильно трактовал многие вещи и заплатился за это. Ему не удалось раскрыть тайный смысл «Книги Закона». Его поглотил эгоизм; он считал себя Логосом Нового Эона, в то время как он сам был всего лишь простым писцом, хотя и довольно знающим писцом. В конечном счете, его судьба была предсказана в «Книге Закона». Трагично заканчивается жизнь петуха, считающего себя орлом.

— В Стокгольме одна женщина посвятила меня в телемитскую магию, однако я был разочарован. Она была далеко не так эффективна, как ее расписывали все остальные.

Он допил бокал вина.

— Да, много преувеличений, но разве так не везде? Посмотри на психоанализ. Четыре года ты должен провести на диване и заплатить огромные деньги, чтобы выяснить, почему у тебя проблемы с эрекцией. Священники повсеместно проповедуют, что Бог — хороший, что ему нужно молиться, чтобы осуще-

ствить какое-нибудь из своих желаний, будь то здоровье ребенка, духовное спокойствие в тяжелые моменты или даже заем денег. Тем не менее, истинные верующие продолжают гибнуть в автомобильных авариях, хоть и верят в благодетельного Бога и молятся ему, священники и святые умирают от рака, несмотря на то, что они, как предполагается, находятся ближе к Богу, чем остальные. Наполеон знал, каким образом Бог ниспосылал благодать. «Бог на стороне больших батальонов», — говаривал он.

— Ты хочешь сказать, что все остальное — безумие? Тогда в чем же толк всех этих... оккультных систем, магии и ритуалов... сорока лет медитации в пещере?

— Все зависит от уровня, которого ты желаешь достичь. На надфизическом уровне существования намерение воплощается очень быстро. На физическом — требуется время. Наивные практики хотят как можно быстрее воплотить желаемое в действительное, однако процесс протекает очень медленно, а сама реализация никогда не соответствует идее целиком. Кроули сводил с ума тысячи людей, определяя магию как способность достигать перемен в соответствии с нашей волей. Диана Форчун находится ближе к истине. Ты знаешь ее определение: магия — способность вызывать перемены в сознании. Понимаешь? В СОЗНАНИИ! Наше эго знает об этой огромной разнице. Оно хочет добиться успеха в материальной и в социальной реальности. Покуда человек функционирует на уровне эго, он не в состоянии понять этого.

— Тогда получается, что между сумасшедшим и просветленным нет разницы? В сознании сумасшедшего возможно все. — Мой голос опять стал раздраженным.

— Конечно, есть. Просветленный может функционировать на обоих уровнях и знать при этом, на каком уровне он находится.

— В моем сознании я полностью счастлив, удовлетворен и совершенен. Но я хотел бы, чтобы так было и на земном уровне. — Я начал быстро говорить на английском, проглатывая звуки. Наклонив голову, он с трудом попевал за мной.

— Это ошибка. Откуда, по-твоему, приходит неудовлетворенность, как не из сознания? Более того, ты бы осознал свое намерение очень быстро, если бы твое сознание было чистым. Недостаток реализации означает лишь одно — в твоём сознании

сидят контрнамерения, полностью бессознательные, но противоречащие тому, чего ты пытаешься достичь на уровне эго.

— И что же мне делать?

— Ты должен избавиться от противоположных намерений, и тогда ты, по большей части, достигнешь гармонии между тем, чего ты хочешь, и тем, чего ты можешь достичь. Не обижайся на то, что я тебе сейчас скажу. Ты не дилетант, но у тебя есть дилетантские понятия того, каким ты должен быть, когда однажды станешь просветленным. Чем раньше избавишься от этих идей, тем лучше.

— Разве мы все не стремимся к духовному развитию и к высшим уровням сознания?

— Да, но к такому развитию люди приплюсовывают многие призрачные ожидания, идущие от самого эго. Ты, наверное, заметил, что у тех, кто собирается вокруг нас, есть определенные нереальные ожидания: они удивляются, когда мы нервничаем или напуганы, когда мы повышаем голос или спорим, или зажигаем сигарету, или же выпиваем стакан крепкого спиртного напитка. Я уже молчу об их реакциях, если нас тянет к прекрасным женщинам или, боже упаси, к молодым мужчинам. Прежде чем люди достигают определенного уровня, у них в головах сидит идеализированный образ мистика, мага или оккультиста, который предстает в роли существа, полностью освободившегося от негативных чувств, и который видит во всех явлениях жизни лишь божье милосердие и безграничную любовь всего того, что Он создал. Наивные полагают, что Божественный дух есть в каждом из нас, и что из него мы, спонтанно и неизменно, излучаем счастье, радость и спокойствие в любой ситуации. Кто бы этого не хотел? Тем не менее, во время духовного развития мы все обнаруживаем в себе черную тень, которую трясет и бросает в дрожь от положительных и отрицательных чувств, от желания любви и часто от страха потери близкого человека или собственной смерти. Разве это не так? Мы презираем эту тень и ищем книги, системы и учителей, которые покажут нам, как ее контролировать, не осознавая, что такое желание есть не что иное, как очередной честолюбивый замысел этой же самой тени. На глубочайшем уровне это похоже на трансцендентальное состояние, к которому мы стремимся в жизни.

— Тогда получается, что разницы между духовно развитым человеком и остальными не существует?

— Конечно, существует. Такой человек живет в гармонии с собой и остальным миром. Гармония — это просто отсутствие противоречия в сознании. Запомни это главное качество просветленного человека. В сознании такого человека противоречий не существует! Нет противоречия в том, чтобы видеть во всем единство. Поэтому-то дуализм — символ зла, — указательным и средним пальцем он изобразил букву «V». — Это рога дьявола, «Я» и «не-Я», добро и зло, дух и материя... Эти послания повсюду, их трудно избежать, и люди неверно трактуют их до тех пор, пока широко не открывают духовные глаза. В Библии Адама и Еву изгоняют из рая в тот момент, когда Адам пробует плод с Древа Знания. Помнишь об этом, не так ли? На самом деле это было дерево противоположностей, и, конечно же, он понял, что существует добро и зло, красота и уродство, наслаждение и боль. Другими словами, из состояния единства он перешел в эту дуальную вселенную, в основе которой лежат полярности и противоречия. Слушаешь меня?

— Я никогда так подробно не разбирался в этом, но я согласен.

Он удовлетворенно кивнул головой:

— Обычно человек решает свои проблемы, устраняя противоречие, точнее, то, что по его оценкам считается негативным. Человек жестко убежден в том, что его жизнь станет совершенной, если ему удастся избавиться от всех негативных и нежелательных полярностей. Жизнь была бы раем на Земле, если бы человеку удалось победить болезни, боль, страдание, смерть, так чтобы все дышало здоровьем, счастьем и вечной жизнью. Мировые религии именно это и обещают, но, конечно же, в другом мире. Рай представляют не как место, где прощаются с парами полярностей, а как место, где хранят позитивные половинки полярностей, в то время как ад видят как место, куда ссылают негативные половинки. Причина всех наших проблем — тенденция переживать полярности этого мира как нечто совершенно отдельное и противопоставленное друг другу. Поэтому-то я тебе и провел лекцию по квантовой физике.

Я хотел было сказать, что не увидел связи между физикой и дуальностью вселенной, но вовремя закрыл рот и, напряженно прищурился, ожидал продолжения его речи.

— Видишь ли, если вкратце, то современная физика неопровержимо подтверждает тот факт, что реальность, в ее научном и истинном смысле, представляет собой не больше, чем единство противоположностей. То, что, по мнению дилетантов, приобретено посредством переживаний и то, чему обучают религии, — не является несовместимыми противоположностями, все это представляет собой дополнительные аспекты одной и той же реальности. Подлинная сущность морской волны обнаруживается не по ее пику или нижней точке, а по единству обеих крайних точек. Без одного не существует другого.

Он кивнул головой, словно понимал мое смятение и безмолвное несогласие, и продолжил:

— Большинству трудно поверить в то, что все противоположности в этой жизни, к примеру, субъект и объект, счастье и страдание, жизнь и смерть, неразрывно связаны друг с другом. Почему? Да потому что во время жизни мы тратим огромное количество энергии на то, чтобы разделить их, и эта энергия, как какая-то железная стена, удерживает их поляризованность. Для нас, искателей правды, важно понимать, что разделение существует лишь в нашем сознании. Однако при помощи того же самого сознания полярированности можно вытеснить. Из-за нашей неспособности осознавать тот факт, что противоположности всего лишь разные имена одного и того же процесса, религия легко убеждает нас в том, что запущено всегда два процесса, которые работают друг против друга. По этой причине, как утверждал один известный физик, человек не в состоянии понять эту свою ошибку, в результате чего он приговорен провести свою жизнь в безумном метании в мире дуальности: субъект-объект, дух-материя, пространство-время, жизнь-смерть...

Он опустошил бокал и с удовлетворенной улыбкой на лице продолжил:

— Хорошая новость заключается в том, что в нашем сознании находятся как ограничения, так и ключи к свободе. По этой причине в оккультных традициях Востока того, кто видит сквозь иллюзию, называют освободившимся. Он свободен, свободен от иллюзий о парах противоположностей. В поисках

истины он не стремится к одной позиции, противодействуя тем самым другой. Он вытесняет их обе. Он ни в той и ни в другой, он в центре своего сознания, которое превосходит их обе. — Он сделал небольшую паузу, словно оценивал действие на меня своих слов, а затем добавил: — В этом и заключается истинное значение религиозного выражения «царство небесное на Земле», но проповедники забыли о нем давным-давно.

В голову не приходило никаких умных мыслей. Его речь получилась убедительной, хотя он и обесценил многие из убеждений, которые я вынашивал годами: управление беспокойным духом, преодоление слабостей, развитие обычного «Я» в существо, одаренное оккультными способностями, знаниями, расширенным сознанием... В чем смысл тратить столько лет на медитацию в гималайских пещерах и скитах послушника, отрекаясь от мира, воздерживаясь от секса и презирая материальные вещи? В письмах он приводил утверждения о том, что я стану посланником Айваза для славянского народа, что он, посредством тайных ритуалов, превратит меня в космического Ипсисимуса... Что я был партнером Блаватской в прошлом, что я обнаружу в сути своего существа безграничный космос... Обещаниям его необузданного воображения, которое воспламеняло мои чувства, не было предела.

— Я даже не знаю, что и думать... От твоих писем у меня сложились совершенно иные ожидания.

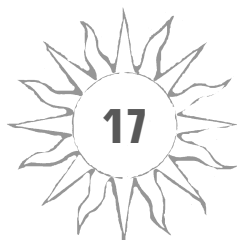
— Разве у тебя их не было до моих писем?

Я было хотел сказать, что нет, но в памяти пробежало несколько образов из прошлого, которые говорили об обратном. Каждая новая книга, каждое новое учение или учитель давали надежды на то, что на «другом конце» чудо все же существует. Даже в едва возбужденном состоянии мои ожидания взмывали в небо, как пламя от огня. Тем не менее, я еще никогда в жизни не испытывал такого мощного всплеска надежды, чем в те моменты, когда с дрожащими руками читал его письма.

— Не до такой степени.

Он мягко поглаживал бороду правой рукой. Он не был расстроган моим разочарованием; он напоминал мне хорошо отъевшегося кота, который с довольным мурлыканьем лизал себе шерстку.

— Дождись результатов инициации, а уж потом делай выводы. Возможно, ты пришел сюда как раз за тем, чтобы избавиться от своих нереальных ожиданий.

Я проснулся от прикосновения руки. Рядом с кроватью стоял Питер.

— Пришло время для подготовки. Сначала прими душ.

Сонный, я стоял под душем, и теплая вода никак не пробуждала меня. От холодной воды у меня побежали мурашки по телу, когда она начала стекать по спине. Я не смог долго простоять под струями, однако голова прояснилась и мысли обострились. Я вытерся большим хлопковым одеялом, приятно согревшим кожу, надел белое хлопковое нижнее белье. Питер дожидался в ритуальном наряде из золотой парчи с красным и черным декоративным украшением. На его голове возвышалась тиара, а в руке, то влево, то вправо, покачивалось кадило. Густой дым от ладана наполнил комнату.

— Пойдем, — сказал он и направился к ритуальной комнате. Я осторожно шел за ним следом, чтобы не врезаться в коридоре в один из его многочисленных ящиков. Комнату слабо освещали две свечи, стоящие на полу. Полутьма и сильный запах ладана напомнили мне кладбище. Питер поднес ко мне магическое зеркало и одним движением руки снял шелковый чехол. Квадратное зеркало было обрамлено рамой из очень гладкой акриловой смолы. Оно было таким же черным, как только что положенный асфальт. Я увидел свое отражение.

— Снимай майку, трусы можешь оставить.

Я слышал, как в кадиле потрескивал вспыхивающий ладан. Я вспомнил свою первую инициацию в братстве Одина. Тогда мои глаза были закрыты. Теперь же я мог видеть, так что не

был дезориентирован в пространстве; однако чувствовал все то же напряжение. Я стоял перед зеркалом, и моя кожа покрывалась мурашками от холода, подступающего изнутри.

Описывая вокруг меня круги с кадилом, Питер начал петь. На ногах у него были мягкие красные шелковые тапочки, в которых он бесшумно передвигал свое массивное тело, словно скользил в них. Его низкий голос резонировал в широкой выпирающей груди, и казалось, будто он доносится из глубокой пещеры. Питер пел на древнееврейском и английском языках, некоторые части призыва были на энохианском. Он призывал архангелов, ветра с четырех сторон света, божества умерших и, наконец, Айваза. Он остановился передо мной, закрыв собой зеркало, и начал неразборчиво бормотать одну из тайных частей призыва. Я ощутил некое пронзительное пробуждение, должно быть, из-за того, что его шепот исходил словно не от губ, а глубоко из груди, от самой диафрагмы. Звук отдавался эхом, как шепот актера на сцене, который мог слышать весь зал.

Он посыпал меня солью и трижды окропил святой водой. Капли текли по моему лицу, медленно скатывались по губам и подбородку и добирались до самой шеи. Правым указательным пальцем он смазал мне маслом лоб, солнечное сплетение и плечи.

— На колени, — сказал он церемониальным голосом. Я опустился на правое колено. Он поставил кадило на пол, охватил мое лицо ладонями и, глубоко сосредоточившись, подул на меня три раза. Он вдыхал воздух звучно и глубоко, так что его грудь приподнималась и расширялась, словно кузнечная меха: — Помилуй, Айваз! — Его голос стал теперь еще сильнее, он начал гудеть, как контрабас. — Помилуй, Айваз! Помилуй, Айваз! — Его голова оказалась рядом с моей, но я не мог ее отчетливо видеть. Глаза Питера словно стекленели и широко открылись. Я почувствовал слабость, а затем и сильный страх. Он был в транс.

— Поднимайся, Живо! — приказал он дрожащим голосом, который теперь приобрел резкий металлический оттенок. Пока я поднимался, он встал по левую сторону от меня, не прекращая просить милости у Айваза. Я чувствовал слабость в коленках. В памяти промелькнули образы людей, которые теряли сознание на ритуалах, и я напряг мышцы в бедрах и сжал

колени. Призывая Айваза, Питер встал позади меня. Его голос становился все сильнее и сильнее. Интересно, что думали люди в соседних квартирах, ведь его можно было услышать издалека. Мышцы на ногах напряглись против моей воли, теперь даже спина и шея стали твердыми, как дерево, а мелкие мышцы возле век быстро задрожали. Я хотел сказать Питеру, что со мной творится, но из горла не выходило никаких звуков. Я изо всех сил попытался закричать — и не мог даже сделать вдох, грудь превратилась в твердые доспехи.

Меня объял страх. Знал ли он, в каком состоянии я нахожусь?! Ведь он мог не выходить из транса часами. Из-за сокращения мышц груди я начал задыхаться. В зеркале перед собой я увидел движение теней, похожих на едва заметные облачка, парящие в ночном небе. Внезапно мое напряжение уменьшилось, и из легких, как из воздушного шарика, со сдавленным звуком начал выходить воздух. Я увидел себя вдали в поместье бабушки. Я бежал по лугу, держа в руках глиняную фигурку. Мое лицо сияло, я задыхался от счастья, и сердце билось в груди. Луг был усыпан цветами, солнце нежно сияло, словно оно поднималось из-за горизонта, мои прыжки по цветам и траве становились все длиннее и длиннее. Луг превратился в море: зеленые волны с белой пеной наверху бились о берег, маленькие капельки остужали тело своей свежестью. Я сделал последний прыжок и полетел. Земля была далеко внизу, вокруг меня кричали черноглазые чайки в ослепительно белом оперении. Я хотел было прикоснуться к их перьям, но услышал голос Роши из Стокгольма откуда-то издалека: «Всегда все по-другому!» Он был в обличи Халинга, его глаза улыбались, артерии просвечивались через прозрачное тело, излучавшее внутренний свет.

Я оказался перед огромной змеей, опоясывавшей планету диковинным кольцом. Ее хвост, превратившись в перистые облака, исчезал где-то вдалеке. Желая увидеть, как далеко он расплывается по этой небесной голубизне, я погрузился в два блестящих глаза, которые были похожи на две искры. Нож с серебряной рукояткой впивался мне в ладонь, когда я наносил удар. Кровь, хлынув из груди лебедя, залила его белое оперение вместе с мраморным алтарем. Я знал, что теперь мог написать неизвестную миру поэму. Поэма будет раскрывать тему безразличия создателя к своему произведению. Снаружи я услышал

звук, от которого у меня затряслось все тело. А-а-а-а-й-й-й-й-в-в-в-в-а-а-а-а-з-з-з-з! С болью в глазах я увидел отчетливые черты лица Питера. А-А-А-А-Й-Й-Й-Й-В-В-В-В-А-А-А-А-З-З-З-З, — издавал он протяжный и сильный вопль. Звук растворился в комнате, робко дрогнув, угасая.

Питер пристально смотрел на меня. Комнату заполнял запах ладана, отчего я еле дышал.

— Можешь идти? Одевайся. — Его голос звучал сильно и глубоко, но уже не был таким напряженным, как минуту назад, и походил на звук инструмента с ослабленными струнами. Мои руки настолько ослабли, что я не мог сжать ладонь в кулак.

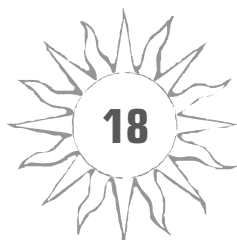
— Как себя чувствуешь? — В его голосе чувствовалось небольшое волнение.

— У меня вообще нет сил.

— Тебе нужно хорошенько отдохнуть ночью. Выпей это. — Он протянул мне стакан. Я сделал несколько глотков. Это был горячий лимонад, подслащенный медом. Я сделал глубокий вдох и допил напиток.

— Пойду прилягу, — сказал я. Он кивнул головой.

Непослушными замерзшими пальцами я взял майку, натянул ее на себя и забрался под одеяло. Я лег, подогнув коленки почти до самого подбородка, потом обнял их руками и закрыл глаза. Слышно было, как за занавеской что-то делал Питер. Что же дальше? За окном виднелось розовое ночное небо Чикаго. Вдалеке послышался звук полицейской сирены. Кто-то сейчас умирал, кто-то рождался; где-то люди испытывали счастье и страсть, где-то — страдание. Все было так, как это было всегда. Мог ли я стать кем-то другим или чем-то таким, чем я до сих пор не являлся? Что произошло со мной во время ритуала? Это были мистические видения или галлюцинации? Действительно ли я превращусь в Иписимуса, в это странное и неизвестное мне космическое существо, которое будет провозглашать новые истины? Мне нужен был сейчас хороший сон, как и шанс забыть все случившееся. Это было похоже на то, будто какая-то часть моей жизни осталась на другом конце бездонной пропасти. Мягко, но властно меня обволокла глубокая печаль.

Вернувшись из Чикаго, я, как раненый волк с поджатым между ног хвостом, прокрался в свою комнату, чтобы залезть в рану. По возвращении я мог вспомнить совсем немного: выцветшие черно-белые картинки посиделок с Питером в зале ожидания аэропорта О'Хара, где каждый был молча погружен в свои мысли. Вопросительные взгляды Младена и брата, пришедших встречать меня в белградский аэропорт. Если у них обоих и были какие-то надежды, когда они провожали меня в Чикаго, то теперь от них не осталось и следа. Должно быть, можно было многое понять по моему виду, так что объяснять мне не пришлось ничего. Мои встречи с Ненадом и Лидией, утренний кофе на кухне, нетерпеливое копание Ненада в сумках в поисках подарков, что я привез ему, не могли вывести меня из духовной апатии, в которую я впал.

Для меня начался тяжелый период. Тело и душу словно сжимали невидимыми щипцами, все мои многолетние усилия казались мне напрасными; среди тех переживаний, что приходили на память, я не находил ни одного сколько-нибудь ценного и, что хуже всего, не было никакого занятия, которому бы я мог себя посвятить. Прогуливаясь с опущенной головой по улицам Белграда, я замечал, что говорю с самим собой, и чувствовал себя так, будто до настоящего момента отрезал свою жизнь острым ножом, — я потерял себя. Это была простая и суровая истина. Не находилось никаких причин для веселья, ничего ценного, что можно было бы пожелать или ради чего стоило бы бороться. Более того, я не мог даже полностью ощу-

тить свое страдание. Большую часть времени я пребывал в состоянии бессильного отчаяния.

Мистики называют такое психическое состояние темной ночью души. Прежде мне много раз доводилось говорить собравшимся вокруг меня людям, что самая непроглядная темень наступает перед самым рассветом, однако, когда ты сам погряз в депрессии, из которой выхода не видно, и нет конца страданиям души, все эти познания интеллекта становятся бесполезными. Меня не успокаивала даже мысль о том, что Питер был таким же дураком, как и я, и что рано или поздно он так же болезненно протрезвеет.

Старина Лон Хибнер называл такое состояние концом игры. Ты сыграл в свою большую игру, и когда она подошла к концу, ты остался опустошенным, без цели, к которой можно было бы стремиться. Все, что в этой ситуации можно сделать, так это найти новую цель и начать новую игру.

Найти новую цель? Я знал, что должен найти что-нибудь ценное, ради чего стоило бы бороться, но по воле этой старой шлюхи-судьбы у меня не было сил даже на то, чтобы подумать о чем-нибудь новом. Я пролистывал давным-давно прочитанные книжки, брал в руки и те, новые, что привез из Чикаго. Их мне не пришлось читать дальше второй или третьей страницы, я уже знал, о чем они были написаны.

Секс казался мне ненужным занятием. Лидия была для меня как сестра, меня к ней не влекло. Она терпеливо сносила все мои причуды все эти года, но теперь в ее отношении ко мне произошли заметные перемены. Когда речь заходила о моем пребывании в Чикаго, ее напрягшееся лицо начинало выражать скрытую подозрительность, словно у нее во рту оказалась что-то кислое.

Вокруг меня вновь начали собираться молодые мужчины и женщины, которые разрывались от желания испытать те самые переживания, о которых писали Кроули, Штайнер, учителя по йоге и современные оккультисты. Они с интересом и с широко открытыми глазами слушали все, что я им говорил, считая привилегией оказаться рядом и задать вопрос. Мою неуверенность в ответах на их многочисленные «как», «что» и «каким образом» они принимали за глубокомысленные отговорки эксперта оккультных знаний. Тем не менее, эта популярность

не приносила мне никакого удовлетворения, лишь скуку и холодную усталость.

У меня не пробуждалось настроения играть роль гуру, хотя все условия для этого начали формироваться. Вспоминалось, как однажды — теперь казалось, что это было уже столетия назад — в беседе за чаем Алхимик объяснил мне формулу поиска гуру в дюжине предложений, по которым можно было написать целую книгу. Я воспринял тогда его объяснение о необходимости самому быть собственным учителем, как испытующую и проверяющую меня игру. Тем не менее, он отстаивал и обосновывал свои слова. Когда я вскользь предложил ему стать моим духовным Учителем, он, задержав на мне свои крошечные глазки, дал мне урок, который я едва ли смогу забыть.

— Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что я должен взять ответственность за всю твою жизнь, все твои изъяны и пороки... проблемы, которые будут возникать у тебя и у твоей семьи. Я доиграл в эту игру до конца. Лимон был выжат до последней капли. — Он посмотрел на гравюру Парацельса на стене, словно консультировался с ним, после чего добавил: — Я в духовной отставке, и поверь мне, я честно ее заслужил. — Он улыбнулся, что было необычно для него. — Я скажу тебе кое-что, что может тебя удивить. Надевать на себя роль учителя — всего лишь очередная игра, хоть она обычно и имеет трагические последствия для игрока. Ты желаешь стать Великим Учителем, тем, на кого люди смотрят, разинув рты, тем, у которого ищут утешения и просят совета, вокруг которого циркулируют потоки прилежных учеников и привлекательных студенточек?

Я опустил глаза. Он затронул тайный нерв, спрятанный глубоко внутри меня. Я хотел было сказать, что основная причина не в привлекательных студенточках, но он продолжил:

— Стать учителем легче, чем ты думаешь. Тут не нужны ни наивысший уровень сознания, ни совершенство. Потребуется лишь определенные действия, чтобы заполнять собой некоторые промежутки времени. Перед тем, как ответить на вопрос собеседника, нужно сделать небольшую паузу, посмотреть ему прямо в глаза, а затем медленно покачать головой. Нужно не мешать распространяться слухам о твоей силе, тогда как тебе самому в разговорах об этом нужно избегать ясности и однозначности. Когда будут происходить точные совпадения, делай серьезное лицо и

отказывайся их комментировать... И вскоре к тебе придет репутация чудотворца! — Он улыбнулся, но не мне. Казалось, он улыбался своим молодым дням и многоуровневым переживаниям, которые отражались в его улыбке. — Позже некоторые чудеса действительно произойдут, и благодаря тому, что люди верят в тебя, они будут расценивать их как результат твоего невидимого вмешательства. А когда, несмотря на ожидания последователь, чудеса не состоятся, нужно с печальным лицом жаловаться на то, что им не хватает веры, и что ось зла этой вселенной никогда не дремлет... Твои достижения запомнят, неудачи забудут, и концу твое эго станет таким же высоким, как мемориал.

Для меня это никоим образом не было игрой. Тем не менее, другой не было. На самом деле была еще одна, но, несомненно, самая худшая игра из всех, игра боли и отчаяния, из которой не было видно выхода. Для того чтобы опуститься до самого дна, мне нужно было осознать, что те стратегии, которые я когда-то использовал для успешного решения проблем, больше не работали. Если быть более точным, я даже не имел ни малейшего желания воспользоваться ими. Я пребывал в таком отчаянии, что любая мысль изменить его была похожа на скольжение по отполированному льду. Не было ни цели, ни надежд в этом море одиночества и апатии. Во всем, что я ни делал, сквозило отчаяние. Уединение, к которому я порой прибегал, теперь было трудно переносить. Я был в безысходной ситуации двадцать девятой гексаграммы И-Цзин, «Пропасть». Нельзя ни идти вперед, ни отступать, и невыносимо находиться на одном и том же месте. Оставалось лишь терпеть. Эта гексаграмма точно описывала мое положение, но как его вынести? С кем бы я ни находился, чувство одиночества меня не покидало. В душе царили неподвижность, бесцельность, безграничное отчаяние.

Я отправил письмо Питеру, в котором описал все это. Я не хотел обвинять его в чем-либо, но, тем не менее, все получилось так, будто он был виноват за мое ужасное состояние. Через четырнадцать дней я получил ответ.

Дорогой Живо.

Я рад, что ты добрался до дома целым и невредимым. Позволь мне заметить, что ожидания твоей жены по поводу физических перемен и дешевых парапсихологических способностей

трудно понять. Я не сомневаюсь в том, что за время твоего пребывания здесь с тобой происходили те вещи, которые должны были произойти, так как высшие уровни не подавали никаких знаков на обратное. Ты достиг мессианского уровня сознания, что является причиной многих негативных вещей, происходящих с тобой, включая и те, о которых ты упомянул в письме. Это просто психологическая реакция на существенную перемену, и такая реакция всегда пропорциональна количеству изменений. Отрицательные силы оказывают тебе большое сопротивление, используя для этого дорогие тебе элементы, по отношению к которым ты проявляешь слабость, к примеру, твою супругу, возможный развод, неизвестность того, как все это перенесет твой сын, и многие другие похожие вещи.

Несмотря на то, что ты достиг духовного преобразования, ты все еще пребываешь в человеческом теле, и ты должен осознать ту космическую ответственность, что принял на себя. Будут еще страдания, но в твоих переживаниях появится и больше энергии, так как ты будешь воспринимать реальность на более глубоком и значительном уровне.

Относительно твоего критичного отношения к Кроули я могу сказать следующее. Он был извращенцем, одержимым сексом, но в то же время обладал обширными знаниями. Если бы это было не так, то он бы не приобрел такой репутации в оккультных кругах.

Я могу сказать тебе только одно — возвращайся к работе. В прошлом ты получил силы, находящиеся вне тебя, теперь ты должен достать их изнутри себя. Тем не менее, я заверяю тебя, что не возражаю против той критики, что ты изливаешь в мой адрес. Учитель должен умереть в ученике, тем самым он становится активной движущей силой в преобразовании коллективного сознания.

По-братски твой, Питер

От его ответа мне спокойнее не стало. Слова и намеки, которые когда-то будоражили мой ум, сейчас казались мне пустыми клише и подслащенными посланиями медиумов «Нью Эйдж», спиритуалистов и теософов.

Близкие мне люди пытались своими способами перенаправить поток, в котором я утопал. Мой дядя был именитым про-

фессором в университете, и все, что находилось за пределами университетской карьеры, он считал бесполезной тратой времени. Несмотря на все свои проблемы, я не мог не рассмеяться, выслушав его совет, как мне вернуться на правильный путь. Он позвонил мне по телефону и восторженным голосом заявил о том, что мне выпала блестящая возможность:

— В четвертой средней школе открылась вакансия психолога сразу же после того, как твоя коллега ушла в декрет. Нужен преподаватель на полставки, который будет вести уроки у половины из всех классов... но это начало... Я мог бы замолвить за тебя словечко, чтобы ты получил эту работу.

— Мне не нужна работа. Мне нужно что-то другое.

— Эх, Боги, Боги, — разочарованно произнес он, — тебе нужно спросить себя, сколько тебе лет? Сколько еще ты будешь сводить себя с ума вещами, от которых умные держатся в стороне?

Стоян Филипович также пытался вернуть своего расточительного приятеля на правильный путь. Я понимал, что не должен был разговаривать с ним в такой форме, но жажда облегчить свою ношу оказалась сильнее. Он с нетерпением выслушивал мои жалобы, ожидая того момента, когда я сделаю паузу, чтобы предложить мне решение:

— Слушай, — сказал он, многозначительно склонившись надо мной, — все, что произошло, — произошло. Даже сейчас еще не поздно, чтобы сфокусироваться на реальных вещах. Сходи в университетскую библиотеку и просмотри журналы, напечатанные за последнюю пару лет. Журналы, журналы, журналы, там представлена современная наука. То, что сейчас актуально. Возьми тему и принимайся за работу. Я уверен, что ты смог бы издать что-то серьезное.

Видя мое выражение лица, он добавил:

— Хорошо, ты мог бы продолжить разбираться в книгах для собственных нужд, никто не будет возражать по этому поводу, хотя ты и понимаешь, что именно **эти дела** и довели тебя до такого состояния, однако серьезная наука есть серьезная наука, ты согласишься со мной.

У меня не было сил спорить с ним, препираться, убеждать его в том, что я был бы все равно несчастлив, даже если бы публиковал статьи в научных журналах, которые большинство

из моих коллег не поймет, да и не прочитает в любом случае. Это было бессмысленно, для него не было иного мира, кроме мира Платона, артефактов, раскопок и надгробных плит, которыми по две тысячи лет, он искренне расстраивался, когда его, хоть и на короткий срок, но выводили за пределы этого мира.

— Стоян, — сказал я расстроенным голосом, — разве мне нужно писать по полгода какую-нибудь статью из серии: *«Влияние непрямых чувственных наблюдений на самовосприятие учеников средних школ?»*

Оскорбленный, он откинулся назад, словно противостоял наркоману, который не реагировал на соответствующую терапию.

— Как пожелаешь, но я вижу, что ты довел себя до такого состояния по той причине, что не имел дела с такими вопросами. То, о чем ты говоришь, найти истинного себя и так далее... ну, великим умам в истории человечества не удалось найти ответ на эти вопросы. Более того, ты ищешь ответы точно не там — среди потерянных людей, невротиков, избегающих реальности... Прости, но я должен рассказать тебе о переживаниях Шопенгауэра, о том, что я прочитал пару дней тому назад... Хорошо?

Я равнодушно пожал плечами:

— Ну, если тебе больше нечем заняться...

— Шопенгауэр — великолепный философ, ты согласишься со мной, и однажды он прогуливался по парку, глубоко погрузившись в свои мысли. Он по неосторожности сошел с тропинки и пошел по аккуратно выстриженному газону. Работник парка, по-немецки серьезно относящийся к своей работе, с криками ринулся к нему: «Мужчина, вы идете по траве. Кем вы себя возомнили?» Шопенгауэр, отстранившись от мыслей, печально ответил: «Если бы я только знал»... — Стоян посмотрел на меня многозначительным взглядом и подытожил: — Шопенгауэр не знал этого, а ты думал, что проведенные среди неудачников годы помогут тебе найти ответ на этот вопрос.

— Сократа считали бездельником и развратителем молодежи. Теперь ты говоришь студентам, что он был человеком выдающегося ума. А ведь он первый сказал: «Человек, познай себя».

— Мой дорогой друг. Сравнить Сократа с никчемными неудачниками... Бессмысленно говорить с тобою об этом. Ска-

жу тебе в последний раз — принимайся за серьезную работу. Просмотри журналы, психологические анналы, найди тему и заставь себя заняться серьезной работой.

С меня было достаточно его советов и того подхода к жизни, где читают сотню книг, а затем пишут сто первую, в которой о жизни известно все, кроме ее самой, где себя самого уж точно никогда не найти.

— Стоян, — сказал я, пытаюсь говорить цинично, — может, «аннально» как раз и для тебя, вот и пользуйся таким способом. Я предпочитаю «орально».

Он знал, как держать себя в руках. После моих слов он отступил назад, словно уворачивался от плевка, и, немного пораздумав, примирительно сказал:

— Сейчас ты чрезмерно чувствителен, и я, очевидно, подошел к тебе не с той стороны. Я бы хотел помочь тебе. Я не психоаналитик, но по психологии личности написано много работ. Они, безусловно, описывают состояние, в котором ты находишься.

Я сожалел по поводу сказанной мной грубости. Он ведь действительно хотел мне помочь...

— Спасибо за терпение, старина. Я куда больше размышляю над сутью своей проблемы, чем описано во всех этих книгах. Эти одеревенелые дисциплины, которые ты называешь настоящей наукой, сделают все что угодно, лишь бы избежать истины. В университете я изучал переживания других людей — людей, переживания которых были сведены до пересказывания переживаний третьих людей, да и те уже слишком много и часто пересказывались.

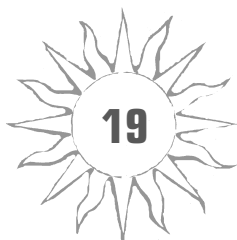
— Ты не прав, мой друг! Взбираясь на плечи друг другу, мы тем самым развиваем науку. Что еще более ценно?

Это был разговор двух глухих. Я чувствовал себя в самом глубочайшем центре своего существа... Нет, я не чувствовал, я знал, что те, кто не испытал просветления, неважно, насколько они были литературно подкованы, в каком бы статусе ни находились, все они жили в стране невежества. Я умирал от отчаяния, но я бы не пожертвовал ни одним из своих духовных переживаний ради тех возвышенных званий, которыми люди украшают свои жизни. Я попытался сдержать себя и не оскорбить его, но мне это не удалось:

— Более ценно? Как психолог я, если бы захотел сравнить ценности, то с уверенностью мог бы заявить о том, что чистка картошки и мытье посуды в Стокгольме, хоть даже мне и не удалось отыскать себя самого, принесли мне куда больше пользы, чем четыре года изучения психологии. Момент просветления любого человека куда ценнее всех книг великих философов вместе взятых. На самом деле, этот момент куда более ценен, чем все когда-либо написанные книги. Говоря об этом, я не забываю Гомера, Шекспира и Достоевского.

Я чувствовал себя истощенным и опустошенным, но таким опустошенным, который знал и говорил правду о себе, а не таким, который лгал об этом, и в этом было какое-то утешение. Я сделал глубокий вдох, затем еще один, будто мне не хватало воздуха:

— В этих бесчисленных и бесконечных бумажках, которые ты называешь научной психологией, нет ничего недостижимого, как нет и драмы, столкновения со свободой и заключением, нет ни малейшего намека на окончательное освобождение. А именно это мне и нужно.

Вопрос о том, кто я есть, было бессмысленно обсуждать; его нужно было непосредственно пережить на «Интенсиве Просветления». Это было написано в журнале «Человеческие скрытые ресурсы», который приходил ко мне четыре раза в год. Экземпляр журнала, так и не прочитанный, уже много дней пылился у меня на полке. Я выпил кофе, включил и выключил телевизор, побрился и подточил лезвие. Взял журнал в руки и начал пролистывать. Встретил статьи по тай-чи чуань, хатхайоге, курсам медитации в Лондоне, способу видения ауры...

Глаза остановились на объявлении, взятом в рамку. Я прочитал его медленно, затем еще два раза. Оно было написано в стиле информационной статьи, где в конце предлагалось пройти трехдневный «Интенсив Просветления». Его вел Бьерн Халинг. Спавший во мне интерес в окружающей жизни начал потихоньку просыпаться. Вряд ли это мог быть кто-то другой, а не старина Халинг. Меня охватило знакомое ощущение: ожидание душевных волнений, нового приключения, встречи с собой и все той же, словно тень, мысли о том, что я снова зря трачу свое время.

Для связи был оставлен контактный телефон Морин Петон. Всего пятьдесят пять фунтов, курс длится три дня, в течение которых можно было выяснить, КЕМ ТЫ ЯВЛЯЕШЬСЯ.

Я несколько минут поиграл с вопросом, стоит мне идти или нет, но вскоре очень быстро устал от такой игры в предсказания. Оставив журнал на столе, я съел две тарелки теплых голубцов. С трудом встал из-за стола из-за набранного веса: ел я

по несколько раз в день, и вокруг талии и груди начал скапливаться жир, но меня это не волновало.

Я полагал, что меня уже ничто не сможет сдвинуть с места. Я повидал, услышал и пережил все. Но я ошибался. У судьбы в рукаве всегда припасен козырь, и она достает его тогда, когда мы меньше всего этого ожидаем. Халинг был мастером своего дела; я пришел к выводу о том, что он не стал бы заниматься каким-то непонятным бизнесом. Если я и мог кому-то верить, то только ему. Я вспомнил ритуалы инициации, проводимые им в Стокгольме, после которых нас всех трясло от полученного заряда энергии. Что с ним произошло за все эти годы? Откроет ли он снова для меня какой-нибудь новый мир?

Я снял номер в маленьком дешевом отеле в лондонском Эрлз-Корт. Молодежь называла эту часть города Долиной Кенгуру, так как работники здесь, в основном, были из Австралии и Новой Зеландии. Распаковываясь и убирая сумку в большой потертый шкаф, я чувствовал, как в моем животе «ползали муравьи». Ощущение было не из приятных, но в этот раз я с удовольствием принимал его. После стольких месяцев вялой опустошенности и бесцельности я снова ощущал жизнь, я чувствовал, что меня поджидает что-то неизведанное, с чем мне придется скоро столкнуться. Теперь я знал, зачем пришел, и что мне нужно делать. Я взял сумку с необходимыми вещами, спальный мешок для «Интенсива» и пошел навстречу неизвестности.

«Интенсив Просветления» проходил в Центре «Восток-Запад», что располагался рядом со станцией метро Финчли Роуд. Когда я выходил, в метро не было почти никого. На обратной стороне пригласительной карты на «Интенсив» был нарисован простой маршрут, и я пошел вниз по улице, разглядывая номера домов. По тротуару напротив, вровень со мной, шли двое людей, один из них был светловолосым, среднего возраста и в толстых очках, другой — помладше, с длинными волосами с проседью спереди. Оба тащили рюкзаки с притороченными к ним спальными мешками. «Должно быть, они идут туда же», — подумал я. Человек в очках, словно прочитав мои мысли, махнул рукой, явно приглашая перейти на другую сторону улицы.

— «Интенсив», да? — поинтересовался он, протягивая мне руку. — Я Джефф Чендлер.

Из бормотания молодого человека я понял, что его звали Дэйвом.

— Это твой первый «Интенсив»? — спросил Джефф.

— Да, но я проходил через нечто подобное.

— Это отличается от всего того, что ты раньше переживал. «Интенсив Просветления» не из легких, но и вознаграждение за него высоко. Я психиатр и смею заверить тебя, что таким вещам в университете не учат.

Фасад старого здания, в которое мы вошли, был выложен из темного кирпича. На первом этаже находился уже закрытый книжный магазин, на втором — диетический ресторан. «Интенсив» проходил на чердаке. Пол просторной комнаты был устелен хлопковой тканью, на стенах висели большие яркие янтры, используемые последователями системы «Арика» Оскара Ичазо. В комнате уже собралось двадцать человек со спальными мешками, одетых в спортивную или просто в старую одежду. Судя по их разговорам, нетрудно было догадаться, что многие из них встречались друг с другом ранее. Халинга не было видно. Я был прав, участники «Интенсива» ничем не отличались от собирающихся на семинарах и тренингах по АСТ, «Арике», сциоларгии, вокруг духовных гуру, недавно прибывших с Востока.

Из опыта предыдущих курсов я усвоил, что нужно было занимать место в углу, чтобы рядом над ухом не храпел какой-нибудь из участников. Для меня не было неожиданностью, что в комнате более чем прохладно — я взял с собой толстые нижние рубашки, длинные панталоны и свитер. Высокая стройная сорокалетняя женщина с выступающими, как у кролика, передними зубами попросила нас заплатить за «Интенсив».

— Я Морин из Канады, — прошепелявила она, — я организатор этого «Интенсива».

Мы уселись на пол, собравшись вокруг кресла на приподнятой дощатой платформе, с которой Учитель должен был обращаться к нам. В комнате царило напряжение, большинство молча погрузились в свои мысли, а остальные начали переговариваться шепотом.

Халинг вошел в комнату легким уверенным шагом, слегка покачиваясь по пути, словно проверял прочность пола кончиками ступней. Он уселся в кресло и, поджав ноги под себя,

осмотрел комнату. Он почти не изменился. Пожалуй, лишь набрал пару фунтов, его некогда белокурые волосы приняли серовато-пепельный оттенок, а морщины на лице стали выделяться сильнее. Молча окинув взглядом собравшихся, он заговорил, его голос, каким я его помнил, стал менее звучным и более низким, когда он переходил на медленный темп речи.

— Меня зовут Бьерн Халинг. Я буду вашим Мастером на этом «Интенсиве Просветления». Ваша единственная цель на этом Интесиве — это гнозис, или просветление, которое по своей сути, — он наклонился вперед в кресле, выделяя каждое слово, — есть прямое переживание Истины... — Сидящие рядом со мной участники наклонились, словно пытались пойти Халингу навстречу. — Нет никаких гарантий, что вы испытаете просветление, — продолжил он. — Иногда каждый переживает его на «Интенсиве», иногда никто... Создатель «Интенсива Просветления», Чарльз Пегден, больше известный под именем Йогендра, признал тот факт, что обычно около трети всех участников переживают это состояние сознания. Я согласен с ним, но не нужно загружать вас процентами. Преимущество системы Йогендры заключается в том, что вам не нужно верить ничему новому. Более того, любое убеждение, что у вас есть, представляет собой преграду, отделяющую вас от прямого переживания Истины. Не нужно менять ничего в жизни; нужно быть открытым всему, что попадает в поле вашего сознания, — он вытянул руки ладонями вверх, — тогда ваши шансы испытать прямое переживание чрезвычайно велики.

Некоторые из участников опечалились, когда услышали, что просветление им не гарантируют. Ни в пригласительной карточке, ни в газетном объявлении, нигде не было информации о таком исходе. Халинг же говорил об этом как о возможном результате.

— Мистики, святые и гностики переживали божественный свет души, — продолжил Халинг. — Тайные школы Древней Греции преследовали целью пробудить в памяти этот внутренний свет, являющийся сутью человеческого существа. Прямое переживание света называлось гнозисом, освобождающим знанием. Это инициация самой Истины. Переживая фундаментальный сдвиг в сознании, неофит вступает в храм света, изменившись навсегда. — Он снова вытянул руки, закрыл глаза и,

с выражением принятия на лице, свободно произнес: — Просветление, гнозис, прямое переживание Истины — это наша невидимая церковь. Дверь к Истине открывается сама перед открытым сердцем...

Он произносил слова так, будто бессознательно следовал за своими размышлениями, свободно переходя от одной фразы к другой, словно шагая по камням на реке. Сделав несколько глотков из стакана с водой, он положил его на столик рядом с собой и продолжил:

— Те из вас, кто пришел на «Интенсив» в первый раз, или же те, кто был уже на нем, но не получил прямого переживания Истины, будут работать над первым коаном: «Кто я?» Вихри человеческой истории не затронули этот вопрос. Для нас, на Западе, со времен Сократа и по сегодняшний день этот вопрос является главным для человека. Другие могут поработать над коанами: «Что есть „Я“, что есть Жизнь, что есть другое существо?»

После этой речи мы были предоставлены сами себе и расположились на отдых. Я не смог заснуть до утра. Я застыл. Перед глазами крутились картинки. Я сделал переоценку своих личных интересов, побудивших меня идти на «Интенсив», и оценил шансы на успех, но весь этот процесс происходил так, будто я пробирался сквозь туман. Я сходил пару раз в туалет, выпил немного воды и раскашлялся. А потом никак не мог лечь так, чтобы мне было удобно, ворочался из стороны в сторону, лежал то на спине, то на животе, но никак не мог занять удобного положения для сна. В животе образовалась неприятная пустота, ладони потели, а по всему телу бегали мурашки.

В шесть утра, когда предполагалось, что мы начнем работать, Халинг выступил с еще одной речью. Он рассказал о том, чем отличается просветление от весьма похожих, но по существу менее ценных переживаний, таких как инсайты, состояния эйфории и оккультные феномены.

— Некоторые из этих переживаний могут перетекать в просветление, но само просветление можно пережить и без них, спокойно и неуловимо, так как иногда люди даже и не знают, что они уже и без того были просветленными.

Эта часть презентации звучала нелогично. Как же так возможно, чтобы просветленный человек не знал, что он просветлен? Словно внемя моей критике, он заметил:

— Люди часто полагают, что такое невозможно или что на нашем «Интенсиве» такое просветление менее значимо, нежели в восточных системах, где оно обретается с уверенностью в пережитом... Это не так. Вы слышали историю о переживании просветления уже прославившегося Шестого патриарха дзен? Какой-то период времени он не осознавал свое неизменное состояние просветления. Мы думаем, что всегда сможем определить глубоко просветленного человека. Иногда это так, но не всегда. Шестой патриарх отправился в храм дзен, и никто из ста монахов не смог определить состояния его сознания. Его предшественник, Пятый патриарх, обнаружил в нем просветленного человека, когда дал ему решить одну задачу... она всем знакома из литературы, эту историю пересказывают и по нынешний день.

Он снова подробно объяснил нам технику, акцентируя внимание на том, что невозможно сказать однозначно, как ее следует проводить, и что каждый из нас сам это поймет.

— Просто проявите намерение к прямому переживанию объекта — себя, жизни, другого существа. Никто не может сказать вам, как это сделать, так как слово «как» указывает на процесс, а в прямом переживании истины процесса нет, — для того, чтобы помочь принять нам это странное указание, он прибегал к метафорам и дзенским и суфийским анекдотам. Он рассказывал о препятствиях, которые мы должны преодолеть, чтобы испытать просветление. — Если вы склонны к головным болям, то у вас она появится и здесь. Те, кто предрасположен к диарее или запору, бесспорно, столкнутся с ними самым неприятным образом. Если вы склонны к страхам, то испытаете здесь настоящий ужас. Важно понимать, что барьеры, препятствующие познанию истины, находятся не снаружи, они не отделены от вас. Они — часть вас самих, они — состояния, которые появляются в результате ваших попыток достичь Истины. Все ощущения сразу исчезнут, как только вы переступите через порог и покинете «Интенсив»... — Халинг окинул взглядом всю группу. Он казался расслабленным и в то же время серьезным. Кивнул несколько раз, а затем, словно вспомнив что-то важное, сказал: — В борьбе за Истину на «Интенсиве Просветления» вы должны преодолеть кризис. По этому случаю есть две простые аксиомы. Хорошо запомните их! То, что включается в момент кризиса, точно так же и выключается. Другими словами, выполняя

технику, вы впадаете в кризис. Но если вы будете продолжать идти дальше, вы выйдете из него. Вторая аксиома еще проще: «Выход из кризиса идет через сам кризис!» Просто, не так ли?

Это были аксиомы Лона Хибнера. Халинг понабрал информации из многих источников, но это было неважно.

— У вас есть вопросы по поводу сказанного мной?

— Вы сказали, что иногда человек не знает, что он просветлен. Я хочу знать, когда я достигну просветления. Можно ли как-нибудь узнать об этом или нет? — спросила молодая хуленькая женщина с маленькими глазами и острым носом.

— Иногда это очевидно, иногда нет. Но во втором случае не стоит волноваться. Это моя работа.

Крепко сложенный мужчина в норвежском шерстяном свитере поднял два пальца, словно сидел в классе, и, как только Халинг кивнул ему, начал говорить:

— Как я понял, во время процесса у тех из нас, кто склонен к головным болям, они проявятся в качестве барьера. Я не отношусь к таким людям, однако вчера, перед «Интенсивом», у меня разболелась голова и продолжает болеть до сих пор.

Халинг продолжал кивать.

— Такое бывает. Для некоторых «Интенсив» начинается значительно раньше, с принятием решения участвовать в нем. Будьте уверены, вы выберетесь из этого состояния рано или поздно. Есть еще вопросы?

Я поднял руку.

— У меня есть один. Вы упомянули про аксиомы «Интенсива Просветления»... Но это аксиомы Лона Хибнера, создателя «церкви» сциоларгии.

Он не подал вида, что узнал меня.

— Это вполне возможно, — сказал он, безо всякого сопротивления принимая мои слова. — Перед тем, как создать «Интенсив Просветления», Йогендра был одним из ведущих сциоларгов в США на протяжении четырнадцати лет. Он, возможно, позаимствовал эти аксиомы у Хибнера. Главное — они как нельзя лучше соответствуют «Интенсиву». Поэтому-то я и упомянул их... Есть еще вопросы?

Вопросов больше нет. Взгляд Халинга медленно переходил с одного участника на другого, он словно пересчитывал нас, а затем, громко выдохнув через нос, на всю комнату произнес:

— Я хотел бы вам сказать еще кое-что... Достичь просветления непросто, но «Интенсив» создавался для обычных людей, а не для людей со сверхспособностями. Через «Интенсив Просветления» прошли тысячи, и сотни пережили это состояние сознания. **Это работает.** Состояние сознания прямого переживания истины, кто ты есть, что ты есть, что есть жизнь, что есть другое существо — могут длиться всего несколько секунд, но они в корне меняют человека. После такого переживания вы уже не будете прежним. **Ваша жизнь изменится!**

Он говорил низким голосом и в более быстром темпе, чем я ожидал. Я помнил его уверенную речь во время бесед и ритуалов в Стокгольме, его сдержанное спокойствие, его неподвижное тело, которое двигалось лишь в моменты показа ритуальных жестов. Теперь же он акцентировал каждое слово всем своим телом, быстро меняя выражения лица. Но от этого он не казался менее убедительным. Он увлеченно говорил изнутри души, успешно передавая нам свои убеждения по поводу ценности просветления.

— Забудьте обо всех домашних проблемах, — продолжал он. — Сфокусируйтесь лишь на одном — на просветлении, и ни на чем другом! — Он уставился куда-то вдаль и, словно вспоминая что-то важное, добавил: — Я расскажу вам одну историю, которая покажет вам модель поведения на «Интенсиве»... Как-то раз в Индии грабители поймали богатого торговца. Они пытали его, чтобы узнать, где он хранит деньги. Они привязали его к кольям, вбитым в землю, так чтобы он не смог пошевелиться, и положили ему на грудь раскаленный уголь... Раздался трубный звук... это были солдаты, преследовавшие тех же грабителей. Услышав звук трубы, грабители побежали прочь, а солдаты продолжили их преследовать. Торговец так и продолжал висеть с раскаленным углем на груди... О чем он думал в тот момент? — Халинг сморщил лоб. — Он думал о своем деле, друзьях, семье, повседневных проблемах? Нет, он думал лишь об одном — как избавиться от угля! — прищурив глаза, будто от сильного света, он подался вперед в кресле и заметил: — Думайте об одном — как избавиться от лжи, сжигающей вашу душу! Как испытать гнозис, или прямое переживание души! Как стать просветленным. — После чего он спокойным голосом завершил свою речь: — Приступим. Найдите партнера для упражнения...

Упражнения, или диады, длились по сорок минут, после чего партнеры менялись. Мы должны были сидеть на полу и смотреть друг другу в лицо. Активный партнер, пытаясь достичь прямого переживания посредством простого намерения, сообщал пассивному все то, что всплывало у него в сознании. Пассивный партнер давал команду, после которой внимательно следил за активным партнером, пытаясь понять его как можно лучше.

После завтрака у меня разболелся зад от жесткого пола под тонким ковриком, на котором приходилось сидеть, появились боли в спине и тошнота. Я начал неодобрительно отзываться о помещении, других участниках, Халинге и его ассистентах. Их было всего трое: двое длинноволосых молодых мужчин и одна прыщавая девушка. Для них здесь не было места. Они едва отличали просветление от рекламы кока-колы.

Большая часть участников были ниже моего уровня. Они пришли сюда не за тем, чтобы получить ответы на коаны «Кто есть „Я“», «Что есть „Я“», «Что есть Жизнь» и «Что есть другое существо», — они пришли сюда ради самопризнаний. Пассивный партнер должен был внимательно слушать все то, что говорит ему партнер активный, и многие злоупотребляли этой ролью. Иногда признания ничем не отличались от тех, что обычно звучат у стойки бара. Люди редко брали ответственность за неприятные переживания, что происходили с ними, всегда винили кого-то другого: родителей, брата или сестру, неверного партнера, правительство, жизнь, судьбу... С каждый часом все больше и больше критики шло в адрес Халинга. Некоторые из участников были хорошо осведомлены о его личной жизни. От них я услышал, что он перетрахал почти всех своих учениц, что он был бисексуалом, так что и ученики не оставались без его внимания, что его жена ушла к другому и что его сын был наркоманом. Выслушивая такие заявления, я украдкой смотрел в его сторону. Он сидел неподвижно, его внимание было приковано к участникам.

Я чувствовал себя ужасно весь первый день. Я дожидался приема пищи, как какого-то спасения, но вегетарианская еда оказалась безвкусной. Нам дали жиденький суп, в котором плавали несколько бобов и тонкий кусочек капусты. От сваренной без жира и специй репы, которую нам подали на ланч, я откусил

всего один кусок и отставил ее в сторону. Меня тошнило, изо рта текла соленая слюна, как это случается перед рвотой. Я стоял немного в грязной ванной, склонившись над унитазом со слюнявым ртом, но вырвать мне было нечем.

Я был охвачен благословенным желанием поспать. Боли в спине усилились, шея затекла, какая-то боль ощущалась над правым глазом, словно ногтем впивались в лоб. Мое сознание было разделено: я хотел вернуться в гостиницу, съесть ужин и завалиться в постель, хотел выйти из этой комнаты с потными, невымытыми людьми с пеной у рта, из которой доносились стенания, жалобы и ужасное зловоние. И в то же время я понимал, что мой хитрый ум с докучливой настойчивостью вновь играл в ту же игру, что и по каждому подобному случаю. Я больше не был тем, кто начинает много дел, а затем забрасывает их, едва убедившись в их негодности. Я научился доводить дела до конца, так как только по завершении наступает тот самый момент, когда можно реально оценить значимость любой системы.

К двенадцати часам ночи прозвучал гонг, отметивший окончание дня. Как ошеломленный боксер, я отправился в угол для спячки. Не снимая штанов, как дитя по коленям матери, я заполз в спальный мешок и накрыл голову его капюшоном. Вонь от потной одежды проникала в ноздри, но мне было все равно; она даже приносила мне некоторое ощущение безопасности. Последнее, что я слышал, были слова Халинга:

— Продолжайте работать со своим вопросом!

Я погружался в сон, медленно отплывая от берега этой реальности в легкий туман.

— Продолжайте работать над своим вопросом! — разбудили нас в шесть утра слова Халинга. Было все еще темно; люди одевались в темноте, вздыхая и кашляя от холода. Ванные походили на армейские, над длинной узкой металлической раковиной свисало несколько кранов. Кто я? Холодная вода, попав в нос, пробудила меня. Я прополоскал горло и сплюнул воду, очищая зубную щетку от толстого сероватого налета, скопившегося у меня за ночь на языке. Рядом со мной стоял мой вчерашний партнер, длинноволосый молодой мужчина с бледным лицом, который звучно сморкался, закрывая то одну ноздрю, то другую. «Ужасная ночь, — неторопливо сказал он, искося

подглядывая на меня, — я не спал ни минуты». Я хотел сказать ему, что спал, как убитый, но проглотил слова. Он мог подумать, что я хвастался тем, что меня не волновала проведенная вчера работа. Я молча кивнул головой.

В прохладной комнате все уже разбилось на пары, ожидая начала первой диады. Опухшие глаза, изнуренные бледные лица смотрели либо в пол, либо люди сидели с закрытыми глазами. Свежевыбритый Халинг уселся в кресло и обратился к нам голосом, полным бодрого энтузиазма:

— Продолжаем нашу работу. Перед началом упражнения расскажите друг другу, что вы пережили вчера вечером, а затем продолжайте выполнять технику «Интенсива». Осознавайте свою цель — просветление или прямое переживание Истины, изменяющее жизнь. Все остальное — уловки ума, уводящие вас от основной цели. Не сдавайтесь! Время ухода из этой жизни четко прописано у каждого из нас. Сегодня первый день оставшейся части вашей жизни. Используйте ее с умом!

Во время первых двух диад я испытывал сложности с речью, будто слова склеивались ко рту, но завтрак пробудил меня окончательно. После него я впервые хорошо себя почувствовал и начал понимать, как работать с техникой. Всплывающее содержание сознания, о котором я сразу же, не раздумывая, сообщил партнеру, избавило меня от желания произвести на него хорошее впечатление. Вчера меня несколько раз переполняло желание придать моим переживаниям особый драматизм и значимость. Но когда ты видишь, что остальные делают то же самое, то теряешь всякий интерес к такой игре. Первый день оказался пустой пыткой, где ничего серьезного не происходило, — мы пытались лишь выжить, прежде чем оказаться в постели. Сейчас же происходили многие вещи, большинство из которых вызывало страх. Справа от меня сидел немец или австриец, трудно было сказать, и нес какую-то чушь. Скорее всего, у него были галлюцинации. Психиатр безо всяких сомнений поставил бы ему диагноз шизофрении. Халинг медленно прохаживался вокруг нас в тапочках из меха, не обращая особого внимания на немца, но у меня сложилось впечатление, что он искоса очень внимательно приглядывает за ним.

Моим партнером оказался молодой худой англичанин с небольшой бородой и усами, критично рассказывающий о себе:

«Прошлой ночью я долго не мог заснуть. Я положил сумку с бумажником себе под ноги. Я то и дело опасался, что кто-нибудь украдет его у меня в темноте. У меня все время крутятся такие мысли... — Он смотрел сквозь меня своими помутневшими испуганными глазами. — Именно такой я и есть... мое жалкое имущество... небольшие деньги... всего пару фунтов да мелочь... Я должен взглянуть этому в лицо — именно такой я и есть, и всегда таким был».

В следующей диаде моим партнером оказался молодой мужчина в сером норвежском свитере, которого я заметил еще в первый день. Его короткие причесанные волосы опускались до середины лба, а зубы отдавали белизной, как у здорового животного. Он на мгновение останавливался через каждую пару слов и сжимал зубы так, что напрягались его челюстные мышцы, отчего лицо принимало твердую, квадратную форму. У него был сильный голос; судя по манере речи, он был похож на человека, который чувствует себя хорошо благодаря своей способности искренне общаться: «Сядь рядом с партнером, я испытывал желание сказать что-то умное и приемлемое... — Он сделал паузу, будто оценивал правильность своих слов. — Меня раздражает эта потребность угождать или быть принятым другими. Я не должен беспокоиться о том, что думают остальные! Они не решат моих проблем. В жопу их! В жопу весь этот притворный мир! В жопу и такого человека, как я, за то, что не может оставаться собой каждую секунду...» Он продолжал критиковать свое поведение, говорил все быстрее и быстрее, и перед тем, как его пять минут истекли, он довел себя до бешенства.

Его слова тронули меня. Мне было трудно не отвечать и не испытывать похожие чувства. Мои мысли оборвались, когда кого-то позади меня начало рвать. «В сумку, в сумку», — кричали ему ассистенты. Халинг встал с кресла и с равнодушным выражением лица удалился.

— Боже мой, — сквозь сжатые зубы произнес мой партнер, хоть он и должен был молчать во время моих последних пяти минут, — мне становится противно, когда кого-то рвет.

В этот же момент в другой части комнаты закричала какая-то женщина. У нее был пронзительный крик, который разрезал комнату пополам. По выражению лица моего партнера трудно было догадаться, что он размышляет над тем, что же

подумают люди в окрестностях, поскольку такой крик можно было услышать издалека.

Я чувствовал себя хорошо оттого, что что-то происходило. Дело было не только в борьбе со сном, усталостью и болями в спине; начали выходить наружу новые мысли, образы и чувства, о которых я раньше и не подозревал и с которыми не работал в предыдущих процессах. Я начал осознавать все более явственно, что мое тело — лишь оболочка, превосходящая по размерам меня самого, из которой я, будучи внутри, через глаза подо лбом наблюдал за партнерами, с которыми работал, за Халингом, его ассистентами и событиями, происходящими в комнате.

В первый день мы в основном вскрывали поверхностное содержимое и признавались в чем-то несущественном. Теперь же усилия были несомненно направлены на получение одного истинного и глубокого ответа, представляющего собой решение главного жизненного вопроса. Участники все глубже уходили в свои мысли; размышления отнимали все больше времени, а сами разговоры сводились до нескольких слов, которые, казалось, выжимались из нас. Мой партнер, Эва, молодая женщина с грубыми чертами лица и светло-зелеными глазами, сказала мне, что хочет раз и навсегда прояснить для себя один вопрос. После некоторого удовлетворения найденным решением у нее снова появились сомнения, досада и недовольство, и она начала новый поиск более правдивого ответа.

Следующим партнером оказался англичанин средних лет с сильным сленгом кокни, трудным для понимания. Он был все еще погружен в первую стадию «Интенсива» и жаловался на свою семью и общество: «Все офицеры матерились в столовой, и поначалу мне было очень не по себе. Я заметил, что они избегали меня, будто среди них для меня не было места. Затем я также начал материться... они стали избегать меня еще больше... Я чувствовал себя несчастным, не находящимся в строю офицером. Однажды, когда мы напились с одним из них, неким Робертом Блеем, я доверился ему и спросил, почему, когда кто-то матерился, ничего не происходило... но когда это делал я, их лица начинали сжиматься? Его ответ я пронес с собой через все эти года: „Бред, дело не в том, что ты материшься, а в том, как ты материшься“».

Мое внимание против моей же воли сдвинулось влево, к розовощекому мужчине, говорящему на английском с немецким акцентом: «Я — свет, — сказал он с закрытыми глазами и неземным выражением лица. — Куда я бы я ни посмотрел, я везде вижу свет, и я — это он. Я им всегда был». Во втором ряду рыдала рыжеволосая девушка, закрывая глаза руками: «Я умру, я умру, я умру! Я знаю, что смерть близка!»

Во время перерыва и перед началом следующей диалогической пары Халинг обратился к нам тихим сочувствующим голосом:

— Некоторые из вас вошли в фазу феномена. Вскоре и остальные доберутся до нее. Это различные оккультные феномены и видения, страх смерти или безумия, сильные приступы смеха. Не бойтесь. Это уловки вашего эго, старого врага, уводящие вас от Истины. Просто обратитесь к сути феномена и продолжайте работать дальше. Не покупайтесь на эту ложь.

С того момента, как все мне начало казаться смешным, я принялся размышлять над тем, а не попал ли я под эту волну: люди заплатили за два дня пыток, чтобы оказаться в состоянии, в которое можно попасть при помощи пары стаканов крепкого ликера? Мыслители пытались оказать на партнеров хорошее впечатление своими длинными, запутанными теориями о жизни и месте человека во вселенной, возбужденные молодые люди, головы которых были забиты книгами по йоге и буддизму, приравнивали себя к Атманам, Истинным Сущностям, Вечным искрам и к подобным избитым понятиям.

Я был смешон даже самому себе. Вместо того чтобы прилагать все усилия для полного погружения в процесс, я пребывал в раздвоенном состоянии, я был и участником, и наблюдателем, и даже в этих ролях существовали свои подгруппы. Там был и искренний наблюдатель, принимающий все то, что он видел, и пытавшийся все это осмыслить, и циник, выносящий основанные на прежнем опыте суждения обо всем. Был нерешительный свидетель, опасющийся того, что может выйти из себя и сойти с ума, и наблюдатель, отстраненно смотрящий на события издалека. Все было похоже на то, будто в моей голове собралась группа субарендаторов. Я попытался переключить внимание на того, что находился в центре события, затем снова на себя, наблюдающего и гармонизирующего окружение, и почувствовал, что я превратился в собаку, бегающую

по кругу в надежде укусить себя за хвост. Когда я спросил себя: «Кто я?», я получил ответ: «Я тот, кто размышляет». Внезапно я принял другую точку зрения, и мне стало очевидно, что «Я тот, кто осознает, что он размышляет». Но на этом все не закончилось. В мое сознание прокралась мысль: «Я осознаю, что осознаю, что я размышляю», — а затем и ощущение, что мое «Я» широко распространено, что оно охватывает все маленькие «Я», и что есть «Я», которое осознает все это... и... что всему этому нет предела!

— Я собака, бегающая за своим хвостом, — сказал я рыжеволосой партнерше. Она прищурила глаза, пытаясь понять, о чем я говорю. Я не находил другого способа выразить это впечатление извечного шара, и, уже раздраженный, снова сообщил ей об этом, словно винил ее за то, что она наблюдала за моими слабостями: — Да, я собака, которая хочет укусить себя за хвост.

Вскоре мое раздражение ослабло, и я успокоился, я чувствовал, что нахожусь в нужном месте и что обязательно стану просветленным. Но я был и удивлен. В жизни, далеко за пределами этой комнаты, из которой доносятся крики людей, стоны страдания и смех, эмоции длятся намного дольше. День, два мы пребываем в депрессии, а затем у нас складывается ощущение, что жизнь такая, какая должна быть, и мы ходим с этим какое-то время, после чего такое ощущение перерастает в состояние равнодушного согласия с людьми и обстоятельствами. Здесь же эмоции менялись с огромной скоростью. Я несчастен, я не достиг ничего ценного в жизни, никто никогда не любил меня, я ненавижу себя за свою никчемность... Я уверен на все сто, что эти чувства будут со мной до конца. Но через пару минут они становятся каким-то давним сном. Все хорошо, и всегда так было, негативные мысли — часть жизненной игры, как и желание избежать скукоты. Переживания усилились и как бы увеличались в объеме, выгнав из головы противоречивые мысли.

Я все больше и больше ощущаю безмятежность, я растягиваюсь в бесконечность, и, куда бы я ни шел с закрытыми глазами, я везде вижу части себя. После чего играю в какую-то игру с группой мужчин и женщин, разодетых, как индейцы с Анд. Мужчины на одной стороне, женщины на другой. Мы танцуем под звуки барабанов и простых струнных инструментов, эти звуки бьют мне прямо в сердце. Некоторые поют высоким

гортанным голосом в такт музыке, и эти звуки раздаются эхом среди высящихся рядом отвесных скал, словно сами горы зацепили переливчатым йодлем. Меня пробирает неудержимая тоска по этой жизни, и через сжатые глаза по лицу начинают медленно скатываться слезы, поскольку эта жизнь уже в прошлом, и я отдален от нее. Я смотрю через плечо на группу танцующих, и один из них мне кажется знакомым, после чего образы начинают тускнеть и исчезают в тумане.

Я погружаюсь в густую растительность из длинных разноцветных листьев папоротника и густых волнистых ползучих растений, которые пригревает солнце и обильно увлажнил недавний ливень. Я вижу толпы каких-то странных существ, живущих в этом зеленом море, невнятный язык которых я могу понимать. Это крошечные феи с туманным мышлением, которое никак не отразилось на их способности полностью погружаться в свои чувства.

Среди фей выделяется одно существо мужского пола, но с мягкими женскими движениями и взглядом, которым он смотрит на меня своими раскосыми зелеными глазами. Его кожа сияет бледно-зеленым цветом с желтыми проблесками; я ощущаю его мягкость, влажность и эластичность, хоть и не дотрагиваюсь до него. Я открыт, как огромные розовые цветы, что я вижу вокруг, мне не нужно ничего скрывать и мысленно спрашивать, кто он такой. Существо медленно поворачивает голову, не отрывая от меня своих зеленых глаз, и теперь оно искоса смотрит на меня, как какая-то соблазнительная женщина, медленно показывая на меня своим длинным указательным пальцем мягкой руки. В его жесте заключена какая-то тайна, ответ на которую скрыт, и теперь мне нужно сконцентрировать сознание, чтобы загадка раскрылась передо мной, как понятная книга. «И кто я?» — слышу я себя на расстоянии. Зеленая фея, которую я так быстро полюбил, становится все меньше и меньше, исчезая в небесной голубизне, и я слышу, как мой резонирующий голос начинает удаляться: «Кто я-а-а... Кто я-а-а-а?»

Голубизна переходит в темное синее небо, устланное сияющими звездами. Я поднимаю руку, и она в тот же момент тает в глубине космоса. Я верчу головой, чтобы осмотреться вокруг, и создаю спиральное движение новой галактики, образовавшейся из первичной пустоты. Все происходит бесшумно,

не слышно никаких взрывов далеких звезд, как будто весь космос погружен в темную синюю жидкость, поглощающую звуки. Я вижу странные места, неизвестные планеты, хрустальные города и существ из чистой энергии. Передо мной появляются многочисленные алхимические, каббалистические и магические символы. Они выходят из тумана и, обретая острые очертания, сразу же исчезают. Я слышу какие-то расплывчатые слова, но не пытаюсь понять их. Меня выкидывает из этого мира сильный толчок в плечи.

— Конеч... конец! Настало время для рабочей медитации.

Я с трудом открыл глаза. Надо мной, глядя прямо на меня, стоял Бенгли со своим поврежденным лицом, ассистент Халинга, и, толкая меня рукой, повторял:

— Конеч. Упражнение закончено. Настало время для рабочей медитации...

Халинг сидел в кресле с неподвижным лицом. Его глаза внимательно смотрели на меня и на ассистента.

— Я бы хотел остаться помедитировать, — ответил я Бенгли сонным голосом. Я хотел испытать куда более глубокие переживания. И наконец нашел способ, как мне этого добиться... На его лице пробежало смущение, он перекинул свой взгляд с меня на Халинга и с сожалением произнес:

— Для рабочей медитации есть веские причины, — и многозначительным тоном произнес слова, которые, по идее, составляли все на свои места: — структуру «Интенсива» менять нельзя.

Теперь еда и перерывы казались слишком долгими и излишними. Я хотел проводить все время за медитацией, она была ключом к внутренним мирам и безграничному слиянию с космосом. Я чувствовал недовольство, когда прозвучал последний гонг в тот вечер. Я залез в спальный мешок, накинул капюшон на голову и решительно продолжил медитировать. Но без партнера, без его команд и сосредоточенного внимания мои ощущения были тусклыми и рассредоточенными. Последние слова Халинга: «Продолжайте работать со своим коаном!» — высветили у меня ясное осознание того, что «Интенсив» должен проходить иным образом.

На третий день время уплотнилось, а упражнения выстраивались куда быстрее. «Интенсив», как какое-то самостоятельное

существо, подгонял нас к своему окончанию. Участники стали ближе друг другу, и многие не скрывали этого. Те, кто в первый день казался банальным, необразованным и скучным, теперь стал излучать ощутимое душевное тепло, любовь. На таких семинарах женщины обычно кажутся непривлекательными. Сейчас же их опухшие глаза и растрепанные волосы, прилипшие к потным лицам без макияжа, выглядели естественными и прекрасными. Зигфрид, молодой человек с немецким акцентом, безапелляционно заявлял о том, что мы все гребли в одной лодке к одной цели. Моя партнерша, выйдя из медитации на секунду, открыла глаза и кивнула головой в знак согласия.

К обеду уже бывавшие на «Интенсиве» настойчиво просили Учителя подтолкнуть их к прямому переживанию Истины, по-новому замотивировать их, иначе им не стать просветленными. И снова на границу сознания начали пробираться критические мысли об «Интенсиве», участниках и Мастере, но их было недостаточно для того, чтобы вызвать во мне открытую конфронтацию, так как где-то в центре, в глубине груди меня переполняло совершенно новое чувство терпимости. Судя по проработанным участниками коанам я мог определить, кто из них дошел до просветления на предыдущих «Интенсивах». Они уже не работали над вопросом «Кто я?», они задавали остальные три вопроса. Их поведение вызывало у меня сомнение.

Спокойно и осторожно я сообщил об этом своей партнерше, которая также работала над вопросом «Кто я?».

— Просветленного человека явно выдает его поведение. — Она продолжала внимательно следить за мной, однако я чувствовал ее согласие.

— Я не хочу, чтобы Мастер толкал меня к просветлению, — заявил я, — я пришел сюда сам, по собственному желанию. Несчастны те, кому необходим пинок, как водопой скотине.

Я заметил, что мое внимание часто смещалось на Халинга, мрачно восседающего в своем кресле и подпирающего кулаком подбородок, словно он что-то сдерживал в себе изо всех сил.

— Мастер сказал, что просветление может наступить в любой момент «Интенсива», — сказала моя партнерша, — но до сих пор еще никто не стал просветленным. — Она смотрела на колени, словно оценивала вероятность возникновения этого мимолетного переживания у какого-нибудь человека, а за-

тем добавила: — Осталось всего три диады. Мастер должен сделать что-нибудь.

Я вспомнил улыбающееся лицо Халинга во время ритуала в Стокгольме, окружающее его спокойствие и чувство безопасности, которое он внушал в нас. Теперь от всего этого не осталось и следа. Во мне все больше крепла уверенность, что он на грани отчаяния из-за чувств, которые медленно охватывали всю группу, где то и дело некоторые из участников впадали в истерику. Я сочувствовал ему, и в то же время меня сильно беспокоила его реакция, когда вслед за звуком последнего гонга окажется, что никто не стал просветленным. Время текло, и конец был близок.

Во время перерыва между двумя упражнениями Халинг охрипшим голосом произнес:

— Я хочу сказать пару слов по поводу сложившейся у нас ситуации. — Он уставился в пол, будто у него не было сил смотреть прямо нам в глаза, полные ожидания. Все окончательно замерло. Он продолжил: — В течение жизни люди много раз оказываются на перепутье, но в некоторые, очень важные моменты жизнь поворачивает то в одну сторону, то в другую. Сейчас один из таких моментов. — Подняв голову, он закрыл глаза на некоторое время.

— Некоторые из вас задаются вопросом, почему же они не стали просветленными? В начале «Интенсива» я обратил ваше внимание на преграды, отделяющие вас от прямого переживания Истины... но не рассказал вам обо всех. Есть один злостный барьер, с которым люди сталкиваются снова и снова, всякий раз, когда хотят испытать прямое переживание Истины. Это... это... чувство вины. Все мы совершали скверные поступки в жизни, и глубоко внутри мы не чувствуем себя такими уж хорошими... мы считаем, что не заслуживаем такой ценной вещи, как просветление. Мы можем днями оттачивать наилучшим образом технику, но если мы будем стогать от чувства вины, то не видать нам просветления. — Он положил ладонь на середину груди. Видимо, он пытался сказать нам, что разделял наши чувства, что та же проблема изводила и его. Он открыл глаза, посмотрел на нас туманным взглядом и продолжил: — Как же преодолеть эту преграду и стать просветленным?.. Есть один простой способ. Мы не можем сделать это ради себя, но

мы можем сделать это ради других. Стать просветленным ради другого существа, ради кого-то, кто страдает в данный момент, ради несчастного ребенка... Знайте, кто-то сейчас молится за вас, чтобы вы стали просветленным для него... — Халинг остановился, его что-то сбilo, чувствовалось, как глубоко внутри он балансировал на тонкой нити между открытием и окончанием, сдачей и наступлением.

Казалось, его тело медленно и ритмично покачивалось в такт с мыслями и чувствами, которые изводили его. Время замерло, в комнате все сидели неподвижно и тяжело дышали. В этот момент он разорвал цепи, сковавшие его, и сказал:

— Трон учителя может быть и раем, и адом. Все зависит от вас. Пока кто-то не ощутит просветления, я буду похож на Иисуса на кресте! Снимите меня с креста, станьте просветленными ради моей любви! — На его лице появилась болезненная судорога, а по округлым щекам катились слезы. Он сглотнул, потом еще раз и, наконец, звонко выдохнув, сказал: — Я очень сильно полюбил вас. Если бы я выразил всю ту любовь, что испытываю к вам, я бы не выжил! — Он, не сдерживая себя, громко рыдал.

Я был тронут и очарован. Он говорил спонтанно, медленно и уверенно, словно его слова прорастали из самой земли. Они обладали невероятной силой и проникновением камнерезного зубила. Его трансформации удивились все, а я, наверное, больше всех, поскольку видел его в различных ситуациях и был убежден, что он прекрасно владел своими эмоциями. Казалось, что он потерял дар речи, поскольку отправил нас выполнять следующую диаду безмолвным движением руки.

Это упражнение было предпоследним. В самом начале круглолицый человек в очках с желтой металлической оправой, сидевший слева от меня, истерично закричал:

— Я хочу испытать ад! Я заплатил хорошие деньги за этот «Интенсив», и я хочу ад.

Я работал с Дэвидом, англичанином с потным небритым лицом, чьи редеющие волосы прилипали ко лбу, губы дрожали, а глаза покраснели от плача. Он рассказывал о смерти дедушки, единственном члене семьи, которого он по-настоящему любил. Он говорил хриплым голосом, сжимая при этом кулаки. Когда мой партнер рассказывал о девушке, перед которой он

не смог раскрыть своих эмоций, я сочувствовал ему совершенно искренне. Сколько усилий мы прилагаем, чтобы удалиться от других людей и спрятать те глубокие и прелестные чувства, что мы испытываем к ним? Нам проще выразить вражду, презрение и безразличие... «Передо мной стоит образ мертвого дедушки, лежащего на столе в своем старом костюме, — продолжал рассказывать мой партнер. — От него исходит запах... это не запах мертвого тела, а запах старого человека, которого я любил... Я чувствую его даже сейчас. Семейные стервятники старались похоронить его как можно быстрее, чтобы завладеть его крошечным наследством, в то время как я хотел остаться наедине с умершим дедушкой, чтобы сказать ему, как сильно я его любил... По многим причинам я держал в себе это желание до самой его смерти... Разве моему дедушке нужно было умирать ради того, чтобы я смог понять, что из-за своей нерешительности я не должен пропускать самый ценный урок, который преподносит нам сама жизнь, — возможность вовремя сказать дорогим тебе людям, как ты их любишь...»

Он ревел так же сильно, как и животное, которому ставят клеймо раскаленным железом. Рыжеволосая женщина с веснушчатым лицом и в оранжевом хлопковом платье, которое носят последователи Бхагвана Шри Раджниша, сидела справа и тайком поглядывала на него со слезами на глазах. Она схватилась одной рукой за живот, второй — за горло, и ее начало рвать.

— Дыши через нос! Дыши через нос! — кричал Бентли, подняв ей лоб вверх левой рукой. Правой он поднес пластиковый пакет ей ко рту, но ее уже вырвало на ноги и на коврик перед ней.

Тогда это и произошло. Дэвид завыл и начал бить по полу кулаком меж моих колен. Он проклинал себя, мать, девушку, бросившую его: «Идите вы все к черту! Сгнить вам в муках... убийцы, мясо, мусор!» Он бил по полу с такой силой, будто вбивал в землю клин, и в один момент остановился на полу-взмахе. Он встал на колени, поднял правый кулак в воздух и с широко открытыми блестящими глазами выкрикнул: «Боже мой, это я!» Багван, рыжеволосый последователь Шри Раджниша, облегченно вздохнул: «Вот и он! Это оно и есть!» Несколько участников разом нервно засмеялись. Дэвид сделал вдох, его

поднятый вверх кулак упал на колено, и он, выпрямив спину, оперся о стену. Я не мог отвести от него глаз. Откинув назад голову, он сидел с закрытыми глазами и блаженным выражением лица, и хоть он и наполнял комнату своим присутствием, создавалось впечатление, что он по большей части находится в каком-то другом мире. За эти пару секунд его внешность разительно изменилась. Мокрое от пота лицо засияло, редкие волосы начали придавать ему мудрости, а небритое лицо — мужественности. Он тяжело дышал даже с раздутыми ноздрями, его дыхание заполняло всю комнату. У меня не было никаких сомнений — человек стал просветленным у меня на глазах. Каждый из присутствующих понимал это. Не нужно было ничего говорить, объяснять или доказывать.

Прозвучал гонг, но Дэвид не пошевелился, будто на него ничто не действовало в этой комнате. Мимолетное облегчение и надежда на то, что стать просветленным все-таки возможно, медленно превращались в волну зависти. Она поднималась от живота и возвышалась уже над лицом, отчего у меня непроизвольно кривились губы. Мой новый партнер в предпоследней диаде, мужчина с серым морщинистым лицом, в самом начале упражнения сказал мне: «Я чувствую себя хорошо. Меня больше не беспокоит язва, я наполнен каким-то необычайным теплом и испытываю любовь ко всем людям».

Казалось, что он говорил от сердца, однако это не помогло мне. С каждой секундой мне становилось все хуже, в животе все горело, из-за чего я свернулся в клубок и наклонился вперед. Пытаясь следить за его речью, я держался руками за живот, будто распадался на части или начинал рожать. В этот же момент раздался крик рыжеволосой женщины с большими конечностями и покрасневшимся лицом, как будто кто-то скрутил ей руку. Что-то привлекало меня в ее крике, хоть я и пытался сфокусироваться на сером лице своего партнера. Она кусала свою нижнюю губу и смеялась со слезами на глазах. Я понял, что произошло еще одно просветление. Она встала с места и подошла к девушке-ассистентке. Я не мог отвести от нее глаз. Женщина что-то прошептала, и они обнялись с закрытыми глазами. Безо всякого сомнения я понимал, что это было прикосновение Истины.

Я еле-еле следил за речью партнера, тошнота все ближе подступала ко мне. Я много раз завидовал достижениям моих дру-

зей и родственников, это чувство было мне знакомо. Я всегда завидовал духовным достижениям других. На этот раз новизна была в силе — пылающий жар из центра тела сотрясал мои губы и сжимал руки в трясущиеся кулаки. Мощная волна энергии изнутри охватила меня и сбила с колен, придавив к полу. Я начал кричать через сжатое горло, как будто в нем живьем сдирали кожу. Передо мной возник размытый образ темного подвала, кто-то закрывал дверь, оставляя меня одного в темноте, я слышал свой охрипший голос: «Мамочка, не оставляй меня! Мамочка, не оставляй м-е-е-е-н-н-я-а-а!» Пока я катался в судорогах по полу, кто-то сильно обхватил меня и поставил в вертикальное положение. Я слышал невозмутимый голос Халинга:

— Выпрями позвоночник! Просто держи позвоночник вертикально, и все будет в порядке.

Жар все еще бил изнутри и удушал меня, я смог лишь сделать быстрый вдох, после которого на мгновение увидел широко открытые глаза и рот моего партнера, и в голове пробежала мысль: «Этот действительно испугался».

— Дыши глубоко! Выпрями позвоночник и дыши глубоко. Не подавляй чувства, дай им выйти, — говорил мне Халинг.

— Свињи, чертовы свињи! — Я кричал на существ, вызвавших это состояние, на расплывчатые тени, сыгравшие со мной в демоническую игру. Жар начал отступать, и я смог сделать глубокий вдох полными легкими. Меня охватили печаль и жаль к себе, как может быть жаль хорошего друга, наивно отрывающегося перед злым человеком, как жаль любопытного маленького зверька в лаборатории, не подозревающего от том, что его подвергнут ужасным экспериментам. Эти чувства были не такими сильными, самое худшее было позади, и в мое затуманенное сознание, подобно электрическому разряду в темном небе, пробилась новая мысль: «Я выжил. Я снова вытащил себя из трудного положения». Я тихо простонал, и в комнате, где в тот момент не было слышно никаких разговоров, снова началось щебетание. «Это было сильно», — сказал кто-то. Так отошлись о моем катарсисе, и я на долю секунды почувствовал себя актером, которого похвалили за хорошо сыгранную роль.

Я с трудом выдержал до конца последнюю диаду. Мое горло стало жестким, как будто его расцарапали металлической щеткой, во рту ощущалась сухость, а на лице и в теле —

слабость. Я с трудом улавливал восхищенную речь косоглазой девушки с круглым лицом. Она энергично жестикулировала своими короткими, полными ручками, нерешительно и не до конца выражая свою радость, поскольку «Интенсив» оказался для нее прекрасным событием. Она, как никогда ранее, испытывала любовь ко всем людям, отказываясь от жизни, она отгораживалась от хороших черт людей... И теперь она осознала эти ошибки. Она продолжала говорить, искоса поглядывая на меня, словно оценивала, сколько ее положительных эмоций я смогу выдержать.

Пробил гонг. Одни пары обнялись, другие молча повернулись к Халингу, сидящему в кресле с поджатыми ногами. Теплая улыбка расплылась по его лицу, наполнив комнату светом.

— Послушайте меня, я хочу сказать вам пару слов на прощание. — Он медленно окинул взглядом всю группу и, привычно кивнув, продолжил: — Мы подошли к концу «Интенсива». Во-первых, позвольте рассказать вам о некоторых технических моментах... Сегодня вы будете плохо спать, поскольку ваш энергетический уровень сильно повышен, но все же — попытайтесь поспать хотя бы два-три часа. Если заметите эмоциональную неустойчивость, примите в больших дозах витамин В и кальций... Не проводите эту технику в одиночку. Так вы не сможете достичь просветления и только лишь сильно навредите себе.

Его улыбка на лице стала еще теплее:

— Некоторым из вас удалось испытать просветление, гнозис, прямое переживание Истины... как бы мы ни называли это явление, оно навсегда останется с вами. Даже те, кто не испытал просветления, достиг многого... Они освободились от массы отрицательных духовных отложений и ложных отождествлений, избавились от многих сдерживающих факторов и стали ближе к себе и другим... Те, кто не достиг просветления, должны оставаться как можно более открытыми после «Интенсива». Я не собираюсь вас утешать... но иногда просветление происходит и после «Интенсива», на следующие сутки... или через пару дней. Так произошло со многими.

Ища подходящие слова, Халинг помолчал подольше и добавил:

— Я чувствую, что обязательно должен поблагодарить моих ассистентов Бентли, Морин и Роберта, — он с улыбкой посмо-

трел на них. — И поблагодарить всех вас, кто участвовал в «Интенсиве Просветления». Я вам многим обязан. Так же, как и вы, я столкнулся со слабостями, которые мне пришлось преодолеть, — он глотнул с трудом, будто пропихивал шарик через горло, и продолжил: — Может, это и не было так заметно, но я симпатизировал вам. Ваши страдания были моими страданиями, ваша радость была моей радостью.

Невидимая рука, мой старый палач, снова яростно схватила меня за горло. Позади меня громко редела женщина.

— Мы чувствуем это, Мастер, — сказал австриец, — и мы благодарны вам за эти три трудных и прекрасных дня. — Он не достиг просветления, но его слова звучали просто и искренне. Я попытался открыть рот и тоже произнести слова благодарности, но не смог. Должно быть, Бог нарочно сводит нас с неподходящими людьми перед встречей с достойными, и когда мы, наконец, встречаем их, мы понимаем, как благодарны за этот подарок. Мне было слишком обидно сказать кому-нибудь что-то хорошее, но в целом я симпатизировал Халингу за то, что он окружил меня вниманием. Я хотел обособиться от людей, забраться в спальный мешок и хорошо поплакать, пока последняя слеза не смоев все надежды, которые я отпустил. Я не прятался от себя, этот необычный «Интенсив» смог охватить все надежды и разочарования в моей жизни до настоящего момента. Я должен был побыть наедине... наедине... наедине... отплыть в открытое море одиночества до заживления ран. Я не находил себе места среди этих улыбающихся лиц, излучавших любовь и доброту.

— Пора немного отпраздновать, — сказал Халинг.

Пока все в комнате хихикали, я собрал свои вещи, сложил спальный мешок, с которым у меня, как с живым существом, сложились близкие отношения в последние три дня, и направился к двери. С опущенной головой я прошел мимо группы смеющихся и общающихся людей. Джефф Чендлер, с которым я пересекся в начале «Интенсива», положил руку мне на плечо.

— Можно я обниму тебя? — Я молча кивнул. Я не хотел обниматься, но он был славным малым и хорошим партнером на «Интенсиве». Он обхватил мои плечи обеими руками и покачался влево и вправо, так что я двигался точно так же.

— Знаешь, — сказал он, оходя от меня, чтобы посмотреть мне в лицо, — меня очень тронул твой катарсис. Я чувствовал

твою боль, как свою. Здесь мы учимся понимать, что другие страдают так же, как и мы.

— Я знаю. Спасибо, Джефф.

Он грустно покачал головой и добавил:

— До истины добраться нелегко. Самое трудное — взбираться по вертикальному дереву. Ты не остаешься отпраздновать?

— Я не могу. Я хочу побыть в одиночестве.

В метро толпилось обычное количество народу. На улице станции Эрлз-Корт перед маленькими круглосуточными рестораничками всю ночь дрались пакистанцы и арабы. Мне было по-настоящему одиноко в номере отеля. Я долго стоял перед зеркалом. Я очень странно отражался в нем, будто смотрел на себя в первый раз. Скатывался ли я в безумие? Тут же отвергнув эту мысль, я понял, что она — лишь отражение моего желания придать некую важность своему не иначе как жалкому состоянию. Веки были опухшими, глаза — красными от плача, щеки — грязными и небритыми. Глядя на свое изображение, я потряс головой. Если нет ничего проще, чем понять, кто ты есть на самом деле, то почему же у меня не получилось этого сделать? Я воскресил перед глазами образ рыжеволосой женщины, которая спокойно достигла просветления, а затем обнялась с Морин. Она проделала это незаметно для других, скрываясь, как вор. Если бы я достиг просветления, то все бы знали об этом, я бы не скрывал этого, как скрыл бы интим с проституткой под праздничным столом. К сожалению, в таком сравнении не было утешения. Теперь участники «Интенсива» радостно смеялись в той же комнате, где изменилась моя судьба за эти три самых важных дня моей жизни на тот период времени. Они уже забыли меня.

Я рухнул в постель и забрался под одеяло, не снимая одежды. Мне нужно было поспать и восстановить силы. Закрыв глаза, я почувствовал вибрацию в солнечном сплетении, во рту и на языке, на кончиках пальцев и носа. Кто я? Явно не это существо, развалившееся в кровати, которого трясет из-за его жалкого состояния... Эта ночь будет длинной и омерзительной...

В белградском аэропорту меня, с разинутым ртом, дожидался Мучи. Это был стройный молодой человек с реденькой бородкой, о котором, как я полагаю, еще ничего не рассказывал, хоть он и был какое-то время в моем близком окружении. Меня донимали как его настырные попытки оказаться рядом со мной, так и его писклявое заикание. От него было трудно избавиться, так как он прилипал, словно банный лист. Он приехал забрать меня на своей машине и, пытаясь вести себя сдержанно, все же еле скрывал любопытство.

— Они... дожидаются тебя дома... родители, дядя, брат и друзья.

Мое пребывание в Лондоне взбаламутило воду. Я старался выглядеть равнодушным:

— Есть какие-нибудь новости?

— Мы все ждем их от тебя.

— Да, понимаю.

В гостинной сидели Младен, мой брат, которому внезапно надоела карьерная борьба и начали интересоваться «другие вещи», Лидия, Ненад, мать и Максим Драганич. В углу, опершись о кафельную печку, сидел отец с озадаченным лицом. Стол ломился от еды: большая тарелка русского салата, сырный пирог Лидии, мамин «фирменный» вишневый пирог, посыпанный сахарной пудрой, и ромовые бабы.

— Как прошла поездка? — спросила мама, пододвигая мне тарелку с едой.

Мгновение я надеялся, что смогу избежать откровенного ответа.

— Необыкновенно. Кстати, довольно трудно подобрать слова, чтобы описать «Интенсив Просветления» и то, что может пережить человек за эти три дня.

— Нашел, что искал? — спросил дядя. Он курил, невзирая на присутствие остальных в комнате. Зажав бычок кончиками прокуренных пальцев, он оценивающе смотрел на меня своими сощуренными глазами. Глаза эти были красными и блестящими, а речь — неторопливой. Должно быть, дядя уже влил в себя несколько стаканов бренди. Он заметно состарился за последние пару лет и теперь постоянно пил крепкие напитки.

— Младен хочет знать, стал ли ты просветленным? — вставил свое слово мой брат.

После того, как миновал кризис, я чувствовал себя хорошо. По окончании «Интенсива» Халинга я задержался в Лондоне еще на четыре дня. Зашел в пару книжных магазинов «Фойлз» и «Атлантик», поел наивкуснейшего шиш-кебаба в греческом ресторанчике «Дионисий», что на Тоттенхэм Корт Роуд, как в старые добрые времена, когда процессировался в сциоларгической «церкви». Два раза я обедал в «Ля Кукарача», мексиканском ресторанчике, что в Сохо, и моя задница как следует пропотела от горячей еды. В магазинах на Оксфорд-стрит, оккупированных арабами и индусами, купил джинсы для Ненада и Стевичи. Чем бы я ни занимался, я не мог отделаться от вопроса, кто я такой. Депрессия и отчаяние постепенно улечивались, и я поставил перед собой новую цель, такую же громадную, как сказочный хрустальный замок, за который стоило побороться. Мне не совсем было понятно, что же произошло за эти три дня и три ночи на «Интенсиве» у Халинга, но я осознавал, что они оказались переломными в моей жизни. Практически против моей воли во мне созрело неодолимое стремление к цели, которая мне стала ясна с этого момента.

Если, оглянувшись назад на «Интенсив», отстраниться от его пылающей атмосферы, можно было ясно и четко понять его составляющие. У меня в голове всплывали отдельные элементы, как бы давая возможность осознать их. Подобному сильному водовороту, «Интенсив Просветления» обладал огромной силой погружения в глубь своего существа, в процессе которого исчезала граница между сном и реальностью. Учитель, ассистенты и участники забывали о существовании мира вне «Интенсива»,

позволяя практикующему отстраниться от состояний, событий и образов повседневной жизни. В роли образной и мысленной оси выступал вопрос «Кто я?», который постоянно всплывал после «Интенсива», несмотря на все мои попытки подавить его. Словно техника «Интенсива», которую мне пришлось осваивать весь первый день, теперь работала сама по себе, и я никак не мог отключить ее. Перед глазами пробегали образы лиц участников «Интенсива», их слова, плач, ругань, вспышки смеха, глаза тех, кого коснулось просветление, и образы подвала из какой-то прошлой жизни, в котором меня, тогда ребенка, оставили одного. Я никак не мог определить, когда же проник в суть внутренней структуры «Интенсива», но в один момент она стала прозрачной, как чистое стекло.

Техника «Интенсива», которую некоторые из участников так и не смогли освоить по окончании третьего дня, не ставила перед собой целью просветление. Она выполнялась для того, чтобы опустошить сознание, и в один из таких моментов пустоты человек объединяется с объектом своего внимания — собой, другим человеческим существом или жизнью. В сознании исчезает различие между объектом и субъектом — они становятся единым целым. Как лаконично объяснился Питер Пэрриот в Чикаго, главная причина проблем человека заключается в том, что он воспринимает мир, как поле боя, где сталкиваются полярности, и «Интенсив» решает эту проблему путем преодоления их разделенности, а не выбором в пользу одной из них.

Контактирование двух людей в диадах смогло воплотить в жизнь произнесенные много лет назад слова Лона: «Когда два сознания противостоят одному подсознанию, становится возможным проникнуть в самую суть существа». Цель «Интенсива» — создать баланс между индивидуумом и группой, и задача Мастера — привести участников к гармонии для достижения этого баланса. Также срабатывает объединение эффектов двух базовых процессов, которые опустошают сознание, — медитации и коммуникации. Медитируя, человек стремительно раскапывает и восстанавливает неизвестное, а общаясь, выражает невысказанное, подавленное и запретное.

Мне показалось, что лишь я, в отличие от остальных участников, смог уловить одну вещь — ключевую роль Мастера. Словно паук, он внимательно следит за чувствительной

паутиной «Интенсива» и реагирует на ее мелкие колебания, невидимые участникам, погруженным в их мир слащавых или горьких переживаний. Каждое слово Мастера, каждое его действие, физическое или эмоциональное, оставляет за собой видимые следы на текучей паутине «Интенсива Просветления». Он — начало и окончание «Интенсива». Халинг, несомненно, были истинным Мастером. Он зацепил меня исключительной гармонией интуиции и интеллектуального исследования, уже в среднем возрасте он приобрел мудрость пожилого человека, но при этом сохранил детский взгляд на мир и на людей в нем.

Ключевым моментом оказалось раскрытие чувств Мастером, случившееся по окончании третьего дня. Халинг бы его упустил, если бы начал призывать нас к разуму, говоря о ценностях просветления, так как в таком случае не сработали бы никакие доводы. Пытаясь открыться участникам, он должен был отыскать путь к самому центру наших существ, и этот путь, проложенный через собственный пример, привел нас к архетипам, инфантильным и мечтательным, самые простые проявления которых встречаются в сказках, наших криках и слезах... Ведь все это фокусируется на признаках альтернативной реальности, на неопишемом.

Погрузившись в самую сущность «Интенсива», я достал ответ на вопрос, который тревожил мою голову на протяжении очень долгого времени: «Почему Аватар, воплощение Бога, спускается на Землю и проявляется через человека?»

Потому что человечеству нужен универсальный божественный пример, всечеловеческий и всекосмический Учитель, Будда или Христос, который в определенный критический момент будет подгонять человеческую расу к абсолютной Истине. Это случилось на открытии «Интенсива», но в более малом масштабе.

По окончании Халинг правдиво отзывался о том, что «Интенсив» — исключительная возможность для Мастера столкнуться с самим собой, познать себя на более глубоком уровне и проникнуть в свои же корни. Он же и вынес самую большую пользу от этого «Интенсива». Я понял это на четвертый день, когда прогуливался по Лондону, но больше всего прояснилась моя судьба на Пути, словно высеченная острым ножом на коре дуба.

— Я не стал просветленным, — ответил я Младену, очнувшись от размышлений, — но нашел Путь, который всегда искал. Ничто не может сравниться по силе с «Интенсивом Просветления». Я сделаю все возможное, чтобы он оказался в нашей стране!

— Ты привезешь сюда Халинга собственной персоной?

— Нет, — сказал я, словно давая клятву, — я собираюсь пройти мастер-тренинг в Калифорнии и вести «Интенсив» сам.

Халинг проводил «Интенсив» один раз в году. Никто из тех, кто коснулся сердцем Истины, не мог ждать так долго. Перед началом «Интенсива» Бентли раздал нам визитки с адресом Халинга и сказал, что мы можем написать ему, если в этом возникнет необходимость. Я написал письмо в первый же день, как прибыл в Белград. В своем коротком письме я рассказал ему обо всем: что я понял «Интенсив» изнутри, что я осознал, через какие пытки он прошел, и что я благодарен ему за его откровенность. Я написал ему, что не могу ждать целый год следующего «Интенсива», и попросил дать мне адрес ашрама Йогендры в Санта-Барбаре.

Его ответ вначале встревожил меня и пробудил эмоции, возникшие по окончании «Интенсива».

Дорогой Боги,

Я рад, что ты хочешь продолжить заниматься «Интенсивом Просветления». Это единственный прямой Путь Истины после «Атма-вичары» Шри Рамана Махариши. Позволь заметить, что ты принял правильное решение. В то же время я сожалею, что ты не остался отпраздновать окончание «Интенсива». Я видел, в каком состоянии ты уходил, и хоть мое мнение полностью субъективно, я думаю, что стена, разделявшая тебя с прямым переживанием Истины, была не толще волоска на твоей голове. Трое, будучи в таком же состоянии, что и ты, испытали просветление во время празднования. Если бы ты остался, возможно, их было бы четверо...

Халинг оставил адрес и телефонный номер ашрама Йогендры в Калифорнии, а также и свой телефон и поинтересовался, знаю ли я людей в Югославии, желающих выступить против строительства атомных электростанций. Теперь его силы и время, главным образом, уходили на этот аспект действительности.

Бывшего сциоларга в Йогендре выдавали скорость, с которой я получил ответ на мое письмо, а также рекламные материалы «Анубавы», его организации. Все напоминало о Лоне, за исключением индийских имен сторонников Йогендры, возглавлявших «Интенсив»: Кали Шакти Ма, Ава Шакти Ма, Тара Деви и Арджуна. В ашраме трехдневный «Интенсив Просветления» проводился раз в месяц, и каждые три месяца некоторые из опытных Мастеров возглавляли четырнадцатидневный «Интенсив». На фотографиях были изображены счастливые лица людей на завершающей стадии «Интенсива», а также «истории успеха». За дальнейшей информацией я должен был обратиться к Арджуне, главному ассистенту Йогендры.

Его голос в телефонной трубке мне показался знакомым:

— Богдан, мы так счастливы, что ты желаешь приехать к нам... У тебя есть прозвище? Как мне обращаться к тебе, чтобы стать ближе?... Хорошо, Боги, приезжай, как можно скорее. Это изменит всю твою жизнь. За время пребывания ты можешь пройти трехдневный «Интенсив» и курс мастер-тренинга. И вот еще что, Боги... — мой невидимый собеседник сделал паузу, чтобы придать важности своим словам, — помни, что ЙОГЕНДРА здесь! Человек до тех пор не осознает значимость его присутствия, пока не переживет ее на собственном опыте.

Это, несомненно, была школа старины Лона Хибнера. Судя по тону, с каким Арджуна произносил ЙО-ГЕН-ДРА-А-А-А, можно было предположить, что я опять встречу с существом, самопожертвование и мудрость которого будут играть ключевую роль в спасении человечества. По этому поводу стоило держать ухо востро, однако возможность вернуться из Калифорнии в чине Мастера делала меня непреклонным. Мне нужно было заработать денег на билет до Санта-Барбары, курсы, проживание и питание в ашраме, и заканчивать с этой работой. Не было никаких сомнений по поводу того, стану ли я просветленным, — об этом я знал наверняка.

В маленьком аэропорту Санта-Барбары, в стороне от группы шумных мексиканцев, меня дождалась девушка крепкого телосложения, с веснушками и маленькой спортивной грудью, держа в руках кусок бумаги с моим именем. Она покачала головой и вперила в меня свой пристальный взгляд, который мне отлично запомнился с «церкви» сциоларгии, после чего резким голосом сказала: «Боги, я так рада... Не каждый день у нас бывают гости из Югославии. Я Тара Шакти Ма. Машина ждет на улице».

Пока она говорила, я заметил скобы у нее во рту. На девушке было длинное черное платье из тонкого хлопка и сандалии на платформе с мягкими шнурками, а на шее и руках покачивались разноцветные жемчужные нити и браслеты из тонкой меди. Еще на шее висел на тонком черном ремешке медальон с фотографией Йогендры в маленькой круглой рамке.

Она вела машину уверенно, совершая быстрые и в то же время мягкие движения, и рассказывала о своей безграничной любви к Йогендре.

— Йогендра в ашраме?

— Конечно. Он всегда там. Но никому не разрешается говорить с ним во время сатсанга. Другим посетителям запрещено приближаться к нему.

— Я не собираюсь беспокоить его. Просто хотел узнать, смогу ли я увидеться с человеком, создавшим «Интенсив Просветления».

— Я понимаю... Многие хотят встретиться с ним. Он излучает столько любви к людям... ко всему человечеству. Он из-

менил жизни всем нам, кому посчастливилось оказаться с ним рядом. Мы зовем его Бапуджи. Это слово, как сама любовь.

Я молчал. Я уже был сыт такими историями и не испытывал необходимости ввязываться в дискуссию. Мое внимание занимал пейзаж. Санта-Барбара мне показался приятным городом, построенным в стиле мексиканской архитектуры. Низкие здания с белыми стенами, красные черепичные крыши и обилие пышной растительности. Мы промчались мимо гавани, уставленной многочисленными парусными судами, моторными лодками и яхтами.

— Мы на главной улице, — сказала Тара, съезжая с дороги, полукольцом охватившей гавань.

— По моим прикидкам, в Санта-Барбаре около сотни различных религиозных сообществ. Большая часть храмов расположена на главной улице. Дальше на холме, недалеко от нашего ашрама, находится дзенский храм, а сразу же позади него — храм недавно умершего Свами Йогананды. Читал что-нибудь из его книг?

— Лишь автобиографию. А Йогендра написал что-нибудь?

— Нет, его беседы записаны на аудиокассетах. Впрочем, пятнадцать лет назад он написал *«Путеводитель по послесмертным состояниям сознания»*. Это современная версия Тибетской книги мертвых. Этот буклет из пятидесяти страниц представляет огромную ценность. Он прояснил все непонятные моменты оригинальной версии... А вот мы и в нашем ашраме. Прекрасен, не так ли?

Здания стояли по обе стороны дороги, автостоянка располагалась прямо в центре, где находилось всего несколько легковых машин и фургонов. Слева я увидел баскетбольную площадку, рядом с которой расположился большой бассейн. Рядом с ним стояло красивое дощатое здание с табличками «Регистратура» и «Библиотека», висевшими друг над другом. Тара показала на несколько маленьких барачков из темного дерева, стоящих по правую сторону от дороги, и сказала:

— Это наши спальные корпуса и рабочие помещения. — Она остановила машину перед регистратурой, и к нам навстречу вышло несколько молодых мужчин и женщин, словно ожидавших нас. — Они любопытны. Им всегда нравится видеть новых людей, приезжающих в ашрам. Забирай свои вещи и подожди Арджуну в регистратуре. У него есть разговор к тебе.

В регистратуре, кивнув выбритой головой, меня встретила молодая изящная женщина и предложила присесть на плетеный стул. Над ее головой, прямо посередине стены, висел большой полтрет улыбающегося Йогендры. У него была длинная густая борода и длинные волосы. На стеклянном стенде располагались рекламные материалы «Интенсива Просветления» и маленькие фотографии Йогендры с прикрепленными расценками. В углу стояли двое молодых людей, одетых в черные хлопковые мантии, похожие на те, что носили священники, и расставляли карточные каталоги. Большой потолочный вентилятор медленно вращал лопастями, сохраняя в комнате приятную прохладу, удачно контрастировавшую с теплым воздухом, идущим с улицы. Высокий мужчина, которому на вид было около тридцати пяти, торопливо вошел внутрь. У него была маленькая голова, сильно редующие слабые волосы, мелкие черты лица и острый нос. Его можно было бы отнести к «яйцеголовым» уродам, если бы не голубые глаза и пронзительный взгляд. Он подошел ко мне и протянул руку:

- Добро пожаловать, Боги. Мы ждали тебя. Как добрался?
- Отлично. Немного устал, хотелось бы вздремнуть.
- Да, конечно. Я покажу тебе спальный корпус. Пошли со мной.

Он взял одну из моих сумок и стремительно двинулся вперед. В общей спальне размещалось десять кроватей, несколько из них уже были заняты. Арджуна положил сумку на кровать, расположенную в углу, вдали от окна и входной двери.

— Позволь мне рассказать тебе кое о чем, — сказал он, усевшись тут же на мою кровать. — Жилье здесь дешевое, суточное проживание и питание обходится в один доллар. В регистратуре можно позднее заплатить за любое количество дней, какое ты только пожелаешь. Проживая у нас, ты имеешь скидку в двадцать пять процентов на любые курсы и «Интенсивы» в ашраме. Если я не ошибаюсь, ты хотел пройти трехдневный «Интенсив», четырнадцатидневный «Интенсив» и мастер-курс? Сделать всю важную работу за раз?

— Именно.

— Есть небольшая проблемка. Произошло изменение в расписании курсов. Мастер-курс и трехдневный «Интенсив» начинаются с завтрашнего дня... мы поставили их таким образом,

чтобы участники мастер-курса смогли побывать на «Интенсиве» и получить немного опыта. Я советую тебе записаться на мастер-курс. Не упускай этого шанса, курс проводится лишь раз в году.

— Нет, я сначала хочу достичь просветления, а уж затем все остальное.

— Я понимаю. Но вот что я тебе скажу. — Он взглянул на меня своими пронзительными голубыми глазами: — Как Мастер, ты принесешь людям много пользы. Нет ничего лучше, чем вести людей к прямому переживанию Истины. Истина нет цены.

— Согласен. Я это понял с того самого момента, когда на моих глазах человек стал просветленным. Но мне нужно самому пережить это, чтобы по праву заявлять людям о его ценности.

— Это можно устроить. Сразу после мастер-курса начинается четырнадцатидневный «Интенсив». Скорее всего, ты достигнешь просветления именно там. Ты вернешься в Югославию просветленным Мастером.

Я немного поразмышлял.

— А ты гарантируешь мне, что на четырнадцатидневном курсе я достигну просветления?

Арджуна озадаченно поморгал и, помедлив, ответил:

— Честно говоря, никто не может дать тебе таких гарантий. Переживание Истины в руках Божьих, но при более длительном «Интенсиве Просветления» у тебя куда больше шансов его испытать.

— Тогда я не согласен, Арджуна.

По его лицу прошла тень разочарования. Он был уверен, что сможет меня уговорить. Трехдневный «Интенсив Просветления» стоил сто долларов, мастер-курс — пятьсот, но, как мне показалось, его волновали не деньги. Он хотел заполучить еще одного Мастера в Европе, чтобы расширить сферу влияния системы Йогендры. Халинг был единственным, кто проводил «Интенсивы» раз в год в этой части мира.

— Хорошо, я понимаю. Знай, что глубоко внутри я ценю твой выбор, так как он достоин уважения, однако считаю, что ты совершаешь ошибку. Пообещай мне одну вещь. Когда отдохнешь, послушай кое-какие записи с мастер-курса. Они были сделаны с живого курса, который проводился в прошлом году.

Ты услышишь голос Йогендры, вопросы участников и его ответы. В тех словах ты почувствуешь его истинное существо. Обещаешь?

— Я послушаю записи, но не собираюсь записываться на мастер-курс, пока не пойму, кто я такой!

Арджуна кивнул головой и улыбнулся. Пожав мне руку, он сказал:

— Свяжись со мной, как прослушаешь несколько пленок. Думаю, ты запоешь потом по-другому.

Пару часов я никак не мог заснуть. Тонкие занавески на окнах пропускали большую часть света. Люди входили и выходили из спальни. Я слышал чей-то голос на улице, кто-то плескался в бассейне, кто-то радостно хихикал. Это было похоже на некий союз духовного ашрама и западного образа жизни. Не было ни железной дисциплины, ни предельно серьезных лиц, ни историй о смертном бое между силами добра и зла. Я был утомлен, но поспать мне, видно, было не суждено. Тем более что я бы мог провести эти часы с большей пользой. Перед началом «Интенсива» оставалось совсем немного времени.

В углу библиотеки стоял рабочий стол, за которым прослушивали аудиозаписи. Стенки были заставлены стопками книг, в зале царила спокойная и отрешенная от мирской суеты атмосфера. Маленькая женщина с бритой головой принесла мне узкую пластиковую коробку с коллекцией кассет и, выделяя каждое слово, сказала: «Пожалуйста, будьте с ними осторожны». Я прочел надпись на наклейке первой кассеты «*Как стать Мастером*», надел наушники и включил магнитофон.

Запись была плохого качества, а голос Йогендры — приглушенным, но его английский звучал лучше и четче, чем у большинства людей, которых мне приходилось слушать, по языку он походил больше на англичанина, нежели на американца. Было слышно, как в момент выступления он перелистывал записи и глубоко дышал, и как кто-то кашлял в зале.

«Многие из вас задаются вопросом, как же стать Мастером. Боюсь, что многие будут удивлены уже в самом начале. Дело в том, что вы переносите ваши жизненные привычки и мнения из повседневной жизни в мир духовного общества, такого как „Интенсив Просветления“, который представляет собой совершенно иной мир. Там и здесь применяются разные

законы и правила игры, — во время возникшей длинной паузы были слышны движения еще не успокоившейся аудитории и дыхание Йогендры. — В повседневной жизни вы учитесь в университете, чтобы стать врачом. Вы получаете диплом, после чего считаете себя врачом... того же мнения и ваше окружение. Они обращаются к вам, как к „врачу“. В других областях происходит то же самое, люди ждут, пока кто-то, находящийся над ними, не даст им разрешения или не наделит их властью для выполнения каких-то определенных функций... В духовном мире все не так. На вопрос, как стать Мастером, есть всего один ответ — **будь Мастером**. Все просто, будь Мастером, и все встанет на свои места...»

Я должен был удивиться этим словам, но со мной этого не произошло. Слова проникали в меня безо всякого сопротивления, как рука, легко проскальзывающая в шитую на заказ перчатку.

«Представьте себе фотографа, отождествляющегося со своей работой, — продолжил Йогендра, членораздельно произнося слова. — Представьте, что в поездке он теряет фотокамеру, пленку, фотографии... все, что он вез с собой. Разве он перестанет считать себя фотографом? Конечно же, нет! И все те, кто знает его, также будут считать его фотографом. А тот, кто не является настоящим фотографом и лишь пытается им стать, потеряв вещи, будет полагать, что все кончено, он не будет чувствовать себя фотографом без внешних атрибутов профессии... Но разве борода, вельветовые брюки, перепачканные краской руки и мастерская делают из человека художника? Нет, человек художником делает чувство, что он — художник, и хоть все его имущество сгорит дотла, он все равно будет художником».

От затянувшейся паузы создалось ощущение, что в этом месте ленты слова были просто вырезаны, и затем Йогендра продолжил: «На этом курсе я обучу вас техническим моментам: каким языком нужно говорить, как выбирать ассистентов, инструменты, которые привлекут участников тренингов на „Интенсив“, почему необходимо давать участникам огромные дозы витаминов — здесь бывают самые встречающиеся ошибки Мастеров. Я расскажу вам, как избежать их, как обучить участников техникам „Интенсива Просветления“, а также упомяну про характерные ошибки самих участников... но...

но... — Йогендра снова взял паузу. Очевидно, он был мастером драматизации, он знал, как создать напряжение за счет пауз в речи. Он перешел на пронзительный, резонирующий голос, словно делал выводы, представляющие чрезвычайную важность для судьбы аудитории: — Если вы не Мастер, то никто на всем белом свете не сможет сделать из вас его. Некоторые из вас, возможно, никогда мастерами и не станут... **А некоторые — уже Мастера!**»

Мое дыхание участилось, и энергия рванула из рук к голове. Мне ни к чему было слушать его дальше, я и так знал все то, о чем он будет говорить. Он стал говорить тише, и его слова начали звучать так, будто доносились с далекого холма. Ни к чему было слушать все остальные записи. Мне нужно было лишь дослушать до конца эту первую кассету, поскольку сам вопрос был ясен. Внимание нырнуло куда-то вглубь, и у меня перед глазами начали проноситься образы далекого прошлого. Я увидел группу мужчин и женщин в белой одежде, разбившихся по парам, я понимал, что проходил какой-то «Интенсив». Я не видел себя среди них, но чувствовал, что сижу в чем-то, напоминающем кресло Мастера. Да, вот оно! Йогендра не создавал «Интенсив», он вспомнил и перенес его в наше время, его слова пробудили во мне воспоминания. Словно свечой зажгли другую свечу. Я положил кассету на место, выключил магнитофон и передал коробку с кассетами обратно женщине с выбранной головой. Она удивленно посмотрела на меня, но я не сказал ей ни слова. Мне хотелось прогуляться или поплавать в бассейне, чтобы размять тело, ставшее каким-то размягченным и податливым, как тесто.

У регистратуры Арджуна общался со стройненькой блондинкой, которая, вроде бы уставившись на него, говорила спокойным и неторопливым голосом. Арджуна жестом подозвал меня и сказал:

— Это Кали Шакти Ма. Она будет Учителем на твоём трехдневном «Интенсиве».

Я протянул ей руку, но она улыбнулась и прислонила свои руки к груди, как это делают в молитве, и извиняющимся тоном произнесла:

— Я не должна касаться мужчины. Я дала обет.
Арджуна внимательно посмотрел на меня.

— Начал слушать записи Йогендры?

— Уже закончил. — Он сморщил лоб и несколько раз моргнул. — Я прослушал первую кассету, и мне незачем слушать остальные. **Я Мастер!**

Арджуна переместил свой озадаченный взгляд с меня на молодую женщину, которая сказала:

— Мне нужно идти, — и, повернувшись ко мне, добавила: — увидимся завтра вечером на «Интенсиве». Хорошо отдохни, он будет напряженным.

Арджуна, несомненно, рассказал ей о нашем с ним разговоре, и она знала, что я не собирался записываться на мастер-курс.

Арджуна показал мне на деревянную скамейку под большим деревом с широкими свисающими ветвями, похожим на плачущую иву.

— Давай присядем. Я хотел бы поговорить кое о чем. — Он огляделся. Несколько молодых мужчин и женщин за окном плескали друг на друга водой в бассейне. Молодой человек в черной мантии и с длинной бородой сидел с закрытыми глазами на плоском камне рядом с серным источником и медитировал. С холма доносились крики птиц.

— Я не вправе обесценивать твоё мнение... знаешь, что означает эта фраза?

— Обесценивать? Конечно. Я несколько месяцев провел со сциоларгами. Йогендра пил из той же чаши.

— Это так? Знаешь, у каждого есть право на мнение, каким бы оно ни было. Ты вправе полагать, что достаточно всего лишь прослушать одну кассету Йогендры, чтобы прийти к выводу, что тебе все понятно, и что ты — Мастер. Я не хочу разочаровывать тебя, но в моих обязанностях предупредить тебя: я повидал много людей, которые так же заявляли о себе, как о Мастерах, без специализированного на то тренинга. Тем не менее, для них позднее наступали очень-очень тяжелые времена. Признаюсь, что ты — первый, кто пришел к такому выводу, прослушав лишь вступительную запись.

— Люди — разные.

— Возможно, ты изменишь свою точку зрения после четырнадцатидневного «Интенсива».

Это был не вопрос, это было утверждение.

— Нет. Я распрощался с мыслью о втором «Интенсиве». После трехдневного «Интенсива» я поеду домой, чтобы вести свои собственные «Интенсивы».

Он моргнул.

— Я думаю, что ты совершишь огромную ошибку. Четырнадцатидневный «Интенсив» — самая сильная духовная техника на всей планете. Ты избавишься от многих духовных масс и загрязнений. Поверь мне, я перепробовал многое и знаю, о чем говорю, «Длинный Интенсив» в корне изменил мою жизнь.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, Арджуна, но я не хочу ждать. Я останусь здесь только в том случае, если не достигну просветления на трехдневном «Интенсиве». Если просветление придет, то сразу же отправлюсь домой. Люди здесь дружелюбные, атмосфера мне нравится... Когда-нибудь я вернусь сюда.

— Возможно, ты переменишь свою точку зрения на трехдневном «Интенсиве». Будь открыт такой возможности.

— Конечно. Да я всему открыт. — Я чувствовал себя легко и уверенно, как никогда, я шел на всех парусах: — Я знаю, что я Мастер, и что всегда им был. Мне хватило лишь пары слов Йогендры, чтобы осознать этот факт, и я ему очень признателен. В любом случае вопрос теперь закрыт. — Если бы я попытался объяснить свои чувства Арджуне, то, положа руку на сердце, повторил бы слова одного индийского вождя: «Брат, мое сердце поет».

От сна меня пробудил звуковой сигнал. Молодой человек с выбранной головой, что-то читавший на соседней кровати, быстро вскочил и, надевая свои апостольские сандалии, вскользь сказал:

— Пора обедать.

Столовой оказался длинный деревянный дом с непокрытыми столами и лавками из неструганых досок. В конце комнаты стоял стол из темного резного дерева, покрытый белой льняной скатертью. На нем стояла картонная табличка с надписью: «Забронировано за Гуру и его семьей».

Я получил полную тарелку овсянки и банан. Овсянка оказалась вкуснее, чем выглядела. От утомления я ел медленно, не ощущая при этом голода. Мне было трудно не сомкнуть глаз. За столом сидело около тридцати, в основном молодых, людей, которые ели в тишине. Высокий молодой человек, стоящий у двери, глубоким сильным голосом объявил:

— Сад-гуру прибыл! Сад-гуру прибыл! Сад-гуру прибыл! Всем встать!

Йогендрой оказался маленький и изящно сложенный мужчина. Его лицо обрамляла длинная борода с редкой проседью, а на плечах лежали волосы. На нем была желто-оранжевая мантия саньясина и японские соломенные сандалии. Он осмотрел комнату, молча кивнул головой и жестом руки велел нам садиться. Во мне переплетались два противоречащих друг другу ощущения. Он был необычайно мал и казался непривлекательным, и все же я не был удивлен его внешним видом. После фотографий в регистратуре я ожидал увидеть какого-то гиганта, тем не менее, верно изображены были лишь его ясные голубые глаза.

Итак, этот человек создал «Интенсив Просветления», систему, которой не было равных на всей планете. Наблюдая за ним, я окончательно пробудился, и у еды появился более приятный вкус. Рядом с ним сидела высокая семнадцатилетняя или восемнадцатилетняя девушка с розовым лицом.

— Дочь Йогендры? — спросил я старика с аскетическим лицом и телом, обедавшего рядом со мной.

Он кивнул головой и улыбнулся:

— У него их четыре. Странно, но ни одна из них не заинтересована в «Интенсиве». Многие бы отдали все что угодно, лишь бы оказаться на их месте. Я не знаю об остальных трех, но Шарлин, — он кивнул столу Йогендры, — сходит с ума по компьютерам. Вот такие дела.

— Ты участвуешь в «Интенсиве»?

— Завтрашнем? Нет, я провожу их время от времени. Ты новенький здесь?

— Я прибыл сегодня.

— Сатсанг начнется через полчаса. Постарайся не пропустить его. Я Галуша, Майя Галуша. А ты?

— Друзья зовут меня Боги. Скажи, а как долго ты уже проводишь «Интенсивы»?

— Некоторое время. Я был первым Мастером «Интенсива», сразу после Йогендры... На протяжении тринадцати или четырнадцати лет мы работали вместе с ним в сциоларгии.

— Так долго? Я ушел через полгода.

— Тогда процесс разложения только начинался. Теперь все они глубоко вляпались.

— Отлично сказано. Знал Лона Хибнера?

— Даже слишком хорошо. Хочу сказать, что он обокрал меня точно так же, как и многих других.

Я с интересом взглянул на него, и он продолжил:

— Он обокрал Йогендру, Джека Хорнера, Джона Макаллистера... потребуется время, чтобы всех их перечислить. Встречал комментарий в его книгах — отложить в сторону чтение текста при появлении непонятого слова? Эта формула прекрасно подходит для педагогики и психологии, но в его организации никто не хотел признавать, что важность непонятого слова открыл Йогендра, а Лон Хибнер лишь бесстыдно присвоил осознание этого себе.

— Тем не менее, его жизненная история невероятна. Он основал сциоларгию, когда ему было сорок, когда он был всего лишь рядовым сочинителем каких-то бульварных романов; он создал настоящее королевство, основанное на его методах духовного развития.

— Ты прав. Он — гений, и не только в воровстве.

Я не решался спросить, как же старина Лон ободрал его, так как наш с ним разговор начал походить на болтовню, однако не смог удержаться:

— Что с тобой случилось?

Майк примирительно улыбнулся:

— Ну, это долгая история. Видишь ли, мы с Милли, моей женой, были в числе самых старых ассистентов Лона. На самом рассвете сциоларгии он заявлял о том, что являлся воплощением Гаутамы Будды, что, конечно же, не могло не веселить. Но он вел себя так. Однажды он попросил Милли провести ему процессинг. Она была сильно напугана, Лон почувствовал это и начал оскорблять ее с самого начала сессии. Он указывал на ее тупость, говорил ей, что она только и может, что чистить ему ботинки, что не способна процессировать его, и все в таком духе. После часа или двух таких унижений она заплакала и остановила сессию. Она пришла ко мне и пожаловалась. Что я мог сказать?.. Как хорошо ты знаешь кодекс процессора в сциоларгии? Процессор обязан процессировать клиента несмотря на его иррациональные действия, так как они являются выражениями его реактивного ума. Я ей это и сказал. На следующий день она пошла на очередную сессию, где он вел себя таким же образом.

Ну, Милли выучила урок и не позволила ему спровоцировать разделение ее личности и ее профессиональной роли Процессора. Лон продолжал унижать ее всеми возможными способами, и в один момент она воодушевленно спросила его: «Как я могу тебе помочь?» Он продолжал ругаться, но она повторяла этот вопрос десять, двадцать, сто раз, медленно погружая его в процесс. Через полчаса такого вопрошания у Лона случился самый сильный инсайт в его жизни. Он обнял ее и поцеловал. Милли, необыкновенно взволнованная, пришла домой. — Он помолчал, качнув головой, словно отгоняя воспоминание. — Так вот... На следующий день мы отправились в сциоларгический центр, что в Балтиморе. Там царил праздничная атмосфера. Люди обнимались, пели, открывали бутылки с шампанским. «Что случилось?» — спросил я. «Разве ты не знаешь? — спросили они. — Старина Лон создал новую процедуру, „Процедуру Помощи“. Метод так же эффективен, как и прост. Он заключается в повторении процессором одного вопроса — „Как я могу помочь тебе?“»

Майк тихо, но в то же время безобидно засмеялся. Такие чувства мог выражать человек, который многое повидал в жизни и понимал, что она из себя представляет.

— Нам нужно идти, а то мы опоздаем на сатсанг, — добавил он.

Пол огромного зала был устлан хлопковым ковром ручной работы. Стульев не было, так что люди сидели прямо на полу. На одной половине расположились одни женщины, на другой — одни мужчины. Майк уселся на пол и в позе лотоса легко скрестил свои тощие ноги, пока я усаживался рядом с ним. С холма шел свежий холодный воздух, который перемешивался с дымом от сандаловых и ладанных палочек, воткнутых в песок, которым были наполнены керамические тарелки. Трое мужчин и одна женщина играли на каких-то незнакомых мне восточных инструментах. Музыка затихла, но меланхолия, навеянная ее непривычными тонами и плавно сменяющимися друг друга звуками, долгое время продолжала плавать в зале, потому что эти мелодичные звуки оставались в памяти и, то сливаясь, то отделяясь друг от друга, пробуждали воспоминания далекого прошлого, образы недолгих встреч и горечь расставаний.

— Давайте споем, — сказал Арджуна. Все в зале, кроме меня, знали слова песни и мелодично запели. Многократно повторяемые припевы песни долго звучали на санскрите. К сожалению, у меня под рукой не оказалось ни бумаги, ни карандаша, чтобы записать ее слова. Молодая женщина с веснушчатым лицом и шеей, зелеными глазами и длинными темно-рыжими волосами сильным голосом возглавляла хор, в то время как остальные тихо ей подпевали. Ее голос нельзя было назвать чистым, но она пела легко, спонтанно, от самого сердца, и в ее пении чувствовалась настоящая яркая красота. У нее был высокий и в то же время глубокий женственный голос, в котором неразрывно связанная любовь взывала к до сих пор не известному возлюбленному, скорбя по заблудившемуся ребенку, вся разбитая и охрипшая, разрывающаяся между бесконечным отчаянием и жаждой далекой истины... Или, по крайней мере, мне так показалось, поскольку я начал спонтанно открываться и песне, и всему своему окружению перед приближающимся «Интенсивом», распахнув сердце сильным ощущениям.

Когда вибрации песни окончательно затихли, рыжеволосая женщина встала и обратилась ко всем:

— Давай встанем. Сад-гуру прибыл.

У входа, окруженный тремя молодыми людьми, стоял Йогендра. Он решил не входить в зал прежде, чем закончится песня, чтобы не прерывать ее. Он неспешно подошел к маленькому деревянному подиуму с плетеным стулом и двумя букетами цветов. Двое молодых людей из окружения бросали на него щепотки риса, монотонно и тихо припевая: «Сад-гуру прибыл, Сад-гуру прибыл, Сад-гуру прибыл».

Йогендра осматривал людей в зале и, задержав на мне свой взгляд, дружелюбно кивнул.

— Благослови вас всех Бог, — сказал он необычно низким для такого маленького тела голосом. — Какие у вас есть вопросы на сегодняшний вечер?

Руку подняла сорокалетняя женщина, прикрывшая свою выбритую голову тонким шелковым шарфом, и по кивку Йогендры задала свой вопрос:

— Мне приснился один сон, который, как мне показалось, является важным не только для меня. Во сне я слышала один голос, который говорил мне: «В основании черепа находится

зеленая энергия...» Сегодня я долго размышляла над этой фразой, но так и не смогла уловить ее смысл. Я хотела бы услышать ваши комментарии.

Было много вопросов о наиболее подходящем ритме дыхания, чакрах, астральной проекции, о связи между ментальным и каузальным телами... То приятное впечатление, что оставила после себя песня в самом начале, начало сходить на нет. Ответы на большинство вопросов можно было легко отыскать во многих книгах, или же сами задающие были настолько несерьезны, что создавалось впечатление, что они спрашивали мудрого папу о том, как им дальше жить. Меня разочаровали и ответы Йогендры. На все эти вопросы был всего один ответ — решайте сами, что вы должны делать, — но напрямую такой ответ не слетел с его губ. А ученики Йогендры, казалось, выжидали из себя вопросы, чтобы придать сатсангу смысл.

— Еще есть вопросы? — спросил Йогандра, словно произносил эти слова под занавес какого-то уже затянувшегося выступления. Десять, пятнадцать секунд вопросов не поступало. Я поднял руку. Йогендра не был этому удивлен. Он мне кивнул.

— У меня одна проблема, которая преследует меня всю жизнь с самой юности, — сказал я, подбирая нужные слова.

— Все серьезные проблемы преследуют нас с раннего возраста.

— Это мое отношение к сексу. — Я немного поразмыслил над тем, какими словами лучше выразить свою мысль, и насколько открытым можно быть на таком сатсанге. — Я не знаю, как мне выразиться...

Йогендра вежливо и в то же время решительно прервал меня:

— Выражайся как можно проще.

— Хорошо. У меня хорошая жена и двое детей, есть все шансы на счастливую семью. Тем не менее, я не могу контролировать свое сексуальное влечение. Я много раз изменял своей жене, обещал ей, что это в последний раз, но через какое-то время все снова повторялось... Это унижает меня, такое отношение идет вразрез с духовным развитием. Однако... это сильнее меня.

Наступило продолжительное молчание. Где-то далеко на холме был слышен собачий лай. Похоже, я задал неуместный

вопрос в таком месте, и как это отразится на моем участии на «Интенсиве»? Своим ответом Йогендра расправился с моим провокационным настроением и в то же время смутил меня:

— Тебе нужно стать лучшим охотником на оленей во всем мире.

Я быстро заморгал глазами, а несколько людей понимающе улыбнулись. Они поняли смысл, который хотел донести Йогендра.

— Ты не знаешь историю про лучшего охотника на оленей?

— Нет, — ответил я.

— Боюсь, некоторые в этом зале уже не один раз слышат эту историю. Тем не менее, такая проблема, как у тебя, встречается у многих. Продолжай расти дальше и в то же время старайся изо всех сил сдерживать себя. Через некоторое время проблема уйдет сама собой, духовное развитие и такое поведение не могут существовать в одно и то же время. Работа над духовной целью похожа на стремительную реку, которая медленно, но неумолимо засасывает все остальные отношения, пока в конце все не будет подчиняться одной цели... Итак, эта нравоучительная история начинается следующим образом. Великий бог Брахма однажды прогуливался по земле в воплощении путешественника, наблюдая за тем, что делают люди. На поляне он увидел человека, практикующегося в стрельбе из лука. Он практиковался очень усердно на протяжении всего дня, и, наконец, Брахма подошел к нему и спросил: «Скажи мне, добрый человек, почему ты так упорно практикуешься?» Мужчина ответил ему, что он стал самым лучшим охотником на оленей и что его единственная цель в жизни — не позволить кому-либо превзойти его в мастерстве. «Откуда ты знаешь, что ты самый лучший?» — спросил его Брахма. «Об этом не может быть и речи, — ответил человек. — Я единственный в мире, кто убил трех оленей одной стрелой. Я ждал, пока они выстроятся в ряд, в затем выпустил стрелу. Пронзив двух оленей, она осталась в третьем. Никому до меня не удавалось так выстрелить».

Йогендра медленно покачивал головой, словно отождествился с Брахмой, в поиске подходящего ответа для великого охотника. «Ты не лучший, — сказал Брахма. — Для того, чтобы стать лучшим, тебе надо убить все стадо оленей одной стре-

лой». — «Это невозможно!» — пожаловался охотник. «Конечно, возможно. Я Брахма, и я научу тебя этому».

Йогендра хорошо держался на сцене, легко переключаясь с личности одного персонажа на другого. Когда он выступал в роли охотника, его голос становился молодым и наивным. Будучи в роли Брахмы, он говорил низким утробным тоном, его голос звучал сильнее и проникновеннее, будто доносился откуда-то издалека, заполняя собой все пространство. После небольшого перерыва он продолжил:

— Брахма снял с себя одежду странника и озарил охотника светом своей божественной природы. «Научи же меня, — сказал человек. — Я сделаю все что угодно, чтобы стать лучшим охотником на свете. Все!» — «Тебе не нужно практиковаться в стрельбе из лука, чтобы достичь этого, — сказал Брахма, — тебе нужно медитировать. Отправляйся в пещеру и все время медитируй там, прерываясь лишь на сон, местные жители будут оставлять у входа еду и питье. Через некоторое время ты действительно станешь лучшим охотником на оленей на всем белом свете. Одной стрелой ты сможешь поразить целое стадо оленей».

Не раздумывая, охотник вошел в пещеру и начал медитировать. Брахма забыл о нем, ну знаете, боги иногда бывают забывчивыми; и спустя тридцать лет, проходя мимо того же места, он вспомнил, чего просил охотник на оленей. Он подошел ко входу в пещеру и в полутьме увидел мужчину, медитирующего с закрытыми глазами. «Привет, вставай, вставай, — сказал Брахма. — Ты медитировал тридцать лет. Вот твой лук и стрела, иди на охоту, ты самый лучший охотник на оленей на всем белом свете. Тебе нет равных в этом мире». Изнутри донесся слабый шепот. «Какой лук? Какая стрела? Какой охотник на оленей? Я хочу лишь Истины». Йогендра сделал небольшую паузу и затем сказал:

— Поучительная история, не правда ли, и для многих из нас утешительная. Если мы отдадим всего себя высшей цели, то со временем все встанет на свои места.

Я долго не мог заснуть. Лежа в кровати, размышлял над тем, почему я раньше не слышал этой истории. Я знал сотни историй — оккультных, мистических, суфийских, дзенских и чанских, и, тем не менее, эта история смогла легко и непринужденно

успокоить меня. Странно, как такие самые простые средства выражения, как рассказы, легенды и мифы, пробуждают в нас ребенка и толкают на реализацию наших целей с куда большей силой, чем четко сформулированные дискуссии, логические доводы и цитаты. Поэтому-то их и использовали опытные мастера, начиная с Будды и Христа и заканчивая современными Учителями.

Лежа в темноте, я впервые в жизни осознал, что могу понимать механизм, по которому устроены традиционные рассказы. Такие истории, несомненно, пробуждают в голове метафоры. Рассказчик с самого начала погружает слушателя в определенную ситуацию, либо критическую, либо наполненную иным эмоциональным зарядом. История правдиво описывает кризисную обстановку. Доводя кризис до кульминации, рассказчик резко поворачивает сюжет так, что он наталкивает на решение проблемы. Рассказчик работает не на уровне интеллекта слушателя, на который уже повлияли многочисленные книги и энциклопедии, он работает на подсознательном уровне, представляющем собой гробницу времени, в которой захоронены бесконечные поколения переживаний, архетипов и несвободных, сцепленных с образами энергий. Они томятся там в замороженном виде до тех пор, пока искатель на Пути не наткнется на них и не воскресит остановленное время. И тогда открываются невероятные сокровища, погребенные переживания поднимают головы, архетипы пробуждаются ото сна, а подавленные энергии вырываются на поверхность... И каждый из нас становится большим ребенком, умоляющим вернуть его на свою духовную родину, которая манит блаженством, когда-то подаренным ему и теплой коленкой матери, и надежной покровительственной рукой отца. Погружаясь в сон, я понял, что начал жить с этой новой философией, и что завтра мне придется испытать эту философию на «Интенсиве».

Походкой Халинга Кали вошла в зал для «Интенсива». Она представила двух своих ассистентов: Сати, худую сорокалетнюю афроамериканку, походившую на иссохшую старую деву, и Сучи, тридцатилетнего американца с озорным лицом и серьгой в левом ухе. Вступительная речь почти ничем не отличалась от речи Халинга, она приводила те же примеры, делала те же паузы в речи, точно так же оглядывала участников, словно была его сестрой-близнецом.

Несколько раз подряд Кали объяснила нам технику «Интенсива», подойдя к ней с разных сторон, и сделала несколько дополнительных усилий, чтобы убедить нас в возможности испытать просветление за три дня при условии полного погружения в «Интенсив».

— Это возможно, — сказала она, уверенно подтвердив свои слова всем телом. — Тысячи достигли просветления, и каждому из вас это под силу. — В важные моменты своей речи она сжимала перед грудью правую руку в кулак, как будто готовилась нанести удар невидимому врагу. — Я не прошу от вас невозможного. Просто используйте это время самым наилучшим образом... Есть вопросы?

Во время первых утренних диад мне было сложно не смыкать глаз, и когда я закрыл их во время пятиминутной медитации, то погрузился в туманный полусон. Я пожалел, что не приехал сюда несколькими днями ранее, чтобы привыкнуть к разнице часовых поясов. Сожалеть было слишком поздно, я должен был просто терпеть. И я старался терпеть изо всех сил,

как никогда фокусируясь на том, что делал. Я был единственным, кто безошибочно выполнял техники просветления, словно являлся не участником, а Мастером, демонстрирующим их другим. Я мог четко видеть, как мои партнеры делали ошибки в выполнении техники, и был удивлен, что Кали и ее ассистенты не исправляли их. В основном, они поправляли участникам осанку, заставляя держать спины прямыми, и не позволяли им переключать внимание с партнеров на что-то другое, пока те размышляли или о чем-нибудь говорили.

Я работал над техникой до последнего: пытался испытать прямое переживание самого себя и был открыт всему, что возникало в сознании, и устно разделял все это по категориям — мысли, психические образы, чувства и физические ощущения. Некоторые из партнеров смотрели на меня с удивлением, я не был частью их философствований, прекрасных мыслей, умений и самокритики.

В первый день у меня вышло несколько переломных моментов, и вместо того, чтобы докладывать о них, я решил пройти их самостоятельно и не тратить времени на признания партнеру. В середине второго дня меня постепенно начала одолевать апатия. Мне было стыдно за свое хвастовство перед Арджуной, я все отчетливее осознавал, что мне придется остаться на четырнадцатидневный «Интенсив», поскольку на этом со мной просветления не произойдет.

Этот подонок хорошо знал обо всем, когда так тактично предупреждал меня. После каждой смены диад мне становилось все хуже и хуже, и ко второй половине дня мое равнодушие сменялось потерей самоконтроля. Бесчисленное количество раз я насмеялся над людьми, взывающими к святым или молящимся Богу в трудные моменты. Теперь же я поступал точно так же. Через зажмуренные глаза я посмотрел вверх и прокричал:

— Боже, помилуй! Созидательные силы космоса, помогите мне! Айваз, облегчи мое мучение! — В одной из крошечных частей моего сознания пробежала насмешка над моей собственной слабостью. Мое сознание снова наполнилось страданием. Затем мне показалось, что где-то далеко позади моих закрытых глаз в темноте с оранжевыми пятнами показалась голова Ламы. Он смотрел на меня с ужасающим хладнокровием. Он так сильно сжал губы, что их почти не было видно, вокруг угол-

ков его глаз прорисовывались крошечные морщинки, намекая на его нечеловечную улыбку, словно мои мольбы забавляли его холодное как лед одиночество. Эти ощущения длились недолго, после чего исчезли.

— Какой же я дурак, — сказал я партнеру. — Как только мне становится лучше, я начинаю хвастаться. Словно я уже настолько духовно повзрослел, что мне хватает прослушать всего одну кассету Йогендры, чтобы считать себя Мастером. Будто я тороплюсь домой, чтобы начать вести свои «Интенсивы». Мне всегда были противны хвастуны, и я — самый худший из них!

Мой партнер смотрел на меня глубоко понимающим взглядом. Из разговора с ним я выяснил, что он был евреем, и что он всегда хотел ощутить подлинную любовь и изменить свое имя: «Я хотел взять имя Лавджой¹. Мои родители, православные евреи, сурово отнеслись к этому. Я сделал их по-настоящему несчастными. Я думал о самоубийстве... Нашел даже пистолет, но мне не хватило сил сделать последний шаг. Я осознал свою никчемность, неготовность выполнить такое простое задание, как спустить курок. Каждый день многие люди поступают таким образом, а я не могу. Мне слабо сделать это».

Ему было около тридцати пяти. С его симметричными чертами лица, смуглой кожей и блестящими черными волосами он больше походил на итальянца, нежели на еврея.

«Женщина, с которой я живу, хочет выйти замуж, но я ее не люблю. Я хочу испытать любовь с прекрасной девушкой, а она... она не столько уродлива, сколько просто не возбуждает меня. Она мила, признаю, очень душевна, но она не то, чего хочет мое сердце... Как мне сказать ей, что я не люблю ее? Я уже причинил столько боли другим...»

В моем сознании пролетела мысль о том, сколько боли причинил другим я. Каким-то образом в нем было заключено несчастье тех людей. Затем что-то распороло меня изнутри, оставив глубокую дыру, через которую просочилась досадливость, заставив меня стонать от беспомощности. От хлынувших слез я на мгновение потерял из виду своего партнера. Сучи схватил меня за плечи и сильно потряс, пытаясь заставить меня открыть глаза, в то время как Кали пронзительно кричала мне в ухо:

---

¹ love — любовь, joy — радость (англ.).

— Удерживай внимание на партнере. Сейчас его очередь. Удерживай на нем внимание, ты меня слышишь?!

Это было бесполезно. Я окончательно потерял себя в охвативших меня сильных эмоциях. Я не рыдал, я выл. Раздался гонг. Люди неспешно начали подниматься на обед. Я остался в зале наедине с горем и ощущениями прохлады, вызванными слезами, высохавшими у меня на щеках.

Надаться было не на что. Исчезло все, остался лишь я, беззащитный перед своим страданием. Я сфокусировался на себе, несчастном от того, каким я был, и в этот же момент произошло чудо. Моя голова медленно поднялась вверх и откинулась назад, руки вытянулись вверх ладонями наружу, словно преподносили драгоценный подарок кому-то наверху, стоявшему передо мной. Я словно наблюдал за собой изнутри, через какой-то внутренний глаз, который открыл впервые в жизни, в мягком излучавшемся отовсюду свете. Я мягко, как дыхание спящего младенца, проник внутрь себя, в туловище, голову и конечности, несмотря на то, что уже был там. Каким-то образом я снова объединился с собой, это трудно объяснить, ведь я никогда на самом-то деле не был разделен. Мысль тихо прошла сквозь мое сознание — вот оно! Я всегда был одним целым с самим собой, я всего лишь не понимал этого. Я осознал это и в то же мгновение понял, что всю свою жизнь, все эти годы жил лишь ради этого момента. Он вбирал в себя все: все мои переживания, прошлые воспоминания и предчувствия будущего, начало и конец. Я медленно открыл глаза.

В зале была лишь Сати, сидевшая слева в трех шагах от меня и пристально наблюдавшая за мной. Она перестала казаться иссохшей девой, теперь она выглядела, как очаровательная женщина, которую мог полюбить любой. Она нежно и счастливо улыбнулась, словно понимала, в каком состоянии я находился, и сказала:

— Пора пообедать, ты должен перекусить что-нибудь.

Я мог поесть, а мог и пропустить обед, особой разницы не было. Меня больше волновали иные вопросы.

— Спасибо, Сати, — сказал я, испытывая благодарность ко всему миру, в котором оказался в тот момент. Все события и люди в моей жизни, мало того, все существа были прикреплены к этому переживанию, которое, очистив меня от грязи,

придало мне непревзойденный блеск. Был лишь я, такой, каким всегда был, без каких-либо излишеств или недостатков. Один лишь Я, охватывающий все вокруг.

Мое переживание сполна окупилось за многие годы страданий и мучений, сомнений, насмешек и презрения со стороны окружения, болезненных самокопаний и злополучных умозаключений о собственной исключительности. Помимо всего прочего, я был вознагражден сверх нормы, озаренный светом и счастьем, которого я не заслуживал. Чувство взлета собственной значимости было бескорыстным, таявшим в пространстве и времени. Я понимал, что его нельзя было потерять, несмотря на возникшее детское любопытство, каким же образом я заслужил такую благодать? Единственное, что приходило на ум в тот момент, — это голос Судьбы, который с огромной силой признается мне в своей любви.

Я вышел на улицу. Участники «Интенсива» сидели на траве неподалеку друг от друга. Кто-то рассеянно пережевывал пищу, кто-то пристально разглядывал свои миры, недоступные взгляду другого человека. Красивый еврей, очарованный своим видением, сидел с закрытыми глазами. Один из моих партнеров, нью-йоркская девушка с многочисленными угревыми рубцами на лице, подозрительно посмотрела в мою сторону, в то время как Сучи понимающе заулыбался. Он знал. Я с признательностью улыбнулся ему в ответ и кивнул головой. Это был бесшумный разговор, разговор на языке Истины. Яркие слова были ни к чему — взгляд, жест и улыбка — все было очевидно. Я вспомнил одну дзенскую метафору: «Вору не обязательно говорить другому вору, что он — вор, они видят друг друга издали». Удивительно, как эта глубокая истина была объяснена в дзен таким простым и курьезным образом.

Я взял свою порцию еды, но не смог присесть. Я ел, стоя и босиком, сфокусировавшись на себе, как никогда раньше. Ощущения от прикосновений босыми ногами к траве пронизывали снизу все мое тело, казалось, что сама земля излучала солнечное тепло. Такое же легкое тепло ощущалось от каждого кусочка еды во рту. Пища полюбила меня и слилась со мной, отдавшись мне с любовью. Я был тесно связан с ней и землей, это было любовным единством взаимной капитуляции. Боже мой, я был наивен, стать просветленным было легче всего на свете!

«Кто я?» — я искал ответ на эту загадку во всех моих поступках — в книгах, герметических изречениях и дзенских историях, в ритуалах ордена «Меч Одина» и инициации в Чикаго, со стариной Хибнером, в каждой женщине, с которой связывал свою жизнь, в сияющих глазах проходящих мимо меня девушек и в мимолетных объятьях со старыми друзьями... Каждый раз, встречая кого-нибудь с распростертыми объятиями, я обнимал себя. Тот, кто ищет, отождествляется с тем, что он ищет, я понял это и громко рассмеялся.

Глядя на сидящих на траве людей, я хотел сказать им: «Привет, вам нечего искать, все уже было найдено до самой мысли о поисках». Такая шутка иногда звучит грубо, но, когда вы понимаете ее, она становится отличной комической историей. Я всю жизнь играл в прятки, несмотря на то, что тот, кто прятался, и тот, кто начинал искать, были одним и тем же лицом. Все эти зоны я держал глаза закрытыми, притворяясь, что не знал этого.

Интересно, кому первому я должен был предложить себя, такого, каким я теперь стал? И в тот же момент я осознал — своим детям, Ненаду и Стевичу. Но затем слово «мой» испарилось, как теплое дыхание прохладным утром, поскольку глубоко внутри себя я понимал, что дети были не моими, что они являлись божественными существами, находящимися на моем попечении короткое время.

Постепенно я начал вспоминать слова, которые однажды услышал или прочел и которые ясно передавали идею о том, кем я был. Как я мог так долго, неизменно и неотступно, отводить свой взгляд в сторону, притворяясь, что не понимал их значения? В этом исследовании не было ни критики, ни осуждения, лишь спокойное принятие правил этой необычной игры.

Поставив тарелку рядом с собой, я прислонился спиной к деревянной стене лачуги и, как пассивный, слегка заинтересованный свидетель, уступил дорогу длинному каравану переживаний из далеких времен. Они все были завязаны на одной и той же теме — удивительной игре в прятки с самим собой. Я был поражен тем, что вспомнил вопросы, которые задавали мне во время ритуального посвящения в орден Одина, я четко слышал, как переплетались наши с Халингом голоса.

— Слушай меня! Ты начал играть в единственно достойную игру в этом мире — игру в прятки с Истиной. Но то, что

ты ищешь, — слишком свободно, чтобы его прятать, находить или терять. То, что ты ищешь, нельзя ни взять, ни увидеть, ни понять. Но ты можешь... стать этим!

— Как? — Я услышал свой голос, полный смятения и мольбы. Я просил кого-то рассказать мне, как, когда и где я мог отыскать это? Боже, Халинг заранее ответил на мой вопрос. Еще до того, как отправиться к своей цели, я уже оказался на месте. Он давал очевидные ответы на мои ритуальные вопросы, но я был слишком слеп, чтобы понять их тогда:

— Сотни рыб ринулись на поиски одной рыбы, имя которой Сторыбица. Три змеи пробрались в этот мир, чтобы отыскать Трехзмея... То, от чего ты отделился, осталось целым... — Теперь это было похоже на наивную загадку с одним лишь единственным ответом, в то время как я нашел тысячи других. Я слышал вопрос Халинга, словно ставившего передо мной зеркало: «Кто ты?» — и мой пустой ответ: — «Я есть я». Вспоминаемые мною слова Халинга напоминали учительскую помощь студенту-первокурснику, дающему неточные ответы. От его голоса веяло отчаянием, поскольку его лучший ученик не воспринимал подсказок, которые он давал из последних сил, стараясь помочь ему. Душа должна озарить саму себя, все остальное — пустота.

Боже мой, столько лет назад я заявлял, что я есть я, и продолжал дальше искать себя. Конечно же, вот почему Халинг ушел из ритуальной магии, посвятив себя «Интенсиву Просветления», очевидному обучению для довольно глупых, глухих и слепых учеников в невидимой церкви Истины.

Эти воспоминания, сопровождаемые инсайтами, очистили мое сознание, и какое-то время оно было похоже на пустое зеркало, а возникшее позднее перистое облако воспоминаний начало постепенно обволакивать его. Вечер с бабушкой в Виолин До, ее история о мальчике, похищенном странствующими цыганами, и звук колокола, вернувшего его, состарившегося, назад в родные края. В этих нежных воспоминаниях меня поразили слова бабушки, говорившей голосом мальчика: «Всю свою жизнь я искал свой настоящий дом и теперь нашел его, и я понимаю, что никогда не покидал его».

Я увидел себя следующим ранним утром, стоящим перед домом: стены стали прозрачными, и я мог видеть бабушку и

моего брата, крепко спящих в своих постелях. Я был необычайно медлителен, словно повзрослел или постарел. Во фруктовом саду раздавалось пение птиц. Солнце еще не взошло, но по земле уже шла мягкая теплота, утренняя роса еще не проступила, и ноги было невозможно намочить. Я медленно шел по тропинке, пролежавшей посередине фруктового сада. На пеньке липы лежал старый забытый коврик. Я сложил его, а затем расстелил на траве и уселся, прислонившись спиной к пеньку дерева.

Вода в пруду была спокойной и прозрачной, я заметил бесшумно проплывающую стайку рыб с красными плавниками. Мои мысли успокоились, дыхание замедлилось, и я перестал ощущать свое тело. Постепенно начали всплывать образы из истории бабушки. Я оказался тем самым мальчиком из ее рассказа, и от звука колокола меня окутала сильная тоска. Первый луч солнца пробрался сквозь густую крону старой яблони и коснулся моего лица. Я медленно начал закрывать глаза, чтобы насладиться его мягким теплом. Перед закрытыми глазами плыли красные крапчатые и желтые, переливающиеся оранжевыми тонами точки. Они передвигались медленно, как рыбы с красными плавниками в чистом пруду. На этом многоцветном фоне появилась светло-синяя точка. Она чуть-чуть подрожала, словно замешкалась, а затем расширилась, и из центра появился расплывчатый образ Спирилена. Он улыбнулся, и от его улыбки забилось мое сердце, словно предчувствовало огромное счастье. Я открыл глаза и на мгновение был ошеломлен красотой пейзажа. Картина разворачивалась на рассвете, когда затихает абсолютно все: птицы перестали петь, рыбы замолчали, не было ни единого дуновения ветерка, так что водная гладь в чистой части пруда была такой же неподвижной, как позабытое стекло. Облака замерли на месте, и все звуки затихли вдали.

Я взглянул на свои ладони, лежащие на бедрах. Я смотрел на них с восхищением, так как, по правде говоря, видел их впервые. Это были мои ладони! Я был поражен их красотой, и мои глаза налились слезами. Я перевел взгляд с ладоней на кроны яблонь и дубов, стоящих по ту сторону рыбоводного пруда. У них также был необычный вид, я был опьянен новизной этого незнакомого сладострастного чувства. Мое тело становилось таким же тяжелым, стойким и неподвижным, как толстый ствол дуба, прочно пустившего свои корни глубоко под землю.

Я бы хотел больше никогда не шевелить своим телом или что-либо менять, дабы не потревожить такую красоту. Никакое другое состояние, состояние власти, избытка, славы или сказочные миры, не могли сравниться с тем спокойствием, что я испытывал в тот момент. Наступил покой, глубокий неопишуемый покой, похожий на океан из расплавленного золота.

Казалось, что я подошел к финальной точке длинного и тяжелого приключения, и передо мной открылся изумительный вид. Это была прекрасная точка, я мог остаться там навсегда, я дошел до нее после стольких напряженных и беспокойных лет, поскольку к этому моменту уже не был десятилетним мальчиком. Я чувствовал себя старше и мудрее всех взрослых, которых оставил в другом мире. Слов было недостаточно, чтобы описать такое величие, такую полноту и достижение, такое всеобъемлющее единство.

Я прекрасно осознавал свое тело и, тем не менее, ощущал себя так, будто поднялся на неземные высоты. Во мне словно трепетал золотистый свет, и в то же время все внутри постоянно оставалось неподвижным. Весь мир, переплетенный с бесконечностью, в котором все неизменно, в котором нет начала, был во мне. Мое переживание было за пределами человеческих чувств и силы мысли, вне досягаемости слов, и все же оно было таким же реальным, как острие ножа под пальцем. Все было одним целым, и одно целое было всем.

Я не знаю, сколь долго я находился в состоянии этой сверхзаостренной и в то же время естественно раскованной бдительности. Но постепенно мир вокруг меня начал сужаться и заново формироваться. Поначалу у меня сложилось слабое ощущение того, что ко мне снова вернулись мое тело и окружение, затем ощущение пространства и времени дня, за которым последовало ощущение собственной личности, целей, ответственного отношения ко взрослым, а затем подошел черед остальных слоев сознания, формирующих у нас переживание реальной жизни. Я живо чувствовал, что напился чистой воды всезнания из далекого и вечного Источника существования. Все мое существо накрыла волна блаженного и теплого наслаждения.

Каким-то необычайным образом ребяческие воспоминания переживаний в Виолин До слились с моим текущим состоянием, словно я прислонился спиной к деревянной хижине ашрама

и стволу дерева в Виолин До, ощущая их одновременно. Да, это было оно. И тогда я стал просветленным. Сколько раз я слепо смотрел на очевидную истину? Это озарение произошло без каких либо сожалений или укоризн. Это были просто Истина и я в неразрывном единстве. Игры в создание переживаний с другими посредственными участниками, как привлекательными, так и безобразными, или пугающие забавы существовали лишь потому, что совершенство Единства преследовала тень божественной тоски. Когда я вступал в одну из таких игр, привлеченный той драмой, что они предлагали, я отождествлялся с ними на несколько лет, жизней или эонов, и по завершении игры какое-то время переживал божественную тоску, после чего отправлялся на поиски новой игры в прятки.

Теперь же начиналась игра на высшем уровне, и когда я думал о ней, то не чувствовал тревоги. Я осознавал свое притворство и тот факт, что позднее обнаружу что-то неизвестное для себя, и что вся прелесть игры состояла в притворстве, поиске и распознавании. Были и другие люди, бескрайний мир, в котором что-то происходило между мной и ими, то, что мы называем жизнью, и Великий Творец игры, который создал эту безгранично огромную площадку, где я мог немного повеселиться. Когда я не знал ответа на загадку, я страдал от ран, полученных на ней, меня иногда терзало желание умереть в агонии прямо там, однако все это было частью бесконечной игры. Я был настолько открыт, что мог принять то, от чего отказывался столько раз, что между Великим Творцом игры и мной существовала тайная связь, и когда я открою ее, игра наконец будет закончена.

Я вернусь домой сразу же после того, как попрощаюсь с Йогендрой и Арджуной. Я никогда не чувствовал себя таким правым, когда говорил ему, что являюсь Мастером. Никогда! Мне нужно было не говорить, а прокричать эти слова так громко, чтобы мой голос прогремел по всему ашраму. Мастер — центр моего существа в этот период жизненной игры. Как я мог сомневаться в своей миссии даже на секунду, поскольку те незначительные боли, что я испытывал в середине второго дня, теперь казались мне второстепенными деталями из далекого прошлого? Но в тот же момент меня посетила и другая мысль: эта игра была бы не столь интересна, если бы я не притворял-

ся, что страдал. В этом была ее привлекательность. Я собираюсь домой, чтобы осветить эту затемненную часть мира, как свежеступивший румянец, как просветленный игрок, который поджарит всю Европу: «Вот он, настоящий человек, вот он, Великий Мастер!» В Чикаго Питер Пэрриот был прав, говоря о том, что мое просветление зажжет много новых фонарей. Темнота уступала место пробуждающейся заре.

На этот раз Мучи опять дожидался меня. Я испытывал любовь ко всему миру, в котором, однако, как черная точка, было ощущение, что мне было трудно любить таких людей, как он. Пронзительный голос, заикание и тощая редкая бородка, которая была едва заметна. От него было трудно отделаться из-за его сильного желания и огромной настойчивости зацепиться за человека, превосходящего его самого. На тот период он выбрал меня. Пока мы ехали в его машине до Белграда, он неустанно повторял, что мои статьи в журналах изменили его жизнь. В средней школе мы называли таких людей подхалимами, несмотря на то что я неохотно, но все же должен был признать его чрезвычайное трудолюбие и безошибочное выполнение заданий. Время от времени он искоса поглядывал на меня в надежде разглядеть образ просветленного человека.

— Все готово для твоего первого «Интенсива», — сказал он голосом капрала, докладывающего вышестоящему командиру. — Лучше, чем комнаты с одной спальней, я не смог подыскать. Я попытался снять зал в Центре культуры или в школе, но в таких местах всегда требуют бумаг, подтверждающих официальность организации. Ассистентов было трудно найти, все хотели стать участниками.

— Если ассистентов нет, я поработаю и без них.

Он с изумлением посмотрел на меня и сказал:

— Будет около двадцати человек. Я не знаю, как мы будем спать на такой площади.

— Куда ты везешь меня?

— Домой. Тебя ждет целый поздравительный комитет, на этот раз у нас есть гораздо большие причины, чтобы порадоваться за тебя.

— Нет. Сначала я хочу увидеть помещение, где буду проводить «Интенсив».

Помещением оказалась пустая квартира неподалеку от Калемегдана, в которой эхом отражались наши шаги и голоса. Просторная гостиная, кухня, прихожая и ванная.

— Каждому нужно прихватить с собой спальный мешок и пару одеял. Мы воспользуемся и прихожей.

— Я понимаю. Напишу об этом в приглашении. Тебе нужно будет взглянуть на окончательный вариант. Конечно же, тут надо проделать много работы. Но ты просто скажи мне, и я здесь.

— Нужно рассказать людям о месте проведения «Интенсива» и начать его. Все, что касается истины, — просто. Люди усложняют вещи и обстоятельства, чтобы избегать их.

— Могу ли я спросить кое о чем? — Его бледные глаза превратились в щелочки от любопытства.

— Да, только будь краток.

— Испытывает ли человек мистические переживания на «Интенсиве»? Я имею в виду, по-настоящему мистические?

— Длинная история обесценивает свою важность. Ты узнаешь это по окончании «Интенсива». Личное переживание здесь — единственный критерий.

Время перед «Интенсивом» пролетело очень быстро. У меня часто менялось настроение. Несколько раз я уже было хотел отменить его, но затем мужество возвращалось ко мне. Я не делал ничего, чтобы вернуть его обратно, и каждое его новое возвращение было сильнее предыдущего, наполняя меня энергией, от которой трясло, как от духовной лихорадки. Я понимал, что записавшиеся люди доверяли мне, но несмотря на это они часто звонили по телефону, чтобы получить более подробные объяснения: чего им ожидать, будут ли они нормальными после «Интенсива», что с ними будет, если глубоко внутри они обнаружат себя гомосексуалистами... Я проявлял терпение, о котором даже и не подозревал, у меня быстро получалось убеждать их в том, что они подошли к решающему моменту в своей жизни.

— Папа, я и не мог подумать, что ты можешь так убеждать, — сказал однажды мне Ненад после очередного моего

телефонного разговора. — Ты мог бы продавать холодильники эскимосам.

У меня не было ассистента, который бы готовил еду для участников, так что, накупив детского питания, я размешал его с молоком, йогуртом, яблоками, ржаным хлебом, сохранившим какое-то время свою свежесть, и жареным арахисом. Я запасся огромными дозами витаминов, купил свечи в случае отключения электричества и записал кассету со звуком удара в гонг через каждые пять минут. Согласно расписанию, «Интенсив» начинался в четверг вечером и заканчивался в субботу ночью. В четверг моя энергия начала закипать, все было готово для того, чтобы зажечь искру в этой части мира. Вечером, в то время пока я упаковывал свой старый спальный мешок, с которым меня связывала долгая история, Лидия стояла у двери комнаты:

— Я хочу поговорить.

— Давай после «Интенсива», — быстро сказал я, суетясь в комнате. В важные моменты я часто что-то забываю, а потом расстраиваюсь по этому поводу.

— Нет, я слишком долго откладывала этот разговор. Больше не могу ждать ни секунды, — сказала она и пошла на кухню.

Наши отношения охладели за последние месяцы. Она неохотно относилась ко мне и отказалась принять участие в «Интенсиве». Лидия сидела за кухонным столом с болезненно сморщенным лбом и сжатыми губами. Я пододвинул стул к столу.

— Ну, рассказывай мне, что же это за такое важное, что не может подождать до воскресного вечера?

— Я хочу подать на развод.

Эту фразу я слышал уже не в первый раз, в наших ссорах мы «разводились» несколько раз. Такое заявление было вступительной частью чего-то другого, как первый ход пешкой в испанской партии. В ее голосе и выражении лица чувствовалась холодная решимость. Еле сдерживая себя, я дрожащим голосом произнес:

— Не начинай сейчас. Ты знаешь, что у меня надвигается. «Интенсив» — самое важное в моей жизни. Давай отложим этот разговор на пару дней, а затем сможем спокойно поговорить.

— Я знаю, что для тебя самое важное — это «Интенсив»... к сожалению. Но для меня он ничего не значит, хватит с меня твоих важностей.

— Я не хочу ссориться. Поговорим в другое время.

Я встал, взял металлическую миску из кухонного шкафчика и тарелку из ящика. Для такой еды было не нужно ни вилки, ни ножа. На кухонном столе я разложил зубную щетку и пасту, расческу, кассету с записью ударов в гонг, три ручки, записную книжку, адресную книжку с важными номерами и книгу с дзенскими историями. Я медленно и поочередно начал укладывать их в сумку, пытаясь вспомнить, не забыл ли я чего еще.

— Ссориться незачем. Я думаю, тебе нужно знать о моем желании подать на развод. — Она неподвижно сидела за столом. Помолчав несколько секунд и взглянув на сложенные на коленях руки, она подняла глаза и сказала: — Я не люблю тебя.

Что-то сжалось в солнечном сплетении и превратилось в комок в горле:

— Ты, правда, нашла отличное время для этого. Спасибо...

— Я откладывала это на потом уже многие месяцы. Ты для меня больше ничего не значишь... Я хочу жить своей жизнью. Я ничего не имею против тебя, просто... наши отношения полностью иссякли, и меня с тобой ничто не связывает. По правде сказать, я едва могу выносить тебя... Трудно смотреть на кого-то днем и ночью, когда для тебя он совершенно чужой.

Я сел за стол и схватился за голову руками. Я должен был спокойно рассмотреть ситуацию, однако мое дыхание учащалось. Я не знал, что произошло с Лидией, но знал, почему. Она совершенно честно играла в свою игру жизни, в то время как для меня это, несомненно, было преградой, через которую нужно было пройти, проведя свой первый «Интенсив». Я чувствовал, что перед началом «Интенсива» столкнулся с проблемой, я готовился к ней, однако я не ожидал, что удар придется именно по этой области. Молчание Лидии пошло мне на руку, я смог собраться с мыслями и потихоньку заверить себя в том, что был готов заплатить любую цену. Я быстро встал, убрал оставшиеся вещи со стола в сумку и сказал ей:

— Знаешь, что? Делай, что хочешь, я на «Интенсив». Все остальное — брак, развод, я больше не люблю тебя... Я всегда любил тебя, возлюбленная всей моей жизни... единственная

женщина, которая понимала меня... это все мелочи и глупости. Мне чхать на весь мир. Истина — вот что для меня самое важное. Если ты не можешь вынести этого, уходи и не волнуйся по этому поводу!

Лидия пожала плечами и примирительно сказала:

— Нам нужно обсудить некоторые вопросы о нашем ребенке, квартире... Не хочу перечислять.

— Ну, вот уж это подождет до окончания «Интенсива».

Я ушел из дома раньше, чем планировал, и потому решил пройти пешком до квартиры, где судьба назначила со мной встречу. Уходя, я вспомнил, что забыл попрощаться с Ненадом, но уже не смог вернуться. В таких ситуациях я становлюсь суеверным. Я крепко держал ручку сумки и шел все быстрее и быстрее. Интересно, все самое худшее для меня уже позади, или что-то еще поджидает меня на «Интенсиве»? Пусть все остается, как есть, как бы то ни было, это произойдет, и довольно скоро.

Дверь в квартиру была открыта. Мы договорились, что Мучи будет на месте встречать гостей. Шестеро уже сидели на полу на спальных мешках и вопрошающе смотрели в мою сторону, словно думали, что станут просветленными в тот же момент, как я войду в комнату. Я сделал глубокий вдох, наполнив свои легкие воздухом, и переступил через порог, как Мастер, выкованный из цельного куска, все части меня были собраны воедино. У меня не было ни жены, требующей развода из-за того, что она разлюбила меня, ни сыновей, прошлых или будущих. Все растворилось в далеком тумане. Передо мной были лишь лица людей, желавших познания Истины.

Выражение сомнения вперемешку со смятением появилось на семнадцати лицах участников, сидевших на полу в ожидании моего прихода. Я побыл один на кухне сорок минут, собираясь с мыслями и рестимулируя людей. Я слышал, как они нервно хихикали. Одни ходили по комнате, другие неподвижно и тихо сидели у стены.

— Да это настоящий пикник, — послышался чей-то голос, эти слова хорошо выражали состояние, в котором они находились. Поэтому я позволил им ждать, позволил напряжению стать невыносимым. Чем дольше готовится мясо, тем мягче оно становится.

Я сел на стул, единственный в комнате. Справа от стула Мучи поставил маленький столик, на котором расположились кувшин с водой и несколькими стаканами, магнитофон с записью удара в гонг и список участников. Я взял стакан и сухими губами сделал большой глоток холодной воды, а затем медленным взглядом осмотрел участников.

— Вот и наш «Интенсив», наконец. Учителя обычно представляют себя, но мы уже знаем друг друга, так что этого делать незачем. В самом начале я должен рассказать вам о нескольких важных моментах. — Я переводил взгляд с одного участника на другого, пока про себя не досчитал до двадцати. Затем продолжил: — Цель «Интенсива Просветления» — просветление, поэтому его так и назвали. Просветление — это гнозис, просвещение, и в его основе лежит прямое переживание Истины... Такое выражение лучше всего описывает это состояние, которое не поддается ни одному описанию. Как сказал один суфийский

поэт: «От подсчета тысячи литров вина пьяным не станешь, пока не сделаешь хотя бы глоток».

Они слушали меня тихо и внимательно, было слышно лишь мое глубокое дыхание.

— У нас будут три тяжелых дня, в течение которых мы будем биться за это переживание. Его не так просто достичь. Почему? Всю жизнь вы испытывали лишь непрямые переживания. Они характеризуются дуальностью объекта и субъекта. Между чувствующим субъектом и воспринимаемым им объектом всегда есть некий процесс, который их связывает. Понимаете? Поэтому-то это и называется непрямым переживанием. К примеру, я сейчас говорю с вами (быстро показал на себя указательным пальцем), а вы пытаетесь понять, что я говорю (показал на них). Между вами, субъектом, и тем, что я преподношу вам, объектом, есть связывающий процесс слушания, слышания... и происходит понимание. Вы можете припомнить нечто похожее из того, что слышали или прочитали, итак, у вас есть процесс сопоставления и процесс запоминания, так как вы вытаскиваете из своих воспоминаний какую-то информацию... Или вот еще один пример — когда я смотрю на эту стену, между мной, субъектом, и стеной, объектом, есть связывающий процесс, называемый видение, — разжатой рукой, поднятой на уровень глаз, я сделал несколько быстрых движений взад и вперед по направлению к стене. — Иногда можно воспринимать человека телепатически, но даже телепатия является процессом! Бывает так, что ваша интуиция шепчет вам, что кто-то думает о вас. Несмотря на всю утонченность процесса, интуиция также является процессом. Понимаете меня?

Я взял паузу, после чего снова продолжил, выделяя каждое слово:

— В прямом переживании Истины, или просветлении, нет никакого процесса, так как нет разницы между субъектом и объектом! Они сливаются и становятся единым целым.

Дело подходило к самой трудной части, попытке объяснить им технику «Интенсива Просветления». Особо нечего было объяснять. Йогендра создал практическую систему, приносящую результаты за короткий период времени, но вызывающую в самом начале у участников стресс, гнев и агрессию к Мастеру, себе самому, ко всему, на чем заострилось внимание.

— Получая команду от партнера «Скажи мне, кто ты?», вы необязательно должны говорить ему, кто вы есть. Вы все время жили по такому принципу, когда общались с людьми, но так и не испытали просветления. Нужно, наоборот, направить себя на прямое переживание своего существа, исключая всякий процесс, объединиться со своим объектом, то есть собой, на тот момент. Как это можно сделать? — Я нахмурил лоб, акцентируя внимание на важности этой задачи. — В этом-то и все проблемы, так как никто не может вам этого сказать. Слово «как» подразумевает какой-то процесс, а в технике «Интенсива» процесса нет. Вам нужно просто с готовностью направить себя на прямое переживание своего существа и сделать это как можно лучше, ведь вы знаете, что «как» не существует... Это один из самых неприятных аспектов этого «Интенсива», есть и другие, но над этим стоит поволноваться. Ведь полученная вами награда будет бесценна... Есть ли какие-нибудь вопросы?

— Если я все хорошо понимаю, то вы просите нас работать три дня над тем, что нам непонятно, как выполнять, и что вам не под силу объяснить? — спросила Милунка. Она была учительницей средних классов и самой старшей в группе, с седыми волосами и в очках, висящих на кончике носа. Получив технику Йогендры, она ожидала услышать ее разумное объяснение.

— Именно так, Лунка. Как я сказал, эту часть труднее всего принять. Будет казаться, что вам никогда не освоить эту технику, но если приложить всевозможные и всесторонние усилия, то со второй части «Интенсива» техника каким-то образом начнет работать на вас, и тогда вы поймете, как ее правильно выполнять, несмотря на то, что вам не удастся донести свой метод работы до другого партнера, как этого не могу сделать и я.

— Честно говоря, я никогда не сталкивался с таким в своей жизни.

— Конечно. Поэтому-то вы никогда и не переживали просветления, а лишь говорили о нем.

— Я думал, что, основываясь на наших соображениях...

— Отбросьте соображения до окончания «Интенсива»! Возможно, вам стоит задуматься над словами Альберта Эйнштейна: «Разум — наш верный слуга, а интуиция в нас — дар Божий. Мы создали общество, которое поклоняется слуге, но забыло о божественном даре».

После этого у всех отпало желание задавать вопросы. Я смягчил тон:

— У вас пятнадцать минут на подготовку ко сну. Для такой маленькой квартиры слишком много народу. Идя в ванну сегодня вечером, не включайте свет. Будьте осторожны и не наступите на кого-нибудь. — Я положил спальный мешок около того места, которого сторонились все остальные, под окном, откуда дул холодный воздух, разливаясь по всему полу. Мучи взял свой спальный мешок, пристроенный в углу, и подошел к окну, словно интересуясь происходящим на освещаемой улице, а затем положил его рядом со мной.

— Позволь мне спросить тебя кое о чем, — пробормотал он сквозь зубы, так что нас сразу же услышали близ расположенные участники. Он пытался заставить других поверить в то, что между нами были более близкие отношения. Он в совершенстве развил навык прицепляться к вышестоящему человеку, и при других обстоятельствах такое могло пройти незамеченным, но только не на «Интенсиве», где я внимательно наблюдал за всем. Настал момент, чтобы показать ему, что я Мастер, видящий людей насквозь на «Интенсиве».

— Ты мог бы, как и все остальные, спросить меня во время нашего разговора. Ты этого не сделал, так что ложись спать и веди себя тихо. — Более тридцати минут никто не затихал. В тот день я в последний раз обратился к ним со словами: — Продолжайте работать со своим вопросом! — и выключил свет.

Во время утренней лекции я снова рассказал о технике, но уже другими словами.

— Техника «Интенсива Просветления» не предоставляет прямых переживаний, она только опустошает наше сознание. В один момент духовные массы уходят с поля сознания, открывая путь к прямому переживанию. Нет никаких гарантий, что в состоянии опустошенного сознания обязательно произойдет просветление. — Они раздраженно смотрели на меня своими опухшими полузакрытыми глазами. Было шесть часов темного декабрьского утра, и от их вчерашнего волнения почти ничего не осталось. Теперь они представляли себе, как было бы прекрасно поваляться в теплой постели, перевернуться на другой бок и продолжить спать. — Я понимаю, что вам трудно, — сказал я, — вы хотите спать и думаете про себя, какого черта я

здесь делаю? Но будьте настойчивы! На данный момент работайте на своем пределе, неважно, насколько он мал. Как я сказал вам, выход из кризиса только один — пройти через кризис. Это — ваш первый, но их будет еще много. Если вы захотите спать, сходите в ванну, ополосните лицо холодной водой и продолжайте работать. **Настойчивость, настойчивость, НАСТОЙЧИВОСТЬ!**

Но главную проблему я видел в другом. События в комнате отражались во мне, как в зеркале, и... особо ничего не происходило. Это было похоже на попытки вялой и сонной лужи разразиться штормом и разлиться через края. От любви, что я испытывал к ним, особенно той ночью, не осталось и следа. Я подавил в себе встречное чувство нетерпимости к этим раздраженным людям, которое, как крыса из темной норы, начало вылезать из моего сознания... нет, скорее это была ненависть. Они заманили меня в эти грязные мелкие воды своей болтовней о просветлении, которого ждали с того момента, как начали осознавать себя, о правде, жертвоприношении ради других и остальными поверхностными историями... И теперь среди этих опухших созданий не было ни одного искреннего человека, кто бы выполнил свою клятву, чтобы расшевелить меня и группу. Я вспомнил слова Йогендры с первой кассеты, где он говорил о том, что невозможно сделать человека просветленным, пока сам не почувствуешь к нему любовь, и что Мастеру не следует терять надежды, если он не полюбил этого человека с самого начала. «Делайте все возможное, и любовь придет к вам сама. „Интенсив“ — это не любовь с первого взгляда. Любовь появится по мере приближения к его окончанию». Но что делать, когда ты понимаешь, что не можешь полюбить этих лягушек с опухшими глазами?

Животная основа человеческого существа легко различима. После первой сонной диады я дал им на завтрак немного детского питания из перемешанной с йогуртом крупы и тонкий кусочек черного хлеба. Они ели быстро с опущенными вниз глазами. К следующей диаде они оживились, их голоса стали громче, появился редкий хохот, и отеки с лиц сошли. В первый день «Интенсива» война ведется с телом, на второй главным врагом становится человеческий разум, и на третий все начинает крутиться вокруг одного вопроса — испытает ли

человек прямое переживание. За пятнадцать минут до полуночи я сказал им подготавливаться ко сну, так как свет выключался ровно в двенадцать. Я с облегчением вздохнул. Худшее было позади, первые восемнадцать часов «Интенсива» теперь, к полуночи, уместились в нескольких образах.

Участники приступили к следующему дню работы бодрыми и отдохнувшими. Комната разрывалась от энергии! Некоторые из участников стали агрессивными и начали критиковать меня и структуру «Интенсива». Я был поражен, насколько хорошо на тот момент они были осведомлены о моей жизни, моих отношениях с Лидией и моих проблемах. Я о себе услышал даже что-то новое: что у меня три внебрачных ребенка, одного из которых, слабоумного, запрятали в одном из центров для умственно отсталых детей, что мы с Лидией изменяли друг другу с первыми встречными, что у меня презервативы постоянно вываливались из карманов...

Я был готов к таким слухам, но не ожидал, что они могли так сильно ранить. В этой тесной комнате я находился из-за них, дышал их спертым телесным запахом, слушал их черствые жалобы и бессмысленные объяснения своих слабостей, и ни один не послал ни слова благодарности в мою сторону. И в один момент, Марианна, маленькая девушка с короткими волосами, сказала:

— Мне как-то грустно за Богдана. Он сидит там на стуле, пока мы играем в игру, где нужно пронзить цель. Он не может защищаться... это ужасно. Он этого не заслуживает. — Она мне понравилась с самого начала, у нее были раскосые глаза японки и маленькие ручки и ножки. Ее поддержка пришла как раз кстати, однако не прошло и секунды, как она продолжила: — Ну, а почему мне должно быть грустно за него? Он этого заслуживает. Теперь, после сколького хвастовства, он так съезжился, что его и не заметить. Никто не заставлял его вести «Интенсив».

В ее словах была глубокая фундаментальная справедливость. Действительно, я по своей воле оказался в этой мясорубке. Я пообещал им слишком много и теперь не мог угнаться за самим собой. Мне нужно было как-то дотерпеть до конца, а затем... я понимал, что больше никогда не буду ввязываться в нечто подобное... Но до конца было еще далеко.

Мы подходили к середине второго дня, и по плану я должен был произнести речь. К тому моменту я почувствовал, что

уже следует подтолкнуть их к просветлению, для которого вся предыдущая работа служила своего рода подготовительным процессом. Мне нужно было раскрыться эмоционально, разоблачить себя, чтобы позволить открыться и им и иметь право попросить их совершить следующий решающий шаг. Для этого у меня было достаточно сил, но за мной плелась эта вездесущая, отвратительная тень — мое двойное сознание. Я знал, что должен был делать, и какое-то время чувствовал себя готовившимся выйти на сцену актером, сыграть ту часть, которую он днями репетировал, и вытащить публику из депрессии, которая уже начала накрывать театр, вырвать из зала аплодисменты, как зуб мудрости из опухшей челюсти. Начать выступление было бы легко, если бы сознание сузилось до произнесения нужных слов, однако я ясно осознавал свои внутренние противоречия.

«Интенсив» — адская вещь, это увеличительное стекло наших намерений, действий и, что хуже всего, — наших слабостей. Мысли, спрятавшиеся давным-давно, с криками выпрыгивают на свет и жгут нам глаза. Я все осознал и все понимал, но не мог заставить себя пошевелиться. Я раздумывал над тем, чтобы прекратить «Интенсив» и объяснить им, что из-за своей невнимательной работы они не заслуживают права пережить прямое прикосновение Истины. И тут же, быстро, распрощался с этой мыслью — они бы посчитали это не своим выдвижением на более подготовленную позицию, а моей слабостью. То, что ожидало группу, должно было случиться. Выход из кризиса проходит через кризис. Об этом я говорил еще в начале «Интенсива», и теперь я должен был работой отстаивать свои слова. В силу того, что после моей речи участники, скорее всего, просто заплюют меня, я решил вызывать каждого лично для короткой консультации, налаживая тем самым более тесную связь.

Сперва я подозревал Мучи. Он встал коленями на одеяло перед моим стулом и с отчаянием посмотрел на меня.

— Как все проходит?

— Плохо. Я делаю все так, как ты сказал, пытаюсь изо всех сил, но без толку. Я должен признаться себе, что это не для меня. Мне никогда не достичь просветления.

Я склонился над ним и положил руки ему на плечи:

— Слушай меня внимательно! Это все проделки твоего ума. Сколько уже раз он тебя предал? И он опять поступает точно так же. Не поддавайся. Будь настойчивым.

— Я думаю, что мне не суждено стать просветленным. У каждого своя судьба.

В его голосе пролетела слабая искра надежды и молчаливая просьба разжечь ее для него.

— Это тоже очередная уловка твоего ума. Он достает их одну за одной из мешка, как злой волшебник. Не ведись на это! От тебя требуется приложить все усилия и позволить судьбе позаботиться об остальном. Понимаешь? Теперь иди обратно на место, продолжай работать и не сдавайся до самого конца.

Он кивнул головой. Теперь он стал другим, у него появились новые надежды, и он был готов сражаться следующую пару часов.

Я хотел позвать Марианну, маленькую японку, но ко мне уже подходил Питер Корчной. Ему было около сорока, сильное тело, которое уже становилось менее жестким, веснушчатое лицо и широкие прорезы между зубами. Он основал мастерскую, и люди считали его талантливым мастером своего дела, который пропивал свое трудолюбие. Склоненное передо мной, его тело источало какой-то непонятный запах, похожий на запах бочонка из-под бренди. Его семилетняя дочь была тяжело больна, он яростно боролся за просветление, словно его прямое переживание Истины спасло бы ей жизнь. Он посмотрел на меня широко открытыми глазами, в белках которых виднелись тонкие красные венки, и с едва заметным сомнением сказал:

— Я думаю, я думаю... я стал просветленным. — Несмотря на такое простое заявление, в его глазах чувствовалась какая-то туманность, за которой противоречивые чувства перемешивались, цепляясь друг за дружку. Он проанализировал переживание, провел аналогии и принял окончательное решение.

— Что произошло?

— Ну, много чего.

— Почему ты решил, что стал просветленным?

— Ну, все время я прогонял в голове мысли о том, кто я такой. Было много сомнений, и ни одно из них не было уместно. После чего мое сознание внезапно прояснилось... словно после дождя, когда воздух становится свежим. А затем... — его лицо

оцепенело, а глаза сквозь меня уставились куда-то вдаль, — затем медленно передо мной начал появляться до невозможности простой китайский рисунок. Он представлял собой безупречность линий, формы и содержания. Я никогда не видел такого, это было невероятно. А затем я осознал, что это был я.

— И ты думаешь, что ты — китайский рисунок?

— Я не думаю, я знаю.

Я стоял перед огромным искушением. Если он достиг просветления, он воодушевит всю группу, и мне не придется проносить свою сложную речь, раскрываться и играть в эту неприятную игру перед ними и собой. Это было бы отличным началом развязки, участники бы восприняли такое легко, а неизлечимая болезнь его дочери показалась бы менее ужасной. Однако я понимал, что не способен одобрять ложь. Как говорил Йогендра, принятие Мастером непрямого переживания просветления, неважно, насколько драматическим оно может оказаться, сродни лжи и самому подлому преступлению. Это случалось тогда, когда слабые учителя, погружаясь в кризис, начинали сомневаться в своей способности провести пришедших к нему людей к просветлению и выбирали короткий путь, выдавая за просветление инсайты, катарсисы и оккультные переживания. В горле у меня начал затвердевать ком, губы — кричиться. Я был так близок к тому, чтобы обнять его, всхлипнуть у него на плече и признаться в своем отчаянии. Ничего такого не произошло. Я смотрел на него с застывшим лицом, так что в момент речи шевелились лишь мои губы:

— Питер, больше всего на свете я хотел бы, чтобы ты стал просветленным. У тебя ценное переживание, ты испытываешь его сам... но я должен сказать тебе, что это не прямое переживание Истины. Продолжай работать, ты на правильном пути.

С болезненным выражением на лице он опустил глаза. Он отчаянно стремился заполучить это переживание, как тонущий — куска дерева, и всего лишь несколькими словами я разрушил его достижение в прах.

Йован был тридцатилетним слесарем из одной деревеньки поблизости от Белграда, и поначалу я думал, что он по ошибке оказался среди нас. Тем не менее, он очень усердно работал и был открыт больше всех. В самом начале «Интенсива» из него начало выливаться сексуальное содержимое. Теперь он был

более спокоен, и в итоге, распознав темное содержимое, всплывшее наружу, он стал с некоторым смирением принимать себя. Он медленно тряс головой, пока говорил со мной:

— Что же я за человек? Я бы убил лучшего друга ради обладания любой вонючей женщиной. Вот такой я и есть, я не могу больше врать себе.

Я положил ему руку на шею, так что мои пальцы оказались у него на затылке:

— Слушай меня внимательно! Это содержание твоего сознания, не имеющее под собой твердой почвы. Через час или два ты будешь думать, что ты — самый лучший человек на Земле. Но у такого содержания тоже нет постоянства. Тебе нужно полностью выговориться, чтобы суметь очистить свое сознание. — Я остановился, а потом, выделяя каждое слово, сказал следующее: — Тогда ты узнаешь, кто ты есть! Прямое переживание изменит твою жизнь!

Я продолжал подзывать их к себе по очереди, и, когда я говорил с последним, они стали казаться другими людьми. Другой человек сел и на мой стул, он был готов броситься голым на булавки и иголки, словно это была награда за просветление хотя бы для одного-единственного из них всех. Я чувствовал «Интенсив» изнутри, я знал, что занимаюсь сейчас самым полезным делом. Из меня сами выходили нужные слова, которые оказывали алхимическое воздействие на всех участников. Все было просто: если Учитель, как сознательное существо, полностью сфокусирован на участниках, он во время небольшой консультации сможет видеть их насквозь и в точности подобрать нужные слова. Ясный указатель продвигал меня вперед в этом процессе. Говоря последние слова участникам, которые были призваны подтолкнуть их к просветлению, я почувствовал, как меня словно проткнула тонкая горячая игла. Аналогичное чувство я испытал в детстве, когда случайно повстречал на улице девочку, в которую был влюблен. Я испытал быструю и резкую боль, но она не была неприятной, потому что мое ощущение, что я достиг чего-то настоящего, усилилось.

После упражнения я устроил им небольшой перерыв, а затем, поставив рядом с собой стакан воды, сказал:

— Нам пора поговорить. Мне нужно сказать вам кое-что, что поможет вам стать просветленными.

Уставшие и с потными лицами они повернулись ко мне, и было видно, что они готовы сделать новые усилия. Я мог ощущать восходящее напряжение в комнате и незримые разряды энергии в спертом воздухе. Я точно знал, что мне делать: постепенно подвести их к решающему моменту, а затем изо всей силы ударить по их сердцу. Я начал медленно говорить. Я сказал им, что у большинства техника отложилась в голове, и что они выполняли ее достаточно неплохо. Я еще раз напомнил им об уловках эго, великом мастере иллюзий, который будет до самого конца пытаться предать их и отгородить от Истины. Я обратил их внимание на необходимость продолжать работу до последнего удара в гонг. Я должен был создать для них реальную ситуацию, подкрепить свои слова чем-нибудь весомым, чтобы слова звучали убедительно, чего я и добился, когда говорил им об их ощущениях:

— Пока вы сидите и слушаете мои слова, вы чувствуете все глубже и глубже свое тело... Кровь пульсирует в ваших руках, и с каждым ударом сердца уходит оставшаяся часть вашей жизни. И с каждым ударом вы становитесь ближе к Истине о том, кто вы есть, которая изменит вас навсегда.

У большинства глаза расширились, будто я произнес что-то глубокое, скрытые дотоле слова мудрости. Выпив воды, я поставил стакан на столик рядом с собой и сделал глубокий вдох. Тошнота в животе начала ощущаться сильнее, а ноги пронизывала крупная дрожь.

— Я должен вам сказать еще кое о чем. Возможно, это окажется самым главным на «Интенсиве Просветления». Вы уже проработали достаточно долго, и до сих пор никто не стал просветленным. Некоторые могут работать над техникой по тридцать дней и так и не достичь просветления. Почему!? Человеческая натура такова, что многие не могут достичь просветления ради себя. Вы чувствуете в глубине души, что не достойны эго, что не заслуживаете его — это вас и останавливает. Только вы и никто другой создали эту преграду в своем сознании. Ваш разум — хитроумная ловушка, так как дверь к свободе заперта изнутри.

Я медленно выпил еще воды и посмотрел поверх голов в окно на темное, серое небо. Стоял декабрь, и на улице уже темно. Я хотел дать им немного времени, чтобы они хотя бы

частично приняли на себя ответственность за состояние, в котором находились. Я осмотрел всех участников, удостоверюсь в том, что не пропустил ни единой пары глаз. А затем сказал:

— Что вы можете сделать, чтобы стать просветленными? Есть один способ, он так прост и так эффективен... — Я взял паузу, досчитал про себя до десяти, а затем начал говорить более громким голосом: — Сделайте это не для себя, сделайте это для кого-то другого! — Страсть разгорелась во мне еще сильнее, когда я продолжил: — Сделайте это для любимого человека! Сделайте это для неудачливого существа, для ребенка без родителей, молящего о любви. Вам это под силу, так как мир полон несчастных людей.

Они были поражены. Полтора дня они сражались без мысли о ком-то еще, полагая, что просветление — самый лучший подарок, который они могут только дать себе, а сейчас им говорят, что им нужно это сделать для другого!?

Я сделал паузу и вдохнул полную грудь воздуха. Я должен был скатить с губ подступающие трудные слова:

— Если перед вами не возникает образ человека, ради которого вы могли бы стать просветленным, то не нужно ходить слишком далеко... Сделайте это для человека, живущего ради этого момента вашей Истины, для кого ваше просветление — драгоценный подарок. **СДЕЛАЙТЕ ЭТО ДЛЯ МЕНЯ! СДЕЛАЙТЕ ЭТО РАДИ МОЕЙ ЛЮБВИ!** — Я говорил сильным голосом, но быстро, слова сами слетали с губ; я задышался от эмоций, слезы заливали мои глаза:

— Что бы вы ни говорили или думали обо мне, вы для меня — лучшие на этом свете. Вы сидите в этой душной комнате, потные, голодные, измученные, отчаянно пытаетесь выбраться из мира лжи и достичь Истины... в первый раз в своей жизни. — Я почувствовал боль в диафрагме и животе. — Мне необходимо ваше просветление. Я живу ради этого момента вашей Истины! Мне нужна ваша любовь, вы мне все нужны! Несмотря на ваши плевки и всевозможные оскорбления в мой адрес, вы мне нужны... не в далеком будущем, когда станете совершенными, светлыми и ясными существами в некой космической голубизне, а сейчас, такие, какие вы есть... Сделайте это ради моей любви, **СТАНЬТЕ ПРОСВЕТЛЕННЫМИ.**

Я замолчал на пару минут, и в этот момент передо мной предстал образ Халинга, слезы которого скатывались по его щекам. Я поднял голову, посмотрел на них заплаканными глазами и подарил им простую истину:

— Я вас всех люблю. Кажется, что я никогда так сильно не любил кого-то еще. Если я высвобожу всю свою внутреннюю любовь, я расщеплюсь на части! — Я заплакал, но плачь, как и сам Мастер перед ними, не были важны. Я понимал, что подошел к переломному моменту в своей жизни, которого избегал в прошлом столько много раз, и вот шагнул в правильном направлении. Я стал самой дорогой, по которой путешествовал, стал и целью, и ее осуществлением. В следующей диаде Орион стал просветленным.

Орион рисовал акварелью, и его картины точно отображали те духовные изменения, через которые он проходил. Его акварели обладали прозрачностью и глубиной; можно было предположить, что все таинство пейзажей и вещей, запечатленных на его картинах, открывалось лишь его глазу, и зритель, всматриваясь в картины, как будто вступал с художником в некий тайный сговор. По линии отца его семья происходила из Черногории, он унаследовал типичную для черногорцев фамилию — Вуйович, но получил имя Орион, которое звучало так же гладко, как акварель, и слабо намекало на космические расстояния, прошлые жизни, в которых исчезала человеческая ничтожность. Незадолго до «Интенсива» он решил жениться на веснушчатой девушке с маленьким телом. Он готовился к поездке в Голландию, и этот «Интенсив» был его единственным за долгое время шансом достичь состояния просветления. Он ожидал многого от прямого переживания — стать понятнее самому себе, начать рисовать из самой сокровенной глубины души, а не следуя приемам, навязанным мастерами прошлого.

Судьба его семьи была известна лишь узкому кругу людей. Дед и отец вышли из войны коммунистами: дед был комиссаром батальона, а отец — молодым членом коммунистической организации, верным партии, как возлюбленной девушке. Когда в 1948 году начали проводиться аресты членов Информбюро, порицание и всевозможное унижение, что было типично для таких государств, его восемнадцатилетний тогда отец за семейным обедом заявил, что многие из его товарищей, доль-

ных коммунистов, арестованы и публично оскорблены, что постыдно для партии и страны. Пока он говорил, его дед, комиссар, угрюмо молчал, а затем выкрикнул: «Ты против партии! Знаешь, что это значит, ты, жалкое создание?» — «Я не против партии, я всегда готов умереть за нее, но я против таких методов. Там плохо пахнет. Мы боролись не за то, чтобы осуждали, арестовывали и стыдили порядочных людей». — «Ты мой единственный сын, но если скажешь еще хоть слово — я откажусь от тебя». — «Давай. Можешь даже пойти в комитет и донести на меня. Для меня больше всего важна истина. Ради этого я и вступил в партию».

После этого дед Ориона произнес слова, которые привели к семейной трагедии: «Я сделаю это. Клянусь своей честью! Отправлюсь завтра в комитет и доложу об этой скотине, которую породил на свет».

Бабушка молча слушала этот разговор, из-за которого над головой ее единственного сына нависла серьезная угроза. В ту же ночь она убила топором своего мужа, а затем повесилась сама...

Пока я смотрел за тем, как Орион медитировал с закрытыми глазами, в моем сознании за одно мгновение пронеслись образы, связанные с тем событием из его истории. Несколько минут я не мог отвести от него глаз. Это было довольно странным эффектом «Интенсива» — когда что-то важное происходило с участником тренинга, внимание Мастера помимо его воли приковывалось к нему. Интересно, что же с ним происходило? Буквально через пару секунд он встал, прошел мимо сидящих пар и направился ко мне. Он встал коленками на маленький коврик, поднял глаза, чтобы видеть мое лицо, и, словно вспоминая какой-то давний сон, тихо спросил меня:

— Происходит что-то странное... Во мне ничего нет. Просто бескрайняя пустота... как свет, распространяющийся по все стороны... Ничего нет.

— Сколько ты уже находишься в этом состоянии? — Мое лицо было невозмутимо, хотя я сам был переполнен волнением, как тогда, когда Стевича сказал мне, что ждал меня, зная, что я когда-нибудь навещу его.

Орион глядел на меня остановившимися глазами, словно читал истину внутри себя, высеченную на камне:

— С прошлого вечера?..

Я взял небольшую паузу, а затем, как курица, клюющая яичную скорлупу ради того, чтобы помочь выбраться встревоженному цыпленку, спросил:

— Теперь скажи мне... КТО ТЫ ЕСТЬ?

Он открыл рот наполовину, вытягивая руки ладонями вверх.

— Ну... Я... — В тот же момент он понял эту шутку Бытия, разыгрываемую людьми с незапамятных времен. Он дотронулся правой рукой до лба: — Я... О, Боже мой... вот оно!

Он опустил с коленок на пол, продолжая держать голову, и рыдал как маленький мальчик, который, наконец, нашел свою мать, он признал то, что угнетало его так долго.

После этого момента участники тренинга стали входить в состояние просветления у меня на глазах. Нет. Не сразу. Не все. Но вот свет озарял глаза — ее... его...

Я позабыл имена некоторых участников, и слова, которые предшествовали их просветлению. Но прямое переживание Истины Орионом осталось нетронутым в моей памяти: его выражение лица, то, как он держал голову, его глаза, смотрящие в Вечность, осознание жестокой шутки, в которую с ним так долго играл Творец, его слезы и просветленное выражение лица, с которым он возвращался к своему партнеру в диаде.

В тот момент я осознал одну странную вещь — как мы сильно связаны с другими человеческими существами. До этого мое просветление с Кали в Санта-Барбаре было самым ценным моим переживанием. Но когда Орион произнес эти два слова: «Ну... Я...» — его ощущение просветления я ощутил с неимоверно большей силой, чем свое собственное. Когда я сравнивал эти два переживания, его чувства оказались более ценными для меня. Словно в тот момент я сам сомневался в себе, и вдруг, разрушив все преграды, лучшая моя часть переполнилась Светом — и преклонялась перед стулом Мастера, освещенного истиной.

Просветление Ориона потревожило и остальных. Его партнер, толстая девушка с густыми черными волосами и со странным именем Милада, уставилась на него с широко открытыми черными глазами, которые стали светиться, словно она следила за каждым его словом. Орион громко говорил о своем переживании, так что его голос резонировал во всей комнате, и участники, вытягивая свои шеи, чтобы лучше его слышать, искоса поглядывали в его сторону. По установленным Йогендрой пра-

вилам я должен был сделать им предупреждение, чтобы те продолжали медитировать над своим коаном, однако позволить им проникнуться эмоциями и влиянием Ориона было куда лучше. Было видно, как сильно действовал аромат Истины. Их заботы, боли в теле и голове, тошнота, чувства безнадежности, капитуляции и отчаяния — все исчезло в один миг, а само желание пережить Истину несомненно возросло невероятно.

Мое внимание все сильнее и сильнее приковывалось к внешнему виду Милады. Наклонившись вперед, она пристально уставилась на Ориона, *впитывая* все то, что исходило от него. Ее нижняя челюсть была расслаблена, а лицо — покрыто краснотой, которая доходила до самой шеи. Она смотрела так, будто онемела от чуда. Когда гонг известил о перемене ролей, она закрыла глаза и, очарованная, сфокусировалась на себе. От такого глубокого погружения исходила сильная энергия. Я пытался уделить внимание и остальным участникам, но никак не мог отвести глаз от ее лица и груди, которая то быстро поднималась, то опускалась. Ноздри ее широкого носа раскрылись, и она начала дышать с присвистом. Затем она закрыла лицо руками, ее плечи затряслись, и тело начало издавать пронизывающий вопль, который становился все выше и выше и прерывался лишь короткими стонами. Перепуганные участники тренинга смотрели на меня, ожидая каких-нибудь действий. Лишь Орион сиял от счастья, его ощущение усиливалось и умножалось. Вопли Милады внезапно умолкли. Она затихла на какое-то время, ее руки все еще держались за голову, которая склонилась над коленями, и, когда она подняла ее, мы стали свидетелями превращения жирного червяка в прекрасную, обворожительную бабочку. В ее сияющих глазах уже не было видно того толстого тела, коротких маленьких колоннообразных ножек и черных, кудрявых, как мех, волос. От нее исходила красота, которая затмевала все ее физические недостатки, как от цветка лотоса, что заставляет смотрящего не обращать внимания на ту грязь, из которой он растет.

Она сказала, всхлипывая: «Я впервые в жизни счастлива... что жива».

По комнате пронеслось облегчение, породив новую надежду на возможность переживания Истины здесь и сейчас. Люди стали похожи на стаю охотничьих собак, гонящихся за кроликом.

От предыдущего замешательства, сомнения и неуверенности не осталось и следа. Перед ними раскинулась ИСТИНА, как золотая, загорающая под лучами солнца гора, решение всех их страданий, страхов и унижений, лекарство от всех болезней этого непривлекательного мира.

Мне нужно было перевести свое внимание с Милады, так как в мою сторону направлялся Михайло Пантик, которого называли Миком. Он был математиком и специалистом по компьютерам, именно так он и выглядел. Яйцеобразная голова, очки в толстой оправе, за которыми сжимались его маленькие глаза, высокий лоб и мозг, поглощающий информацию, как губка. И сейчас эта губка быстро вибрировала, пытаясь подыскать причину для явной несправедливости, где двое, писатель, живущий в фантазиях, и толстая Милада пересекли финишную черту, в то время как он оказался позади в группе неудачников. Духовная зависть, как кислота, проедала поверхность его небритого лица. На уголках губ его потного тела виднелись следы от высохшей слюны, которая превратилась в пену, его глаза, уменьшенные под толстыми очками, придавали ему черты насекомого, не способного найти выход из ловушки, в которую оно попало.

— Я хочу кое-что прояснить, — сказал он с ноткой отчаяния. — Возможно ли проверить... то есть... узнать наверняка, стал ли человек просветленным или нет?

— Не волнуйся по этому поводу, Мик. Здесь нет никаких определенных уравнений, это не математика. Нужно использовать то состояние, в котором ты находишься. Обрати вопрос на себя. Кто хочет знать, возможно ли быть уверенным в оценке? Кто сейчас безнадежен? Кто смотрит на меня?

— Но больше я не могу работать, пока не узнаю, во что я ввязываюсь!

— Конечно, можешь! Ты уже так хорошо поработал, ты видел, что произошло. Глубоко внутри души ты понимаешь, что пережили эти двое просветленных. Теперь же твое эго, твой давний враг, пытается помешать тебе испытать Истину, так как на секунду это твое эго помрет. Оно дает тебе погрызть кость, пока не закончится «Интенсив», — какова возможность? Можно ли это сделать — или нет... И все в том же духе. Это старые, грязные уловки. Возвращайся на место и продолжай работать! Все свои действия обрати на себя, и ты станешь просветленным!

Просветление Ориона и Милады задействовали глубинные процессы во многих других участниках. В общении появились эмоции, люди *перестали притворяться*, и ранее скрываемая грязь начала вылезать на поверхность. Группа представляла собой собрание *разоблаченных* существ, преследовавших лишь одну цель — пережить Истину. Они мгновенно меняли состояния, в которых находились. Отчаянные крики и отвращение к собственным поступкам сменились убеждением в том, что все так, как должно быть, и что наше безнравственное поведение задумывалось для пробуждающей игры.

В комнате витала энергия, была почти полночь, но никто не хотел спать. Я слышал, как кто-то сказал, что мы были на космическом корабле и оставили свою привычную жизнь где-то далеко позади. Игра в самокопание захватила всех участников. Истина взяла их под свое крыло, и теперь вернуться назад было невозможно. Когда я до полуночи объявил об окончании второго дня, в комнате пронесся невнятный протест.

Во сне я оказался в Виолин До, рядом с братом и бабушкой, рассказывающей нам одну из своих историй. Она коснулась своей теплой ладонью моей щеки и сказала: «Ты никогда этого не забудешь». Затем я понял, что нахожусь во фруктовом саду, рядом с рыбоводным прудом. Я поймал прекрасного белого голубя, с гладкими и блестящими перьями, переливающимися на солнце. Держа его в руках, я почувствовал такое же тепло, которое исходило от ладоней бабушки на моих щеках. После чего меня разбудил тихий звук будильника, который я положил рядом с мешком, и поначалу я не понимал, где нахожусь. Белый голубь, и я это осознал, символизировал просветление, и я знал, что все будет хорошо.

Третий день я начал с короткой речи:

— Вы находитесь в идеальной ситуации. В группе витает огромное количество положительной энергии, большинство из вас хорошо справляется с техникой, и сейчас пришло время получить то, ради чего вы пришли сюда. Будьте открыты всему, что содержится в вашем сознании. Смотрите — и не пропустите очевидного!

От моих слов на лицах некоторых участников появилось смятение, сомнение и сопротивление. Словно они хотели сказать: «Что еще за очевидное такое, я не слепой!..» Чтобы заострить их внимание на том, что они должны пережить, я прибегнул к

суфийским метафорам движения, метафорам из практического ума дзен, которые использовались столетиями. Мои слова заключали в себе все то ценное, что я услышал и познал от других, но ни на секунду я не обесценивал чье-либо мнение. Как рассказчик, я лишь что-то добавлял к этим идеям.

— Все эти загадки, головоломки, короткие истории преследуют лишь одну цель — подвинуть вас к Истине. — Я взял небольшую паузу, словно дожидаясь их ответов, а затем продолжил, взволнованно вспоминая мою прошлую инициацию в ордене Одина:

— Три змеи скитались по этому миру, чтобы отыскать Трехзмея... Кто это? — Я сделал недоуменное выражение лица, словно пытался найти вместе с ними ответ на эту загадку. — Знаете, какие строчки посвятил поэт Весна Крмпотич Сфинксу? Сфинкс — это место, откуда можно увидеть Сфинкса, и это единственное место на свете, откуда можно увидеть Сфинкса.

У кого-то глаза были подняты, у кого-то опущены, кто-то смотрел куда-то вдаль сквозь меня. Я, несомненно, затронул их, хотя они этого и не осознавали. Глубоко внутри эти метафоры будут вращаться согласно цели — так, как их создали мудрецы. Я ничего не упустил из виду. Эгоизм Мучи был замечен всеми. Он искусно скакал по партнерам. Будучи пассивным, он не обращал внимания на своего активного партнера, за которого он отвечал, вместо этого из-под полузакрытых век он то дремал... то грезил наяву... то осматривался вокруг, беспокоясь, что кто-то еще может получить хотя бы что-то похожее на просветление... В то время как он сам не вылезал из всего эгоизма. Он пытался подкупить мое расположение громкой речью о том, что слова мастера оказали ему огромную помощь, что каждое мое слово было на вес золота, что все его трудности были из-за недостаточной внимательности, что он чувствовал огромную любовь к людям, и что если бы ему приходилось выбирать между просветлением партнера и своим, он выбрал бы первое. По мере продвижения «Интенсива» его уши становились жестче, а язык — длиннее. Мне приходилось приглядывать за ним, так как многие участники тренинга воспринимали его как «свои» метания, как «голос» своего, боящегося быть выброшенным вон, ума. ...Его слова были подобны грызунам, подрывающим основу «Интенсива».

В перерыве между двумя диадами я обратился к участникам со словами:

— Некоторые из вас, будучи пассивными, не следят за речью своих партнеров. На «Интесиве» легко различимы эгоизм и любовь. Не забывайте, что первым достигает просветления душевно открытый пассивный партнер, поскольку его любовь пробивает броню эго. Когда эго исчезает... Тогда человек достигает просветления.

Мне нужно было снова задействовать Ориона и Миладу. Они очистились и пережили «конец игры» еще вчера. Когда игра доходит до самого конца, ее направленность и структура распадаются. Нет напряжения, которое толкает к цели, так как сама цель по достижении уже исчезла. Мне нужно было подтолкнуть их к новой цели, создать новое напряжение для нее. В качестве единственного ресурса выступала любовь, они все еще излучали ее, слабее, чем прошлым вечером, но она все же чувствовалась на фоне их мыслей, слов и жестов.

— Те, кто уже достиг просветления, должны использовать оставшееся время для отработки более глубоких переживаний, сменить вопрос и сделать все возможное, чтобы получить просветление по коанам: «Что есть Жизнь?» или «Что есть другое существо?» Если вы почувствуете себя подавленным, подумайте о тех, кто рядом с вами. Вы достигли просветления благодаря им, выразите им свою признательность и любовь, помогите им стать просветленными.

До обеда мы топтались на месте. Затем несколько человек поочередно вошли в состояние сильного катарсиса. Я перестал бояться, что больше никто не станет просветленным, я больше опасался за их пронзительные крики, так как соседи могли вызвать полицейских. Я выдавал им большие перьевые подушки, чтобы приглушить голоса и прикрыть рты в моменты крика. Удивительно, как человек в некой ситуации, выходящей, как кажется, из-под контроля, может выполнять все то, о чем его просят.

— Поднеси подушку ко рту и ори в нее! — сказал я Мику. И он беспрекословно послушался меня.

В какой-то момент Стоян Дреньянин, мастер по карате, которого я знал меньше всего в группе, вошел в состояние катарсиса, к нему присоединились японская девушка и Ольга, литературовед с длинной шеей и голубыми венами, которые

вспухли от криков в подушку охрипшим голосом. Следующие десять минут я не мог приглядывать за остальными в группе, и когда я подходил к стулу, чтобы рассмотреть всех получше, в мою сторону направился Питер Корчной: «Я больше не могу работать над своим вопросом».

Его техника сломилась, от него исходил запах дзен. Он находился в пустоте. Он достиг очевидного просветления, и, чтобы огородить его от философствований и поиска возвышенных переживаний в другом месте, мне нужно было вынуть из него это переживание несколькими словами. Я склонился над ним и посмотрел ему в лицо. Его дыхание напоминало дыхание голодной собаки, но ни для него, ни для меня это было неважно.

— Почему ты не можешь работать над своим вопросом, Питер?

Медленно, словно пробуждаясь, он сказал:

— Потому что не вижу в нем больше смысла.

Передо мной стояло чистое существо, без отождествления, прослойка или лжи. Голова цыпленка высывалась через трещину в яйце.

— И почему в нем нет никакого смысла?

Он сощурил глаза и, потряхивая головой, сказал:

— Потому что я знаю... кто я есть. — Он положил голову мне на колено и зарыдал. Его надежды на то, что просветление избавит дочь от лейкемии, его от алкоголизма, разрешит отношения с падшей женщиной и женой, которую он любил, что перед ним откроется выставка, которую он откладывал пятнадцать лет, — все это исчезло. Он был здесь, таким, каким он есть, каким всегда был, мужчиной, чья дочь вскоре умрет от лейкемии.

Я обнял его за широкие плечи и поцеловал его потный затылок.

— Это случится, Питер, — сказал я дрожащим голосом. — Истина — такая, какая есть, а не такая, которую мы хотели бы иметь. Истина поначалу кажется болезненной, а потом ты понимаешь, что она извечна. Вспомни слова из дзен: «И достигнув просветления, я так же несчастен, как был всегда...» Ничего не подавляй в себе, выскажи все своему партнеру: что ты ожидал, в чем ты разочаровался сейчас, все — о чувствах, что тебя предали, все, до последней капли... Просветление... ты узнаешь

его, оно придет к тебе с твоим чувством абсолютного удовлетворения, и это чувство будет твоим рано или поздно.

Он поднял голову с моего колена и решительным, отважным жестом вытер слезы тыльной стороной руки и сказал:

— Так и сделаю. Я представлял себе это иначе... но все равно спасибо. Спасибо от чистого сердца.

Время вышло, «Интенсив» подходил к концу. Маленькая группа участников лихорадочно старалась достичь просветления, в то время как другая погрязла в возрастающей эйфории, сопровождавшейся истерическим смехом. Йован, отбросивший сексуальные темы на второй день, был снова ими переполнен. Перед тем, как он что-то говорил, эйфористические участники мгновенно замолкали, чтобы услышать его речь, и каждое произнесенное им слово сопровождалось вспышкой смеха. «У меня полуавтоматический член, — раздался в моих ушах его голос, — я поднимаю его рукой, и он падает сам по себе...» Я потер подбородок рукой, чтобы попытаться скрыть свой смех, однако безуспешно.

В середине его высказываний, от которых смеялись все вокруг, на поверхность вылез страх: «Я мягкотелый с женщинами, я все время чувствую вину, я всегда виновен... Когда они обвиняют меня в том, что я, мол, такой расякой, я сразу же соглашаюсь с этим, да, я такой, я жесткий, свинья, хитрый, и все в таком духе... Я должен быть мужчиной и повышать голос, как мужчина. Я должен сказать им — заткнитесь! Вы все шлюхи, от первой до последней, гребаные неверные суки!»

Его слова пробудили ту жалкую боль, что он чувствовал, однако вместе с тем они вызвали новую волну смеха. Он понимал, что находился в центре внимания, и что ему было нетрудно оставаться там. Он говорил о своей жене, будто рассказывал о двух разных людях. Одна была девушкой, с которой он встречался и которую осыпал похвалами. Ее трансформация во время брака в неприглядную суку, говорящую за спинами людей, ходящую по дому с растрепанными волосами и чешущую свою задницу, не могла изменить первоначальный образ. Когда он говорил о том, как они любили друг друга, его лицо приобретало жалостливое выражение: «Она была, правда, привлекательной, ну то есть... настоящей телкой. У нее были отличные ножки, сиськи, превосходная задница, на нее было приятно смотреть». Он немного поразмыслил, открыл глаза, и в центре оказалась его

действительная жена: «Эта ядовитая гадюка разбазаривает по району, что напишет в газете о своем отказе признавать меня своим мужем, что она не потерпит мои долги». Он осмотрел комнату в поисках слушателей и громко прокричал: «Эй, народ, я помогу ей, я откажусь от себя и не приму мои долги!»

Его партнер, Максим Драганич, кивнул головой, подтверждая высказывание. В эти три дня Максим несколько раз жаловался на свою неопределенность, являлся ли он гомосексуалистом или гетеросексуалом. Казалось, что открытость Йована побудила его к действиям, и он внезапно заговорил, несмотря на то, что должен был выступать в роли слушателя и молчать: «Хватит с меня этих тухлых компромиссов. Если ты мужик, то не можешь сидеть на двух стульях. Невозможно иметь шило в заднице и душу в раю!»

Рядом с ним, в голубых вельветовых штанах, сидела Даниэла, стройная девушка с длинной шеей и волосами, которые были убраны в пучок. Она годами зачитывалась оккультной литературой и щедро делилась своими знаниями. Из ее разговора, сотканного из хорошо подобранных слов, можно было узнать, какому из авторитетов она отдавала свое предпочтение на тот момент. Друг за другом следовали Блаватская и Рамачарака, Гурджиев и Кроули, Мехер Баба и Махариши. Она закончила Тейяром де Шарденом. Она свысока посмотрела на Йована и Максима и заявила более громким голосом: «Мы — не люди, пытающиеся стать богоподобными. Мы — боги, пытающиеся стать людьми». Йован остановился на середине фразы, словно взвешивал ее слова, а затем сказал: «Если я бог, то вы все по уши в г...не!!»

Началась последняя диада, все активные партнеры заговорили одновременно, смех пролетел по всей комнате, запах пота и плохого дыхания изо рта уже никого не беспокоил.

— Интересно, как это, быть на четырнадцатидневном «Интенсиве»? — поглядывая на меня, спросила группу японка почти кричащим, пронизывающим уши голосом. Если бы я только мог выйти из роли Мастера и указать ей поднятым в воздух кулаком, что это, несомненно, самая влиятельная вещь на всей планете!..

Но мое внимание сместилось на Вичу, брата Ольги, тихий остров серьезности во взволнованном озере смеха. Он с вопросительным взглядом пристально рассматривал то одну, то другую сторону ладоней, как будто видел их в первый раз в жизни. За-

тем он схватился обеими руками за лицо. Я жестом подозвал его к себе, но он не заметил меня. Я осознавал происходящее — Нарцисс увидел свое отражение, и его охватили чувства удивления и любви. Я подошел к нему со спины и, похлопывая по плечу, сказал:

— Пойдем.

Прошагав к стулу, он встал коленями на коврик позади меня, однако его внимание по-прежнему было приковано к внутренним переживаниям. Тот, кто искал, и тот, кого искали, соединились в единое целое. Его нужно было похлопать чуть посильнее, чтобы он смог перевести пристальный взгляд с союза с самим собой на других людей.

— Скажи, что происходит.

— Ничего.

— Я понимаю. Скажи мне, что в твоём сознании.

— Ничего. Просто облегчение. Я чувствовал себя мешком с горохом, который постоянно переваливался. Кто-то разрезал мешок, и оттуда высыпался весь горох. Остался пустой мешок.

— Кто чувствует это облегчение? — спросил я. Когда он открыл рот для ответа, я посмотрел в сторону, делая вид, что слушаю все то, что происходит в другом конце комнаты.

— Я, — пораженный, ответил он.

Я снова перевел на него взгляд:

— Я не расслышал, что ты сказал. Кто чувствует облегчение?

И опять, как только он открыл рот, я отвел взгляд в сторону.

— Я, — раздраженно ответил он.

Я снова уставился на него, слово пропустил то, что он сказал:

— Я плохо расслышал тебя. Скажи громче — КТО чувствует облегчение?

— Я, я, я, я! — закричал он, так что его услышали все остальные в комнате. — Кто еще?

И в этот момент до него дошло. Его глаза превратились в щелочки, все лицо сжалось, и он простонал:

— Это не ТО, Боги. Это НЕ ТО!

Мою улыбку подхватило еще несколько людей, которые разрывались от смеха. Бессмысленно было это отвергать, игра в отрицание была закончена, для него началась игра в истину.

— Ты думаешь, что это не ТО?

Верхняя часть его туловища покачивалась то влево, то вправо, словно он взвешивал слова:

— Боже, а я ожидал...

— Чего ты ожидал?

Он поднял голову к потолку, а затем опустил ее вниз, разглядывая свои руки.

— Я был уверен, что когда стану просветленным, то обнаружу мистическую связь между каждым атомом своего тела и всем космосом. Каким же дураком я был!

Я поцеловал его в потный лоб:

— Иди на место и выскажи все своему партнеру!

Не нужно было больше ничего говорить, моя работа с ним теперь была окончена.

«Интенсив» стремительно подходил к концу, и я решил не вмешиваться в ход событий. Я повзрослел на стуле Мастера, изнеможенный и полноценный, я искал для сравнения похожие ситуации в своей жизни. Лишь несколько прошлых коротких моментов могли сравниться с этим чувством: когда Стевича обратился ко мне в доме своего приемного родителя: «Папочка, я ждал тебя, я знал, что ты когда-нибудь придешь!..» И то, что произошло со мной вечером после возвращения из Чикаго. Я думал о безрассудстве жизни, раздумывал о суициде, и в этот момент ко мне подбежал Ненад, обнял меня своими тонкими ручонками и нежно сказал: «Папочка, дорогой, ты чего такой печальный?» Лишь те два переживания в моей жизни могли сравниться по силе с этим моментом.

Прозвучал финальный гонг. Партнеры обнимались, плача от счастья, хихикая и крича в одно и то же время. Они подошли ко мне и дотронулись своими мокрыми от слез лицами до моего, чувствовался запах пота от людей, просражавшихся три дня и три ночи за истину своего существа.

— Мастер!!! — выкрикнул Милос Дреньянин. — Вы самый лучший Мастер из всех, вам нет равных! Позвольте мне поцеловать вас, мы все должны целовать вам задницу!..

Маленькая японка встала на цыпочки и поцеловала меня в щеки:

— Когда у нас будет проходить четырнадцатидневный?

— Скоро, скоро, — сказал я, разглядывая Питера Корчного в толпе. Он стоял в стороне, прислонившись к стене. По его мужественному лицу, заросшему рыжеватой бородой, катились слезы.

— Давай сюда, Питер, позволь мне обнять тебя, — пытался я перекричать голоса в комнате. Он медленно подошел ко мне. Вича отошел в сторону, чтобы пропустить его. В беде Питера было какое-то величие, которое заслуживало почетного места. Он обнял меня за шею правой рукой и, подтаскивая к себе, искренне сказал:

— Я счастлив, что могу называть себя вашим другом.

Продолжая обнимать его, я заметил Мучи, на лице которого было одиночество. Какое странное ощущение. Я ненавидел его большую часть «Интенсива», желая, чтобы такие, как он, исчезли с лица земли, а теперь так же его любил. Любовь, как из священного Грааля, разливалась отовсюду. Махнув головой, я подозвал его к себе, и перед поцелуем в лоб он заплакал. Теперь его слова были искренни, он не пытался угодить мне или отгородить от остальных:

— Ты знаешь, что это для меня значит!

Ольга целовала меня в щеки и, взяв за голову, чуть отвела ее назад, словно хотела получше меня разглядеть.

— У меня никогда не было столько любви...

Мне нужно было уходить. Я бы пропал, если бы задержался в этой горящей, кипящей магне чувств, слыша крики, доносящиеся из самой глубины их сердец. Я не смог дождаться лифта и пошел пешком по лестнице, все еще слыша смех из комнаты, где я оставил людей, которых любил больше всего на свете. Это была необычная любовь. Это было осознанием идентичных сознательных существ, в которых каждый видел самую значимую часть друг в друге. В моей голове резонировало какое-то странное слово, которое я еще не встречал, или же слышал, но очень, очень давно... Его мягкое звучание пробуждало воспоминания из какой-то сказочной страны — Арелена. Я никогда не слышал такого простого и прекрасного слова, и теперь оно наполнило меня, крутилось во мне, как мелодия, не желающая выходить из головы. И я не хотел расставаться с ней и во время ходьбы громко и ритмично напевал: «Арелена, Арелена, Арелена!» Я слышал, как далеким эхом с невидимых скал доносился долгий переливчатый йодль. Я не сомневался ни на йоту, что это слово означало любовь: «Любовь Навсегда». Путь Истины — это Путь Любви. Я нашел свой Путь в Калифорнии и теперь шел по нему. Это Арелена, Арелена, Арелена...

Рано утром зазвонил телефон и не умолкал еще несколько дней. Звонили участники «Интенсива», чтобы поделиться своими ощущениями. Они говорили быстро, словно боялись, что я повешу трубку, прежде чем они скажут что-то очень важное. Они всячески восхваляли меня и объяснялись в любви и интересовались следующим семинаром. Когда же он будет? Тот же вопрос задавали друзья участников и знакомые мне люди, которые пропустили первый «Интенсив». Они извинялись, что не смогли прийти, перекидывая ответственность на членов семьи, срочные дела, из-за которых упустили эту блестящую возможность.

Я не смог получить ту же квартиру на следующий «Интенсив», и некоторое время мне казалось, что придется отменить его. Затем около российского посольства Мучи отыскал одно разваливавшееся здание под названием «Дом учителя». Никаких учителей там не было, оно служило ночлегом для строителей с обветренными небритыми лицами, которые носили грубую тяжелую одежду и резиновые крестьянские башмаки. Для практики Мучи арендовал самую большую комнату в доме и три дополнительные спальные комнаты. Некоторые окна были разбиты, в туалете вперемешку с грязной водой стояла моча. Спальные комнаты отапливались углем и дровяными печами, которые чадили темным дымом. Но я был доволен: арендная плата оказалась в три раза меньше, чем у остальных, и нас никто не спрашивал, кто мы такие и что собираемся делать.

Эйфория после первого «Интенсива» продержалась недолго. Следующие несколько дней у меня сопровождалась негативной

эмоциональной реакцией. Я ощущал апатию и опустошенность, однако мог частично дистанцироваться от своих эмоций и одновременно воспринимать их, как игрока и как справедливого судью, осведомленного о происходящем и способного внести вклад в спокойное продолжение начатого. Ожидаемой стычки с Лидией не произошло. После «Интенсива» к ней с визитом приехали родители. Дома оказались и моя мать с дядей. Им не нужно было расспрашивать, чего нового я натворил в этот раз. Лидия дружелюбно посмотрела на меня и просто спросила: «Не хочешь поужинать? Я испекла блинчики».

Несколько дней у меня тряслись руки, я часто проливал кофе и разбивал посуду. Когда закрывал глаза в постели, мое тело дрожало, словно оно парило в воздухе. На третий день после «Интенсива» я отправился в сауну. Мне очень сильно нужен был массаж, чтобы вернуться обратно в тело, так как на этот раз я из него на самом деле основательно выпал. Для этого дела подходил Вукасин, физиотерапевт в сауне. Его гибкие и в то же время необычайно сильные пальцы могли массировать мышцы часами без какого-либо намека на усталость. Когда я снял халат, он быстро осмотрел меня с головы до пят и сказал:

— Вы и вправду расплылись, господин Животич. Чем вы занимались?..

Путь до дома после массажа занял около часа. Свалившись в кровать, я ощущал приятную усталость, чувствуя себя заземленным. Я явно вошел в серьезную игру, самую интересную игру на планете, и назад пути не было. Быть духовным Мастером в группе людей на три дня и три ночи — все равно что говорить о жертвоприношении Христа в миниатюре и прочувствовании Его великой любви. И нет той цены, которую бы не стоило заплатить за такое переживание. Я знал, что мы найдем место для следующего «Интенсива», и когда Мучи, торопясь, сказал мне, что все решено, я не был удивлен его словам.

Однако меня поразили слова Милады по телефону. Я ожидал очередной похвалы, так как она начала разговор точно так же, как и все остальные:

— Мне нужно тебе кое-что сказать, но я чувствую себя неловко. Несколько раз я пыталась позвонить тебе, но никак не решалась...

— Давай же. Что у тебя?

— Ну, я не знаю, как начать... У меня было ощущение, что я знала нескольких людей из далекого прошлого. Я не хотела попадаться на одну из ловушек эго... возможно, это были лишь мои фантазии, но они появлялись сами собой... Я никак не могла избежать этих образов и мыслей. Я должна была поделиться с кем-нибудь... Теперь я себя чувствую лучше. — В трубке раздавалось ее глубокое дыхание.

— Хорошо, давай вкратце.

— Это касается Ориона. С самого начала «Интенсива» я убеждена в том, что он — мой брат. Вчера мы вдвоем встретились в городе. Он по секрету поделился со мной чувствами о том, что в одной из прошлых жизней я была его сестрой. Я была поражена.

— Такое часто случается во время и после «Интенсивов». Я советовал тебе быть открытой перед многими возможностями. У тебя за спиной бесчисленное количество жизней, и кое-какие люди, конечно же, были тебе родителями, братьями и сестрами, партнерами... некоторые из тех, кого ты встречала. Открывшись на «Интенсиве», ты распознала одного из них. Но, может быть, ты и ошиблась.

— Спасибо. Мне теперь лучше. И еще кое-что... — Она немного помешкала, а затем медленно сказала: — В мою голову закрались какие-то странные слова... будто на этом языке мы когда-то говорили... Какое-то слово или мелодия все еще сидит в моей голове и пытается меня. Я днями и часами ходила вся раздраженная, пока не поняла его значения, и лишь затем наступило облегчение. Это было похоже на взрыв кокона, из которого вышла какая-то плотная энергия, тянувшая меня вниз.

Я сжал немного сильнее телефонную трубку:

— Скажи мне, что это были за слова?

— Ох, их было несколько. Я не смогла отыскать значения некоторых из них и до сих пор страдаю по этому поводу. Я думаю, что Питера, того парня с больным ребенком, однажды звали Отаром, что значит скульптор... «Лекса» значит огонь, «мэ» — я, «отавиа» — «пусть остается все как есть». На «Интенсиве» я поняла, что есть настоящая любовь, не ограниченная временем, так как она на все времена... однако я не совсем понимаю, что это может быть за слово: «амарена» или «варлебена»... что-то такое. Я и вправду хотела бы узнать это слово.

— Арелена?

Из-за наступившего молчания я подумал, что оборвалась связь.

— Милада?..

— Точно. Как ты узнал?

— Некое понимание приходит сразу к нескольким людям.

— Боже мой, Боги. Точно, спору нет! Я так страдала. Мне нужно было тебя спросить сразу же после «Интенсива». Конечно же, Арелена... Боже правый, это и есть то самое слово!

— То, чего человек добивается собственными силами, представляет куда большую ценность, нежели когда ему кто-то рассказывает об этом. Ты была близка — Арелена означает «любовь навсегда». Любовь между двумя искренними существами, где нет места для эго. Послушай меня внимательно, Милада, запиши эти слова и расскажи о них остальным. Не исключено, что они все еще находятся в сфере этих вибраций.

— Хорошо. Мне стало легче, я думала, ты будешь смеяться надо мной. Есть кое-что еще. Я думаю, мы жили общиной на какой-то белой планете. Шона, так ее звали, что переводится как «Белая». Некоторые из тех людей не были на «Интенсиве», но они вскоре покажут себя, и мы узнаем их.

— Очень хорошо, Милада. Как-то на «Интенсиве» мне привиделась группа близких друг другу людей, они танцевали какой-то ритуальный танец в белом одеянии... белый цвет преобладал на той планете.

— Слушай, Боги, мы все очень хотим повидаться с тобой. Кто знает, что у других в голове? Когда мы все откроемся, у нас будет великолепное переживание.

Во мне пробудился Мастер.

— Следует контролировать этот порыв. Не нужно убегать от повседневных обязательств в видения. Такое происходит во многих культах и сектах. У нас две ноги. Одной мы можем измерить глубину воды — новые измерения и неизвестные миры — в то время как другой мы должны твердо стоять на земле. Что у тебя с экзаменами?

Ее голос потерял звенящие нотки радости:

— На днях мне нужно сходить в университет. Я там не появлялась некоторое время.

— Ты должна непременно сходить туда и пока оставить все остальные вопросы для следующего «Интенсива». Там ты

сможешь пообсуждать их. Через двадцать дней у нас начинается новый «Интенсив».

Участники заносили себя в списки очень быстро, и я начал волноваться, хватит ли нам всем места, так как хотел укомплектовать участников до предела. Позвонил также и Павлу Изакович, которого двузья называли просто Изой. Окончив военную академию, он сразу же покинул ряды армии. Иза работал водителем грузовика в какой-то деревеньке рядом с Панчево и хотел говорить лишь о двух вещах — военной истории и духовной эволюции. Он заявлял, что в своем прошлом воплощении был Живоином Мишичем, главнокомандующим. Стены его комнаты были увешаны фотографиями, в углу стояла винтовка с балканских войн, а на полках — гранаты без взрывного заряда и три офицерские шляпы. Пепельница на столе была вырезана из латунной гильзы. Он был высокого роста, крепко сложен, весьма тонкие волосы и широкие здоровые зубы.

— Впиши меня в «Интенсив», Боги. Ты не пожалеешь. Я настоящий боец за истину и справедливость.

— Иза, эта игра превосходит все те, в которых мы когда-либо принимали участие. Здесь не действуют старые правила, но поверь мне, твое место на «Интенсиве».

Повесив трубку, я увидел Ненада, который заинтересованно глядел на меня:

— Я хотел бы тебя о кое-чем спросить.

— Давай.

— Сделаешь это для меня? Пообещай, и я тебе скажу, что.

— Ну, я обещаю.

Он довольно улыбнулся, будто удачно провернул хорошую сделку:

— Позволь мне пойти на «Интенсив».

Несколько дней я размышлял над тем, как его постепенно вывести на Путь. Я хотел избежать ошибок родителей, которые всецело отдавались своей работе. Они заставляли детей любить те же самые вещи, только делали это не так, вызывая лишь противоположную реакцию — их дети ненавидели то, что так сильно любили родители. Мне нужно потратить три-четыре года, только чтобы познакомить его с атмосферой «Интенсива», а он просит уже сейчас попасть на него. Я был удивлен и немного взволнован его просьбой. Выдержит ли он три

дня и три ночи стресса, которые не переносили даже некоторые из взрослых? Его это может просто развалиться на части. И смог бы он остаться нормальным ребенком после пережитого сверхнапряжения всех душевных сил, смог бы он играть со своими сверстниками, читать комиксы и мечтать о какой-нибудь девочке из школы? Я жаждал, чтобы меня засосал какой-нибудь неодолимый водоворот событий и унес прочь все сомнения, оставив лишь единственную цель в жизни. Я не хотел, чтобы с Ненадом, которому к тому моменту было всего тринадцать лет, случилось что-то, что может глубоко травмировать его личность...

— Хорошо, я не откажусь от своего обещания, — нерешительно сказал я, — но при необходимости уведу тебя с «Интенсива». Договорились?

— Да, — искренне ответил он, глядя на меня глазами, которые засияли по-новому, — но я уверен, что справлюсь.

Лидия вернулась с работы днем и застала меня за беседой с участниками тренинга и телефонными разговорами. Она слышала непрерывные вопросы от Мучи и мои ответы на них. Она старалась не показывать свою заинтересованность в этом. Была слабая надежда на то, что она тоже примет участие в работе «Интенсива», но она миг разрушила ее.

— Мне он не интересен, — сказала она как-то вечером. — Я не хочу обидеть тебя и даже не имею ничего против того, что Ненад идет с тобой. Ты его отец, и ты знаешь, что для него хорошо. Но все это мне кажется каким-то фальшивым, будто люди навязывают мне что-то такое, что должно произойти само собой.

— Если ты ждешь, пока это случится спонтанно, то тебе придется прождать очень-очень долго. В технике «Интенсива Просветления» нет ничего нового. Свами Вивекананда — я уверен, что ты слышала о нем, — сказал, что йога — не более чем умножение усилий, направленных на осуществление духовной эволюции за одну жизнь, из которой произтечет много новых жизней.

Она кивнула головой в знак согласия.

— Ты мне много раз рассказывал про Вивекананду, но есть и другие способы... — Она зачарованно наблюдала из окна за серым декабрьским небом и, словно говоря с самой собой,

произнесла: — На днях я начала читать Юнга... Какая ясность и глубина мысли. Боже мой!

Я занервничал. Можно было сказать много лестных слов в адрес стиля Юнга, но только не в адрес ясности изложения мысли. Я оставил в покое дальнейшие попытки объяснения своей точки зрения. Мои аргументы были бессильны поколебать ее мнение. В своих мемуарах Юнг очень точно заметил, что на свете нет такой женщины, которая бы считала своего мужа достойным уважения. Как она могла? Остальные — всегда более значимы и незаурядны. Они далеки, чисты, и жена не видит их грязного нижнего белья, когда раскладывает его для стирки. Я вспомнил слова Оука Вилкинсона, произнесенные как-то вечером в доме Астрид Монти в Стокгольме. «Чтобы считаться в семье экспертом, нужно быть, как минимум, за сто миль от дома. А мудрецами и духовными учителями — то и того дальше».

— Может, Юнг для тебя сейчас и к месту. Когда-нибудь, возможно?.. Ты слышала такое изречение, что книга — лучший друг до той поры, пока ты не ступишь на Путь?

Намеками я также пытался вовлечь в «Интенсив» и дядю. Для него в таком возрасте это был шанс понять, кто он такой. И он бы в мгновение ока расправился со всеми своими неудачами и жизненными долгами. Было ясно, что время для него уже на исходе. Он смеялся и тряс головой:

— Нельзя обучить старого пса новым трюкам. Если бы я был на десять лет помоложе... Такому, как мне, там не место. Но я хотел бы поговорить с тобой, как в старые добрые времена. Думаю, есть еще кое-что, чему бы ты мог научиться от меня.

— Как бы мне хотелось поговорить с тобой. У меня не так уж много людей, с которыми бы я смог говорить так же откровенно, как с тобой.

Еще одним человеком, которого я хотел пригласить на «Интенсив», был Зоран, друг детства. Он imponировал многим — высокий, с симметричными чертами лица, светло-голубыми глазами и красиво изогнутыми бровями, которые шевелились как сигнальные флажки, когда он высказывался по поводу нашего с ним разговора. Я пригласил его на чашку кофе в кафе «Бока», в котором мы раньше «зависали». В самом начале беседы я осторожно подбирал слова. Обратил внимание на ценность прямого контакта с Истиной и изменение жизни у тех,

кто его достиг, а также на то, что три дня усердной работы — не слишком высокая цена за духовное достижение, которое остается с человеком навсегда.

Он молчаливо морщил лоб. Я сделал ошибку, когда старался найти еще более весомые аргументы. Я описал Йогендру как чрезвычайно мудрого и в то же время скромного человека. Затем перешел к великим учителям по йоге, гималайским мастерам, Блаватской, учениям о чакрах и пробуждению кундалини. Моя речь длилась более пятнадцати минут. К концу я начал говорить с таким энтузиазмом, что стал глотать гласные, а иногда и все слова целиком, упорно желая выделить ценность просветления... Я понял, что у него было написано на лице. Он прищурил глаза и высоко поднял брови:

— И ты говоришь, Боги, что твои великие мастера поголовно вегетарианцы, выращивают траву и едят цветы... ни секса... ни мяса... никаких удовольствий из нашей повседневной жизни?

— Точно, — исчерпывающе ответил я, понимая, что потерял его.

— Как старому другу, я вот что тебе скажу... Если поставить этого Йогендру к хорошо прожаренной туше, то ее запах разбудит его ноздри... гамбургеры, свиные отбивные, почки... После такого он незамедлительно бы начал проповедовать достоинства повара, пожарившего все это.

Приближение «Интенсива» разжигало во мне огонь деятельности. Мне было несложно попытаться привлечь людей, которые, как я считал, обладали здравым умом. Я сел на автобус до Ягодины, чтобы встретиться с Джорджем Арбабой. Он был родом из Лики — высокий, худощавый сорокалетний мужчина с густой бородой и светло-серыми глазами. Он работал с глиной, годами помогая местным гончарам, продававшим горшочки и чаши на деревенских ярмарках. Джордж многократно приглашал меня посетить его мастерскую и понаблюдать за старинным процессом обжига гончарных изделий.

— Должно быть, это что-то важное, раз ты потратил столько времени, чтобы добраться сюда, — сказал он, держа меня за руку на остановке. В старом сарае для приготовления бурового раствора, от которого пахло айвой, Симонида, его жена, накрыла для нас обед. Она была тихой женщиной, убежденной в том, что вышла замуж за пока еще непризнанного великого мастера.

Мы ели голубцы из яркой глиняной посуды, сделанной Джорджем в мастерской, и деревянными ложками, которые он вырезал из бука, а в роли хлеба выступал хорошо испекшийся кукурузный хлебец, который аппетитно хрустел на зубах.

— Если бы ты нас пораньше известил о своем приезде, мы бы сварили суп по моему рецепту. Мой отец работал мясником, и от него я узнал самый лучший рецепт приготовления супа. Берешь кастрюлю на пять литров, кладешь в нее два килограмма самой лучшей молодой говядины и два килограмма овощей и зелени и заливаешь небольшим количеством воды. Готовишь всю ночь, и у тебя получается суп мясника. Отец работал с утра и до вечера, а ночью делал детей. Он наделал шестерых. Он получал силы от супа мясника, который ел каждый день. Он мог свалить быка одной левой.

Я подошел к Джорджу по-иному. Он был убежден в простоте жизни, скрывающей недостижимую тайну, о которой не стоило говорить.

— Что ты тогда ощущаешь? — спросил он меня, когда я вкратце объяснил ему суть «Интенсива».

— Ты ощущаешь себя самого, это так просто, ты просто поражаешься простоте этого переживания.

— Но что ты точно ощущаешь? — Он смотрел на меня широко открытыми серыми глазами, полными уверенности и надежды. Помимо эrogenных зон у человека есть еще и психогенные, и я знал, за какие места его трогать.

— Бессмысленно что-либо говорить. Слова не нужны. Это ощущение невозможно объяснить или понять. Можно говорить о нем все три дня, однако от этого ближе к простоте самого переживания не станешь. Все остается прежним — и в то же время невероятно иным. Истина о том, кто ты есть, проста донельзя на этом свете.

Он глубоко затянулся сигаретой, табак которой был контрабандой привезен из Герцеговины.

— Я пойду на этот «Интенсив», Богдан. Я никогда не смог бы устоять перед такими ощущениями. Высокообразованные вещи бестолковы, суть жизни — в ее простоте. То, что ты сказал... когда я голоден — я ем, когда меня мучает жажда — я пью... — Он затянулся еще раз и закончил: — Когда я хочу пойти на «Интенсив» — я иду на «Интенсив».

Все эти годы в квартире Младена ничего не менялось, однако она каким-то образом стала казаться меньше. У двери я учуял запах табака, одеколона и горящего угля в кафельной печке. Краска на деревянных оконных рамках потускнела и облупилась. Я подошел к окну в надежде увидеть картину, запечатлевшуюся в моей памяти с давних времен: семейные домики с деревянной изгородью и сливовыми и абрикосовыми деревьями, растущими посередине лужайки. Мне помнился летний запах сирени, витающий в воздухе, и сияющая белизна кустов акаций. Теперь же там были бетонные здания и много припаркованных одна к другой машин на тротуаре.

— У меня остался апельсиновый сок, — сказал он, сидя за столом. Перед ним стояла наполовину выпитая бутылка сливовицы. Заметив мой взгляд, он улыбнулся: — Сливовый сок, как всегда, — для меня.

— Что интересного у тебя есть для меня? — Я не притворялся. Младен постарел и пил каждый день, но ни на секунду с ним не было скучно. Он мог искусно и выразительно говорить о том, что он сам постиг. Благодаря своей волшебной лозе он предчувствовал скрытые вещи. Многие адепты братства Одина были бы рады почистить ему изношенные ботинки с его позволения.

— Читал эту книгу? — Он положил на стол между мной и собой книгу в мягкой обложке с рисунком лабиринта на обеих сторонах. Это был «Герой с тысячей лиц» Джозефа Кэмпбелла. О ней часто говорили на стокгольмских собраниях. Название

звучало как какое-то социологическое исследование, записанное университетскими профессорами, которые едва вылезали из библиотеки.

— Только слышал о ней.

— Тебе было бы полезно ее прочитать, — сказал он, глубоко затянувшись сигаретой из дешевого табака. — Было бы интересно. Это твоя биография. Лучше не напишет никто.

Я ждал, пока он прояснит сказанное. Младен прищурил глаза, словно оценивал, готов ли я принять его объяснение.

— Многие из нас знали, что поджидало искателей истины на долгом пути, однако открытая этим человеком точная модель их прохождения через переживания завораживает. Это была пифагорейская теорема духовного развития. Кэмпбелл открыл законы процесса духовного развития. Я говорю тебе, там описывается твоя биография и биография многих похожих на тебя людей.

На мгновение он уставился на меня так, будто являлся человеком, способным говорить глазами. Мое солнечное сплетение побеспокоило старое доброе чувство, появляющееся обычно тогда, когда я добирался до какой-нибудь ценной книги или же слушал откашливавшегося перед речью человека. Я сдвинулся в кресле и наклонился к Младену. Он улыбнулся, довольный тем, что так быстро привлек мое внимание к этой теме.

— Изначально одна из типичных характеристик героя или искателя, называй его, как хочешь, — беспокойство. Он чувствует себя чужаком в своем окружении, которого поедает постоянное волнение, вызывая в нем мысли о цели существования. Внутренние мучения, одиночество, отказы и неповиновение — первый признак того, что архетипическая судьба ждет потенциального героя.

— Я стану тщеславным, — сказал я, словно выражал недовольство, однако внутри заострил свое внимание.

— Да, — незамысловато ответил Младен, — такого можно было ожидать на положительной стадии. В этой вселенной все имеет две стороны, об этом ты и твои духовные братья вопили много раз. Первой стадией Кэмпбелл называет зов к приключению. Главный герой не находит себе места среди своих, и когда кто-то почувствует что-то аналогичное, то это означает, что ему пора уходить. В повседневной жизни героя появляется проводник, отмечающий переломный момент. Им может

оказаться старый друг, случайный собеседник или даже книга, которая переворачивает мир героя с ног на голову. Форма проводника не важна, ведь он символизирует собой бессознательный дух. Главный герой не распознает в нем черт проводника, вызывающих зачастую его страх.

Он медленно отпил из стакана и, прищулив глаза, уставился в окно над моей головой. Разговор начинал походить на тот, что был у нас перед моим отъездом в Стокгольм. С тех пор прошло много лет, но его слова, жесты, выражения лица живо запечатлелись в моей памяти. Этот разговор теперь почти в точности повторял предыдущий.

Словно разговаривая с собой, Младен продолжил:

— В этом и есть человеческая натура — чувствовать страх перед неизвестным... После первого появления проводника герой обычно отступает назад и на какое-то время возвращается в хорошо известную обстановку своей жизни, но вскоре начинает воспринимать ее холодно и враждебно. Он оставляет безопасность известного мира, как змея, сбрасывающая старую кожу, и ступает в бездну, в страну неизвестного в поисках потерянного когда-то давно драгоценного камня, который нужно отыскать. Многие сворачивают с пути такого опасного приключения, так как искателю требуется распрощаться с безопасной лужицей и выйти в открытое море.

Слова Младена звучали так, будто он какое-то время прокручивал их в голове, придавая им острую простоту, напоминающую хорошо написанное эссе.

— Ценность геройского приключения заключается в исследовании многих неизвестных и ошибочных путей до окончательного достижения духовного просветления. Он открывает в себе внутренние силы тогда, когда жизненная ситуация начинает кишеть опасностями. На самом деле проблемы, муки и опасности внешнего мира — лишь проекции его внутренних слабостей. Ему кажется, что он побеждает внешние силы, в то время как в действительности он одерживает победу над внутренними слабостями. Понимаешь?

— Да, я так всегда все и воспринимал. Я бы не смог выразить свои мысли так ясно, но простого «да» вполне хватает.

— Но это еще не конец. На каждой стадии путешествия стоит перекресток, дойдя до которого, он должен принять для

себя решение, продолжать ли ему идти дальше по Пути истины или же остаться в своей маленькой тепленькой лужице. Многие из нас делали ошибки в жизни в самом начале. — От его меланхолической улыбки я мог бы расплакаться. Он хотел сказать, что я принадлежал к этим неудачникам.

— Испытывая просветление, герой выполняет судьбоносную задачу. Затем ему приходится решать, что делать с теми знаниями, изменившими его жизнь. Необходимо начать отдавать благодать, что он получил. В этом и заключается еще один вызов судьбы, к которому герой часто не желает прислушаться. Если он этого не сделает, он, скорее всего, не завершит полный круг героического пути, связывающий мир высшего духовного осознания с миром повседневной жизни, точно так же, как он сочетает в себе уходящее и вечное время.

От его слов у меня стало сухо во рту. Такую беседу с человеком, которого я любил больше всего в семье, нельзя было назвать приятной, это был по-пророчески важный разговор. Младен не замечал, что происходило со мной, или, возможно, притворялся, что не замечал. Вместе со словами у него изо рта вылетали и клубки табачного дыма.

— Для всего есть подходящий момент. В один из таких моментов герой осознает, что отчужденность, нежелание отдавать себя другим есть не что иное, как отрицание всего им содеянного. То же самое происходит и в нашем привычном и безопасном мире, — он внезапно и решительно покачал головой. — По этой причине он решает стать учителем в руках судьбы, вести других по пройденному им пути. Совершив полный круг своего исследования, он, наконец, возвращается к людям. Иво Андрич разделял похожее предубеждение, когда говорил о том, что в таком путешествии вознаграждается больше всего возвращение.

В этот момент мне показалось, что стена, разделяющая Младена от «Интенсива», была не толще паутины. Я не мог упустить этот шанс.

— Младен, пойдем на «Интенсив»!

Он снова улыбнулся. В этой улыбке затаились печальная мудрость от осознания себя и намек на воспоминание о когда-то давно упущенном им последнем шансе:

— Я признателен тебе за беспокойство, но моя цель заключается в чем-то другом. Помочь тебе осознать то, что с тобой

происходит, — он взял паузу, после которой добавил: — Чем я сейчас и занимаюсь.

— Но как это может быть тебе под силу, когда ты сам не прошел через эти вещи? — Мой голос стал громче, раздражительнее и напряженнее, так как он не принимал очевидное.

— Ну, как-нибудь, да могу, — сказал он смиренно. Склонив голову, он посмотрел в окно. Над высокими зданиями парила стая голубей. Их всех развели неподалеку. Во многих дворах стояли голубятни с породистыми птицами, чьи хозяева сидели часами на траве, попивая сливовицу и наблюдая за полетами стай. К началу лета у некоторых из них от солнца загорала только половина лица, та самая, которая бывала обращена к солнцу, когда они поднимали лицо к небу, наблюдая за полетом птиц. Птицы в сером небе словно что-то пробудили в памяти Младена, и он сказал: — Видишь этих голубей? У покойного дяди Манойло не было своей стаи, но он был Знатоком с большой буквы. Когда первый голубь взлетал высоко в небо, он мог безошибочно определить, был ли это настоящий летун или изгой. Такое трудно поддается объяснению словами... Во время беседы с человеком, поплававшим в наших морях, я стал бдительным охотником за всеми тонкостями его переживаний, наблюдая за каждым внутренним его содроганием. Возможно, я тебе оказываю медвежью услугу, рассказывая про такое, но я никогда еще не совершал ошибки.

Он говорил убедительно и, возможно, был прав. Младен упускал возможности в собственной жизни, но обладал настоящей внутренней силой, подталкивая остальных к осуществлению того, что искали они в жизни. Его лицо вдруг растянулось в улыбку, которая на этот раз была беспечальной, придавая ему отроческую невинность. Он как будто сбросил тридцать лет:

— Мой дорогой Боги, когда ты родился, ты плакал, а все вокруг тебя улыбались. Просто следуй за своей целью в жизни, и, когда она подойдет к концу, ты сможешь спокойно и с улыбкой закрыть глаза, а остальные будут оплакивать тебя.

— Младен, спасибо от всего сердца, — сказал я, вставая из-за стола. — Мне ее стоит прочесть? — показал я на книгу Кэмпбелла.

Он покачал головой.

— Нет необходимости, ты сейчас поешь ее сам.

Я осторожно укладывал свои вещи: белые тренировочные брюки, три пары нижних рубашек и три пары носков. Вся эта одежда мне была нужна на «Интенсиве», поскольку там нельзя было помыться, а во время духовных усилий я потел точно так же, как береговой рабочий, таскающий мешки. Я взял с собой записную книжку с именами участников, пару ручек, две кассеты с записью ударов в гонг и два магнитофона. Я боялся, что что-нибудь из этих вещей может сломаться, поэтому взял всего по паре.

В то же утро Мучи и еще двое участников тренинга принесли в дом еду. Я несколько раз проверял по списку, все ли было на месте: выбранные из многих книг рассказы, одним из которых я открывал «Интенсив», книга с короткими дзенскими историями и коллекция суфийских мудростей, которые должны были вдохновить участников во время коротких перерывов между диадами. По комнате ходил из стороны в сторону Ненад в надежде услышать от меня что-то важное. Его живот и руки неприятно дрожали, вызывая у него самые резкие вспышки истерического смеха или внезапного раздражения. Прозвонил дверной звонок, и через мгновение от двери донесся голос Лидии:

— Пришел твой друг.

— Это был Мучи.

— Я пришел забрать тебя и Ненада.

— Я же сказал, что не нужно. Мы поедем на такси.

— Но мне же по пути. Зачем брать такси?

Он кружил вокруг меня, как какая-то мясная муха, от которой невозможно было просто так отмахнуться. Я подозревал, что он снова создаст проблемы на «Интенсиве»: обесценит партнеров и окружающих участников, завопит при виде новопеченного просветленного и попытается изо всех сил захватить мое внимание и вызвать сострадание. Ему удалось действительно меня удивить после первого «Интенсива»: «Боги, больше всего на свете я хочу стать Мастером и вести „Интенсивы“». Я осознал, что в этом заключается моя цель в жизни. Я прошу тебя обучить меня». Боже мой, и такой человек будет Мастером?! Да я бы не позволил ему охранять и пару овец, нарисованных на бумаге. Я сдерживал бурлящие внутри меня слова.

— Пойдем, выпьем кофе, — сказал я. Я хотел появиться в Доме учителя в самый последний момент, когда участники уже будут проварены до костей. Отправив вперед Ненада и Мучи, я долго расплачивался в приемной за три дня аренды помещения. А затем, когда входил в комнату, внимательно наблюдал за происходящим. Кто-то сидел на кроватях и креслах, кто-то — на полу. Пришло двадцать четыре участника, но их казалось больше. Комнату наполнили бледные лица, внимательно смотревшие на меня. Большую часть пришедших составляли участники прошлого «Интенсива», но они беспокоились не меньше новичков. Я сел в кресло и, сделав глоток воды, сказал:

— Приступим.

Я вкратце объяснил правила «Интенсива», подробно оставившись на технике и проблемах, с которыми столкнутся участники на пути к просветлению. Когда я начал рассказывать о прямом переживании Истины, мой голос задрожал, а на лицах участников первого «Интенсива» выступили слезы. Я ощущал сильное возбуждение, которое преследовало меня с момента пребывания в ашраме Йогендры в Санта-Барбаре, убежденный, что Истина — самое ценное, что есть на Земле, чему нет равных на этой планете.

В конце выступления наступила долгая пауза. Я сдерживал себя, сгорая от желания рассказать что-нибудь еще и окидывая взором каждого из участников. Ненад смотрел на меня с серьезным выражением лица, которого я раньше не замечал, будто он повзрослел за последние тридцать минут. Наконец я произнес:

— Не забывайте. Сама судьба назначила нам встречу здесь, в этот вечер. Воспользуйтесь возможностью. Засыпайте с мыслью о своем коане!

В течение первого дня я опять столкнулся с явлением параллельных зеркал. То, что происходило внутри меня, отражалось на группе, вытесняя процесс, при котором их мысли и чувства влияли на меня. После третьей диады такое ощущение исчезло. Многие участники во время разговора, охваченные сильными чувствами, считали ошибкой прийти сюда. Такого же мнения были и участники первого «Интенсива». Они сравнивали этот «Интенсив» с первым, где все было в его пользу. Я пытался выяснить причину такого мнения. Они сравнивали два совершенно разных периода: действующий, во время которого они сражались, извиваясь, как крепко сжатые пальцами черви, и конец первого «Интенсива», где все было прекрасно и замечательно, где энергия была через край, а все они разрывались от любви.

В то, что я научусь любить этих людей во время «Интенсива», было трудно поверить. Я проявлял нетерпение, мне хотелось побыть одному, удалиться из этой комнаты, в которой начало пахнуть потом и вонью от слюны, высыхающей вокруг их ртов. Такой запах характерен для людей, находящихся в центре духовного кризиса, пациентов, страдающих от тяжелой депрессии, и людей, чье терпение и нервы сдали. Этот запах напоминал мне гнилые яблоки. Я был удивлен самим собой — где я раздобыл эту стабильность, настойчивость упрямого осла, которых мне всегда не хватало в остальных аспектах жизни? Не стоило думать об окончании «Интенсива», где всю сияли лица и любовь. В этом заключалась суть игры Истины. Пока все в кризисе, мысли о скоротечности и нереальности этого процесса не приносят никакой пользы. По окончании «Интенсива» прежнее страдание начинает выглядеть, как откровенная иллюзия какого-нибудь мага-любителя. Я понимал, что буду страдать до самого закрытия «Интенсива», начало и окончание которого будут сопровождаться моими полетами на крылатом коне воодушевления. Я знал, что по окончании обниму себя и весь остальной мир, сожму в объятиях и поцелую все это лучшей частью своего существа. Нет большего счастья, чем увидеть человека, оторвавшегося от паутины лжи и слив-

шегося с Истиной. Одно такое Просветление было куда более ценной наградой для Мастера, чем целая жизнь, наполненная изумлением и сомнением. Тем не менее, такая идея не срабатывала на тот момент — я едва мог выносить как себя, так и их.

Меня все более и более настораживал и раздражал Мучи. Он постоянно приставал к партнерам. Будучи активным, он болтал, суетился и смотрел по сторонам широко открытыми глазами. Как только в паре он становился пассивным, то закрывал глаза во время речи другого партнера и просто дремал. Сквозь сжатые зубы я уже предупреждал его по этому поводу, но этому скверному созданию требовалось куда более сильное лекарство. Я встал перед ним и на протяжении некоторого времени через каждые пару секунд делал ему предупреждения:

— Не смыкай глаз! Слышишь меня, не смыкай глаз и внимай всему, что тебе говорит партнер!

Желание ударить его неуклонно росло. Он громко жаловался о своем несчастье, так как хотел больше всего на свете, чтобы его партнеры по диадам стали просветленными, но чертова сонливость никак не давала ему стать таким их партнером, каким он хотел бы быть. Он посмотрел в сторону, чтобы убедиться, стою ли я рядом с ним и слушаю ли его. Он продолжал играть в эту игру, доводя мои нервы до предела, так что скоро я уже был готов дать волю своей руке. Кто-то оставил слева от хлопчатобумажного мешка, что стоял рядом с кроватью, штаны с толстым кожаным ремнем. Я взял ремень, сложил его вдвое и встал позади и чуть сбоку от Мучи, чтобы видеть, закрыты ли у него глаза. И он их закрыл сразу же после того, как партнер начал размышлять. Я отвел ремень подальше назад, чтобы не зацепить Джорджа Арбабу, сидящего рядом с ним, и со всей силы хлестнул по спине. Он откинул голову назад, как высеченная лошадь, и по комнате пронесся взрывной звук от ремня, разбудив некоторых из участников.

— Хочешь еще поспать?! — прокричал я. — Итак! Либо ты ведешь себя по-людски, либо выматываешься с «Интенсива»!

Мертвую тишину прерывали лишь всхлипывания Мучи. Люди сидели тихо с опущенными вниз головами. Послышался голос Джорджа.

— Это ужасно. Было бы намного проще, если бы ты получил просветление, а не кто-то другой.

На секунду я подумал, что переборщил, и что, возможно, испортил первый день «Интенсива», но Эва Кис рассеяла мои сомнения. Делая, как венгр, акцент на первых слогах, она произнесла:

— Богдан прав. Если он собирается обесценивать других своим поведением, то чего ему делать на этом «Интенсиве»?! Когда я была активным партнером, он все время дрых. Когда наступали его пять минут, он болтал без умолку. Мастера дзен правы, когда бьют людей бамбуковыми палками.

Ее слова растрогали меня. Я взял со стола, рядом с которым стоял мой стул, кувшин и налил из него воды в стакан. Взяв его в руку, я встал рядом с Мучи. Он едва держал глаза открытыми во время размышлений его партнера. Когда она открыла глаза и начала с ним общаться, его веки опустились. Я плеснул в него водой, но его реакция изумила меня. Он резко увернулся от воды, так что она попала лишь ему на плечо. Большая ее часть оказалась на груди Йована. Так бы двигался боксер, искося наблюдавший за моими движениями, чтобы быть готовым уйти от удара. Слева раздался чей-то смех.

— Теперь ты не спишь, — сказал я, скрывая гнев. Я вернулся к столу и, взяв кувшин, снова оказался позади Мучи. Больше никто не говорил, все уставились на меня. Взяв Мучи за волосы, чтобы он не смог пошевелиться, я вылил весь кувшин на его шею и спину. В основном вода стекала по спине. Он вскочил и сделал глубокий вдох, словно оказался под ледяным душем.

— Теперь спи. Если понадобится, я снова тебя освежу. Слышишь?

Я шагал между рядами людей с равнодушным лицом, не держащая ни на ком своего взгляда, отмечая лишь их реакции. В первый раз они осознали, во что дали себя втянуть, и что эта игра, помимо великого счастья, может доставить им тягостное унижение. Ненад мельком посмотрел на меня. Его глаза были широко открыты, а щеки и лоб — бесцветными. На лице японки появилось волнение и отчаянное сочувствие. Милада твердо закрыла глаза, но безо всякой обреченности, следовавшей за бесплодными размышлениями. Для нее это было психологическим полем, в котором напряжение превосходило ее способность терпеть. Я слышал, как с наклоненной вперед головой и закрытыми глазами что-то шептал Йован:

— К черту, все вот так?!. Все вот так!..

Я унизил всех этих людей из-за этого заикающегося лизоблюда. И на секунду подумал: «А имею ли я право? — И, прежде чем эта мысль успела сформироваться, ответ выдало все мое существо: — Да, имею!» От такого заостренного до невозможности ответа веяло беспощадным холодом, в котором растворялось любое сомнение в том, что ложью, притворством, дружелюбным отклонением и компромиссами невозможно добраться до Истины. Для меня это было нечто безжалостное и неизвестное, свернувшееся на самом дне бесконечной пропасти, как огромная холодная змея, нацелившаяся лишь на ОДНО.

Затем я ясно отметил для себя, что нахожусь вне тела. Несколько раз у меня мелькала эта мысль, но я тут же отбрасывал ее, полагая, что это лишь очередная хитрая девиация моего эго, поднимающего голову при каждом удобном случае. Но теперь я точно ощущал себя снаружи своего тела?!. Это было очевидно. Я был... трудно сказать, где, но приблизительно немного за своим телом и вокруг него. Словно мог разглядеть затылок, шею и в то же время отчетливо наблюдать за всем происходящим глазами. Я попытался перехитрить человеческое сомнение, сравнивая открытие «Интенсива» с потоком любви, но на этот раз мне ничего не помогло. Нужно было пойти по другому пути.

Я начал приглашать участников для консультации. Нельзя оставаться пассивным, нужно следить за каждым словом участника и незамедлительно реагировать на него. Участники вставали на колени и внимательно внимали моим словам. Милада попала в кризис. Я заметил это еще тогда, когда она сидела на своем месте. Медитация проходила тяжело, она с трудом проносила слова, а в качестве содержимого ее сознания выступали жалобы и отсроченное решение больше никогда не приходить на «Интенсив». Она преклонила колено со стеклянными остановившимися глазами.

— Как все продвигается?

— Плохо. Содержание сознания ни к черту, не могу выцепить чего-нибудь стоящее. Я думала, что «Интенсив» — самое ценное, что есть на этом свете, но теперь мне кажется, что я ошибалась.

— Слушай, Милада, ценное содержимое — совсем не обязательное требование для техники. Содержимое сознания, мерзкое или прекрасное, имеет равную ценность. Все, что нужно, — это

общаться с мыслями и чувствами, дать им свободу выразиться, отпустить и полностью опустошить свое сознание. Понимаешь? — Она молча кивнула. — Нет ничего ценнее «Интенсива» на этом свете, ты сейчас в кризисе и поэтому считаешь, что это не так. До Истины добраться нелегко, мы должны пройти через кризис. Как говорилось ранее — дорога к выходу из кризиса проходит через кризис. Понимаешь?!

— Да, я понимаю, но я потеряла всякий стимул. Я не хочу прямого переживания Истины. У меня нет ни охоты, ни желания, это все ерунда.

Я наклонился вперед и дотронулся до ее лица.

— Слушай меня внимательно. Это грязная уловка твоего ума! Сколько раз ему уже удалось перехитрить тебя в жизни? Помнишь, как ты хотела изучать медицину, а потом потеряла всякий стимул и распрощалась с этим желанием? Ты пошла в физиотерапию, так как хотела работать со слепыми детьми. Твой разум снова перехитрил тебя — ты думала, что это ты потеряла всякое желание, однако об этом позаботился твой ум. Осознаешь эту уловку? Он кидает тебе кость, чтобы снова дать тебе ее погрызть. Не позволяй поступать ему так с тобой. Будь настойчива! Я не прошу тебя прилагать нечеловеческие усилия, работай так усердно, насколько это в твоих силах, какими бы малыми они ни оказались. Глубоко внутри ты должна понять, что Истине нет цены. БУДЬ НАСТОЙЧИВА!

Выражение ее лица переменялось. Она с улыбкой кивнула головой и, моргнув глазами несколько раз, сказала:

— Я постараюсь.

Я понимал, что работа была сделана. Она вернулась на место, и я услышал, как она говорила японке:

— Видишь, что значит хорошее слово! Когда ты слышишь его, ты становишься другим человеком.

Я сохранял равнодушное лицо, наблюдая за реакциями людей, сидящих на двух противопоставленных кроватях. Они оживились, и я понял, что они тоже подойдут ко мне один за другим. Интересно, где же я приобрел эту способность убеждать так быстро и эффективно людей на «Интенсиве», в то время как в повседневной жизни таким навыком я не обладал? Проверяя их технику выполнения тренинга, я всегда подбирал нужные слова. В таких коротких беседах я старался показать, что

понимал то, о чем они говорили: жалобы, страдания, их нравственные проступки в жизни. Я возвращал их обратно на путь, чтобы они продолжали выполнять технику. Остальные истории на «Интенсиве» не имели никакой ценности. В сообщении Мастера должна быть сила в сжатой форме. Ему нельзя останавливаться, чтобы поразмышлять над следующей мыслью, она должна появляться автоматически.

Я вспомнил подход к работе Кали в Санта-Барбаре и теперь понимаю, что он был ошибочным. Она несколько минут общалась с участником, ставя в пример саму себя, в то время как участник хотел лишь поговорить с Учителем о собственных страданиях. Она смотрела куда угодно, но не в глаза участника, словно искала помощи извне. Я должен был признать против своей воли, что и у Халинга был тот же подход. Он рассеянно выслушивал проблемы и в большинстве случаев советовал участникам продолжать практиковать технику, несмотря на то, что многие из них никак не могли понять принципа ее работы. Я превосходил их как Мастер...

Мне вспомнились слова Йогендры о том, как ему удавалось подбирать нужные ответы на вопросы в ходе «Интенсива»: «Я фокусируюсь лишь на одном человеке, с которым разговариваю, и полностью открываюсь. Я воспроизвожу первое, что приходит в голову, и оно облекается в нужное слово». Кен Гамильтон аналогичным образом отзывался о Кроули. Тот не осыпал всех однотипными ответами. Когда Кен сказал об этом Кроули, тот ответил: «Как же ты не понимаешь, что перед тобой не один и тот же человек? Я должен дать такой ответ, который будет соответствовать уровню понимания именно этого человека».

Питер Пэрриот никак не объяснял эту способность, хоть и обладал ею. Я наблюдал за несколькими его беседами с посетителями, которые ему задавали вопросы, находящиеся за пределами его компетенции. Рассеянно, словно медиум в легком трансе, он смотрел сквозь человека, приводил несколько общих утверждений, а затем сразу же давал ответ на вопрос. Его ответ всегда был немного бредовым, однако задающему вопрос казался самым правильным. Они уходили от него с ощущением, что услышали от Мастера то, что должны были услышать.

Я понимал, что поступаю точно так же, и что в таком общении существовало лишь принятие, открытость и никакого

удивления. Я не мог, как те трое, быть полностью открытым в повседневной жизни, но я целиком и полностью открывался на «Интенсиве». Такой открытостью я засасывал участников, как пылесос, и моя концентрация над склоненным передо мной человеком приобретала невероятную остроту. Я видел его насквозь, не пропускал ни единой его мысли, ни единой микрогримасы рта. Люди возвращались на место в другом состоянии, нежели с тем, с которым они подходили ко мне. Я безошибочно вонзал руку в их души, дергая за верные нити, резонировавшие нужным образом на протяжении долгого времени. Это был тот самый звук колокола в деревенской церкви из детской бабушкиной истории о мальчишке, которого забрали цыгане, и о звуке колокола, благодаря которому он, уже состарившийся, отыскал верную тропу к себе в деревню.

— Я бы хотел ощутить другого человека, но я сбит с толку, так как не знаю, как объединить это с техникой. Изучив технику на первом «Интенсиве», я думал, что она навсегда осядет во мне. И теперь я опять не знаю, что мне делать, — сказал Бейн, музыкант с тонкой бородкой, которую он тербил длинными пальцами гитариста, пока пристально смотрел на меня.

— Я понимаю твое смятение. Одними желаниями тут не помочь. Всю свою жизнь ты хотел понять, что же собой представляет другой человек, и что же будет, если ты это разузнаешь? Ну, ты не узнал! Сначала ты должен разобраться с тем, что же для тебя сейчас действительно представляет этот человек. Затем сфокусируйся на нем, стараясь ощутить его напрямую. Намерение — это не желание, это усилие воли, где ты прямо переходишь к действию. Понимаешь?

— Понимаю?! Я думал, что такое желание первично.

— Знаю, многие так думают. Но есть одно главное отличие. Я бы хотел сейчас выпить прохладного соку в ресторане. Однако я не встаю со стула и не иду в ресторан. Но мое желание остается. А теперь я хочу выпить стакан воды, — показал я на стол рядом, — вот, — я протянул руку, взял стакан и выпил. — Видишь разницу?

— Да, — кивнул он, — вижу.

— Именно так, Бейн. Разница в желании, которое требуется воплотить в действие. Вот и все!

Оля Ризакович, длинноволосая горшечница с серыми глазами, пришла на «Интенсив» по совету Гончара. Она была похожа на благородную перуанскую ламу: стройная и высокая, с длинной шеей и узким лицом, тонкими руками с длинными пальцами. Ее лицо выражало презрение интеллектуала, знающего обо всем наперед других, но мимо которого жизнь проходила, не задевая. По словам Лона Хибнера, к таким людям относились те, кто был не в состоянии встретиться с жизнью лицом к лицу, в результате чего человек вынужден был становиться интеллектуалом. С самого начала «Интенсива» она следила за людьми и их реакциями, анализировала все вслух и приводила разные умные выводы: мы занимаемся не просветлением, но Мастер интерпретирует появляющиеся временами нервное истощение и галлюцинации, как проявления просветления. Она преклонила колени на коврике перед моими ногами и жалобно произнесла:

— Я думаю, что это безнадежно.

— Я понимаю. Скажи мне, как ты выполняешь технику? Опиши мне твой подход. Когда партнер дает тебе команду, ты закрываешь глаза... и?..

— Затем я жду, пока что-нибудь не появится у меня в сознании, смотрю на содержимое с разных углов, и если оно представляет какую-то ценность, сообщаю об этом своему партнеру.

— Слушай, Оля. В технике не говорится о том, что нужно ждать, пока что-то появится в сознании. В технике говорится о том, что нужно найти объект — того, кем ты сейчас являешься, — и непосредственно и целенаправленно сфокусироваться на переживании этого объекта. В технике не говорится, что нужно рассматривать содержимое со всех углов и судить о его ценности. Просто сообщай обо всем, что тебе приходит в голову, без всякого анализа и оценок.

— Но вся моя жизнь построена на здоровой оценке ценностей.

— Конечно, поэтому-то тебе никогда и не удавалось достичь просветления в жизни! Займешься рациональным анализом после «Интенсива». Пока ты здесь, хватайся за простоту. Впереди нас ждут три дня, и просветление не обойдет тебя стороной. На «Интенсиве» есть одна поговорка: «Пока умные остряты, безумные просветляются». Возвращайся на место и выполняй технику!

В момент речи я был полностью сфокусирован на ней, однако заметил нечто странное — я также осознавал и то, что происходило с целой группой. По всей комнате раскинулась невидимая сеть сконцентрированного сознания, и как только кто-то касался ее, она начинала вибрировать. Одной частью сознания я следил за тем, что говорил Иза, другой — смотрел по углам комнаты. С той поры, как Иза начал сводить счеты с жизнью, он стал очень плохо выглядеть.

— Я пришел на этот «Интенсив», чтобы лучше себя почувствовать в жизни. В задницу все, я никогда так себя хреново не чувствовал. В моем кармане не найдется и десяти центов, и я лысею... У меня плохой запах изо рта, ноги воняют... Я в дерьме!..

Милка Трбоевич ерзала в кресле, готовясь подойти ко мне. Ее муж, очевидно, был богатым ювелиром. На пальцах блестели золотые кольца, а на одном из них красовался большой рубин. Во время речи она махала руками перед лицами партнеров: «С меня достаточно похождения мужа. Он все время гонится за юбками других женщин. И каждый раз, когда я застукиваю его с другой, он дарит мне драгоценности. — Она вытянула пальцы, чтобы показать их партнеру: — Это все от сексуальных пождений мужа. Довольно с меня таких отношений!» На ней были темно-голубые вельветовые тренировочные брюки и мокасины из мягкой желто-коричневой кожи. Она подошла ко мне, покачивая своей большой грудью, встала передо мной на колени и положила руки на сердце, чтобы я мог заметить ее кольца.

— Что происходит?

— Не то, чего ты обещал. Нам с тобой не нужно тратить время на таких людей, — сказала он сквозь сжатые зубы, мельком осматриваясь по сторонам комнаты.

— Я понимаю. А теперь скажи мне, что происходит с тобой? Что в твоём сознании?

— Любовь лишь к одному человеку и мысли о том, что нам с тобой здесь не место.

— Я понимаю. Любовь — прекрасное чувство, если направлено в правильное русло. Я хочу узнать, как ты выполняешь технику, — опиши вкратце весь процесс.

Для нее это был первый «Интенсив», но она выполняла технику безукоризненно, так что придаться мне было не к чему.

— Ты очень хорошо выполняешь технику. Продолжай в том же духе, и ты ощутишь свою истинную сущность. После чего ты будешь чувствовать любовь ко всему миру, а не только к одному человеку.

— Я не хочу этого. Такая любовь — скупа. Я долго держала в себе то, о чем я сейчас тебе скажу... — Она остановилась, посмотрела вниз, а затем медленно подняла голову и сказала: — Я люблю тебя. — Она смотрела на меня, как на идола.

— Я понимаю. Ты испытываешь любовь. Слушай меня внимательно! Если ты действительно меня любишь, то станешь просветленной ради моей любви. Достигни просветления, и я буду безгранично благодарен тебе!

Она опустила глаза и посмотрела вниз и по сторонам. Она не ожидала такой просьбы, она играла в другую игру. Все же она была тронута и взволнована. Кивнув головой, она выразительно подтвердила мои слова:

— Я сделаю все что угодно, чтобы стать просветленной, и затем посмотрю, стоил ли ты этого.

— Спасибо. Это правильный способ, чтобы оценить значимость своих эмоций.

По окончании «Интенсива» люди забывают о своем выражении вечной любви к Мастеру. Они просто благодарны ему за то, что тот подтолкнул их к просветлению. Образованные люди понимают, по какому механизму работает Мастер, и также благодарят его, особенно когда достигают просветления. Такие люди когда-нибудь могли бы стать Учителями, если бы слушали призыв судьбы.

Второй день переваливал за середину, мое напряжение росло, но вместе с тем я чувствовал большую привязанность к этим потным людям с красными, опухшими лицами, состояние которых колебалось от истерии до депрессивной пассивности. Поведение Ненада превзошло мои ожидания. Прошлым вечером, когда всем было трудно не смыкать глаз, я предложил ему пойти поспать, однако он ответил мне решительным отказом. Он робко попросил меня позвонить Лидии и передать ей, чтобы она ждала нас в воскресенье вечером с лазаньей.

Мучи перестал дремать, продолжая обесценивать людей, но теперь уже более искусным образом. В повседневной жизни этого можно было и не заметить, но не на «Интенсиве»,

где каждый виден так же хорошо, как ворона на заснеженном лугу. Когда его партнер открывал глаза и был готов что-то сообщить ему, Мучи отводил взгляд в сторону. Он не шевелил головой, лишь искоса поглядывал на него. Когда пришла его очередь играть в паре активную роль, я слышал, как он говорил о своих частых визитах ко мне домой и наших беседах. Он говорил доверительным голосом, создавая впечатление особой значительности своей личности, приводя примеры, подтверждающие нашу с ним близость, так что окружающие не решались выразить недовольство по поводу его поведения. Было без толку делать ему замечания, бить или поливать водой. Я решил больше не брать его на «Интенсив». Он оказался весьма проворным грызуном. Он донимал людей своими приемчиками, но что действительно было опасно, так это их безразличие к его откровениям и его способность отыскивать новые ходы для своей игры.

Затем я столкнулся с тем, по поводу чего волновался на первом «Интенсиве» и напрочь забыл на этом. Один из участников покинул «Интенсив».

Им оказался Йозип Банач, психиатр из Пулы. Я питал огромные надежды на его счет, полагая, что, убедившись в силе «Интенсива», он привлечет своих коллег. Это придаст некую правомерность как «Интенсиву», так и уважению к моей работе. Он единственный должен был быть заинтересован в терапевтических эффектах «Интенсива» и сильном влиянии тренинга на продвижении людей к психологической зрелости и самореализации. Он прочел все мои статьи, опубликованные в различных журналах, но я впервые встретился с ним на «Интенсиве». Казалось, он был разочарован как в моей внешности, так и в людях, пришедших на «Интенсив». Он сказал Михайло, ассистенту, о своем решении покинуть «Интенсив», после чего пошел в туалет, из трубы которого текла грязная вода, затопившая зацементированный пол. Когда я вошел туда, он умывал лицо над раковиной. У него были маленькие желтые глаза, лисье выражение лица, редкая борода и пепельные волосы. Поначалу он мне не понравился, однако он вел себя, не выделяясь из других, сидел по углам комнаты, и лишь однажды я подозвал его к себе, чтобы поговорить о том, как же он выполнял технику.

— Ассистент передал мне, что ты уходишь.

— Да. Пожалуйста, не воспринимай это на свой счет, но это не то, ради чего я хотел бы провести оставшиеся полтора дня.

— Ты совершишь большую ошибку, если уйдешь с «Интенсива». Такое решение — одна из уловок твоего ума, отводящая тебя от прямого переживания Истины.

— Ошибочно было бы здесь оставаться. Пожалуйста, давай не будем уговаривать друг друга. Я недавно перенес операцию на желчном пузыре, и у меня появилась диарея, мне нужно идти.

— Я понимаю, но вот что тебе нужно знать: меньше чем через десять минут после ухода твоя диарея исчезнет, и ты поймешь, что совершил ошибку.

— Хорошо, но давай я сам буду решать за себя, даже если и совершаю ошибку. Спасибо за твои старания, но это не для меня.

— Понимаю. Желаю хорошо доехать.

Я вышел из туалета и больше о нем не думал. Передо мной стоял более важный вопрос — что мне сказать группе, поскольку подобный сюжет развития событий еще не полностью реализовал себя. Может, уйдет и кто-то еще, они все время говорили об этом, а когда еще скажется и недоедание... Войдя в комнату, я решил начать «Интенсив» пораньше, поскольку вскоре все заподозрят, что одного участника недостает. Когда на «Интенсиве» получается нечетное число, один из участников работает в соло-режиме медитации. Я подошел к Деско, партнеру доктора, которого называли Влахом. Он посмотрел на меня вопросительным взглядом, и я незамысловато сказал ему:

— Начинай один. Выполняй технику так же, ты ей обучился с той лишь разницей, что у тебя не будет второй фазы, фазы сообщения.

Он пожал плечами и закрыл глаза. Ключ от комнаты, где спал Банач, я отдал Михайло и тихо сказал ему:

— Дай ему забрать вещи и проводи до двери, но не говори с ним.

— Может, попытаться уговорить его остаться?

— Нет, для меня он больше не существует. Просто проводи его до двери.

— Думаю, что мы ответственны за его уход... мы должны всячески попытаться...

— Слышал, что я сказал?

Несколько участников посмотрели в мою сторону. Михайло опустил голову и вышел из комнаты.

Я сидел с сухим ртом, размышляя над тем, как мне начать речь. Теории были бессмысленны, все было предельно просто. Либо уходят участники, и я больше никогда не занимаюсь похожей чертовски тяжелой деятельностью, либо они остаются и продолжают идти к цели. Я размышлял над тем, что бы подумал Йогендра, когда бы увидел, что «Интенсив» разваливается на части из-за какого-то психиатра, доведшего меня до отчаяния. Похожее чувство я испытывал во время сциоларгических процессов, когда сталкивался с энграммами и ужасными сценами моей расправы с людьми в прошлых жизнях. Я увидел образ Лидии, которая говорила мне, что чтение Юнга куда важнее, чем то, что я делаю. Где-то в комнате сидел Гончар, но я не решался посмотреть в его сторону. Что же он подумает обо мне, и как же ловко мне удалось затащить его на «Интенсив»? А Ненад! С ним в диаде была маленькая Оля, близорукая девушка с маленьким лицом, которая как раз подходила для него в качестве партнера. Я слышал, как она хихикала, когда выслушивала его сообщения. Я знал, что Мучи, со своей темной душой грызуна, тихонько веселится. Он понимал, что внес и частичку себя в распад «Интенсива». Такой поворот событий, несомненно, подорвет порыв первых участников «Интенсива». Бьюсь об заклад, что они долго еще не будут думать о духовном развитии и личной Истине. Они, вероятно, плюнут на мою историю о ней как о величайшей ценности в жизни.

Пятиминутный перерыв подошел к концу. Я выпил воды и сказал:

— Пора нам поговорить. Должен вам рассказать о нескольких вещах, одна из которых довольно неприятна.

Участники лишь молча вытянули шеи, так что мы могли слышать даже разговор двух женщин на улице.

— Мне следовало бы начать речь с технических моментов, корректировки техники, разбора ошибок и направления вас к цели, ради которой вы и пришли сюда. Тем не менее, я должен вам рассказать о кое-чем другом... Один человек решил расстаться с нами... Он ушел с «Интенсива». Я ответствен за него, и это значит, что я вел «Интенсив» не так уж хорошо. Иначе бы он не ушел.

Глядя в пол, я остановился. Выпил еще воды и продолжил:
 — Если кто-то захочет уйти, я возражать не буду. Тем не менее, этому человеку нужно знать, что он совершает ошибку, которая повлияет на всю его жизнь и направит ее в другом направлении. Суть «Интенсива» очень ценна. За свою жизнь я изучил много систем, повстречал много учителей и много чего испытал, и я не знаю ничего более ценного, чем «Интенсив». Если бы знал, то занимался бы этой вещью, а не «Интенсивом».

Мой рот высыхал быстро, словно в горле оказался реактивный самолет с горячим воздухом. Я выпил полстакана воды и, неуклюже пытаясь поставить его обратно, ударил им о стол, разлив оставшуюся в нем воду. Меня сильно тошнило, и я был слаб, чтобы идти дальше, я немного постоял в тишине, глядя поверх голов участников. Я вспомнил Кали и Халинга, а также вывод о своем превосходстве над ними в качестве Мастера. Внутри меня громыхал стон. Во рту словно был клубок шерсти, пока я говорил:

— Я должен вам рассказать о том, что вы, очевидно, чувствуете. Я в отчаянии из-за ухода этого человека! Я переживал всякие трудности в жизни, но этот случай — самый тяжелый. — Я слышал, как всхлипывал Ненад, в то время как лица участников сморщились и померкли.

— Вы должны работать изо всех сил, и вы знаете, как это сделать. Вложите все усилия в работу, чтобы стать просветленным. Сделайте это ради чьей-то любви! Если кто-то хочет уйти, пусть уйдет сейчас, я не буду возражать. Как бы то ни было, я останусь здесь и буду продолжать вести «Интенсив» даже с парой участников в комнате. Трон Мастера может быть и аморальным, и божественным одновременно... Что еще я могу сказать? Если кто-то станет просветленным, я буду безумно счастлив. Это все, что я должен сказать. Когда у человека больше нет слов и пожеланий, ему остается сказать лишь одно — я люблю вас всех... больше, чем себя!

Я не могу отчетливо вспомнить этот момент. Помню громкий плач Ненада, мужественное лицо Гончара, крепко посаженное на здоровых дрожащих плечах, вопли японки и Милады... спину моего ассистента Михайло, бьющегося головой о стену и грызущего пальцы, как ребенок.

Все остались на местах. Уход того человека скрепил их воедино и сильным потоком направил к общей цели. Я понимал,

что судьба снова одарила меня своим поцелуем, и моя миссия продолжалась. Если бы только Йогендра мог видеть такой исход!.. Он был бы изумлен. Я мысленно представлял этих людей будущими Мастерами, представлял, как «Интенсивы» плодятся, как стаи пчел. Волна поднялась, и теперь уже ничто не могло остановить ее.

Они беспрекословно выполняли технику, и я чувствовал, как в меня начинала проникать исходящая от группы плотная энергия. У меня дрожали губы, руки и солнечное сплетение, пока я ходил между парами. Я сел на стул, у меня затряслось все тело. Сжатая энергия стала давить еще сильнее, кто-то должен был достичь просветления, чтобы дать нам всем отдышаться. Когда ко мне подошел Ненад, до окончания оставалось лишь два упражнения:

— Могу я поработать один?

Я поразмыслил секунду. Не находилось причин, чтобы отказать ему, тем не менее, я чувствовал, как сжимался мой живот. Возможно, я опасался за его слишком глубокое погружение в себя и распада на моих глазах его неокрепшей личности на части?..

— Хорошо, выполняй технику, но если тебе потребуется помощь, сразу иди ко мне.

Предпоследняя диада началась. Ненад сидел в углу комнаты, оперевшись спиной о стену. Его лицо было напряжено, словно он пытался увидеть нечто сквозь закрытые глаза. После нескольких таких попыток он заплакал. Его плач сменялся то тихим стоном, то громким рыданием. Мне стало невозможно выносить это зрелище, я прошел между парами и, наконец, нашел немного свободного места у входной двери, где мог сделать три шага в одном направлении. Склонив голову, я ходил взад-вперед, словно погруженный в свои мысли. Я снова находился вне тела и с двойным сознанием. Одна из частей символизировала мое напуганное существо, которая размышляла: «Мой ребенок сходит с ума», «Что я наделал» и «Теперь я начну кричать». Эти мысли пролетали в моей голове, как испуганные птицы, которые то исчезали, то снова появлялись. Вторая же часть представляла мое внутреннее сознание. Оно было выше и намного шире, проникало в далекие глубины космоса и все еще было связано со мной. С холодной улыбкой оно наблю-

дало как за происходящим в комнате, так и за моими ощущениями, проявляя равнодушие, так как все уже было пережито. Повторялась все та же игра, которая была создана для удовольствия Высшим существом. Я прыгал между этими двумя точками, как электрическая искра, задерживаясь в расширенном сознании космически улыбающейся машины. Будто сильный страх переместил сознание человеческого существа в бесчеловечное, симулирующее страдания, которых оно на самом деле не испытывало.

Голоса в комнате затихли, люди говорили настороженным шепотом. Я слышал, как Гончар говорил Эве:

— Я пойду и ударю его. Не могу больше слышать это детское нытье... Он знает, что делает?

Подойдя к Оле Ризакович, которая начала говорить шепотом партнеру, я смог расслышать ее слова:

— Хуже всего, когда так страдает ребенок. В том, что мы делаем, есть что-то бесчеловечное.

Я лихорадочно просматривал основные события из прошлого, за которые мог бы ухватиться: мои отношения со Спириленом, противостояние Лону Хибнеру в присутствии удивленных Защитников, слова Питера Пэрриора, который говорил о моей миссии вести людей к Истине в этой части мира... Вера Младена в то, что я — истинный искатель, идущий по известной тропе... Ничего из этих переживаний мне не помогало. Воспламенившаяся масса неведомого огня распространялась по всему животу, словно я столкнулся с серьезной энграммой. Затем я призвал свое Высшее «Я» на помощь: «Усиль мою веру в тебя! Усиль мою веру в тебя!» Внезапно в моем ужасном сознании пробежала мысль — а кого я звал? Себя?!

От такого осознания я превратился в крохотное испуганное существо, ходившее среди людей с каменным лицом в ожидании получить руководство, которое бы направило их на путь просветления. Насколько легко было ввязаться в игры эго? Был ли я тем высшим могучим «Я», растилающимся по всему космосу? Я видел свою часть мира, где группа его миниатюрных копий пыталась вспомнить свой Первоисточник. Я глядел поверх голов людей в окно с рваными шторами. В тот же момент я оказался в пустоте, где было лишь одно сознание — о сознании. Я пребывал в таком состоянии до тех пор, пока вдали не

открылось пространство и не заполнилось мягким светом. Из этого света начала вырисовываться фигура огромного, как гора, ребенка. Начали острее прорисовываться черты его лица, словно свет начал сгущаться сам по себе. Его невинная улыбка на лице источала любовь и тепло. Исчезло все, кроме одного глаза, который расширился и принуждал меня заглянуть внутрь. Трудно сказать, сколько продолжалось такое зрелище. Когда я снова застал свое тело на стуле, моя правая рука что-то лихорадочно записывала в записной книжке. Я взглянул на слова. Почерк был мой, а вот слова — нет. Предложение начиналось с «Айваза», и пока я медленно вспоминал это слово, по затылку пробежал какой-то электрошок, спустившись до самого конца позвоночника.

«Айваз, Ты — тот, кто вечен! Айваз, Ты — тот, кого не знает слепец, а те, кто может видеть, распознают Тебя в глубине своего существа и в просторах космоса, я призываю Тебя в столь трудный час.

Мои силы сгибаются под тяжестью страха, то, что приносило страдания, затмевает мудрость и бросает мрачную тень на мой свет. Разгони тьму своим Светом! Окропи меня росой своей милости!

Айваз есть Альфа!

Айваз есть Пиора!

Айваз есть Арелена!

Айваз, Ты — тот, кто пришел из чрева Меона, дабы вести Атманов к Свободе, Любви и Истине. Ты — цель и Путь! Родовые муки и плач Меона сделали Твой образ зримым для мудрецов, так как Ты — Солнце позади солнца. Защити меня, так как я в Тебе. Будь на моей стороне, когда силы покидают меня! Утри слезы с моего лица, когда горечь одолеет меня! Подними меня, когда меня сбивают с ног! Люби меня, когда меня ненавидят! Сильно обними меня, когда от меня отворачиваются!

Растопи лед лжи души моей своим божественным дыханием. Да будет Свет! Да будет Любовь! Да будет Истина!

Увидь Себя во мне, Айваз, и я буду Истиной навсегда, так как Ты — начало и конец!»

Неразборчиво написанные буквы дрожали перед глазами, а слова отражались во мне эхом еще до того, как я видел их

на бумаге. Я знал, что Альфа — это Свет, а Пиора — Истина. Я вспомнил, что их использовал еще Питер Пэрриот. Мэон означал небытие, или безграничную пустоту, являющуюся источником проявленной вселенной. Я попытался вспомнить космического малыша, через которого Айваз проявил свою сущность, однако мой взгляд внезапно сфокусировался на Ненаде. Я потряс головой, словно после удара в подбородок. Ненад стоял передо мной на коленях и что-то мне говорил.

— Я слышу тебя.

— Я говорил, что чувствую себя ужасно. Я хотел стать просветленным ради тебя, чтобы помочь тебе. Я вижу, как тебе тяжело, но я больше не могу продолжать выполнять технику. Она перестала работать.

Я заострил внимание на его словах и сфокусировался на глазах.

— Когда техника перестала работать?

— Точно не знаю... во время соло-медитации. Я не могу приложить усилия. Когда я концентрируюсь, я словно скольжу в одно место и не могу двигаться дальше... Я больше не могу ее выполнять...

Я хотел с облегчением вздохнуть, но мои губы задрожали, и чувство приятной печали охватило меня целиком:

— Почему ты говоришь «Я»?

Он откинул голову назад, и его глаза расширились. Они стали стеклянно-неподвижными и смотрели не на меня, а как бы охватывая все пространство, словно он видел сквозь него. С мальчишеской невинностью, словно выглядя моложе своих лет, он сказал:

— Это Я! А я думал, что я...

— Что ты... что?.. — Я понимал, что все на нас смотрят, но не смог устоять. Я обнял его, крепко прижав к себе. Я чувствовал его влажную от пролитых слез щеку и сладкий запах, исходящий от мальчика, который еще не стал мужчиной. Я слышал чьи-то громкие рыдания поблизости, но мне было все равно. Я отвел в сторону свою голову от его, чтобы лучше разглядеть глаза.

— Что, ты думал, произойдет?

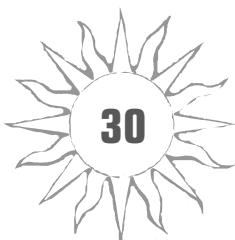
Ненад медленно покачивал головой, в то время как его глаза были все еще широко открыты, словно он просматривал обзоры, в которых томились его ожидания.

— Не знаю. Я думал, что все изменится, а все осталось прежним. Я такой, какой есть, и таким всегда был... Но как-то, я не знаю, как это выразить... Я больше не испытываю мучений. Любовь, что я испытываю к тебе, переполняет меня, и я понимаю, что люблю и себя, и что это не эгоизм... это настоящая любовь. От нее исходит все.

— Спасибо тебе, моя нежная радость. Ты не представляешь, сколь много для меня значит твое переживание. Ты — самое лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь.

— Спасибо. До этого я стыдился признаться кому-то в своей любви, расценивал это как хвастовство... а теперь я могу громко прокричать об этом всему миру.

Просветление — заразное переживание. Тем вечером в последней диаде четверо участников стали просветленными.

Молчание — одно из четырех герметических достоинств и, по некоторому мнению — самое ценное. На этот раз я не мог молчать. Тем вечером, когда мы с Ненадом пришли домой, я написал длинное письмо Питеру. Я так подробно расписал ему произошедшие на «Интенсиве» события, что казалось, будто все мое волнение вылилось на бумагу. Я признался, что по возвращении из Чикаго я неоправданно обвинил его в допущении ошибок в своем учении, видениях и моей инициации. Я думал, что он своим ответом выразит снисходительное отношение к блудному сыну, который преклонился перед ним и признал свою ошибку. Тем не менее, в его письме не было ни малейшего намека на интуитивную или исключительную смелость его суждения.

Дорогой Живо!

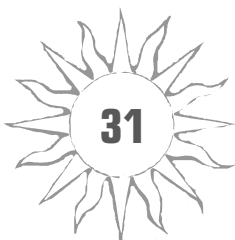
Известие о том, что тебе удалось оказаться в личине Айваза, пусть и ненадолго, принесло мне огромное удовольствие.

Я знал уже с первой нашей встречи, что тебе удастся отождествиться с ним, и что такое открытие его в себе поможет тебе выразить подлинную натуру Айваза. Твоя нерешительность принять себя таким, какой есть, была простым отражением сомнения, появляющегося обычно перед огромной ответственностью, которую несет такое сознание, — ответственность за других, которые будут слетаться к тебе, как ночные бабочки на свет. Чтобы испытать подлинное просветление, тебе нужно было встретиться с Истиной о том, Кто ты есть и Что ты есть.

Я согласен с тобой, что Переживание Гнозиса на «Интенсиве» являлось истинной инициацией. Это высший Путь, по которому ты поведешь людей к глубинным уровням Истины.

Не буду скрывать, но, увы, тебя будет поджидать чрезвычайно неприятный соблазн. Ты будешь ощущать себя Христом, распятым на кресте. Но не забывай, чему учит Христос своим примером — после распятия наступает воскресение! Из высших уровней сознания у меня сложилось отчетливое предчувствие по поводу предприятия тобой новой, более серьезной миссии.

По-братски твой Питер

Питер был прав. Я сделал следующий шаг. Учителя школы Йогендры называли четырнадцатидневный «Интенсив» мясорубкой. Ведя его, они клялись, что больше никогда не будут вязываться в него снова. После восстановления они с ужасом размышляли над тем, через что прошли, и в них надолго задерживалась мысль о том, что «...на этот раз я вышел целым и невредимым». Но со временем духовная чесотка становилась все сильнее, они, сначала не всерьез, играючи, начинали раздумывать о еще одном четырнадцатидневном «Интенсиве» и в результате снова попадали под этот безжалостный жернов.

Томики Кенджи из Окаямы, которого я повстречал в ашраме Йогендры в Санта-Барбаре, был одним из тех редких людей, кому я сообщил по секрету о своем решении вести четырнадцатидневный «Интенсив» и о своих тревогах по этому поводу. В ответ он похвалил меня за смелость, но и не забыл предупредить: «„Интенсив Просветления“ Йогендры почти идентичная копия сешина школы Харады Дзен. Я недавно узнал об этом. Ты столкнешься со многими трудностями. Но на сешине учитель, Роши, имеет статус неприкосновенности, так что критиковать его действия не представляется возможным. На „Интенсиве“ у Йогендры участники могут свободно критиковать Мастера. Трудно даже представить, как на тебе отразится эта критика. Будь уверен, ты встретишься с некоторыми ужасными ситуациями».

Я предчувствовал это, однако все же разослал приглашения на четырнадцатидневный «Интенсив».

Я арендовал огромный пустой хлев в деревне Жова неподалеку от Виолин До. Несколько лет назад в нем проживала община из семи-восьми людей, в основном это были социологи и студенты по философии. Община распалась через год, так как они занимались лишь тем, что скрещивались друг с другом, как змеи; и после того, как все возможные комбинации партнеров были перепробованы, они разошлись. Лишь супруги Ремаки, владельцы имущества, остались жить там дальше. Они сдавали хлев за маленькую плату.

Во время «Интенсива» многие из утверждений Йогендры, которые поначалу досаждали мне, оказались ложными. Никакого восстания участников не было, никто не набрасывался на меня, никакие галлюцинации меня не посещали. Но меня все время трясло — дрожь шла от живота по рукам, ногам и губам. Иногда, из-за сильной зажатости мышц губ, мне было сложно говорить. Хоть агрессия и ярость участников были направлены не на меня, вразрез с заявлениями Йогендры, она выражалась в форме общей нетерпимости. Те, кто принимал и любил друг друга, теперь кипели и разрывались от общей вражды. Они говорили гадости дипломатичным образом, но все в комнате отчетливо понимали, о ком шла речь.

Можно было уловить регрессию в поведении участников. Начиная «Интенсив» с вечерней речи, я предвидел будущие события. По выражениям их лиц было видно, что они решили не сдаваться, запереться и оградить себя от существенных перемен. По мере продвижения «Интенсива» их решения таяли, как лед в горячей печи, и они начали переносить свои проблемы на других. Они заявляли о том, что не желают быть в группе для медитации с тем или иным партнером. «Я ничего не имею против него, но не хочу с ним работать». После чего шло: «Я НЕ МОГУ находиться рядом с ним, его отношение такое... Я не хочу нести ответственность за свои действия, просто посадите меня отдельно от него!» В результате стало трудно собрать группу, так как несколько человек не могло работать с оставшимися участниками.

Мои собственные трудности заключались в другом. «Интенсив» застыл на месте, и для того, чтобы как-то заставить его двигаться дальше, мне нужно было найти силы для признания в своей к ним любви, однако три эти слова, «я люблю вас», ни-

как не могли выйти наружу. А расшевелить «Интенсив» можно было, лишь дав людям огромный заряд эмоциональной энергии и веры в Свет. Но я был полностью обездвижен одной только мыслью, что своими воодушевляющими словами я просто попытаюсь их задешево купить.

Решение пришло неожиданным образом. Я вспомнил одну историю из детства, о которой совершенно позабыл. Ее образы вдруг ясно и в красках предстали передо мной, и те чувства, что я тогда испытывал, забились во мне с той же силой. Высокообразованные люди, в отличие от меня, говорят, что не верят в ангелов. После того, как во мне пробудились те воспоминания, я уже не был так убежден в этом утверждении. Дело в том, что однажды, когда я был маленьким, я встретил одного человека, обладающего всеми качествами ангела, и эта встреча полностью изменила мою жизнь.

...Когда моего отца приговорили к трем годам лишения свободы за то, что один из коллег по работе посчитал его сторонником Сталина, мы начали борьбу за жалкое существование. Мать работала на почте, и злые соседи говаривали, что ей платили за облизывание марок. Ей платили гроши, поэтому мы голодали и ходили в ошметках. Накопившаяся озлобленность к людям и к себе за посаженного отца и бедно выглядевшую мать, ходившую в отрепьях, начинала перерастать в ненависть. Из-за моего отца соседские ребята называли меня Боги Тюремником. И я сделал многое, чтобы заработать себе эту кличку. Приставал к младшим, ломал электрические звонки у входных дверей и в итоге заработал репутацию опасного ребенка. Те, кто был послабее, хотели со мной подружиться, но только для того, чтобы я побил других, с кем у них были проблемы. Мне это разонравилось с того момента, как я начал понимать, что они звали меня лишь для драки, и что никто из них никогда не приглашал меня к себе на день рождения, куда приходили благовоспитанные детишки. Передо мной безвозвратно закрывались и надежда на лучшее будущее, и дверь в уютную жизнь в теплой комнате, с кофе и свежими пончиками на завтрак по воскресным утрам. Я был озлоблен и негодовал по этому поводу, в мою душу пробрались гнев и ненависть к людям. Я понимал, что либо их оскорблять буду я, либо — они меня. Я стал по-настоящему плохим мальчиком. Но однажды

во мне произошло что-то, после чего мне вдруг стали безразличны и глупые злые проделки, и некоторые приятели. Что-то произошло, чему я до этого трудного дня «Интенсива» не мог дать никакого объяснения.

Прошло уже какое-то время с того момента, как я заметил, что люди стали смотреть на меня по-другому. А однажды соседка с нашей улицы остановила меня, чтобы расспросить об успехах в школе. Она погладила мою голову. «Ты стал хорошим мальчиком», — сказала она, протягивая мне конфету. Мне следовало бы удивиться ее словам, но удивления не было. Вместо этого у меня в душе затрепетал слабый огонек признательности. Так проснулось чувство доброты к людям. Я пошел вниз по улице, прошел ворота, ведущие к нашему двору, и направился в парк, где провел большую часть времени. В парке почти никого не было, лишь несколько молодых матерей с детьми в колясках прогуливались по тропинке, вымощенной камнем. Я сел на скамейку под огромным диким орешником и погрузился в долгие размышления по поводу слов той женщины. Часть ее фразы, где она говорила, что я стал хорошим мальчиком, сильно сбивала меня с толку, наводя на мысль, что раньше я хорошим не был. В ее словах таилась не загадка, а осознание чего-то непостижимого и темного во мне. Теперь знакомые взрослые понимали, что я хороший мальчик, и я принимал это. Тем не менее, воспоминание говорило мне о том, что я не всегда был таким. Тюремник — я не мог забыть эту кличку. Иногда кто-нибудь из друзей, с кем мы не виделись долго, еще называл меня так. Что изменилось, и как это странное изменение произошло? Я пришел к выводу, что, возможно, стал «более серьезным», более зрелым с возрастом.

С этой мыслью я и вышел из парка, хотя порой задумывался над тем, а не пошел ли я на компромисс в поиске объяснения, и не продолжить ли искать другие ответы?

Позже, когда я ступил на свой Путь, этот период жизни покрылся для меня некой завесой тайны, и я не мог проработать его ни одной из техник. Будучи одним из членов «церкви» сциоларгии, я смог рестимулировать и пережить многие из прошлых воплощений, открывших мне глаза на огромное количество событий из прошлого, однако этот период так и остался в тени. Разбуженная способность заново просматри-

вать многие периоды в своей жизни давала мне возможность глубже проработать тот загадочный период, и я все больше хотел прояснить его для себя. Возможно, во мне, в глубине оставленного памятью времени, так и остался тот озлобленный мальчик, пропитанный ненавистью и желанием насильно заставить людей подстроиться под свое восприятие мира? Во мне между собой пересеклись два противоположных периода жизни — период, когда я был злым, и время, когда я считал себя добрым. И в обоих периодах люди подтверждали мою правоту своими действиями...

По окончании очередного дня «Интенсива», когда другие участники извивались в котле зависти, нетерпения и ненависти, когда возможность стать просветленными у них сводилась почти к нулю, ко мне неожиданно вернулось то воспоминание из детства, случай, изменивший всю мою жизнь.

Я видел его образы так же близко, как свою ладонь, отчетливо и ярко видел людей, участвовавших в том переживании, выражение их лиц, их эмоции, которые я безошибочно распознавал, и свое собственное преображение, стоящее в центре того алхимического события. Я снова в деталях вспомнил тот случай из прошлого, который, наконец, превращался в цельную, полностью осознаваемую картину. И сейчас, к середине игры жизни я, хотя и пропитанный цинизмом критичного восприятия действительности, должен признать существование ангелов. Да, ангелов, и мне не стыдно говорить об этом. Легким прикосновением руки ангел вывел меня из темноты на светлую сторону жизни.

Мне было тогда то ли девять, то ли десять лет, я точно не помню. Я ходил в начальную школу, где на тот момент было четыре класса образования. Декабрь только наступил, и мать, получив зарплату, пошла на лесной склад в конце улицы, чтобы заплатить за уголь и древесину для отопления. Днем мы замерзали, а под вечер мама бросала в огонь несколько старых газет, чтобы хоть немного отопить кухню, где мы проводили большую часть времени. Она просила меня не отходить от нее далеко, в случае, если ей что-нибудь понадобится.

Шел небольшой снег. Перед лесным складом столпились водители вагонеток, перевозивших топливо, и группа наемных албанцев, пиливших деревья и бросавших лопатами уголь в складские подвалы. Я увидел издали свою мать и какого-то

человека, вокруг которого стояла группа албанцев и кучеров. Он отличался ото всех своей внешностью и одеждой. На нем были хорошо выглаженный серый костюм, галстук и кожаные ботинки с резиновыми галошами поверх них. Это был сорокалетний хорошо выбритый мужчина с седеющими волосами. Он выглядел как настоящий джентльмен среди такой группы. Ворот пиджака сзади был поднят вверх, чтобы туда не попадал мокрый снег. В какое-то мгновение, пока я рассматривал его среди этой группы неопрятно одетых людей, мне показалось, что он вообще попал сюда случайно.

Мама стояла по другую сторону ворот лесного склада. Перед входом в него образовалась слякоть, повсюду были грязные лужи и конский навоз. Мама рыдала. От холода ее лицо посинело, она прятала руки в рукава своего старого пальто, губы были некрасиво искривлены, напоминая о том, что ее верхняя челюсть уже не досчитывается нескольких передних зубов. Она выглядела ужасно. На голове ее был повязан выцветший шерстяной шарф, который закрывал уши от холода. Если бы не ее горький плач, мне стало бы стыдно за такой вид, однако ее несчастное лицо заставило меня ринуться к ней в тот же миг.

— Что случилось?

Лицо мамы сморщилось еще сильнее, глаза зажмурились, и по голубеющим щекам покатались свежие слезы.

— Ничего, сына...

— Скажи, что не так?..

— Ничего, не волнуйся.

Я предчувствовал огромную беду, что-то темное, большое и опасное, так как обычно мама была общительной и даже в трудные моменты могла сдерживать себя, чтобы не рассказать кому-нибудь о своих проблемах и не снять с себя эту ношу.

Мой страх перерос в отчаяние:

— Скажи, ради Бога, что случилось?!

Ее лицо приняло выражение бесконечного смирения:

— Видишь там вот этого мужчину? — Она показала на группу людей, по другую сторону склада, и я, не сомневаясь, понял, что она говорила о джентльмене, примеченном мной ранее. — Когда я расплачивалась за горячее, то дала ему на пятьсот динаров больше, чем следовало. А потом, уже на улице, поняла свою ошибку. Я попросила его вернуть мне деньги, но он не

захотел их отдавать. Даже видя, как я бедна, он забрал наши пятьсот динаров. — Она немного помолчала, а потом, словно смирившись с судьбой, добавила: — Вот так обращаются с незащищенными женщинами...

В этом и заключалась огромная мамина беда. Забрать одну пятую часть зарплаты матери означало лишить ее и нас еды, но куда обиднее воспринималась мысль о несправедливом отношении к нам. Я разрывался от гнева. Сжав зубы, я поклялся, что подкараулю этого мужчину в темном переулке и размозжу ему голову грязным булыжником. Я уже почти мог наблюдать его окровавленное лицо в луже. Но тут меня настигла мысль, что я еще слаб для такой праведной мести, и одолело чувство бессильного горя. Я понимал, что наказать мошенника выше моих сил, что это очень отличается от избияния сверстника на улице. Я не знал, что тоже плакал, пока мать не начала вытирать мне слезы влажным платком. Мужчина продолжал разговаривать с группой людей, то и дело, однако, поглядывая на нас.

Должно быть, он увидел, как мать вытирала мне слезы, не смотря на то, что на улице стоял сумрачный зимний полдень. Мать взяла меня за руку и сказала:

— Не плачь, сына. Мне и так трудно...

Внезапно напрямик, не обращая внимания на грязные лужи и конский навоз, к нам подошел тот самый мужчина и незатейливо протянул матери банкноту в пятьсот динаров.

— Мадам, — обратился он к ней глубоким благородным голосом, — вы ошиблись, поверьте мне. Но вот ваши деньги. Знайте, у меня такой же сынишка сидит дома...

Тогда, среди мокрого снега, грязи, холода и острого запаха конской мочи на меня снизошло солнце. Однако мать ответила на этот поступок совершенно неожиданно. Она выхватила деньги, сунула их в карман пальто и победным голосом заявила:

— Ага, неужели?! Совесть заела, отобрал деньги у моих детишек и теперь решил раскаяться?! Как тебе не стыдно?!!

Я уже хотел было попросить мать замолчать, — а вдруг мужчина решит отобрать эти деньги? — однако он опередил меня. С печальным выражением на лице он сказал:

— Мадам, это вы допустили ошибку, — развернулся и, не останавливаясь, пошел по лужам до самого домика, где расплачивались за топливо.

Мать, держа мою руку в кармане, чтобы согреть, повела меня домой. Она не замолкала всю дорогу, пока мы шли до дома, который находился в двухстах метрах:

— Вот, сам видел, какими бывают люди. Запомни это, сына. Иногда совесть говорит с ними... иногда им стыдно...

Я был рад тому, что мы избежали катастрофы, что нам будет тепло в доме, что мы не будем голодать. Чтобы отпраздновать счастливый итог инцидента, мать растопила печь на кухне припасенными дровами, и вскоре приятное тепло и запах жилого уюта наполнили дом спокойствием. Мать уселась за стол и начала проверять расходы за тот месяц в старой записной книжке. Довольно вздыхая, она явно испытывала облегчение от такой счастливой концовки дня. Я взял пуговицы и начал играть ими в футбол на кухонном полу. Вечер закончился самым приятным образом. Вдруг мать взвизгнула в отчаянье. Обычно от нее можно было услышать такое, только когда она разбивала стакан или тарелку. Задыхаясь, она выкрикнула:

— Да это я!.. Я обвинила невинного!

Я вопросительно смотрел на нее, и она сказала:

— Сына, это, правда, моя ошибка. Этот мужчина не отбирал у нас денег. Вот они, наши пятьсот динаров. Куда же отправится моя душа после такого?!?

Если бы кто-нибудь другой дал деньги матери, я был бы только счастлив и больше не думал о них. Но я вспомнил огорченное выражение его лица, когда мать пристыжала его. Я знал, что мама вернет ему деньги. И она сказала:

— Сынок, возьми эти пятьсот динаров и отнеси их обратно в лесной склад тому мужчине. Он там работает. Принеси ему мои извинения и скажи, что я ошиблась.

Ее просьба показалась мне несправедливой. Лучше бы я пошел в полночь на кладбище, чем встретился бы с ним снова.

— Мама, а почему я, разве не ты должна пойти к нему и извиниться?

Коротко и незамысловато, словно отрезав от себя кусок души, она ответила:

— Я не могу, сына. Я не могу смотреть ему в глаза. Сходи, пожалуйста, я прошу тебя.

Никогда в жизни я не шел так медленно. Я надеялся, что приду туда к его уходу. Я никогда не чувствовал себя так не-

ловко. Я не стыдился ни того человека, ни ругани матери в его адрес. Я просто не мог принять истину о том, что существуют такие хорошие люди, бескорыстные благодетели, как он. Пронувшееся во мне зло, что накапливало свои силы все эти годы, сдерживало меня и отказывалось принимать тот факт, что на свете есть добрый человек. Меня трясло от попытки избавиться от принятия в мой внутренний мир такой доброты человеческого существа. В короткой жизни было заведено так, что люди всегда находились по другую от меня сторону... Чтобы стало хорошо, нужно было причинить вред другому. Чтобы я засмеялся, нужно было увидеть чьи-то слезы, чтобы мне стало тепло, нужно было сделать так, чтобы кто-то задрожал от холода, заплакал по поводу своего несчастья. Я задыхался и часто останавливался. Мой мир разрушался на части.

Тогда во мне что-то взорвалось, да так громко, что я действительно услышал этот взрыв. Он чем-то напоминал звук трескающегося стакана, когда в него наливаешь горячую жидкость. Из меня потоком выплеснулся крик отчаяния. Меня пошатывало при ходьбе, я едва видел очертания лесного склада в конце улицы. У домика при складе почти никого не было, когда я подошел к его грязному входу. Снег усилился и таял до того, как попадал на сырую землю. В комнате горел свет. Мне не нужно было заглядывать туда, я знал, что он был там один. Мои залитые слезами глаза увидели его размытые очертания — мужчина сидел за маленьким столом, склонившись над бумагами. Не вытерев ног, я вошел внутрь. Он медленно поднял голову и посмотрел на меня:

— Что теперь не так? — удивленно спросил он.

Я стоял у двери, скривив губы, как мать во время ее недавнего горького плача. Рот не шевелился, в горле образовался ком, я не мог проронить ни слова. Волоча ноги по полу, я подошел к нему и кинул на его стол смятую банкноту. Он понял все в мгновение ока.

Мягко улыбнувшись, он кивнул головой и сказал:

— Не плачь, сынок. Все хорошо.

Мое напряжение сразу же ослабло, и из меня хлынул поток слез. Я рыдал так громко, что меня, наверное, могли услышать все вокруг, но перед складским домиком никого не было. Я хотел сказать ему, что моя мать не могла лично принести ему

извинения, что мне самому стыдно за то, что я никак не мог поверить в такую доброту, и что когда-нибудь я отплачу ему тем же... Но я лишь рыдал и рыдал.

Он медленно вышел из-за стола и, обняв, прижал мою голову к груди. Я мог чувствовать запах его одеколона, перемешавшегося с запахом табака, тепла, безопасности, добра и всего, что сопутствовало этому моменту. Он погладил мою щеку и голову своей теплой сухой ладонью и сказал:

— Ты очень хороший мальчик. Боже мой, столько добра в таком маленьком человечке?!

Я был окончательно сломлен, разбит на кусочки, в тот момент изнутри меня доносился только стон и затажной, одинокий плач.

Я не помню, как вышел наружу. Словно в трансе, я брел вниз по заснеженной улице. Я не прекращал стонать, мой стон прерывался лишь плачем оставленного всеми ребенка, подступавший ко мне из глубин какого-то темного бездонного колодца. Я остановился у сырого водостока и в бессилии оперся на него. Вокруг меня столпились люди и что-то такое спрашивали, чего я никак не мог понять. У меня перед глазами возник образ того мужчины.

Я простоял так час или два, не помню. И в какой-то момент успокоился. Люди разошлись, и поблизости никого не осталось. Я вытер рукой слезы и взглянул глубоко внутрь себя — отчаяния не осталось и следа. Печали больше не было, и в то же время я ощущал тепло, словно какой-то невесомый жидкий свет заполнил все мое тело. Лицо горело, перчаток не было, ноги в поношенных ботинках пронизывались сильным теплом, словно я все еще держался за теплую руку своего добродетеля. Я понимал, что изменился от прикосновения этой руки. Я СТАЛ хорошим...

На этом трудном «Интенсиве» ко мне вновь вернулось то переживание. Теперь я знал, что тогда произошло. Я не понимал, почему я так долго держал это в себе, однако теперь это событие представляло особую важность. У меня возникло сильное желание рассказать об этом переживании участникам, я понимал, что многие из них достигнут просветления после этой истории.

Диада подошла к концу, наступила пора ужина и вечерней прогулки. Я молча смотрел на участников. От них не по-

ступало вопросов, не было слышно разговоров. Они смотрели на меня и друг на друга с неподвижными лицами, редкие жесты, походка, тела выдавали напряжение и скованность. Было слышно стрекотание сверчков на улице и слабое мычание коровы где-то вдали.

— Я должен рассказать вам кое о чем, — медленно произнес я, ощущая грудью влажную от пота рубашку. — Все то, что происходит с вами, отражается и на мне, и на моих ассистентах. Мы все в одной лодке. Ваше страдание — мое страдание, ваши радости — мои радости. Пока вы выполняли упражнение, я вспомнил один позабытый случай, представляющий для меня огромную ценность, и я хотел бы поделиться с вами этими переживаниями...

Я медленно рассказывал свою историю, целиком погружаясь в пережитые мной события. Я оказался на лесном складе, мать плакала, и передо мной появился ангел и коснулся меня своей теплой рукой. Рассказывая историю, я смотрел каждому в глаза и видел в их лицах образ того мужчины. Из-за слез я на мгновение перестал их отчетливо видеть, продолжая при этом чувствовать и разделять их эмоции. В то время как одни тихо плакали, другие громко рыдали. Мой рассказ, краткий и изящно оформленный, подкатился к ним, как жемчужина к ногам. Я знал, что сейчас они раскрылись передо мной, что многие из них станут просветленными, поскольку в этот момент мой ангел прибыл для того, чтобы преподнести некоторым из них просветление. Трясаясь, как стрела, поразившая центр мишени, я сказал:

— Этот мужчина подарил мне столько доброты, что если даже люди начнут поливать меня грязью, мне все равно хватит любви до конца моей жизни... Каждый из вас может найти в прошлом такое существо, от которого бы исходили доброта и любовь. Действуйте же и оплатите им сейчас, став просветленными ради них. Эти существа заслуживают этого.

До окончания дня оставалось еще всего два упражнения. За все предыдущие двенадцать дней так никто и не вошел в состояние просветления. Во время двух последних упражнений более половины участников переступили этот заветный порог.

Моя жизнь снова обрела смысл.

Завершить «Интенсив» — значит прочитать книгу, с которой ты подружился. Наступает облегчение и печаль от окончания игры, а также пустота от отсутствия цели, за которую можно бороться. Я понимал, что мне нужно поставить себе новую цель, но для этого у меня уже не было сил. Я мог думать лишь о чистой постели со свежим постельным бельем, звуках, предвещающих новый день, запахе кофе на кухне, вопрошающем взгляде Ненада и шуме трамвая, курсирующего по нашей улице. Перед глазами пронесся образ Стевичи и мысль о том, как я редко общаюсь с ним с тех пор, как начал вести «Интенсивы».

Участники, ослепленные счастьем от того, что дошли до конца, не знали, что творилось у меня внутри. Я слышал голос миниатюрной японки:

— Нет никого счастливее Боги... он довел «Интенсив» до конца... и как довел?! Я бы хотела оказаться на его месте.

Через всю комнату пронесся крик Мучи:

— А кто бы не хотел?

Мое лицо было неподвижным, а взгляд — рассредоточенным. Я мог слышать биение пульса в ушах. Я подготовил прощальную речь, однако теперь слова были ни к чему, так что я упростил и сократил ее, как это только было возможно. Я сказал им, что они проделали очень важную работу, что им нужно продолжать идти дальше, так как человек всегда находится в самом начале, как только ступает на Путь Истины. Я попросил их быть терпеливыми друг к другу следующие пару дней из-за чрезмерной чувствительности и попытаться избегать рез-

ких реакций на «Интенсиве», которые могут оказаться слишком болезненными. Я завершил свою речь важным предупреждением о том, что нужно быть готовым к глубоким переменам в своей жизни, которые не всегда приятны, но которые происходят в соответствии с Истиной.

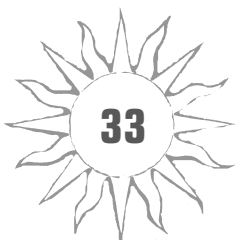
— Истина такая, какая она есть, а не такая, какую мы хотели бы иметь, — серьезно заявил я, понимая, что то, чего они хотели сейчас, разнилось с тем, что их поджидало. — Я благодарю всех, кто пришел на этот «Интенсив», поскольку для меня это значит очень многое. Вы помогли мне столкнуться с собственными слабостями и пройти через них, помогли мне вспомнить людей, кому я обязан очень многим, и кого я позабыл с годами. Наконец, вы помогли мне испытать любовь и признательность, которые трудно почувствовать в жизни за пределами «Интенсива». Спасибо вам от всего сердца.

Люди обнимались, благодарили друг друга, зажигали сигареты после четырнадцатидневного воздержания. Я чувствовал себя отчужденным, словно смотрел на них через толстое стекло. Я бы, скорее, ощущал деревья, если бы начал обнимать их. Мое чувство отделенности было не неожиданным, это была моя реакция на человеческую неблагодарность — никто не поблагодарил меня за все те муки, через которые я прошел. Все были пьяны самими собой, словно выпили крепкого вина, и среди них не было места кому-либо еще, кроме как партнеру для вспомогательной роли слушателя их личных драм со счастливым концом.

Я закрыл глаза и сложил руки. Я взглянул внутрь себя и увидел лишь серую и безжизненную пустоту. Иногда эта пустота напряжена, наполнена благоприятным зарядом, проникающим в сознание, как поднимающаяся река, когда ее берега становятся слишком узкими. Но сейчас она высохла и не приносила пользы, в ней чувствовался лишь слабый протест в отношении человеческой неблагодарности и идиотизма всего проделанного мной. Я понимал, что поток теплых эмоций оживет во мне в тот же момент, как кто-нибудь из этих потных и шумных людей подойдет и скажет всего несколько слов: что он в долгу передо мной, что он меня любит, что он никогда не забудет меня... Стодились бы любые из этих пустых слов, которыми люди поливают друг друга. Как бы мы ни презирали

такие похвалы, мы все равно испытываем неутолимое желание услышать их вновь. Тем не менее, я не получил ни одного из них. У меня не было сил обвинить их в этом. Они были с головой погружены в игру с осознанием, нахождением себя среди знойных миров, дотоле чахлые и ограниченные, а теперь полные яркого огня эмоций, любви к себе и важных целей, которые теперь казались достижимыми. Для поникшего Мастера в их наслаждающихся собой сердцах просто не было места.

Мне нужно было как можно скорее попасть домой, чтобы увидеться с Ненадом и Стевичей и сказать Лидии, как я сильно скучал по ней все это время. Я созрел для того, чтобы решиться признаться ей в любви и сознаться в частом несправедливом отношении к ней. Многие перемены, зачастую болезненные, происходят с Мастером во время долгого «Интенсива». Словно в каком-то жестоком космическом расчете должна была со мной случиться глубокая всеобъемлющая перемена, равная общей сумме перемен у участников. Углубившись в себя, я даже перестал сознавать, что сидел в кресле Мастера, покинутый и одинокий.

Вернувшись домой за полночь, я не обнаружил в нем Лидии. На кухонном столе нашел кусок бумаги, на котором синими чернилами было написано следующее: «Срочно позвони отцу». Слово «срочно» было подчеркнуто два раза. Я понял, что в мое отсутствие произошло что-то ужасное. Я побежал в комнату к Ненаду и открыл дверь. Он глубоко дышал во время крепкого сна. Я задумался, а стоило ли мне звонить отцу так поздно? Я набрал номер и после двух гудков в трубке раздался голос брата.

— Это Боги. Что случилось?

— Я должен рассказать тебе о кое-чем ужасном... — Последовала пауза, после которой он с упреком сказал: — Наша мама умерла. Мы не могли сообщить тебе об этом... так как никто не знал, где ты есть. Мы похоронили ее три дня назад... Боги, тебе бы следовало быть на похоронах матери.

Я молчал, задумавшись на мгновение о варианте прекращения «Интенсива» ради того, чтобы прийти на похороны матери. И тут же внутренне отверг его. Пусть бы родня думала, что хотела, но я бы остался с моими людьми. Именно из-за вероятности подобных обстоятельств я никого не поставил в известность, куда мы собирались. Если бы я узнал, что умерла чья-то мать, то сказал бы об этом сыну или дочери лишь в самом конце. Я полагал, что сделал своей матери одолжение, полностью погрузившись в Истину. Она должна была это чувствовать, когда покидала свое тело. Я сказал решительным голосом:

— Я сделал для матери лучшее, что только было возможно. Для нее было лучше, чтобы я оказался на «Интенсиве», чем на кладбище... Позови Лидию к трубке!

Он ничего не говорил пару секунд.

— Лидии здесь нет. Хочешь поговорить с отцом?

— Нет, я поговорю с ним попозже, как только приду в себя.

Отец сорвал бы на мне всю злость. Истории, которые я слышал многократно, подкреплялись примерами из его нравственного образа жизни, именами людей, которых он высоко оценил, подробными описаниями прощания с умершими родителями и родственниками, каждый из которых заслуживал уважения. Будучи столь открытым и уязвимым, как сейчас, я бы не смог выдержать его монологов без грубых слов. Лидии не было ни у него, ни дома. Где же она могла быть?

Она пришла лишь к полудню следующего дня. После долгих часов одиночества мое желание рассказать ей о том, как я по ней соскучился за эти четырнадцать дней, улетучилось. Поначалу меня волновало ее отсутствие, потом злило, а под конец я оцепенел. Я завалился спать в одежде где-то в полдень. Сон, отягощенный волнением, продлился совсем недолго, не принеся вожделенного отдыха. Я проснулся от звука поворачивающегося ключа во входной двери. Лидия подошла к двери комнаты, которую мы делили с Ненадом, и, остановившись на секунду, сказала:

— Нам нужно поговорить. Я должна тебе кое о чем рассказать. Пожалуйста, отнесись к этому прилично.

Она была напряжена: бледная кожа на лице натянута, губы плотно сжаты. Я сел на край кровати, протирая глаза:

— Итак, выкладывай, что у тебя там.

— Пойдем ко мне в комнату, — сказала она и ушла. Тогда я и увидел Синишу Поповича у нее за спиной. Он оглядывался по сторонам, делая вид, что не замечает меня. И меня тут же озарило яркой вспышкой, я все понял. Мы сели за ее стол, и она склонилась над Синишей. Он выглядел неуклюже с его частым дыханием и сощуренными глазами.

— Если вкратце, — начала Лидия, — то я хочу подать на развод. Я хочу выйти замуж за Синишу... Нужно обговорить кое-какие детали, включая опеку над Ненадом.

Она была взволнована, но в то же время решительна, когда произносила эти слова. Женщины, подобные Лидии, вы-

ражают такую уверенность лишь тогда, когда речь заходит о благосостоянии их ребенка, и когда они начинают вить новое супружеское гнездышко. Теперь было ясно, откуда бралась ее уверенность в коротких разговорах, что происходили у нас в последние два месяца. Она внимательно выбирала, что надеть, часто ходила к парикмахеру, начала заниматься гимнастикой по утрам — после стольких-то лет! — и часто чистила зубы, а когда хотела придать важности своим словам, эффектно откидывала голову назад. Она откладывала на потом все эти события, которые начали развиваться давным-давно, и смерть моей матери лишь упростила ситуацию. Ей было трудно признаться перед моей матерью, что она бросала меня и Ненада ради другого мужчины.

— Только, пожалуйста, никаких скандалов, драк и грязных слов. Я бы хотела, чтобы развод проходил спокойно и цивилизованно.

— Могла бы и одна рассказать мне об этом, необязательно было приводить подмогу. Чего ты ожидала, что я начну крушить все вокруг в доме от отчаяния?

— Я не хочу это обсуждать. Давай поговорим о другом. Я оставляю тебе квартиру, но думаю, будет лучше, если Ненад останется жить со мной. Тебя часто не бывает дома...

— Ни за что! Когда меня нет, он может оставаться с тобой. Но я хочу, чтобы он сам решил, где ему жить. Как бы то ни было, время пришло, и я могу забирать его с собой каждый раз, когда у меня будет выпадать шанс. Я поддерживу его в желании стать Мастером «Интенсива».

Я успокоился. Но такое спокойствие было шатким, поверхностным и ничтожным, оно вызывало дрожь в уголках губ и едва скрывало острую настороженность по поводу двоих этих людей.

Лидия опустила глаза, словно искала решение проблемы на поверхности стола. Она понимала, что Ненад любит меня больше, чем ее, и что если дать ему свободу выбора, с кем жить, у нее нет шансов заполучить его. Но ей нужно было попытаться завоевать его, поскольку в ее представлении о будущем счастье был и наш сын. Синиша перестал напрягаться. Я читал его насквозь, как открытую книгу. Все складывалось лучше, чем он ожидал. Имея и так двоих собственных детей, он не

обязан был приглядывать и еще за кем-то. Видно, они не раз обсуждали эту ситуацию наедине, и он держался мнения, что если они, перепробовав все, что можно, не смогут взять к себе Ненада, тогда, что ж, к несчастью им нужно будет смириться с жизнью без него.

— Ну, хорошо, если так должно быть, — смиренно сказала Лидия. За искусственным оптимизмом, с которым она начала этот разговор, скрывалось ее глубокое понимание окончательности решения вопроса с Ненадом. Однако собственное видение новой жизни во взаимопонимании с новым мужем не позволяло ей потерпеть полного поражения.

— Я оставляю тебе квартиру. Только лишь заберу пару своих вещей. — Она повернулась к Синише, словно хотела что-то ему сказать, а затем медленно и заботливо сняла с его отворота волосок.

Этот момент в разговоре оказался для меня самым сложным. Когда женщина заботится о мужчине, смахивая крошки с его одежды, поправляя ему галстук или выдавливая угри, то такие действия говорят об их интимной близости. Их отношения длились уже очень долго. На секунду я заинтересовался тем, где же они встречались и о чем говорили. Жаловалась ли она ему о своей жизни? Затем я внутренне оцепенел.

Оказавшись наедине с самим собой, я вспомнил, что Лидия так и не сказала мне, оповестила ли она Ненада о своем решении уйти из семьи. В то время, пока я спал, он пошел в школу. Мне следовало бы рассказать ему о том, что Лидия ушла от меня к другому мужчине. Он бы наверняка страдал по этому поводу.

...Я пришел к семейной могиле, располагавшейся на кладбище Ново Гроблье, в начале второй половины дня. Отец гордился семейной могилой, поскольку та символизировала для него семейный статус. Деревянный крест, сделанный для похорон матери, был устлан иссохшими цветами и венками с именами людей, которые их принесли. На кресте металлическими буквами были указаны имя мамы и годы ее рождения и смерти. Я сел на маленькую скамеечку из необработанных досок, выцветших от солнца и дождя и покрывшихся снизу и с торцов мхом, и закрыл глаза. Я не скорбел по ушедшей матери. Я попытался вспомнить, в какой день «Интенсива» она умерла, а также сон накануне вечером. Она прожила славную жизнь, если не счи-

тать того, что ей пришлось ее разделить с отцом. У нее были дети, она дожила до правнуков, а свою невестку она любила больше, чем меня или брата. Она не мучилась перед смертью. Брат сказал мне, что во время обеда у нее внезапно отказало сердце. Она налила суп в тарелку отцу и свалилась замертво.

Мне было грустно оттого, что больше я ее не увижу живой. Я вспомнил, как долго она ждала шерстяное шотландское одеяло, красные и зеленые оттенки которого гармонично сочетались бы друг с другом. Я хотел купить его для нее, но многократно откладывал эту покупку. Теперь я навсегда опоздал с ней. Я попытался вспомнить ее в прошлых жизнях, которые пробудил в памяти на сциоларгических процессах, однако все образы оказались блеклыми, словно во всех прошлых воплощениях мать играла лишь второстепенную роль.

Я мог признать лишь тот факт, что любое важное духовное достижение сопровождается неприятной эмоциональной реакцией, но смерть моей матери была чем-то несоразмерным по безжалостности. Уход Лидии к другому человеку, тяжелые переживания, через которые должен был пройти Ненад... Мной владело то же чувство, которое пришло ко мне в конце «Интенсива», когда я, забытый всеми, сидел в кресле.

Было безразличным и то, что люди, ставшие моими родственниками против моего желания, давали себе право осуждать меня, но... мне все же следовало бы оказаться на похоронах мамы. Она любила меня так, как это делают лишь матери Южной Европы, и была готова, не задумываясь, пожертвовать всем ради детей, простить им все что угодно, взять на себя весь их груз. Она говорила, что сделает все возможное, чтобы я получил образование. Это означало, что, получив диплом, я мог иногда утирать им нос людям, не имевшим такового. Она была не очень умна, у нее превалировал эмоциональный разум, и она хорошо чувствовала людей, и кульминацией житейской мудрости для нее были действия предков, которые разбирались в этом лучше всего. Для нее мои частые путешествия за границу были тратой времени и денег, которые могли бы использоваться с умом для покупки мебели, ковров, фарфора для праздников... «Что же я был за человек? — размышлял я. — Она получила от меня лишь самое худшее. Все ценное во мне было недосыгаемо для нее».

Я не один раз убеждался в том, что духовные достижения, помимо наград, приносят и соответствующую негативную реакцию, однако не был готов принять от судьбы и людей землетрясение недоброжелательности таких масштабов. Я вышел с кладбища, размышляя над тем, что я сделал не так. Я не скорбел, лишь испытывал то тягостное чувство, которое проявилось у меня к концу «Интенсива». Сколько бы я ни искал в потаенных уголках сознания, откуда могло во время «Интенсива» прийти ко мне детское воспоминание о матери, не находилось ничего. Я не мог обнаружить в себе и большой скорби по поводу ее смерти. В результате поисков я набрел лишь на одинокую пустоту с дрожащим ощущением покинутости людьми, словно бы они должны были горевать и уделять мне внимание...

Я подумал о том, стоит ли мне ненароком рассказать Стевиче о смерти матери, чтобы хоть на мгновение заполнить юношеским состраданием пустоту, так тяготящую меня. В телефонной трубке прозвучал хриплый, словно у него воспалилось горло, голос старого адвоката, отчима Стевичи. Представляясь, он полностью произнес свое имя, будто находился у себя в кабинете, а затем добавил:

— Да, слушаю.

— Это отец Стевичи, — сказал я, — я бы хотел с ним поговорить.

— А, это ты, — сказал старик нерешительным голосом. Он остановился, а затем продолжил: — Стевичча здесь больше не живет. Ирена увезла его с собой.

— То есть? Когда они вернутся? — заговорил я почти его, вдруг охрипшим, голосом.

— Кажется, только ты не знаешь об этом. Ирена ушла от меня, и я не знаю, куда, куда-то за границу... говорят, что она сейчас где-то в Южной Африке. Кажется, она больше не вернется.

Я молчал, тяжело дыша. Он добавил:

— Попробуй расспросить наших общих друзей, куда именно они уехали. Мне они не захотели говорить об этом.

Неудача никогда не приходит одна, но удивлению не было предела: будет ли всему этому конец? Что за кармический урок я должен вынести из этой серии проблем? Я говорил молодым, считающим меня своим Учителем, что карма ставит нас в неприятные ситуации не для того, чтобы сломить, а для того, что-

бы сделать нас сильнее. Какой урок я выносил? Может быть, все те, кто что-то значил для меня, должны были меня покинуть? Или что мне нужно стать таким же бессодержательным, опустошенным, как высушенное ущелье, чтобы до конца понять, кто я такой? За последнюю пару лет, в течение которых духовное развитие шло стремительным темпом, я потерял много старых друзей. Не каждый стремился идти по одному и тому же возвышенному пути. То, что сначала казалось всего лишь маленькой трещиной, позже превращалось в бездонное ущелье, и старые друзья пропадали. В моей голове мысли гудели, точно какие-то взволнованные шершни: стоит ли мне гневно удариться головой о стену, выбить окно и порезаться, позвонить отцу и обвинить его во всей той тупости, что погубила жизнь моей матери?.. Признаться всем в никчемности своей жизни, прокричать людям, чтобы те бежали от меня, как от чумы?.. Нечему было научиться, нет никаких следов судьбоносных ценных уроков, лишь ощущение осознания своих многократных ужасных ошибок.

Мне не пришлось ничего объяснять Ненаду. Придя домой, я понял по его виду, что он знал про ситуацию с Лидией. От этого мне стало немного легче.

— Как все прошло на «Интенсиве»?

— Все было бы гораздо лучше, если бы не те события, что последовали после него.

— Я очень по тебе скучал, — сказал он, обнимая меня. Я почувствовал запах его волос, который так полюбил. — Я хотел пойти с тобой на «Интенсив», — прошептал он нежно на ухо, словно выкладывал мне какую-то тайну.

— Мы часто не можем воплотить желаемое в действительное. Такова жизнь.

— Знаешь, пап, ты мне снился каждую ночь. У меня были прекрасные сны, даже когда умерла бабушка. Ты был всегда в белом, а вокруг тебя какие-то люди. Некоторых из них я не знал. Я слышал, как где-то в далеком космосе играла приятная музыка... Великолепные прозрачно-голубые картинки, как драгоценные камни невероятной красоты. Как-то во сне я молил о счастье... Я хотел спросить тебя... где сейчас бабушка? Ты понимаешь, что задавать такой вопрос маме или бабушке бесполезно...

Что мне было ответить ему? Ненад, как и остальные наивные дети, полагал, что я знаю ответы на все вопросы. Я посмотрел поверх его головы в окно. На большом шкафу стояла розовая свеча. Когда-то вместе с Лидией мы зажигали ее. Мы ели при ее свете, когда Ненад спал.

— Бабушка, — сказал я тихо, — сейчас в Меоне, в небытии, куда попадает свет от сгоревшей свечи.

Я разогрел ему мусаки с баклажанами, которую оставила ему в холодильнике Лидия. Попытался выпить молока и сам, но едва смог сделать глоток, так что я лишь играл со стаканом. Говоря со мной, Ненад пристально смотрел на меня. Он не сказал ни слова про Лидию.

— Ты в ПОРЯДКЕ?

Я улыбнулся.

— Через день-два я буду в порядке, Ненад.

— Понимаю, пап. Все пройдет. Мы заживем хорошо. Мы так отлично ладим друг с другом.

— С тобой легко находить общий язык, Ненад.

Уставившись в потолок, я долго лежал на кровати Лидии. Ненад, читая в своей комнате, передвигался по ней так тихо, что я едва мог слышать его шаги через открытую дверь. Перед глазами пробегали образы из детства вперемешку с беседами «Интенсива», лицами его участников и воспоминаниями о своих просветлениях после трудных моментов. Эти картинки неоднократно возвращались обратно ко мне, слегка меняясь в деталях. Они неотступно заполняли мою голову, словно хотели передать какое-то послание, и каждое новое возвращение этой киноленты сопровождалось более сильным и сконцентрированным зарядом в теле. Только полностью обезвоженная пустота может вызвать такие муки, думал я. Люди напиваются, играют в азартные игры, ненавидят или мстят, чтобы как-то расшевелить пустоту, давление которой невыносимо. Поиски Стояна были бессмысленными и не принесли бы особого облегчения. Он был настоящим другом, но, как компас, указывал лишь в одну сторону. Он продолжил бы с того момента, где в прошлый раз остановился, — что я зашел слишком далеко со своей пустой дорогой, и что все происходящее вокруг было следствием таких ошибок. «Я предупреждал тебя, — мог я слышать его слова, — что можно было предвидеть такое развитие событий.

Никогда не поздно совершить правильные вещи, сесть за науку, журналы, периодические издания...»

Я неохотно должен был признать, что именно такой образ жизни приносил ему удовлетворение. Его жизненный путь был похож на серию набросков: лучший студент, ассистент профессора, затем профессор... Он поглядывал на членство в Академии наук, и от одной только мысли, что его примут туда, ерзал в кресле. Окружающие высоко отзывались о нем, хоть и не многие любили его так, как я, несмотря на его честность, уравновешенность и тактичность в отношениях с другими. Получив докторскую степень или достигнув чего-то еще, он не остался бы сидеть один в кресле, чтобы созерцать человеческую неблагодарность.

Мысль о том, чтобы позвонить Младену, исчезла в тот же миг, как появилась. Теперь от него нельзя было добиться поддержки, он, скорее всего, днями не просыхал. Наверное, он чувствовал свою причастность к этому несчастному событию. Ему, пожалуй, сочувствие было куда нужнее, чем мне.

Питер Пэрриот витал в своем мире фантазий, разговаривая с космическим Разумом. Он воспринял бы подобные события как очередной этап моего процесса взросления. У него не было ни жены, ни детей. Кажется, никто из тех, кого я считал Учителем или Мастером, не сталкивался с такой ситуацией. По окончании тренинга по АСТ три сотни человек ринулись пожимать руку Акерману. Окружающие либо завидовали, либо высоко ценили Алхимика. Ученики Йогендры лили слезы лишь при произнесении его имени, воздавая ему должные почести за все то, что он для них сделал...

Но где мог найти поддержку я? Моя жизнь состояла из рассказов, а не из реальных событий. Я плакал во время всех значимых переживаний, как какая-то истеричная женщина. Матери, осыпающей любовью и заботой, больше не было. Единственная женщина, которую я любил, сейчас заботливо убирает волосы с костюма другого мужчины. Я увидел мысленную картинку того, как рука Лидии тянется к отвороту Синиши, и меня прямо в грудь снова проколола раскаленная игла. Мне хватило одного дня, чтобы ее полюбить, думал я, но понадобится вся оставшаяся жизнь, чтобы забыть. Может быть, я проживу достаточно долго, чтобы стереть ее из моей памяти. Скорее всего,

я умру от этих попыток — такие мысли и образы всплывали в процессе перепроживания событий последних дней и часов, и конца тому не было видно.

Мне нужно было освежиться. Я закрыл за собой дверь и аккуратно повернул ключ в замке. Я хотел совершить быструю и долгую прогулку, но, измотанному вконец, мне не удалось этого сделать. После первых же двух шагов я остановился и едва мог оторвать ноги от земли. Образы и мысли все так же неуклонно появлялись в моей голове, но теперь уже значительно медленнее. Я мог проследить за их созданием и развитием, мгновением колебания, в какую сторону им повернуть, и, наконец, исчезновением. Пустота по-прежнему отягощала мое сознание, появлялись какие-то отдельные мысли, и я ощущал сильное тепло в теле, ползущее от спины к голове. Когда я дошел до моста на реке Сава, ведущего к Новому Белграду, начался дождь. Наконец-то со мной что-то реально происходило — я становился мокрым от падающего на меня дождя. Это дало мне повод подумать — вернуться мне или гулять дальше. С западной части Земуна сверкнула молния, и прогремел гром. Перейдя мост, я медленно побрел вдоль реки, пока не дошел до того места, где она сливалась с Дунаем. Рядом с берегом плавали пластиковые пакеты, старые газеты и ветки деревьев. По ту стороны реки, под Калемегданским холмом, я разглядел валы из полуразвалившихся сырых кирпичей. Именно на том месте я сидел в день, когда намеревался признаться Стевиче, что не являюсь его отцом. С тех пор прошло тринадцать или четырнадцать лет, и, тем не менее, казалось, что это было только вчера. Тогда меня терзала депрессия, но по сравнению с тем, что я чувствовал сейчас, она представляла собой какую-то детскую хандру. Прогремел сильный гром. Гроза была одной из тех редких вещей, которые всегда заставляли меня нервничать, но теперь мне на нее было наплевать. Молния, ее удары, чья-то смерть, чье-то рождение — бесконечная карусель, которая ждет лишь секунду, чтобы одному дать слезть, а другому — на нее забраться. Во время моей медленной прогулки я начал потихоньку отделяться от тела, но и этот феномен казался мне в данный момент незначительным. Я видел свое тело под углом сверху. Оно было похоже на бессознательный манекен. Судьба высушила его, оно было полым — тонущий корабль покинула команда.

И в этот момент над устьем реки разорвались небеса, и на Военный Остров пролился золотой свет, несмотря на то, что там, где я стоял, все еще лил дождь. В трещине между темными тучами я увидел рыхлые слои белых облаков, а над ними — бледно-голубое небо. В этом смешении цветов и тучевых масс, раскачивающихся под яростью ветра, показался образ беловолосого розовощекого старика. Он смеялся и смотрел прямо на меня. Я с трудом поднял голову, чтобы разглядеть этот необычный образ, который менял выражение лица в зависимости от движения туч. Это наверняка должен был быть Спирилен. Он выглядел точно так же, как тогда, на луку в Виолин До и в сарае бабушки.

«Что же происходит со мной, — подумал я, — это галлюцинации, и я схожу с ума, что же еще?» Этот образ казался мне слишком реальным, и я обернулся, чтобы посмотреть, не было ли кого-нибудь поблизости, кто бы тоже заметил эту необыкновенную форму облаков. Под проливным дождем никого, кроме меня, не оказалось.

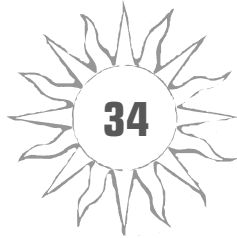
Появление лица Спирилена не принесло мне облегчения, на которое я на мгновение понадеялся. Теперь в его образе я больше не видел никакого смысла. Кроме того, я подумал, что, возможно, не так понял его указания и попусту потратил свою жизнь. Я посмотрел на другую сторону Савы. Стоит ли мне дойти до того места, где я уснул тем днем, в который отправлялся навестить Стевичу? Но вода наливалась мне в ботинки, и ощущение того, что там мне станет лучше, испарилось.

Бессмысленно отправляться в места, которые когда-то были значимыми для тебя. Такое случается лишь в сказках, а здесь — суровая, пустая жизнь. Я медленно шел дальше, в то время как дождь лил все сильнее и сильнее. В голове промелькнули мысли о болезни и смерти. Я увидел отрывки образов собственных похорон: плачущие лица участников «Интенсива», собравшихся вокруг свежeverытой могилы, членов семьи и друзей. Там была и мать, живая, с заплаканными глазами и трясующимися ногами, склонившаяся над Лидией и отцом, на лицах которых было страдание и отчаяние. Все было безнадежно. Вызывающие когда-то острые чувства образы, в которые я мог погружаться часами, больше не оказывали на меня никакого воздействия.

Куда идти и на что надеяться? Я не смог найти никакого смысла в советах моих друзей и доброжелателей писать книги,

полные сносок, которые никто не читает. Социальная жизнь — колесо, в котором бегают двуногие крысы, и где-то перед ними сверкают мысли об успехе и справедливости. Не было никакой разницы между революцией или контрреволюцией, идеологией, творческим движением или философией, борьбой за женские права, гомосексуалистами или национальными меньшинствами. Были простые бесконечные повороты колеса, при которых от первоначальных целей либо отказывались, либо их искажали. Ни одна великая идея, восхищавшая людей, не задерживалась во времени. Чем бы я мог вообще заняться на этой планете с заброшенной землей и колючими рощами безнадежности? Ни в одном христианском Писании Иисус не смеялся и не улыбался. Он знал, что этот мир — поле битвы тьмы, обиды и космической неудачи.

Я тихонько вошел в квартиру, снял промокшие ботинки и положил их под вешалку, на который уже не было одежды Лидии. Тихо прошел в носках по паркету и ковру, оставляя на них мокрые следы. В комнате снял промокшую одежду и бросил ее на пол. Из шкафа, пропитанного запахом лаванды, достал чистое толстое хлопковое полотенце и начал небрежно и лениво вытирать им себя. Потом сел на край кровати. Мне нужно было что-то с собой делать, найти новую цель, сфокусироваться на ней и начать в жизни новый раунд. Голова отяжелела, мысли стали бессвязными, сменяя друг друга, они медленно проплывали перед глазами. Настоящее время, жизнь... все это было простой нагой пустотой. Возникал лишь один философский вопрос, стоит ли убивать себя или нет? Альбер Камю, Кьеркегор... кто бы это ни был, говоря такое, должен был находиться в таком же состоянии. Я надел чистое белье, и запах лаванды наполнил меня печалью о простой семейной жизни. Больше не будет такого утра на теплой кухне, где, сидя за столом у окна, за которым идет снег, Ненад задает бесконечные вопросы, а Лидия рассказывает про свои тревоги.

Я надел майку наизнанку, но у меня не было сил снять ее, вывернуть в обратную сторону и снова надеть. Мои истории о величайшей значимости духовного развития, Великих Учителях, Пути, по которому я шел, невзирая на болезненные кармические уроки... были бессмысленны, я сводил людей с ума. Я не присутствовал на похоронах собственной матери! Нужно быть круглым глупцом, чтобы так себя вести. Сколько раз я

нетерпеливо прерывал ее, когда она пыталась сказать мне что-то для нее важное? Теперь ее тело разлагалось, было опухшим и бесформенным, а сама она была где-то в другом месте, просыпающаяся от неясного сна и пытавшаяся осознать свой путь. Помнила ли она о состоянии бардо, о котором я упоминал в разговорах с друзьями и Лидией. Если бы я был там, когда она умерла, я бы прочитал ей «Тибетскую Книгу Мертвых», провел ее по бардо и помог бы ей справиться со страхом и чувством потерянности. Там она чувствовала себя испуганным ребенком, нуждающимся в защите. Но в тот важный момент я представлял перед наивными людьми в кресле Мастера. Они думали, что смотрели на того, кто преодолел все человеческие страдания и глядел на смерть с надменной улыбкой.

— Пап, с тобой все в порядке? — Стоя у двери, Ненад смотрел на меня, немного по-птичь поворачив голову набок. Его глаза были широко открыты, словно он пытался что-то найти в темноте. Я молчаливо кивнул головой. Он тихонько подошел ко мне и сказал: — Папочка, дорогой, я вижу, как ты несчастлив.

— Это сильнее меня. Я бы не хотел, чтобы ты меня видел таким, но, кажется, так должно быть.

Он подошел ко мне и умоляющим голосом сказал:

— Нет. Из-за меня. Мне тяжело видеть, как ты страдаешь, мне становится страшно. Сделай это ради моей любви. Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю.

Я начал задыхаться. Смертоносная рука душегуба сильно схватила меня за шею. Горячий пар в животе сжался до пузыря... мембрана вокруг пузыря разорвалась, и по телу пронесся жар, захватив мое дыхание. Я сжал глаза, чтобы не смотреть на лицо маленького человечка, переполненного беззаветным состраданием и любовью. Я не мог вынести сказанных им слов. Я хотел попросить его оставить меня наедине, но мой искаженный рот лишь всхлипывал. В моем сознании пробежала странная мысль о том, что огромную любовь выносить куда сложнее, чем огромную вражду.

По позвоночнику пробежала сильная дрожь, и на лице, шее и спине выступил холодный пот. Окружающие вещи начали постепенно исчезать, а контуры объектов осыпаться, пропадая из виду. Мои глаза скосились под закрытыми веками, пытаюсь увидеть друг друга, их мышцы стали жесткими и причиняли

боль, а веки дрожали от сильного напряжения. Я попытался расслабиться, но тело меня не слушалось. Кожа на лбу сжалась так, что, казалось — вот-вот, и она лопнет. Затем глаза увидели друг друга, а я увидел их как одно целое. Зрачки растянулись по всей радужной оболочке, и от знакомых маленьких пятнышек не осталось и следа. Своими глазами я увидел темные стеклянные тельца собственных глазных яблок, от которых исходили тепло и дрожь. Пока я пытался увидеть самую нижнюю точку глазных яблок, из их глубины появились маленькие искорки света. Свет начал приближаться ко мне все быстрее и быстрее, расширяясь и увеличиваясь, мерцая все сильнее, и, пока я задавался вопросом, откуда он мог взяться, меня ослепила сила этого света, за которым последовало ощущение счастья. В тот же момент я оказался посередине сотни светящихся солнц. Они приближались группами, увеличиваясь и соединяясь с бесконечным океаном света.

Я был светом, и Земля под ногами была размером с детский кулак. С демонической силой я почувствовал зарождение желания расширяться, проникнуть в недра космоса, во все существующие миры, стать аморфным и вечным. Я расширялся все дальше и дальше... Процессу не было конца, было бессмысленно спрашивать, где это и почему. Мое зрение обострилось, став необычайно зорким. Я наблюдал за движением планет вокруг каждого из многочисленных солнц, и интуиция, ставшая необычайно сильной, превращалась в силу яснознания. Я знал, что прошлое не закончилось, и что оно длится вечно, что все прошлые и будущие события навсегда слились во мне воедино. Первая пролитая из глаз слеза все еще катилась по сморщенной в плаче щеке; первый умерший человек все еще умирал, но его предсмертный хрип сливался с криком, исторгаемым им же в роли новорожденного. Был постоянный рассвет, зенит и закат солнца. Я мог идти куда угодно, вглядываться в глубины любых параллельных миров, и передо мной, всегда и всюду, открывалась Истина. Меня охватил неземной трепет.

Была лишь одна тайна. Она существовала вне прошлого и будущего, она существовала в точке их слияния. Испуганный, я чувствовал, что момент сорвать ее печать настал. Мне стало так страшно, что в этом процессе расширения своего осознания на секунду засомневался... и свет замерцал, начал было угасать, но

лишь на секунду, и затем я снова продолжил свое бескрайнее расширение. Настало время приоткрыть завесу тайны. Я мог приоткрыть ее где угодно, поскольку тайне было негде прятаться, ведь, куда бы я ни шел, я всегда натыкался на нее. Затем я поиграл этим состоянием еще чуть-чуть и с волнением наслаждался коротким всесилием выбора. Я выбрал одну крохотную планету в углу вселенной, и в этот же самый момент она предстала передо мной во всей своей красоте. Это была планета золотых людей, жгущая и сверкающая чистым золотым цветом. Я знал о ней все. Реки всех цветов радуги неизменно двигались здесь по кругу, перетекая в истоки, время начинало свой конец, а мысли воплощались в момент их формирования. Кожа и волосы людей отливали золотом, а их голоса были приятны. Они находились в этом месте испокон веков.

Затем что-то вспыхнуло во мне. Среди множества золотых людей я увидел спину одного Существа. Оно пыталось запомнить меня навсегда. Он был и мужчиной, и женщиной, и ребенком одновременно. Я направил силы своей пронизательности в его сторону, но ничего не обнаружил. От того, что я фокусировался на нем, Существо не становилось мне яснее и ближе, как я этого ожидал. Оно вызывало страх, от которого тряслась вся золотая планета.

Я изо всех сил хотел разглядеть его лицо, но Существо не шевелилось. Паря, я начал приближаться к нему сзади, сгорая от желания проникнуть в него, я мог бы зависнуть прямо в его теле. Я оказался так близко, что мог бы коснуться его затылка или упругой кожи на спине. Задержав дыхание и застыв от страха, я все так же внимательно смотрел на него. От его волос исходил сияющий золотой свет, который ослеплял. Под гладкой упругой кожей я разглядел веретенообразные мышцы шеи и спины. Он стоял неподвижно, всю эту вечность, пытаясь все сильнее и сильнее вспомнить меня. Внезапно все покрыл взрыв тишины, голоса радостных золотых детишек смолкли, и реки всех цветов радуги перестали течь. Меня посетило новое осознание — ЭТО сейчас случится. Я оцепенел в благоговении перед приближающейся тайной. Не нужно было шевелить ни пальцем, ни губами, не нужно было листать мысли. Все было предрешено с незапамятных времен. Я все это время знал золотокожего. Золотые волосы и шея, спина, близко посажен-

ные уши, мысли, заостряющиеся в разуме, — я знал обо всем этом на протяжении бесконечно долгого периода времени — и я любил его, как себя. Я освободил себя, не сопротивляясь ничему. Золотокожий все сильнее и сильнее пытался вытащить меня из своего забвения. Я чувствовал, как появляюсь, расту и расширяюсь в его сознании...

И он повернулся, медленно, очень медленно.

Теперь передо мной была лишь бесконечная пустота.

Научно-популярное издание

Славинский Живорад

ЗАРЯ АЙВАЗА

Путь к осознанности

Подписано в печать 21.03.2011.

Формат 60×88¹/₁₆. Печ. л. 35. Тираж 1500 экз. Заказ №

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953130 — литература по философским наукам, социологии, психологии.

Издательская группа «Весь»

197101, Санкт-Петербург, а/я 518.

E-mail: info@vesbook.ru

Посетите наш сайт: <http://www.vesbook.ru>

Вы можете заказать наши книги:

в России («Книга — почтой») по адресу издательства:

197101, Санкт-Петербург, а/я 518,

или на сайтах www.vesbook.ru, <http://точка24.рф>

в Германии

+ 49 (0) 721 183 1212.

+ 49 (0) 721 183 1213.

atlant.book@t-online.de

www.atlant-shop.com

в Белоруссии

+10 (37517) 242 0752.

+10 (37517) 238 3852.

в Украине

магазин EZOP.UA

+38(044)5782454

www.ezop.ua

Отпечатано в ОАО «ИПК „Ульяновский Дом печати“»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14.

«Первый путь — путь факира. Это долгий, трудный и ненадежный путь. Факир работает над физическим телом, над преодолением физического страдания.

Второй путь — это путь монаха. Этот путь короче, надежнее и яснее определен. Он требует некоторых условий, но больше всего он требует веры, ибо если нет веры, то человек не может быть истинным монахом.

Третий путь — это путь йога, путь знания и сознательности.

Но есть и Четвертый путь — совершенно особый путь, не являющийся комбинацией трех других. Он отличается от них прежде всего тем, что в нем нет никакого внешнего отказа от вещей, поскольку вся работа внутренняя. Человек должен начинать работу в тех условиях, в которых находится, ибо эти условия и есть для него наилучшие. То есть поначалу человек продолжает жить той же жизнью, что и прежде, в тех же условиях, что и прежде. Во многих отношениях этот путь оказывается более трудным, чем другие, потому что нет ничего тяжелее, чем изменить себя внутри без изменения внешнего».

Петр Демьянович Успенский «Четвертый путь»

В СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ:

Успенский П. Д. Странная жизнь Ивана Осокина

Успенский П. Д. Четвертый путь

Успенский П. Д. Символика Таро. Философия оккультизма в рисунках и числах

Лахман Г. В поисках П. Д. Успенского. Гений в тени Гурджиева

Веселов М. Четвертый путь для «чайников», или как стать Аватаром

Коллин Р. Теория небесных влияний

Успенский П. Д. Психология возможностей человека

Коллин Р. Теория вечной жизни

Коллин Р. Теория сознательных гармоний

Бертон Р. Самовоспоминание

Все книги издательства можно заказать по телефонам Интернет-магазинов:

8 800 100 05 56 (*Ozon.ru*) 8 800 555 08 63 (*Labirint.ru*)

8 800 333 07 082 (*Read.ru*)

ДЛЯ РЕГИОНОВ ЗВОНКИ БЕСПЛАТНЫЕ!

В СЕРИИ
«Путь Духа»

ВЫХОДЯТ КНИГИ
ДЭВИДА ХОКИНСА

Открытие Божественного присутствия. Путь Духа

Сила vs Насилие. Скрытые мотивы человеческих поступков

Истина vs Ложь: в чем разница

Глаз «Я», от которого ничего не скрыто. О природе сознания

«Я»: реальность и субъективность

Все книги издательства можно заказать
по телефонам Интернет-магазинов:
8 800 100 05 56 (*Ozon.ru*)
8 800 555 08 63 (*Labirint.ru*)
8 800 333 07 082 (*Read.ru*)
ДЛЯ РЕГИОНОВ ЗВОНОК БЕСПЛАТНЫЕ!